

Даниэль ДЕФО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО

Полный русский перевод
обеих частей без сокращений

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Даниэль Дефо

ДАНИЭЛЬ ДЕФО

**ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
РОБИНЗОНА КРУЗО,**

**МОРЯКА ИЗ ЙОРКА,
ПРОЖИВШЕГО ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ В ПОЛНОМ
ОДИНОЧЕСТВЕ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ
У БЕРЕГОВ АМЕРИКИ БЛИЗ УСТЬЕВ РЕКИ ОРИНОКО,
КУДА ОН БЫЛ ВЫБРОШЕН КОРАБЛЕКРУШЕНИЕМ,
ВО ВРЕМЯ КОТОРОГО ВЕСЬ ЭКИПАЖ КОРАБЛЯ
КРОМЕ НЕГО ПОГИБ; С ИЗЛОЖЕНИЕМ ЕГО
НЕОЖИДАННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПИРАТАМИ,
НАПИСАННЫЕ ИМ САМИМ**

**ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО,
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВТОРУЮ И ПОСЛЕДнюю ЧАСТЬ ЕГО
ЖИЗНИ, И ЗАХВАТЫВАЮЩЕЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЕГО
ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ТРЕМ ЧАСТЯМ СВЕТА,
НАПИСАННЫЕ ИМ САМИМ**

**Иллюстрации
Уолтера Пейджета**

**ПЕРЕВОД
А. А. Мурахиной-Аксеновой**

Санкт-Петербург
СЗКЭО

Москва
ОНИКС-ЛИТ

УДК 821.111
ББК 84(0)5
Д39

Верстка, обработка иллюстраций
дизайн обложки
М. Судакова

Д39 **Дефо Даниэль**, Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо — Санкт-Петербург. СЗКЭО, 2019, — 416 с.: ил.

В данном издании текст всемирно знаменитого романа Даниэля Дефо «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо» в переводе Л. А. Мурахиной-Аксеновой приведен полностью, без сокращений, которые долгое время заставляли воспринимать первую часть этой дилогии исключительно как детскую книгу. Вторая часть романа практически незнакома отечественному читателю. В оформлении данного издания использованы рисунки талантливого английского иллюстратора и графика Уолтера Стенли Пейджета.

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Робинзон Крузо, два века пользующийся такой широкой популярностью у всех культурных народов, появился на свет 25-го апреля 1719 года. Книга эта была первым романом Даниэля Дефо, английского публициста, а в молодости коммерсанта и заводчика, несмотря на то, что ее автору исполнилось тогда уже шестьдесят лет. Принимаясь за Робинзона Дефо и не помышляя написать произведение мирового значения, которое удержится в европейской — и не только европейской — литературе на несколько столетий, наряду с немногими шедеврами. Задача его была гораздо более скромная. Он хотел дать английским, преимущественно лондонским купцам, лавочникам, подмастерьям и иному мелкому люду занимательное чтение. Вкусы этой публики он успел хорошо изучить за свою долгую деятельную жизнь и в личном общении с нею во время своих многочисленных поездок по Англии в качестве коммерсанта и политического агента, и как публицист, издатель (с 1704 года) газеты «Обозрение» («Review»), чутко прислушивавшийся к настроениям своих читателей. То была эпоха зарождения английской колониальной империи, и представители окрепшего после кромвелевской революции третьего сословия жадно поглощали описания заморских путешествий, заманчиво изображавших неведомые страны. Но молодого английского буржуа, прошедшего суровую практическую школу пуританизма и искавшего применения своей энергии, прельщал не вымысел, не фантастические похождения идеальных героев, а подлинные приключения заурядных людей, которые для него самого могли бы послужить назиданием. Вот почему наибольшим спросом пользовался тот тип книг, который можно было бы назвать путевыми записками. Дефо понимал, что для успеха задуманных им вымышленных путешествий нужно обмануть публику, издать их не от своего имени, достаточно известного в Лондоне и большим уважением не пользовавшегося, а от имени лица, которое могло бы их действительно совершить. Непосредственным толчком послужило, вероятно, появившееся в 1718-м году второе издание знаменитого Путешествия вокруг света от 1708 до 1711 г. капитана Вудса Роджерса, в котором, среди прочих эпизодов, содержался рассказ о том, как Александр Селькирк прожил в одиночестве четыре года и четыре месяца на необитаемом острове. Этот Селькирк, шотландец по происхождению, существовал в действительности и был одно время моряком. После ссоры с капитаном корабля, на котором Селькирк совершал плавание, он был выса-

¹ В качестве предисловия использована статья А. Франковского «От редактора (К переводу "Робинзона Крузо")» из книги Даниэль Дефо. Робинзон Крузо. М.-Л.: Издательство «ACADEMIA», 1935. (Прим. ред.).

жен на безлюдный остров Тихого океана, Хуан Фурнандес, у берегов Чили. Спустя четыре года и четыре месяца, он был подобран мореплавателем Вудсом Роджерсом в довольно жалком виде: одетый в козьи шкуры, он по внешности походил на зверя и настолько одичал, что почти разучился говорить. По возвращении в Англию, Селькирк возбудил живой интерес среди лондонцев; его посетил знаменитый публицист, Ричард Стил, изложивший свои впечатления в журнале «Англичанин». Существует предание, впрочем, не очень достоверное, что его видел также Даниэль Дефо. Но в ту пору — в 1712 году — автор Робинзона был поглощен другими делами и не мог уделить много внимания отшельнику с Хуан Фернандеса. Чтобы избежать обвинения в плагиате, Дефо отнес приключение Робинзона к более раннему времени (в 1659 до 1687 г., тогда как Селькирк пробыл на Хуан Фернандесе с 1704 до 1709 года) и поместил необитаемый остров близ устьев реки Ориноко, тогда мало исследованных. Эта часть побережья Южной Америки давно привлекала внимание Дефо, проявлявшего большой интерес к английской колониальной политике. Еще Вильгельму Оранскому он советовал прогнать из Гвианы испанцев и захватить в свои руки золотые россыпи. Правда, Дефо наделил остров Робинзона флорой, фауной и топографией Хуана Фернандеса — на самом деле острова близ устьев Ориноко низменные и болотистые, — но эти частности тогда невозможно было проверить. Предосторожности Дефо излишни: для обвинения его в плагиате у нас так же мало оснований, как для обвинения в плагиате греческих трагиков, Расина и Шекспира.

Итак, Дефо написал искусную подделку записок о заморском путешествии, воспользовавшись в качестве сюжета рассказом о пребывании на пустынном острове шотландского моряка (нужно заметить, впрочем, что это был не единственный известный Дефо случай «робинзонады»: лет за двадцать до Селькирка на том же Хуан Фернандесе провел в одиночестве три года один индеец, подобранный мореплавателем Демпиером). Успех Робинзона превзошел всякие ожидания. Первое издание было раскуплено в несколько дней; 12-го мая появилось второе издание, а 6-го июня — третье. Успех этот не был преходящим. Интерес к Робинзону не ослабевал и в последующие годы; о нем свидетельствуют многочисленные переделки и «пиратские» издания. Если даже допустить, что первоначальный успех объяснялся обманом публики, то чем объяснить устойчивость этого успеха и после того как обман был разоблачен? Ссылка на занимательность романа недостаточна. Робинзон не отличается большой занимательностью; очевидно, произведение Даниэля Дефо отвечало какой-то глубокой общественной потребности. Как уже сказано выше, английская публика предпочитала вымыслу и фантастике описание подлинных путешествий; она инстинктивно тянулась к реализму. Но реализм бывает двоякий: реализм поверхностный, протокольная запись событий, и реализм глубокий, раскрывающий самое существо вещей. Если первый реализм требует, чтобы описываемое событие действительно произошло в определенное время и в определенном месте, и потому гонится за «мемуарностью» описаний, то подлинный реализм совсем не нуждается в такой протокольности. Он вскрывает типичное, постоянно присущее данному кругу явление, и человек, усмотревший это типичное, почувствовавший и переживший его, всегда сумеет — если он художник — так воплотить его в образах, что у читателя — у зрителя или у слушателя — неизбежно возникает впечатление конкретности. Величие Дефо в том, что, неожиданно для самого себя, он оказался творцом английского реалистического романа, создателем нового литературного жанра, так пышно

ПРЕДИСЛОВИЕ

расцветшего в течение XVIII и XIX веков. Жанр это называется по-английски *novel* в отличие от *roman* — фантастического романа, существовавшего задолго до Дефо и переставшего удовлетворять потребностям читателей.

Героем реалистического романа является современный человек, его мировоззрение и чувства, его радости и горе, его комедия или трагедия. В отличие от рассказа или повести, роман изображает не отдельный эпизод, а целую эпоху жизни, иногда целую жизнь, или трагическую катастрофу, обнажающую и раскрывающую то, что нарастало и зрело долгие годы; отсюда значительность этого литературного жанра. Новейший исследователь жизни и творчества Даниэля Дефо, Поль Дотен ¹, полагающий, что реалистический роман должен удовлетворять четырем условиям: обладать 1) правдоподобием, 2) наглядностью описаний, 3) значительностью сюжета, 4) непринужденно-естественным стилем ² — находит, что в Робинзоне Крузо соблюдены все четыре перечисленные условия.

Правдоподобие достигается в Робинзоне отождествлением героя с автором; если бы Дефо был на месте Робинзона, он действовал бы так же, как его герой. Дефо наделяет Робинзона всеми своими взглядами, убеждениями, верованиями, чувствами, предрассудками ³. Робинзон-коммерсант: как он доволен, когда ему удастся выгодно продать спасшему его португальскому капитану шкуры льва и леопарда, которые ему ничего не стоили; какую удачную ведет он торговлю в Бенгальском заливе, в Китае и в Сибири. Робинзон-пуританин: на острове он не расстается с Библией, которая служит ему оракулом во всех затруднительных положениях, он верит в предопределение, в дьявола, ненавидит папистов и инквизицию, сильно склонен к фарисейству. Робинзон трезв: он не питает иллюзий насчет людской порядочности: по ночам он тщательно запирается от преданного ему Пятницы. Робинзон спокоен и уравновешен: полное отсутствие сентиментальности; никаких слепых увлечений, никакой безрассудной привязанности или любви (он хладнокровно продает в рабство преданного ему мальчика Ксури; оставляет в Пиринеях на произвол судьбы раненого проводника; уезжает с острова, не дождавшись возвращения испанцев, любит животных, так сказать, гастрономической любовью, поскольку мясо их пригодно ему в пищу). Робинзон-собственник: он убежден, что остров и все, что на нем, по праву безраздельно принадлежит ему. Робинзон любит управлять и чувствовать себя господином (Пятница, колонисты, животные). Из хозяина-собственника он легко превращается в офицера (сражение с индейцами; отовоевание корабля от взбунтовавшихся матросов). Но главное качество Робинзона — воля, упорство: «Я редко бросал работу, не доведя ее до конца». У Робинзона мертвая хватка бульдога. Робинзон трудолюбив; особенный вкус он питает к разным видам ручного труда. Припадки уныния у него очень кратковременны. Наивысшую радость Робинзон испытывает, когда усилия его увенчиваются успехом. В общем,

¹ *Paul Dottin. Daniel De Foe et sea romans* — три тома. Paris, 1924.

² Т. II, стр. 456–456. Можно отрицать достаточность этих признаков, но нельзя не признать их необходимости (за исключением последнего, довольно расплывчатого).

³ В предисловии к третьему тому Робинзона — «Серьезным размышлениям» — Дефо утверждает, — вымысел его произведения тогда был разоблачен, — что жизнь Робинзона есть аллегорическое изображение жизни его автора.

перед нами типичная фигура англичанина с его достоинствами и недостатками, каким был — или хотел бы быть — сам Даниэль Дефо. Немуद्रено, что английским читателям Робинзон показался таким правдивым и таким знакомым. Остается он таким и теперь, ибо Дефо сумел подметить и изобразить самые устойчивые черты английского характера, не претерпевшие с тех пор существенных изменений, даже напротив — во второй половине XIX века, в так называемую викторианскую эпоху или эпоху нео-пуританизма, проявившиеся с особенной выпуклостью.

Наглядность описаний, реализм обстановки обусловлены в Робинзоне умением Дефо схватывать живые подробности, за которыми чувствуется острый глаз репортера (Робинзон заключает о гибели своих товарищей по выброшенным на берег трем шляпам, одной фуражке и двум непарным башмакам; он не ручается за точную передачу географических названий в Китае и Сибири, так как при переправе через одну речку он упал в воду, и его записная книжка подмокла); подробными перечнями («на обломках испанского корабля я нашел полторы дюжины носовых платков»; подарки, которые ему делает капитан освобожденного английского корабля; его подарки компаньону по плантации; результаты битвы с индейцами и т. д., и т. д.); точными подсчетами барышей (доходы от бразильской плантации; сумма, вырученная в Гамбурге за продажу приобретенных в Китае и Сибири товаров и т. д.). Впечатление реальности достигается также несвязанностью рассказа, эпизодическим появлением многих действующих лиц, откровенным признанием в неудачах.

Значительность Робинзона проистекает от бодрого оптимизма, от веры в продуктивность упорного, методического человеческого труда. Самой драгоценной находкой Робинзона на обломках английского корабля является ящик с плотницкими инструментами. Никакое богатство, никакие удовольствия не могут дать человеку такого удовлетворения и радости, как успех предприятия, потребовавшего от нас много усилий. Неудача, несчастье преходящи; к тому же, они содействуют нашему нравственному улучшению. Следует также отметить принципы терпимости и свободы, которыми руководствуется Робинзон ¹; ненависть к войне, важность солидарности, разделения труда и т. д. Редко в какой книге можно найти такое богатство положительных идей.

Наконец, общее впечатление естественности и жизненности достигается стилем книги, стилем не пишущего, а рассказывающего человека. Речь льется свободно, фразы растут по мере того, как в голову приходят новые мысли; нередко синтаксические неправильности, много повторений, — один исследователь насчитал их не менее ста пятидесяти в первом томе; — они отчасти объясняются спешкой Дефо, о которой будет сказано ниже. Наконец изрядное количество противоречий и нелепостей.

При всей этой беспорядочности роман не лишен композиции; к наиболее важным моментам Дефо подготавливает исподволь. Некоторые эффекты им тщательно и обдуманно разработаны, особенно появление человеческого следа на острове после многих лет одинокой жизни Робинзона. Следует отметить также у Дефо мастерский

¹ Реальные английские колонизаторы не отличались этими качествами. См. описание расправы английского экипажа с туземцами на о. Мадагаскаре во второй части Робинзона, а также Свифт, Путешествия Гулливера. Лгр. 1928. Изд. «Academia», стр. 628.

ПРЕДИСЛОВИЕ

анализ страха и радости и описание их внешних проявлений (страхи, овладевающие Робинзоном после того, как он заметил отпечаток ноги на песке; во второй части романа страх английских и голландских кораблей, принимающих за пирата судно, на котором едет Робинзон; радость Пятницы при встрече с отцом; радость французов, спасенных с горящего корабля и т. д.). Этими описаниями Дефо стремится также к мелодраматическому эффекту, всегда нравящемуся широкой публике.

Таков Робинзон Даниэля Дефо. Заканчивая описание приключений своего героя, Дефо, в предвидении успеха, наметил на последних страницах план второго тома. Тогда принято было давать продолжение ходких книг. Головокружительный успех Робинзона побудил и издателя всячески торопить Дефо со вторым томом. Через несколько месяцев, в августе, этот том действительно вышел под заглавием «Дальнейшие приключения Робинзона». Робинзон обзаводится семьей в Англии, вдовствует, возвращается на остров, выслушивает рассказ о событиях, происшедших в его отсутствие, устраивает колонию, наделяет ее необходимыми орудиями, покидает остров и длинным окружным путем — через Бразилию, Мадагаскар, Индию, Китай и Сибирь — возвращается в Англию. Хотя история этих новых приключений Робинзона занимательна, она не может, однако, по своему значению, сравниться с первой частью. Характер Робинзона мельчает, его поведение не представляет собою ничего поучительного. Успех этой второй части тоже был очень велик, а во Франции даже превзошел успех первой части, но он не был столь устойчивым. Со второй половины XVIII века и в XIX веке «Дальнейшие приключения Робинзона» переиздаются сравнительно редко. И после выхода второго тома издатель не успокоился и стал требовать третьего. Дефо не мог пустить в новые странствования семидесятилетнего старика, и потому третий том состоит из благочестивых и назидательных размышлений на разные темы: об одиночестве, о честности, о безнравственных разговорах, о современном состоянии религии и т. д.; он так и озаглавлен: «Серьезные размышления Робинзона». Дефо не был философ; его рассуждения, которые он писал по-видимому нехотя, пресны и скучны. Они не имели никакого успеха.

Успех Робинзона был велик не только в Англии и англо-саксонских странах, но и на континенте, во Франции и Германии. Здесь, однако, произведение Дефо было воспринято несколько иначе, чем в Англии. Первоначально его успех был успехом приключенческого романа, поэтому вторая часть пользовалась даже большим спросом, чем первая. Однако, в середине XVIII века интересы публики резко меняются, и внимание к Робинзону возрастает еще в большей степени. Виновником этой перемены был Жан-Жак Руссо. В своем знаменитом Эмиле он впервые раскрывает философский смысл произведения Даниэля Дефо. Руссо, ненавистник цивилизации, считавший, что все пороки идут от нее, по природе же человек прекрасен и добр, не мог не остановить своего внимания на Робинзоне, который на своем острове как бы начинает жизнь сызнова, освобожденный от дурных влияний испорченного человеческого общества. Творец наглядного метода в педагогике, требовавший, чтобы все обучение происходило без книг и носило практический характер, Руссо делает исключение для одного Робинзона: это единственная книга, которую разрешается иметь Эмилу. Руссо интересуется Робинзоном как человеком, собственным умом, на опыте, приходящим к пониманию окружающего и собственными руками устраивающим себе материальное благополучие. По мнению Руссо, жизнь человека наедине с природой лучший способ избавиться от предрассудков, уродливых традиций и составить верное

представление о вещах. Поэтому Руссо считает, что из всего романа нужно оставить лишь приключение на острове, отбросив остальное, как ненужный балласт. Конечно, Робинзон воспринят Руссо своеобразно; он освобожден французским философом от своей англосаксонской природы; Руссо не замечает мещанского практицизма Робинзона, его черствости, его равнодушия к красоте природы, которыми герой Дефо умиляется один только раз, главным образом под влиянием сознания, что вся эта красота — его собственность; Руссо не замечает, что Робинзон несколько не избавился на своем острове от пуританских предрассудков, суеверий и т. д. Но такова сила таланта: после появления Эмиля вся европейская публика стала воспринимать Робинзона глазами женеевского философа.

Под влиянием Руссо появились новые переделки «Робинзона», из которых две имели огромный успех, главным образом как педагогические книги, книги для юношества. Это — «Новый Робинзон» немецкого педагога-филантропа Кампе и «Швейцарский Робинзон» пастора Висса. «Новый Робинзон» Кампе, появившийся в 1779 г., написан в форме диалогов между учителем и учениками. В нем идет речь только о пребывании Робинзона на острове. В отличие от Робинзона Дефо Робинзону Кампе не удастся запастись вещами и инструментами с обломков корабля; он предоставлен всецело собственным рукам и собственной изобретательности. Словом, Кампе развивает мысли Руссо: «Робинзон Крузо на своем острове, одинокий, лишенный помощи себе подобных и каких бы то ни было инструментов, добывающий однако все нужное для существования и создающий себе даже известное благополучие — вот тема, интересная для всякого возраста, и можно тысячей способов сделать ее увлекательной для детей». «Швейцарский Робинзон» изображает семью Робинзонов: Робинзон выбрасывается на пустынный остров с четырьмя сыновьями, непохожими друг на друга по характерам. Недостатком этих Робинзонов по сравнению с Робинзоном Дефо является их отвлеченность и рассудочность; это не живые люди.

Настоящий перевод М. Шишмаревой (первая часть) и З. Журавской (вторая часть) просмотрен по изданию Charles'a Whibley London, Constable Company, 1925, буквально воспроизводящему текст первого издания «Робинзона». В переводе произведены некоторые сокращения, очень небольшие в первой части и более значительные — во второй. Право на эти сокращения дает самый характер работы Дефо. (Прим. ред.: в настоящем издании воспроизводится полный перевод обеих частей Л. А. Мурахиной без сокращений.) Составив план романа и написав затейливое заглавие в духе времени (оно воспроизводится в нашем издании на титульном листе), Дефо явился к лондонскому издателю Тейлору, соблазнил его будущими барышами и сговорился об условиях; согласно этим условиям, книга должна была появиться через два-три месяца и быть определенной длины, именно 360 стр. (16–17 печатных листов). Дефо выполнил эти условия. «Робинзон» был действительно написан в два-три месяца; отсюда длинноты, повторения и беспорядочность о которых было сказано выше. Кроме того, чтобы заполнить 360 страниц, Дефо делает многочисленные отступления, преимущественно в виде богословских рассуждений в пуританском духе; это нравилось тогдашней лондонской публике, но современных читателей можно избавить от утомительных повторений. В еще большей степени это касается второй части.

Вероятно первый полный перевод «Робинзона» (2-х частей) на русский язык принадлежит П. Корсакову; он вышел в С.-Петербурге в 1843 году. Для русского чи-

ПРЕДИСЛОВИЕ

тателя любопытно описание путешествия Робинзона через Сибирь. Дефо, как публицист, коммерсант и политик, интересовался международными отношениями, в частности проявлял большой интерес и к России Петра I. Им написана даже (может быть в сотрудничестве с кем-либо из англичан, побывавших в России) книга, посвященная деятельности Петра: «Беспристрастная история жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя московского». Мы видим, что и в «Робинзоне» Дефо рекомендует Петру прекратить войну с «воинственными шведами» и направить свои силы на завоевание Китая, что, по мнению Дефо, не составит большого труда; как истый англичанин, Дефо относится к Китаю крайне пренебрежительно. Вопросу об источниках Дефо при описании Сибири посвящена статья М. П. Алексеева «Сибирь в романе Дефо», помещенная в «Литературно-краеведческом Сборнике» (Иркутск, 1923.). Отметим одну содержащуюся там неточность. В Тобольске Дефо ведет беседы с ссылкой на русского князем. М. Алексеев полагает, будто Дефо говорит о Головкине и будто бы во французских переводах этот Головкин переименован в Голицына. На самом деле у Дефо в первом издании написано: *here was the famous Prince Galliozen*; едва ли можно прочесть эту фамилию, как Головкин; скорее Голицын.

А. Франковский
22/XII 1928 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**Жизнь и удивительные приключения Робинзона
Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать
восемь лет в полном одиночестве на необитаемом
острове у берегов Америки близ устьев реки
Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением,
во время которого весь экипаж корабля кроме
него погиб; с изложением его неожиданного
освобождения пиратами, написанные им самим.**

ГЛАВА I

Мое происхождение. — Буря в ярмутском рейде. — Путешествие в Гвинею. — Плен. — Побег. — Знакомство с неграми. — Встреча с португальским кораблем. — Бразильская плантация. — Ураган. — Кораблекрушение.

Я родился в 1632 году ¹ в Йорке, в уважаемом семействе, хотя и не английского происхождения. Мой отец, уроженец немецкого города Бремена, основался сначала в Гулле, а затем, разбогатев и бросив торговлю, переселился в Йорк. Здесь он, женившись на моей матери, породнился с Робинсонами, принадлежавшими к самым видным во всей провинции семействам. Благодаря этому союзу, у меня образовалась была двойная фамилия Робинзон-Крейцнер ², но с течением времени эта фамилия была искажена английским произношением и превращена в Крузо. Так меня стали называть товарищи, так же, в конце концов, привык называться и подписываться и сам я.

У меня было два брата: старший, подполковник английского пехотного полка, стоявшего во Фландрии и находившегося под командою знаменитого полковника Локхарта ³ был убит в сражении при Дункерке ⁴ против испанцев. Судьба второго брата мне неизвестна, как и моя собственная осталась тайной для моих родителей.

Он также был английским послом при французском дворе в 1656 году.

Будучи третьим сыном, гораздо более избалованным и предоставленным самому себе, нежели мои братья, я очень рано начал носиться с разными фантастическими

¹ Это означает, что к моменту публикации книги Крузо должно было исполниться 87 лет. Он признается, что находится в добром здравии, и описывает в предисловии к III тому, как он ссорился со своими критиками в 1720 г. В конце этого тома он обещает продолжить работу над своими воспоминаниями.

² В немецком произношении — Кройцнаер; однако окончание — «наер» придавало этой редкой фамилии необычное звучание. Северогерманское «Крузе» гораздо лучше. С другой стороны, Kneitz на немецком — «крест», что породило долгую дискуссию о символическом значении этой фамилии.

³ Уильям Локхарт (1621–1676) во время гражданской войны сражался на стороне Карла I, затем присоединился к Оливеру Кромвелю, на чей племяннице он женился и который назначил его в 1652 году комиссаром по делам правосудия в Шотландии.

⁴ Это сражение, известное также как «битва в Дюнах», произошло в 1658 г. в рамках франко-испанской войны.

идеями. Отец мой мечтал сделать меня адвокатом и сначала учил меня сам, а затем отдал в бесплатное училище ¹. Но я мечтал лишь о том, как бы сделаться моряком. Влечение это было так сильно, что заставляло меня идти наперекор отцу и матери, пренебрегать их мольбами, предостережениями и угрозами; я был глух ко всем их разумным советам и доводам. Очевидно, было что-то роковое в этом неодолимом стремлении к тому, из-за чего мне суждено было впоследствии так жестоко пострадать.

Мой отец, человек добрый и очень умный, должно быть предвидел мою судьбу и часто предостерегал меня против нее, но я пропускал его слова мимо ушей. В одно утро он велел призвать меня в свою комнату, в которой его удерживал сильный ревматизм, и начал в тысячу первый раз увещевать меня относительно моей фантазии сделаться моряком и пуститься путешествовать.

Ведь это, — говорил он, — только предосудительная и пагубная страсть и склонность к жизни искателей приключений толкает тебя покинуть родительский дом и отечество, где ты, при усердии и прилежании, мог бы составить себе хорошую карьеру и совершенно безбедно и спокойно прожить до конца дней своих. Только люди, доведенные чем-нибудь до крайности или страдающие непомерным тщеславием, идут в чужие страны, чтобы искать легкой наживы или же прославиться действиями, выходящими из рамок обыкновенной жизни. Все это для тебя или слишком низко, или слишком высоко. Ты по своему происхождению принадлежишь к среднему сословию, а это сословие, как я понял из долгих наблюдений и сравнений, самое прочное в мире и наиболее благоприятствующее счастливой жизни. Оно не подвержено трудам, заботам, нуждам и страданиям крестьян и не сдается, с другой стороны, тщеславию, честолюбию, завистью и роскошью высших классов. Наше сословие то самое, которому завидуют люди других сословий. Сами короли часто горько жалуются на судьбу, которая заставила их родиться для величия, и желали бы быть именно на той ступени общественной лестницы, которая находится посередине между ее основанием и вершиною. Даже мудрецы прославляют это сословие и умоляют Небо избавить их и от крайней бедности и от крайнего богатства. Заметь хорошенько и проверь потом собственным наблюдением, что житейским бедствиям подвержены, главным образом, высшие и низшие классы общества, между тем как средний почти совсем от них избавлен, именно потому, что он находится в середине; он даже меньше страдает от душевных и телесных недугов, нежели остальные классы, которые или своими пороками, праздною и всякого рода излишествами, или же непомерными трудами, лишениями, вечными заботами и огорчениями навлекают на себя всевозможные болезни и страдания, неизбежные при всяких крайностях. Среднее же сословие больше остальных наслаждается всеми добродетелями и радостями жизни. Умеренность, спокойствие, невинные удовольствия, честный труд и здоровье являются уделом лишь одного нашего сословия. Люди нашего благословенного состояния тихо и мирно совершают свой жизненный путь; они не обременены чересчур тяжелыми умственными или физическими трудами, не поставлены в необходимость продавать себя в рабство ради куска насущного хлеба, не преследуются вечными не-

¹ Эти училища (*Country Free-Schools*) финансировались из благотворительных фондов, программы обучения в них были разными.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

взгодами, нарушающими душевный покой и иссушающими тело, их не гложет червь зависти или честолюбия. Живя при самых лучших условиях, они незаметно проходят по земле свой жизненный путь, наслаждаясь радостями жизни, не отравленными никакой горечью, сознавая свое счастье, и, глядя на других, научаются все более и более дорожить им. Умирают они так же тихо и спокойно, как жили.

Долго говорил отец в этом духе и, наконец, заключил свою речь следующими словами:

— Не бросайся сам в пучину невзгод и бедствий, против которых ты сейчас огражден своим происхождением и условиями, при которых ты воспитывался. Ты избавлен от горькой необходимости идти на поиски себе хлеба между чужими. Я желаю тебе добра и сделаю все от меня зависящее, чтобы дать тебе возможность прожить безбедно и честно. Если тебе не повезет в жизни, и ты будешь чувствовать себя несчастливym, то это будет или твоя собственная вина или тайная, никому не известная воля судьбы; я же буду тут ни при чем, так как я добросовестно исполнил свою обязанность относительно тебя: я дал тебе хорошее воспитание и старался отвлечь от того скользкого пути, на который ты стремишься и который не может привести ни к чему хорошему. Одним словом, если ты останешься здесь, я буду всеми силами способствовать твоему благосостоянию, если же ты будешь упорствовать в своем легкомысленном намерении, я отрекусь от тебя, чтобы ты после не мог упрекнуть меня в том, что я своей излишней податливостью помог твоему несчастью. Вспомни своего старшего брата: разве я мало уговаривал его остаться дома и не прельщаться славой военных доблестей, которые слишком дорого искупаются? Он не послушался моего голоса, последовал своей юношеской фантазии, гнавшей его во Фландрию на поля битв. Там он и окончил свою молодую жизнь, оставив в сердце своих родителей ничем не наполненную пустоту. Неужели ты хочешь следовать его дурному примеру? Я никогда не перестану молиться за тебя, сын мой, но знаю наперед, что Господь не благословит тебя, если и ты тоже не слушаешься моих увещаний и советов, и что тебе впоследствии придется горько раскаиваться в этом.

Отец, быть может, и сам не верил в то, что предсказывал мне, но, тем не менее, он прослезился так, что не мог больше продолжать, а только махнул рукой и отвернулся. Немного спустя он произнес сдавленным голосом:

— Я все сказал, что нужно... Делай теперь, как знаешь!

Горе его искренно тронуло меня. Я в ту минуту готов был последовать его советам и решил остаться с ним и вести тот образ жизни, который он так горячо восхвалял.

Но — увы! Через несколько дней во мне снова взял верх сладкий голос внутреннего соблазнителя, манивший меня вдаль. Не прошло и недели после вышеописанной беседы с отцом, как я, во избежание новых настояний с его стороны, решил уйти потихоньку из дому; я чувствовал себя положительно не в силах следовать по той ровной, проторенной дороге, по которой он предлагал мне идти.

Однако, обдумав свое предприятие, я пришел к заключению, что, действительно, могу погубить себя тем шагом, на который толкало меня мое юношеское нетерпение, поэтому захотел добиться своего честным путем. Выждав, когда мать была особенно в духе, я, оставшись с ней наедине, взял ее руку, горячо поцеловал ее и сказал:

— Мною опять до такой степени овладело желание посмотреть свет, что я ничего другого не могу делать и никогда не успею ни в чем другом, за что бы ни взялся, ради того, чтобы угодить отцу и тебе. Поэтому было бы лучше, если бы отец дал мне свое

согласие на то, что я все равно сделаю и помимо его согласия в случае, если он будет настаивать на своем. Мне теперь восемнадцать лет, и уже поздно поступать в ученье в какую-нибудь купеческую контору или в писцы к нотариусу. Да если бы я и поступил, то был бы только поставлен в необходимость нарушить принятое на себя обязательство, так как, рано или поздно, я все равно убежал бы оттуда, чтобы отправиться путешествовать. Милая матушка, уприси отца отпустить меня в какое-нибудь дальнее путешествие! Даю тебе слово, что если я возвращусь собственным опытом исцеленный от моей страсти к путешествию, то больше никогда не пошевельнусь и буду жить так, как вы того желаете, и с удвоенным усердием нагоню потерянное время.

Мать страшно взволновалась.

— Нет, это невозможно, — сказала она. — Я никогда не решусь быть твоим ходатаем перед отцом в этом деле. Он слишком хорошо понимает последствия твоего безумного стремления, чтобы дать тебе свое согласие следовать ему. Удивляюсь, как ты можешь еще думать об этих глупостях после того, что тебе говорил по этому поводу отец. Если ты непременно хочешь погибнуть, то, конечно, мы не можем удержать тебя от этого, но согласия нашего на это ты никогда не добьешься. Я не хочу навлекать на себя упрека в том, что способствовала твоему несчастью и помогла тебе в деле, которого твой отец не одобрял.

Отец и мать так сжились друг с другом, что даже мыслили и выражались одинаково. Я напрасно упустил это из виду, когда думал перетянуть мать на свою сторону.

После я узнал, что мать передала отцу весь мой разговор с нею и что тот, выслушав ее, сказал:

— Мальчик глуп; он мог бы быть вполне счастливым, если бы только захотел остаться с нами, а если он будет рыскать по белому свету, то сделается самым несчастным существом во всей вселенной. Само собою разумеется, что моего согласия на это нет и никогда не будет.

Однако, я был упорен и решил, во что бы то ни стало добиться своего.

Но покинуть родительский дом мне пришлось только через год, в течение которого я оставался глух ко всем предложениям приняться за какое-нибудь дело, и чуть не ежедневно осыпал отца и мать упреками за то, что они противились тому, в чем я находил свое единственное призвание и назначение. Бедные родители глубоко страдали и не раз готовы были сдаться перед моим упорством, видя, как я мучаюсь, и только горячая любовь ко мне не допускала их изъяснить свое согласие на то, что они считали для меня пагубным.

В один прекрасный день я отправился в Гульль¹, сам не зная зачем, что я буду там делать. Я не имел ни определенного плана, ни цели и только думал, как бы было хорошо, если бы случай помог мне попасть на какой-нибудь корабль. И случай этот как раз подвернулся.

Шляясь по городу, близ гавани, я встретился с одним из своих бывших товарищей по училищу. Товарищ собирался ехать в Лондон на корабле своего отца. Зная

¹ Современный Кингстон-апон-Халл — город на судоходной реке Хамбер, впадающей в Северное море.

о моем непреодолимом желании путешествовать, он предложил мне прокатиться с ним бесплатно. Я, конечно, был в восторге от этого предложения. Не находя нужным ни просить еще раз о согласии родителей, ни даже уведомить их о том, что я самовольно отправляюсь в Лондон, не испросив благословения Божия, не думая ни о каких последствиях своего поступка и предоставив родителям думать о моем исчезновении что им угодно, я, действительно на свое несчастье, сел на отходивший в Лондон корабль. Это было 1 сентября 1651 года. Никогда еще, я думаю, злополучие искателя приключений не началось так рано и не окончилось так поздно, как мое.

Едва корабль успел выйти из Гуллы, как поднялся сильный ветер, и море начало страшно волноваться. Я еще первый раз был на море, поэтому дух мой сразу охватил никогда раньше не испытанный страх, а тело впало в такое болезненное состояние, подобного которому я до тех пор и представить себе не мог.

Прошло не более суток, как я покинул родительский дом, а я уже понял, что поступил дурно, и что меня по справедливости на первом же шагу самовольно избранного мною пути постигла кара Божия. Все добрые советы моих родителей, их мольбы, слезы и увещания и испытанные ими из-за меня огорчения с поразительной ясностью вспомнились мне теперь; моя совесть, не успевшая еще очерстветь, как она очерствела потом, горько упрекала меня за то, что я пренебрег наставлениями родителей, причинил им столько страданий и погубил самого себя.

Ветер вскоре перешел в бурю; море бушевало все сильнее и сильнее. Хотя это, в сущности, было ничто в сравнении с тем, что мне пришлось испытать после всего через несколько дней, но и эта первая буря на море навела на меня, как на новичка, страшный ужас. Каждый раз когда корабль погружался в пропасть между двумя стенами пенящихся волн, я думал, что мы идем ко дну, а когда его подбрасывало кверху, как мне казалось, под самое черное, грозное небо, я ожидал, что нас перевернет, и мы, как рыбы из опрокинутого ведра, посыплемся в ту же клокочущую под нами бездну...

В эти минуты душевной агонии я дал обет, что если Господу угодно будет спасти меня от этой страшной опасности и снова допустить попасть на твердую землю, то я никогда больше не ступлю ногой на корабль, а возвращусь прямо к моим родителям, выпрошу у них прощение и поведу жизнь по их советам, навсегда выбросив из головы всякие глупости, вроде совершенной мной. Я понял все, что говорил отец о преимуществах сословия, к которому он принадлежал, как только представил себе, как хорошо и спокойно он прожил всю свою жизнь, не подвергаясь ни бурям океана, ни каким-либо невзгодам на земле. Вспомнил я и библейское сказание о блудном сыне. Да, я тоже был блудным сыном и, как тот, хотел вернуться под родительский кров!

Мой страх, мое раскаяние и все мои благие намерения продолжались, однако, лишь до окончания бури, но как только море совершенно успокоилось, и над нами засияло ясное солнце, я тоже начал успокаиваться; не будь морской болезни, я чувствовал бы себя совсем хорошо. Вечером после бури я имел удовольствие видеть, как погружался в слегка лишь волновавшееся море ослепительно сверкающий золотой диск солнца. Это чудное зрелище привело меня в неописуемый восторг.

Я отлично провел ночь и встал утром совершенно бодрый. Поскольку не было никакой качки, то я и не испытывал больше припадков противной морской болезни, всегда смущающей новичков, и был поэтому в самом радужном настроении. Видя это, мой товарищ, которому я накануне сообщил о своем решении возвратиться домой при первом удобном случае, подошел ко мне и сказал:

— Ну, как дела, Боб? Прошли твои ребяческие страхи? Этого ветерка собственно и пугаться-то было нечего...

— Ты называешь это «ветерком»?! — воскликнул я. — Это была буря, и притом такая ужасная, какой никогда не бывает на земле!

— Ах ты, зеленый новичок! — с усмешкой произнес он, хлопнув меня по плечу. — Такие ли бывают «ужасные бури»? Мы видали получше этой и то не умерли со

— Ну, как дела, Боб? Прошли твои ребяческие страхи?

страха... Ну да авось и ты привыкнешь к морским капризам и не будешь бояться их, находясь на таком солидном корабле, как наш... А пока что, Боб, пойдём-ка и выпьем для храбрости по стаканчику горячего пунша.

Этот человек и раньше всегда был моим соблазнителем; соблазнил он меня и теперь. Я воспользовался его приглашением и, так сказать под его руководством, хлебнул такую порцию пунша, что сразу свалился с ног.

С этого дня я стал пить наравне со своим товарищем и окружающими меня моряками. В пунше я топил свое раскаяние, свое сожаление о родительском доме и все

свои прекрасные намерения относительно будущего. Как успокоился океан после бури, так успокоился после вынесенного потрясения и мой дух; страх и ужас уступили место моим прежним стремлениям, и я живо забыл свой обет, данный Богу в минуту скорби. Впрочем, как всегда бывает в подобных случаях, по временам еще нападало на меня раздумье, и меня снова влекло к отцу и к матери, но вслед за тем я начинал стыдиться своей «слабости», как я называл такие минуты, и спешил укрепить себя пуншем и веселой беседой с моряками. Вскоре, то есть дней через пять или шесть, я почти совершенно освоился с жизнью на корабле, изгнал из своего сердца всякую «слабость» и одержал над своей совестью полную победу, так что она уже не могла больше поднять во мне протеста.

Но мне было суждено подвергнуться еще одному испытанию. Провидение, следуя своим незыблемым законам, очевидно, решило отнять у меня всякий повод к оправданию. Так как я пренебрег первым предостережением Неба, то второе было дано уже в таком роде, что самый закоренелый упрямец должен был бы проникнуться им и послушаться его.

На седьмой день нашего плавания мы вошли в ярмутский рейд ¹. Не задержи нас в пути затишье, мы попали бы туда гораздо раньше. Перед Ярмутом подул противный ветер, то есть с юго-востока, что и побудило нас зайти в рейд и бросить якорь. Мы пробыли там в ожидании попутного ветра целую неделю, в течение которой к нам присоединилось множество кораблей из Ньюкасла. Ярмутский рейд всегда является убежищем для кораблей, выжидающих благоприятного ветра по пути к Темзе.

Впрочем, мы поднялись бы по реке при первом же приливе, если бы противный ветер не крепчал и не угрожал снова превратиться в бурю. Так как ярмутский рейд мало в чем уступал какому-нибудь порту, и в нем было очень удобно, а наши якорные приборы не оставляли желать ничего лучшего, то наш экипаж, не предвидя ничего дурного, радовался возможности поспрадно и беспечно предавался отдыху, шляясь по тавернам, распивая виски и играя в кости.

Между тем, ветер все крепчал и на восьмой день заставил нас всех приняться за дело; мы убрали паруса и все, что было можно, для того, чтобы ветру было по возможности меньше за что уцепиться. К полудню волны выросли снова в громадные горы и то и дело хлестали через борт. Якорь угрожал сорваться, и наш капитан поспешил спустить второй, так называемый «якорь надежды» ².

Вдруг с ужасным воем и шумом налетела такая буря, что на лицах даже опытных моряков выразилась тревога. Я слышал, как капитан, суетливо бегая взад и вперед по палубе, бледный как смерть, дрожащим голосом шептал: «Господи, помилуй нас!.. Мы все погибли, если Ты не сжалишься над нами!». Я, сначала храбро отгонявший от себя страх и воображавший, что эта буря будет легче той, которой Небо хотело только поугаждать меня, вдруг опять страшно струсил, когда услышал слова капитана. Я вышел из матросского помещения, в котором сидел в ожидании скорого прекращения бури, и поднялся на палубу. Боже, какой ужасный вид представился мне! Всюду, на-

¹ *Грейт-Ярмут* — английский портовый город на берегу Северного моря.

² *Якорь надежды* — самый большой якорь корабля, используемый в экстренных ситуациях; в оригинальном тексте — «Sheet Anchor».

сколько только хватал глаз, ничего не было видно, кроме грозных, бушующих волн и бездонных пропастей между ними... Вой, рев, свист... Наш корабль с подозрительным треском накренился то на один бок, то на другой.

У двух кораблей с тяжелым грузом, стоявших неподалеку от нас, сорвало мачты, а два других сами были сорваны с якорей, и буря гнала их в открытое море, на полный произвол стихий. Легкие суда были в лучшем положении, потому что оказывали меньше сопротивления напору ветра и свободнее раскачивались на гребнях волн.

При наступлении вечера помощник капитана и боцман умоляли упорствовавшего капитана позволить снять фок-мачту, доказывая ему, что иначе корабль должен пойти ко дну. Капитан очень неохотно согласился на эту крайнюю меру. Когда фок-мачта была снята, грот-мачта тоже так сильно закачалась и так стала потрясать корабль, что пришлось снять и ее.

Нетрудно представить себе, что должен был перечувствовать в это время я. Видя перед собою неминуемую, как мне казалось, гибель, я мучился не только ужасом смерти, но и мыслью о том, что я сам вторично навлек на себя гнев Божий, забывши раскаяние, охватившее меня в минуты первой опасности, и принятые мною тогда же хорошие намерения. Нет слов описать, что тогда делалось со мною. Такого страшного отчаяния, я думаю, никто никогда еще не переживал.

Между тем, буря свирепствовала с такою силою, что даже старые моряки потеряли всякую надежду на спасение. Наш корабль был хорош, но, слишком тяжело нагруженный, он так сильно погружался в воду, что все ежеминутно кричали, что мы идем ко дну. Вообще, положение наше было до такой степени отчаянное, что все моряки, против своего обыкновения, в конце концов, попадали на колени и начали молиться о спасении, если не своей жизни, то хоть души.

Посреди ночи, к довершению нашего ужаса, один из матросов, которому было поручено осмотреть корабль, объявил, что образовалась течь и что в трюме уже на четыре фута ¹ воды. Капитан созвал всех к насосам. Услыхав это, я лишился чувств. Но меня привели в себя и объявили мне, что если я до сих пор не был ни на что годен, то авось, сумею хоть качать воду не хуже кого другого, так как на это не требуется особого знания. Я поднялся на ноги, отправился к насосам и усердно принялся за работу. В это время капитан приказал в виде призыва на помощь выстрелить из пушки. Команды его я не слышал, но услышал только выстрел. Не зная, что он означает, я подумал, что мы уже опускаемся на дно, и от страха снова лишился чувств. Каждый в эту минуту думал только о себе, поэтому никто не обратил на меня никакого внимания. Один из матросов наткнулся было на меня; но, увидев, что я лежу без признаков жизни, он принял меня за мертвого, отпихнул ногою и стал на мое место. Я пришел в себя только через час.

Несмотря на все старания работавших у насосов, вода все больше прибывала; не оставалось уже более никакого сомнения в том, что корабль пойдет ко дну. Пушка наша продолжала звать на помощь. Одно небольшое судно выслало нам на помощь барку, но она долго не могла подойти к нам вплотную без риска быть затопленною нашим же кораблем. Несмотря на это, гребцы барки мужественно подвергали опас-

¹ Один фут — 30,4 см.

ности свою жизнь ради спасения нашей. С громадным трудом им, наконец, удалось приблизиться к нам настолько, что наши матросы могли бросить им канат, который те, после долгих усилий, схватили и крепко закрутили вокруг носа барки. Тогда мы все взялись за оставшийся у нас конец каната и притянули к себе барку так, чтобы можно было пересечь в нее. Наш капитан попросил направить барку не к пославшему ее кораблю, а к берегу, обещая вознаградить ее владельца за аварию, которая легко могла произойти. Гребцы согласились, и мы направились к берегу. Бурей нас загнало на север почти до Уинтертон-Несса ¹.

Не прошло и четверти часа после того, как мы покинули свой корабль, как увидели, что он стал исчезать под водой. Положим, я сам плохо видел это, так как был наполовину мертв от страха, но окружавшие меня это хорошо заметили и из их восклицаний я понял, что происходит с нашим несчастным судном.

Берег был от нас сравнительно недалеко. Матросы кричали, что там собирается большая толпа народа, очевидно, желавшая помочь нам высадиться на землю.

Но пристать к ней нам пришлось лишь тогда, когда мы обогнули Уинтертонский маяк в том месте, где берег делает изгиб на восток, по направлению к Кромеру, так что буря как бы разбивалась об это препятствие. Хотя было далеко нелегко пристать, но мы все сошли на землю целыми и невредимыми. Мы дошли пешком до Ярмута. Там мы все были приняты очень радушно, как пострадавшие от кораблекрушения. Магистрат отвел нам хорошее помещение, а торговцы снабдили нас всем необходимым и устроили между собою и остальными гражданами города подписку для того, чтобы собрать достаточную сумму, которая дала бы нам возможность добраться до Лондона или до Гуллы, смотря по желанию каждого из нас.

Тут бы мне и следовало воспользоваться случаем возвратиться домой; я избежал бы тех ужасных бедствий, которые еще угрожали мне в будущем, а родители мои от радости, наверное, закололи бы в честь моего возвращения не только телца, а даже целого быка. Но моя злая судьба влекла меня в другую сторону. Хотя совесть и здравый смысл говорили мне, что нужно возвратиться под родительский кров, но у меня все-таки не хватало сил сделать это. Я не знаю, как назвать то, что будто толкает нас быть орудиями своей собственной гибели, когда мы даже сознаем, что нас ожидает впереди, но, тем не менее, действуем подобно тем, которые с открытыми глазами бросаются в пропасть. Я думаю, что только неизменным предопределением и можно было объяснить мое неодолимое влечение, наперекор здравому смыслу и несмотря на полученные уже мною предостережения о том, что должно было изломать всю мою жизнь.

Мой товарищ, бывший, кстати сказать, сыном капитана погибшего корабля, был расстроен не меньше меня, хотя раньше он всегда отличался беспечностью и крайним удалством. Так как мы с ним жили в Ярмуте на разных квартирах, то сошлись только на второй или на третий день нашего пребывания там. Увидев меня, он унылым голосом спросил, как я себя чувствую. Получив мой ответ, он обратился к своему отцу, с которым шел, и сказал ему, кто я и что это путешествие я совершил в виде пробного, чтобы подготовиться к более далекому плаванью.

¹ *Уинтертон-Несс* — Мыс на северо-восточном побережье Англии.

РОБИНЗОН КРУЗО

— Молодой человек, — сказал мне капитан, — вам не следует больше возвращаться в море. Вы должны смотреть на случившееся как на ясное и верное доказательство того, что вы не призваны быть моряком.

— А разве вы сами, капитан, больше не будете плавать по морю? — спросил я.

— Между вами и мной большая разница, — ответил он: — я моряк по призванию, и мой долг обязывает меня продолжать свое дело, а вы предприняли только

Мы дошли пешком до Ярмута.

пробное путешествие, и Небо дало вам легкое предвкушение того, что вас ожидает в будущем, если вы захотите продолжать путешествовать. Вероятно, и страшная буря, погубившая мой корабль, случилась лишь благодаря вам, как было с тем кораблем, на котором плыл пророк Иона¹. Скажите мне, пожалуйста, кто вы собственно и что именно побудило вас сесть на мой корабль.

¹ Библия рассказывает, как пророк Иона, решив послушаться веления Божия, сел на корабль, отправившийся в Фарсис; корабль этот затонул, а Иона был проглочен китом.

Я в коротких словах рассказал ему свою историю. Не успел я, однако, договорить до конца, как он с негодованием отвернулся от меня и воскликнул:

— Господи! Что я сделал?.. Чем заслужил позор иметь на борту своего корабля такого негодяя? Знал бы я раньше, что вы за птица, я и за тысячу фунтов стерлингов не согласился бы ступить ногою на одну палубу вместе с вами!

Очевидно, у бедного старика помутился разум от того, что он лишился своего корабля: иначе я не мог объяснить себе его оскорбительной выходки относительно меня. Впрочем, овладев собою, он начал говорить более спокойным тоном и убедительно упрасивал меня возвратиться к моим родителям и не искушать более Бога. Он старался доказать мне очевидность того, что против меня Сам Бог, и заключил свое увещание следующими словами:

— Вообще, молодой человек, будьте уверены, что если вы не возвратитесь к отцу, то, где бы вы ни были, вы не встретите ничего, кроме невзгод и бедствий, и над вами исполнится предсказание вашего отца.

Я что-то пробормотал ему в ответ, затем мы расстались, и я больше никогда не видал его. Куда он девался, и что с ним случилось, я не знаю. Сам же я, имея в кармане немного денег, сухим путем отправился дальше, прямо в Лондон. Достигнув этого города, я несколько времени колебался, не зная, что предпринять, и борясь между желанием возвратиться домой, как предписывал мне рассудок, и своим влечением к странствованию. Возвращаться к отцу мешала мне мысль, что я буду пристыжен не только им и матерью, но и всеми соседями, знавшими о моем побеге. С тех пор мне часто приходилось подмечать, как глупо и непоследовательно поступает большинство людей, в особенности в юных годах, когда оно стыдится не своих предосудительных действий, а раскаяния в них.

Долго я находился в таком состоянии нерешительности, не зная, что делать, какой посвятить себя профессии и какой вести образ жизни. У меня и всегда было отвращение к родительскому дому, а тут оно еще более усилилось. В конце концов, когда изгладилось первое впечатление испытанных мною на море опасностей, испарились и последние следы моего раскаяния и погасло мое слабое желание возвратиться домой, я остановился на своем первоначальном решении — путешествовать во что бы то ни стало.

То самое злое влияние, которое подталкивало меня бросить родительский дом и внушило мне пагубную мысль сделаться искателем приключений, и которое так проникло во все мое существо, что сделало меня нечувствительным к советам, представлениям, упрасиваниям и даже угрозам родителей, побудило меня и теперь, на мое несчастье, сесть на корабль, отплывавший в Африку, или, по обычному выражению моряков; к берегам Гвинеи.

Впоследствии я очень жалел, что не поступил на корабль в качестве простого матроса; тогда я, по крайней мере, освоился бы понемногу с обязанностями и условиями морской службы, так что со временем мог бы сделаться лоцманом, помощником капитана, а то и капитаном. Но моя судьба всегда заставляла меня делать один промах за другим. Так как у меня кошелек не совсем был пуст, и на мне красовалось приличное платье, то я разыгрывал из себя джентльмена и не воспользовался прекрасным случаем сделаться настоящим моряком. Таким образом, я никогда не занимал никакой должности на кораблях, поэтому и не знал, как приняться за самую простую из них.

По прибытии в Лондон мне посчастливилось попасть в довольно порядочную компанию, что очень редко случается с такими глупыми и одинокими юнцами, как я. Обыкновенно они с первых же шагов вольной жизни попадают в какой-нибудь омут, но я как-то счастливо избежал этого. Прежде всего, я познакомился с одним корабельным капитаном, который побывал на гвинейских берегах, имел там большой торговый успех и собирался туда вторично. Я ему понравился своей бойкой речью. Узнав о моем непреодолимом стремлении посмотреть чужие страны, он сказал мне:

— Если вы хотите поехать со мной, я с вас ничего не возьму, а буду смотреть на вас, как на своего компаньона. Быть может, вы пожелали бы попытаться в Гвинее счастья в торговле; вас там, наверное, ожидает барыш.

Я принял его предложение. Он был человек честный и прямой, что побудило меня теснее сойтись с ним. Он посоветовал мне закупить на сравнительно небольшую сумму разных стеклянных бус и тому подобных безделушек, имеющих постоянный сбыт у негров. Я затратил на покупку этого товара сорок фунтов стерлингов¹, которые были мне высланы в Лондон некоторыми из моих родственников, с которыми я списался. Думаю, что часть этих денег шла от моих родителей, наверное, узнавших обо мне от тех родственников и решившихся примириться с совершившимся фактом.

Это было единственное из всех моих путешествий, в котором мне все удавалось, чем, впрочем, я был обязан частью и бескорыстной поддержке моего друга капитана. Между прочим, он посвятил меня в кое-какие технические знания, касавшиеся мореходства. Я узнал, как отличать одно судно от другого и как определить все его качества, узнал систему сигналов, значение компаса и многое тому подобное. Вместе с тем, капитан разъяснял мне некоторые тонкости и торгового дела. Благодаря его советам я сумел получить за свой товар пять фунтов девять унций золотого песка, за который по возвращении в Лондон выручил почти триста фунтов стерлингов. Этот успех наполнил мою голову честолюбивыми мечтами, которые впоследствии и послужили к моей гибели.

Одно только было нехорошо в этом путешествии: я почти во все его продолжение хворал от перемены климата². Но капитан уверял меня, что так бывает со всеми, в первый раз попадающими в жаркий пояс, и что впоследствии я привыкну.

Распродав свои товары, мы возвратились в Лондон, где мой друг, к сожалению, вскоре умер. Я серьезно задумал сделаться гвинейским купцом и поэтому отправился туда вторично на корабле моего умершего друга, перешедшем под команду того самого моряка, который в первое мое путешествие был помощником капитана. Этот переезд имел самые скверные последствия. Я вез с собою сто фунтов стерлингов³,

¹ В 1719 году квалифицированный рабочий-текстильщик получал за год около 34 фунтов стерлингов.

² В оригинале использован термин *calenture*; так в Испании называют любую лихорадку или порой солнечный удар; англичане так именовали в том числе и помутнение рассудка у моряков, которым изумрудные тропические воды казались зелеными полями, по которым им хотелось прогуляться.

³ Хирург в то время получал примерно 51 фунт стерлингов в год, а адвокат — 113.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

оставив остальные двести на хранение у вдовы моего покойного друга, которая отличалась теми же прекрасными качествами, как и он сам.

Кроме того, у меня было опять на полсотни фунтов товару, ехал я, разумеется, с самыми радужными надеждами, но, — увы! — им не суждено было сбыться! Когда мы пробирались между Канарскими островами и африканским берегом, наш корабль был настигнут на рассвете турецким корсаром из Саллэ¹, который на всех парусах гнался за нами. Мы, в свою очередь, тоже развернули все свои паруса, но, видя, что это бесполезно, и корсар рано или поздно все равно догонит нас, так как его судно было гораздо легче нашего на ходу, мы приготовились к борьбе. Но преимущество опять было на стороне нашего преследователя, имевшего восемнадцать пушек, между тем как у нас на борту было всего двенадцать.

Наш корабль был настигнут на рассвете турецким корсаром из Саллэ.

Около трех часов пополудни корсар догнал нас и ошибкой атаковал сбоку, вместо того, чтобы напасть со стороны кормы. Мы направили против него восемь пушек и послали ему такой залп, который заставил его отступить. У него на борту было человек двести, и все они ответили нам огнем из своих мушкетов. К счастью, все мы находились под прикрытием, так что никого из нас даже не ранило. Корсар готовился возобновить нападение, а мы, в свою очередь, готовились снова дать ему отпор. Ловким маневром он взял нас на абордаж сбоку и высадил к нам на палубу шестьдесят человек, которые принялись срубать мачты. Мы так энергично начали осыпать разбойников выстрелами и ударами холодного оружия, что два раза прогоняли их.

¹ Сале (Саллэ) — современный город в Марокко на берегу Атлантического океана; в первой трети XVII в. он был центром своеобразной пиратской республики.

Чтобы не останавливаться слишком долго на этом грустном эпизоде, скажу только, что он кончился тем, что наш корабль был взят, трое из наших убито, восемь человек ранено, а все оставшиеся в целости захвачены в плен и отвезены в мавританский порт Саллэ.

В плену со мной обращались гораздо лучше, чем я ожидал. Ни меня, ни моих товарищей по несчастью не отправили ко двору мароккского султана, как это обыкновенно делалось с пленниками. Я, как человек молодой и здоровый, способный к работе, понравился самому капитану корсарского корабля, который и оставил меня у себя в качестве своего раба.

Внезапное превращение из купца в жалкого раба страшно поразило меня. Невольно припомнились мне слова отца, между прочим предсказавшего мне, что я впаду в большое несчастье, и что некому будет помочь мне. Мне казалось, что это предсказание уже исполнилось, что хуже уж и быть не может, что гнев Божий окончательно поразил меня, и я безвозвратно погиб.

Но увы! Это было только началом тех бедствий, которые впоследствии должны были обрушиться на меня, как видно будет потом.

Мой новый господин взял меня к себе в дом. Я надеялся, что он будет брать меня с собой в свои морские экскурсии, и что рано или поздно его корабль будет захвачен каким-нибудь испанским или португальским военным судном, и я буду освобожден из своего унижительного рабского состояния. Но эта надежда вскоре исчезла: мой господин во время своих морских прогулок заставлял меня обрабатывать свой садик и исполнять в доме все черные работы, а когда возвращался, то поручал охранять корабль.

Очень понятно, что я беспрестанно думал о том, как бы найти способ к побегу, но не находил ничего, что могло бы помочь мне выполнить мой замысел с верною надеждой на успех. Вокруг меня не было ни души, с кем я мог бы сговориться: ни англичанина, ни ирландца, ни шотландца, которому я решился бы довериться. Так я и носился со своей неотступной мечтой в течение двух лет, тщетно выжидая какого-нибудь благоприятного случая, которым бы можно было воспользоваться.

В начале третьего года моего плена представился, наконец, такой случай, и в моей душе блеснул луч надежды. Господин мой, лишенный долгое время возможности, за недостатком денег, привести в боевое состояние свой корабль, усвоил привычку два или три раза в неделю, а при хорошей погоде и чаще, брать с корабля лодку ¹ и отправляться в ней на рейд ловить рыбу. Гребцами он брал с собой меня и одного молодого мориска ², так как мы оба умели забавлять его своей болтовней. Я наловчился отлично ловить рыбу, так что господин мой иногда отправлял меня с этим молодым мориском, под наблюдением одного старого мавра, своего родственника, наловить ему рыбы к столу, когда ему самому не хотелось, или он не мог участвовать в ловле.

¹ В тексте Дефо для обозначения такой парусно-гребной лодки используется термин «пинас».

² Морисками, то есть «мавриташками» (англ. Moor-like) с конца XV до начала XVII в. называли иберийских мусульман, принявших христианство; в 1610 г. они были изгнаны из Испании, часть этих беженцев осела в Саллэ.

Однажды, когда мы, то есть мой господин, мориск и я, находились в рейде, поднялся такой густой туман, что мы потеряли из виду берег, хотя были удалены от него не более как на полмили. Гребя наудачу, мы проплутали на рейде весь день и целую ночь, и когда, наконец, рассвело, мы увидели, что очутились в открытом море, вместо того, чтобы быть где-нибудь близ берега, как мы предполагали. От рейда мы отошли, должно быть, мили на две. Мы повернули назад и достигли берега с большим трудом и не без риска утонуть, так как туман сменился сильным ветром. Проплутав почти сутки, мы все трое умирали с голоду.

Приняв к сведению этот урок, мой господин решил на будущее время быть осторожнее и не пускаться больше в море без компаса и известного количества провизии. Имея в своем распоряжении шлюпку с захваченного им нашего корабля, он приказал своему корабельному плотнику из англичан, тоже находившемуся у него в рабстве, построить на ней каюту, какие бывают на увеселительных лодках, оставив позади достаточно места для того, чтобы управлять рулем, и спереди, — чтобы там могло поместиться двое людей для службы при парусе. Эта шлюпка шла под парусом, называемым моряками «бараньей лопаткой»¹. Парус этот был прикреплен к верхушке низенькой и узкой каюты, вмещавшей в себе три койки, для хозяина и двух рабов, стол и полки, на которых красовались бутылки с разными ликерами и банки с рисом, кофе и сахаром. Там же лежал хлеб.

На этой шлюпке мой господин и стал ездить на рыбную ловлю. Меня он всегда брал с собой, находя, что я лучше всякого другого могу ловить рыбу.

В один прекрасный день мой господин задумал совершить на шлюпке увеселительную прогулку в обществе нескольких благородных мавров. Для этой цели были сделаны большие приготовления; на шлюпку было отправлено большое количество провизии, а мне приказано держать наготове три ружья с порохом и пулями, так как мой господин собирался устроить, кроме рыбной ловли, охоту.

Когда все было приготовлено, я стал ожидать в шлюпке прибытия господина с его гостями. Шлюпка была тщательно вычищена и убрана, красивый ее вымпел развевался по ветру.

К моему величайшему изумлению, мой господин явился один и объявил, что приглашенные им гости не могут принять участия в прогулке, так как задержаны не-

Господин мой усвоил привычку брать с корабля лодку и отправляться в ней на рейд ловить рыбу.

¹ Баранья лопатка — треугольный шлюпочный парус.

предвиденными делами. Из дальнейших его слов оказалось, что вместо предполагавшейся увеселительной прогулки гости будут вечером ужинать у него в доме. Подумав немного, он поручил мне отправиться в шлюпке с мавром и мориском, чтобы наловить рыбы к вечернему столу. Я поклонился в знак повиновения.

При мысли, что я буду иметь в своем распоряжении маленький корабль и останусь только с мальчиком и стариком, все мои мечты о бегстве и свободе вспыхнули во мне с новой силой. Как только мой господин удалился, я осмотрел, сколько было провизии в шлюпке; найдя, что ее недостаточно для продолжительного путешествия, я предложил мавру принести на борт чего-нибудь для нашего питания.

— Не есть же нам припасы нашего господина, — сказал я в пояснение.

— Конечно, это неудобно, — поддакнул мавр и притащил в шлюпку целую корзину руска (так моряки называют сухари) и несколько бутылок свежей воды.

Пока он ходил домой, я перенес в шлюпку все бутылки с ликерами моего господина, которые стояли у него в спальне в большом ящике, взятом с нашего корабля. Кроме того, я взял большую глыбу сырого воску, связку бечевков, топор, молоток и пилу; все это оказалось нам очень полезным в нашем путешествии, в особенности воск с бечевками, из которых мы делали свечи.

Затем я придумал новую хитрость, и старик-мавр с полной наивностью поддался ей. Мавра звали Измаилом; это имя его соотечественники обыкновенно сокращают в Молли, поэтому я тоже называл его Молли.

— Вот что, Молли, — обратился я к нему, — у нас на шлюпке находятся хозяйские мушкеты, но нет пороху и пуль. Что бы тебе раздобыться тем и другим? Мы настреляли бы себе чего-нибудь на обед, а то еще неизвестно, когда мы попадем домой.

— Что ж, это можно, — ответил старик. — Я, пожалуй, принесу пороху и пуль.

И он, действительно, принес кожаный мешок с полутора фунтами¹ пороху, а другой, холщовый, с пулями и свинцом, весом в шесть фунтов. С тем порохом, который был уже приготовлен в каюте нашего господина, это составляло довольно изрядное количество. Пуль и свинца у нас тоже было достаточно.

Запасшись, таким образом, всем необходимым, мы пустились в путь. В маленьком укреплении при входе в порт нас уже знали всех в лицо, а потому и не обратили на нас особенного внимания. Выйдя из рейда, мы спустили наш парус и принялись за рыбную ловлю. Ветер дул с северо-запада, а это не согласовалось с моим намерением. Если бы он дул с юга, я бы мог надеяться достичь испанского берега или, по крайней мере, Кадикского залива. Тем не менее, я твердо решился сделать попытку к освобождению, и будь что будет.

Мы ловили часа два, но ничего не поймали; моим товарищам как-то все ничего не попадалось, а я бросал удочки без приманки, почему и ко мне, конечно, не шла ни одна рыба.

— У нас здесь ничего не выйдет, — наконец, сказал я мавру. — Таким путем мы услужим нашему господину вовсе не так, как он того заслуживает, поэтому я предлагаю пуститься подальше в море.

Мавр не понял моей хитрости, и согласился, что действительно нужно попытаться

¹ Один фунт равен 450 г.

счастья где-нибудь подальше. Находясь на носу шлюпки, он тотчас же развернул парус. Я сидел за рулем и направил судно на милую дальше. Там я лег в дрейф, как бы готовясь продолжать ловлю. Пока мориск держал румпель, я пошел на нос к мавру. Делая вид, что нагибаюсь, чтобы поднять что-то сзади него, я ловким движением схватил его за ноги и перебросил через борт в воду. Он плавал как рыба, поэтому немедленно выправился на воде и поплыл вслед за шлюпкой, которой я снова дал ход. Поняв, в чем дело, он умолял меня взять его снова на борт, уверяя, что готов следовать за мной хоть на край света, если я задумал бежать. Так как он плавал превосходно, а море было спокойно, то, в конце концов, он непременно должен был догнать шлюпку. Это расстроило бы весь мой план.

Я сходил в каюту и принес оттуда мушкет. Приложив приклад оружия к щеке, я прицелился в мавра и крикнул ему:

— Я не сделал тебе зла и не сделаю, если ты не будешь противиться мне. Ты плаваешь так хорошо, что тебе ничего не стоит добраться до берега. Спешу же к нему, я тебя не трону. Но если ты еще раз приблизишься к шлюпке, то я без всякого милосердия пушу тебе пулю в лоб, потому что я решил вернуть себе свободу, а тебе я не доверяю.

Не говоря более ни слова, мавр повернул по направлению к берегу. Я уверен, что он достиг его благополучно, потому что, повторяю, он был одним из самых искусных пловцов.

Я бы с удовольствием удержал его при себе, но боялся, что этот преданный нашему господину старик воспрепятствует исполнению моего плана. Он ведь мог с помощью мориска связать меня и доставить обратно к моему хозяину, тогда мне пришлось бы плохо.

Когда он удалился на достаточное расстояние, я сказал мориску:

— Ксюри, если ты хочешь быть мне верен, я сделаю из тебя человека, но если ты не положишь свою руку на свое лицо в знак того, что будешь искренен со мною, я брошу в море и тебя.

Когда мавры кладут руку на лицо, это значит, что они клянутся Магометом и породой своего отца. Ксюри хотя и числился христианином, но в душе оставался магометанином. Поэтому я и потребовал от него такой клятвы, хорошо зная, что христианской он не сдержит.

Мальчик улыбнулся и ответил мне таким искренним голосом, что я не мог не поверить ему. Потом он поклялся, что будет мне верен и всюду последует за мной.

Пока мы оставались в виду спешившего к берегу мавра, я плыл в таком направлении, чтобы он подумал, что я пробираюсь в Гибралтарский пролив, как и сделал бы всякий мало-мальски разумный человек. И действительно, кто бы мог допустить, что мы вместо этого скоро повернем на юг к совершенно дикому берегу, где, наверное, могли ожидать, что будем окружены целой флотилией лодок какого-нибудь негритянского племени, которые и уничтожат нас, или по выходе нашем на берег нас при первых же шагах по земле съедят звери, или мы попадемся в руки не менее кровожадных представителей человеческой расы. Все эти три предположения были вполне вероятны. Но я все-таки не пошел к Гибралтару.

Как только стемнело, я направился к юго-востоку, стараясь, однако, пока не слишком удаляться от земли. Благодаря хорошему ветру и спокойному морю, шлюпка шла так быстро, что на другой день, то есть через двадцать четыре часа после нашего побе-

га, мы, наверное, находились очень далеко от владений марокканского султана. Земля хотя и была видна нам, но мы не заметили на ней никаких признаков человеческого существования.

Я так боялся попасться снова в руки мавров, что не решился пристать к берегу и бросить якорь, а продолжал подвигаться вперед. Ветер благоприятствовал нам в течение пяти дней, но когда на шестой день он повернул на юг, я сообразил, что если за нами и гнался какой-нибудь корабль, то он теперь должен был повернуть назад; поэтому я отважился войти в устье небольшой реки и бросить там якорь. Что это была за река, в какой стране, под какой широтой, — ничего этого я не знал. Я не видел, да и не хотел бы видеть на ее берегах людей. Я направился по ней только потому, что нуждался в пресной воде. Наступал уже вечер, когда мы вошли в реку; но я был намерен дождаться темноты, чтобы вплавь добраться до земли и осмотреть ее. Но как только село солнце, мы услышали такой концерт из воя, лая и рычания диких зверей, что мой молодой спутник от ужаса готов был лишиться чувств и умолял меня не приближаться к земле до рассвета.

— Хорошо, Ксюри, — сказал я, — мы останемся на ночь в шлюпке. Но, быть может, днем мы увидим людей, которые еще свирепее львов и тигров.

— Тогда мы выстрелим в них, чтобы заставить их убежать от нас, — проговорил мальчик.

Он объяснялся со мной на ломаном английском языке, но так, что я мог свободно понимать его.

Я был очень рад, видя решительность мальчика, и дал ему для большей храбрости выпить немного ликеру из запаса нашего бывшего хозяина. Я последовал его совету и остался на ночь в шлюпке.

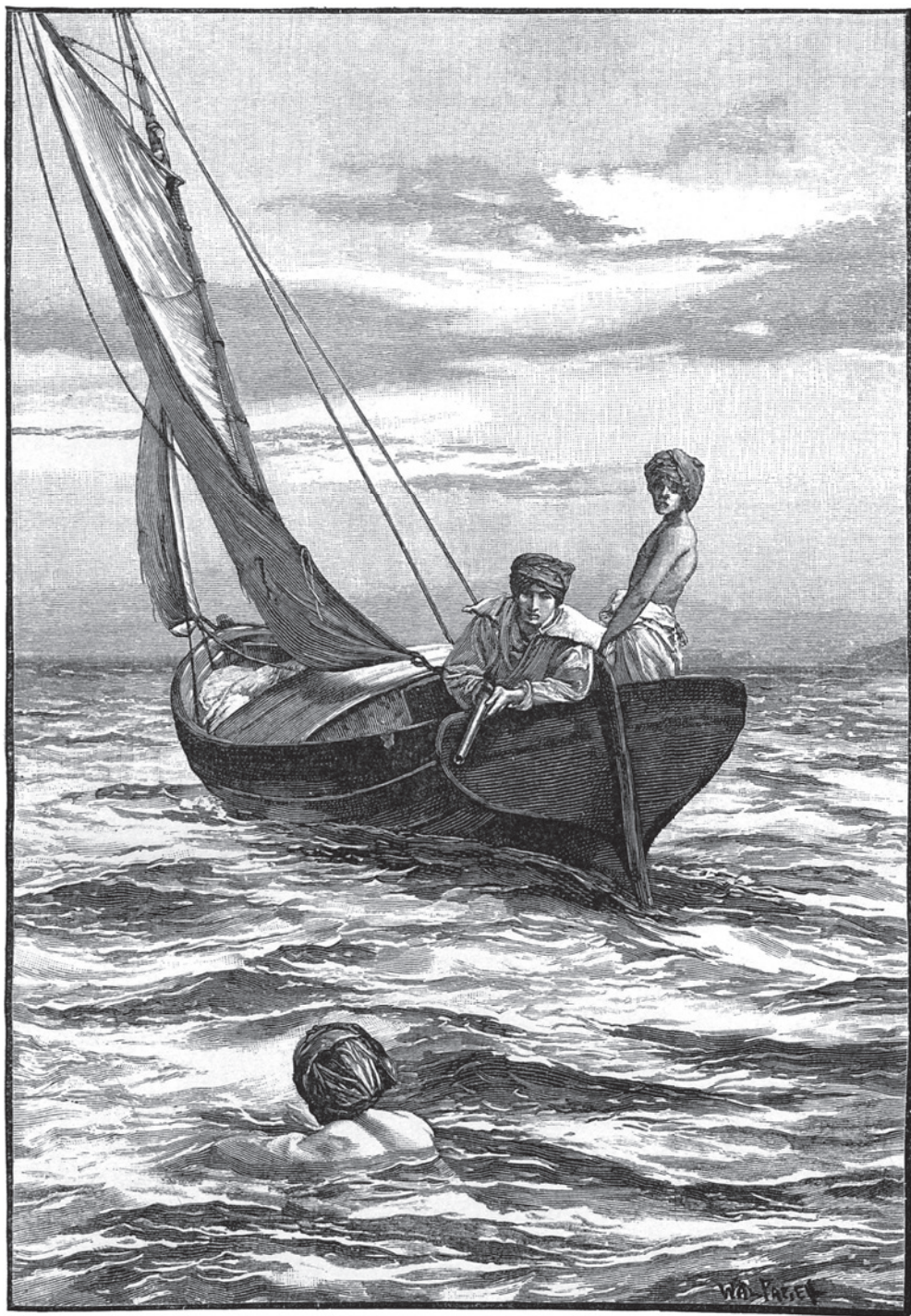
Однако, спать нам не пришлось: в течение двух или трех часов мы наблюдали, как с берега сходили в воду и плескались в ней многочисленные существа различных форм, очертания которых мы видели только смутно, так что не были в состоянии определить, что именно это за существа. Купаясь, они испускали такой рев и такое мычание, каких я никогда не слыхивал.

Ксюри был страшно испуган, я тоже чувствовал себя не особенно хорошо. Но мы оба трусили еще более, когда заметили, что одно из громадных купающихся чудовищ направилось к нам. Мы не могли хорошенько видеть этого существа, но догадывались по его шумному дыханию, что это, должно быть, очень сильное и опасное животное. Ксюри думал, что это лев, и упрашивал меня поскорее поднять парус и уйти от этого опасного соседства.

— Этого нельзя сделать, Ксюри, — возразил я, — ветра нет. Мы лучше возьмемся за весла и с помощью их постараемся отойти подальше в море; далеко этот зверь за нами не последует.

Однако, едва успел я договорить эти слова, как заметил зверя, которого все еще не мог хорошенько определить, в двух шагах от шлюпки. Такая быстрота движения с его стороны немало удивила меня. Я схватил мушкет и выстрелил в зверя. Он мгновенно повернул назад к берегу.

Невозможно описать, какая при моем выстреле поднялась на берегу суматоха! Крики и вой положительно оглушали и могли привести в трепет каких угодно храбрецов. По всей вероятности, населявшие эту местность звери никогда раньше не слышали выстрелов. Следовательно, тут была совершенная глушь и дичь. Я был дово-

— Если ты приблизишься к шлюпке, то я без всякого милосердия пушу тебе пулю в лоб.

лен, что послушался Ксюри и не исполнил своего первоначального намерения выйти ночью на берег. Должно быть там и днем было небезопасно, потому что если во время солнечного сияния звери дремлют, зато бодрствуют дикари, а очутиться в их власти, как я уже говорил, было бы так же неприятно, как встретиться со львом или тигром.

Но как бы то ни было, а пресная вода нам была необходима, потому что ее у нас оставалось всего одна бутылка. Когда рассвело, Ксюри вызвался на рассвете отправиться на берег и посмотреть, есть ли там пресная вода. Я спросил его, почему он хочет идти один или почему бы не отправиться мне одному, а ему остаться в шляпке, раз он боится больше моего.

— Потому, — с такой привязанностью во взоре ответил мне мальчик, что с тех пор я сам полюбил его, — что если меня съедят, то тебе можно будет спастись.

— Хорошо, Ксюри, — сказал я. — Если ты так говоришь, то мы отправимся вместе, а когда на нас нападут дикари, то мы убьем их, так что им не удастся съесть ни тебя, ни меня.

Тут я дал ему опять ликеру и сухарей, да и сам подкрепил свои силы. Затем мы провели шляпку как можно ближе к берегу, взяли по мушкету и по кувшину для воды и сошли на землю.

Я не хотел отходить далеко от воды, опасаясь, как бы шляпку не окружили лодки дикарей. Ксюри вдруг увидал на довольно большом расстоянии низину, в которой, по его мнению, должен был протекать ручей, и побежал туда. Но через несколько минут он уже неслился назад. Я подумал, что его преследуют дикари или что его напугал какой-нибудь зверь, и поспешил к нему навстречу. Когда мы были друг от друга всего в нескольких шагах, я заметил, что на его плече что-то висит. Оказалось, что это было маленькое животное, вроде нашего зайца, которое ему удалось убить прикладом ружья, так как оно подошло совсем близко. Ксюри был в восторге от этой добычи, но его еще более радовало, что он действительно нашел воду и что дикарей не было видно.

Наполнив свои кувшины водой, мы возвратились в шляпку, изжарили зайцеподобное животное, и затем, утолив им голод, приготовились продолжать путь, смеясь над своими опасениями относительно дикарей, которых не было и следа.

Так как я уже раз был около этой местности, то догадался, что мы находимся неподалеку от Канарских островов и от островов Зеленого мыса. Но у меня не было с собой инструментов для вычисления долготы и широты, и я не знал наверняка, где именно лежат эти острова, а то было бы очень просто добраться до одного из них. Поэтому я решился плыть вдоль берега, надеясь таким образом достичь пункта торговли англичан и там встретить какое-нибудь торговое судно, которое приняло бы нас к себе на борт.

По моим расчетам мы находились почти на равном расстоянии от владений марокканского султана и от Нигриции ¹, в области совершенно дикой и пустынной, населенной одними зверями. Раньше тут, может быть, и жили негры, но они переселились дальше на юг, боясь мавров, которые, в свою очередь, пренебрегали этой бесплодной землей. Впоследствии я узнал, что мавры, собравшись в количестве двух-

¹ *Нигриция* — так во времена Дефо называли территорию на севере Судана.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

трех тысяч человек, устраивали здесь грандиозные охоты на львов, тигров, леопардов и тому подобных диких зверей.

Мы проплыли миль сто вдоль этого берега и не видели ничего, кроме безотрадной пустыни, и только по ночам слышали вой и рев зверей.

Несколько раз мне казалось, что я видел Тенерифский пик, возвышающийся над Канарскими островами, и я хотел пуститься в открытое море, чтобы попытаться добраться до этого пика, но каждый раз встречный ветер заставлял меня отступать назад. Видя бесполезность своих попыток, я решил продолжать держаться берега.

Наполнив свои кувшины водой, мы возвратились в шлюпку.

Потребность в пресной воде заставляла нас по временам выходить на берег. Как-то раз утром мы очутились около небольшого, но довольно высокого мыса и стали ожидать прилива, который помог бы нам пристать к самому берегу.

Вдруг Ксюри, глаза которого были зорче моих, шепнул мне:

— Нам лучше убраться отсюда! На той вон горе лежит какое-то страшное чудовище. Оно пока, очевидно, спит. Взгляните-ка...

И он указал мне на мыс. Действительно, на одной из площадок мыса лежал громадный свирепого вида лев, вытянув свои могучие лапы и положив на них свою страшную голову.

— Ксюри, — сказал я, — мы пристанем к берегу, а ты пойдешь и убьешь этого льва.

— Мне убить его?! — с ужасом вскричал мальчик. — Да он и выстрелить мне не даст... Он сразу прыгнет на меня и проглотит меня целиком.

Видя его испуг, я успокоил его, сказав, что и без него дело обойдется. Когда шлюпку принесло совсем близко к мысу, я взял наше самое большое ружье, величиной почти с мушкет, и зарядил его двумя кусками свинца, потом зарядил второе ружье двумя пулями, а третье — крупной дробью. Покончив с этими приготовлениями, я стал целиться в льва из первого ружья, но зверь, которого я хотел поразить в голову, лежал таким образом, что свинец попал ему только в лапу, которую и раздробил. Сначала лев с громким ворчаньем задрожал, но потом, почувствовав, что у него перебита лапа, вдруг поднялся на трех лапах и испустил такой рев, что я весь похолодел от ужаса. Я схватил второе ружье и, несмотря на то, что лев начал удаляться, снова выстрелил в него. На этот раз я попал ему в голову и имел удовольствие видеть, как он молча упал и начал вытягиваться, борясь со смертью. Тут Ксюри расхрабрился и попросил позволения сойти на землю.

— Ступай, — разрешил я.

Он взял маленький мушкет, прыгнул в воду и доплыл до суши. Подойдя к умирающему льву, он приставил дуло мушкета к его уху и выстрелил. Лев еще раз вздрогнул, — все было кончено.

Охота была удачна, но, к сожалению, наша добыча была не из съедобных. Мне стало досадно, зачем мы потратили столько зарядов, чтобы убить зверя, который нас не трогал и ни на что не был нам нужен.

Ксюри, однако, хотел воспользоваться чем-нибудь от убитого чудовища. Он возвратился ко мне и попросил дать ему топор.

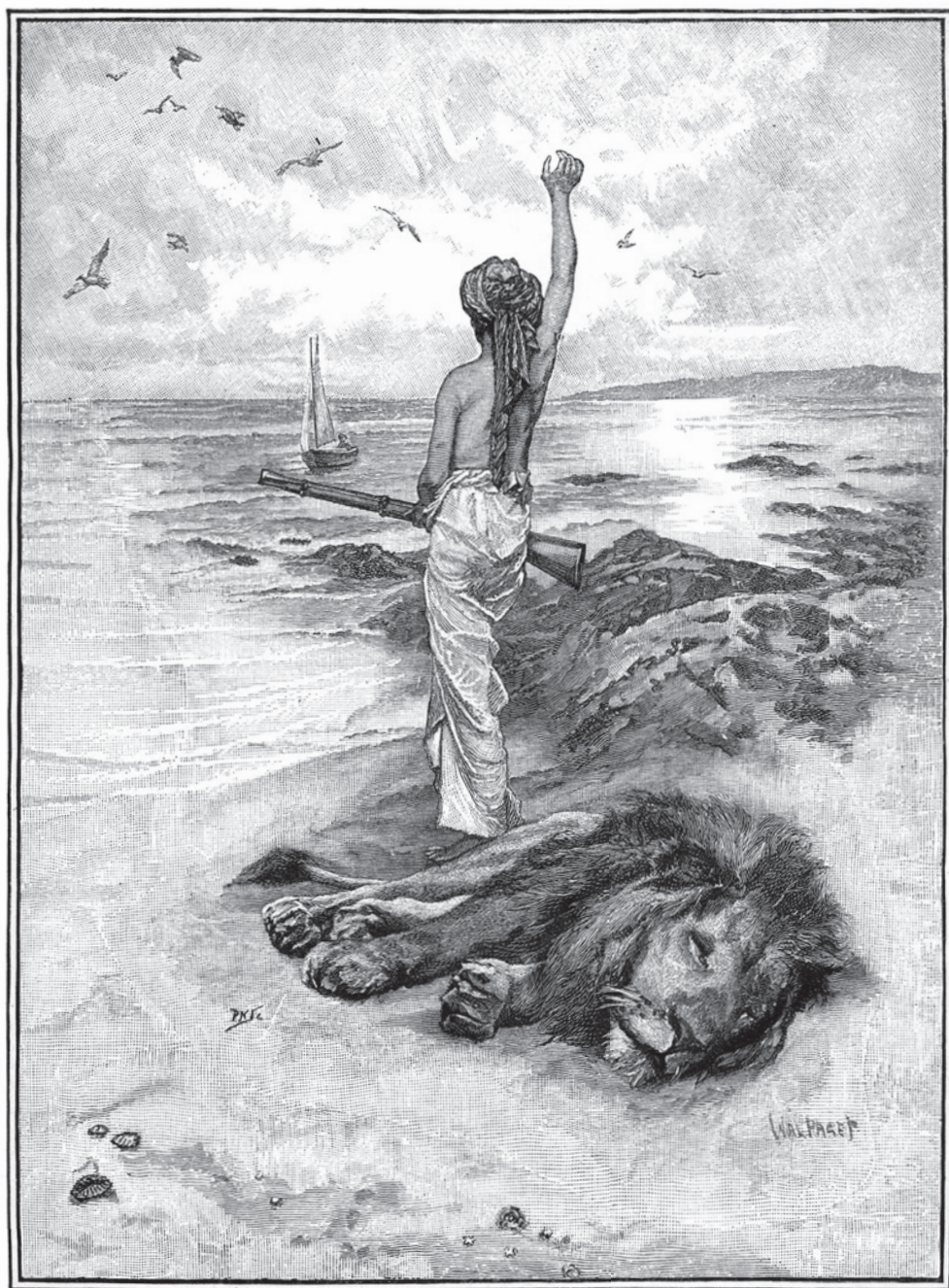
— На что он тебе? — спросил я.

— Отрубить зверю голову, — ответил мальчик.

Я дал топор, но отрубить им льву голову Ксюри не мог и должен был довольствоваться лапой, которую с торжеством и притащил в шлюпку. Такой большой лапы я никогда еще не видывал. Мне пришло в голову, что шкура льва может пригодиться нам для чего-нибудь, и решил попытаться снять ее. Для этой цели Ксюри и я, оба вышли на берег. Однако, оказалось, что я совсем не умею приняться за дело, между тем как Ксюри кое-как справлялся с задачей. Весь день провозились мы над снятием львиной шкуры. Наконец, благополучно кончив эту операцию, мы снесли шкуру в шлюпку и растянули ее для просушки на крыше каюты. Солнце превосходно высушило ее в течение двух дней, и я потом употреблял ее для подстилки на ночь.

После этого приключения мы почти безостановочно, в течение десяти или двенадцати суток, продолжали двигаться к югу, экономничая в провизии и выходя ненадолго на берег, только для того, чтобы запастись водой. Я желал добраться до рек Гамбии или до Сенегала, то есть до окрестностей Зеленого мыса, где надеялся встретить какое-нибудь европейское судно. Если бы мне это не удалось, я не знал бы, куда держать путь, и мне бы предстояло или бесконечно блуждать по морю, или же пристать, где попало, к земле и отдаться в руки дикарей.

Охота была удачна, но, к сожалению, наша добыча была не из съедобных.

Я знал, что все корабли, идущие в Гвинею, Бразилию или восточную Индию, проходят мимо Зеленого мыса или Канарских островов. Это побуждало меня стараться достичь одного из этих пунктов. А буду ли я там спасен, или погибну — это зависело от воли судьбы.

На двенадцатый или тринадцатый день после охоты на льва я стал замечать, что берег становится обитаемым и на нем виднеются люди, которые с любопытством смотрят на нас. Можно было даже различить, что они все чернокожие и совершенно нагие. В одном месте мне хотелось сойти к ним на берег, но Ксюри был осторожнее меня и сказал мне:

— Не нужно выходить! На шляпке безопаснее.

Тем не менее, я повернул шляпку ближе к берегу, чтобы вступить в переговоры с туземцами, которые постоянно размахивали руками и что-то кричали. Я видел, что они не были вооружены, за исключением одного, который держал в руке длинную и острую палку. Ксюри объяснил мне, что это пика, которую негры умеют бросать очень далеко и метко. Это побудило меня держаться подальше от земли, но в то же время я знаками просил негров дать нам чего-нибудь поесть. Они поняли меня и сделали знак остановиться, пока они сбегают за провизией. Я спустил парус и стал ожидать. Двое негров побежали к своим хижинам, видневшимся вдали. Через полчаса они возвратились, неся большой кусок сушеного мяса и маисовых зерен. Они показали нам эти предметы и приглашали взять их, но мы не знали, как это сделать, так как боялись выйти к ним на берег, а они, в свою очередь, опасались подплыть к нам. Наконец, негры придумали прекрасный исход из затруднительного положения: они положили провизию на землю, а сами отошли так далеко, что нам едва было видно их. Когда мы взяли мясо и зерно и снова уселись в шляпку, туземцы опять подошли к воде.

Не имея что дать этим добрякам в обмен, мы знаками выражали им нашу признательность, как вдруг представился отличный случай расквитаться с ними более приятным образом. С ближайшей горы сбегали два громадных зверя, с ожесточением нападавших друг на друга. Не знаю, было ли это явление обыкновенное, или нет, но думаю, что скорее необыкновенное, потому что хищные животные большей частью днем спят и выходят только по ночам. Вид их произвел сильный переполох между неграми; особенно испуганы были женщины. С громкими воплями вся толпа разбежалась, за исключением одного человека с пикой, который спокойно остался на месте. Звери, однако, не обратили никакого внимания на людей, а бросились в море и начали плавать во всех направлениях, точно и явились сюда только для этого. Наконец, один из зверей подобрался к нам настолько близко, что соседство его сделалось опасным. Я зарядил мушкет и приказал Ксюри зарядить остальные ружья. Выждав удобный момент, я выстрелил в зверя и попал ему прямо в голову. Он погрузился в воду, но тотчас же снова показался на поверхности, потом снова погрузился; очевидно, он боролся со смертью. Затем он повернул к берегу, но в нескольких шагах от него пошел ко дну.

Трудно описать изумление бедных туземцев, когда они увидели огонь и услышали звук выстрела. Некоторые чуть не умерли с испуга и попадали на землю. Только когда я разъяснил им знаками, что зверь убит, и предложил взять его, они пришли к себе и стали искать труп животного. Я указал им кровавый след на воде, в том месте, где зверь пошел ко дну, и бросил им веревку, посредством которой они могли бы вы-

тащить его из воды. Когда они вытащили зверя, оказалось, что это был великолепный леопард, из самых крупных и сильных. Негры знаками выражали свое удивление и недоумение по поводу непонятного для них способа, каким я убил это страшное животное.

Другой зверь, испуганный выстрелом, поспешил назад на берег и спасся бегством в горы, из которых вышел. Он все время был так далеко от меня, что я не мог разглядеть его. Негры спрашивали меня, можно ли им воспользоваться леопардом, и старались выразить мне свою признательность, когда я ответил им утвердительно. Очевидно, они хотели съесть его, потому что тут же начали сдирать с него шкуру и делить мясо на части. Орудиями для этой операции им служили заостренные деревяшки, но они работали ими более ловко и успешно, чем мы с Ксюри ножами. Они предложили мне часть мяса, но я отказался, уверив их знаками, что хочу предоставить им одним удовольствие наслаждаться мясом зверя, хотя на самом деле я просто и подумать не мог о том, чтобы есть мясо хищного животного. Вместо мяса я попросил их уступить мне шкуру, что они охотно и сделали, прибавив к ней еще разных съестных припасов, которые хотя и были мне неизвестны, но все-таки я взял их. Затем я взял кувшин из-под воды, перевернул его вверх дном, чтобы показать, что он пуст, и знаками же попросил наполнить его. Тотчас же две женщины ушли и через несколько времени возвратились с громадным горшком из битой и высушенной на солнце земли. Этот горшок они поставили на землю, после чего опять все отошли далеко в сторону. Я послал Ксюри с тремя кувшинами, которые он и наполнил водой из горшка.

Запасаясь таким образом водой и провизией, мы распростились с добродушными чернокожими и поплыли дальше, держась по-прежнему береговой линии.

Через одиннадцать дней я увидал большой мыс, выдававшийся на пять или шесть миль в море. Пользуясь тем, что было тихо, я пустился в открытое море, чтобы обогнуть мыс. Проплыв вдоль одной его стороны мили две, я заметил против него другие земли и заключил, что это должен быть Зеленый мыс с одноименными островами. Но до земли было еще далеко, и я не знал, что делать, потому что если бы нас в открытом море вдруг захватил ветер, мы не достигли бы ни мыса, ни островов.

Ломая голову над разрешением этого затруднения, я предоставил Ксюри руль, а сам пошел в каюту. Едва я там успел растянуться на койке, как Ксюри громко закричал:

— Хозяин, хозяин! Идет судно под парусом!

Мальчик был вне себя от ужаса: он подумал, что настигает нас погоня со стороны нашего бывшего господина, от которого мы убежали. По моему же убеждению, мы были уже настолько далеко, что настичь нас не было никакой возможности.

Я вышел на палубу и с первого же взгляда понял, что судно это португальское. Сначала я подумал, что оно идет к берегам Гвинеи для торговли с неграми, но когда взгляделся в путь, которого оно держалось, то пришел к заключению, что его назначение совсем другое и что оно не намерено приставать к земле.

Я решил выйти в открытое море, чтобы обратить на себя внимание корабля и поговорить с его капитаном. Но вскоре я убедился, что нам ни за что не догнать его и что мы даже не будем в состоянии дать ему заметить себя. Однако после нескольких отчаянных усилий нам все-таки удалось возбудить его внимание. Должно быть, нас увидели с корабля в подозрную трубу. Поняв, что шлюпка, в которой мы плыли, европейская, принадлежавшая, как можно было предположить, какому-нибудь ко-

раблю, потерпевшему крушение, капитан приказал спустить паруса и остановиться, чтобы дать нам возможность приблизиться к нему. Это ободрило нас. У нас на борту был флаг нашего бывшего господина. Я взял его и стал размахивать им в знак несчастий и затем выстрелил из мушкета, Это помогло: судно двинулось нам навстречу, и мы вскоре очутились возле него.

Сначала меня спросили по-португальски, потом по-испански и по-французски, кто я, но я не знал ни одного из этих языков, и потому не мог ничего ответить. Наконец, со мной по-английски заговорил один матрос-шотландец. Обрадованный этим, я поспешил сказать ему, что я англичанин и бежал из плена от мавров. Тогда нам предложили перейти на борт корабля, где нас приняли очень радушно и с большим участием.

Можно представить мою радость, когда я увидел себя вырченным из положения, которое казалось мне таким отчаянным и безнадежным! Я предложил капитану все, что имел, в вознаграждение за то, что он спас меня. Но он великодушно ответил мне, что, ничего не возьмет от меня и что все мое имущество в целости будет возвращено мне тотчас по прибытии в Бразилию, куда шел корабль.

— Я, — добавил он, — спас вас просто потому, что в случае надобности, надеюсь, спасут и меня. Ведь и я не гарантирован от подобного несчастья. Если бы я захотел потребовать с вас плату за свою услугу или хотя бы за один переезд, то мне пришлось бы обобрать вас до последней нитки, а вам предстояло бы умереть с голода в Бразилии, так что, в сущности, я не принес бы вам никакой пользы. Нет, сеньор англичанин, я доставляю вас в Бразилию бесплатно. А то, что у вас есть, там вам пригодится, — заключил этот благородный человек.

Устроив нас на своем корабле, он запретил матросам дотрагиваться до наших вещей, которые потом даже взял к себе на хранение и выдал мне подробный список всего, что оказалось у нас в шлюпке.

Так как шлюпка была очень хороша, то капитан предложил мне продать ему ее. На это я ответил ему, что раз он так великодушен ко мне, то я не могу решиться назначить цену за шлюпку и предоставляю это на его усмотрение. Тогда он объявил, что выдаст мне чек в восемьдесят пиастров¹, уплату по которому я получу в Бразилии, и добавил, что если там кто-нибудь предложит мне за шлюпку дороже, то он охотно даст мне ту же сумму. Кроме того, он предложил мне шестьдесят пиастров за Ксюри, которого просил уступить ему. Я колебался согласиться на это предложение, не потому, чтобы не доверял капитану мальчика, а просто в силу того, что мне жаль было продавать этого добродушного мориска, который был так привязан ко мне и так верно служил мне. Когда я высказал капитану, почему я не могу решиться расстаться с Ксюри, он одобрил мои чувства, но присовокупил, что Ксюри будет лучше у него, чем у меня, так как я еще не устроился, и мальчик может только связать меня, а он, капитан, обязывается отпустить его через десять лет на волю, если тот в течение этого времени будет служить ему так же верно, как служил мне. Вопрос этот было предложено разрешить самому Ксюри, который тут же изъявил желание перейти к капитану, и я уступил его.

¹ *Пиастр* (от *итал. piastra d'argento* — «*монетка серебра*») — принятое в Европе название испанской и испано-американской серебряной монеты; в Англии эти монеты называли также «*столбовыми долларами*» благодаря изображению на них Геркулесовых столпов, то есть скал Гибралтара.

Мы благополучно добрались до берегов Бразилии и вошли в залив Всех Святых¹ на двадцать третий день после того, как я попал на борт корабля. Теперь мне оставалось только подумать, что предпринять дальше.

Сердечное отношение ко мне доброго капитана было выше всякой похвалы. Он упорно отказывался принять что-нибудь от меня за переезд и даже дал мне двадцать дукатов за шкуру леопарда и сорок за львиную. Вообще он купил все, что я желал продать, и, между прочим два мушкета, ящик с бутылками ликера, и то, что осталось у меня от воска, из которого я делал свечи. Словом, я продал ему всего на двести пиастров. С этим капиталом я и вступил в Бразилию.

Там капитан ввел меня в дом к одному такому же честному человеку, как он сам. Последний имел сахарную плантацию и небольшой завод для выделки этого сладкого вещества. Я прожил некоторое время у этого человека и узнал у него, как культивировать сахарный тростник и как употреблять его в дело. Заметив, какую прекрасную жизнь вели обладатели сахарных плантаций и как быстро они обогащались, я решил попытаться счастья, примкнув к ним, для чего стал изыскивать средства добыть свои деньги, которые оставил в Лондоне. Получив необходимое официальное разрешение, я купил столько необработанной земли, сколько мог на имевшуюся у меня в руках сумму, и рассчитывал устроиться как следует с помощью тех денег, которые должен был получить из Лондона.

По соседству со мной жил один человек, родившийся в Лиссабоне от английских переселенцев; фамилия его была Уэльс. Он находился почти в таких же обстоятельствах, как и я. Его плантация была рядом с моей, поэтому я и называл его соседом. Мы с ним вскоре подружились и тесно сошлись. Наши плантации были одинаково малы, и в течение двух лет мы выручали с них лишь столько, чтобы кое-как прокормиться. Но потом, благодаря усиленным трудам, мы добились того, что дела наши стали улучшаться. На третий год мы приобрели себе еще по участку земли и посеяли табак, который пошел очень хорошо и отлично подготовил почву для посадки сахарного тростника. Но у нас не было рабочих рук, и я очень сожалел, что расстался с Ксюри, который мог бы быть мне хорошим помощником.

Но мне не в первый раз было ловить себя на промахе и потом каяться в нем! Я вообще, кроме промахов, ничего и не делал во всю свою жизнь. Я навязал себе занятие, к которому, в сущности, не имел ни малейшей склонности, и которое шло совершенно вразрез с планами, побудившими меня покинуть родительский дом и пренебречь всеми советами отца. Ведь я теперь занял как раз положение человека, добывающего себе средства к существованию трудом, за который отец советовал мне приняться дома. Ради этого не стоило бежать на край света, подвергаясь всевозможным опасностям и, кроме того, разбивать сердце отцу и матери. Я часто говорил себе: «То, что я делаю здесь, я мог бы делать и в Англии, посреди своих родственников и друзей, и мне незачем было бежать за две тысячи миль, чтобы попасть в рабство, а затем очутиться между чужими людьми, в дикой пустыне, из которой даже нельзя было иметь никаких сношений с теми, которым я был близок и дорог».

¹ *Залив Всех Святых* — Бухта на восточном побережье Бразилии; на ее берегах находится город Сальвадор.

Я глубоко раскаивался в своих легкомысленных поступках. Мне не с кем было обмениваться словами, кроме соседа, с которым мы видались хотя и часто, но не каждый день, и я все время должен был трудиться в поте лица. Мне казалось, что я походил на человека, потерпевшего кораблекрушение, заброшенного на пустынный остров и предоставленного исключительно самому себе. Но только потом я понял, что человек никогда не бывает доволен настоящим; только впоследствии, попав на необитаемый остров, я осознал, как было глупо с моей стороны быть недовольным тем образом жизни, который я начал в Бразилии и который, если бы я стал продолжать его, по всей вероятности привел бы меня к полному благосостоянию и гарантировал бы против всяких несчастий.

Однако я слишком забежал вперед. Пока я еще думал лишь о расширении моего дела, а для этого мне не доставало денег, которые оставались в Лондоне у вдовы капитана. В то время, когда я ломал себе голову над вопросом, как бы мне получить их обратно, ко мне явился опять тот капитан, который так любезно привез меня в Бразилию. Когда я рассказал ему о своем затруднении, он, подумав немного, сказал:

— Сеньор англичанин (он всегда меня так называл), если вы дадите мне форменную доверенность, необходимые письма и ордер на переправку ваших денег из Лондона в Лиссабон к людям, которых я вам укажу, то я берусь вам доставить их сюда в мой следующий приезд. Можете даже просить выслать вам в Лиссабон на имеющуюся у вас в Лондоне сумму таких товаров, которые вы могли бы сбить здесь с хорошим барышом. Я охотно берусь привезти и товары, если, конечно, Богу угодно будет, чтобы я еще раз возвратился сюда. Но, ввиду того, что люди подвержены невзгодам, и нельзя ручаться ни за что, я посоветовал бы вам вытребовать сначала половину вашего капитала, а затем, если она благополучно достигнет до вас, требовать и остальное.

Я с полной готовностью последовал этому дружескому совету и написал все, что было нужно: письма, доверенность и ордер.

Пользуясь случаем, я описал вдове капитана все свои приключения с момента своего последнего отъезда из Лондона, не умолчал и о своем настоящем положении. Само собой разумеется, что я обрисовал ей самыми светлыми красками португальского капитана, которому был обязан своим спасением.

Из Лиссабона мой великодушный друг чрез посредство живущего там знакомого ему англичанина послал в Лондон к одному богатому купцу все бумаги, которые я ему вручил, с таким красноречивым описанием моих злоключений, что купец глубоко был тронут и тотчас же поспешил к вдове капитана с моим поручением. Добрая женщина в свою очередь была сильно тронута и присоединила к моим деньгам из собственного кармана богатый денежный подарок для португальского капитана за его милосердие и великодушие ко мне.

Лондонский купец приобрел для меня на сто фунтов стерлингов подходящих английских товаров, которые и послал в Лиссабон, откуда мне их привез мой капитан. По его совету (я сам ни за что бы не догадался) в числе этих товаров были присланы английским купцом разного рода инструменты, орудия и приборы, которые принесли мне большую пользу на моей плантации.

Я был очень обрадован, когда увидел все, что привез капитан на мои сто фунтов стерлингов, и счел свое благосостояние вполне обеспеченным. Но я пришел положительно в восторг, когда узнал, что капитан — этот мой добрый гений — употребил пятьдесят фунтов стерлингов, подаренных ему вдовой его умершего английского

коллеги на то, чтобы нанять для меня на шестилетний срок слугу. За все свои услуги, хлопоты и любезности он не хотел ничего принять от меня, кроме небольшого количества табака с моей плантации.

Так как привезенные капитаном товары все были английского производства и состояли из сукна, фланели, шерстяных материй и тому подобных ткацких изделий, особенно ценимых в Бразилии, то я сбыл их с большой прибылью, и таким образом сразу получил значительное преимущество перед моим бедным соседом. Я купил себе раба-негра и нанял второго европейского слугу. Но дурное употребление средств часто бывает причиною самых крупных бедствий, в чем я, между прочим, убедился и из личного опыта. В следующем году я собрал много сахарного тростника и, кроме того, пятьдесят больших свертков табака, которые предназначил для продажи в Лиссабоне, исключая то количество, которое я обменял на провизию и тому подобное. Каждый сверток табака заключал сто фунтов отборных листьев.

По мере того, как мое богатство стало расти, моя голова начала наполняться планами всевозможных предприятий, для выполнения которых у меня не было ни знаний, ни сил, чего я, однако, не понимал, и продолжал заноситься в своих мечтах все выше и выше.

Если бы я терпеливо оставался при начатом деле, я достиг бы постепенно прочного благосостояния, о котором говорил мне отец, рекомендуя мне вести скромный и спокойный образ жизни, свойственный исключи-

тельно, по его справедливому замечанию, одному третьему сословию. Но это не входило в планы моей судьбы, осудившей меня быть орудием своего собственного несчастья, и я продолжал делать ошибку за ошибкой, которые потом должен был оплачивать на досуге, когда достиг вершины бедствий. Причина всех моих последующих невзгод коренилась именно в моем упорном и безумном стремлении рыскать по свету. Я слепо предался своей страсти, наперекор тому, что мне представлялась полная возможность, сидя дома, мирным и спокойным путем достичь действительных благ и исполнить свой долг по отношению к Богу и людям.

Будучи недоволен своим положением в родительском доме, я чувствовал недовольство и на своей плантации и, так сказать, выпустил из рук благоприятный случай

Я купил себе раба-негра.

обогатиться честным трудом из-за дерзкого влечения подняться выше того, чем мне следовало сделаться при тех условиях, в которые я был поставлен. Таким образом, я по собственной воле погрузился в глубочайшую пропасть человеческих бедствий, сохранив каким-то чудом только жизнь и здоровье.

Кто дочитает до этих пор мою историю, тот, конечно, поймет, что, пробыв четыре года в Бразилии и начав даже обогащаться на своей плантации, я выучился говорить по-португальски и завел сношения не только с соседями-плантаторами, но и с торговцами ближайшего к нам порта — Сан-Сальвадора. В беседах с торговцами я не раз описывал им свои два путешествия вдоль берегов Гвинеи и рассказывал о торговле с неграми, которые за разные безделушки, вроде стеклянных бус, серег, кусочков зеркального стекла, ножей, ножниц, топоров и тому подобного платят золотым песком, слоновой костью, гвинейскими зернами ¹ и даже своими единоплеменниками, которых отдают в рабство ради приобретения себе какого-нибудь предмета, особенно им понравившегося.

Торговля неграми тогда только что начиналась и составляла монополию испанских и португальских королей, которые давали другим на нее официальное разрешение довольно туго. Вследствие этого негры ценились очень дорого. Слушая мои повествования, купцы с особенным интересом останавливались на сообщении о том, что на берегах Гвинеи можно купить негров. Как-то раз, на другой день после того, как я был в Сан-Сальвадоре, ко мне явились три купца и объявили мне, что они всю ночь продумали о том, что я им накануне рассказывал, и решили сделать мне секретное предложение. Взяв с меня слово, что я сохраню все в тайне, они сообщили мне, что имеют намерение снарядить корабль для путешествия к берегам Гвинеи.

— Мы все, — говорили они, между прочим, — имеем, подобно вам, плантации и сильно нуждаемся в рабочих руках, поэтому нам хотелось бы купить себе рабов. Но так как открыто нельзя покупать их, то мы хотим тайком привезти их, сколько будет возможно, к себе на плантации.

Предложение их состояло в том, чтобы я согласился ехать на их корабле в качестве корабельного приказчика, чтобы руководить торговлей на гвинейском берегу; за это я должен был получить известную часть рабов в свое пользование.

Это было бы прекрасное предложение для человека, который бы не имел, как я, уже порядочной плантации и не был бы на прямом и верном пути к обогащению; но именно для меня, когда мне оставалось только выписать себе из Англии на имевшемся у меня там сто фунтов стерлингов еще товару, чтобы с выручкой от его продажи составилось три или четыре тысячи фунтов, это предложение было совсем не на руку, и согласиться на него было величайшей глупостью, какую только может совершить человек в моем положении.

Но, очевидно, я был рожден для того, чтобы рыть самому себе ямы, а потому и не имел сил противостоять этому соблазнительному предложению, точно так же, как у меня не хватило их для обуздания своих бродяжнических инстинктов в то время, когда отец уговаривал меня подавить мое влечение к жизни искателя приключений. Словом, я ответил купцам, что я к их услугам, если только они возьмутся вести мои

¹ *Гвинейские зерна* — устаревшее название кардамона.

дела на плантации во время моего отсутствия и распорядятся моим имуществом по моему указанию в случае, если я погибну во время путешествия. Купцы охотно обещали исполнить все мои требования и подтвердили это письменным обязательством. Я, со своей стороны, написал завещание в пользу своего друга, португальского капитана. Лично ему я отписывал половину своего имущества, а другую половину поручал отправить в Англию моим родителям, или, если их уже не окажется в живых, моим ближайшим родственникам, поименованным в завещании.

Вообще, я сделал все от меня зависящее, чтобы гарантировать целостность своего имущества и правильность ведения моего дела на плантации. Если бы я употребил хотя бы половину этого благоразумия на решение вопроса, что я должен и чего не должен делать ради своих главных интересов, то, конечно, никогда не решился бы пренебречь имевшимися уже у меня в руках шансами на верный успех и не пустился бы в путешествие, которое угрожало несомненными опасностями.

Но я был ослеплен и слушался больше своей фантазии, нежели рассудка. Когда корабль был снаряжен, и все было сделано по моему условию с купцами, я выступил в путь в недобрый час, 1 сентября 1659 года, то есть ровно восемь лет спустя после того, как я в первый раз сел на корабль в Гулле, чтобы разыграть незавидную роль бунтовщика против родительской власти и дурака против самого себя.

Наш корабль вместимостью в сто двадцать тонн имел шесть пушек и четырнадцать человек экипажа, кроме капитана, его слуги и меня. Груз же состоял из разных пустяков, вроде бус, кусочков зеркального стекла, ножей, ножниц, грошовых украшений и тому подобного.

Подняв паруса, мы направились вдоль нашего берега на север, с намерением повернуть в сторону Африки, когда достигнем десятого или одиннадцатого градуса северной широты, как в наше время всегда и делалось. Погода была отличная, но слишком жаркая во все время плаванья вдоль нашего берега, вплоть до высот мыса Святого Августина¹.

Там мы вышли в открытое море и направились будто к острову Фернандо-Норона², а на самом деле мы стали держать на северо-запад и оставили этот остров в стороне. После двенадцатидневного плаванья, когда мы дошли до седьмого градуса двадцати двух минут северной широты, вдруг поднялся страшный ураган, который сбил нас с пути. Он начался с юго-востока, затем повернул на северо-запад, наконец установился на северо-востоке и забушевал с такой силой, что мы в течение двенадцати дней только и делали, что лавировали, стараясь противостоять урагану и отдаваясь на волю случаю. Нечего и говорить, что в продолжение всех этих двенадцати дней я ежеминутно ожидал, что нас поглотит море, да и все на корабле ждали того же. В это время один из матросов умер от калантюры (болезни, которой бывают подвержены только моряки, плавающие в морях жаркого пояса), а слугу капитана унесло волной.

К концу двенадцатого дня буря начала немного стихать. Капитан произвел измерение и узнал, что мы находимся около одиннадцатого градуса северной широты и

¹ *Мыс Святого Августина* — ныне Кабу-Бранку; ранее этот мыс считался самой восточной точкой Южной Америки.

² *Фернанду-ди-Норонья* — крупнейший остров одноименного архипелага, состоящего из 12 вулканических островков, расположенных примерно в 350 км. от берегов Бразилии.

двадцать второго градуса западной долготы. Это заставило капитана предположить, что мы недалеко от гвианского берега или северной части Бразилии, выше реки Амазонки, близ Ориноко, обыкновенно называемой Великой рекой. Он посоветовался со мной, какого пути держаться. По его мнению, следовало возвратиться к бразильскому берегу, но я воспротивился этому. Мы начали с ним изучать карту морской береговой линии Америки и пришли к заключению, что обитаемого пункта, к которому мы могли бы пристать, нет и не будет, пока мы не войдем в Караибский архипелаг. Поэтому мы решили направиться к Берберии и надеялись добраться до нее за две недели, если будем держаться открытого моря, чтобы миновать Мексиканский залив. Плыть же вдоль берегов Африки нам было невозможно, потому что наш корабль был порядочно попорчен бурей.

Мы начали с ним изучать карту морской береговой линии Америки.

Итак, мы изменили путь и стали держать на северо-запад, чтобы достичь одного из английских островов, где я надеялся получить необходимую помощь. Но вышло иначе. На двенадцатом градусе и восемнадцати минутах северной широты нас настигла вторая буря, которая с такою же стремительностью погнала нас на запад, как первая гнала в противоположном направлении, и отнесла так далеко от посещаемых европейскими кораблями мест, что если бы нам предстояло спастись от крушения, то мы могли рассчитывать попасть скорее в руки дикарей, нежели возвратиться в свою страну.

Буря пробушевала всю ночь. Под утро вахтенный вдруг объявил, что виднеется земля. Едва успели мы выскочить из своих кают, чтобы попытаться узнать, что это за земля, как корабль наткнулся на песчаную отмель. Движение судна было остановлено так круто и море с такою стремительностью захлестывало его, что мы все ожидали немедленной гибели и лишь инстинктивно старались укрыться от ярости волн.

Тому, кто не бывал в подобном положении, трудно представить смущение всего экипажа нашего корабля в описываемую мною минуту. Мы не знали, куда нас прибило: к острову или к материку, обитаема эта земля или нет. Так как буря была все еще

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

очень сильна, то мы ежеминутно ожидали, что наш корабль разобьется на мелкие части, если только ветер каким-нибудь чудом не повернет вдруг в другую сторону или не утихнет.

Словом, мы уже готовились перейти в другой мир, потому что в этом, казалось, нам больше нечего делать. Но, против наших ожиданий, корабль оставался цел, а потом капитан утешил нас, заявив, что ветер начинает стихать. Тем не менее, мы находились в ужасном положении, потому что корабль был слишком нагружен и без посторонней помощи не мог сдвинуться с мели. Правда, у нас была на борту корабля лодка, но она от сильной качки столкнулась с рулем и разбилась, а затем сорвалась с каната и упала в море. Кроме лодки мы имели и шлюпку, но ее очень трудно было спустить на воду: сделать же это было необходимо, потому что мы все еще продолжали думать, что корабль того и гляди разобьется, а потому и решили попытаться спустить в море свой единственный якорь спасения.

Штурман и несколько матросов отвязали шлюпку и перебросили ее через борт судна. К счастью, она держалась лучше, чем мы предполагали. Мы все, в числе пятнадцати человек, сели в нее и отдали себя на волю Божию и на произвол стихий. Буря хотя и уменьшалась, но море все еще страшно волновалось, вполне заслуживая прозвания Дикого, данного ему голландцами во время бурь.

Глядя на ужасный прибой волн, мы не могли надеяться благополучно добраться до берега. У нас не было паруса, а если бы и был, то при таком ветре мы все равно не могли бы им воспользоваться. С тяжелым сердцем, чувствуя себя в положении приговоренных к смертной казни, мы принялись грести по направлению к берегу. Каждый из нас знал, что шлюпка непременно должна разбиться при первом же сильном ударе о землю. Но все-таки мы, поручив свои души Богу, пошли навстречу неминуемой гибели и изо всех сил стали грести к земле, куда нас нес и ветер. По милости громадных волн, мы не могли разобрать, что это был за берег: скалистый или песчаный, отлогий

Мы, поручив свои души Богу, пошли навстречу неминуемой гибели и изо всех сил стали грести к земле.

или крутой. Для нашего утешения нам оставалась только слабая надежда, что, авось, нам удастся попасть в какой-нибудь залив или в устье реки, где мы могли бы иметь защиту от ветра и волн и остановиться. Но ничего подобного не было, и по мере нашего приближения к земле, она казалась нам страшнее самого моря.

Когда мы, по нашим расчетам, проплыли мили полторы, на нас сзади вдруг нахлынула волна, вышиной почти до облаков, и мы с замиранием сердца стали ожидать, что она нанесет нам решительный удар. И, действительно, могучий водяной вал одним натиском перевернул нашу шлюпку вверх дном и заставил нас разлететься в разные стороны. Мы только и успели вскричать: «О Боже!» как почувствовали, что погружаемся в холодную бездну.

Невозможно описать, что я чувствовал, когда очутился посреди бушующих волн. Хотя я отлично плавал, но у меня не хватало сил высвободиться из волн настолько, чтобы можно было свободно дышать. Подхватившая меня волна отнесла меня почти к самому берегу, но я задыхался от массы проглоченной мной воды. Однако, увидев себя так близко от берега, всего в каких-нибудь нескольких футах и притом на очень

Я опустился на зеленую траву, покрывавшую часть скалы, и наслаждался сознанием, что счастливо избежал страшной опасности.

мелком месте, я собрал последний остаток сил и поднялся на ноги. Я поспешил это сделать раньше, чем нахлынет другая волна, потому что она могла отбросить меня назад. Мне хотелось до этой волны выброситься на берег. Но я сейчас же убедился, что мне это не удастся, потому что меня уже настигла целая гора воды, готовая с ревом обрушиться на меня. Победить этого врага я не был в состоянии. Мне оставалось только одно: снова лечь на песок, задержать дыхание и приложить все свои усилия, чтобы удержаться на поверхности волны.

Вновь нахлынувший вал обхватил меня всей своей массой и со страшной быстротой понес вперед к берегу. Не дыша, я старался вынырнуть из воды, но не мог. Вдруг я почувствовал, что моя голова и руки очутились поверх воды. Я продержался в этом положении не более двух секунд, но и этого было мне достаточно для того, чтобы пере-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

вести дух и ободриться. Меня снова со всех сторон покрыло водой, но я уже держался храбро, и через несколько минут начал замечать, что волна уходит назад. Еще несколько страшных усилий, и я очутился на маленькой песчаной возвышенности. Отдышавшись, я со всех ног пустился бежать по берегу кверху. Но этим не кончилась моя борьба с морем: волны еще два раза настигали меня и уносили назад с земли. В последний раз меня с такой силой ударило об утес, что я лишился чувств и окончательно был предан во власть яростных волн. К счастью, я пришел в себя очень быстро. У меня сильно болели грудь и голова, которыми я ударился о камень. Увидав, что набегают новая волна, я уцепился за утес и решил до тех пор удерживать дыхание, пока волна снова не отхлынет. Мне удалось вскарабкаться на площадку утеса. Хотя и там меня еще два или три раза обдавало волнами, но они были уже не так велики, и я свободно мог противостоять им. Наконец, я поднялся на такую высоту, что очутился в полной безопасности. Со вздохом облегчения я опустил на зеленую траву, покрывавшую часть скалы, и наслаждался сознанием, что счастливо избежал страшной опасности.

Взглянув на небо, я поблагодарил Бога за свое чудесное избавление от смерти, на что за несколько минут перед тем едва осмеливался надеяться. Кто не испытал этого,

По волнам неслись только три шляпы, колпак и два разрозненных сапога.

тому трудно понять, какой восторг охватывает душу человека, вырванного, так сказать, из глубины могилы! Только люди, находившиеся лицом к лицу со смертью, и могут понять, почему к осужденному на смертную казнь, но внезапно помилованному является хирург, чтобы пустить ему кровь перед тем, как прочтут акт о помиловании, принесенном в ту самую минуту, когда на его шее уже затягивается веревка: иначе его может убить неожиданная радость. Сильная радость и сильное горе могут одинаково убить.

Отдохнув немного, я принялся ходить взад и вперед по утесу, поднимая руки к небу и делая тысячи движений, выражавших бурную радость, всецело охватившую меня. Я думал о своих спутниках, которые, наверное, погибли, потому что я не видел ни одного из них на поверхности моря. По волнам неслись только три шляпы, колпак и два разрозненных сапога. Я стал искать глазами корабль, но он был так далеко от берега, а волны вздымались все еще так высоко, что я не мог разглядеть его. Это было действительно чудо, что я благополучно достиг берега!

Насладившись сознанием своего спасения, я начал оглядываться вокруг, чтобы понять, куда меня закинула судьба и что мне теперь делать. Радость моя вдруг силь-

Утомленный душою и телом, я очень скоро погрузился в такой крепкий и продолжительный сон, какого нельзя было и ожидать в моем ужасном положении.

но уменьшилась, когда у меня мелькнула мысль, что, в сущности, я далеко еще не спасен; у меня не было ни платья для перемены, так как то, которое было на мне, насквозь было пропитано морской водой, ни пищи, которою я мог бы подкрепить свои упавшие силы, ни пристанища. Следовательно, передо мной были три перспективы: умереть от простуды, погибнуть от голода или сделаться добычею диких зверей.

Будь у меня оружие, я не так бы боялся, потому что тогда я мог бы защитить себя и раздобыться какой-нибудь дичью для поддержания своего существо-

вания. Но в карманах у меня не имелось ничего, кроме ножа, трубки и небольшого количества табаку в маленьком ящичке. Поняв, что мое положение так же ужасно,

как было в то время, когда я боролся с морем, я впал в такое отчаяние, что несколько времени бегал взад и вперед по берегу, как сумасшедший.

С наступлением вечера я стал ожидать, что вот-вот явится какой-нибудь зверь и растерзает меня. Я знал, что хищные животные имеют обыкновение выходить на добычу, как только скрывается солнце.

Оглядываясь по сторонам, я заметил большое ветвистое дерево, похожее на нашу сосну, только с колючками. На него я и решил забраться на ночь, чтобы хоть на несколько времени оттянуть свою гибель, в которой я несколько уже не сомневался. Перед тем, как устроиться на ночь, я отправился на поиски пресной воды. К своему величайшему удовольствию, я вскоре наткнулся на ручей, протекавший в четверти мили от моря. Напившись и взяв в рот немного табаку, чтобы предупредить голод, я возвратился к дереву, вскарабкался на него и расположился на нем как можно удобнее и безопаснее, чтобы не свалиться на землю в случае, если засну. Сидя на дереве, я вырезал себе хорошую дубину и поместил ее возле себя.

Утомленный душой и телом, я очень скоро погрузился в такой крепкий и продолжительный сон, какого нельзя было и ожидать в моем ужасном положении. Сон этот освежил и ободрил меня, так что, проснувшись, я почувствовал себя гораздо лучше, чем накануне.

Когда я проснулся, солнце уже стояло высоко на небе, которое было совершенно ясно. Ветер окончательно утих, и море почти успокоилось. Каково же было мое изумление, когда я увидел, что наш корабль, который я считал погибшим, за ночь силой волн был сдвинут с мели и пригнан почти к тому самому утесу, у подножия которого я чуть было не расшиб себе голову! Судно находилось всего на расстоянии мили от берега, и это внушило мне мысль попытаться доплыть до него и забраться на его борт, чтобы запастись необходимыми вещами.

Спустившись с дерева, послужившего мне спальней, я увидел и шлюпку, которая была выброшена волнами на берег милях в двух от меня. Обрадованный этим открытием, я пошел было к шлюпке, но на полпути был остановлен узким, в полмили шириною, морским рукавом, тянувшимся между мной и шлюпкой. Рассудив, что мне лучше прямо плыть к кораблю, я возвратился назад.

Меня охватила сильная скорбь при мысли, что если бы мы не покинули корабля, то все были бы спасены, и я бы теперь не был оторван от человеческого общества и не лишился бы всего. Я даже заплакал при этой мысли, и это послужило к моему успокоению.

Было очень жарко. Я разделся, оставил одежду на берегу и бросился в воду. До корабля я добрался скоро и благополучно, и мне только оставалось придумать, как бы забраться на него, что было сделать нелегко. Так как судно было намного выше уровня воды и касалось ее только дном, то мне не за что было ухватиться, чтобы вскарабкаться на него. Я два раза проплыл вокруг корабля и только во второй раз заметил конец веревки, которая почему-то не бросилась мне в глаза в первый раз. Веревка спускалась с порт-штаги фок-мачты и свешивалась через борт настолько низко, что я после некоторых усилий достал ее. Поднявшись по ней на палубу, я бросился осматривать корабль, и увидел, что весь трюм его наполнен водой. Очевидно, он получил сильную трещину и держался только потому, что крепко сидел на песке.

Корма была поднята очень высоко, а нос находился гораздо ниже. Таким образом, в задней части корабля было совершенно сухо. Осматривая дальше то, что было

Я два раза проплыл вокруг корабля и только во второй раз заметил конец веревки.

на корабле, я нашел, что вся провизия была в превосходном состоянии и нисколько не пострадала от морской воды. Чувствуя сильный голод, я прежде всего набросился на сухари. Завтракая таким образом, я в то же время продолжал осмотр, потому что не хотел терять напрасно времени. В большой каюте я нашел ром и выпил несколько больших глотков для придания себе бодрости. Недоставало только лодки, на которой я мог бы перевезти на свой остров все, что могло мне понадобиться.

Сознавая, что все равно не выйдет никакого толку, если я буду только ныть, сложа руки о том, чего нет, я со внезапно пробудившейся энергией принялся за дело. Отыскав несколько штук запасных деревянных частей такелажа, я обвязал их канатами и спустил на воду, привязывая отдельно каждое бревно свободным концом каната к борту корабля, чтобы его не унесло водой. Потом и сам спустился с корабля и кое-как устроил из этих бревен нечто вроде плота. Окончив эту работу, я прошелся по своему импровизированному плоту и убедился, что он пойдет отлично, но большого груза не поднимет, вследствие легкости деревьев, из которых был устроен. Тогда я, не жалея труда, распилил на три части корабельную стеньгу и скрепил ею плот. Дело это было нелегкое, но я не унывал и изо всех сил старался сладить со своей задачей. Надежда запастись всем необходимым придавала мне силу и предприимчивость.

ГЛАВА II

Мой плот. — Посещения корабля. — Мое жилище. — Утешительные размышления. — Дневник. — Хозяйственные дела. — Неожиданная жатва. — Землетрясение и ураган. — Жестокая лихорадка. — Мысли больного. — Новые открытия. — Годовщина кораблекрушения.

Я устроил плот так, чтобы он мог поднять довольно значительный груз. Теперь мне только оставалось выбрать то, что я хотел взять с собой, и придумать, как бы предохранить свой груз от приboя волн. Сначала я положил на плот все доски, какие только мог достать, пользуясь обшивкой корабля, а затем, обдумав, что нужно взять, я спустил на плот три матросских сундука, предварительно опорожненных мною. Первый сундук я наполнил провизией: хлебом, рисом, тремя голландскими сырами, пятью кусками сушеного козьего мяса, которым экипаж преимущественно и питался, и мешком пшеницы, служившей кормом для кур, вывезенных нами из Бразилии, но дорогою съеденных. Я нашел немного ржи и ячменя, смешанных вместе; но, к сожалению, эти зерна были так попорчены крысами, что никуда не годились. На корабле было и несколько ящиков с бутылками, в которых заключались наливки капитана и несколько галлонов арака¹, но для этих бутылок уже не было места в сундуке, поэтому я пока отложил их в сторону. Возясь с нагрузкой, я имел удовольствие видеть, как начался прилив, и им смыло с берега оставленную мною там одежду; на мне оставались только нижние полотняные панталоны и чулки. Это побудило меня поискать на корабле одежду. Я нашел ее много, но выбрал только самое необходимое, потому что хотел взять, главным образом то, что было всего нужнее для меня, например, различные орудия для работы на земле. После долгих поисков я нашел ящик корабельного плотника, наполненный такими предметами, которые в настоящем моем положении были для меня гораздо полезнее и ценнее золота. Я спустил и этот ящик на плот, не вскрывая его, потому что в общем знал его содержание.

Теперь следовало запастись оружием и амуницией. В большой каюте оказались два ружья для охоты и два пистолета. Кроме того, я нашел две заржавленные шпаги,

¹ Один галлон сдержит от 3,7 до 4,5 л. в зависимости от страны, изначально определялся как объем 8 фунтов пшеницы; арак — алкогольный напиток, часто с добавлением аниса, в зависимости от страны различается исходное сырье и рецептура, монголы делают его из кобыльего молока.

несколько полных пороховниц¹ и мешочек с мелким свинцом. Все это я отобрал для себя. Я знал, что на борту находились три бочонка с порохом, но долго не мог найти их, потому что наш пушкарь очень искусно их спрятал. Один из этих бочонков оказался промокшим, но два остальных были совершенно сухими; я взял и их на плот. Заметив, что большого груза плот не выдержит, я начал придумывать, как бы теперь провести его к берегу; это было далеко не легко сделать, так как у меня не было ни паруса, ни руля, ни весел, и небольшой ветерок мог перевернуть мой плот кверху дном.

Три обстоятельства поддерживали мою бодрость: во-первых, спокойное и гладкое море, во-вторых, поднимающийся на берег прилив и, в-третьих, слабый ветерок, который дул к берегу. Наконец, отыскав еще три сломанных весла, принадлежавших к шлюпке, а также пилу, топор и молоток в добавление к тем орудиям, которые заключались в ящике плотника, я уложил и их на плот, затем поместился на нем сам и пустился к берегу. Около мили мой плот шел отлично, но только я заметил, что он берет в сторону от того места, где я ночевал и куда направлял его. Из этого я заключил, что должно существовать ведущее в бухту, какое-то течение, которой я мог бы воспользоваться как портом для разгрузки плота.

Я не ошибся. Передо мною вскоре оказался небольшой залив, в который несся мой плот. Я употребил все силы, чтобы удержать плот посредине течения, но тут я чуть было не подвергся новому крушению, которое, наверное, поразило бы меня больше первого. Плот одним концом вдруг наткнулся на мель, а так как другой его конец оставался в воде, то он накренился, и весь мой груз готов был свалиться в воду. Я изо всей силы уперся спиной в сундуки, чтобы удержать их на месте. Сдвинуть плот с мели я не мог, да и пытаться сделать это было очень опасно, поэтому мне оставалось только выждать, пока не поможет прилив. Так я и просидел целых полчаса, не шевелясь и поддерживая сундуки напором своего тела. Наконец, вода поднялась настолько, что плот сам съехал с мели, и я с помощью весел мог снова плыть по течению.

Через некоторое время я очутился в устье маленькой реки с быстрым течением и стал искать глазами на обоих берегах удобное место, где можно было бы безопасно высадиться. Надеясь со временем увидеть в море какой-нибудь корабль, я не хотел забираться слишком далеко от берега и решил устроиться как можно ближе к воде.

Наконец, я нашел небольшую губу на правом берегу залива, куда и направил, хотя не без труда, свой плот. Я подошел так близко к берегу, что, упершись в него веслом, мог бы прямо вытолкнуть на него плот, но этим я рисковал потопить груз, потому что берег был довольно крутой, так что при подъеме на него один конец плота опять был бы выше другого, и сундуки должны были бы съехать в воду. Поэтому я снова решил обождать, когда прилив достигнет своей наибольшей высоты. Упираясь веслом в дно, я старался удержать плот в равновесии. Я надеялся, что одно место на берегу, которое казалось мне всего более подходящим для высадки, покроется водой, и я опять не ошибся. Как только под плотом, который требовал около фута глубины, оказалось достаточно воды, я осторожно толкнул его на берег, где и закрепил его с помощью весел, которые воткнул

¹ В качестве небольших контейнеров для пороха во времена Дефо часто использовали не только полотняные мешочки, но также коровьи рога с деревянной или металлической насадкой в их самой широкой части.

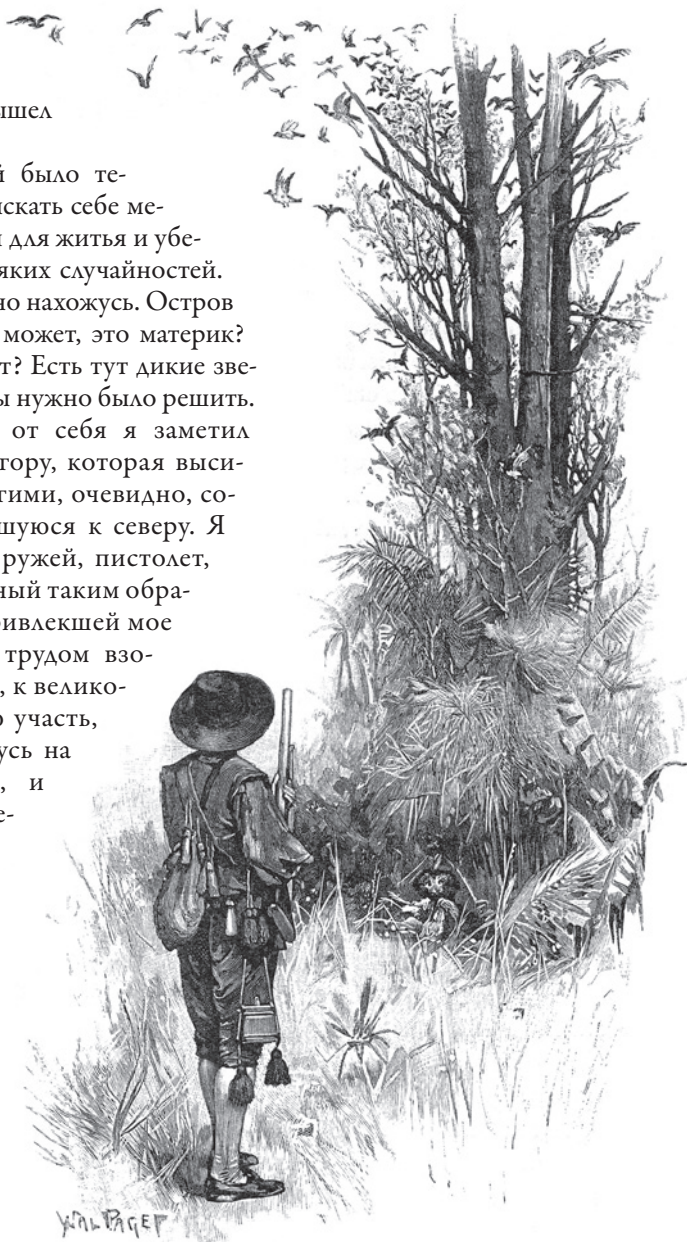
по обоим его бокам
в дно. Убедившись,
что ни грузу, ни са-
мому плоту ничто не
угрожает, я оставил все и вышел
на землю.

Моей главной заботой было те-
перь осмотреть берег и отыскать себе ме-
сто, где я мог бы устроиться для житья и убе-
речь свое имущество от всяких случайностей.
Я еще не знал, где собственно нахожусь. Остров
это или полуостров? Быть может, это материк?
Обитаема эта земля или нет? Есть тут дикие зве-
ри или нет? Все эти вопросы нужно было решить.

На расстоянии мили от себя я заметил
очень высокую и крутую гору, которая выси-
лась над несколькими другими, очевидно, со-
ставлявшими цепь, тянувшуюся к северу. Я
взял одно из охотничьих ружей, пистолет,
пороховницу и, вооруженный таким обра-
зом, направился к горе, привлекавшей мое
внимание. С громадным трудом взо-
бравшись на ее вершину, я, к велико-
му огорчению, узнал свою участь,
то есть понял, что нахожусь на
острове посреди океана, и
что по соседству нет ниче-
го, кроме двух скали-
стых островов, гораздо
меньших того, на кото-
ром я находился, рас-
положенных на западе,
милях в трех от меня.

Я узнал также, что
мой остров находится
в первобытном состоя-
нии и из этого вывел за-
ключение, что если он и
обитаем, то разве толь-
ко одними хищными
животными. Положим,
я еще не заметил ни од-
ного зверя, но это мог-
ло быть потому, что они

ютились в глубине острова. Зато я видел множество птиц неизвестных мне пород, так
что даже убив несколько штук, я не мог бы сразу узнать, которые из них съедобны, а

*Возвращаясь назад, я все-таки выстрелил в большую
птицу, сидевшую на дереве.*

которые нет. Возвращаясь назад, я все-таки выстрелил в большую птицу, сидевшую на дереве, на опушке большого леса. Я думаю, с самого сотворения мира ¹ это был первый выстрел на этом острове. Как только он раздался, по всему лесу с криком и шумом заметалось множество птиц различных пород. Ни одной из них я не знал. Что же касается той птицы, которую я убил, то она походила на сокола, только без его шпор и когтей; мясо ее оказалось неприятно пахнущим и никуда не годным.

Я возвратился к своему плоту и принялся разгружать его. Это занятие отняло у меня весь остаток дня. Потом я стал придумывать, где мне провести эту ночь. На дереве мне не хотелось опять забираться, а оставаться на земле я не решался из опасения, что меня могут съесть дикие звери. Впоследствии я убедился, что мой страх был совершенно безоснователен.

Тем не менее, я решил остаться на земле, для чего устроил себе из досок род хижины, а из сундуков — баррикаду. Во время этой работы я раздумывал о том, чем мне пополнять свой небольшой запас провизии. Но я вспомнил, что видел в лесу несколько маленьких животных вроде наших зайцев, и это немного утешило меня.

Затем мне пришло в голову, что на корабле осталось еще много вещей, которые могут мне пригодиться, как, например, паруса, связки веревок и многие другие предметы, удобные для перевозки на берег. Я решил побывать еще не один раз на корабле, если это окажется возможным. Понимая, что рано или поздно корабль должен весь рассестись, я решил отправиться на него на следующий же день, и вообще до тех пор ничего не предпринимать, пока мне не удастся забрать оттуда все, что можно.

Отлично проспав и эту ночь, я с восходом солнца проснулся и тотчас же отправился снова на корабль. Так как мой плот был разобран, то я совершил это маленькое путешествие опять вплавь, как накануне, одетый только в полосатую рубашку, полотняные панталоны и башмаки без каблуков ².

Поднявшись на палубу корабля, я немедленно устроил второй плот, но гораздо легче первого, потому что вчерашний опыт дал мне понять, что это будет удобнее. Я и нагрузил его меньше, чем первый. Все-таки я захватил с корабля много такого, что должно было принести мне большую пользу. Так, например, я нашел в нижней каморе корабля два или три мешка с гвоздями и винтами, большой бурав, дюжины две топоров и точильный камень, который тоже был мне нужен. Кроме того, я взял из пушкарского отделения несколько железных крюков и фомок, два бочонка с мушкетными пулями, семь мушкетов, еще одно охотничье ружье, небольшое количество пороху, большой мешок с дробью и громадный кусок свинца; но последний был так тяжел, что я не мог поднять его, а потому принужден был пока оставить эту находку. Воспользовался я и парусом с маленькой реи, гамаком, полной постелью и всеми носильными вещами, которые попадались мне под руку.

Нагрузив все это на плот, я, к своей великой радости, благополучно и без особенных затруднений довел его до берега.

Я опасался, что по возвращении не найду моих съестных припасов, но все оказа-

¹ Джон Локк писал в конце XVII в., что многие его современники оценивали время, прошедшее от описанного в Библии сотворения мира до 1689 г. в 5639 лет.

² Такие башмаки не имели застежек и удерживались на ноге благодаря точной подгонке.

лось в целости; не было заметно никаких следов непрошенных посетителей. Только на одном из сундуков сидело животное, похожее на дикую кошку. Когда я подошел к нему, оно отбежало на небольшое расстояние, а потом остановилось и, спокойно усевшись на земле, принялось пристально смотреть на меня, точно желая познакомиться со мной. Я показал ему ружье, но так как оно не знало, что это за вещь, то отнеслось к нему совершенно равнодушно и не выказывало ни малейшей охоты бежать дальше. Тогда я бросил ему кусок сухаря, но небольшой, потому что излишка в провизии у меня не было. Животное подошло к сухарю, обнюхало его и потом съело, после чего стало ласковым взглядом выпрашивать еще. Но я больше не дал, и это животное, подождав еще немного, ушло.

Когда я убрал второй груз, причем мне пришлось особенно долго возиться с порохом, бывшим в бочонках, которые были настолько тяжелы, что я не мог их снести целиком, а должен был вскрыть их и брать порох частями, (удивляюсь, как я смог вообще спустить их с корабля на плот), я начал устраивать палатку из паруса и кольев, которые тут же добыл, употребив на это толстые сучья дерева. В эту палатку я снес все, что могло испортиться от солнца или дождя, а затем забаррикадировал ее всеми своими бочками, ящиками и сундуками, для защиты от людей и зверей.

Вход в палатку изнутри я заставил досками, потом устроил себе на земле постель. Положив у изголовья пистолеты, а сбоку ружье, я растянулся на постели и, утомленный дневной работой, заснул, как убитый.

Хотя у меня и был самый большой склад всевозможных предметов, когда-либо собранных одним человеком, я все еще не был доволен. Я находил, что пока корабль не пошел ко дну, нужно воспользоваться и взять с него все, чем только было можно. Поэтому я стал каждый день посещать его и забирать с него то одно, то другое. Между прочим я взял все снасти, веревки и бечевки, все паруса, сколько их было, хотя они были так велики, что я должен был разрезать их на куски, без чего не мог свернуть их; я захватил даже запасный кусок холста для починки парусов и подмоченный бочонок с порохом.

Особенное удовольствие доставило мне еще несколько находок. После пяти или шести посещений корабля, когда можно было предположить, что на нем не оставалось больше ничего, достойного внимания, я совершенно случайно нашел громадную бочку ¹ с сухарями, три бочонка с ромом и наливками, ящик с сахаром и бочку с мукой-крупчаткой ². Очень обрадованный этими неожиданными находками я поспешил препроводить и их на свой остров.

На следующий день я срубил все мачты и устроил из них новый плот, больше двух первых, на который и нагрузил все канаты и железные скобы, которые нашел на корабле. Но на этот раз счастье мне изменило: плот был нагружен так тяжело, что когда я ввел его в губу, служившую мне портом, он сильно ударился о берег и перевернулся, причем и весь груз и я сам упали в воду. Положим, я сам нисколько не пострадал, но мне было очень жаль груза. Впрочем, впоследствии мне удалось вытащить из воды половину вещей, хотя и с большим трудом, так как от тяжести многие предметы завязли

¹ Такую бочку для жидкостей называли «Кабанья голова» (Hogshead); она вмещала около 250 л. пива.

² Иначе муку крупного помола называют крупитчатой.

в песке. Однако, я и в следующие дни продолжал бывать на корабле и еще многое перетаскал с него.

Пробыв тринадцать дней на острове, я одиннадцать раз побывал на корабле и вывез оттуда все, что только можно было вывезти. Я думаю, что если бы погода оставалась тихой, я растаскал бы и самый корпус корабля по частям. Но на четырнадцатый день, когда я в двенадцатый раз собирался посетить корабль, вдруг поднялся ветер. Тем не менее, во время отлива я как всегда отправился на корабль. Несмотря на то, что я несколько раз бывал в каюте капитана и был уверен, что там нет больше ничего интересного, я и на этот раз нашел в ней небольшую шифоньерку с множеством ящиков. В этих ящиках оказалось несколько бритв, пара больших ножниц, около дюжины прекрасных столовых ножей и вилок и, вдобавок, в отдельном помещении, тридцать шесть фунтов стерлингов разной золотой и серебряной монетой, европейской и бразильской.

При виде этих денег я невольно улыбнулся и вслух проговорил:

— О, блестящая дрянь, на что ты мне нужна! Ты не стоишь даже труда, чтобы взять тебя с собой, потому что каждый из этих ножей для меня несравненно полезнее тебя. Ты мне не нужна, — оставайся же на своем месте и ступай потом ко дну, как предмет, недостойный внимания!

Однако, я одумался, завернул деньги в бумагу и положил в узел, который связал из рваного паруса, и в котором находились другие вещи. Я хотел сделать еще плот, но, возвратившись на палубу, заметил, что небо затянуло облаками и ветер начинает крепчать. Не прошло и четверти часа, как ветер довольно сильно задул со стороны берега. Я понял, что при этом условии нечего и думать о плотях, а нужно как можно скорее возвратиться вплавь на берег, пока еще нет особенно сильного волнения, а то я, пожалуй, рискую остаться навсегда в море. Привязав себе на спину узел, я бросился в воду и храбро поплыл назад к берегу. Я хотя и достиг земли, но с большим трудом, по причине тяжести, которую имел на плечах и волнения, усиливавшегося с каждой минутой. Не успел еще подняться прилив, как буря разыгралась вовсю.

Однако я вовремя успел укрыться в своей палатке и уселся там в полной безопасности посреди всех своих сокровищ. Всю ночь бушевала буря, а когда я на утро вышел из палатки и посмотрел в сторону корабля, последнего уже не было больше видно. Судно бесследно исчезло. Сначала это очень неприятно поразило меня, а потом я утешился мыслью, что ведь я не жалел ни труда ни времени, чтобы забрать с него все, что могло оказаться мне полезным, и что на нем оставалось лишь то, без чего я отлично мог обойтись.

С этих пор я перестал думать о корабле, но, тем не менее, не ленился вылавливать из воды его осколки, которые близко подплывали к берегу. В сущности, эти доски были лишними для меня, но я все-таки собирал их, охваченный какой-то алчностью.

Теперь я стал устремлять все свои мысли на то, как бы обезопасить себя от нападения дикарей и хищных животных, которые могли находиться на острове и найти мое убежище. Я долго колебался, устроить ли мне пещеру в земле, или хижину на ее поверхности. Наконец, я решил, что не мешает обзавестись жилищами обоюдо.

То место, на котором я временно поселился, не казалось мне удобным для продолжительного жилья, так как оно, находясь около самого моря, было низкое и болотистое, а следовательно, и нездоровое, притом от него было далеко до источника с пресной водой. Учитывая все это, нужно было отыскать другое, более подходящее место.

При выборе нового места мне нужно было, чтобы оно удовлетворяло следующим условиям: во-первых, чтобы оно было здоровое и вблизи пресной воды, во-вторых, чтобы оно не находилось прямо на солнцепеке, в-третьих, чтобы на нем было безопасно от нападений диких зверей, как двуногих, так и четвероногих, и в-четвертых, чтобы видно было море, так что в случае, если бы Господь послал в эти воды корабль, я мог бы увидеть его и воспользоваться его помощью для своего спасения. С этой сладкой надеждой я не хотел расстаться.

Отыскивая место, которое представляло бы все эти удобства, я наткнулся на маленькую равнину, расположенную у подножия горы, которая поднималась вверх совершенно отвесной стеной, так что оттуда не было никому никакой возможности спуститься вниз. У подножия этой горы была впадина, походившая на вход в пещеру, хотя на самом деле тут никакой пещеры не было.

Я решил поселиться именно на равнине перед этой горой. Самая равнина имела не более ста ярдов в длину ¹ при двойной ширине и представляла собою прелестный зеленый лужок, отлого спускавшийся к берегу. Он был расположен на северо-запад от горы, так что весь день был защищен от солнца, пока оно не начнет склоняться к юго-западу, но тогда оно в этих широтах уже близко к закату.

Прежде чем поставить тут свою палатку, я очертил перед впадиною в горе полукруг, радиус которого имел около десяти ярдов, считая от горы, а диаметр — двадцать ярдов.

Я вбил в этот полукруг два ряда больших кольев, которые, глубоко уйдя в землю, составили подобие свай. Верхний, сильно заостренный конец их возвышался на пять с половиною футов над землей; между обоими рядами было всего шесть дюймов ² промежутка. Этот промежуток я заложил сверху донизу взятыми с корабля канатами. Затем внутри полукруга я вколотил в землю еще ряд кольев в два с половиною фута вышиной, которые упирались в первые и должны были служить им подпорками.

Эта ограда была так высока и крепка, что ни человек, ни зверь не могли бы ни перелезть через нее, ни сломать ее. Правда, я употребил много времени и труда на ее устройство, в особенности на то, чтобы вырубить колья в лесу, перенести их на место и вбить в землю; зато, повторяю, ограда вышла на славу.

Чтобы входить самому в ограду, я устроил не калитку, а небольшую переносную лестницу, с помощью которой и перебирался через это укрепление. Когда я находился внутри ограды, я перетаскивал лестницу к себе. Таким образом я считал себя достаточно защищенным от всего мира и спал в своем укреплении так же спокойно, как в настоящей крепости. Впоследствии я узнал, что я совершенно напрасно трудился для защиты себя от воображаемых врагов, которых в действительности совсем не было на острове.

В это укрепление я понемногу и с большими трудами перетаскал все свое богатство: провизию, амуницию, оружие, орудия, носильные вещи, — словом, все, что я уже перечислял выше. Палатку я сделал большую и двойную, чтобы предохранить себя от дождей, которые в этой стране льют периодически, в известное время года.

¹ То есть не более 91 м; один ярд равен 91 см.

² Один дюйм равен 2,54 см.

Собственно говоря, я сначала устроил палатку средних размеров, а затем уж вокруг нее воздвиг другую, гораздо большую, которую покрыл просмоленным холстом, найденным мною на корабле.

Пока, до дождей, я предпочитал спать вместо постели в гамаке, принадлежавшем капитану корабля.

Окончательно я закрыл свое укрепление лишь после того, как перенес в него все свое имущество, а до тех пор в нем оставалось открытым некоторое пространство, через которое я мог свободно проходить с своей ношей. Только убрав все, что мне принадлежало по праву единственного человека, спасшегося от крушения, я стал пользоваться лестницей для входа и выхода из укрепления.

Затем я выдолбил в горе, к которой примыкала задняя сторона моей палатки, пещеру, которая должна была служить мне местом для складирования. Вырытые при этом камни и землю я сложил в виде террасы вокруг остальных трех сторон палатки; вышиной эта терраса была фута в полтора с лишком.

Разумеется, устроить все это было очень нелегко. Пока все не было готово, я переживал иногда очень тяжелые минуты. Так, например, однажды, когда моя палатка и пещера существовали лишь еще в проекте, над моей головой появилась громадная черная туча, разразившаяся проливным дождем. Вдруг из тучи, во время дождя, сверкнула ослепительная молния, и раздался страшный удар грома. Молния не так испугала меня, как следующая мысль, промелькнувшая в моем уме: «Что теперь будет с моим порохом?!». Сердце готово было разорваться во мне, когда я подумал, что весь мой порох может воспламениться, а он был моим единственным средством для защиты и добывания пропитания! О том, что я сам могу мгновенно погибнуть, если молния ударит в порох, я не думал, а между тем, случись взрыв, — я не успел бы и пикнуть, как взлетел бы на воздух со всем своим богатством.

Мысль о том, какая опасность угрожает пороху, заставила меня тотчас же по окончании грозы прекратить все свои работы по устройству ограды и приняться раскладывать порох небольшими количествами в мешочки и ящички. Поступив таким образом, я рассчитывал, что уберегу порох от воспламенения всего его количества разом, если разложу все ящички и мешочки по разным местам, так, чтобы огонь не мог перейти от одного к другому. Я провозился над этим делом ровно две недели, так как пороху было более двухсот сорока фунтов, и я его разделил на сто частей. Что же касается подмоченного бочонка с тем же страшным веществом, то я за него не боялся и оставлял его свободно под открытым небом, пока он не высохнет до известной степени. Остальной порох я зарыл глубоко в горе, чтобы его не мог коснуться и дождь. Когда была готова моя пещера, которую я называл своей кладовой, я убрал в нее и бочонок с подмоченным порохом.

Во все время производства этих работ я ежедневно на несколько часов уходил с ружьем в лес, чтобы отдохнуть и посмотреть, не попадется ли какое-нибудь животное, которое могло бы пригодиться мне в пищу. Кроме того, мне хотелось ознакомиться вообще с топографией, флорой и фауной моего острова, поэтому я иногда заходил довольно далеко.

Прежде всего я увидел, что на острове существуют дикие козы, и это меня очень обрадовало. Однако, моя радость сильно умерилась, когда я заметил, что эти козы были до такой степени недоверчивы, чутки и быстры на ногу, что почти не было возможности приблизиться к ним на расстояние выстрела. Но с помощью некоторых хитростей

мне все-таки удавалось подстрелить несколько штук. Изучив привычки коз, я понял, какой способ нужно употреблять, чтобы подвести их под выстрел. Я заметил, что они пугались и убегали, когда видели меня с высоты, но когда они паслись внизу, а я стоял на какой-нибудь возвышенности, они, хотя я и был в виду у них, не обращали на меня ни малейшего внимания. Из этого я заключил, что по устройству своих глаз эти козы видят отлично только сверху вниз, а снизу вверх не видят ничего или, по крайней мере, очень плохо. Придя к этому выводу, я всегда выжидал, когда козы спустятся вниз с горы; тогда сам поднимался на высоту и спокойно стрелял в них.

Первым выстрелом я убил козу, имевшую возле себя маленького козленка, и это очень огорчило меня. Когда мать упала мертвой, козленок не только оставался около нее, пока я не подобрал ее, но и потом последовал за мной, когда я взвалил ее к себе на плечо и понес домой. Достигнув своей крепости, я положил убитую козу на землю и переправил козленка через ограду, надеясь со временем приручить его. Но

маленькое животное так упорно отказывалось от пищи, что я, в конце концов, был вынужден убить его и съесть сам. Мяса этих двух животных хватило мне надолго, потому что я был очень эконо-

мен, не зная, что еще могло случиться со мною. Особенно я берег сухари.

Устроив свое жилище, я стал подумывать о том, как бы обзавестись каким-нибудь очагом и запастись топливом. Что я сделал в этом отношении, как расширил свою пещеру и устроил в ней нужные приспособления, расскажу потом, пока же я лучше опишу, что делалось в моей душе.

С одной стороны мое положение казалось мне ужасным. Так как я попал на этот остров благодаря урагану, забросившему корабль, на котором я ехал, за сотню миль от обычных корабельных путей, то я имел полное основание предположить, что Небо решило навсегда оставить меня вести грустный образ жизни человека, заброшен-

Козленок последовал за мной, когда я взвалил козу к себе на плечо и понес домой.

ного на пустынный и дикий остров. Когда я думал об этом, слезы ручьем катились у меня из глаз. Иногда я принимался громко жаловаться на Провидение, которое мучит свои же собственные создания, подвергает их таким невзгодам и доводит до такого состояния, что им лучше было бы и не родиться.

Но временами, опомнившись, я начинал стыдить себя за эти дикие мысли. Так, между прочим, прогуливаясь однажды с ружьем в руках по берегу, я горько жаловался на свою судьбу, как вдруг во мне заговорил голос рассудка.

«Положим, — говорил этот благодетельный голос, — ты, действительно, терпишь от одиночества, но вспомни, что случилось со всеми твоими спутниками. Разве вас не сошло в шлюпку с корабля одиннадцать человек? Куда делись остальные десять? Почему не спаслись они все и не погиб ты один? Почему Небо пощадило именно тебя? Что лучше: находиться здесь или там? — При этом вопросе я указал на землю и на море. — Когда человек подвергается какому-нибудь злу, он всегда должен принимать во внимание добро, которое непременно сопровождает зло, и не забывать, что могло бы быть еще хуже».

Размышляя дальше в том же духе, я понял, сколько, в сущности, благоприятного в моем положении. Каково было бы мне, если бы корабль, по счастливой случайности, являющейся так редко, не был волей стихий снят с мели, на которой было засел, не принесен так близко к берегу и не продержался там, засев на вторую мель, так долго, что я успел взять с него все, на нем находившееся? Ведь тогда я был бы лишен всяких средств к поддержанию своего существования, потому что не имел бы даже самого необходимого.

«Главное, — говорил я самому себе, — что бы я стал делать без ружья, без амуниции, без орудий для производства работ по устройству себе безопасного жилища, без одежды, без постели и без всякой провизии?».

У меня же всего было в изобилии, и я имел полную возможность добывать себе пищу даже в том случае, если истощится весь запас пороха и мне нельзя уже будет больше пользоваться ружьями. Вообще, я был обеспечен всем необходимым во все продолжение моей жизни, если бы даже состарился и ослабели мое здоровье и силы, так как я с самого начала постарался предохранить себя от всяких дурных случайностей.

В этот раз, когда я так рассуждал с самим собою, мне еще не приходило в голову, что весь мой порох может исчезнуть в одну минуту, если его коснется огонь с неба. Поэтому я так и испугался, когда гроза указала мне на эту опасность.

Теперь, когда я готовлюсь приступить к описанию своей грустной жизни, — такой жизни, о какой, быть может, никто еще никогда и не слыхивал, я буду продолжать мое повествование последовательно с того места, на котором остановился для того, чтобы сделать это необходимое отступление.

По моим расчетам, я попал на остров 30 сентября, когда солнце в этой местности находилось в осеннем равноденствии, и лучи его почти пронизывали мою голову. Из положения солнца я заключил, что нахожусь на девятом градусе 22 минуте к северу от экватора.

По истечении десяти или двенадцати дней после того, как я поселился на своем острове, я понял, что могу потерять счет времени, за неимением книг, чернил и перьев. Я не мог отличать праздников от будней. Чтобы избежать этого и знать время, я воздвиг на берегу моря, в том месте, куда меня принесли ветер и волны, большой деревянный столб, на котором вырезал перочинным ножом крупными буквами следующую надпись: «Пристал к этому острову 30 сентября 1659 года».

Под этой надписью я каждый день делал зарубку; каждая седьмая зарубка была вдвое длиннее остальных и означала воскресенье, а каждое первое число месяца обозначалось зарубкой вдвое длиннее тех, которыми отмечались воскресные дни. Таким образом, я мог следить за днями, неделями, месяцами и годами, не опасаясь остаться в неведении относительно времени.

Здесь уместно будет сказать, что в числе вещей, которые я впоследствии унес с корабля, находились и такие, которые сами по себе не имели почти никакой ценности, но оказались мне тоже очень полезными. Это были перья, чернила, бумага и еще некоторые письменные принадлежности, найденные мной в помещениях капитана, штурмана, пушкаря и плотника; два или три компаса, математические приборы, солнечные часы, подзорные трубы, морские карты и книги, которые я захватил без разбора кучкой, как они лежали. В книгах я нашел три английские Библии, которые были присланы мне из Англии вместе с товарами. Кроме того, нашлось несколько книг на португальском языке различного содержания.

Я забыл упомянуть, что на корабле находились две кошки и собака, которых я в первое же посещение корабля взял оттуда. Кошек я на руках снес с корабля на плот, где посадил их в заранее приготовленную корзинку, а собака сама перепрыгнула через борт и поплыла за мной к берегу. В течение многих лет эта собака была моим верным товарищем, который очень мало требовал от меня, зато много доставлял мне утешения и удовольствия, как существо преданное и смышленное. Жаль только было, что она не могла говорить со мной, как бы мне того хотелось.

Бумагу, чернила и перья я берю, как зеницу ока. Пока у меня были чернила, я мог в точности записывать все, что переживал и перечувствовал, а когда они вышли,

В течение многих лет собака была моим верным товарищем.

я был лишен возможности вести свои записи, потому что все мои старания сделать себе чернила из имевшихся у меня под рукою материалов, потерпели полную неудачу.

Несмотря на множество вещей, собранных мной, мне кроме чернил не доставало многого, без чего трудно было обойтись. Не хватало, например, заступа, мотыги и лопаты для земляных работ, ниток, иголок и булавок. Не было также и холста, но без него я впоследствии научился обходиться.

Благодаря недостатку нужных орудий, мои земляные работы подвигались очень медленно и с большими затруднениями, так что на возведение своего маленького укрепления я употребил страшно много времени и приложил неимоверное количество труда. Колья, из которых была сделана ограда, были так тяжелы, что я едва мог поднять их. Я долго возился не столько над добытанием их, сколько над переноской из леса на место. Иногда у меня уходило дня два только на то, чтобы вырубить, обстругать и перенести один кол. На то, чтобы вбить его в землю, опять уходил целый день. Для этой работы я в первое время употреблял толстый и тяжелый кусок дерева, но потом я стал пользоваться обрубком железа, что делало работу немного успешнее.

Но к чему мне было заботиться о трате времени! Ведь времени у меня впереди было очень много, и, раз закончив все работы по устройству и укреплению своего жилища, мне оставалось только бродить по острову для добывания себе пищи, а это я и так делал понемногу ежедневно.

Я стал серьезно раздумывать в свое положение, как в настоящем, так и в будущем. Я все описал, не ради только поучения других, которые случайно могли быть заброшены после меня на этот остров, — в этом было мало вероятности, — а просто с целью привести в порядок свои мысли, которые осаждали и мучили меня ежедневно. Так как у меня рассудок начинал брать верх над отчаянием, я стал под его влиянием взвешивать дурные и хорошие стороны своего положения, чтобы убедить себя в том, что моя участь могла быть и несравненно худшей.

Вот подробная запись того, что я претерпевал, и того, что было хорошего в моем положении:

Дурное.

Я выброшен на пустынный, совершенно дикий остров, без всякой надежды быть когда-нибудь избавленным от этого страшного положения.

Я отстранен и отделен от всего остального мира и осужден вести самую жалкую жизнь.

Я вычеркнут из списка людей; я пустынный, изгнанник из человеческого общества.

У меня нет одежды, чтобы прикрыть свою наготу.

Я почти беззащитен и лишен возможности противостоять нападению людей или зверей.

У меня нет ни одной души, с которой бы я мог обменяться словом и которая могла бы утешить меня.

Хорошее.

Но я жив; я не утонул, как все мои спутники.

Но я был отделен от общества своих товарищей по путешествию для того, чтобы быть спасенным от смерти, и Тот, Кто так чудесно спас мою жизнь, может избавить меня и от этого грустного положения.

Но я не умираю с голода на бесплодной почве, ничего непроизводящей для поддержания жизни.

Но если у меня нечего надеть, зато я нахожусь в жарком климате, где можно обойтись и без одежды.

Но зато на этом острове не видно и следов людей или зверей, каких я видел на берегах Африки. Что бы было со мною, если бы меня выбросило туда?

Но зато Бог пригнал корабль так близко к берегу, что я мог взять с него все необходимое для своих нужд.

Этим Он дал мне возможность поддерживать свое существование в течение долгих лет.

Из этого, так сказать, баланса моих мыслей вытекало, что нет на свете такого дурного положения, в котором бы не было чего-либо хорошего. Находясь даже в самом ужасном состоянии, человек всегда может найти что-нибудь для своего утешения, пока он жив и здоров, если только тщательно взвесить все, что есть в его доле дурного и что могло бы быть еще хуже.

Приучив себя, таким образом, мириться со своей судьбой, я даже перестал осматривать с тоской горизонт, в надежде увидеть корабль, а принялся думать только об устройстве своей жизни на острове как можно удобнее.

Я уже описал свое жилище, помещавшееся у подножия горы и обведенное крепкой оградой, сделанной из толстых и высоких кольев и каната; мне остается только сказать, что я превратил эту ограду в стену, обложив примыкавшую к ней внутри террасу газоном, покрыв ее бревнами, упиравшимися в гору, и сверх этого хворостом и всем, что могло предохранить мое сооружение от проливных периодических дождей.

Я уже упомянул и о том, что перенес все свое богатство в укрепление, но должен прибавить, что вначале все было наставлено и разложено в страшном беспорядке, так что во всем моем владении едва можно было повернуться. Убедившись, что помещение у меня слишком мало, я увеличил пещеру, благо гора была песчаная и легко поддавалась ударам заступа. Так как она не была особенно велика, то я прокопал ее насквозь и устроил себе подземный ход, который незаметно мог вывести меня из укрепления.

Теперь мне было где беречь свое имущество, и я разложил его в определенные места.

Приведя, таким образом, свое хозяйство в порядок, я занялся изготовлением необходимой мебели, то есть стола и стула. Без этих двух предметов я не мог пользоваться достаточным комфортом для услаждения своей отшельнической жизни. Не имея стола, мне было неудобно есть, писать и вообще делать все, что принято делать на столе. Да и к чему подвергать себя лишним неудобствам, когда их можно устранить?

Итак, я принялся делать себе стол и стул. Эта работа доказала мне, что так как основанием всех знаний и наук служит разум, то каждый человек, прибегающий к помощи данного ему Провидением разума, может со временем сделаться более или менее порядочным мастером в каком угодно искусстве. Раньше я никогда не брал в руки ни одного орудия, а теперь необходимость заставила меня напрячь свой разум и научиться так ловко владеть всевозможными инструментами, что, в конце концов, я пришел к заключению, что нет ничего, чего бы я не мог сделать, будь только под руками необходимый материал. Я даже научился обходиться без таких орудий, которые при обыкновенных условиях были бы прямо необходимы. Например, с помощью только топора, ножа и рубанка я делал себе такие вещи, которых в родительском доме не сделал бы и при наличии всех необходимых инструментов. Положим, я употребил на это много труда и времени, да иначе и быть не могло, если приходилось из цельного дерева выстругивать доску. Правда, при таком способе обработки я больше одной доски не мог добыть из дерева, но это было так же не важно, как трата труда и времени. У меня было достаточно терпения, усердия и сообразительности для производства всех своих работ. Время все равно шло, а оставаться праздным было бы гораздо хуже, чем работать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стол и стул я сделал из досок корабельной обшивки. Кроме того, я устроил себе несколько полок для своих орудий, гвоздей и тому подобного, чтобы каждая вещь была на своем месте, и при надобности не нужно бы было долго искать ее. Потом я вбил в стены пещеры несколько деревянных крючков, на которые развешал свои ружья и многое другое, чему удобнее было висеть, чем лежать.

В конце концов я привел у себя все в такой образцовый порядок, что приятно было глядеть. Обозревая свой склад, я приходил в восторг, радуясь такому множеству полезных вещей и порядку, в котором они находились.

Покончив со всеми этими делами, я начал вести дневник своих занятий. Вначале я был слишком обременен трудами и расстроен, чтобы писать; а если бы тогда я все-таки стал писать, то у меня ничего не выходило бы, кроме крайне грустных, отрывочных и нескладных повествований, вроде, например, следующего:

«30 сентября 1659 года, после того, как меня принесло на берег и я был спасен от смерти, я вместо благодарности Богу за свое чудесное спасение начал бегать взад и вперед по берегу, ломать руки, бить себя кулаками по лицу и по голове и кричать, что я погиб, и проклинать свою участь. Только совершенно выбившись из сил, я вынужден был растянуться на земле, где, однако, не решился остаться на ночь, из боязни быть съеденным зверями, а забрался на дерево...

Несколько дней спустя после того, как исчез под водою корабль, с которого я воспользовался всем, чем было можно, я поднимался на вершину горы, чтобы посмотреть, не видно ли где-нибудь другого корабля, к которому я мог бы воззвать о помощи. Мне показалось, будто вдали белесится парус, и я было почувствовал живейшую радость, но когда я стал всматриваться так пристально, что глаза едва не выскочили из своих орбит, я убедился, что это был только обман зрения. Тогда я бросился на землю и зарыдал как ребенок, обманувшийся в своих надеждах».

И все в таком духе.

Справившись же со своей слабостью и устроив как следует свое жилище, снабдив его даже столом и стулом, я начал вести свой дневник в более спокойном тоне. Вот точная копия начала этого дневника. К сожалению, недостаток чернил не позволил мне довести его до конца.

Д н е в н и к .

30 сентября 1659 года.

Я, злополучный Робинзон Крузо, потерпел крушение в море во время сильной бури. Весь остальной экипаж корабля погиб, а меня полумертвого выбросило на этот пустынный остров, который я назвал «Островом Отчаяния».

Я провел весь остаток дня в горьких сетованиях на судьбу, поставившую меня в такое ужасное положение. Я нахожусь без пищи, без крова, без одежды, без оружия и без всякой надежды на спасение. Я не вижу перед собой ничего, кроме смерти; я непременно должен погибнуть от рук дикарей, от зубов и когтей хищных животных или от голода. Незадолго до захода солнца я взобрался на вершину дсрева, чтобы спастись от зверей, и крепко проспал всю ночь, хотя дул ветер и лил дождь.

Октябрь.

1. К своему величайшему изумлению, я утром увидел, что наш корабль морским приливом сняло с мели, на которой он засел, и прибило ближе к берегу. С одной стороны, это было для меня утешением, потому что положение корабля внушило мне надежду, что можно будет при первом же затишье отправиться на него и забрать оттуда провизию и все, что можно, для облегчения моего горького положения. С другой же стороны, вид корабля вызвал во мне новый прилив отчаяния по поводу гибели всех моих спутников. Я представил себе, что если бы мы остались на борту корабля, вместо того, чтобы покидать его и доверяться шлюпке, мы могли бы спасти корабль или, по крайней мере, не утонули бы все мои товарищи по путешествию, а если бы уцелел весь экипаж, можно было бы потом устроить из обломков корабля небольшое судно и добраться на нем до какой-нибудь обитаемой земли. Я почти весь день промучился над этими грустными размышлениями. Успокоившись же и увидев, что корабль стоит почти на сухом месте, я вплавь отправился к нему. Шел дождь, но ветра не было.

От 1 до 24. Все эти дни я употребил на посещения корабля и на перевозку с него на плотках, которые устраивал из различных материалов, всего, что было можно перевезти на берег. Чтобы добраться вплавь до корабля, я пользовался отливами, а для возвращения на берег на плотках я выжидал прилива. Во все это время шли сильные дожди, хотя и с перерывами. Думаю, что это означает наступление дождливого периода.

24. В этот день плот со всем грузом перевернуло у самого берега, и груз упал в воду. Но так как вода в этом месте не глубока и груз большей частью состоял из тяжелых предметов, то мне после отлива, хотя и с трудом, удалось вытащить половину вещей.

25. Весь день и всю ночь шел дождь и дул сильный ветер, так что утром от корабля остались только одни обломки, которые и носились по волнам. Этот день я употребил на уборку тех из моих вещей, которые могли бы пострадать от дождя.

26. Весь этот день я ходил по острову, отыскивая место, где можно было бы устроить себе какое-нибудь жилище. Оставаться под открытым небом я более не решаюсь, потому что опасаясь нападения дикарей и хищных животных. Вечером я нашел очень удобное местечко у подножия большой и крутой горы. Я очертил перед этой горой полукруг, посреди которого думаю устроить себе палатку и окружить ее укреплением из тяжелых кольев, вбитых в землю в два ряда, канатов и дерна. Канатами я наполню промежутки между рядами кольев, а дерном обложу все сверху.

От 26 до 30. Все это время я трудился над перетаскиванием своего имущества в мое жилище. Все пять дней с небольшими перерывами лил дождь.

31. Утром я ходил с ружьем по острову, чтобы подробнее ознакомиться с ним и посмотреть, не найду ли чего себе в пищу. Убил дорогой козу, а ее козленок побежал за мной, когда я понес его мать; но так как он отказывался принять из моих рук пищу, то мне пришлось убить и его.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ноябрь.

1. Палатка моя у подножия горы готова, и я провел в ней первую ночь. Я сделал ее из парусов, натянутых на колья, часть которых послужила мне для того, чтобы подвесить мой гамак.

2. Я окружил свою палатку баррикадой из сундуков, досок и всего имеющегося у меня в распоряжении строевого материала; эта баррикада должна служить мне защитой, пока я не сделаю ограду.

3. Выходил с ружьем и убил двух птиц, похожих на уток; они оказались очень вкусными. После обеда принялся делать себе стол.

4. Я начинаю правильно распределять свое время для работы и гулянья, для сна и отдыха. Утром, если нет дождя, я ухожу часа на два или на три с ружьем. Возвратившись домой, работаю до одиннадцати, потом закусываю чем Бог послал. От двенадцати до двух ложусь спать, потому что это самое жаркое время дня. Весь вечер снова посвящаю работе. Над столом я проработал два дня, потому что я еще плохой столяр, но надеюсь, что время и необходимость научат меня работать не хуже любого мастера, как они научили многих.

5. Выходил с ружьем и собакой и убил дикую кошку. Шкура у нее оказалась хорошая, но мясо никуда не годилось. Я снимаю шкуру с каждого убитого мною животного и берегу ее. Возвращаясь домой по берегу, я заметил морских птиц неизвестной мне породы. Потом я был очень удивлен и почти испуган видом нескольких тюленей, которые, очевидно, тоже испугавшись моего пристального взгляда, когда я рассматривал их, стараясь понять, что это за животные, скрылись под водою и таким образом ускользнули от меня.

6. После утренней прогулки я принялся за окончательную отделку стола, который мне не совсем нравится, но я надеюсь впоследствии исправить его недостатки.

7. Небо начинает яснеть. 7, 8, 9, 10 и часть 12 дня (11-е по моему «календарю» пришлось в воскресенье) я был занят сооружением себе стула. Только после громадных усилий мне удалось придать ему более или менее сносную форму. Я переделывал этот стул, по крайней мере, раз десять, и все-таки, в конце концов, остался недоволен своей работой, но пока оставил и его так, как он вышел.

Замечание. Я скоро перестал соблюдать воскресенье, потому что, позабыв раз как-то сделать отметку в своем календаре, я начал путать их с простыми днями, а потом совсем сбился с толку в счете дней.

13. Прошел дождь, освеживший и землю и меня. Но этот дождь сопровождался грозой и ударами грома, заставившими меня страшно испугаться за мой порох, который все еще стоит под открытым небом. Как только гроза миновала, я решил спрятать порох по частям в горе, чтобы он больше не подвергался опасности воспламениться.

14, 15 и 16. Эти три дня я выделял маленькие четырехугольные коробки, которые могли бы вместить по фунту пороха, а некоторые по два, но не больше. Наделав достаточное количество этих коробок, я наполнил их порохом и зарыл в разных местах, в горе, как можно дальше одну от другой. В один из этих дней я убил неизвестной породы большую птицу, которая оказалась превосходною на вкус.

17. В этот день я начал увеличивать размеры пещеры, вырытой мною сзади палатки. Иначе не хватает места для всех моих вещей.

Замечание. Для производства этой работы мне доставало следующих предметов: заступа, кирки, тачки или корзины. Я некоторое время ломал себе голову над вопросом, чем бы заменить эти вещи. Кирку я заменил железной полосой, оказавшейся вполне пригодной для этого, а чем заменить заступ я так и не смог придумать, поэтому и не был в состоянии начать работы, за неимением самого необходимого орудия.

18, 19, 20, 21, 22. Бродя по лесу, я увидел одно дерево, сильно напоминающее то, которое в Бразилии благодаря своей удивительной твердости известно под названием железного. С неимоверным трудом, зазубрив топор, мне удалось кое-как отрубить сучок от этого дерева. С не меньшим трудом я донес его до своего жилища, потому что оно оказалось очень тяжелым.

Твердость этого дерева и недостаток орудий для его обработки заставили меня потратить очень много времени и труда на то, чтобы сделать из него нечто похожее на заступ. Почти невозможно было справиться с этой задачей, но я все-таки кое-как сладил с нею. Верхняя часть (ручка) мне отлично удалась, и я сделал ее почти так, как это делают настоящие мастера в Англии, зато нижняя (то есть самая лопата) мне долго не удавалась, и притом, будучи все-таки не железною, а деревянною, она, по моему мнению, должна была скоро испортиться при постоянной работе. Однако, этот заступ долго служил мне и оказался годным во всех случаях, когда была в нем нужда. Думаю, что никогда еще ни один заступ не стоил столько труда и времени!

Но этого было мало: доставало еще тачки или корзины. Корзину мне сделать не удалось, потому что у меня не было под руками таких гибких прутьев, которые можно было бы плести. Что же касается тачки, то я думал, что сумею устроить ее за исключением колеса, которое положительно не знал, как сделать. К тому же, у меня не было железного стержня для оси. Отказавшись от мысли устроить тачку, я сколотил себе носилки в роде тех, на которых каменщики таскают кирпичи и известку.

Неудачная попытка сделать тачку и работа над сооружением носилок отняли у меня целых четыре дня, за исключением нескольких часов по утрам, которые я регулярно посвящал прогулке с ружьем. Кстати сказать, я редко возвращался без какой-нибудь добычи с этих прогулок.

23. Как только я окончил изготовление орудий, так снова взялся за главную работу (то есть за рытье пещеры), которую прервал за неимением необходимых приспособлений и инструментов. Над расширением пещеры, служившей мне складом, я проработал целых восемнадцать дней.

Пещера должна была служить мне и кухней, и столовой. Работал и спал я в палатке, за исключением сезона дождей, когда везде протекало. Последнее обстоятельство

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

побудило меня впоследствии прикрыть всю ограду длинными жердями, упиравшимися в гору, а сверху них навалить хворост и листья, так что образовался настоящий навес, сквозь который дождь уже не проходил.

Декабрь.

10. Пещера моя была совсем окончена, как вдруг в одном месте обвалилась земля; вероятно, я прорыл слишком большое пространство. Этот случай очень испугал меня. Хорошо еще, что меня самого не было в пещере во время обвала, иначе я нашел бы там свою могилу, потому что помочь мне было некому. Много было у меня возни, чтобы вынести обвалившуюся землю и потом поставить прочные подпорки, во избежание вторичного обвала.

11. Я поставил отвесно два толстых столба, и на каждый из них положил по две доски, прибитые накрест. Над этой работой я трудился два дня, кроме того, три дня употребил на прилаживание поперечных скреп под сводом. Когда все это было окончено, я мог успокоиться, что новых обвалов не случится. Так как столбы были поставлены в ряд, то они послужили мне для разделения пещеры на две части.

17. С этого дня вплоть до двадцатого числа я приделывал к столбам полки и вбивал гвозди для того, чтобы развешивать все, что следовало повесить. Этим я привел свою пещеру в полный порядок.

20. Продолжал устраивать свое хозяйство. Сколотил несколько досок и соорудил кухонный стол для разрезывания и приготовления мяса. Хотел было сделать еще стол, но бросил эту затею, потому что осталось мало досок и их следовало поберечь.

24. Весь день и всю ночь лил дождь, так что я не выходил на прогулку.

25. Первый день Рождества. Опять весь день дождь.

26. Дождь перестал. Земля освежилась, и растительность стала лучше и приятнее на вид.

27. Убил козла и подстрелил другого, которого потом поймал и привел домой; здесь перевязал ему лубком разбитую ногу.

Замечание. Я так ухаживал за козлом, что нога его совсем срослась, вместе с тем он приручился и спокойно пасся на лугу перед моей палаткой, не порываясь уходить от меня. С этого времени мне пришлось в голову приручать животных, чтобы они могли служить мне пищей, когда у меня выйдет весь запас пороха и пуль.

28, 29 и 30. Полное безветрие и страшный зной. Вследствие этого я только по вечерам мог выходить на поиски себе добычи. Все это время приводил в порядок свои вещи в палатке.

Январь 1660 года.

1. Новый год. Продолжение непомерной жары. Выходил рано утром и поздно вечером с ружьем, а среди дня отдыхал. Вечером, забравшись в долины, расположенные в глубине острова, я заметил громадное стадо козлов, но совершенно диких, так что я никак не мог к ним приблизиться. Решил попробовать, нельзя ли будет приучить мою собаку пригонять их ко мне.

2. Отправился с собакой в долину, где паслись козлы, и натравил ее на них. Но, к полному моему разочарованию, все козлы приготовились дать ей отпор. Поняв опасность, собака не рискнула подступить к ним.

3. Начал возводить ограду или, вернее, стену. Так как я все еще опасаясь нападений со стороны людей или животных, то решил делать эту стену как можно прочнее.

Замечание. В виду того, что эта ограда уже описана мною выше, я не стану приводить описания ее в «Дневнике». Добавлю только, что я проработал над нею от 3 января до 14 апреля, чтобы начать, окончить и отделать ее, хотя она была длиною всего в двадцать четыре ярда¹. Ограда шла полукругом от одной точки горы до другой, отстоявшей от первой на восемь ярдов. В глубине, в самом центре полукруга, находился вход в мою пещеру.

Эту трудную работу еще более затрудняло то обстоятельство, что дожди шли иногда не только по целым дням, но даже целыми неделями. Между тем, я мог чувствовать себя в полной безопасности только тогда, когда будет готова ограда, поэтому и не жалел труда, чтобы скорее сделать ее. Трудно поверить и даже описать, сколько усилий мне стоила эта работа! Особенно нелегко было перетаскивать колья из лесу и вбивать их в землю, потому что я сделал их очень массивными, в чем, в сущности, не было ни малейшей необходимости. Когда, наконец, ограда была совершенно готова и прикрыта сверху дерном, никто не мог бы и заподозрить, что за этим валом, точно воздвигнутым самой природой, скрывается жилище человека. Впоследствии это мне очень пригодилось.

Каждый день, когда не было ливня, я обходил лес и при этом часто находил то одно, то другое, что могло принести мне пользу. Так, между прочим, я открыл род голубей, гнездившихся не на деревьях, как обыкновенно делают дикие голуби, а в скалах, подобно домашним голубям. Я достал несколько птенцов этих птиц и пытался приучить их, что мне, как я думал, и удалось. Но когда птицы достаточно выросли, они все-таки улетели. Главной причиной этому был недостаток у меня корма для них. Но, тем не менее, я часто стал брать из гнезд маленьких голубят и употреблять их в пищу, так как мясо их было очень вкусно.

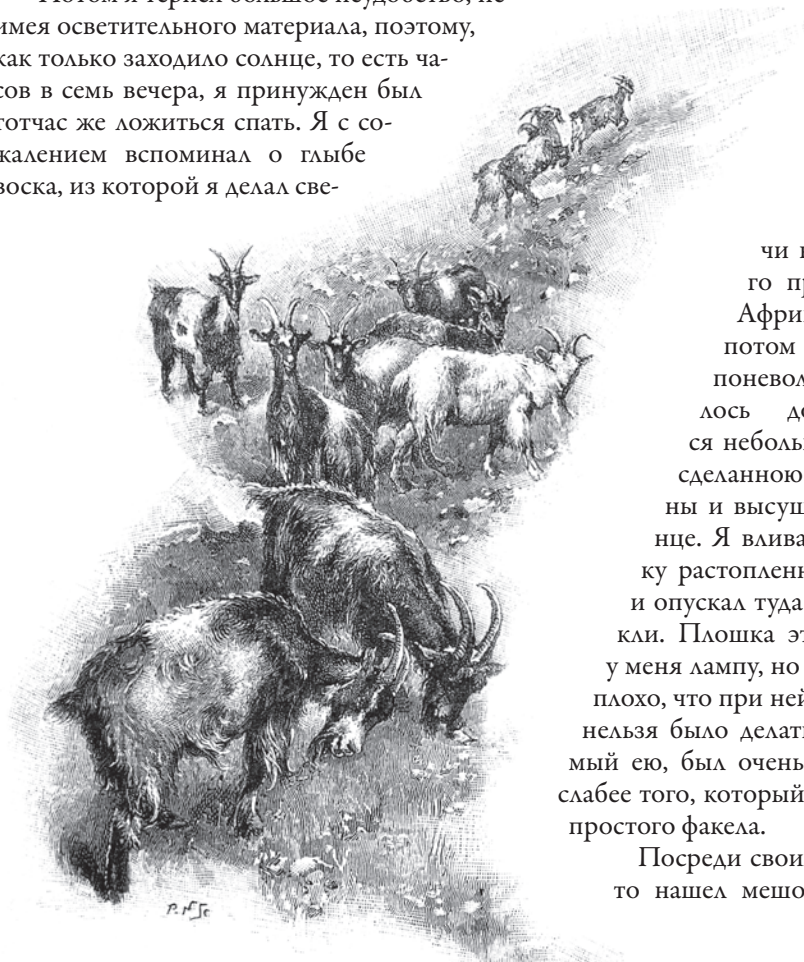
Разобравшись в своем имуществе, я заметил, что мне недостает еще многих необходимых вещей, которых, как я думал, никогда не буду в состоянии себе изготовить. Относительно некоторых предметов я не ошибся. Например, мне никак не удавалось сделать бочку так, чтобы она была совершенно круглая. Я уже говорил выше, что у меня было несколько бочонков, но подражать этим образцам я не мог. Провозившись с лишком две недели над изготовлением бочки, я все-таки не добился того,

¹ Двадцать четыре ярда — т. е. около 22 м.

чтобы правильно соединить доски вокруг дна и чтобы в бочке держалась вода. Так я и бросил это дело.

Потом я терпел большое неудобство, не имея осветительного материала, поэтому, как только заходило солнце, то есть часов в семь вечера, я принужден был тотчас же ложиться спать. Я с сожалением вспоминал о глыбе воска, из которой я делал све-

чи во время своего приключения в Африке и которую потом продал. Мне поневоле приходилось довольствоваться небольшой плошкой, сделанною мной из глины и высушенной на солнце. Я вливал в эту плошку растопленное козье сало и опускал туда фитиль из пакли. Плошка эта изображала у меня лампу, но горела она так плохо, что при ней почти ничего нельзя было делать. Свет, даваемый ею, был очень слаб, гораздо слабее того, который получается от простого факела.

Посреди своих вещей я как-то нашел мешок с зерновым

хлебом, служившим для корма кур на нашем корабле. Весь хлеб был испорчен крысами и в мешке не оставалось ничего, кроме свалявшихся комков грязного зерна и мусора. Мешок мне был нужен, — кажется для того, чтобы положить в него порох, когда я делил его на части, из опасения взрыва, — поэтому я высыпал из мешка все содержимое возле горы, внутри моего укрепления.

Все козы приготовились дать ей отпор.

Я открыл род голубей, гнездившихся не на деревьях, а в скалах, подобно домашним голубям.

Это было как раз перед наступлением периода дождей. Выбросив испорченное хлебное зерно, я даже и думать о нем перестал. Но каково же было мое удивление, когда я по прошествии месяца увидел в том месте, где опорожнил мешок, несколько свежих зеленых стебельков, только что вышедших из земли, и узнал в них ячмень! Стебельков было всего десять или двенадцать, но вполне здоровых и сильных. Сначала я не хотел верить своим глазам, но когда, по истечении еще некоторого времени, стебельки стали колоситься, у меня уже не могло более оставаться ни малейшего сомнения в том, что это действительно прекрасный ячмень и, очевидно, английского происхождения.

Трудно описать мою радость при этом открытии. До этой минуты я никогда не за-

давался религиозными вопросами и смотрел на все происходившее со мною, как на игру случая, не стараясь даже вдумываться в то, что управляет миром. Но когда я увидел ячмень растущим в климате, который, насколько я знал, не мог быть благоприятен для этого рода злаков, я так был и изумлен и восхищен, что мне сразу пришло в голову, что Бог повелел произрасти этим несколькими зернами ячменя, брошенным без всякого внимания на землю, с единственной целью помочь мне поддержать свое существование в этой жалкой пустыне.

Это открытие так тронуло меня, что я невольно заплакал. Я стал поздравлять себя с тем, что для меня было совершено такое чудо. Изумление мое еще более возросло, когда я заметил рассеянные там и сям по всему протяжению горы другого рода стебельки, походившие на рисовые, которые я видел в Африке. Потом оказалось, что это, действительно, был рис.

Я не только был теперь убежден, что Провидение позаботилось снабдить меня ячменем и рисом, но думал, что Его щедрость должна простираться еще дальше. С этой мыслью я обегал всю знакомую мне часть острова, осматривая все склоны и подножия гор, в надежде найти большее количество этих злаков. Но поиски мои остались безуспешными. Тогда только я припомнил, что опорожнил возле своей горы мешок с испорченными остатками хлебных зерен, употреблявшихся на корабле, как я уже говорил, для корма кур. Чудо в моих глазах стало бледнеть, и я со стыдом должен признаться, что одновременно с моим открытием того, что предполагаемое чудо объяснялось совершенно просто и естественно, исчезла и моя признательность к Промыслу Божию. Между тем, в сущности, случившееся было так неожиданно и странно, что могло быть объяснено только чудом и вполне заслуживало благодарности. Ведь то, что эти несколько зерен уцелели в мешке, в котором хозяйничали прожорливые крысы, было не менее чудесно, чем то, что если бы они упали прямо с неба. А разве не чудесно было и то обстоятельство, что я бросил хлебный мусор как раз в таком месте, где почва была настолько мягка, что зерна могли углубиться в нее, и где нежные

Я увидел несколько свежих зеленых стебельков и узнал в них ячмень.

ростки находились под защитой от солнца, которое своими знойными лучами непременно сожгло бы их на открытом пространстве?

Легко представить себе, с какой тщательностью в конце июня я собрал созревшие колосья ячменя. Тщательно выбрав и спрятав драгоценные зерна, я решил ежегодно делать ими посев, пока не наберется такое количество зерна, чтобы я мог печь из него хлеб. Прошло, однако, четыре года прежде, чем я мог позволить себе употребить свою жатву в дело и превращать зерно в хлеб. Да и то я об-

ходился с ним очень осторожно, особенно после того, как я сделал одну непростительную глупость. Дело в том, что я посеял собранный ячмень в самое жаркое время года; вследствие этого почти ничего не взошло, а то, что взошло, было очень плохо. Но об этом потом мы еще поговорим.

Кроме ячменя и риса, я набрал десятка два стеблей ржи, которые сохранил так же тщательно, как ячмень, собираясь культивировать и это растение, чтобы разнообразить свой стол. Печь хлеб я выучился без очага и только впоследствии

устроил очаг. Но вернемся к прерванному «Дневнику».

В течение этих трех с половиною месяцев я усердно трудился над возведением своего укрепления. 14 апреля я окончил его и проникал в него, как уже говорил, посредством переносной лестницы, которую вскоре устроил. Калитки или двери я не делал, чтобы не было никакого признака жилья.

Апрель.

16. В этот день я окончил лестницу. Пользоваться ей я решил следующим образом: сначала я по ней взойду доверху ограды, потом, перекинув ее через ограду внутрь, сам спущусь по ней туда же. Мое жилище теперь казалось мне вполне совершенным: в нем было довольно помещений, все находилось в образцовом порядке, и

извне никто не мог пробраться ко мне, разве только через ограду; но я считал это невозможным и радовался, глядя на свою «крепость».

Однако, не дальше, как на следующий день, когда все было окончено, все мои труды чуть не погибли разом, да и сам я едва не лишился жизни. Произошло это таким образом. Я возился над чем-то сзади палатки, перед входом в пещеру, как вдруг был испуган одним, действительно ужасным событием: в том месте, где приходился свод пещеры, вдруг осыпалась земля и с страшным шумом скатилась вниз по горе, а столбы, которыми внутри был подперт свод пещеры, сильно затрещали. Я был потрясен до мозга костей, но, не зная настоящей причины ужасного шума, подумал, что опять обвалилась часть свода пещеры, как это однажды уже случилось. Опасаясь, как бы не расселась и не обрушилась на меня вся гора, я поспешил выбраться по лестнице вон из своего укрепления. Лишь только я очутился вне ограды, я понял, что причиною всего этого сильное землетрясение. Почва, на которой я стоял, в течение восьми минут колебалась три раза; колебания эти были так сильны, что могли бы разрушить самое крепкое здание. С вершины утеса, высившегося на самом берегу, около полумили от меня, сорвалась громадная каменная глыба и с невероятным шумом обрушилась в море. Никогда во всю свою жизнь я не слышал такого ужасного шума. Самый океан волновался так, как я раньше не замечал даже во время бури. Должно быть, сотрясение под водою было еще сильнее, нежели на острове.

Не видев и не слышав ранее ничего подобного и даже не подозревая, что может быть что-нибудь в этом роде, я так был ошеломлен, что на время точно оцепенел и наверное более походил на мертвого, чем на живого. Во время колебания земли я падал на землю и меня тошнило, как во время морской болезни. Шум, произведенный падением части утеса в океан, вызвал меня из оцепенения и привел в себя, но зато еще более наполнил мое сердце ужасом. Я был уверен, что гора, под которой я приютился, теперь непременно обвалится и погребет под собою мое жилище и все мое имущество. Эта страшная мысль вторично ввергла мою душу в состояние полного отчаяния.

Но когда после третьего подземного удара в продолжение нескольких минут все оставалось спокойным, я начал ободряться, однако, еще не решался пройти в свое укрепление, опасаясь быть там заживо погребенным. Я долго сидел на земле, сильно расстроенный, не зная, что мне предпринять. Во все это время у меня не было ни одного религиозного порыва, кроме обыкновенного в таких случаях воззвания: «Господи, помилуй меня!». Да и это я перестал говорить, как только кончилась опасность.

Пока я так сидел, небо начало затягиваться тучами, точно хотел идти дождь. Вскоре поднялся ветер, постепенно все усиливавшийся и, наконец, перешедший в страшный ураган. Море вдруг сильно запенилось, волны стали заливать берег, деревья вырывались с корнями, — словом, картина была ужасная. Ураган продолжался целых три часа, затем стал уменьшаться, по прошествии еще двух часов буря успокоилась, и пошел проливной дождь.

Я долго лежал на земле, предаваясь безмолвному отчаянию, пока не сообразил, что ураган и ливень должны быть последствиями землетрясения, которое, значит, окончилось, так что мне можно возвратиться в свое жилище. Я немного оживился и возвратился в укрепление; там я сел было в палатке, но ветер был еще так силен, что угрожал снести ее, поэтому я перебрался в пещеру, хотя страшно боялся, что она вот-вот обвалится над моей головой.

Ливень натолкнул меня на мысль произвести новую работу, а именно — вырыть поперек моего владения канаву для стока воды. Без этого меня могло затопить. Пробыв несколько времени в пещере и убедившись, что землетрясение кончилось, я начал понемногу ободряться и, чтобы окончательно прийти в себя, выпил рому, но немного, хорошо сознавая, что когда он весь выйдет, мне неоткуда уже будет взять его.

Дождь лил всю ночь и большую часть следующего дня, поэтому я никуда не выходил. Поуспокоившись, я начал обдумывать, что мне делать. После долгих размышлений я пришел к заключению, что если этот остров подвержен землетрясениям, то мне нельзя подолгу оставаться в пещере, да и вообще опасно находиться близ горы, и что поэтому мне необходимо построить себе хижинку где-нибудь на открытом месте и обнести ее также укреплением; здесь же мне постоянно будет угрожать опасность быть заживо погребенным.

Но вместо того, чтобы устраивать новую хижину, я решил перенести только свою палатку на другое место, подальше от горы, соседство с которой оказывалось таким опасным. Два следующие дня, то есть 19 и 20 апреля, я рыскал по острову в поисках нового удобного места для своего жилища.

Опасение быть заживо похороненным мешало мне спокойно спать в укреплении, а вне его я опасался диких зверей. Но когда я осматривал свое жилище и укрепление и видел, как все было хорошо устроено, и какой всюду царил порядок, я чувствовал крайнюю неохоту к переселению.

Потом я сообразил, что выполнение моего проекта переселения потребует очень много труда и времени и что, во всяком случае мне нужно пробыть в старом жилище до тех пор, пока новое не будет совершенно устроено и укреплено. В конце концов я решил сначала соорудить на новом месте другое укрепление, разобрав для этого прежнее, а затем, когда оно уже будет совершенно готово, перенести в него палатку. Это решение я принял 21 числа.

22. С утра обдумывал способы осуществить свой план относительно переселения, но нашел, что для этого недостает необходимых орудий. У меня было три больших топоров и порядочное количество сечек, которыми мы собирались торговать на берегах Гвинеи; а так как ими мне приходилось обра-

Оба эти дня я точил свои инструменты.

батывать твердое и узловатое дерево, то все эти орудия притупились и покрылись зазубринами. Положим, я имел точильный камень, но не мог одновременно и вращать его и точить. Это затруднение стоило мне такой же головоломки, как иному государственному деятелю какое-нибудь политическое осложнение или судье какой-нибудь запутанный процесс. Наконец, я придумал приделывать к камню колесо и надеть на него веревку, посредством которой я мог бы вращать колесо ногами так, чтобы обе мои руки были свободны.

Заметка. Я никогда не видал подобного приспособления, или, вернее, не замечал его. Мой камень был очень велик и тяжел, и я употребил целую неделю на то, чтобы устроить его, как мне было нужно.

28 и 29. Оба эти дня я точил свои инструменты, так как придуманный мною способ вращать камень оказался превосходным.

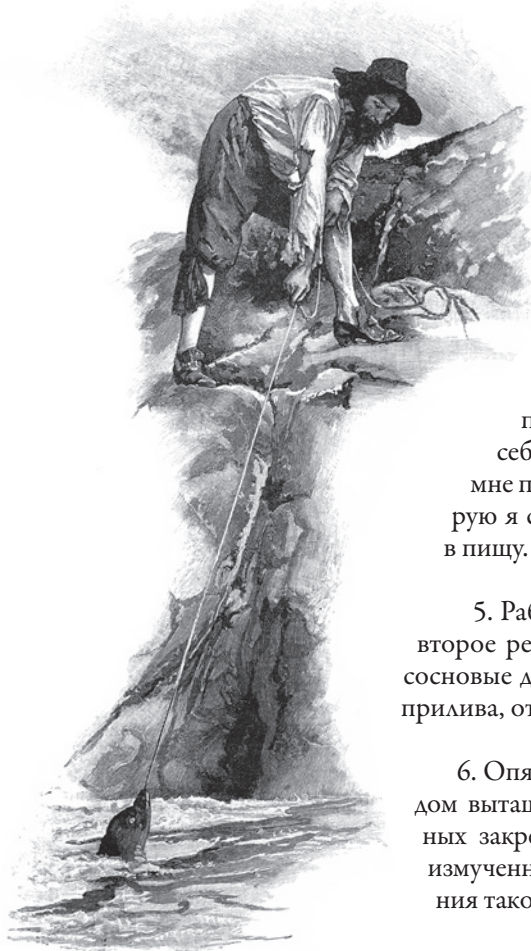
30. Заметив уже некоторое время тому назад, что мои сухари на исходе, я в тот день проверил все их количество и нашел нужным употреблять не больше одного сухаря в день, хотя это было мне очень не по душе, вернее, очень не нравилось моему желудку.

Май.

1. Прогуливаясь утром во время отлива вдоль берега, я заметил на песке, у самой воды, какой-то большой предмет, походивший издали на бочку. Приблизившись, я убедился, что это действительно бочка. Возле нее лежало еще несколько корабельных обломков, очевидно, принесенных к берегу последним ураганом. Я взглянул на то место, где находился корабль, и мне показалось, что я вижу его корпус торчащим из воды. Осмотрев бочку, я понял, что в ней заключается пушечный порох, но он должен был отсыреть и превратиться в сплошную массу, твердую, как камень. Тем не менее, я откатил бочку подальше на берег, а потом подошел по песку как можно ближе, чтобы проверить, не обмануло ли меня зрение насчет корабля. Нет, это, действительно, был он.

Передняя часть судна, покрытая до того времени водой и песком, теперь поднялась футов на шесть выше воды, а корма, которая была разбита и оторвана от кузова вскоре после моего последнего посещения корабля, была выброшена на берег. Вокруг остова корабля накопилось столько песка, что во время отлива я мог совершенно свободно доходить до него, вместо того, чтобы как прежде быть вынужденным плыть с четверть мили. Это обстоятельство сначала очень изумило меня, а потом я понял, что причиной этого было землетрясение. Так как корабль все более и более расседался, то почти не проходило дня, чтобы ветром и волнами не приносило к берегу то одной части его, то другой.

Мне захотелось еще раз побывать внутри корабля, но я отступил было назад, когда увидел, что весь кузов его наполнен песком. Но так как я привык в последнее время не унывать в виду затруднений, то и решил проникнуть внутрь судна и воспользоваться всем, чем только было можно; в моем положении не следовало ничем пренебрегать. Это новое занятие совершенно отвлекло меня от моего намерения переместить место моего жительства.

Мне на крючок попал маленький дельфин.

3. Отпилил корабельное ребро, которое поддерживало верхнюю часть задних шканцев, потом стал вычищать песок, но продолжать это дело мне мешал прилив, заставивший меня возвратиться на берег.

4. Ходил удить рыбу, но долго не попадалось ни одной съедобной. Наскучив этим неудачным занятием, я уже хотел было бросить его, как вдруг мне на крючок попал маленький дельфин. Я устроил себе удочку без крючка, но это не мешало мне потом иметь отличный улов рыбы, которую я сушил на солнце перед употреблением в пищу.

5. Работал в корабельном кузове. Отпилил второе ребро, оторвал от палубы три большие сосновые доски, связал их вместе и, дождавшись прилива, отправился на них домой.

6. Опять работал в кузове. С громадным трудом вытащил несколько болтов и других железных крепок. Возвратился домой совершенно измученным и решил отказаться от продолжения такой утомительной работы.

7. Снова был на корабельном остоле, но не с намерением работать, а с целью только посмотреть, что там делается. Я заметил, что остов корабля от своей собственной тяжести опять погрузился в песок до того

места, где мною были отпилены ребра, и что от судна оторвалось еще несколько частей. Нижний трюм был совсем открыт, и я сверху мог видеть, что он весь наполнен песком и водой.

8. Отправившись опять на корабль, взял с собой лом, чтобы снять всю палубу, которая была еще совершенно чиста от песка и воды. Снял две доски, которые и сплавил к берегу. Лом оставил на палубе до завтра.

9. Был вновь на корабле и пробил отверстие в корпусе. Наткнулся в глубине остова на несколько бочек, но не мог их вытащить. Потом мне попался сверток с английским свинцом, но он был слишком тяжел, и я не мог перенести его к себе.

10, 11, 12, 13 и 14. Ходил каждый день на корабельный остов и добыл с него множество досок, обшивок, вообще, деревянных частей и несколько сот фунтов железа.

15. Брал с собой два топора, с целью попытаться отрубить кусок свинца, вбивая лезвие одного топора топорищем другого, но так как свинец находится на полтора фута под водой, то мне не удалось нанести ни одного верного удара.

16. Всю ночь дул сильный ветер, от которого остов судна, видимо, сильно пострадал. Побывать в нем мне не удалось, потому что я задержался в лесу за ловлей голубей для своего пропитания, а потом помешал прилив.

17. Заметил на берегу в двух милях от меня принесенный водой обломок и отправился посмотреть, что это такое. Обломок оказался частью форштевеня ¹, до такой степени тяжелый, что я не был в состоянии поднять его и отнести к себе.

24. Все эти дни работал на остовах корабля и так расштатал его с помощью лома, что из него посыпались доски и вывалилось несколько матросских сундуков, которые и унесло приливом. Думал, прибьет все к берегу, но пока ничего не принесло, кроме нескольких деревянных частей и бочонка с бразильской свининой.

Продолжал свою работу по разборке остатков судна до 15 июня, исключая время, которое я употреблял на добывание себе пищи. Но на охоту я ходил во время прилива, чтобы быть свободным ко времени отлива. Набрал столько досок, балоков, брусьев и железа, что мог бы построить себе отличную лодку, если бы умел. Ухитрился также в разное время и кусками различной величины добыть до ста фунтов листового свинца ².

Июнь

16. Нашел на берегу большую морскую черепаху, первую виденную мною на этом острове. Могу приписать только случайности, что раньше не видал на своем острове ни одной черепахи, потому что мне стоило лишь пройти на противоположную сторону острова, чтобы ежедневно находить их целые сотни, как было впоследствии.

17. Испек свою черепаху. Нашел в ней шестнадцать яиц. Мясо ее показалось мне самым нежным и лакомым из всех сортов, когда-либо пробованных мною, особенно в сравнении с мясом коз и птиц, которыми я питаюсь все время на этом острове.

18. Весь день шел дождь, и я не выходил из палатки. Дождь показался мне холодным, и я сильно озяб, что очень странно в этом климате.

19. Чувствовал себя очень дурно, и меня так знобило, что я, как говорится, у меня не мог попасть зуб на зуб.

¹ *Форштевень* — носовая часть судна, являющаяся продолжением его киля.

² Такие листы толщиной в несколько миллиметров в старину часто использовали для покрытия крыш.

20. Всю ночь не мог заснуть, сильно страдая от лихорадки и жестокой головной боли.

21. Мне было очень худо, и я страшно испугался мысли, что, должно быть, серьезно заболел, и мне придется лежать в этой дикой пустыне без всякой помощи. В первый раз со времени бури, пережитой мною тотчас же после моего бегства из Гулля, молился Богу.

Но я едва сознавал, что и к чему собственно говорю. Мысли мои совершенно путались.

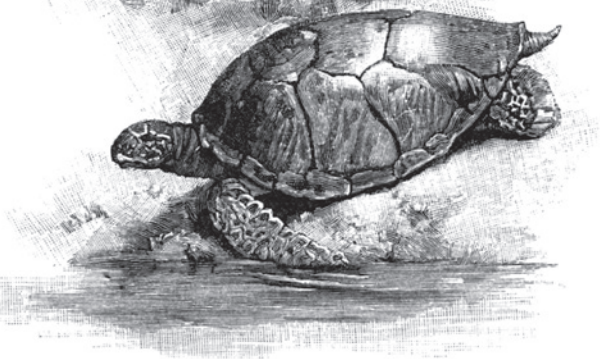
22. Сделалось немного лучше, но, тем не менее, мучился ужасною мыслью, что могу серьезно заболеть.

23. Снова хуже: страшный озноб и сильная мигрень.

24. Гораздо лучше.

25. Сильная лихорадка. В течение семи часов меня бросало то в жар, то в озноб, и все время был изнурительный пот.

28. Опять лучше. А так как в моей кладовой вышло мясо, то я, несмотря на слабость, пошел на охоту. Убил козу и с громадным трудом дотащил ее до своего жилища. Поджарил несколько маленьких кусочков и съел

Я нашел на берегу большую морскую черепаху.

их с аппетитом. Хотел было сварить себе бульон, который был бы мне очень полезен, но не имел подходящей посуды.

27. Лихорадка снова возвратилась и притом с такой силой, что я вынужден был пролежать весь день. Ничего не ел и не пил. Умирал от жажды, но вследствие страшной слабости не был в состоянии даже подняться, чтобы достать себе воды. В бреду я опять обращался к Богу, но когда я пришел в себя, то не находил слов, только и мог лепетать: «Господи, помилуй меня!.. Господи, воззри на меня!.. Господи, смилуйся надо мной!..». Кажется, только это я и твердил на продолжение всего приступа лихорадки, то есть часа два или три подряд. Наконец, заснул и проснулся только поздно ночью. Почувствовал себя легче, но очень слабым и в крайне угнетенном состоянии. Сильно хотелось пить, но так как во всем моем жилище не было ни одной капли воды, а встать я не мог, то, помучившись, снова уснул, и мне приснился следующий страшный сон.

Мне казалось, что я лежу на земле вне своего укрепления, в том самом месте, где находился во время бури после землетрясения, и что вижу человека, который спускался на землю из густой черной тучи, в вихре огня и пламени. Он весь сиял с головы до ног, так что мне было больно глядеть на него. Лицо его было ужасно, и описать его нет никакой возможности. Когда он ступил ногой на землю, мне показалось, что земля заколебалась, точь в точь как во время землетрясения, и весь воздух был исполосован огненными бороздами.

Ступив на землю, страшный незнакомец приблизился ко мне, чтобы заколоть меня длинным копьём, которое он держал в руках. Дойдя до холма вблизи меня, он заговорил, и я услышал такой страшный голос, что меня охватил никогда не испытанный еще мною ужас. Насколько я мог расслышать, он говорил: «Так как все случившееся с тобою не привело тебя к раскаянию, ты должен умереть!». После этих слов мне показалось, что он поднял свое копьё с намерением убить меня.

Пусть те, которым придется прочесть мое повествование, не ждут, чтобы я описал свое душевное состояние во время страшного видения, которое я только чувствовал сквозь сон: у меня нет слов для выражения этого. Точно так же не поддается описанию и то, что я испытал, когда проснулся, но все еще находился под впечатлением ужасного сна.

Да, страшный незнакомец прав: я совершенно забыл Бога. То, чем я был обязан доброму примеру и наставлениям родителей, у меня совершенно испарилось в течение восьмилетней разнузданной жизни, которой предаются все моряки, среди чрезвычайно развращенного и нечестивого общества. Не припомню, чтобы во все это время я хоть раз обратился мыслью к Богу или углубился в себя, чтобы разобрать свое поведение.

Не сознавая ни добра ни зла, я был погружен в род какого-то душевного онемения. Я был как раз тем, чем только может быть самый закоренелый и беспечный из моряков, не боящийся Бога во время опасности и не чувствующий к Нему признательности после избавления от нее.

Припомнив все мое прошедшее до этой минуты, читатель поверит мне, когда я скажу, что среди всех моих невзгод мне ни разу не приходила мысль, что это меня поражает гнев Божий, что это ни что иное, как справедливая кара за мои вины, за мое возмутительное поведение против родителей, за все мои прегрешения и вообще

за всю мою крайне предосудительную жизнь. Со времени моей отчаянной экспедиции в Африку, я никогда не думал о том, что должно со мной случиться, не изъявлял желаний, чтобы Бог направлял меня на моем пути и хранил меня от окружавших меня опасностей со стороны диких людей и хищных животных. Я совершенно забыл о Боге и о Провидении; я повиновался только своим природным инстинктам, как простое животное, и самое большее, если руководился, в главных случаях, одним здравым смыслом.

Когда я был спасен и принят на корабль португальским капитаном, относившимся ко мне с таким участием и с такою добротой, я тоже не чувствовал ни малейшей благодарности к Провидению. После моего второго кораблекрушения, когда меня выбросило на этот берег, у которого я чуть не погиб, я также был далек от раскаяния и вместо того, чтобы видеть в этом справедливое наказание Неба, я только изливался в жалобах на свою участь и кричал, что я только жалкое существо, рожденное для того, чтобы мучиться всю жизнь.

Положим, вступив на землю и увидев, что, исключая меня, погиб весь наш экипаж, я впал в род экстаза и душевного умиления, которые, если бы на мне почила благодать Божия, должны были бы привести меня к признательности; но этот порыв быстро прошел и окончился обыкновенной радостью человека, чувствующего, что он остался жив, в то время, как другие погибли. У меня не явилось ни малейшей мысли о том, что мне таким образом была оказана милость Творца, пожелавшего спасти именно меня из числа всех пятнадцати человек, бывших в начале плавания на нашем корабле. Я даже не спрашивал себя, почему Провидение пощадило именно меня. Радость, испытанная тогда мною, ничем не отличалась от обыкновенного чувства моряков, благополучно приставших к берегу после кораблекрушения и спешивших потопить всякое воспоминание о нем в стакане пунша, чтобы потом больше и не вспоминать об опасности, которой они подвергались.

Да моя жизнь и в молодости была такой же.

Но и этого мало. Лишь только я, поняв свое ужасное положение и убедившись, что попал на остров вдали от общества людей, без всякой надежды на помощь и избавление, нашел возможность не умереть с голоду и сохранить свою жизнь, то тотчас же перестал сокрушаться и почувствовал себя вполне хорошо. Я начал заботиться о том, как бы поудобнее устроить свою жизнь в этой пустыне и добывать пищу; я уже не скорбел о своем положении и не думал, что это небесная кара, знак тяготеющего надо мною гнева Божьего. Подобные размышления не имели обыкновения осаждать мой ум.

Произрастание злаков, о котором я упомянул в своем «Дневнике», произвело было на меня сильное впечатление и трогало мою душу во все время, пока я видел в этом прямое чудо, но как только я понял, что это произошло естественным путем, то все, что зародилось хорошего в моей душе, сразу исчезло.

То же самое было и во время землетрясения, хотя трудно представить себе что-нибудь более ужасное и более способное привести к мысли о невидимой силе, управляющей такими страшными явлениями. Едва успел пройти первый ужас, прошло и впечатление, произведенное на меня землетрясением. Я совсем не думал о Боге и о Его суде, последствием которого было все то, что я переживал ужасного, и лишь только несчастья кончались, я снова начинал радоваться, точно всю жизнь благоденствовал и не испытал никогда ничего такого, что могло бы заставить меня призадуматься о неисповедимых путях Господних.

Но когда я захворал, и мною мало-помалу начали овладевать мысли о смерти вдали от людей, когда мой дух под влиянием сильной боли ослаб, и тело мое сжигалось огнем горячки, — тогда только моя совесть, столько времени дремавшая, проснулась. Я стал упрекать себя за свое поведение, принудившее правосудие Божие наложить на меня такое тяжелое наказание и подвергнуть меня таким жестоким мучениям.

Такие мысли угнетали меня на второй и на третий день моей болезни, а сила горячки в соединении с укорами совести вырвали у меня несколько слов, походивших на молитву. Не могу, однако, сказать, чтобы это была горячая молитва существа верующего и уповающего, — нет, это был скорей крик ужаса и отчаяния. Расстройство мозга, угрызения совести, ужас смерти в таком несчастном беспомощном положении и страх перед неизвестностью того, что нас ждет за могилой — все это так действовало на меня, что я инстинктивно обратился к Богу. Не знаю, что именно бормотал мой язык, но думаю, что-нибудь вроде следующего: «Господи, какое я жалкое существо! Если я заболел, то я непременно умру, потому что некому оказать мне помощь... Господи, что же будет со мной?». Помнится мне, что я потом долго плакал горькими слезами, без всякого усилия лившимися из моих воспаленных глаз.

В это время мне пришли на память добрые советы отца и его предсказание, что если я настою на своем безумном решении, то Бог не благословит меня и что только впоследствии, при несчастьи, я пойму это, а утешить меня и помочь мне будет некому.

— Да, — вслух говорил я сам себе, — слова моего отца сбылись: Божие правосудие наказало меня, и, действительно, некому утешить меня и помочь мне. Судьба дала мне такое общественное положение, что я бы мог прожить вполне счастливо, без забот и горя; но я не хотел понять этого даже и тогда, когда мои родители растолковывали мне все преимущества среднего сословия, к которому принадлежали они, а следовательно, принадлежал и я. Своим безрассудством я заставил плакать родителей, а теперь и сам плачу над последствиями своего безрассудства. Я оттолкнул помощь и поддержку отца и матери, желавших устроить мой жизненный путь и облегчить мне бремя существования, а теперь я должен бороться с самыми тяжелыми невзгодами, не имея ни помощи, ни поддержки, ни утешения, ни совета...

Дойдя до этого места своих грустных размышлений, я из глубины души воскликнул: «Господи, помоги мне в моем горе!».

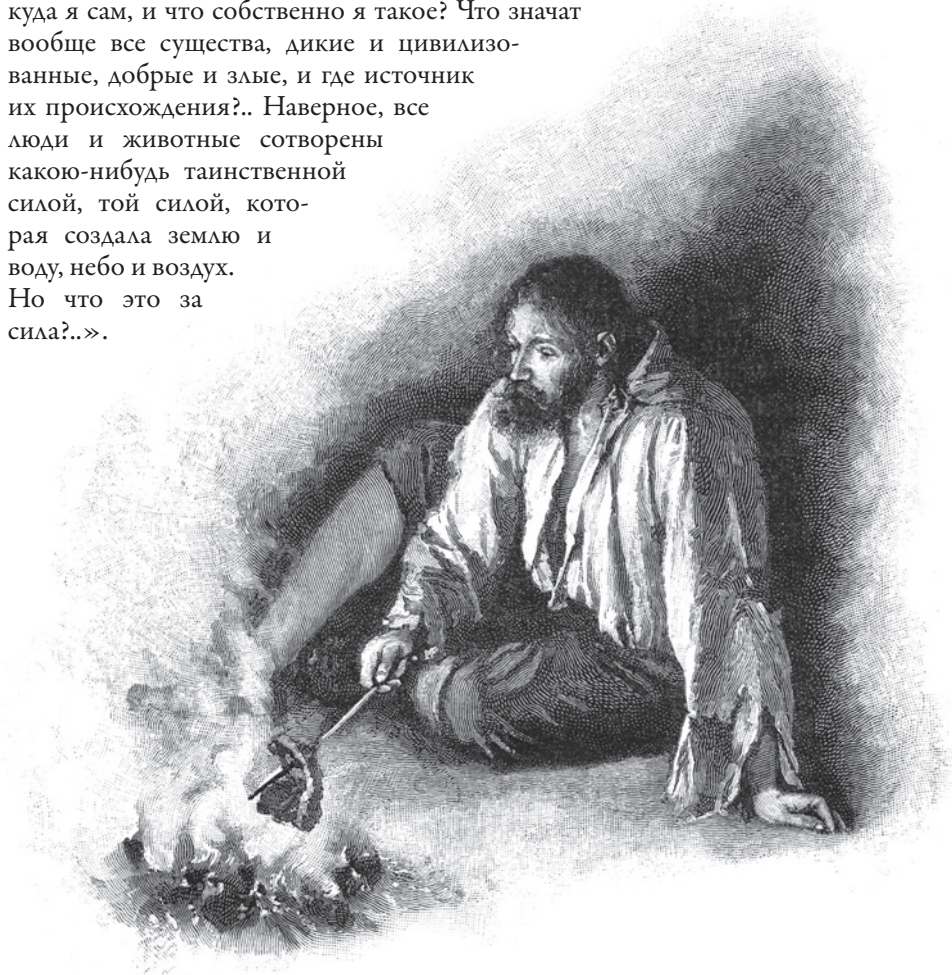
Это было еще в первый раз в течение долгих лет, когда я так искренно обратился к Богу... Однако, пора возвратиться к моему «Дневнику».

28. Отдохнув и почувствовав, что моя лихорадка уменьшилась, я встал. Хотя я все еще был полон ужаса и страха, вызванных во мне болезненным сновидением, я все-таки был в состоянии сообразить, что прежде всего мне нужно запастись водой, потому что на следующий день, вероятно, опять возобновится приступ лихорадки, и я не буду в состоянии встать с постели. Я сходил за водою и поставил ее на стол возле своей постели. Чтобы отнять у сырой воды ее дурные свойства, способствующие лихорадке, я влил в нее ром. Потом я отрезал кусок козьего мяса и поджарил на углях, однако за отсутствием аппетита съел очень мало. После этого отправился гулять, но двигался с большим трудом и был крайне угнетен мыслями о своем жалком положении и ожиданием, что завтра опять буду страдать от лихорадки. Я поужинал тремя испеченными в горячей золе черепашными яйцами, помолившись, предварительно, Богу. Насколько могу припомнить, это тоже было в первый раз, когда я просил благословения Божия для трапезы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пужинав, я снова попробовал пройтись и захватил с собой мушкет. Однако от слабости едва мог держать ружье. Кое-как дотащившись до моря, я сел на песчаном бугре и, глядя на спокойную поверхность воды, снова погрузился в размышления.

«Откуда взялись все те моря и земли, которые я видел? — думалось мне. — Откуда я сам, и что собственно я такое? Что значат вообще все существа, дикие и цивилизованные, добрые и злые, и где источник их происхождения?.. Наверное, все люди и животные сотворены какою-нибудь таинственной силой, той силой, которая создала землю и воду, небо и воздух. Но что это за сила?..».

Я отрезал кусок козьего мяса и поджарил на углях.

И, конечно, я пришел к заключению, что все сотворено Богом.

«Хорошо, — продолжал я, — если Бог создал все, то Он же руководит и управляет всем, потому что, раз Он обладает силою творить, то может всем сотворенным Им и управлять. Если это так, то, следовательно, во всей громадной области Его дел ничего не может происходить без Его ведома и воли. А в таком случае Ему ведомо и о моем настоящем ужасном положении, в которое я попал по Его воле...».

Возражений на эти выводы я не находил, поэтому и остался убежденным, что именно Бог повелел быть всему тому, что случилось со мною, и что мое горькое положение проистекает исключительно от Его воли. Один только Он властитель не толь-

ко моей судьбы, но и всего мира. Додумавшись до этого, я стал спрашивать себя: «Зачем же Бог так поступил со мной? Чем я заслужил подобную участь?».

Но совесть моя восстала против этих вопросов: она мне говорила, что, задавая их, я совершал богохульство. Мне казалось, что какой-то голос укоряет меня: «Несчастный! ты спрашиваешь, чем заслужил такую участь? Оглянись на свою рассеянную и преступную жизнь, и ты поймешь, чем заслужил кару Небес... Спроси лучше, отчего ты не погиб гораздо раньше? Отчего не утонул в Ярмутском рейде? Отчего не был убит, когда корсар из Саллэ захватил корабль, на котором ты ехал? Отчего не сожрали тебя дикие звери на берегах Африки? Отчего ты не был поглощен морскими волнами у берегов этого острова вместе со всем остальным экипажем? Отчего из стольких людей только ты остался жив? Спроси все это у своей совести и, быть может, она подскажет тебе ответ».

Смущенный и опечаленный этими справедливыми укорами я поднялся и тихо побрел назад к своему жилищу. Добравшись до палатки, я тотчас же лег, надеясь заснуть. Но мое душевное волнение было так велико, что прогоняло сон. Я снова встал, сел на стул и зажег свою лампадку, потому что становилось уже темно.

Занятый мыслью о предстоящем возврате лихорадки, я вспомнил, что бразильцы от всех болезней лечатся табаком, и что в одном из моих сундуков есть сверток табачных листьев, совершенно обработанных для употребления, и немного табаку зеленого, еще не высушенного.

Я пошел к сундуку, направленный, должно быть, самим Небом, потому что нашел в этом сундуке средство не только для исцеления тела, но и духа. Открыв его, я достал табак; а так как тут же хранились и мои книги, то я достал одну из Библий, о которых говорил раньше. До этого времени я не открывал ни одной из этих священных книг, отчасти по недостатку времени, а отчасти и по равнодушию к ним. Я положил Библию и табак на стол.

Я не знал, как употребить табак в настоящем случае, да и годится ли он вообще против моей болезни, но, тем не менее, сделал несколько опытов, точно был убежден, что он непременно должен помочь мне тем или другим способом. Сначала я принялся жевать лист зеленого табака; сок его был так крепок, что с непривычки к нему у меня сейчас же отуманился мозг. Потом на час или на два я положил его в небольшую порцию рома с намерением выпить эту настойку перед сном. После этого я стал жечь табак на углях и вдыхал дым до тех пор, пока не стали мешать этому жара от углей, над которыми я наклонился, и сильное головокружение. Все-таки я успел вдохнуть в себя столько дыму, что чуть было не задохся.

Во время этих операций я взял Библию и начал ее читать. Но у меня голова была так отуманена табаком, что я не в состоянии был сосредоточиться на чтении. Помню только, что открыл книгу наудачу, и взгляд мой прямо упал на следующие слова: «Воззови ко Мне во дни твоих горестей. Я избавлю тебя, и ты прославишь имя Мое»¹.

Это изречение как раз подходило к моему положению, но произвело на меня необходимое впечатление не в тот момент, когда я прочитал его, а только впоследствии.

¹ «Воззови ко Мне во дни твоих горестей. Я избавлю тебя, и ты прославишь имя Мое» — строчка из 50-го псалма Библии.

Это произошло, вероятно, от того, что слово «избавлю» было для меня в ту минуту, так сказать, пустым звуком. Это было нечто до такой степени невозможное на мой взгляд, что я начинал говорить то же, что говорили дети Израиля, когда им было обещано мясо для пищи: «Может ли Бог воздвигнуть стол в пустыне?»¹. Я же говорил: «Может ли Бог избавить меня от пребывания на этом острове?». Это сомнение тогда преобладало в моем уме, потому что луч надежды загорелся передо мною только через несколько лет, но, тем не менее, я запомнил это изречение и часто задумывался над ним.

Между тем стало уже поздно, а табак, как я уже сказал, так отуманил мою голову, что я решился лечь, оставив лампадку гореть на тот случай, если мне ночью что-нибудь понадобится. Но перед тем как лечь, я встал на колени, чего раньше никогда не делал, и попросил Бога избавить меня от моих горестей, когда я вновь воззову к Нему. После этой короткой молитвы я выпил табачный настой. Он был так крепок, что мне с большим трудом удалось проглотить его. Я сейчас же лег после этого приема, потому что настой тут же ударил мне в голову. Я заснул почти в то же мгновение, как лег, и сон мой был так глубок, что я проснулся должно быть только на другой день около трех часов после обеда, насколько мог судить по положению солнца. Скажу более: я почти убежден, что проспал весь следующий день, всю ночь после этого дня и часть второго дня, иначе трудно объяснить, каким образом я мог пропустить один день в счете, который я вел дням; этот пропуск, впрочем, я заметил только несколько лет спустя. Если бы я сделал эту ошибку проведением новой черты по старой, то мог бы повторить ее еще несколько раз, но этого не было. Следовательно, я обсчитался на один день и долго не мог догадаться, как мог я это сделать, если не проспал около двух суток подряд.

Как бы там ни было, но, проснувшись, я почувствовал себя почти совершенно здоровым, в радостном и довольном настроении. Я твердо стоял на ногах, желудок был в полной исправности, чувствовался превосходный аппетит, — словом, дело, видимо, шло к поправке. Это произошло по моему подсчету 29 июня.

30. Лихорадки не было, и я выходил с мушкетом, но забираться слишком далеко от дома не решался. Убил пару морских птиц, похожих на диких гусей. Принес их домой, но есть не стал, удовольствовавшись опять несколькими черепашьими яйцами, которые были очень вкусны. Вечером повторил прием лекарства, которое, как я предположил, так помогло мне, то есть выпил табачную настойку на роме. Только теперь я выпил меньше, чем в первый раз, притом не жевал и не жег табак.

На следующий же день, 1 июля, я чувствовал себя не так уже хорошо, как накануне. Был легкий озноб и чувствовалась слабость, но в общем было сносно.

Июль.

2. Повторил все три способа приема лекарства; настойки выпил даже двойную порцию.

¹ «Может ли Бог воздвигнуть стол в пустыне?» — строчка из 77-го псалма Библии.

3. Лихорадка совершенно оставила меня; окреп же вполне я только через несколько недель. Во время своего выздоравливания я много думал над словами: «Я избавляю тебя», но уверенность в невозможности избавления пустила такие глубокие корни в моем сердце, что в нем не было уж места надежде. Однако посреди моего уныния у меня вдруг мелькнула мысль, что из-за недовольства по поводу того, что не вижу способа вернуться в общество людей, я совершенно забыл о только что оказанной мне Провидением милости. Тут я задал себе следующие вопросы: «Разве я не был избавлен от болезни и одним этим уже не освобожден от самого ужасного состояния, которое только можно себе представить? И как я отнесся к этому? Как исполнил я свой долг? Бог, действительно, избавил меня, а прославил ли я Его имя? Нет, я не выказал никакой благодарности, не признал даже самого факта «избавления!» Каким же образом я мог ожидать еще большей милости?»

Эти размышления навели меня на путь истины. Я упал на колени и громким голосом возблагодарил Бога за избавление меня от болезни.

4. Утром взял Библию и, открыв Новый Завет, углубился в чтение. Я решил читать эту священную книгу каждое утро и каждый вечер, так, чтобы постепенно прочесть ее всю.

Продолжая некоторое время это чтение, я почувствовал, как мое сердце наполняется скорбью о моем нечестивом прошлом. Воспоминание о моем сновидении ожило, и слова: «И все это не привело тебя к раскаянию», врезались мне в душу. Я просил Бога послать мне раскаяние, когда, читая священное писание, увидел следующее изречение: «Его называют Спасителем, потому что Он посылает раскаяние и дает отпущение»¹.

Я отложил книгу и, подняв к небу руки и глаза, вскричал в радостном экстазе: «Иисус, сын Давидов, истинный Бог наш и Спаситель мира, пошли мне раскаяние!».

Это было в первый раз в моей жизни, когда я так горячо и искренно воззвал к Богу. Произнося эти слова, я весь был проникнут сознанием своего ничтожества и чисто библейским упованием на Бога, основанным на Его утешительных словах. С тех пор я был уверен, что Господь сохранит меня.

Только теперь изречение «Воззови ко Мне, и Я избавлю тебя» показалось мне заключающим в себе тот таинственный смысл, которого я раньше не мог понять. До этого времени я не имел понятия ни о чем, что могло бы быть названо «избавлением», кроме освобождения из плена, в котором я томился; ведь если я и не сидел в четырех стенах, то все-таки этот остров служил мне тюрьмой, и притом в самом ужасном значении этого слова. Но теперь вдруг я взглянул на это с другой точки зрения; я оглянулся на свою жизнь, проведенную так дурно, и мои прегрешения показались мне такими громадными, что моя душа стала просить у Бога только избавления от тяготившего на ней бремени. Что же касается моего пребывания в пустыне, то это пребывание уже не имело для меня ничего страшного, и я не только не хотел просить Бога об избавлении от него, но даже и не думал больше об этом как о зле. Все мои бедствия стали для меня ничтожными в сравнении с моими прегрешениями. Я пишу это

¹ Строчка из Нового Завета, из пятой главы Деяния Святых Апостолов.

для того, чтобы дать понять всем, кому попадутся эти записки, что несравненно большее счастье быть избавленным от гнета проступка, нежели от какой-нибудь невзгоды.

Но оставим это и возвратимся снова к «Дневнику».

Хотя мое физическое состояние было не особенно хорошо, зато нравственное стало улучшаться. Постоянным чтением священного писания и молитвой мои мысли были направлены на предметы высшего порядка, и я начал находить утешения, которых раньше не знал. Так как здоровье и силы мои восстанавливались, то я снова принялся запасаться всем мне необходимым и начал усваивать себе привычку к правильному, по возможности, образу жизни.

От 4 до 14. Во все эти дни моим главным занятием были прогулки с ружьем; но далеко от своего жилища, как человек, только что начавший оправляться после тяжелой болезни, я не отходил. Я, действительно, перенес сильную болезнь, и силы мои страшно упали.

Средство, которым я пользовался, было очень смелое и едва ли когда употреблявшееся в Европе против лихорадок; я не могу никому рекомендовать его, потому что оно, хотя и прогнало лихорадку, зато сильно способствовало расслаблению всего организма и вызвало на некоторое время нервное трясение и судороги во всех членах моего тела.

Из этого испытания я вынес полезное знание, что здесь очень опасно для здоровья выходить во время дождей, в особенности, когда они сопровождаются бурями и ураганами, а это тут бывает преимущественно в жаркую пору года, так что дожди в эту пору гораздо вреднее тех, которые льют в сентябре и октябре.

Я уже около десяти месяцев находился на своем злополучном острове. Всякая возможность выбраться с него, казалось, у меня навсегда отнята, и я был твердо уверен, что до меня ни одно человеческое существо никогда не ступало на него ногой. Так как мое жилище было хорошо укрыто, то я задумал предпринять подробное исследование острова в надежде найти какие-нибудь еще неизвестные мне продукты.

15. Начал ближе знакомиться с островом. Сначала отправился к бухте, о которой я уже говорил, и которая служила мне местом пристани, когда я перевозил с корабля груз. Пройдя мили две вдоль этой бухты, я понял, что это не что иное, как небольшой ручеек с пресной водой и что прилив в нем не бывает особенно высок. Так как наступил период засухи, то этот ручеек был слишком мелок, чтобы иметь сильное течение.

На берегах ручейка я нашел прекрасные густые зеленые луга. В верхней части этих лугов, в таких местах, куда едва ли могло когда-нибудь достичь наводнение, я нашел громадное количество зеленого табака с большими и крепкими стеблями и несколько видов других растений, совершенно мне неизвестных. Быть может, они обладали какими-нибудь полезными свойствами, но так как я их не знал, то не мог ими и воспользоваться.

Я всюду искал маниок¹, из корня которого индейцы делают хлеб, но не нашел. Видел громадные сабуры, или алоэ, но их свойств я тогда тоже еще не знал, поэ-

¹ Маниок — клубнеплодное растение родом из Южной Америки, в Африке оно известно как кассава.

тому оставил и их без внимания. Заметил также сахарный тростник в диком состоянии и потому очень плохой. Удовольствовавшись пока этими открытиями, я возвратился домой, размышляя о способах узнать качества виденных мною расте-

ний и плодов, но ни до чего не додумался в этом отношении. К сожалению, во время пребывания в Бразилии я слишком мало наблюдал полевые растения, чтобы уметь теперь, в минуту нужды, воспользоваться ими.

Я сначала отправился к бухте.

приятным лакомством в те времена года, когда нет свежих фруктов. Мои ожидания не обманули меня.

¹ *Берберия* — устаревшее общее название для территории северо-западной Африки от побережья Средиземного моря до Сахары.

Я провел все послеобеденное время в этом месте и даже на ночь не возвратился в свое укрепление. Это был первый раз, когда я не ночевал дома, живя на этом острове. Спал опять на дереве, как в первую ночь, когда меня выбросило на остров, и спал, нужно признаться, отлично. Утром на следующий день продолжал исследование острова и прошел дальше мили на четыре, если не больше. Шел все время на север, оставляя на востоке и западе цепи холмов.

Наконец, я очутился на совершенно ровной долине, спускавшейся еле заметно на запад. На востоке бежал маленький ручеек, выходявший из горы. Вода в этом ручье была замечательно прозрачна, чиста и свежа. Вся эта местность была покрыта такой роскошной зеленой цветущей растительностью, что можно было принять ее за сад, искусно насаженный руками людей.

Прошелся по долине, любуясь ей и думая с тайной радостью, хотя и смешанной с некоторой горечью, что, в сущности, все это мое, что я полновластный обладатель этой земли, имею неоспоримые права владеть ей и могу распорядиться ей как хочу, не хуже любого английского лорда, распоряжающегося своим родовым поместьем.

В этом райском уголке я нашел множество апельсиновых, лимонных и других плодовых деревьев; все они были в диком состоянии и с малым количеством плодов, по крайней мере, в это время года. Нашел даже и цедраты (род лимонов), которые оказались очень вкусными и полезными для здоровья. Впоследствии я примешивал сок этих плодов к воде и таким образом делал из нее здоровый, приятный на вкус и удивительно освежающий напиток.

Я решил набрать как можно больше лимонов, цедратов и винограду на время дождей, которое должно было скоро наступить. Таким образом у меня появилась новая работа и довольно утомительная.

Я наложил две груды винограду, лимонов и цедратов и, взяв всего понемногу, направился домой, намереваясь возвратиться вскоре с мешком или чем-нибудь другим, что окажется удобным для переноски плодов.

По дороге весь виноград, который я нес с собой, смялся, и сок из него вытек, так что пришлось почти целиком бросить его. Цедраты и лимоны несколько не пострадали, но их было взято слишком мало.

19. Сшив из парусины два мешка, отправился за плодами. Придя на место, я был очень удивлен представившимся мне неожиданным зрелищем: виноград, который был мною аккуратно сложен в одно место, оказался разбросанным во все стороны, измятым, истоптанным и частью съеденным. Значит, это дело животных, явившихся, быть может, откуда-нибудь поблизости, а может быть и людей. Различить это было трудно.

Как бы там ни было, но я понял, что оставлять виноград на земле нельзя, потому что он тогда будет наполовину съеден, а наполовину испорчен, нести же его свежим в мешке неудобно потому, что он будет смят своей собственной тяжестью. Подумав немного, я решил развесить сорванные виноградные кисти по кустам и деревьям, надеясь, что там их никто не тронет и что они отлично высохнут на солнце. Цедраты же положил в мешки и понес домой.

На обратном пути я опять не мог не залюбоваться на роскошную долину, защищенную горами и лесами от морских ветров, такую плодоносную и красивую. Сравнивая ее с тем местом, на котором я основал свое жилище, я пришел к заключению, что выбрал для поселения самое дурное место на всем острове. Мысль переменить

место жительства окрепла во мне. Если бы оказалось возможным, я сейчас же с удовольствием перенес бы свое укрепление, палатку и все имущество на это прелестное и вполне удобное место.

Я долго носился с этой мечтой, соблазненный очаровательною долиною; но когда стал соображать все за и против моего нового плана, то понял, что, засев в глубине острова, вдали от моря, я лишу себя последнего луча надежды увидеть когда-нибудь корабль, который мог освободить меня из плена. Положим, эта надежда была очень слаба, но все-таки иногда являлась мне в утешение, и было бы глупо добровольно и навсегда отказаться от нее.

Между тем, я был так влюблен в долину, что провел на ней почти весь июль, устроив себе нечто вроде беседки, которую тоже огородил двойным палисадом из длинных кольев, покрыв их хворостом. Иногда я ночевал там несколько ночей подряд. Через ограду я перебирался также посредством лестницы, перетаскивая ее со стороны на сторону, смотря по надобности. Таким образом, у меня было два жилища: одно на берегу моря, а другое в глубине острова. Работы во втором жилище заняли меня до начала августа.

Август.

Только я окончил свое второе жилище, как наступили опять дожди, и они вынудили меня засесть в первом, так как там я был лучше защищен горой от ураганов, притом там была пещера, в которой я мог укрыться, если дождь начнет промачивать мою палатку.

Около 1 числа, как я уже говорил, я окончил свое второе помещение и стал пользоваться им.

3. Нашел развешенный виноград совершенно высохшим. Изюм вышел превосходный. Я снял его с кустов и деревьев и хорошо сделал, иначе дожди совсем бы испортили его, и я лишился бы одного из лучших зимних лакомств. Высушенных кистей было двести штук. Едва только я успел убрать изюм в свою пещеру, как начались дожди. Шли они с небольшими промежутками с августа вплоть до половины октября и временами так сильно, что я по несколько дней не мог выходить из пещеры.

В это время судьба обрадовала меня приращением моего семейства. У меня пропала одна из кошек, и я уже думал, что она где-нибудь погибла, но в один не особенно дождливый августовский день кошка, к моему величайшему изумлению и удовольствию, возвратилась в сопровождении трех котят. Это было тем более странно, что я видел на острове только диких кошек, совсем непохожих на европейских, а имевшиеся у меня кошки были самки, между тем новорожденные котята ничем от них не отличались, как будто и их отец был из той же домашней породы. Со временем от этих трех котят произошло такое большое потомство, что, в конце концов, я вынужден был выгонять их и даже убивать целыми десятками, иначе они съели бы не только все мои запасы, но и меня самого.

От 14 до 26 дождь шел, не переставая, поэтому я почти не выходил из своего убежища под горою. Только два раза необходимость заставила меня отважиться выйти с ружьем. В первый раз я убил козла, а во второй мне опять попалась громадная чере-

Я прошелся по долине, любуясь ею.

паха, и я ею всласть полакомился. Я установил для себя следующий режим: завтракал кистью сушеного винограда, обедал куском жареной козлятины или печеной черепахи — варить мясо мне, к сожалению, было не в чем, — а ужинал двумя-тремя, тоже испеченными, черепашьими яйцами.

Пока дожди держали меня в заключении, я ежедневно часа два-три посвящал тому, чтобы расширить свою пещеру. Наконец, я наткнулся ломом на утес и пробил в нем ход, который оканчивался за укреплением. Этим путем я мог незаметно входить в укрепление и выходить из него, но редко пользовался им из боязни, как бы человек или какое-нибудь животное случайно не узнали про этот ход со стороны открытой местности. Откуда происходили мои опасения в этом отношении, сам не знаю, поскольку до сего времени я не встретил на острове ни одного живого существа, которого можно было бы бояться. Самым крупным животным, встреченным мною, был козел.

Сентябрь.

30. Дожил до грустной годовщины того дня, когда я был прибит ветром и волнами к этому острову. Сосчитав отметки на столбе, нашел, что я здесь уже триста шестьдесят пятый день. Весь этот день я провел, как следует доброму христианину: постился, читал Библию и в глубочайшем смирении, распростершись на земле, исповедовался Богу, признавая справедливость Его суда надо мной и моля помиловать меня в будущем. Воздерживался от пищи двенадцать часов и только после захода солнца съел сухарь и кисть винограда. Затем, снова помолившись, лег спать.

До этого времени я почти не соблюдал воскресных дней, так как, лишенный всякого религиозного чувства, вскоре перестал даже отмечать эти дни удлиненною чертою, почему и перепутал все дни. Но теперь, сосчитав все отметки на столбе и узнав, таким образом, что прожил на острове ровно год, я разделил этот год на недели, причем каждый седьмой день принял за воскресенье. Тут-то я и открыл, что пропустил один или два дня без отметки.

ГЛАВА III

Путешествие поперек острова. — Вторая годовщина. — Новые работы. — Мародеры. — Последние операции. — Гончарное производство. — Устройство лодки. — Признательность. — Разбор тряпья. — Попытка мореплавания. — Счастливое избавление. — Мой придворный штат. — Ужас.

Я заметил, что мои чернила подходят к концу, поэтому начал по возможности беречь их, записывая лишь самые выдающиеся события своей жизни, вместо того, чтобы вести постоянный дневник и заносить в него каждую мелочь.

Я понял регулярность периодов дождей и засухи, научился исчислять их время и стал готовиться к ним. Но я дорого заплатил за этот опыт, и то, что сейчас расскажу, было для меня самым неприятным уроком. Раньше я уже упомянул, что сберег то небольшое количество ячменя и риса, которое, по моему мнению, выросло у меня лишь благодаря чуду. У меня имелось стеблей тридцать ячменя и двадцать рису. Когда прошли дожди и солнце, удалившись от меня, приняло свое полуденное положение, я вообразил, что время для посева наступило.

Вскопав, насколько возможно хорошо с помощью деревянной лопаты клочок земли и разделив его на две части, я принялся сеять свое зерно. Во время этой операции мне пришло в голову, что не следует сеять все за один раз, так как я не знаю, благоприятен ли этот сезон для посева. В силу этого соображения, я рискнул пожертвовать только двумя третями зерна, оставив по горсти каждого про запас. После я порадовался тому, что так поступил. Из всех зерен, посеянных мной, сразу ни одно не взошло, потому что в последующие месяцы наступила жара, и земля, не смачиваемая благотворным дождем, не имела достаточно влаги для произрастания зерна. Только с возвращением дождливого периода появились стебли, точно зерно только что было посеяно.

Видя, что мой первый посев не принимается, я сразу понял, что причиной тому засуха. Вследствие этого я отыскал клочок более влажной земли, возле моей новой беседки, обработал его лопатой и засеял ячменем и рисом.

Это было в феврале, перед весенним равноденствием. Март и апрель были дождливые месяцы, поэтому мой второй посев взошел отлично. Но так как я не решился рисковать всем остатком зерна, то в результате этого посева получилась очень незначительная жатва — меньше полпека ¹.

¹ Пек (peck) — британская мера сыпучих тел, равная 8,8 л.

Опыт был горький, но он научил меня распознавать благоприятное для посева время от неблагоприятного и показал, что здесь можно иметь две жатвы в году.

Пока мое зерно росло, я сделал маленькое открытие, которое впоследствии оказалось мне чрезвычайно полезным. Когда окончился второй период дождей, и небо прояснилось, — а это случилось около начала ноября, — я отправился в свое второе жилище и, несмотря на долгое отсутствие, нашел там все в том порядке, в каком оставил в августе. Ограда или двойная изгородь, сделанная мною из кольев, которые я добыл в ближайшем лесу, вся оказалась зазеленевшей, так как колья пусти-

ли в этой благодатной почве корни и дали ростки. Так бывает с ивами: стоит только воткнуть в землю сучок или ветку, как они тотчас же примутся. Названия же деревьев на острове, сучья которых я употребил на колья, не знаю.

Удивленный и вместе с тем восхищенный приятной не ожи-

данностью, я пообчистил новые деревца, чтобы дать им возможность расти ровнее. Трудно представить себе, какая прелесть вышла из них через три года. Моя изгородь образовала круг диаметром в тридцать пять

локтей; составлявшие ее деревья вскоре совершенно закрыли это пространство и образовали нечто в роде круглой зеленой залы, свод и стены которой были так плотны, что не пропускали солнечных лучей и служили прекрасным приютом во время жаркого времени.

Это побудило меня устроить из сучьев тех же деревьев полукруглую изгородь около моего первого укрепления, в восьми локтях от него. Когда эти колья тоже превратились

в деревья, — что случилось очень скоро, — то они совсем замаскировали мое жилище. Позднее они послужили мне даже защитой, как будет сказано в своем месте.

Итак, я узнал, что времена года на моем острове делятся не на зиму и лето, как в Европе, а на дождливые и сухие периоды, следующие один за другим в таком порядке:

Вторая половина февраля, весь март и первая половина апреля — период дождей; солнце находится на линии равноденствия или около нее.

Я отыскал клочок влажной земли, обработал его лопатой и засеял ячменем и рисом.

Вторая половина апреля, май, июнь, июль и первая половина августа — период засухи; солнце находится к северу от экватора.

Вторая половина августа, весь сентябрь и первая половина октября — снова дожди; солнце приближается к экватору.

Вторая половина октября, ноябрь, декабрь, январь и первая половина февраля — опять засуха; солнце делает поворот на юг от экватора.

Дождливый период тянулся иногда дольше обыкновенного, что зависело от ветра. Испытав уже на себе, как опасно выходить во время дождей, я стал заботиться о заготовке необходимого количества провизии заранее, до наступления этого периода, чтобы не иметь надобности рисковать своим здоровьем; таким образом, во время ливней я оставался в пещере, покидая ее лишь в исключительных случаях.

Время моего заключения в пещере я проводил за работой; ее обыкновенно накапливалось много, потому что мне недоставало множества предметов, которые я мог мастерить только с затратой большого труда и времени. Например, я долго пытался сплести себе корзину, но прутья, имевшиеся у меня под руками, были так ломки, что я ничего не мог сделать с ними. Хорошо еще, что я, будучи маленьким, любил наваливаться перед палаткой корзинщика в моем родном городе и смотреть, как он работает. Наблюдательный и услужливый, как большинство мальчиков, я скоро усвоил себе кое-какие из его приемов и часто помогал ему. Таким образом, я имел понятие об искусстве плести корзины, но долго не находил подходящих материалов, чтобы применить это искусство к делу. Наконец, я вспомнил, что ветви того дерева, из которого я делал колья для моих палисадов, были так же гибки, как ветви ивы, и решил испытать их для плетения корзин.

На другой день я отправился на свою «дачу», как я называл свое второе жилище, срезал там несколько ветвей с изгороди и убедился, что они действительно годятся для плетения корзин. Вооруженный топором, я приходил еще несколько дней подряд и нарубил себе большое количество этих ветвей. Всю эту груду ветвей я снес в свое главное укрепление и сначала разложил их на солнце для просушки, а потом, когда они оказались годными в дело, перетаскал их в пещеру, где в течение следующего дождливого периода и смастерил, как умел, множество корзин для переноски земли и хранения моих припасов. Хотя нельзя сказать, чтобы мои корзины отличались особенным изяществом, тем не менее, они отлично служили мне. С тех пор у меня никогда не было недостатка в корзинах; по мере надобности я постоянно делал необходимое мне количество. Я сделал несколько больших, массивных и глубоких корзин для сбора жатвы, вместо того, чтобы употреблять для этой цели мешки, как я это делал раньше.

Преодолев одно затруднение и употребив много времени и труда, я стал думать, как бы мне справиться и с другими задачами. Из сосудов, в которых можно было держать жидкости, я имел только два бочонка с ромом, почти полных, несколько стеклянных бутылок средней величины и четырехугольных флаконов с фруктовыми водами и спиртными напитками. Но у меня не было ни одного горшка, в котором я мог бы варить что-нибудь. Имелся, положим, котел, взятый мной с корабля, но он был таких громадных размеров, что готовить в нем для одного было невозможно. Следовательно, мне нужно было наловчиться сделать хоть какой-нибудь горшок. Кроме того, мне очень хотелось иметь трубку для курения табака; я долго придумывал, как бы сделать и ее, и, в конце концов, все-таки придумал.

Я посвятил было весь сухой период на сооружение новых палисадов вокруг старых, как вдруг явилось еще одно дело, которое отняло у меня больше времени, чем бы мне хотелось.

Я уже говорил, что желал исследовать весь остров, но пока дошел только до той долины, где возвел беседку, и откуда мог видеть издали море по другую сторону острова. Теперь я задумал добраться до того берега, чтобы посмотреть, что находится там. Взяв мушкет, топор, собаку, большее количество пороха, чем брал с собою обыкновенно, и уложив в сумку пару больших корабельных сухарей и кисть винограда, я отправился в путь. Пройдя всю долину, в которой находилось мое второе жилище, я ясно увидел на западе море, а на море, благодаря удивительной прозрачности воздуха, — другую землю, но материк это или тоже остров, я не мог различить. Земля эта была очень высока и тянулась далеко на юго-запад. Отстояла она от моего острова по крайней мере миль на пятнадцать или на двадцать. К какой части света могла принадлежать эта земля? По моему соображению, она должна была принадлежать к Америке. Я думал, что это часть испанских владений, населенная дикарями. Я был убежден, что попади я после кораблекрушения туда, моя участь была бы гораздо хуже, чем в настоящее время. Я начал проникаться убеждением в том, что Провидение делает все к лучшему и, успокоившись на этом, нисколько не жалел, что не мог посетить той земли.

Поразмыслив еще над этим открытием, я пришел к заключению, что если эта земля действительно принадлежит к испанским владениям, то мимо нее хоть когда-нибудь да должны проходить корабли, и я могу их увидеть. Если же в течение долгого времени не покажется ни одного корабля, то это докажет, что находящаяся перед моими глазами земля составляет часть той, которая тянется между испанскими владениями и Бразилией, и на которой, как я слышал, обитают самые свирепые из дикарей, то есть каннибалы, или людоеды, убивающие и пожирающие всех попадающих к ним в плен.

Размышляя таким образом, я не спеша продолжал подвигаться вперед. Этот берег острова показался мне лучше того, на котором я основался. Он весь был покрыт роскошными лугами, сплошь усеянными разнообразнейшими цветами и красивыми боскетами. Я видел множество попугаев, и мне очень хотелось поймать хоть одного, чтобы сделать его ручным, и, если возможно, научить говорить... После долгих напрасных усилий, мне удалось оглушить ударом палки молодого попугая, так что он упал на землю. Я поднял его и принес домой. Но прошло несколько лет, прежде чем я довел птицу до того, что она стала называть меня по имени. Случившееся потом из-за этого приключение, которое я расскажу в своем месте, было хотя и не важно, но очень занимательно.

Путешествие на ту сторону моего острова доставило мне большое удовольствие. В низменностях я нашел животных, которых принял за зайцев, и лисиц, но несколько отличавшихся от европейских. Хотя я и убил несколько этих животных, но не пробовал есть. У меня и без того было достаточно хорошей провизии: коз, голубей и черепах. А если к этому прибавить виноград или изюм, то ни один рынок в мире не мог бы лучше снабдить мой стол; недоставало только сотрапезников. Несмотря на мое положение, в сущности, все-таки, достойное сожаления, я имел достаточно причин быть признательным своей судьбе, так как не только не терпел нужды в пищевых продуктах, но даже имел лакомства.

Во время этих экскурсий я делал в прямом направлении не больше двух миль в день, но так часто отклонялся в сторону в поисках новых открытий, что вечером всегда чувствовал сильную усталость.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ночь проводил я всегда на каком-нибудь дереве или на земле, оградив себя кольями, размещенными между двумя деревьями так, чтобы дикие звери не могли захватить меня врасплох.

Достигнув противоположного берега, я убедился, что место, на котором я устроил свое главное жилище, было, действительно, гораздо хуже: этот берег был весь покрыт черепахами, а на своем я никогда не видел одновременно больше двух или трех. Здесь было множество птиц разных пород, из которых некоторые были уже мне знакомы и обладали очень вкусным мясом. Ни одной из этих птиц я не знал и, за исключением пингвинов, не мог отгадать, к какой они принадлежат породе.

Я мог бы убить их сколько угодно, но не решился понапрасну тратить заряды, которые охотнее употреблял для добывания коз, дававших несравненно большее количество мяса. Между тем, приблизиться в этой части острова к козам на расстояние выстрела было почти невозможно, благодаря ровности места.

Завидев меня еще издалека, эти осторожные животные быстро скрывались.

Хотя эта часть острова была несравненно лучше противоположной, но о полном переселении сюда я больше не думал, так как уже привык к своей горе и отлично в ней устроился на дождливые сезоны. Там был мой настоящий дом и, когда я бывал в другой части острова, мне казалось, будто я путешествовал вдали от своей родины.

Я прошел двенадцать миль по новому берегу, идя все на восток. Воткнув на берегу в виде отметки большой шест, я повернул назад.

Следующее путешествие я начал от своего главного жилища с противоположной стороны и шел, пока не достиг шеста, окружив, таким образом, весь остров. Но об этом будет подробнее рассказано в своем месте.

Возвращаясь назад, я избрал новый путь, думая, что теперь я без труда могу ориентироваться на всем острове. Однако, я ошибся: пройдя две-три мили, я очутился

Мне удалось оглушить ударом палки молодого попугая.

в необозримой равнине, окруженной высокими холмами, покрытыми такой густой растительностью, что сквозь нее ничего не было видно, и я не знал, куда дальше двигаться, чтобы попасть домой. Для руководства не было ничего, кроме солнца, да и тем я не вполне умел пользоваться, потому что только приблизительно знал, какое оно занимает положение в известные часы дня.

*Здесь было множество
птиц разных пород.*

В довершение беды, вдруг поднялся сильный туман и продержал меня в этой равнине несколько дней. Не видя совершенно солнца, я бродил наудачу, стараясь попасть хотя назад, на новый берег. Наконец, мне это кое-как удалось. Добравшись до шеста, я уже смело пошел назад прежней дорогой. Вследствие страшной жары, я делал небольшие дневные переходы, тем более, что спешить мне было некуда. Ружье, топор, сумка, одежда, — словом, все, что было на мне и со мною, накаливалось знойными лучами солнца и до невозможности тяготило меня.

На обратном пути моя собака поймала маленького козленка и, видимо, готовилась растерзать его. Я подбежал и отнял у нее козленка еще живым. Мне хотелось привести это маленькое животное к себе домой. Я давно уже задумал приручить пару молодых коз и козленка, чтобы обзавестись, так сказать, домашним стадом, которое могло бы снабжать меня мясом, когда у меня выйдет весь запас пороха и свинца, из которого я лил пули.

Сделав из крепких и гибких листьев одного растения ошейник для козленка и привязав к ошейнику имевшуюся у меня в сумке

бечевку, я повел это маленькое животное с собой. Козленок, однако, так отчаянно рвался с привязи, что я мог довести его только до своей беседки, где и запер его, а сам пошел дальше. Я уже целый месяц отсутствовал в своем доме, так что, наконец, сокучился по нему.

И сказать не могу, как я обрадовался, когда опять очутился в своем главном укреплении и растянулся в гамаке. Путешествие наудачу, без верного убежища, так утомило меня, что мое жилище показалось мне настоящим раем. Перенесенные в пути лишения заставили меня так оценить комфорт моего «дома», что я решил никогда

больше не уходить от него на большое расстояние, по крайней мере, до тех пор, пока судьба будет удерживать меня на этом острове.

Я отдыхал целую неделю, чтобы оправиться после своего продолжительного странствования. Однако, я провел все это время не в полной праздности: я мастерил клетку для Поля, то есть попугая, начинавшего уже делаться полноправным членом моей семьи.

По прошествии недели я отправился за козленком, запертым мною в беседке и совершенно было забытым. Я нашел его на месте, потому что убежать он не мог, но, так как я не позаботился оставить ему корм и воду, то он почти умирал от голода и жажды. Я поспешил нарезать ему листьев и травы и принес свежей воды из источника. Когда животное достаточно утолило голод и жажду, я опять повел его на веревочке. Бедный козленок был так измучен и обессилен, что совершенно присмирел и покорно следовал за мною. Кажется, он пошел бы теперь и без привязи. Дома я усердно заботился о нем и ласкал его, так что он, в конце концов, привязался ко мне и сделался моим верным и преданным другом. Привязанностью и ласковостью он мог поспорить с собакой.

Наступил дождливый сезон осеннего равноденствия. Тридцатого сентября я снова справил годовщину своего пребывания на острове, с той же торжественностью, как и в прошлом году. Я находился здесь уже два года, но имел так же мало надежды на освобождение, как и в первый день. Я провел весь этот день в том, что смиренно благодарил Небо за все милости, которыми оно усладило и продолжало услаждать мое одиночество, и без которых мне было бы гораздо хуже, чем теперь. Я искренно выражал свою глубокую признательность Богу и за то, что Ему угодно было дать мне понять, что даже на необитаемом острове я могу быть счастливее, чем посреди человеческого общества и всех удовольствий мира. Я благословлял святое имя Его и за то, что Он наполнил мое одиночество Своим присутствием и даровал мне Свою благодать. Я просил Его, чтобы благодать эта утешала и поддерживала мой дух, научала меня уповать на Провидение во время моей земной жизни и позволила надеяться на спасение в загробной.

Теперь только я начал понимать, насколько жизнь, которую я вел на этом острове, несмотря на все ее невзгоды, была счастливее той предосудительной жизни, которой я раньше предавался. Мои горести и радости стали другими, желания и стремления мои тоже совершенно изменились, самые вкусы получали другое направление; я начинал любить то, что прежде мне не нравилось и, наоборот, стал презирать все, что раньше любил.

До этого последнего времени мною овладевала страшная тоска; сердце у меня сжималось в груди каждый раз, когда я представлял себе, что я осужден на вечное пребывание в этой безотрадной пустыне, посреди гор, лесов и долин, отдаленный безграничным океаном от всякого человеческого общества. Ранее это сознание вдруг, подобно вихрю, в минуты душевного расстройства налетало на меня и заставляло меня ломать руки и плакать, как ребенка. Когда оно захватывало меня во время работы, я бросал ее и по несколько часов сидел как истукан, глядя в одну точку и предаваясь тупому отчаянию. Это состояние было гораздо мучительнее, чем то, когда я мог плакать, кричать и вообще давать исход своему горю, отчего оно скорее проходило.

Теперь же у меня являлись новые мысли. Я ежедневно читал слово Божие и применял все его утешения к моему положению. В одно утро, когда на меня опять нашла

было грусть, я открыл Библию, и глаза мои упали на следующее место: «Я никогда не оставляю тебя и не погублю тебя»¹. И мне показалось, что эти слова обращены именно ко мне, иначе зачем же бы они попались мне на глаза как раз в ту минуту, когда я только что был готов горько жаловаться на свою судьбу, считая себя покинутым Богом и людьми?

— О! — воскликнул я, — когда сам Господь обещает не оставлять меня, то какое мне дело до всего остального мира? Если бы я имел к своим услугам весь мир, но не имел бы благословения Божия, то моя погибель была бы несомненна!

С этого момента я стал убеждать себя, что я могу быть счастливее в своем настоящем положении здесь, чем во всяком другом, если бы я остался в мире с людьми, и благодарил Бога за то, что Он привел меня сюда.

Но раз во время молитвы меня поразила одна мысль и заставила остановиться. «Как можешь ты, — говорил мне внутренний голос, — лицемерить до такой степени, чтобы представляться признательным за положение, избавления от которого ты в глубине души так горячо желаешь?». Это была правда. Но если я и не мог благодарить Бога за свое изгнание из общества людей, то все-таки искренно был Ему признателен за то, что Он во время скорби открыл мои глаза, так что я мог увидеть в настоящем свете свою прошедшую жизнь, оплакать мои прегрешения и раскаяться в них. Я больше не раскрывал и не закрывал Библию без того, чтобы не поблагодарить Бога за то, что Он внушил моему другу в Англии мысль прислать мне эту книгу вместе с выписанными мною товарами и за то, что потом и мне было возможно взять ее с корабля.

Вот в каком душевном настроении я начинал третий год своего пребывания на острове. Не желая утомлять читателя подробным описанием всего, что я делал в этот год, нахожу все-таки нужным сказать, что в течение его, как и в прошлый год, я не оставался праздным. Занятия свои я правильно разделил по часам дня. Время свое проводил следующим образом: проснувшись утром, я молился Богу и читал священное писание, — впрочем, это я делал иногда раза три в день, особенно в ненастную погоду, — затем шел с ружьем на прогулку и за добыванием себе пищи, — на это обыкновенно уходило три утренних часа, — если не было ливня, потом, возвратившись домой, принимался за стряпню. Все это у меня занимало большую часть дня. При этом нужно заметить, что в периоды бездождия в середине дня, обыкновенно было так жарко, что поневоле приходилось прекращать всякую деятельность. Таким образом, после обеда я должен был отдыхать до вечера, когда опять можно было работать часа четыре. Иногда я работал дома утром, а вечером ходил на охоту или, вернее, на прогулку с ружьем.

К недостатку времени прибавьте еще крайнюю трудность выполнения всевозможных работ, обусловленную отсутствием необходимых орудий, знаний, искусства и ловкости и неимением помощника, — и вы поймете, как медленно я все делал. Так, например, я употребил сорок два дня на изготовление полки для пещеры, между тем как плотник с необходимыми инструментами сделал бы в день полдюжины таких полок.

Вот каким образом я делал полку: сначала я срубал дерево такой ширины, какой мне нужна была доска; на то, чтобы срубить дерево, обрубить у него ветви и счистить

¹ «Я никогда не оставляю тебя и не погублю тебя» — строчка из Нового Завета Библии, из Послания к Евреям.

кору пошло пять дней. Приготовив таким образом бревно, я начал строгать сначала одну его сторону от одного конца до другого, потом повернул его на другую сторону и строгал до тех пор, пока не получилась доска необходимой мне толщины. Трудно представить себе, что это была за тяжелая работа! Но терпение и усердие, все преодолевают — в конце концов, я добился своего. Я дал это описание в пояснение того, почему я тратил столько времени на изготовление самых обыкновенных предметов. При недостатке необходимых инструментов и самая пустая работа делается крайне затруднительной и мешкотной.

Я выстрелил в них.

Нужда научила меня обходиться почти без орудий и приспособлений, однако, я сделал себе многое, в чем имел нужду, вернее сказать: сделал все, что было мне необходимо в моем положении, как это мы еще увидим впоследствии.

Ноябрь сменился декабрем, и я стал ожидать жатвы. Обработанный мною с помощью лопаты клочок земли был невелик, потому что ячменя и риса у меня оставалось после моего неудачного посева в жаркий период очень немного, не более полпека. Тем не менее, в этом году жатва обещала быть очень хорошей. Но вдруг я заметил, что ей угрожает опасность быть совершенно уничтоженной различными врагами, от которых трудно было уберечь ее. Особенно не давали ей покоя козы и те животные, которых я назвал зайцами. И тем и другим так понравился вкус злаков, что они то и дело забирались на мое крохотное поле и поедали стебельки по мере того, как те всходили.

Я не мог придумать другого средства против этого зла, как только устроить изгородь вокруг поля. Работу эту я производил с напряжением всех своих сил, так как ее нужно было окончить как можно скорее, потому что животные энергично продолжали свои опустошения. В три недели все поле было обведено довольно высокой изгородью. В это время днем я прогонял животных выстрелами, а ночью отгоняла их своим лаем моя собака, которую я привязывал к столбу около поля. Когда злаки были защищены, они стали расти превосходно и вскоре начали колоситься, и быстро созревать под благодетельными лучами солнца.

Но если животные не могли больше пробраться к злакам, то вместо них колосьям стали угрожать птицы. Однажды при мне налетела на мое маленькое поле целая туча

птиц всевозможных пород. Я выстрелил в них (я никогда не выходил без мушкета), но вслед за выстрелом над хлебом взвилась новая туча птиц, которая до того времени не была замечена мною, так как я только что подходил к полю и из-за плетня не мог видеть, что там происходит. Мне было очень досадно; я понял, что птицы разрушат все мои надежды, вся моя жатва пропадет, и мне никогда не удастся иметь свой хлеб, о котором я так мечтал. Не зная, как помочь беде, я совсем растерялся. Но все-таки я решил во чтобы то ни стало спасти свои хлеб, хотя бы мне пришлось самому караулить его день и ночь. Подробный осмотр поля дал мне понять, что птицы поклевали много, но все же осталось еще столько, что если мне удастся спасти хоть остаток, то и в таком случае жатва будет порядочной.

Я повесил их всех на столб.

Зарядив вновь мушкет, я оставил поле и взглянул на соседние деревья: все они были покрыты птицами, очевидно, ожидавшими моего удаления, чтобы снова атаковать мое несчастное поле. Действительно, как только я скрылся у них из виду, птицы сейчас же опять полетели на поле. Я был так раздосадован мыслью, что каждое съеденное ими зерно представляет для меня потерю целой булки, что не мог дожидаться, когда все птицы усядутся на хлеб, а сейчас же поспешил назад и дал по ним новый выстрел. Я убил только трех, но больше пока и не нужно было. Подняв убитых птиц, я повесил их всех на столб, как делают в Англии с неисправимыми ворами. Результат этой выдумки оказался блестящим: птицы не только больше не возвращались к полю, но даже совсем удалились в другую часть острова, и я не видал их в окрестностях во все время, пока висели убитые птицы.

Само собой разумеется, что я был в восторге от своей удачной выдумки. Никаких неприятностей относительно хлеба у меня больше не было, и в конце декабря, когда в этих широтах производится вторая жатва, я собрал плоды своих трудов.

Собрать хлеб мне тоже было очень трудно, потому что у меня не было ни серпа, ни косы. Кое-как я смастерил косу из старой шпаги, найденной мною на корабле в числе другого оружия. После нескольких усилий дело пошло на лад, и я шпагой, надетой на длинную палку, скошил весь хлеб. Срезанные колосья клал в корзину, нарочно сплетенную мною для этой цели, уносил в пещеру и там перетирал их руками, чтобы получить зерно. Жатва, действительно, была очень недурна: я посеял по полпека ячменя и риса, а получил два с половиною бушеля¹ первого и два бушеля второго. Меру я определял приблизительно, потому что мерить мне было нечем.

¹ Бушель (от старо-французского *boissiel* — «маленький ящик») — мера для сыпучих тел, в Англии составляет 36,3 л.

Этот результат подействовал на меня ободряющим образом. Я видел теперь, что Богу угодно, чтобы я не страдал от недостатка хлеба. Но а этом мои затруднения еще далеко не кончились; я не знал, как веять зерно, как превратить его в муку и просеивать ее; а если мне и удастся как-нибудь сделать все это, то опять-таки я не знал, как сделать тесто и выпечь из этого теста хлеб. Все эти затруднения, в соединении с моим понятным желанием иметь как можно больше пищевых продуктов для поддержания своего существования, заставили меня решиться совсем не трогать этой жатвы, а употребить ее для новых посевов и в ожидании следующего сбора посвятить все свое время и весь свой ум на изобретение способа делать хлеб.

Теперь я имел полное право сказать, что работаю ради добывания себе хлеба. Тут только я понял, сколько нужно приспособлений и усилий для того, чтобы получить из зерна кусок хлеба, а между тем, никто над этим не задумывается, кроме тех, которым приходится играть роль пахаря, сеятеля, жнеца, молотильщика, пекаря, как, например, пришлось мне.

Поставленный судьбой в условия чуть не первобытного состояния, я должен был сам все делать и поэтому иной раз положительно приходил в отчаяние, не зная, как взяться за то или другое. Я понял предстоящие мне трудности с первого же момента, как только увидел ячмень, выросший из мусора, выброшенного из мешка, и принятый мною за подарок с Неба.

Прежде всего, у меня не было ни плуга, чтобы вспахать землю, ни даже заступа, чтобы хоть хорошенько вскопать ее. Положим, я устроил себе деревянную лопату, но она, хотя и стоила мне многого времени и труда, была очень неуклюжа и, не имея даже легкой железной обивки, скоро сломалась. Да и работать ею было очень трудно. Но, покоровшись необходимости, я работал, не жалея сил, и мало пугался первых неудач: так, например, за неимением бороны, я долго таскал на себе по бороздам большой и тяжелый сук и кое-как пробороновал поле.

Когда, наконец, появились колосья, сколько мне стоило труда, чтобы охранять их от врагов, скосить, перенести к себе, добыть зерно, провеять и просеять его! А сколько еще нужно употребить усилий для того, чтобы получить хлеб: ни мельницы, чтобы смолоть зерно, ни сеялки для просеивания муки, ни закваски и соли для теста, ни, наконец, печки для выпекания хлеба у меня не было. Я был вынужден придумать способ обойтись без всего этого, или, вернее, — сам устроить себе все недостающее, а между тем я все-таки был рад, что имею хотя бы главный материал для добывания хлеба — зерно. Конечно, труд, предстоявший мне, был очень тяжел, но с этим по необходимости приходилось мириться, притом я привык не бояться никакого труда.

Так как до следующей жатвы оставалось шесть месяцев, то времени было совершенно достаточно на то, чтобы смастерить все необходимое. Посвящая часть дня на изобретение и выделывание необходимых для хлебопечения приспособлений, я надеялся окончить все вовремя.

Сначала мне нужно было расширить мое поле, так как у меня набралось столько зерна, что я мог засеять им целый акр земли. Для этого прежде всего нужно было смастерить заступ. На эту работу пошла неделя. Заступ был сделан, но оказался таким тяжелым и неудобным, что работать им было чрезвычайно трудно.

Но как бы там ни было, я вскопал довольно большое количество земли в некотором расстоянии от своего укрепления и обнес его оградой из кольев, вырубленных из тех деревьев, которые так хорошо принимались. Через год у меня должна была по-

лучиться из этих кольев живая изгородь, не требовавшая никакого ремонта. Устройство этой изгороди потребовало целых три месяца, потому что в это время наступил дождливый период, и я на всем его протяжении почти не выходил из дому.

Во время моего вынужденного затворничества я занимался одним тоже немало-важным делом, о котором скажу ниже. Здесь же прибавлю только, что дело это позволяло мне учить моего попугая говорить. Я приучил его знать и выговаривать его собственное имя. Слово «Поль» было первым, которое я услышал на этом острове не из своих уст. Болтовня с попкой была большим развлечением для меня и облегчала мне некоторым образом мою тяжелую работу. Как я уже говорил, я задумал как-нибудь смастерить себе несколько глиняных или хоть просто земляных сосудов, в которых имел большую нужду, но все не знал, как приняться за это дело. Принимая во внимание жаркий климат, в котором я жил, я был убежден, что если мне удастся найти глину, то я сумею слепить из нее горшок, который, высохнув на солнце, сделается бы настолько тверд, чтобы не рассыпаться от простого прикосновения, и мог бы годиться хоть для хранения сухих продуктов, как, например, зерна и муки. Я решил сделать несколько больших сосудов так, чтобы можно было месить в них тесто.

Я заставил бы читателя пожалеть меня или, вернее, — от души посмеяться надо мной, если бы стал рассказывать, какие неловкие приемы употреблял для того, чтобы сделать тесто из глины, какой странной, безобразной и подчас потешной формы выходили у меня сосуды, сколько их развалилось, благодаря тому, что глина не была достаточно крепкой и вязкой и оседала от собственной тяжести; сколько их потрескалось от слишком сильного солнечного жара, которому я подвергал их раньше времени; сколько я перебил своих глиняных изделий, переставляя их с места на место во время просушки или после нее. Словом, я употребил целых три месяца на то, чтобы разыскать, добыть и доставить к себе достаточное количество глины, а потом, после длинного ряда неудачных опытов, слепить два громадных безобразных сосуда, которые имели самое отдаленное сходство с тазами, в которых месят тесто.

Я слепил два громадных безобразных сосуда.

Когда эти сосуды, или плошки, как я их буду называть, совершенно высохли на солнце, я осторожно поставил их в две большие корзины, нарочно для этого случая сплетенные мною, и наполнил рисовой и ячменной соломой промежутки между сосудами и стенками корзин. Эти плошки я предназначил собственно для ссыпки ячменя и риса или для муки, когда она будет у меня.

Если мне и не удалось сделать большие сосуды так, как мне хотелось, зато я научился делать маленькие. Я вылепил руками и высушил на солнце множество небольших круглых горшочков, плоских тарелок, кружек и чашек.

Но главной своей цели я все-таки не достиг. Мне нужен был огнеупорный горшок, в котором я мог бы варить или кипятить что-нибудь; такого горшка мне не удалось сделать, несмотря на все мои старания. Ни один из моих горшочков не выдерживал огня, а рассыпался при первом соприкосновении с ним.

Но вот однажды, снимая с огня жаркое, я увидел на камнях между угольями выжженный глиняный черенок, крепкий как камень и красный как черепица. Эта находка сначала очень изумила меня, а потом навела на мысль, что если на огне так хорошо выжигаются горшечные черепки, то не трудно будет выжечь и целый горшок.

После этого открытия я стал придумывать, как расположить огонь на очаге для обжигания горшков. Я не имел ни малейшего понятия о гончарных печах и о том, как глазируют посуду посредством свинца, которого у меня было так много. После долгих размышлений, я поставил на большую кучу горячей золы три кружки и три горшка, столбиками, друг на друга, а вокруг этих столбиков развел костер, так, чтобы огонь мог равномерно охватить посуду со всех сторон. Я поддерживал огонь до тех пор, пока не заметил, что сосуды местами начинают краснеть, не давая, однако, нигде трещин. Часов через пять или шесть я увидел, что один из горшков начинает понемногу растапливаться, не трескаясь и не расседаясь. Я понял, что это расплавляется песок, примешанный к глине, готовый при более сильном накаливании превратиться в стекло. Я стал постепенно уменьшать огонь, пока сосуды не побелели. Всю ночь я поддерживал слабый огонь, а утром получил три кружки и два горшка, если и не красивых, зато вполне годных к употреблению. Вся эта посуда была так хорошо обожжена и так крепка, что и желать лучшего было нельзя. Один горшок оказался даже покрытым глазурью, благодаря растопившемуся песку.

Само собой разумеется, что после этого опыта у меня более не было недостатка в глиняной посуде. На форму своей посуды я не обращал внимания, поэтому неудивительно, если она не отличалась изяществом, так как я совсем по-детски лепил свои сосуды, как попало. Я напоминал молодую хозяйку, делающую пироги по вдохновению, никогда не выдавшую как нужно их делать.

Как бы там ни было, но еще никогда, я думаю, такая ничтожная сама по себе вещь, как мой первый огнеупорный горшок, никому не приносила столько радости, как мне. Едва только он успел достаточно остыть, как я налил в него воды, положил мяса и стал варить себе суп. Стряпня эта удалась как нельзя лучше: суп, или, вернее, бульон, так как в нем не было ни круп, ни корней и никакой другой приправы, вышел превосходный.

Теперь моей ближайшей заботой было устроить себе каменную ступку, чтобы превращать зерно в муку. Не имея необходимых орудий, я не смел и мечтать об изготовлении мельницы, которая, конечно, была бы гораздо целесообразнее. Я не знал, как приняться и за устройство ступки, потому что из всех искусств мне меньше все-

го нравилось искусство камнетесов, притом опять-таки недоставало нужных инструментов. Тем не менее, я решил приняться за дело. Несколько дней подряд я искал камень подходящей величины, чтобы выдолбить из него ступку, но не находил, за исключением обломков скалы, которые я и обработать не мог, да они и не годились, потому что все скалы моего острова состояли из мелкого песчаника; он непременно стал бы рассыпаться от ударов пестика, и вместе с мукой я получал бы песок, что, разумеется, не совсем приятно. Потеряв много времени в напрасных поисках камня, я решил обойтись без него и заменить его деревом, которое было под рукою. Я отыскал большой пень, придав ему необходимую мне форму и с громадным трудом выжег в середине его воронкообразное углубление тем способом, каким индейцы в Бразилии выжигают свои пироги. Потом я сделал тяжелый пестик из железного дерева, который действовал не хуже металлического. Изготовив таким образом ступку, я убрал ее в ожидании следующей жатвы, после которой хотел сделать первый опыт превращения зерна в муку для печения хлеба.

Затем я занялся устройством сита, или решета, для просеивания муки, без чего невозможно было делать хлеб. Сначала я боялся и думать о сите, так как у меня не было ничего, чем бы можно было обтянуть его, то есть не имелось никакой материи, через которую просеивалась бы мука. Я решительно не знал, что придумать. От белья у меня осталось лишь несколько никуда не годных тряпок. Правда, у меня была козья шерсть, но я не имел понятия, как сделать из нее пряжу и ткань, да если бы и знал, то, все равно, у меня не было ни прялки, ни станка. Наконец, после долгих напряженных размышлений, я придумал средство помочь беде. Я вспомнил, что между матросскими вещами, взятыми с корабля, находилось несколько коленкорových и кисейных галстуков, которые были настолько тонки, что могли годиться для устройства сита. И действительно, я сделал из этих галстуков три маленьких сита, которые прослужили мне несколько лет, пока я не нашел, чем заменить их. Об этом я тоже расскажу подробнее в свое время.

Теперь оставалось подумать, каким образом приготовить и печь хлеб, когда будет мука. Прежде всего, не было дрожжей, но так как заменить их было положительно нечем, а обойтись без них можно, то я не стал и заботиться о них. Но как обойтись без печи? Этот вопрос был очень мудреный, он заставил-таки меня поломать голову. Наконец, я придумал следующее. Я сделал из глины несколько очень широких, но неглубоких плошек, около двух футов в диаметре и только девять дюймов глубины, и обжег их на огне. Эти плошки собственно должны были служить мне крышками. Когда дело дошло до печения хлеба, я поступал вот каким образом. Я разводил большой огонь на очаге, устроенном из кирпичей моего собственного производства, разной величины и неправильной формы, а оставшиеся уголья разгребал по всему очагу и оставлял их до тех пор, пока кирпичи не раскалялись до известной степени. Затем, я снимал уголья, сгребал золу в одну кучу и сажал свои хлебы. Накрыв хлебы глиняными крышками, я покрывал последние горячей золою и угольями, чтобы сосредоточить и сохранить в них весь жар. Таким образом, я пек свои ячменные хлебы не хуже, чем в самой лучшей печи. В сравнительно короткое время я сделался отличным пекарем и даже стал делать пудинги и пирожное из риса. Я бы мог делать и пироги, если бы было чем начинять их, кроме надоевшего мне козьего и птичьего мяса.

Все описанные производства заняли у меня большую часть третьего года моего пребывания на острове. И это не удивительно, если принять во внимание, что меж-

ду этими работами я занимался еще хлебопашеством и домашним хозяйством. Я в свое время собрал жатву, перенес ее к себе и сложил в большие корзины, в ожидании, пока буду в состоянии заняться добычей зерна из колосьев; это я должен был делать самым первобытным способом, перетирая колосья прямо руками, потому что у меня не было ни тока, ни цепа для молотьбы.

Ежегодное увеличение жатвы вынудило меня подумать о новом расширении своей кладовой. Действительно, у меня не хватало места для сбережения хлеба, так как в каждый урожай я стал собирать по двадцать мер ячменя и риса. Теперь я мог употреблять хлеб, не стесняясь; недостатка в нем больше не предвиделось. Кстати сказать, мой запас корабельных сухарей совершенно истощился к этому времени. Я решил вычислить, сколько мне понадобится хлеба в год, и нельзя ли мне будет ограничиться одним посевом. Оказалось, что мне будет вполне достаточно сорока мер ячменя и риса в год, а следовательно, довольно и одной жатвы.

Нетрудно понять, что во время всех этих моих трудов и забот я часто переносился мыслью к той земле, которую я видел с противоположного берега своего острова. Меня тянуло отправиться туда. Я воображал, что, быть может, это материк, и что если бы мне удалось пробраться на него, то, будь он обитаем или нет, я нашел бы там путь, который мог бы привести меня в обитаемые страны.

Мечтая таким образом, я упускал из виду те опасности, которые могли встретиться мне при этом предприятии. Прежде всего, я мог угодить в руки дикарей, превосходящих свирепостью и кровожадностью африканских тигров и львов; едва ли такие милые люди выпустили бы меня живым. Я не раз слышал, что Карибский берег населен людоедами, а судя по широте, под которою находился мой остров, я мог предполагать, что этот берег недалеко от меня. Но если даже он населен не каннибалами, а другими племенами, то, тем не менее, я мог почти наверняка рассчитывать быть убитым. Ведь бывали случаи, что от рук дикарей погибали сразу человек десять европейцев, а я был один и мог оказать только очень слабое сопротивление. Все это в то время я не принимал во внимание, а думал лишь об одном: как бы достичь той земли, представлявшейся мне чем-то вроде обетованной. Только гораздо позднее я понял свое легкомыслие и в этом отношении. Я вспомнил о своем молодом спутнике Ксюри и о той большой лодке, в которой мы с ним проплыли около тысячи миль вдоль африканского берега; вспомнил и пожалел, что нет больше ни мальчика, ни лодки. Но с сожалениями далеко не уедешь. Мне пришло в голову пойти осмотреть нашу корабельную шлюпку, выброшенную, как я уже говорил, бурей на берег. Она лежала почти в прежнем положении на длинной песчаной отмели, дном кверху; воды вокруг нее уже не было.

Если бы мне удалось исправить эту шлюпку, почти совсем разбитую, и спустить ее на воду, то я мог бы легко добраться в ней до Бразилии; но я должен был предвидеть, что перевернуть ее мне одному было так же немыслимо, как сдвинуть с места мой остров. Тем не менее, я вырубил в лесу несколько деревьев, сделал из них подъемные брусья и катки и притащил к шлюпке, решив испытать все, что только мог, чтобы перевернуть судно. Я думал, что если бы мне удалось сделать это, то, быть может, удастся починить лодку и привести в надлежащий порядок, так что можно будет пуститься на ней в море.

Я не щадил ни трудов, ни времени на эту бесплодную попытку. Наконец, провозившись недели три или четыре, я убедился, что затеял невозможное, желая поднять

и перевернуть шлюпку. Отдохнув несколько дней, я стал выбирать из-под шлюпки песок, подрывая ее со всех сторон. По мере надобности, я подкладывал бревна, чтобы, когда она перевалится в выкапываемую мною яму, я мог бы направить ее так, чтобы она стала прямо на дно.

Но и эти усилия не привели ни к чему. Как я ни старался, я никак не мог ни перевернуть лодку, ни подлезть под нее, а тем более сдвинуть ее в воду. Волей-неволей, пришлось оставить это предприятие. Но вместе с тем, как исчезала надежда на шлюпку, во мне стала усиливаться жажда достигнуть тем или другим путем материка, и чем меньше делалось возможным исполнение этого желания, тем сильнее оно охватывало меня.

Строя всевозможные планы для осуществления своей мечты, я, наконец, додумался до того, что решил попытаться устроить себе пирогу, какие видал у дикарей. Принимая во внимание, что у меня все-таки гораздо больше средств под руками, чем у любого индейца или негра, я уверял себя, что устроить пирогу будет вовсе не трудно. О том, что некому будет помочь мне спустить пирогу на воду, я не подумал, а между тем, это обстоятельство для меня было важнее, чем недостаток орудий для дикаря. В самом деле, что из того, что я мог выбрать в лесу толстое дерево, свалить его, кое-как придать ему необходимую форму, потом выжечь и выдолбить его настолько, чтобы вышла пирога, что мне из всего этого, когда в конце концов я должен буду оставить и это судно на месте его выделки, за невозможностью перетащить его на берег и спустить на воду?

Трудно поверить, чтобы во все время, пока я трудился над созиданием пироги, мне ни разу не пришла в голову мысль о том, как я спущу ее на воду, когда она будет готова. Но я был так поглощен стремлением во что бы то ни стало выбраться с острова, что действительно совсем упустил из виду невозможность перетащить пирогу по земле к морю. Пирога была таких размеров, что мне было бы легче проплыть в ней сорок пять миль по воде, чем протащить ее сорок пять футов по земле.

Но я принялся за эту работу как человек, лишенный всякого проблеска разума. Я был в восторге от своего предприятия и не спрашивал себя, буду ли я в состоянии довести его до благополучного конца. Положим, иногда у меня и мелькала мысль о трудности спустить лодку в воду, но я тотчас же прогонял ее, говоря себе, что сначала надо сделать пирогу, а потом уж подумать и о спуске ее в море.

Глупое упрямство у меня опять восторжествовало над здравым смыслом. Я отважно приступил к работе. Выбрав прекрасный кедр, я начал его рубить. Думаю, что сам Соломон не имел в своем распоряжении подобного кедра, когда он строил иерусалимский храм ¹. Диаметр моего кедра в основании равнялся пяти футам, и десяти дюймам, на высоте двадцати двух футов от земли — четырем футам и одиннадцать дюймам; затем, толщина дерева начинала уменьшаться, и оно разветвлялось. Мне стоило страшных трудов свалить это дерево. В продолжение трех недель я рубил его у корня, в течение четырнадцати дней возился над тем, чтобы очистить ствол от множества сучьев и ветвей. Потом я употребил больше месяца на то, чтобы обтесать дерево и придать ему такую форму, чтобы оно могло держаться на воде. Около трех ме-

¹ Согласно Библии, Первый Иерусалимский храм был воздвигнут в X в. до н. э. во время царствования Соломона, ливанские кедровые деревья для его строительства доставили ему морем финикийцы.

сяцев пошло на выдалбливание середины дерева с помощью лишь топора и долота. Все это было страшно трудно.

Наконец, я добился-таки своего и сделал очень недурную лодку, в которой могло бы поместиться человек двадцать, а за неимением такого количества людей — я со всем своим хозяйством.

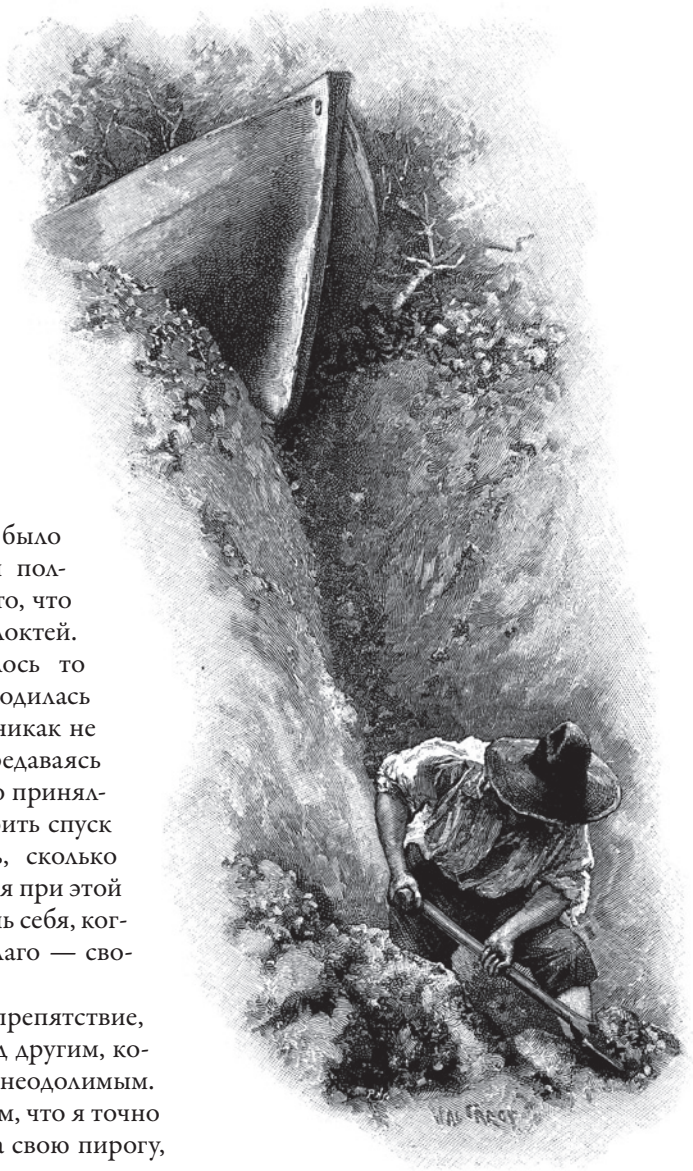
Окончив этот гигантский труд, я пришел в необузданный восторг. Это было простительно: раньше я никогда не видал такой большой пироги, сделанной из одного куска дерева. А сколько на нее ушло моих сил и трудов!

Теперь оставалось только спустить лодку на воду, и если бы мне это удалось, то я, наверное, совершил бы в ней самое безумное и рискованное путешествие, какое только можно себе представить.

Но все мои старания дотащить пирогу каким бы то ни было способом до воды потерпели полнейшую неудачу, несмотря на то, что до воды было не более ста локтей. Первым препятствием являлось то обстоятельство, что пирога находилась на возвышении, с которого я никак не мог стащить ее. Однако, не предаваясь бесполезному унынию, я бодро принялся копать землю с целью устроить спуск к бухте. Можно представить, сколько чуть не кровавого пота пролил я при этой новой работе. Но разве жалеешь себя, когда впереди драгоценнейшее благо — свобода!

Геройски преодолев одно препятствие, я очутился лицом к лицу перед другим, которое казалось положительно неодолимым. Препятствие это состояло в том, что я точно так же не мог сдвинуть с места свою пирогу, как раньше — корабельную шляпку.

После долгих соображений я пришел к заключению, что мне остается только еще одно средство — прорыть канал до бухты и

Я бодро принялся копать землю с целью устроить спуск к бухте.

пропустить в него воду, чтобы довести море до пироги, раз я не мог довести пирогу до моря. Я решился и на это. Однако, когда я вычислил необходимую длину и глубину канала, а также узнал, какое количество земли мне придется выкопать, то нашел, что мне понадобится на эту работу не менее десяти лет, так как берег был очень высок и пришлось бы рыть в глубину двадцать два фута. Убедившись, таким образом, в невозможности выполнения своего проекта, я с грустью отказался от него. Тут только я понял, как было глупо предпринимать трудное дело, не рассчитав предварительно своих сил и всех условий работы.

В возне над изготовлением лодки я окончил четвертый год своего пребывания на острове. Годовщину моего невольного вступления на него я праздновал с той же торжественностью, как и в предыдущие годы, только с большим душевным довольством. Постоянное изучение слова Божия и пребывание со мною Его благодати изменили направление моих мыслей и научили меня смотреть на все другими глазами, чем прежде. Мир казался мне теперь чем-то далеким и чуждым, до чего мне не было никакого дела, от чего я ничего не ждал, с чем не имел больше ничего общего, да, по всей вероятности, не должен был и после никогда иметь. Я смотрел на мир так, как должны смотреть на него люди из могилы, то есть как на место, где мы были, но куда больше никогда не возвратимся. Вспоминая об этом мире, я смело мог сказать словами праотца нашего Авраама: «Между мною и тобою лежит целая бездна», обращенными им к злому богачу¹.

Находясь на этом заброшенном в океане острове, я был огражден от всех соблазнов света. Избавленный от всяких искушений, я был свободен от лишних желаний и вполне довольствовался тем, что имел. Да и чего, в самом деле, мне не хватало? Я был обладателем целой области, и если бы мне захотелось, мог бы дать себе титул короля или даже императора всей страны, находившейся в моей власти. У меня не было ни соперников, ни соискателей; никто не оспаривал моих прав и моего могущества. Я мог бы теперь посеять такое количество риса и ячменя, что года через два имел бы возможность нагружать хлебом по нескольку кораблей; но мне это было не нужно, и я засеивал лишь столько, сколько было необходимо для моего личного продовольствия. Черепахи у меня водились стадами, но я нуждался изредка лишь в одной из них. В моих владениях было так много леса, что я мог бы построить целый флот, и столько винограда, что мог бы нагрузить изделиями из него — вином и изюмом — весь этот флот.

Но я дорожил только тем, что было мне необходимо. Думая лишь о том, что было нужно для поддержания моего существования и удовлетворения моих скромных потребностей, я мало заботился обо всем остальном. Ведь если бы я настрелял больше дичи, чем мог съесть, то мне пришлось бы выбросить ее на съедение моим животным или червям; если бы я сделал лишний посев хлеба, он только гнил бы, а если бы я нарубил больше деревьев, чем было нужно для моих потребностей, то они пропали бы без всякой пользы; и так было во всем.

Словом, путем наблюдений, опыта и зрелых размышлений я пришел к заключению, что на свете всякая вещь хороша не сама по себе, а лишь по тому применению, какое мы из нее делаем, и что мы наслаждаемся только тем, что можем или потреблять

¹ «Между мною и тобою лежит целая бездна» — Евангелие от Луки 16: 24–26, притча о богатом человеке и нищем Лазаре.

сами, или копить для передачи другим, но не больше. Я убежден, что если бы поставить в мои условия самого отъявленного скрягу, то и он скоро излечился бы от своего гнусного порока — алчности. Действительно, я владел всем в неизмеримо большем количестве, чем мне было нужно, и не знал, куда все это девать. Мне нечего было желать, кроме разве нескольких пустяков, без которых не трудно было обойтись. У меня даже было, как я уже говорил, около тридцати шести фунтов стерлингов различной золотой и серебряной монетой. Но эти деньги здесь были совершенно бесполезны для меня. Я охотно отдал бы их за несколько трубок для табака или за маленькую ручную мельницу, за щепотку семян английской репы и моркови, за горсть бобов и гороха или за бутылку чернил. Но, увы! Достать все это я не мог ни за какие деньги, и потому они в виде лишнего хлама валялись у меня в ящике стола, покрываясь зеленью от сырости во время дождей. И если бы весь этот ящик был набит алмазами чистейшей воды, я и на них смотрел бы, как на лишний хлам, так как при тех условиях, в которые я был поставлен, все, что так дорого ценится в мире, для меня не имело ровно никакой цены.

Итак, я стал вести образ жизни, несравненно лучший, чем раньше, оказывавший самое благотворное влияние как на мой дух, так и на мое тело. Часто, садясь за стол, я горячо благодарил Бога за Его милости и удивлялся щедрости Провидения, приготовившего для меня трапезу и в пустыне. Я старался теперь обращать внимание более на хорошие, чем на дурные стороны своего положения, и больше наслаждаться тем, что я имел, чем огорчаться тем, чего мне не доставало. Таким образом я стал в самом себе находить утешение и поддержку. Я желал бы запечатлеть этот факт в уме тех вечно недовольных людей, которые потому только не наслаждаются ниспосылаемыми им Богом благами, что направляют свои взоры и желания на то, чего им не дано. Мне кажется, все наши сожаления о том, чего нам недостает, происходят от того, что мы не чувствуем благодарности к Богу за то, что имеем.

Большую пользу принесло мне и другое соображение, которое, наверное, послужило бы утешением и всякому другому, имевшему несчастье очутиться в одинаковом со мною положении. Я сравнивал настоящие условия своей жизни с теми, которые меня ожидали, если бы Господь по своему неизреченному милосердию не повелел совершиться кораблекрушению именно поблизости от земли, а нашему кораблю остановиться на таком расстоянии от острова, что я мог взять с него все, что на нем находилось и что должно было облегчить мое положение на пустынном острове. Ведь не будь этого, я остался бы без всяких средств к существованию, не имея орудий для работы, ружей, пороха и свинца для добывания себе пищи.

Я проводил целые часы, а иногда даже и дни в том, что яркими красками рисовал себе в воображении то, что бы было со мной, если бы я не имел всего того, что добыл с корабля. Тогда у меня не было бы другой пищи, кроме рыб и черепах, да и то я мог раньше умереть с голоду, чем добыть то или другое. Если же я кое-как и избежал бы голодной смерти, то, во всяком случае, я должен бы был вести жизнь дикаря, потому что, если и предположить, что мне как-нибудь, по счастливой случайности или благодаря необыкновенной ловкости с моей стороны и удалось бы убить козу или птицу, то чем я мог снять шкуру, вскрыть, вычистить и разделить на части свою добычу, кроме зубов и ногтей, как делают дикие люди и звери?

Такого рода размышления возбуждали во мне чувство искренней признательности к Провидению за мое настоящее положение, несмотря на то, что в нем было много горького. Особенно рекомендую эту страницу вниманию тех, которые в несчастье

часто восклицают: «Есть ли на свете горе больше моего?». Пусть эти люди вспомнят, что есть положения несравненно ужаснее их, и что их настоящее бедствие могло быть еще больше, если бы не милость Провидения.

Мои душевные силы еще более укреплялись, и сердце наполнялось радостью, когда я сравнивал свое настоящее положение с тем, которого я мог ожидать по заслугам от божественного правосудия. Я вел раньше порочную жизнь без сознания и страха Божия. Родители дали мне хорошее воспитание и не жалели ничего, чтобы внушить мне религиозное благоговение к Богу, любовь к возложенным на меня природою обязанностям и сознание моего долга относительно моих ближних и всего общества. Но, увы! Я повиновался только своим дурным инстинктам и, едва выйдя из детских лет, начал жизнь моряка, — жизнь более всякой другой чуждую страха Божия, несмотря на то, что она вся наполнена опасностями; поэтому скоро и утратил вложенные в меня родителями зачатки религиозного чувства, особенно благодаря насмешкам товарищей, общей зачерствелости, презрению к опасности и постоянному виду смерти, а отчасти и потому, что мне не с кем было говорить, кроме подобных себе негодяев, а от них я не слышал ни одного слова, которое могло бы заставить меня задуматься о своем поведении и опомниться.

В конце концов я совершенно лишился всякого понятия о добре и зле и сознания того, чем я сделался, и чем должен был бы быть во всех случаях явного проявления ко мне милости Божией. Например, в то время, когда мне удалось бежать из Саллэ, когда я, так сказать, был выловлен из океана португальским капитаном, когда сделался владельцем плантации в Бразилии и когда, наконец, получил товар из Англии, я ни разу не сказал: «Боже, благодарю Тебя!». Точно так же в мои самые горькие минуты мне не приходило в голову обратиться к Богу с молитвой или хоть просто со словами: «Господи, сжался надо мной!». Если я когда и поминал имя Божие, то разве только для изрыгания хулы на Него или для грубой божбы.

В течение нескольких месяцев я предавался горестным размышлениям по поводу своей прошлой порочной и нечестивой жизни. Когда я углублялся в себя и видел, как Провидение заботилось обо мне со времени моего прибытия на остров, и как милосердно отнесся ко мне Господь, — Он не только не наказал меня достойным образом за мое беззаконие, но даже послал мне все необходимое для поддержания и сохранения моего существования, — то во мне родилась надежда, что Бог принял мое раскаяние, и что я еще не истощил Его милосердия.

Я приучил свой дух не только к покорности воле Божией, выразившейся в участи, которой я подвергся на этом острове, но и к искренней благодарности за нее. Я рассудил, что не имею права жаловаться на свою судьбу, потому что она была далеко не так ужасна, какой должна бы быть, если бы Господь решил наказать меня, как я того заслужил своими грехами. Ведь я пользовался такими благами жизни, каких, в сущности, и ожидать было нельзя в этом месте. Вместо того, чтобы роптать на свое положение, я должен был радоваться и ежедневно благодарить Бога за хлеб, ниспосылаемый мне таким чудесным образом. Действительно, чудо, совершенное над пророком Илией, которого кормили вороны ¹, было не более тех чудес, которыми обуславливалось сохра-

¹ В Ветхом Завете описано, как пищу пророку Илие в пустыне приносили вороны, однако существует версия, что это ошибка перевода, и речь шла об арабах пустыни.

нение моего существования. Едва ли на всем свете был другой необитаемый уголок, где мне жилось бы лучше, чем на этом острове. Если здесь не было человеческого общества, что, с одной стороны, очень огорчало меня, зато не было ни свирепых хищных животных, — львов, тигров и волков, которые ежеминутно угрожали бы моей жизни, — ни ядовитых животных, мясом которых я бы мог отравиться за неимением ничего другого в пищу, ни, наконец, дикарей, которые могли бы убить и сожрать меня.

Словом, если, с одной стороны, моя жизнь могла назваться жизнью бедствий, зато, с другой, — она была вся наполнена проявлениями Божьего милосердия, и для полноты моего счастья мне до сих пор недоставало лишь сознания благодати и постоянного обо мне попечения Господа, не перестававшего посылать мне утешения даже в этой пустыне. Когда я взвешивал все это, дух мой ободрялся, и я переставал горевать.

Я уже столько времени находился на острове, что многие вещи, взятые мною с корабля, или совсем уничтожились или же приходили в негодность от долгого употребления.

С некоторых пор, как я уже говорил, начинали истощаться мои чернила; я то и дело разбавлял их водой, отчего они, в конце концов, сделались такими бледными, что едва оставляли следы на бумаге. Я берег жалкие остатки чернил как зеницу ока и стал записывать только самые выдающиеся события своей жизни на острове. Припоминаю, что существовало какое-то странное соотношение между днями, в которые случалось со мною что-нибудь необыкновенное. Если бы я верил в счастливые и несчастные дни, то обстоятельство, что главные события моей жизни приходились в одни и те же дни, должно бы с самого начала поразить меня.

Теперь мне припоминается следующее:

Я был взят в плен корсаром из Саллэ и обращен в рабство в день годовщины своего бегства из родительского дома и отплытия из Гуллы в Лондон.

В то же самое число, в которое я в Ярмутском рейде избежал угрожавшей опасности кораблекрушения, я впоследствии бежал из Саллэ.

В день моего рождения, двадцатого сентября, когда мне исполнилось двадцать шесть лет, я был выброшен на этот остров, и тем была спасена моя жизнь. Таким образом, начало моей жизни вообще и жизни пустынноческой в частности было положено в одно и то же число, только с большим промежутком.

Вместе с чернилами начал истощаться и мой запас хлеба, то есть, собственно, корабельных сухарей. Хотя я и употреблял не более одного сухаря в день, мне все-таки пришлось обходиться без хлеба в течение целого года, пока я не добился возможности самому печь его.

Моя одежда также начинала изнашиваться. Белья у меня давно уже не было, за исключением нескольких ситцевых рубашек, найденных мною в матросских сундуках. Эти рубашки я заботливо сохранял, потому что они в этом жарком климате были для меня необходимее остальной одежды. К счастью, у меня было их три дюжины, и я надеялся, что их хватит надолго. Я имел также несколько матросских фуфасок, но они были слишком теплы, поэтому я и отложил их в сторону. Хотя было так жарко, что можно было бы обойтись без всякой одежды, тем более, что на острове никого, кроме меня не было, но я не в состоянии был даже подумать о том, чтобы ходить обнаженным. Главною причиной этого было то, что солнечные лучи сильнее жгли обнаженное, чем прикрытое тело. Я раз попробовал просидеть несколько часов на солнце

совершенно обнаженным, и у меня от зноя появились на теле прыщи. Рубашка была хороша еще и тем, что ее колыхал ветер, и от этого мне делалось прохладнее. Не мог я в жару ходить и с непокрытой головой, потому что в этом случае у меня тотчас же делалась сильная мигрень, которая проходила, как только я надевал шляпу или колпак.

Нужно было привести в порядок мое тряпье, составлявшее мой гардероб. Мои камзолы были все изношены, и я попробовал выкраивать куртки из грубых матросских плащей и других тому подобных вещей, имевшихся у меня под рукой. Таким образом, я принялся и за ремесло портного. С большим трудом я сшил себе три куртки самого примитивного покроя, зато очень прочные; а потом принялся за шитье и панталон, совершенно под стать курткам.

Я сохранял шкуры всех убитых мною четвероногих животных. Но так как я развешивал их на веревках под открытым небом, то некоторые из них до такой степени высохли и затвердели, что не годились никуда. Некоторые же были в отличном состоянии и принесли мне большую пользу. Первое, что я сделал из шкуры, была большая шапка шерстью наружу, для защиты от дождя. Эта вещь вышла такой удачной, что я решил сделать из шкур и все остальные части одежды. Набив уже немного руку, я довольно скоро сшил куртку и короткие панталоны из козьих шкур. Платье это было очень безобразно, так как я заботился, конечно, не столько об изяществе, сколько о целесообразности своих изделий, а оно, действительно, как нельзя лучше исполняло свое назначение, защищая меня от жгучих лучей солнца, а главное — от проливных дождей, во время которых я раньше не смел выходить во избежание повторения болезни, схваченной мною в период дождей в первый год моего пребывания на острове.

Затем я употребил много времени и труда на устройство зонтика, в котором сильно нуждался. Мне приходилось видеть, как делаются зонтики в Бразилии, где они в большом употреблении по причине страшного зноя. Так как остров, на котором я жил, находился еще ближе к экватору, то солнце жгло на нем еще сильнее, чем в Бразилии. Кроме того, зонтик был нужен мне и для защиты от дождя. Но прошло много времени прежде чем мне удалось сделать нечто похожее на зонтик. Два или три опыта были совсем неудачны, и я только напрасно испортил материал. Главное затруднение состояло в том, чтобы сделать приспособление, с помощью которого зонтик мог бы складываться и раскрываться, смотря по надобности, иначе мне пришлось бы постоянно держать его открытым, даже тогда, когда в этом не было надобности. Наконец я преодолел и это затруднение. Зонтик был покрыт козьей шкурой шерстью вверх, отчего во время дождя вода стекала с него, как с навеса, и в самые жаркие дни я чувствовал себя под ним лучше, чем прежде без него даже в самую прохладную погоду. Когда в нем не было надобности, я мог складывать его и нести под мышкой.

Таким образом проводил я свое время. Дух мой успокоился, покорившись воле Божией, и я жил тихо и спокойно, несравненно лучше, чем жил бы в обществе. Если иногда еще и являлось у меня сожаление о том, что не с кем поделиться мыслями и чувствами, я утешал себя следующим рассуждением: «Разве не лучше делиться мыслями с самим собою и поверять их Богу в усердной молитве, чем предаваться праздной болтовне или пустым развлечениям с другими?».

В течение первых пяти лет моего пребывания на острове со мною не произошло ничего особенного. Жизнь моя шла прежним путем, при прежних условиях и в прежних местах. Главным моим занятием за все это время, кроме полевых работ, собирания винограда и охоты, была постройка второй пироги. После долгих усилий, мне

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

удалось-таки ввести ее в бухту, находившуюся в полумиле от того места, в котором я строил ее.

Для этого мне пришлось прорыть канал глубиной в шесть футов и шириной в четыре. Что же касается первой пироги, которую я соорудил таких больших размеров, не рассчитав предварительно, можно ли будет мне спустить такое громадное судно на воду, то она продолжала стоять на прежнем месте, служа памятником моего безрассудства и легкомыслия. Наученный горьким опытом, я во второй раз был осмотрительнее и сначала тщательно обдумал все подробности дела, а потом уж принялся за него. Убедившись, что если я сделаю пирогу небольших размеров, то буду в состоянии спустить ее на воду, я с неослабевающим рвением проработал два года над сооружением этой пироги и ни разу не тяготился этим новым трудом, ободряемый надеждою на осуществление своей мечты — пуститься снова в открытое море.

Однако, когда вторая пирога была окончена, я понял, что она слишком мала для того, чтобы я мог рискнуть проплыть в ней несколько десятков миль, отделявших землю, которую я видел с противоположного берега острова, от этого последнего. Погоревав немного над этим обстоятельством, я перестал думать о той земле, которую, кстати сказать, считал материком, и решил только объехать кругом свой остров. Я уже говорил, что сухим путем прошел поперек острова и что сделанные мною при этом открытия возбуждали во мне желание видеть остров со всех сторон и как можно подробнее исследовать его. Это желание было вполне исполнимо при помощи моей маленькой пироги.

Я поставил в пироге небольшую мачту и прикрепил к ней парус, сделанный из корабельной парусины, которой у меня имелся большой запас. Окончив эти приспособления, я пустился в пробное плавание вдоль берега и нашел, что лодка очень удобна и легка на ходу. Потом я устроил по концам пироги небольшие ящики для съестных и других припасов. Кроме того, внутри лодки я выдолбил помещение для мушкета, которое снабдил крышкой, чтобы в него не могла проникнуть вода.

Для защиты от солнца вместо навеса я укрепил на корме свой зонтик. Я совершил еще несколько пробных плаваний, не решаясь, однако, отходить далеко от бухты. Но,

Я довольно скоро сшил куртку и короткие панталоны из козьих шкур.

наконец, я более не был в силах противостоять желанию объехать вокруг своего владения и решил предпринять это путешествие. Чтобы не попасться впросак, я запасся всем необходимым: взял с собой две дюжины ячменных хлебов или, вернее сказать, лепешек, горшок с рисом, которого я употреблял много, небольшую бутылочку рому, половину жареной козы, порох и пули для охоты и два больших матросских плаща, из которых один должен был служить мне постелью, а другой одеялом.

Я отправился в это путешествие, — которое продолжалось гораздо дольше, чем я предполагал, — шестого ноября, в шестой год моего царствования или, если хотите, моего плена на острове. На восточной стороне острова я встретил большую гряду скал, тянувшуюся, частью под водой, а частью над нею, мили на две в море и оканчивавшуюся длинной песчаной отмелью. Для того чтобы объехать этот мыс, мне пришлось сделать большой крюк. Увидав риф, я чуть не отказался от своего предприятия и не повернул назад, опасаясь, что вынужден буду зайти слишком далеко в открытое море, чтобы обогнуть это представившееся мне препятствие. Но потом я решил сначала выйти на берег и произвести оттуда рекогносцировку местности, а затем уже или плыть назад или продолжать идти вперед, смотря по тому, что увижу.

Бросив якорь, устроенный мною из обломка корабельного якоря, я взял мушкет, вышел на берег и поднялся на довольно высокий холм, откуда открывался широкий кругозор. Наблюдая море с вершины холма, я заметил очень быстрое течение, огибавшее мыс и стремившееся к востоку. Я старался, насколько было возможно, проследить направление этого течения, так как оно мне казалось очень опасным, и я по-

После долгих усилий, мне удалось-таки ввести пирогу в бухту.

нимал, что если попаду в него, то мне из него, пожалуй, не выбраться, и я едва ли буду в состоянии возвратиться на остров. Так бы и случилось, если бы я не догадался осмотреть местность прежде, чем пуститься дальше к лодке. Такое же течение проходило и по другую сторону острова, только на более далеком расстоянии от него. Кроме того, я заметил еще третье сильное течение, которое выходило из-под земли и перерезало береговое, а это еще более увеличивало опасность.

Поднявшийся юго-восточный ветер заставил меня пробыть два дня на этом пункте острова, потому что сделался страшный бурун, который мешал мне продолжать плавание.

На третий день утром ветер утих, и море успокоилось. Я решил продолжать путь. То, что я теперь буду описывать, пусть послужит уроком неопытным, но чересчур отважным мореплавателям. Едва я успел отчалить от берега, как сразу попал в течение, которое несло с быстротой мельничного шлюза. Все мои усилия удержать лодку возле берега были напрасны, и меня уносило все дальше и дальше от земли. Я уже чувствовал себя погибшим, так как хорошо понимал, что течения, окружавшие остров, должны были где-нибудь соединяться, и в этом месте не может безнаказанно пройти ни одна лодка. Если же каким-нибудь чудом лодку мою не перевернет, и она уцелеет, то течением меня отнесет в открытое море, и тогда мне предстоит голодная смерть. Положим, у меня были с собою кое-какие припасы, кроме того, перед тем, как сесть в лодку, я поймал на берегу громадную черепаху, но всего этого могло хватить лишь на несколько дней, между тем как, попав в открытый океан, я должен буду плыть Бог весть сколько времени, прежде чем встречу какую-нибудь землю, к которой можно пристать.

Тут я понял, как легко могу безрассудством своим горькое положение еще более ухудшить. Мой отдаленный и пустынный остров стал теперь представляться мне самым прекрасным местом в мире, и единственным счастьем, которого я желал, было — возвратиться на него. Со жгучей тоской простирал я к нему руки и восклицал: «Счастливая пустыня, неужели я никогда больше не увижу тебя? О, я жалкое создание! Куда меня несет?».

Я осыпал себя горькими упреками за свою прежнюю неблагодарность к Провидению. Сколько раз я роптал на Провидение за то, что Оно забросило меня на этот пустынный остров, а теперь был готов сделать Бог знает что, лишь бы снова попасть туда. Такова природа человека: он только тогда сознает выгоды и преимущества своего положения, когда испытает другое, худшее, и оценивает радости только после их утраты. Трудно описать мое горе, когда я увидал себя далеко от моего милого острова (в эту минуту он стал мне действительно «милым»). Меня несло в открытое море, я едва уже мог различать очертания берега и терял всякую надежду когда-нибудь увидеть его снова. Тем не менее, я усиленно работал веслами, стараясь выбраться из потока, но это не повело ни к чему: я только напрасно истощал свои силы.

Но вот около полудня я вдруг почувствовал легкое дуновение юго-восточного ветра. Это немного ободрило меня, так как ветер этот был попутный. Через полчаса ветер усилился, и я еще более повеселел. Но тут вдруг явилось новое опасение: так как я был уже далеко от своего острова, то стоило только подняться туману или просто небу покрыться тучами, чтобы я совсем потерял направление, в котором находился остров, потому что забыл захватить с собой компас. Но, к счастью, небо оставалось ясным. Я поставил парус и направил пирогу к северу, надеясь, что теперь ветер поможет мне выйти из течения.

Скоро я заметил, что вода потока становится прозрачной, а это доказывало уменьшение быстроты течения. Действительно, через несколько минут лодка пошла гораздо медленнее. Вскоре в полумиле от себя я увидел новый ряд скал, возле которых кипело и шумело море. Эти скалы разделяли течение на две части, из которых одна направлялась к югу, оставляя скалы на северо-востоке, а другая, образуя страшный водоворот, с невероятною быстротой стремилась к северо-западу.

Только те, которым знакомо чувство помилованного на эшафоте или спасенного от рук разбойников в ту самую минуту, когда над ним уже занесен был нож, только те, говорю я, могут понять, какой восторг наполнил мое сердце при виде этого течения на север, куда именно мне и нужно было направиться. Благодаря попутному ветру и течению, лодка быстро понеслась назад к острову. Наконец-то я снова увидел берег моего острова, сделавшегося мне таким дорогим в ту минуту, когда я был уверен, что навсегда лишаюсь этого верного приюта! Разница была только в том, что вышел я с южной стороны острова, а возвратился на него с северной.

Миновав скалы, я заметил, что лодка идет хотя и быстро, но плавно, и что она находится между двумя течениями — южным, которое я только что оставил, и северным. В этом месте море было совершенно спокойно и гладко. Не будь ветра, я долго бы плыл по этому месту, но теперь несясь довольно скоро, так что около четырех часов пополудни я уже был у берега.

Вступив на землю, я бросился на колени и горячо поблагодарил Бога за свое спасение, в то же время я дал торжественное обещание, что не буду больше думать о побеге с острова в маленькой пироге. Подкрепив свои силы той провизией, которая у меня была с собой, я поставил лодку в маленький заливчик, окруженный старыми развесистыми деревьями, и затем, утомленный опасным плаванием, лег и крепко уснул.

Проснувшись, я задумался над вопросом, как мне теперь провести свою пирогу домой. Тот путь, по которому я следовал сюда, был слишком опасен, чтобы я мог отважиться пройти его вторично. Продолжать обход кругом острова я тоже не решался, так как не знал, какие еще неудобства и опасности ждут меня впереди. Однако мне больше ничего не оставалось, как проплыть дальше к западу, отыскать безопасное место для лодки, оставить ее там, а самому возвратиться домой сухим путем. Так я и сделал на следующее же утро. Проплыв вдоль берега около трех миль, я вошел в небольшой залив, точно созданный для стоянки моей лодки. Подведя лодку к берегу и бросив якорь, я вышел из нее и пошел осматривать местность.

Убедившись, что нахожусь недалеко от того места, в котором останавливался во время моего первого путешествия по острову, я возвратился к лодке, взял из нее мушкет и зонтик и отправился к своему второму жилищу, которое называл «дачей». Я достиг этой дачки незадолго до захода солнца. Забравшись в беседку, я тотчас же лег и уснул. Можно себе представить мое изумление, когда меня разбудил голос, громко кричавший: «Робин! Робин! Робин Крузо! Бедный Робин Крузо, где ты? Где ты, Робин Крузо?».

Я был так утомлен, что никак не мог проснуться сразу, хотя и порывался это сделать, слыша сквозь сон звавший меня голос. Наконец, испуганный и смущенный таинственным голосом, не перестававшим твердить: «Робин Крузо! Робин Крузо!», я открыл глаза. Было уже светло, и я увидал моего Поля, сидевшего на изгороди и глядевшего на меня. Я уже упомянул о том, что выучил его говорить. Сидя у меня на руке и прислонившись головою к моему лицу, он часто выкрикивал своим монотон-

Вступив на землю, я бросился на колени и горячо поблагодарил Бога за свое спасение.

ным и хриплым голосом: «Бедный Робин Крузо, где ты? Где жил раньше и как попал сюда?»».

Хотя я понял, что услышанный мной голос принадлежит моему попугаю, а не кому-либо другому, тем не менее, я долго не мог прийти в себя от удивления. Я помнил, что оставил попугая в укреплении на берегу, и мне казалось очень странным, как он мог прилететь сюда. Но факт был налицо, и с ним надо было считаться. Встав, я подошел к изгороди, ласково позвал своего Поля и протянул руку. Умная птица тотчас же прыгнула мне на большой палец, прислонилась головкой к моей щеке и, заглядывая мне в глаза, заворковала: «Бедный Робин Крузо, где ты был? Как попал сюда?» По всему было заметно, что мой Поль рад видеть меня.

Мое морское путешествие было так неудачно, что на некоторое время у меня пропала всякая охота возобновить его. Я отправился в свое главное жилище и с новым рвением предался занятиям по хозяйству, радуясь, что избавился от угрожавших мне во время морской экскурсии опасностей. Мне очень хотелось бы провести пирогу поближе к дому, но я не знал, как это сделать. Пройти тем берегом, которым я прошел уже один раз, я не решался. Одна мысль о том, что я снова попаду в течение, которое опять унесет меня в открытое море, приводила меня в содрогание. Провести же пирогу противоположной стороной я тоже боялся, так как не исследовал еще этот путь и думал, что возле него проходит такое же течение, которое тоже может занести

меня в море. В конце концов я перестал думать о лодке, хотя убил столько времени и труда на ее постройку и на то, чтобы спустить ее на воду.

Прошел еще почти год, и я находился все время в совершенном душевном покое. Мысли мои, так сказать, вполне приспособились к моему положению. Покорившись воле Провидения и примирившись со своим одиночеством, я убедил себя, что веду самый счастливый образ жизни в мире.

Все это время я употребил на усовершенствование себя в тех работах, которые нужда заставляла меня делать. Несмотря на то, что у меня не хватало многих инструментов, я сделался недурным плотником и порядочным горшечником. Успех в последнем искусстве даже превзошел все мои ожидания. Мне удалось изобрести колесо, с помощью которого я придавал горшкам круглую и довольно пропорциональную форму. Но ни одним своим произведением я так не гордился и ни одним открытием так не восхищался, как трубкой для курения табака, которую мне после долгого ряда неудачных опытов удалось, наконец, сделать. Она была из красной обожженной глины; как все мои глиняные изделия она отличалась безобразием и аляповатостью, зато была очень крепка и отлично исполняла свое назначение. Я привык к табаку во время своей скитальческой жизни, и мне было очень трудно столько времени обходиться без него. Теперь я наслаждался им так, как никогда раньше. На корабле было много трубок, но сначала я пренебрег ими, думая, что не достану табак, а когда я нашел его и хотел взять трубки, то уже не мог найти их, сколько ни рылся во всех углах корабля.

Кроме того, я сделал большие успехи и в искусстве плести корзины и наделал их множество, всяких размеров и форм. Нельзя сказать, чтобы эти корзины были очень красивы, но они отличались прочностью и были очень удобны для поклажи и переноски различных предметов. Я всегда брал с собой одну корзину на охоту, и когда убивал козу, то уже не тащил ее целиком домой, как делал прежде, а снимал с нее на месте шкуру, вынимал внутренности, разрезал мясо на куски и клал в корзину те части, которые мне были нужны, а остальные бросал в пищу хищным птицам, которых водилось несколько пород на острове. Поймав черепаху, я вынимал из нее яйца, отрезал самые лакомые куски от нее и тоже нес домой в корзине, а все негодное бросал в воду. Для хлеба мне служили очень большие корзины, которые всегда стояли в одном месте.

Я с ужасом стал замечать, что мой порох приходит к концу. Эта убыль была невосполнима, и я серьезно задумывался над вопросом, как я буду охотиться, когда у меня не останется больше зарядов. На третий год моего пребывания здесь я поймал маленькую козу, приручил ее и надеялся со временем развести целое стадо: но, несмотря на все мои старания, мне не удалось поймать козленка, поэтому моя коза так и состарилась, не принеся мне ни одного козленка. Убивать ее мне было жаль, потому что она была очень ласкова и сильно привязана ко мне; она закончила свое существование от старости.

Прошло десять лет моего пребывания на острове. Чтобы сберечь боевые запасы, я придумал способ ловить коз посредством западней и сетей. Мне особенно хотелось завладеть живой молочной козой с детенышем. Козы не раз попадали в сети, но, съев приманку, разрывали сети, которые были недостаточно прочны, и убегали. Тогда я стал устраивать западни. Я вырыл несколько ям в том месте, где обыкновенно паслись козы, накрыл их плетеными решетками и набрасывал сверху колосья риса

и ячменя. Утром приманка оказывалась съеденной козами, судя по следам их ног, но решетки оставались на месте. Это было очень неутешительно, однако, я не унывал, переделал свои западни и так удачно, что в одно прекрасное утро в одной из них оказался старый козел, а в другой — три козленка, из которых два оказались самками.

Старый козел был очень дик и зол, и я не знал, что с ним делать. Я, конечно, мог убить его, но это не отвечало моим намерениям. Мне хотелось во что бы то ни стало вытащить его из ямы, но я боялся подступить к нему. Наконец, я все-таки ухитрился обмотать его веревкой и вытащить, но едва он успел достичь поверхности земли, как вырвался у меня и без оглядки убежал. Я тогда еще не знал, что лучшим средством для умирения животных, даже львов, служит голод. Стоило мне только оставить козла в яме дня три или четыре без пищи, а потом принести ему немного воды и несколько хлебных колосьев, и он сам последовал бы за мной, как собака, потому что эти животные очень смышлены и признательны к тем, кто их кормит.

Как бы то ни было, но козел ушел. Детенышей я вынул по одному из ямы, привязал на веревки и кое-как, с большим трудом, привел домой.

Сначала маленькие животные не хотели брать корм, но потом, соблазнившись прекрасным зерном, которое я им давал, стали есть его и понемногу приручились. Это подавало мне надежду, что я не буду терпеть недостатка в мясной пище, даже и тогда, когда окончательно истощится мой запас пороха и свинца, потому что у меня теперь появилась возможность завести стадо ручных коз.

Но тут мне пришло в голову, что если мои козы будут бегать на свободе и сообщаться с дикими козами, то сами опять одичают и разбегутся. Во избежание этого, нужно было устроить им помещение и обвести его частоколом. Привести в исполнение этот план одному человеку было очень нелегко, но настоятельная необходимость вынудила меня хоть попытаться выполнить эту задачу.

Я нашел хороший участок земли с прекрасным пастбищем, с чистой водою и с деревьями, которые давали тень и прохладу. Кто понимает, что значит загон для скота, тот улыбнется над моею непредусмотрительностью, когда узнает, что выбранное мною место было настолько обширно, что ограда для него заняла бы не меньше двух миль в окружности. Затруднение тут состояло не в том, что приходилось делать такую громадную ограду, у меня было столько времени, что я мог бы сделать ограду окружностью в десять миль, а в том, что я сначала не сообразил, что на таком обширном пространстве козы могут одичать так же, как если бы находились на свободе, и мне невозможно будет ловить их, когда понадобится.

Я понял это неудобство только потом, когда сделал уже около пятидесяти шагов изгороди, и я решил огородить пространство только в полтора шага длиной и в сто шириною. Этого было совершенно достаточно на первое время, а впоследствии, если бы понадобилось, можно было бы расширить ограду.

Первый частокол я сделал в течение трех месяцев. Во время работы мои козлята со спутанными ногами паслись возле меня. Я кормил их из рук колосьями ячменя или риса. Через несколько времени маленькие животные так привыкли ко мне, что не было необходимости спутывать им ноги. Они везде бегали за мною и жалобным блеянием выпрашивали себе корм.

Труды мои не пропали даром: через полтора года у меня в моем козьем стаде было уже двенадцать самцов и самок. Еще через два года их было сорок три, не считая тех, которые пошли на мое продовольствие. Я сделал загородки на пяти маленьких участ-

ках и соединил их между собою отдельными воротами, так что мог перегонять коз из одного пастбища на другое, и они всегда находились на ограниченном пространстве, так что не могли одичать.

Кроме мяса, козы доставляли мне и молоко. Сначала я не догадывался пользоваться козьим молоком, а потом я случайно вспомнил, что это превосходное питательное вещество, и стал доить коз. Каждая коза давала от одной до двух кружек молока в день. Раньше я никогда не доил ни коров, ни коз и не видал, как делают масло и сыр, но нужда заставила меня выучиться тому и другому и завести молочное хозяйство. В первое время я, конечно, испортил много молока зря, но потом понемногу стал делать очень недурное масло и вкусный сыр и с наслаждением ими лакомился.

О, как велико милосердие Творца к Его созданиям даже в то время, когда им кажется, что они обречены на погибель! Какое утешение подает Он нам в наших самых ужасных горестях! Он дает нам повод славословить Его даже из глубины темниц и питает человека в пустыне, где, казалось бы, ему угрожала голодная смерть.

Самый серьезный человек и тот непременно улыбнулся бы, взглянув на картину, которую представлял я со своей маленькой семьей за обедом. Я сидел точно король и властелин острова, имевший в своих руках жизнь и свободу каждого из своих подданных. Все были мне, безусловно, подчинены, и я мог смело сказать, что в моем государстве нет непокорных. Да, повторяю, я сидел за столом, как король, окруженный своими придворными. Один Поль, мой любимец, позволял себе заговаривать со мной. Верная собака сидела на полу направо от меня. Она уже состарилась и ослабла; не имея подруги своей породы, она не могла оставить потомство. Предо мною на столе, по обе стороны, сидело по кошке, которые ожидали из моих рук подачи, как знака особенного благоволения к ним. Эти кошки были не те, которых я взял с корабля. Те давно уже перестали жить, и я собственными руками зарыл их в землю. Одна из них, как я уже говорил, принесла котят, из которых я приручил двух, между тем как остальные одичав, бродили по всему острову и вместе со своим потомством сильно беспокоили меня. Они забирались ко мне и производили большие опустошения в моей кладовой, так что я вынужден был множество из них перестрелять. Наконец, они оставили меня в покое, так что мне не на что было больше жаловаться, разве только на недостаток общества людей, но и его мне вскоре предстояло иметь больше, чем я мог ожидать и желать.

Как я уже говорил, мне очень хотелось бы иметь под рукой свою пирогу, но я не решался подвергать себя новым опасностям, которые могли случиться, если бы я опять затеял путешествие в ней, поэтому я старался подавить свое желание. Однако меня так сильно стало тянуть побывать еще раз на том холме, с которого я во время своей морской экскурсии производил рекогносцировку, что в один прекрасный день я решил направиться к тому месту пешком.

Если бы кто-нибудь встретил в Англии человека, одетого так, как был одет я, то, наверное, сначала испугался бы, а потом бы умер от смеха. Я сам не мог удержаться от улыбки, когда глядел на себя в зеркало и представлял себе эффект, который произвел бы мой вид в Европе. Постараюсь дать читателю некоторое понятие о том, как я выглядел.

На моей голове красовалась громадная, высокая, безобразнейшего фасона шапка из козьего меха, с пришитым сзади длинным и широким куском его для защиты шеи от солнца и для того, чтобы дождь не мог проникнуть с затылка под платье, что было очень опасно в этом климате.

Самый серьезный человек и тот непременно улыбнулся бы, взглянув на картину, которую представлял я со своей маленькой семьей за обедом.

Стан мой облекали короткая куртка, доходившая только до бедер, и панталоны с разрезами на коленях; то и другое было тоже из козьего меха, длинной и лохматой шерстью вверх, что делало меня очень похожим на медведя. Обувь у меня была такого рода, что я даже затрудняюсь дать ей название. Это было нечто в роде женских башмаков, только самой неуклюжей формы; зато она была крепка и вместе с тем очень удобна для ходьбы. За неимением шнурков, я связывал башмаки спереди веревками.

За поясом, сделанным тоже из козлиной шкуры и скреплявшимся вместо пряжек ремнями, у меня были засунуты небольшая пила и топор. Через плечо я надевал ременную перевязь, на которой висели два мешочка: один с порохом, другой с дробью и пулями. Кроме того за плечами у мен были корзина и ружье, а в руках — зонтик.

По цвету моего лица во мне с первого же взгляда можно было узнать европейца, несмотря на то, что я жил под экватором и, конечно, не берег себя от действия солнечных лучей.

Бороду, которую я сначала отпустил было на четверть локтя, я теперь стал подстригать, а усы оставлял расти, как делали турки, которых я видел в Саллаэ. В конце концов усы у меня выросли такие длинные и густые, что английские ребята завизжали бы от ужаса при виде их.

Дав мимоходом описание своей наружности, я более о ней упоминать не буду.

На этот раз я пробыл в дороге шесть дней. Сначала я шел вдоль берега, пробираясь между скалами к тому месту, где выходил из лодки на берег, чтобы осмотреть местность, а потом, заметив, что делаю таким образом крюк, пошел другим, кратчайшим путем.

Взобравшись на возвышенность, я, к своему величайшему изумлению, заметил, что море возле мыса было совсем гладкое: ни прибой, ни течения не было видно. Полагая,

что тут должны были играть роль морские приливы и отливы, я решил пробыть несколько времени на месте, чтобы произвести наблюдение. Вскоре я убедился, что отлив, направляясь с запада и соединяясь с какою-то рекой, образует течение, которое приближается к берегу или удаляется от него, смотря по тому, дует ли ветер с запада или с севера. Во время же прилива течение как будто пропадает, сливаясь с морем.

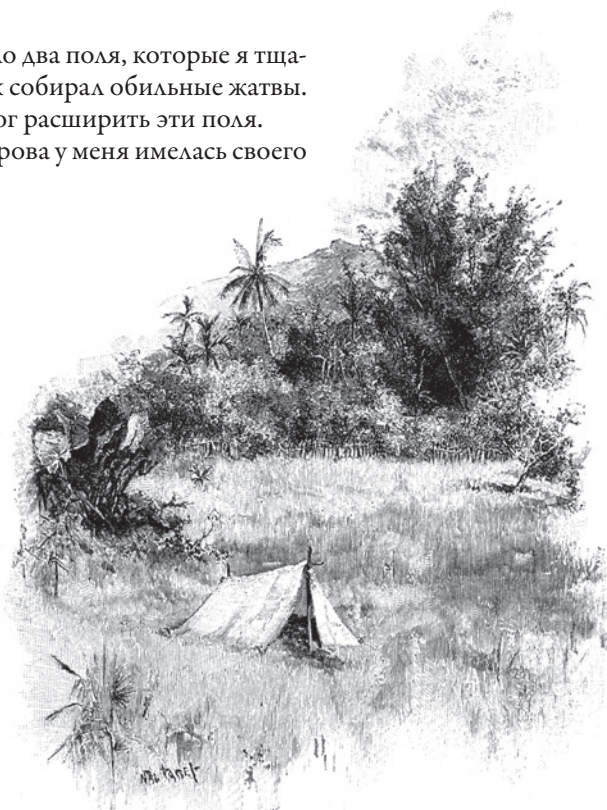
Сделав эти наблюдения, я пришел к заключению, что мне не трудно будет привести свою пирогу домой, если я воспользуюсь приливом. Но, вдумавшись хорошенько и вспомнив опасность, которой я подвергался у этого берега, я решил лучше оставить лодку на месте и, построив себе другую, держать ее возле главного жилища. Этот план хотя и требовал много времени и труда для своего выполнения, зато не был сопряжен с риском, поэтому я на нем и остановился.

Читателю уже известно, что я имел на острове два жилища. Первое состояло из шатра, примыкавшего к горе, в которой я прорыл глубокую и длинную пещеру, разделенную на две половины. Второе отделение, совершенно сухое, было больше первого, и из него можно было через узкий проход пробраться прямо в море, в некотором расстоянии от укрепления. В этом отделении стояли мои горшки с провизией и громадные корзины с хлебом.

Колья, из которых была устроена ограда, разрослись в большие деревья, образовавшие такую плотную стену, что за ними не заметно было никакого жилья.

Близ укрепления у меня было два поля, которые я тщательно обрабатывал и с которых собирал обильные жатвы. В случае надобности, я всегда мог расширить эти поля.

Кроме того, посередине острова у меня имелась своего рода фруктовая плантация, где была возведена беседка, окруженная тоже частоколом. Эту беседку я называл своей дачкой, так как в ней я мог пребывать только в жаркие сезоны. Я довольно часто бывал на этой дачке и держал ее в отличном порядке. Уходя с нее, я всегда аккуратно опускал лестницу внутрь ограды. Деревья и тут разрослись в вышину и толщину, и мне постоянно приходилось подчищать их, иначе они раздавили бы все мое жилище. В беседке, сделанной из досок, находилась постель из козьих шкур и других мягких вещей, прикрытая простыней и одеялом с корабельной койки.

Посреди острова у меня имелась своего рода фруктовая плантация.

К этому жилищу примыкали загоны для коз. Устройство этих загонов стоило мне громадного труда. Опасаясь, как бы козы не пролезли сквозь ограду, я вбивал колья так близко друг к другу, что между ними невозможно было просунуть даже руку. Когда после первых дождей колья пустили корни и принялись расти, то из них скоро образовалась тоже сплошная зеленая ограда.

Я не был ленив и не щадил своих трудов, когда дело шло о сохранении моего благосостояния. Я знал, что если разведу стадо ручных коз, то буду навсегда обеспечен мясом и другими продуктами, пробудь я еще хоть сто лет на острове, а завести такое стадо можно было лишь при том условии, чтобы для него были хорошие загоны. Руководимый этими соображениями, я и старался сделать загоны как можно целесообразнее. Эти колья также превратились в деревья, я должен был подстригать и их, чтобы они не разрослись в целый лес.

Тут же были и мои виноградники, которые доставляли мне прекрасный изюм, составлявший приятную, питательную и здоровую пищу.

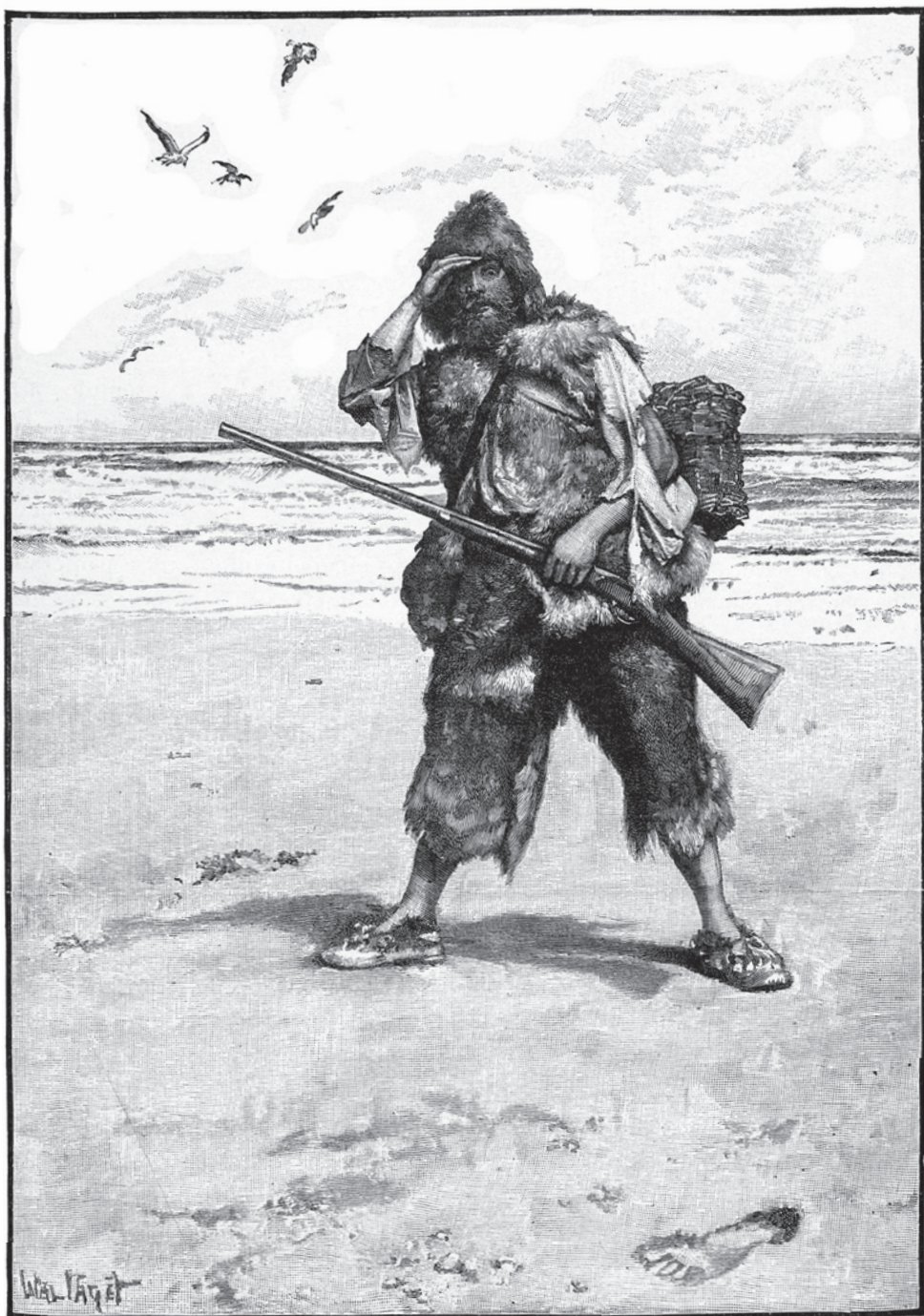
Дачка находилась на полпути от того места, где стояла моя пирого, которую я часто навещал и старался держать в исправности. Иногда я катался в ней по морю, но не заходил от берега дальше, чем на два ружейных выстрела, опасаясь, как бы течением или ветром меня опять не унесло в открытый океан.

Теперь настала очередь описать новое событие в моей жизни.

Подходя однажды после полудня к пирого, я увидел ясно отпечатлевшийся на песке след босой человеческой ноги. Представьте мой ужас и мое изумление при виде этого отпечатка. Я остановился над этим следом, точно внезапно пригвожденный к месту, и стал напряженно осматриваться и прислушиваться, не увижу ли или не услышу ли того человека, который, очевидно, должен был находиться где-нибудь поблизости. Наконец, я встрепетнулся, взмог опять на холм, потом снова спустился с него и подошел ближе к берегу; но вокруг было все тихо, никого не было видно, и даже новых следов более не находилось. Я снова вернулся к тому месту, где был след, и подробно осмотрел его, думая, что сначала ошибся, приняв его с испугу за человеческий. Но, нет, не было никакого сомнения — это, действительно, был след человеческой ноги: подошва, пятка и пальцы — все это принадлежало именно человеку! Но откуда этот след? Почему он только один? Тысяча мыслей, одна другой нелепее и фантастичнее, промелькнула в моей голове. Наконец, чувствуя, что у меня ум начинает заходить за разум, я изо всех сил бросился бежать в свое укрепление, в смертельном ужасе озираясь во все стороны и останавливаясь чуть не на каждом шагу. Мое разгоряченное воображение превращало в человеческую фигуру каждый отдаленный пень, каждый сук дерева. Трудно описать, какие всюду мерещились мне ужасы!

Я добрался до укрепления, едва помня себя, точно за мною гналась целая армия врагов. Положительно не знаю, каким путем я перебрался через свою ограду. Могу только сказать, что, наверное, никогда ни один вспугнутый собаками заяц ни одна загнанная лисица не зарывались с таким ужасом в свои норы, как я в свою пещеру.

Во всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Со мною происходило очень странное явление, едва ли когда наблюдавшееся кем-либо: будучи в совершенной безопасности, я чувствовал себя так, точно каждую минуту должен был ждать гибели. Временами я говорил себе, что виденный мною след, наверное, был сделан самим дьяволом для того, чтобы смутить меня. Откуда, в самом деле, на этом острове мог взяться еще человек, кроме меня, когда на нем не было никаких обитателей? Где корабль, на кото-

Я остановился над этим следом, точно внезапно пригвожденный к месту.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ром он мог прибыть? И почему был всего один след, а не несколько? Но, с другой стороны, что была за необходимость дьяволу принимать образ человека только для того, чтобы оставить отпечаток одной ноги в таком месте, где я мог и не быть? Мало ли у него средств проявить себя другим образом? А уж если ему вздумалось непременно попугать меня следом, то с какой стати он сделал его в десяти милях от моего жилища да еще на таком месте, где первая же волна легко могла смыть с песка отпечаток? Такой поступок не согласовался с дьявольской хитростью.

Нет, дьявол тут был не при чем. Всего вероятнее было то, что с соседней земли являлись более опасные существа, то есть дикари. Быть может, они плыли в пироге, и их принесло ветром или тем же течением к моему острову, а потом, дождавшись благоприятного ветра, они ушли назад.

ГЛАВА IV

Предосторожности. — Ужасное открытие. — План против дикарей. — Подавленный ужасом. — Пещера. — Новые страхи. — Фонарь. — Посещение корабля, потерпевшего крушение. — Новые проекты. — Засада. — Битва с дикарями.

Размышляя таким образом, я благодарил Бога за то, что не находился на противоположном берегу в то время, когда там были дикари, и что они не заметили моей лодки, находка которой навела бы их на мысль искать меня. Что лодка не была замечена дикарями, я заключил из того, что она осталась на месте целой и невредимой. Но тут меня поразила новая мысль, до того ужасная, что у меня кровь застыла в жилах под влиянием ее. Что, если дикари видели мою пирогу, но не сочли нужным трогать ее, а только приняли во внимание факт ее существования, поняли, что остров обитаем, и отправились к себе домой с целью созвать побольше товарищей и затем возвратиться с ними, чтобы отыскать меня и взять в плен? Если даже допустить, что они не найдут меня самого, зато откроют мои жилища, истребят все мои запасы и уведут коз, так что мне останется только умереть с голоду.

Ужас опять заглушил во мне всякий проблеск религиозного чувства: надежду на помощь Бога и веру в Него, возникшую было в моей душе под влиянием созерцания Его неизреченных милостей. Как будто Тот, Кто до сих пор так чудесно спасал и питал меня, не был настолько всемогущ, чтобы сохранить для меня все, Им же ниспосланное мне! Поддаваясь этому новому заблуждению, я стал сожалеть о том, что делал такие маленькие посевы, которые давали небольшие запасы хлеба, — как будто малейшая случайность не могла уничтожить на корню даже самой богатой жатвы! Но я и не помышлял о возможности этого, а решил в будущем делать возможно большие запасы хлеба и на всякий случай прятать его в разных местах, чтобы не все сразу могло быть истреблено враждебными мне существами.

Какое странное и поразительное явление представляет человеческая жизнь! Как быстро меняется наше настроение, и каким страшным колебаниям подвергаются наши чувства! Вчера мы любили то, что сегодня ненавидим; сегодня ищем то, от чего завтра будем стараться убежать; что недавно еще составляло предмет наших живейших желаний, теперь так опротивело нам, что мы удивляемся, как только оно могло когда-нибудь нравиться нам! Я мог служить живым и ярким примером этой изменчивости чувств и склонностей, потому что теперь я дрожал от страха при одной мысли увидеть человека, готов был зарыть себя в землю при одном предположении, что на мой остров ступила нога подобного мне существа, между тем как до сих пор я только о том и горевал,

что был отрезан от общества людей, заброшен на пустынный остров посреди океана и осужден на вечное молчание! Еще за несколько часов до открытия мною загадочного следа я был уверен, что вид другого человека будет для меня равносильным возвращению от смерти к жизни, и я жаждал этого, как величайшего благодеяния Неба, а как только увидел один след человеческой ноги, то чуть было не сошел с ума от ужаса!

Это непостоянство и противоречие наших чувств послужило для меня богатой темой для размышлений, когда прошел первый страх, и я немного поуспокоился. Я снова понял, как бесконечна мудрость и благодать Провидения, заставившего меня вести мой настоящий образ жизни. Понял опять и то, что я должен беспрекословно преклониться пред волею моего Творца, Который, имея право и возможность наказывать меня по моим заслугам, осыпал меня только новыми милостями.

В таких размышлениях я проводил целые часы и дни и, в конце концов, эти размышления оказали на меня благотворное действие. Однажды рано утром, лежа еще в постели, я снова раздумался о том, что будет со мной, если, в самом деле, на острове появятся дикари. Вдруг мне пришли на ум следующие слова священного писания: «В день печали призови Меня, Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня»¹.

Почувствовав в себе внезапный прилив бодрости, я вскочил с постели и усердно помолился Богу о том, чтобы Он исполнил обещание избавить меня от печали. Окончив молитву, я раскрыл Библию, и мои глаза сразу остановились на следующих словах: «Служи Господу и бодрись, и Он укрепит сердце твое; и Я говорю тебе: служи Господу!»². Невозможно передать, что я почувствовал при этом. Скажу только, что, исполненный глубочайшей признательности к Творцу, я закрыл Библию и уже более не боялся.

Под влиянием нового настроения, охватившего меня, я подумал, что мой страх был совершенно неоснователен, и я легко мог принять за чужой след свой собственный. В самом деле, разве этого не могло быть? Разве я не мог когда-нибудь пройти по тому месту и потом позабыть его? Если след действительно был мой собственный, то не походил ли я на тех глупцов, которые сочиняют сказки о привидениях, а потом сами же и приходят в ужас от этих сказок?

Уверив себя таким образом, что я испугался, так сказать, собственной тени, я взглянул, наконец, из своей пещеры, в которой безвыходно пробыл целых трое суток. Утолив прежде всего мучивший меня голод, я вспомнил о козах, которых всегда доил по вечерам и о которых совсем не заботился в эти три дня. Моя небрежность могла очень вредно отозваться на них. Оно так и случилось: большинство коз заболело, и у них пропало молоко.

Наведистив стадо, я отправился к тому месту, где нашел так страшно напугавший меня след. Если бы кто-нибудь увидел, с каким страхом я подвигался вперед, беспрестанно озираясь и готовый каждую минуту бросить все, что нес с собой, и бежать назад, тот принял бы меня за человека, который мучится угрызениями совести или боится, что на него того и гляди нападут, и был бы близок к истине.

¹ «В день печали призови Меня, Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня.» — строчка из 50-го псалма Библии.

² «Служи Господу и бодрись, и Он укрепит сердце твое; и Я говорю тебе: служи Господу!» — строчка из 27-го псалма Библии.

А что сделалось со мною, когда я, придя на то место, убедился, что не был на нем ни разу до того дня, когда увидел там след и когда, измерив этот след и сравнив его со своим, я убедился, что он произошел от ноги другого человека! От ужаса меня снова стало трясти, как в злейшей лихорадке, и мысли мои совсем спутались. Отдохнув немного, я возвратился домой в полном убеждении, что к острову приставали люди, или что какой-нибудь из его уголков, еще не исследованный мною, был обитаем; в том и другом случае я подвергался одинаковой опасности быть открытым и захваченным врасплох.

На какие несообразности способен человек, когда он находится под влиянием страха! Вместо того, чтобы принять какие-либо разумные меры к ограждению себя от действительной или воображаемой опасности, он делает одни глупости. Так, например: первое, что пришло мне в голову, когда я убедился, что на острове, кроме меня, были другие люди, это предать разрушению загоны и разогнать всех коз, чтобы

Я вспомнил о козах, которых всегда доил по вечерам.

лишить неприятеля возможности увидеть их и воспользоваться хорошей добычей. Потом я сам собственными руками хотел опустошить свои хлебные поля, чтобы не осталось ни одного зерна, разорить свое укрепление, — словом, уничтожить все следы моего пребывания на острове.

Все это приходило мне на ум ночью, проведенною, конечно, без сна. Страх перед только наступающей опасностью несравненно сильнее, чем в то время, когда опасность уже началась. Боязнь и тревожное ожидание бедствия бывают часто невыносимее самого бедствия. Во мне опять сразу исчезли бодрость духа и вера, которые только что перед тем так поддерживали меня. Как Саул роптал не только на то, что перед ним филистимляне, но и на то, что его покинул Бог ¹, чего на самом деле

¹ Согласно Библии Саул был основателем единого Израильского царства в XI в. до н. э. Проигрывая битву с филистимлянами при горе Гелвусе, он покончил жизнь самоубийством.

не было, так и я теперь, вместо того, чтобы взывать к Богу в минуту своих душевных страданий и искать в Нем надежды на защиту и спасение, предавался только бесплодному отчаянию. Помолись я — мне было бы легче перенести это новое испытание или, вернее, эту новую тревогу, и я сумел бы победить ее.

Под утро, совершенно разбитый телом и духом, я крепко заснул и через несколько часов встал немного освеженным и ободренным. Я стал спокойнее обсуждать свое положение и, наконец, пришел к следующим выводам. Так как мой остров лежит недалеко от земли, наверное, обитаемой, притом он так красив и плодороден, то не мудрено, что его иногда посещают соседи. Но, вероятно, это случается чрезвычайно редко, судя по тому, что я прожил здесь уже пятнадцать лет, ни разу не встретив и признака человеческого существа. Быть может, бывали только случайные высадки, то есть дикари пригонялись к острову ветром или сильным течением, а потом они при первой же возможности спешили уйти с него, зная, что он необитаем.

Как бы то ни было, но мне следовало предпринять что-нибудь для защиты себя от непрошенных гостей. Я сожалел, зачем прорыл насквозь гору и устроил в ней выход в поле. Пришельцы могли найти этот выход и через него пробраться ко мне. Обдумав этот вопрос со всех сторон, я решил, что нужно устроить вокруг первой ограды вторую, в том самом месте, где я двенадцать лет тому назад посадил двойной ряд деревьев, которые так хорошо разрослись. Стоило только вбить между ними другие колья, и новая ограда готова. Не откладывая дела в долгий ящик, я тут же принялся вытесывать колья и вбивать их в землю. Затем я укрепил новую ограду бревнами, старыми канатами и всем, что было у меня подходящего под руками. С внутренней стороны я насыпал земляной вал в десять футов вышиной. Землю для него я брал из пещеры.

В ограде было оставлено семь отверстий такой величины, что в них можно было просунуть руку. В эти отверстия я вставил семь ружей, взятых с корабля; я утвердил их на станинах вроде пушечных лафетов, хотя, конечно, крайне примитивного вида. В течение двух минут я мог привести в действие всю свою батарею. Прошло несколько долгих месяцев, прежде чем я кончил это новое укрепление, без которого я не мог быть спокойным и считать себя в безопасности.

Чтобы замаскировать все укрепление, я рассадил вокруг него на большом пространстве побеги того дерева, которое походило на европейскую иву и так же быстро росло. В течение года я посадил их тысяч около двадцати, оставляя, однако, свободным перед укреплением такое пространство, чтобы неприятель не мог подойти незамеченным к наружной стене укрепления.

Через два года из маленьких отростков образовалась густая роща, а еще через три-четыре года перед моими укреплениями красовался такой лес, что через него с трудом можно было пробраться. Никто бы не поверил, что за ним скрывается человеческое жилище. Проход в этом лесу я не стал делать.

Мне теперь нужна была вторая лестница, чтобы сообщаться, так сказать, с внешним миром. Одна лестница находилась между обеими оградами, а другая — между самым жилищем и внутренней оградой. Так как я постоянно убирал обе лестницы, то забраться ко мне кому-либо не было никакой возможности. Самое большее, что мог сделать неприятель, это пробраться до наружной ограды, а там ему осталось бы только полюбоваться на нее и убедиться в полной безнадежности преодолеть это препятствие.

Таким образом, мною были приняты все меры для своей защиты, какие только может изобрести ум человека, и хотя эти меры сначала были вызваны пустым страхом, но, как мы увидим впоследствии, принесли мне большую пользу.

Эти работы, однако, не мешали мне предаваться и другим, не менее важным занятиям. Особенно много забот я прилагал своему стаду. Козы, доставляя мне ежедневную пищу, не только давали возможность сохранять порох и пули, но и избавляли меня от утомительного труда ходить на охоту. Вот почему я так сильно боялся лишиться стада, зная по опыту, как его трудно завести.

После долгих размышлений, я нашел два способа избежать этой опасности. Следовало или приискать удобное место и выкопать там такое подземелье, в котором на ночь могло бы помещаться все стадо, или же выбрать два-три небольших участка земли, отдаленных друг от друга на большое расстояние, и сделать на каждом из них по маленькому загону, коз на шесть, не больше. При любом разгроме хоть одно из этих стад да должно было уцелеть, и я не лишился бы возможности за непродолжительное время развести новое стадо. Хотя последний проект требовал много времени и труда, я, однако, нашел более благоразумным привести его в исполнение.

В течение нескольких дней я обходил самые отдаленные части острова и, наконец, нашел такое уединенное и почти недоступное место, что лучше нельзя было и желать. Это была прекрасная поляна посреди непроходимого леса. Поляна эта занимала пространство около трех акров и со всех сторон была окружена вековыми деревьями, так что оставалось только заделать промежутки между ними — и роскошный загон был готов.

Я немедленно принялся за работу, и уже через месяц с небольшим мог поместить там часть своего стада, не опасаясь, что оно пропадет. Я ввел в этот загон десять коз и двух козлов, и постепенно устроил так, что мог бы загнать туда и все стадо.

Все эти труды и хлопоты были вызваны одним страхом, внушенным мне видом следа. С тех пор, как я нашел этот след, прошло два года; я не встретил ни одного человека на острове, а между тем, все это время жил под гнетом страшной боязни и всевозможных опасений. Каждый, кому знакомо состояние человека, живущего под страхом, поймет, что моя жизнь изменилась и уже не была такой спокойной, как прежде. С горечью должен сознаться, что это постоянное волнение имело громадное влияние на мое религиозное настроение, и влияние очень дурное. Я был не в силах покорно и безмятежно обращаться с молитвой к Творцу, как делал это одно время раньше. Я молился и теперь, но уже с малодушием человека, подавленного ужасом и страхом за свою жизнь, — человека, который каждую ночь ожидает, что его до рассвета убьют. Я убедился из личного опыта, что сердце, наполненное миром, благодарностью, любовью и довольством, более расположено к молитве, чем сердце, возмущенное ужасом и смятением, и что человек, находящийся в ожидании близкого несчастья, так же мало способен исполнять свои обязанности по отношению к Богу, как он неспособен к раскаянию, лежа в бессознательном состоянии на смертном одре. Беспокойства действуют на дух, как болезни на тело, и когда дух обременен страданиями, он не может возноситься к небу с чистою и усердною молитвою.

Но буду продолжать свой рассказ.

Устроив безопасный загон, я решил поместить в него лишь часть стада, а для другой части отыскать такое же удобное место. Однажды, обходя с этой целью остров, я зашел очень далеко на восток. Здесь, усевшись на берегу, я стал смотреть на море,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

и вдруг мне показалось, что вдали я вижу лодку. К сожалению, я не захватил с собою ни одной из двух подозрительных труб, найденных мною в корабельных сундуках, и как ни напрягал зрение, не мог рассмотреть, что именно виднелось на море. В этот раз я так и не узнал, была ли это лодка или что другое. Вскоре этот предмет скрылся у меня окончательно из виду. Я дал себе слово никогда более не выходить из дому без подозрительной трубы в кармане.

Дойдя до самого крайнего пункта восточной части острова, где еще ни разу раньше не был, я убедился, что следы человеческих ног на этом острове уж вовсе не такая редкость, как я воображал, и что я, только благодаря особой милости Провидения, был занесен бурей на ту часть острова, куда никто никогда не заходил. Вскоре я узнал, что дикари, населявшие ту землю, которую я видел вдали, имели обыкновение приставать к этому острову и привозить сюда пленных, добываемых ими в стычках с враждебными племенами, убивать их тут и пожирать. Но об этом я буду говорить дальше.

Итак, очутившись на восточной оконечности острова, я был поражен совершенно неожиданным зрелищем. Весь берег в этом месте был усеян черепами, костя-

Посредине было углубление, в котором виднелись остатки костра.

ми рук, ног и других частей человеческого тела. Трудно описать, с каким чувством я смотрел на эту ужасную картину! Посредине было углубление, в котором виднелись остатки костра, а кругом тянулись дерновые скамьи, на которых, но всей вероятности, восседали гнусные людоеды во время своих ужасных пиршеств.

Это зрелище на время заглушило во мне чувство собственной безопасности. Я был подавлен впечатлениями, произведенными на меня адской жестокостью, следы которой я видел здесь, и ужасом перед таким зверством. Живя в мире, я слышал о лю-

доедах, но, тем не менее, никогда не мог представить себе ничего похожего на то, что увидел теперь собственными глазами. Меня начало тошнить, и я непременно лишился бы чувств, если бы меня не вырвало. Оправившись немного, я с ужасом оставил это страшное место и поспешил домой.

Отойдя на некоторое расстояние, я вдруг остановился, как пораженный молнией, поднял к небу наполненные слезами глаза и со сложенными на груди руками и чувством глубокого благоговения, возблагодарил Бога за то, что он создал меня не таким, как эти чудовища-людоеды, за то, что и в настоящем моем положении, как оно ни было ужасно, Он послал мне столько радостей, что я должен был не жаловаться, а благодарить Провидение, и, наконец, за то, что во всех моих бедствиях я мог утешить себя сознанием Его бытия и надеждой на Его милосердие и благословение; это сознание вознаграждало меня за все, что я перенес и что еще предстояло мне перенести.

Исполненный чувством благодарности к Богу, я возвратился в свою крепость, и теперь мое положение казалось мне не таким ужасным, как прежде. Я пришел к заключению, что людоеды никогда не приставали к острову с целью искать на нем добычи. Как видно, они или не нуждались в ней и поэтому не заботились узнать, есть ли что на острове, или же не рассчитывали найти на нем ничего для прожития и не забирались в ту часть, которая была покрыта непроходимыми лесами. Я прожил здесь около восемнадцати лет, не встретив ни малейших признаков человеческого существования, поэтому мог надеяться провести в таком же уединении и еще много лет, если только, конечно, нарочно не буду искать встречи с дикарями. Таким образом, вся моя забота теперь заключалась в том, чтобы как можно старательнее укрываться самому и скрывать место, в котором я жил, до тех пор, пока судьба не пошлет на остров других людей, перед которыми можно будет безбоязненно обнаруживать свое существование.

Я чувствовал такое отвращение к дикарям и к их зверским обычаям, что одна мысль о том, что они бывают на противоположном конце острова, держала меня в постоянном унынии и тоске, так что в течение целых двух лет я не мог решиться выходить за пределы своего округа. «Своим округом» я называл то пространство, на котором находились мои жилища и загоны для коз. Людоеды казались мне настоящими дьяволами, поэтому я страшно боялся встречи с ними. Я даже не решался сходить посмотреть свою лодку, предпочитая выдолбить другую, чем обойти еще раз остров и привезти ее к моему жилищу, опять-таки из боязни попасть в руки дикарей.

Однако, время и уверенность в том, что меня не найдут, понемногу рассеяли мои страхи, и я опять стал вести свою прежнюю тихую и покойную жизнь, с тою лишь разницей, что теперь при выходе из дома я начал принимать больше предосторожностей. Между прочим, я перестал стрелять, чтобы не привлечь внимания дикарей, если они в это время находились на острове. К счастью, в стрельбе и не было особенной надобности. Имея свое стадо коз, я не терпел недостатка в мясе, а если иногда мне и приходило в голову завладеть дикой козой, то я ловил ее с помощью капкана. Таким образом, в продолжение целых двух лет я не сделал ни одного выстрела. Тем не менее, я никогда не выходил невооруженным. С корабля мною было взято три пистолета, и два из них я постоянно носил за поясом. Кроме того, я отполировал и наточил большой нож, тоже найденный на корабле, и сделал для него ножны, которые всегда привешивал к поясу. Если к этому описанию добавить еще то, что у меня с боку ви-

села сабля без ножен, то читатели получают ясное понятие о том, какую я представлял из себя грозную фигуру, когда выходил из дому, особенно, в своем лохматом одеянии.

Хорошо, что у меня было почти все необходимое в моем хозяйстве, а то ужас перед отвратительными людоедами и постоянные заботы о своей безопасности сильно притупили мои изобретательные способности и парализовали мой ум. Я даже совершенно забросил один проект, выполнение которого могло бы принести мне несомненную пользу, то есть делать из ячменя солод и варить пиво. Положим, это намерение, принятое мною за некоторое время перед тем, как меня так напугал след человеческой ноги, было довольно необдуманно, и я сам потом часто смеялся над ним, так как у меня не было самых необходимых принадлежностей для пивоварения, и заменить было их положительно нечем. Во-первых, у меня не было бочек для хранения пива. Я уже говорил, что потерял целые дни, недели и месяцы в попытках сделать бочонок, и не достиг цели. Во-вторых, не было хмеля, чтобы придать пиву крепость, и дрожжей, чтобы привести его в брожение, не имелось также ни котла, ни чугуна, в которых можно было бы варить его. Несмотря на все эти недостатки, я, быть может, все-таки принялся бы за дело и, пожалуй, даже преуспел бы в нем, так как, — в чем уже мог убедиться читатель, — я доводил почти каждое задуманное предприятие до конца, но мне мешал страх ввиду грозившей опасности нашествия дикарей. Этот страх заставлял меня забывать об улучшениях моего быта и направлял мои мысли в совершенно другую сторону.

День и ночь я только и думал о том, чтобы убить хоть нескольких из этих чудовищ во время их кровавого пиршества и, если бы было возможно, спасти от их зверства те несчастные жертвы, которые они привозили на мой остров для того, чтобы упиться их кровью. Я написал бы книгу, несравненно больше этой, если бы мне вздумал описать все, что приходило мне в голову, и что я изобретал, чтобы, если и не совершенно уничтожить орду дикарей, то, по крайней мере, хотя напугать их так, чтобы они не осмеливались больше являться на мой остров. Но ничто из придумываемого мной, конечно, не годилось для достижения моей цели. Мне приходилось действовать одному, а что мог сделать один человек с толпою дикарей, вооруженных луками и стрелами, которыми они убивают так же метко, как я из своего мушкета?

Иногда мне приходила мысль сделать подкоп под тем местом, на котором происходили отвратительные пиршества дикарей, то есть положить в том углублении, где они разводили костер, несколько фунтов пороху, так, чтобы произошел взрыв, когда зажгут огонь, и вся бы их дьявольская компания взлетела на воздух. Но мне было жаль тратить столько пороху, тем более, что у меня оставался в запасе всего один бочонок, притом я не был уверен, что взрыв последует вовремя. Легко могло случиться, что молния ударит в порох раньше, чем явятся дикари, и все пропадет даром. Я оставил этот план и составил другой. Я решил устроить в удобном месте засаду и сделать по дикарям залп из трех ружей в самый разгар их кровавого пиршества. Я хотел начать стрельбу лишь в тот момент, когда можно будет наверное рассчитывать убить или хотя ранить каждым залпом двух-трех человек. После этого я с саблей и двумя пистолетами в руках мог броситься на остальных. Я нисколько не сомневался в том, что уложу всех на месте, хотя бы их было человек двадцать. В течение многих недель я до такой степени был поглощен этой мыслью, что часто видел во сне, будто сижу в засаде и готовлюсь стрелять в людоедов. Исполненный глубокого негодования и омерзения к этим варварам, я несколько дней подряд бегал отыскивать место для засады.

Со склона одного из холмов я мог безопасно наблюдать прибытие лодок.

Чтобы более проникнуться жаждой мести, я раза три подолгу сидел около остатка костра и смотрел на разбросанные кости, так что, в конце концов, более или менее привык к этому ужасному зрелищу. Однако, всегда кончалось тем, что во мне опять брал верх ужас, и я убегал без оглядки домой.

Тем не менее, я не отказывался от моего намерения и даже отыскал удобное место для приведения в исполнение своего плана. Со склона одного из холмов я мог безопасно наблюдать прибытие лодок, а оттуда, пока дикари будут высаживаться, незаметно пробраться в чащу деревьев. Там было одно громадное дерево с большим дуплом, в котором легко было спрятаться. Из этого дупла я мог свободно наблюдать за всеми действиями дикарей и стрелять в них, когда они соберутся в тесный кружок, так что обязательно должен был уложить несколько человек каждым залпом.

Найдя, что лучше этого места нельзя было и желать, я приготовил оружие — два мушкета и охотничье ружье. Мушкеты я зарядил несколькими кусками свинца и четырьмя или пятью пистолетными пулями, а охотничье ружье — горстью крупной дробы. Пистолеты тоже зарядил пулями. Кроме того, я взял по три запасных заряда для каждого оружия и, таким образом, мог идти на какое угодно сражение.

Составив подробный план похода и в воображении уже приводя его в исполнение, я стал каждое утро ходить на тот холм, с которого мог увидеть прибытие дикарей. Этот холм находился на расстоянии трех миль от моего главного жилища, и с него открывался обширный вид на море.

Прошло два или три месяца. Во все это время я не видел ничего похожего на лодку, хотя почти не выпускал из рук зрительной трубы.

Мне ни разу не пришел на ум вопрос, какое, в сущности, я имею право таким предательским образом убивать людей, хотя и диких и совершающих то, что, по моим

понятиям, было одним из самых гнусных преступлений, но мне лично не сделавших еще никакого зла? Находясь под влиянием негодования и отвращения, я даже не давал себе труда разобрать характер преступления этого народа, которому, как кажется, само Провидение, в своем мудром устройстве жизни на земле, предназначило оставаться в состоянии зверей с самыми грубыми инстинктами. Не имея другого руководителя, кроме этих инстинктов, эти люди создали ужасные обычаи, которые, очевидно, переходили в течение веков от одного поколения к другому и считались у них совершенно естественными.

Наконец, мне надоели мои бесцельные ежедневные путешествия, и я прекратил их. Когда я поуспокоился, то мои мысли приняли совершенно другое направление, и я предложил себе вопрос: «кто дал мне право, кто уполномочил меня быть судьей и палачом этих несчастных созданий, которым, быть может, само Небо предопределило быть исполнителями Его правосудия? Разве я знаю, как смотрит Бог на то, что я считаю преступлением? Ведь эти люди не знают различия между добром и злом, стало быть, не сознают и греха, и совесть в них молчит. Их разум не возмущается, они не ведают, что творят, и если творят зло, то совершенно бессознательно, не так как совершаем грех мы; мы хорошо знаем, что это грех, но все-таки делаем его, пренебрегая правосудием Божиим. Для дикарей, не просвещенных светом христианской религии, умертвить военнопленного и есть человеческое мясо — то же самое, что для нас убить быка и есть его мясо».

Рассуждая дальше в том же духе, я пришел к убеждению в полной своей несправедливости к этим несчастным дикарям, которых, в сущности, точно так же нельзя клеймить названием убийц и преступников, как тех христиан, которые на войне предают смерти своих пленных и истребляют разом целые армии. Кроме того, мне пришло на ум и следующее соображение. Положим, что обычай пожирать друг друга в высшей степени жесток и бесчеловечен, но какое же отношение он имеет лично ко мне? До сих пор дикари не причинили мне ни малейшего зла. Если бы они покушались на мою жизнь, и я был бы вынужден, в силу самозащиты, произвести на них нападение, тогда, конечно, другое дело. Но я вне их власти, они даже не подозревают о моем существовании, а следовательно, и не могут иметь против меня никаких злых намерений. Желая найти оправдание моему намерению покуситься на их жизнь, я должен был сначала найти оправдание всем тем жестокостям, которые совершали испанцы, когда истребляли миллионы таких же дикарей в Америке. Положим, эти дикари были идолопоклонниками и варварами, обычаи и религиозные обряды их были возмутительны, — как, например, обычай принесения в жертву идолам людей, — но, тем не менее, их, в сравнении с их палачами-испанцами, можно называть сущими невинными младенцами, так как они не ведали, что творили. Вся Европа и даже сами испанцы с чувством глубокого отвращения говорили впоследствии об истреблении американских дикарей, как о чудовищной бойне, произведенной с такой жестокостью и с таким зверским кровопролитием, какие никогда не могут найти оправдания ни перед Богом, ни перед людьми. Вот почему имя испанца стало с тех пор ненавистно каждому, кто носит в своем сердце чувство человеколюбия и христианского милосердия. Но разве только одни испанцы чужды сострадания к несчастным, разве только они одни воздвигали костры и гонения за веру?

Эти размышления заставили меня опомниться. Я оставил свое дурное намерение, придя к заключению, что задуманное мною нападение на дикарей будет в выс-

шей степени несправедливо, и что я не должен вступать в борьбу с ними до тех пор, пока они сами не вызовут меня на это, тем более, что у меня были средства защиты на тот случай, если бы дикари как-нибудь открыли мое существование. С другой стороны, я понял, что мое глупое намерение наброситься на дикарей скорее могло погубить меня, потому что если мне не удастся истребить всю компанию дикарей, которые могли собраться на острове, и хоть один из них уцелеет, то он возвратится к себе домой, соберет там тысячи соплеменников и явится с ними отомстить мне за смерть погибших. Таким образом, я своим необдуманным планом мог бы навлечь на себя действительно страшное несчастье, которое пока угрожало мне лишь в моем чересчур пылком воображении. Из всего этого я сделал вывод, что не только нравственные, но и политические соображения заставляют меня отказаться от всякого вмешательства не в свое дело, и что в моем положении следовало держаться одного — употреблять все средства только на то, чтобы скрыть свое пребывание на острове, не оставляя на виду ни малейшего следа, который мог бы навести на мысль о существовании здесь человека.

Этим путем, с помощью соединения религиозного чувства с благоразумием, я пришел к убеждению, что я поступал очень дурно и глупо, строя планы истребления людей, против меня лично ничем не провинившихся. Преступление дикарей было преступлением целого народа, а судить и карать целые народы — дело Бога, а не человека.

Когда все это с полной ясностью представилось моему сознанию, я почувствовал высокое нравственное удовлетворение в том, что Небо не допустило меня совершить дела, которое по своей преступности ничем не отличалось бы от предумышленного убийства. Я упал на колени и поблагодарил Бога за то, что Он отвратил от меня грех пролития невинной крови, и просил Его избавить меня от рук варваров, и дал обещание поднять на них оружие не иначе, как по явному повелению Неба и для защиты собственной жизни.

Я прожил почти год в таком мирном душевном настроении. Но все это время я был так далек от своей прежней мысли напасть на дикарей, что ни разу не выходил на холм, откуда можно было бы видеть их пирог, если бы они стали приближаться к острову. Я боялся идти туда, чтобы снова не возбудить в себе враждебных чувств и намерений, и не соблазниться удобным случаем сделать нападение на несчастных дикарей во время их высадки на берег. Я ограничился только тем, что перевел свою лодку на восточную часть острова. Там я нашел небольшую бухточку, огражденную с трех сторон высокими утесами, в которую и поставил лодку. Так как около этой бухточки было очень быстрое течение, то я мог быть вполне уверен, что дикари не отважатся пробраться туда на своих маленьких пирогах. Мне и самому стоило немалого труда ввести в эту бухту свою лодку. Конечно, я перевел туда лодку вместе со всеми ее принадлежностями: мачтой, парусом и якорем. Таким образом, на противоположном моему жилищу берегу не оставалось ничего, что указывало бы на мое существование.

Как я уже говорил, я жил теперь более замкнуто, чем прежде и выходил из дому только для хозяйственных надобностей: подоить коз и присмотреть за стадом, находившимся в лесном загоне. Кстати сказать, стадо находилось там в полной безопасности: хотя загон и был расположен в противоположной от меня части острова, но в самой глубине его, куда, насколько я мог заметить, дикари никогда не заходили, ограничиваясь пребыванием на берегу. Но я все-таки не был уверен, что им никогда не

придет охота ознакомиться со всем островом и пройти его из конца в конец. Я не мог без ужаса представить себе, что бы было со мной, если бы они встретили меня в то время, когда я, почти безоружный, с одним лишь ружьем, заряженным дробью, бродил по всему острову, отыскивая дичи. В самом деле, что случилось бы со мной, если бы я, вместо того, чтобы увидеть только след ноги, столкнулся бы лицом к лицу с пятнадцатью или двадцатью дикарями, и мне нельзя было бы скрыться от них? Последствия этой встречи с такой живостью рисовались в моем воображении, так подавляли мою душу, что я не мог придумать, что предпринять для своей защиты, если бы в самом деле случилось что-либо подобное. Я, наверное, не оказал бы дикарям ни малейшего сопротивления, потому что даже и теперь, после стольких соображений и приготовлений, я не знал, как защитить себя в случае нападения на меня многочисленной шайки. Под влиянием таких мыслей я часто впадал в глубокую меланхолию, которая, однако, обыкновенно, разрешалась чувством искренней признательности к Провидению, избавлявшему меня до сих пор от опасностей и непредвиденных человеческим умом несчастий, бедствий и страданий.

Раздумье обо всем этом навело меня на прежние мысли о милосердном предопределении Неба относительно опасностей, угрожающих нашей жизни. Как часто мы чудесным образом избавляемся от несчастий, даже и не ведая о том, что они нам угрожали! Как часто мы останавливаемся в нерешительности и колеблемся избрать тот или другой путь в жизни, и тайное внушение направляет нас по дороге, вовсе не той, на которую влекло нас наше чувство, наши желания, а подчас даже наши обязанности! И мы, повинувшись этому внушению, этой невидимой силе, действующей на нас, идем по указанному ею пути, сами не понимая, зачем мы это делаем! Разбираясь впоследствии в своих поступках, мы часто видим, что если бы пошли туда, куда хотели сами, то пришли бы к своей гибели. Путем подобных размышлений я выработал себе правило всегда следовать этому тайному внушению, направляющему нас ко благу, и не поддаваться сразу чувству в том случае, когда в уме возникают сомнения относительно выбора того или другого пути. Я мог бы представить много примеров из своей жизни, в особенности из эпохи моего пребывания на острове, которые показали бы, как полезно руководиться внутренним голосом, толкающим нас против нашей воли в ту или другую сторону. Скольких бедствий я бы избежал, если бы раньше понял это! Но сделаться благоразумным никогда не поздно, поэтому я рекомендую не только тому, кому суждено пережить столько необыкновенных событий, как было суждено мне, но и каждому человеку, не оставлять без внимания этих указаний Провидения, которое постоянно печется о нас.

Я не буду входить в подробное рассмотрение этого удивительного явления, потому что не сумею объяснить его причины, но должен сказать, что я пришел к убеждению, что оно служит доказательством духовного общения и тайной связи между нашим телом и душою. Я не раз буду иметь случай подтвердить это многими событиями из своей жизни во время моего дальнейшего пребывания на этом острове.

Читатель, я думаю, не удивится, если я признаюсь ему, что, проводя жизнь под давлением вечных беспокойств и тревожного ожидания опасностей, я положил конец всем предприятиям и улучшениям, к которым сначала стремился с целью поднять свое благосостояние. Теперь я был поглощен заботами уже не об удобствах своей жизни, а лишь о сохранении ее. Из опасения, как бы не привлечь на себя внимания дикарей, я не решался даже вколотить простой гвоздь, не говоря уже о том, чтобы ру-

бить деревья или стрелять. Я разводил огонь в вечном страхе и беспокойстве, как бы дым, который днем виден издалека, не сделался моим предателем. Опасаясь этого, я перенес производство тех вещей, которые требовали употребления огня, как, например, обжигание глиняных сосудов, в лес, в свое второе укрепление. Там я через некоторое время сделал открытие, которое привело меня в неописанный восторг. Дело в том, что я нашел природную пещеру, и смею уверить, что ни один дикарь, нечаянно увидавший эту пещеру, не решился бы проникнуть в нее, не будучи поставлен вперед необходимостью искать, подобно мне, верное и безопасное убежище.

Вход в пещеру находился у подножия громадного утеса. Я наткнулся на нее в то время, когда обрубал сучья с деревьев для угольев. Я мог бы назвать это счастливой случайностью, если бы не имел тысячи поводов усматривать в таких «случайностях» руку Божественного Промысла. Но прежде, чем продолжать, я должен объяснить, для чего я готовил уголья. Я уже говорил, что я боялся в своем жилище разводить огонь, чтобы дым не выдал моего присутствия. Но без огня я не мог ни печь хлеба, ни варить, ни жарить себе мясо. Поэтому я решил обжигать дрова в лесу под травой, как это делают в Англии, с тем, чтобы, когда они догорят и как следует обуглятся, тушить и сохранять уголья. Эти уголья я потом переносил к себе домой и готовил на них все, что мне было нужно, не боясь дыма.

Итак, в один прекрасный день, когда я со всевозможными предосторожностями рубил в лесу сучья, я вдруг заметил углубление в утесе против того места, на котором я стоял. Любопытство подстрекнуло меня посмотреть, что это такое. Подойдя ближе, я заметил, что это вход в пещеру. С трудом пробравшись сквозь колючий кустарник, почти совсем закрывавший вход, я вошел в пещеру, которая оказалась настолько велика, что в ней свободно могли поместиться два человека. Надо признаться, что я вышел оттуда гораздо скорее, чем вошел, так как в то время, когда я всматривался в темную глубь пещеры, я внезапно увидел два больших блестящих глаза. Я не знал, кому принадлежали эти глаза: дьяволу, человеку или животному, я мог констатировать лишь тот факт, что они горели, как раскаленные уголья. После минутного размышления, я успокоился и обозвал себя тысячекратным дураком за этот страх. Человеку, прожившему двадцать лет в совершенном одиночестве на пустынном острове, нечего пугаться кого бы то ни было, и по всей вероятности, в этой пещере не может быть ничего страшного.

Ободрившись таким образом, я взял горящую головню и с ней снова вошел в пещеру. Но сделав там шага три, я снова был охвачен испугом не меньше, чем в первый раз. Мне послышался сначала глубокий стон, такой стон, какой может испустить только душа, томящаяся в аду, потом какое-то невнятное и отрывистое бормотание, а затем опять страшный стон. Я в ужасе отскочил; на моем лбу выступил холодный пот, волосы поднялись дыбом, так что, кажется, будь у меня в эту минуту на голове, вместо моей неуклюжей шапки, шляпа, она не могла бы удержаться на месте. Но я еще раз собрался с духом и, внушив себе, что Бог везде, снова пошел вперед, высоко держа над головой свой импровизированный факел. Оказалось, что там, где я увидел два глаза, лежал на земле громадный старый козел, очевидно боровшийся со смертью; насколько я мог понять, он умирал от старости.

Я дотронулся до бедного животного, желая узнать, нельзя ли вывести его из пещеры. Козел сам попробовал подняться на ноги, но от слабости опять упал на землю. Тогда я решил, что лучше оставить его на месте, потому что, пока в нем хоть немного

тепилаась жизнь, он мог так же, как меня, напугать дикарей, если бы они случайно забрели в эту пещеру.

Окончательно успокоившись, я стал внимательно осматривать пещеру. Она занимала не более двенадцати футов и имела неправильную форму — ни круг, ни квадрат. Сразу было видно, что она сделана не руками человека, а самой природой. В глубине пещеры я заметил отверстие, которое было так мало, что я мог проползти в него только на четвереньках. Так как моя головня догорала, и вообще такого рода источники света были неудобны, то я решил отложить осмотр пещеры до следующего дня и явиться тогда со свечами и ружейным огнивом.

На другой день я пришел с полудюжиной толстых салных свечей собственного производства. Свечи эти я делал из козьего сала, а фитили к ним — из ниток, тряпья или из волокон одного растения, похожего на крапиву. Войдя в проход, я должен был проползти шагов десять. Я продолжал

смело подвигаться вперед, хотя не знал, что ждет меня в конце этого длинного, узкого и низкого ущелья. Благополучно миновав его, я очутился в другой сводчатой пещере, вышиной футов в двадцать. Смело могу сказать, что на всем острове не было другой такой великолепной картины, какая представилась моим изумленным глазам. У меня в каждой руке было по две горящих свечи, и огни их заставили вспыхнуть целые мириады разноцветных искр на стенах и в своде пещеры. Вся пещера сверкала и блестела, точно ее стены и своды были украшены всевозможными драгоценными камнями.

Бесспорно, это была одна из прелестнейших пещер в мире. Вся ее поверхность была как отполированная, а внизу лежал слой мелкого песка. Нигде не было видно ни малейших

следов ядовитых гадов, которые обыкновенно скрываются в пещерах, ни сырости, ни испарений, все было сухо, чисто и прекрасно. Один лишь вход в эту пещеру был не-

Я дотронулся до бедного животного, желая узнать, нельзя ли вывести его из пещеры.

удобен, но это неудобство являлось для меня большим преимуществом, так как гарантировало мне полную недоступность этого места для других. Я был в восторге от своего открытия и решил немедленно переправить в эту пещеру все, что было для меня наиболее ценным, а именно: порох и запасное оружие — два охотничьих ружья и три мушкета. У меня всего было восемь мушкетов, из которых пять были вставлены в отверстия моего внешнего редута на случай нападения и играли роль крепостных пушек.

Для того, чтобы перенести порох, я должен был откупорить бочонок с тем порохом, который был подмочен. Открыв бочонок, я увидел, что вода проникла в него только пальца на два или на три, и размокший, а потом высохший порох образовал кору, в которой, как в предохранительной скорлупе, лежал вполне сохранившийся порох, количеством около шестидесяти фунтов. Это было тоже очень приятным для меня открытием. Я оставил в своем главном укреплении только три фунта пороха на всякий случай, а весь остальной перенес в новую пещеру, туда же я перетащил и свинец, из которого лил пули.

Теперь я представлял собою одного из тех древних исполинов, которые, по народным сказаниям, жили в пещерах и ущельях недоступных скал. Я был убежден, что, укрывшись в этой пещере, я буду в полной безопасности от преследования дикарей, хотя бы их было и несколько сот, потому что я отлично мог один защищать узкий проход в пещеру.

Старый козел окончил свою жизнь на другой же день после того, как я в первый раз был в пещере. Я вытащил его на поляну и зарыл в землю.

Шел двадцать третий год моего пребывания на острове, и я так привык к нему и к своему пустынноческому образу жизни, что будь у меня только уверенность в том, что дикари не тронут меня, я охотно подписал бы договор провести здесь всю остальную жизнь до той самой минуты, когда смерть сразит меня в пещере, подобно тому, как она сразила старого козла. Я изобрел себе некоторые развлечения и забавы, доставлявшие мне приятное развлечение. Так, между прочим, как уже было замечено, я выучил говорить моего Поля, который охотно болтал со мной, ясно и отчетливо выговаривая заученные слова, чем немало потешал меня. Он прожил со мной двадцать шесть лет, а сколько еще прожил после меня, не знаю. Мне говорили в Бразилии, что попугаи живут до ста лет. Быть может, в ту самую минуту, когда я пишу эти строки, Поль сидит на дереве моего острова и кричит по-прежнему: «Бедный Робин Крузо! Где ты?». Я не желаю никому из моих соотечественников быть выброшенным, подобно мне, на этот остров, но если это случится, и он услышит болтовню моего попугая, то, наверное, примет его голос за голос какого-нибудь сверхъестественного существа.

Собака была моим верным товарищем и другом в течение шестнадцати лет и умерла от старости. А что касается кошек, то я уже говорил, что они так сильно размножились, что я был вынужден истреблять их, чтобы сохранить свою провизию. После того, как покончили жизнь те две старые кошки, которые были взяты мною с корабля, я держал у себя из их потомства только трех, а остальных не кормил, и они убежали в лес и там совершенно одичали. Впоследствии я стал уничтожать котят непосредственно после их рождения. Кроме того, на моем дворе жили три ручных козленка, которых я кормил из рук, и два попугая, тоже выучившиеся называть меня по имени, хотя и не так ясно, как Поль, потому что с ними я меньше возился. Были у

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

меня и ручные морские птицы, названия которых я не знал. Я поймал их на берегу, подрезал им крылья и держал у себя.

Молодые побеги деревьев, посаженные мною вне укрепления, разрослись в густой тенистый лесок, населенный массой мелких птичек, доставлявших мне большое удовольствие красивою окраской своих перьев и своим разнообразным пением.

Таким образом, как я уже заметил, не будь дикарей, я был бы вполне доволен своей жизнью на острове. Я уж думал остаться на нем навсегда, но судьба решила иначе. Для всех, кто прочтет историю моей жизни, бесполезно будет сделать следующее справедливое замечание. Я убедился личным опытом, что часто то зло, которого мы более всего боимся, является, если можно так выразиться, дверью нашего спасения и единственным средством для избавления нас от многих скорбей и бедствий. Вер-

Я однажды утром был очень изумлен, увидев милях в трех от меня на берегу огонь костра.

ность этого замечания я мог бы подтвердить множеством примеров из своей жизни, но довольно будет, если я в течение этого рассказа приведу только некоторые из них.

В декабре двадцать третьего года моей жизни на острове, во время жатвы, я однажды утром был очень изумлен, увидев милях в трех от меня на берегу огонь костра, не на том берегу, куда обыкновенно приставали дикари, а, к великому моему удивлению, на том, где жил я сам. Страшно испуганный этим неожиданным зрелищем, я остановился, не зная, что делать. Правда, я сразу сообразил, что сам-то сумею укрыться от дикарей, но меня мучила мысль, что они увидят мои поля, поймут, что на острове есть люди, и начнут отыскивать их, причем могут найти меня. Я возвратился в свое главное укрепление, поспешил придать ему снаружи по возможности дикий и естественный вид, потом поднял за собою обе лестницы.

Затем я вооружился и приготовился к защите на случай нападения. Я зарядил все свои «пушки», как я называл мушкеты, вставленные в отверстия наружного укрепления, все пистолеты и охотничьи ружья и решил бороться до последнего вздоха. При этих приготовлениях я не забыл поручить себя покровительству Бога и молил Его избавить меня от рук варваров.

В приготовлениях к обороне и в молитве прошло с лишком два часа, и мне наконец захотелось узнать, что делается теперь на берегу. К сожалению, у меня некого было послать туда. Подумав некоторое время и не будучи в состоянии более находиться в неизвестности, я с помощью своих лестниц взобрался на вершину горы, под которой ютился, и, улегшись там на земле, стал смотреть в захваченную с собою зрительную трубу. Я увидел вокруг костра, привлечшего мое внимание, человек десять совершенно обнаженных дикарей. Так как было очень жарко, то не трудно понять, что дикари развели костер не с тем, чтобы обогреться, а, по всей вероятности, для того, чтобы приготовить себе какое-нибудь ужасное лакомство из человеческого мяса, привезенного ими с собою живым или мертвым. Жертву их, однако, я не мог разглядеть.

У берега стояли две пироги. Было время отлива, и я подумал, что во время прилива дикари, вероятно, отправятся обратно. Трудно представить мое смущение при виде этих дикарей и при мысли о том, что они стали теперь появляться на моей стороне и даже так близко от меня. Но когда я подумал, что они, вероятно, пристали к этой части острова просто случайно, и, что поэтому, мне нечего бояться их, потому что с приливом они уберутся восвояси, это несколько успокоило меня, так что я бодро спустился с горы и продолжал заниматься по хозяйству. Действительно, как только начался прилив, дикари уселись в свои пироги и быстро удалились от острова. Перед этим, как я опять видел их в трубу, они долго предавались дикой пляске. Я не мог разобрать, были ли между ними женщины.

Как только дикари убрались, я взял два мушкета, засунул за пояс пару пистолетов, саблю и быстро отправился к тому месту, где в первый раз увидал след человеческой ноги. Прибыв туда только часа через два, потому что не мог идти скоро с двумя тяжелыми мушкетами на плечах, я нашел на песке следы трех других пирог. Взглянув на море, я увидел, как эти три пироги, наполненные дикарями, присоединились к тем двум, которые были на моей стороне, и вместе с ними направились к материку. В некотором расстоянии от берега я нашел ужасные остатки страшного пиршества: кровь, кости и куски человеческого мяса. При виде этого мною опять овладело такое негодование, что я снова начал составлять планы нападения на людоедов при первой же встрече с ними, в каком бы количестве они мне ни попались.

Но, вероятно, дикари очень редко навещали мой остров, потому что прошло пятнадцать месяцев, в течение которых я не видал ни их самих, ни их новых следов. В периоды дождей они, должно быть, тоже не выходили из своих хижин и уж, во всяком случае, не совершали путешествий.

Однако, все это время я влачил самую жалкую жизнь. Опасение быть захваченным дикарями врасплох не давало мне ни на минуты покоя. Из такого состояния я по собственному опыту вывел заключение, что ожидание несчастья более мучительно, чем само несчастье, в особенности, если нет сил отделаться от этого ожидания и побороть свой страх.

Вместе с тем, я все время носился со своими планами относительно нападения на дикарей, как только они опять появятся на острове, особенно, если они опять будут разделены на две партии, как это было в последний раз. Только потом я понял, что мог бы употребить свои мыслительные способности на более лучшее дело, чем на составление таких подлых планов. Мне тогда и в голову не приходило, что если, например, сегодня я истреблю банду в десять или двенадцать человек, то завтра, через неделю или через месяц мне придется иметь дело с такою же бандой, затем с третьей и так далее без конца, и что поэтому я сделаюсь таким же гнусным убийцей, как они, если только не хуже.

Итак, я жил в вечном страхе и беспокойстве, постоянно ожидая нападения дикарей. Если я когда и решался выходить из своего укрепления, то не иначе, как приняв всевозможные предосторожности и на каждом шагу боязливо озираясь по сторонам. Хорошо еще, что я вовремя догадался завести себе коз: это избавляло меня от необходимости охотиться. С тех пор, как я стал бояться нападения дикарей, я избегал всего, что могло бы обратить на меня их внимание, а звук выстрела непременно должен был бы поразить их слух и навести на мысль о существовании на острове человека. Положим, сначала дикари испугались бы выстрела и, наверное, убежали бы, зато потом они могли вернуться в количестве нескольких сот человек и отыскать меня.

Но, как я уже сказал, прошел год и три месяца прежде, чем я снова увидел дикарей. Как это случилось, будет рассказано в своем месте. Быть может, они и приезжали несколько раз в течение этих пятнадцати месяцев, но или ненадолго, или же останавливались в таком месте, где я их не мог видеть. По моим расчетам, моя первая, лицом к лицу, встреча с дикарями, о которой я потом расскажу, произошла в мае месяце на двадцать четвертый год моего пребывания на острове.

Повторяю, что в течение с лишком года я не знал ни минуты душевного покоя. По ночам спал плохо и почти всегда видел страшные сны, от которых просыпался в испуге, и воспоминание о которых преследовало меня даже днем. Мне часто снилось, что я истребляю дикарей, причем я во сне оправдывал себя всевозможными доводами, точно наяву.

В середине мая, шестнадцатого числа, по моему деревянному календарю, вести который я все еще продолжал, весь день была сильная буря, сопровождавшаяся сильной грозой. Ночью буря превратилась в страшный ураган. Не будучи в состоянии спать, я читал Библию и размышлял о своем положении, как вдруг услышал звук точно пушечного выстрела на море. Эта неожиданность, конечно, очень поразила меня, но не в дурном смысле. Вскочив с места, я схватил лестницу и с помощью ее в три приема поднялся на вершину горы. В это время на море блеснул огонь, и через секунду над волнами гулко прокатился новый пушечный выстрел. По направлению, откуда слышался звук выстрела, я догадался, что выстрел сделан в той стороне океана, куда меня раз занесло было на лодке.

Вероятно, там проходили два корабля, из которых один находился в опасности и звал к себе на помощь другой, отставший от него или занесенный вперед. Мне пришлось на ум, что если я не в состоянии буду помочь этому кораблю, то он может оказать помощь мне. С этой мыслью я живо набрал сухих ветвей, свалил их в большую кучу под горой и зажег. Несмотря на порывы урагана, костер ярко запылал. Я был вполне уверен, что если на море действительно есть судно, то оно должно заметить мой костер. Так и случилось: едва огонь разгорелся, как раздался третий выстрел, за которым последовали несколько других. Всю ночь до рассвета я поддерживал огонь,

а когда совсем рассвело, то увидел на западе от острова какую-то большую и темную массу. Даже в зрительную трубу я не мог рассмотреть, целый ли это корабль или только остатки от него: слишком велико было расстояние, и, кроме того, мешал туман.

В течение дня я несколько раз принимался делать наблюдения над замеченным мною утром предметом. Из того, что неизвестный предмет не двигался с места, я заключил, что это, наверное, корабль, стоящий на якоре. Сгорая нетерпеливым желанием убедиться в этом, я взял ружье и поспешил на южную сторону острова, к той скале, куда пристал во время моей неудачной морской прогулки. Возбравшись на вершину скалы, я мог благодаря прояснившемуся небу рассмотреть то, что я считал кораблем. Но, к моему величайшему прискорбию, я увидел теперь, что это только остов корабля, засевшего на мели между скалами, в том самом месте, где был, так сказать, узел двух течений, из которых одно послужило путем к спасению меня от опасности быть увлеченным на небольшой лодке в открытый океан. Но то, что было спасением одному, сделалось причиною гибели других. Вероятно, корабль был занесен сюда ночью ураганом, несшимся с северо-востока.

Выстрелы с корабля после того, как я зажег костер, доказывали мне, что экипаж заметил огонь. Что же потом могло с ним случиться? Быть может, экипаж старался добраться до острова на лодках, но они не достигли берега по причине страшно бушевавших волн. Но могло быть и так, что корабль раньше лишился своих лодок, что иногда случается во время бурь; бывает, что и сами матросы выбрасывают в море собственными руками лодки, как лишнюю тяжесть, и этим отнимают у себя последнее средство к спасению. А может быть, другой корабль поспешил на сигналы о бедствии первого и принял к себе на борт весь экипаж погибавшего судна. Наконец, могло случиться и то, что экипаж был в лодках унесен назад в открытое море, где несчастных ожидают одни бедствия и гибель, и где, в силу страшной необходимости, они будут пожирать друг друга, подобно людоедам!

Как бы там ни было, но на острове и около него не было и следа людей, бывших на корабле. Куда же, в самом деле, они все могли деваться? Раздумывая о них, я глубоко скорбел об их горькой, во всяком случае, участи. Вспомнив, что я сам был близок к той же участи, и что одно неисчерпаемое милосердие Божие спасло меня, я взглянул на небо и возблагодарил Творца за Его милости ко мне. В самом деле, из всех людей, находившихся на кораблях, заброшенных бурей к этим берегам, не спаслось ни одного человека, кроме меня. Разве это не было чудом? Теперь я ясно видел, что Провидение редко ввергает человека в пучину таких бедствий, где нельзя было бы найти повода благодарить Бога, сравнивая эти бедствия с другими, выпавшими на долю еще более несчастных людей. Пример у меня был в глазах: люди, бывшие на корабле, остов которого лежал передо мной, без всякого сомнения, были несравненно несчастливее меня, потому что все погибли; не было никаких указаний, которые могли бы дать повод думать, что хоть кто-нибудь из них спасся, исключая разве только того случая, что они были взяты на борт другим кораблем; но тогда этот корабль не успел бы уйти так далеко, чтобы я теперь не мог видеть его. Как я ни напрягал зрение, глядя в подозрительную трубу, нигде не замечал ничего похожего на парус, который должен был бы еще быть виден на горизонте, если бы судно проходило здесь ночью.

У меня недостает слов, чтобы выразить страстные порывы и желания, возбужденные во мне этой катастрофой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— О, — восклицал я, простирая руки к небу, — если бы хоть двое или даже один человек спасся и попал ко мне на остров! Я имел бы товарища, с которым мог бы вместе жить и говорить.

Во все время моей одинокой жизни у меня ни разу еще не было такой пламенной жажды человеческого общества, и никогда я так глубоко не сожалел о том, что навеки лишен его.

В наших чувствах существуют как бы тайные источники, которые, будучи чем-нибудь затронуты, точно выходят на поверхность и увлекают нашу мысль с такой стремительностью в сторону предмета наших желаний, что мы долго не можем успокоиться и страшно мучаемся, не получая удовлетворения. То же самое было и со мной. Я так горячо желал увидеть хоть одного человека, что твердил, точно в бреду, тысячи раз одно и то же:

— О, если бы спасся хоть один человек!.. Только один!

Я был в таком страшном возбуждении под влиянием этого желания, что до боли стискивал себе руки и зубы, так что потом с трудом мог разжать пальцы и раскрыть рот.

Я нашел тело мальчика, выброшенное на берег недалеко от корабля.

Пусть физиологи объясняют сущность этих явлений, я же ограничусь только, тем, что отмечу поражавшие меня факты. Сила моего отчаяния, вероятно, происходила оттого, что я сознавал, каким было бы для меня утешением, если бы я смог общаться с таким же человеком, как я сам.

Но, очевидно, судьба не хотела, чтобы кто-нибудь спасся с корабля и сошелся со мной. Что же касается разбитого корабля, то я до последней минуты своего пре-

бывания на острове так и не узнал наверняка, спасся ли кто с этого корабля или нет. Я имел только несчастье через несколько дней после кораблекрушения найти тело мальчика, выброшенное на берег недалеко от корабля. На нем не было ничего, кроме матросской куртки, холщовых панталон, открытых на коленях, и синей рубашки. Указаний на его национальность не было никаких. В его карманах я нашел два пиастра и трубку для курения табака; последняя была для меня дороже всяких денег.

Море успокоилось, и у меня явилось сильное желание отважиться добраться в своей лодке до корабля. Без всякого сомнения на корабле можно было найти множество полезных для меня предметов. Но не это было главной побудительной причиной посетить его: меня больше всего влекла туда надежда, что там могут быть люди, или хоть один человек, которому я мог бы спасти жизнь и усладить этим свою собственную. Эта мысль так овладела мною, что не давала мне ни минуты покоя. Наконец, убежденный, что мое неодолимое стремление посетить разбитое судно было внушено мне самим Провидением, и что я совершу преступление, если не буду повиноваться ему, я решил отправиться на корабль.

Решив это, я начал делать необходимые приготовления к экскурсии в лодке. Я взял побольше хлеба, большой кувшин с водой, компас для определения пути, бутылку рома, которого у меня еще оставалось порядочное количество, и полную корзину винограда. Со всем этим я отправился к своей лодке, выбросил из нее песок, нанесенный ветром, спустил ее на воду и уложил в нее свой груз. Затем я вернулся домой и забрал оттуда еще мешок с рисом, зонтик для защиты от солнца, другой большой кувшин с водой, две дюжины лепешек из ячменной муки, бутылку козьего молока и кусок сыру. Все это я с трудом дотащил в один прием до лодки. Поручив себя милости Божией, я отчалил от берега и, работая то веслом, то багром, благополучно достиг крайней северо-восточной оконечности острова. Там я остановился и занялся решением вопроса — рискнуть мне плыть дальше или нет. Это было то самое место, где я однажды чуть было не погиб. Мужество мое начинало изменять мне, когда я смотрел на страшную быстроту течений, огибавших здесь остров с двух сторон. Я знал, что если попаду в одно из этих течений, то оно унесет меня далеко в море, я опять потеряю из виду остров и непременно должен буду погибнуть в своей утлой лодчонке при малейшем ветре.

Эти мысли так угнетали меня, что я готов был отказаться от своего опасного предприятия. Направив лодку в небольшой залив, я вышел на берег и, задумчивый и грустный, уселся там на небольшом возвышении.

Вдруг я заметил, что течение изменило свое направление, и начался прилив; это вынуждало меня обождать несколько часов, пока не окончится прилив. Тут мне пришлось в голову подняться на самый высокий холм в этой местности и оттуда следить за морем, чтобы знать, какого пути мне следовало держаться. Так я и сделал. Взобравшись на вершину большого холма, с которого я мог видеть оба противоположных берега острова, я начал делать свои наблюдения. Вскоре я удостоверился, что поток отлива начинался у самой южной оконечности острова, а течение прилива шло к северной. Из этого я сделал вывод, что должен держаться северного направления, чтобы попасть обратно домой.

Ободренный своими наблюдениями, я решил отправиться на корабль утром при первом отливе. Ночь я провел в лодке, укутавшись своим большим плащом. Утром,

сев снова в лодку, я стал грести по направлению к северу, пока не достиг течения, стремившегося на восток, которое подхватило мою лодку и быстро понесло ее, не сбивая, однако, с пути, как сделало когда-то южное течение, и не лишая меня возможности управлять лодкой по своему усмотрению. Имея лодку в моей власти, я через два часа усиленной работы веслом достиг разбитого корабля.

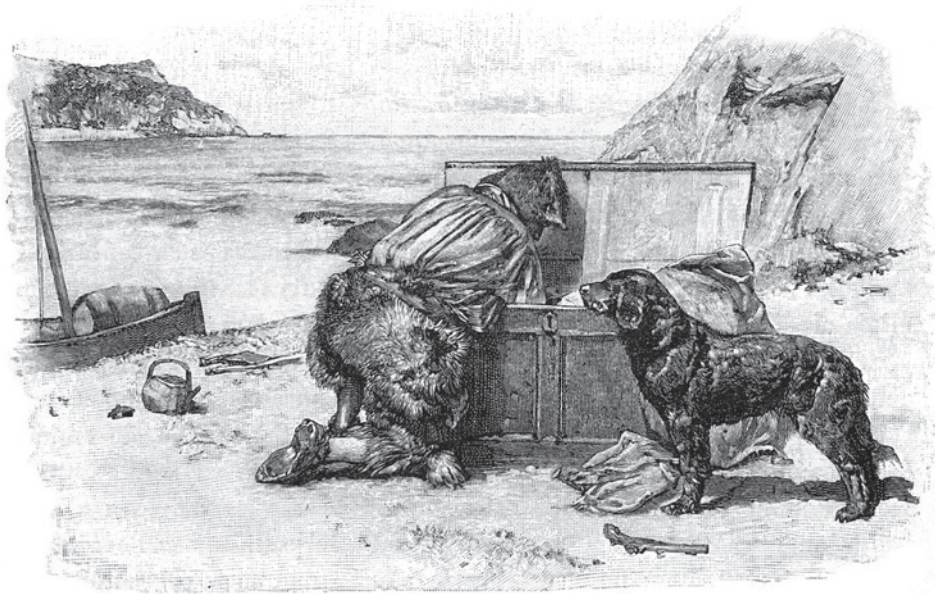
Боже, какая печальная картина представилась моим глазам. Судно, показавшееся мне испанским, судя по его конструкции, было сжато между двумя подводными скалами. Вся кормовая часть была разбита в куски, фок-мачта и грот-мачта были сломаны страшным толчком судна о скалы. Бушприт остался цел, как и вся передняя часть корабля. Когда я приблизился к кораблю, на его палубе вдруг появилась собака. Увидев меня, она начала лаять и визжать, и едва я позвал ее, как она бросилась в воду и подплыла ко мне. Я заметил, что собака умирала с голоду, и поспешил дать ей лепешку, которую она проглотила с жадностью волка, недели две голодавшего в снегах. Когда же я дал бедному животному пресной воды, оно, наверное, опилось бы, если бы я допустил.

Когда собака была накормлена и напоена, я взобрался на борт корабля. Прежде всего, мне бросились в глаза два мертвых человека на баке, крепко охвативших друг друга руками. Очевидно, их во время бури захлестнуло водой. Кроме этих двух мертвецов, я не нашел никого на корабле. Все, что я ни осматривал, было сильно попорчено водой. В нижней части судна я нашел несколько бочонков с вином или настойками, но они были слишком тяжелы, и я не мог взять их с собою. Кроме того, мне попало несколько сундуков, очевидно, матросских; два из них я спустил к себе в лодку, даже не осмотрев их содержания.

Если бы корма корабля не была разбита, я извлек бы много выгоды из своего путешествия. Судя по тому, что я нашел в сундуках, на судне должно было быть много дорогих вещей. Соображаясь с курсом, которого держался корабль, я предполагал, что он шел из Буэнос-Айреса или Рио-де-ла-Платы к северу, выше Бразилии, в Раванну, в Мексиканский залив, а оттуда, быть может, в Испанию. Наверное, на нем находилось немало сокровищ, погибших теперь для мира. Что случилось с экипажем, этого, повторяю, я так и не узнал.

Кроме сундуков, я нашел небольшой бочонок, содержавший около двадцати галлонов какой-то настойки на вине; эту находку я тоже с трудом переправил в лодку. В одной из кают я заметил несколько мушкетов и большой рог с порохом, в котором было приблизительно около четырех фунтов. Мушкетов у меня было довольно, поэтому я их оставил, а порох взял. Захватил также лопату и щипцы, в которых очень нуждался, две маленьких медных кастрюли, шоколадницу и железную решетку для жаренья мяса. С этим грузом и с собакой я при наступлении прилива отправился назад к моему острову, на который и прибыл около часа ночи, весь разбитый от усталости.

Эту ночь я тоже провел в лодке, а утром решил все взятое с корабля перенести не в главное свое укрепление, а во вновь открытую пещеру. Утром, позавтракав, я выгрузил лодку и начал разбирать все привезенное с корабля. В бочонке оказалась не настойка, как мне сначала показалось, а ром, но гораздо хуже бразильского. В сундуках я нашел множество очень полезных вещей. Так, например, в одном из них оказался красивый погребец с превосходными ликерами во флаконах с серебряною отделкой. Там же я нашел две банки с отлично сохранившимся вареньем и две другие, сильно

В сундуках я нашел множество очень полезных вещей.

попорченные морской водой. Кроме того, в этом сундуке находилось несколько новых полотняных рубашек, которым я, конечно, очень обрадовался, и полторы дюжины носовых платков. В платках я тоже нуждался, потому что мне нечем было отирать с лица пот во время жары. На самом дне сундука лежали три больших кошелька, наполненных пиастрами (всего около тысячи штук), сверток с шестью золотыми дублонами и несколько небольших слитков золота, весом каждый в несколько унций.

В другом сундуке нашлось несколько платьев, принадлежавших, вероятно, корабельному пушкарю, потому что там же лежали три склянки с порохом, хотя и не пушечным, а простым ружейным.

Осмотрев всю свою добычу, я пришел к заключению, что мое путешествие на корабль дало мне меньше полезного, чем я ожидал. Что касается денег, то они мне не были нужны, и я смотрел на них с таким же пренебрежением, как на грязь под ногами. Я с удовольствием отдал бы все найденное золото за три или четыре пары хороших чулок и английских башмаков, в которых сильно нуждался и без которых должен был обходиться уже несколько лет. Положим, я снял башмаки с мертвых матросов на корабле, да две пары нашел в одном из сундуков, но они далеко уступали нашим, английским, как в прочности, так и в форме, и скорее походили на туфли. Тем не менее, я был доволен и ими. Во втором сундуке я нашел еще пятьдесят пиастров; очевидно, владеец этого сундука был не так богат, как тот, которому принадлежал первый сундук.

Несмотря на то, что деньги не имели для меня никакой цены, я все-таки перенес их в пещеру и уложил вместе с теми, которые были найдены мною на нашем корабле. Я уверен, что не будь так разбит второй корабль, я нашел бы на нем столько золота, что мог бы несколько раз нагрузить им свою лодку. В случае, если бы мне удалось ка-

ким-нибудь образом вырваться с острова и вернуться в Англию, эти сокровища без-опасно могли бы пролежать в пещере до тех пор, пока я не возвратился бы за ними.

Разобрав всю свою добычу и сложив ее в надежном месте, я ввел пирогу в ту бух-точку, в которой она стояла раньше, и возвратился домой, решив более не ездить на корабль. Дома я все нашел в том же порядке, в каком оставил. Я повел прежний образ жизни, продолжая заниматься хозяйственными делами. В течение некоторого време-ни я был довольно спокоен, удвоив только свою бдительность. Выходил я редко и то лишь в восточную часть острова, где я не боялся встречи с дикарями, так как никогда не замечал их там, а поэтому и ходил туда почти безоружным.

Прошло еще около двух лет. К несчастью, моя голова, которая, казалось, была создана только для того, чтобы вовлекать меня во всевозможные бедствия, не дава-ла мне покоя, постоянно строя различные планы относительно того, как бы мне вы-браться с острова. Иногда я порывался еще раз побывать на затертом между подвод-ными скалами полуразбитом корабле, хотя дал себе слово не ездить более туда; я от-лично знал, что это рискованное путешествие не принесет мне никакой пользы. В другое же время я стремился отправиться к той земле, с которой приезжали дикари, чтобы узнать, нельзя ли будет на ней найти способ возвратиться в Англию, хотя это едва ли могло быть. Будь у меня лодка, вроде той, на которой я бежал из Саллэ, я на-верное, пустился бы в ней в открытое море, прямо, куда глаза глядят, лишь бы уйти с ненавистного мне острова.

Во всех обстоятельствах своей жизни я мог служить отпугивающим примером для всех людей, пораженных тою же ужасною язвою, которая является причиною всех наших бедствий; язва эта — недовольство положением, в которое человек по-ставлен Богом и природой. Я не говорю уже о своем сопротивлении советам отца и обо всех моих юношеских заблуждениях — они могли быть приписаны неопытности и задору молодости; но ведь я и в более зрелых летах, когда за мною был уже богатый жизненный опыт, продолжал делать все те же ошибки и не исправлялся от прежних грехов. Только благодаря своему вечному недовольству данным положением я и по-пал в такое, из которого не было никакого выхода. Если бы Провидение, которое помогло мне так хорошо устроиться в Бразилии, одарило меня еще способностью ог-раничивать мои желания, то теперь, после двадцати пяти лет, я, наверное, был бы од-ним из самых богатых бразильских плантаторов. Продолжая те способы действий, с помощью которых я тогда начал увеличивать свое благосостояние, я теперь уже имел бы громадное состояние.

Кажется, трудно поступить безрассуднее, чем поступил я, бросив хорошо устро-енное дело, которое обещало все более и более расширяться, чтобы отправиться в качестве приказчика в Гвинею покупать негров. Ведь впоследствии я мог бы наку-пить их сколько угодно, сидя у себя дома, у тех людей, которые более ничем не уме-ют заниматься, кроме торговли рабами. Положим, мне пришлось бы тогда немного переплатить, но только из-за одного этого стоило ли подвергать себя таким трудам и опасностям?

Безрассудство, обыкновенно, свойственно всем молодым людям; но с годами, под влиянием перенесенных неудач и несчастий, оно проходит. У меня же оно не проходило. Легкомыслие впустило в меня такие глубокие корни, что я никак не мог примириться со своим положением, как бы оно, в сущности, ни было хорошо; меня все что-то толкало навстречу новым бедствиям. Так же и теперь. Я все продолжал

придумывать способы бежать с острова, где мне жилось вовсе не так дурно, как я в действительности заслужил.

Чтобы сделать более интересным окончание этой части моего повествования, мне кажется не лишним описать, каким путем у меня зародились в голове нелепые планы побега с острова, и каким способом я думал привести их в исполнение.

Я уже сказал, что после поездки на разбитый испанский корабль у меня прибавилось мирских сокровищ, то есть денег, но от этого я не сделался богаче, чем был, так как эти сокровища могли принести мне на моем острове столько же пользы, как индейцам все их золото в Перу, цену которого они и не подозревали до прибытия к ним испанцев.

Однажды в марте месяце, на двадцать четвертый год своего пребывания на острове, я долго ночью не мог заснуть. Я был совершенно здоров, не чувствовал никакой боли, ничто меня не тревожило, а между тем, во всю эту ночь я не мог сомкнуть глаз.

Невозможно да и нет надобности передавать всю ту массу мыслей и воспоминаний, которые толпились в моей голове, пока я ворочался с боку на бок в своей постели, тщетно призывая сон. Я перебрал в сжатом виде все события своей жизни до прибытия на остров и во время пребывания на нем. Я сравнивал первые счастливые годы своей жизни на острове, когда мой покой не нарушался никакой боязнью, никакими страхами, с последними годами, после того, как я в первый раз увидел след человеческой ноги.

До этой минуты я не знал, что дикари посещают остров; они могли приезжать на него целыми сотнями, но я этого не подозревал, а потому был совершенно спокоен, не чувствуя никакой опасности. Я был так же счастлив в неведении окружавшей меня опасности, как будто ее совершенно не существовало. Размышления на эту тему навели меня на следующую мысль: как безгранично милосердие Провидения, в своей мудрости ограничившего все знание людей! Человек совершенно спокойно проходит среди тысячи опасностей, потому что не видит их, а если бы видел, то упал бы духом и жил бы в вечном страхе и отчаянии. В самом деле, в течение долгих лет я уверенно и спокойно ходил по всему острову, в то время, когда, быть может, только небольшой холмик, тенистое дерево или просто темнота ночи спасли меня от гибели, которая была бы неминуема, если бы дикари увидели меня. Попади я им на глаза, они, наверное, бросились бы на меня, убили бы и съели, по тому же самому праву, по которому я убивал и съедал коз, черепах и птиц.

Я был бы несправедлив к себе, если бы не прибавил, что эти размышления побудили меня выразить Творцу мое глубокое и искреннее чувство признательности за все оказанные Им мне милости. Я был вполне убежден, что без Его особого покровительства я непременно попал бы в руки дикарям.

Потом я задумался о людоедах. Я спрашивал себя, почему премудрый Творец допустил Свое создание до такого страшного падения, до такого осквернения человеческого чувства, чтобы пожирать друг друга, чего не делают даже звери? Но найти ответ на этот вопрос я не мог, поэтому стал думать о том, где собственно обитают те дикари, которые приставали к моему острову, для чего они предпринимали такие далекие путешествия, какого рода у них лодки, и, наконец, почему бы мне не добраться до их земли, раз они добирались до моего острова?

В эту минуту я не подумал, что будет со мною, если я переправлюсь к дикарям и попаду к ним в руки, можно ли мне будет достигнуть их берега так, чтобы они не за-

метили меня, и если заметят и начнут преследовать, то как мне спастись от них; если бы мне и удалось благополучно ускользнуть от них, то как я достану там провизии и куда направлю путь? Ни один из этих вопросов не приходил мне в голову. Я всецело был поглощен одним желанием и стремлением: немедленно сесть в лодку и направиться к той земле, которая была видна с острова. Мое настоящее положение опять стало казаться мне невыносимым, и хуже его могла быть разве одна только смерть. Мне думалось, что, достигнув той земли, я найду там помощь. В крайнем случае, я мог проехать вдоль берега до какой бы то ни было обитаемой земли или до тех пор, пока не встречу какой-нибудь христианский корабль, который возьмет меня к себе на борт, как это уже случалось со мной. Так или иначе, но хуже смерти ничего не могло случиться со мною, а смерть разом положила бы конец всем моим бедствиям.

Само собой разумеется, что такие безрассудные мысли могли быть плодом лишь чересчур расстроенного воображения. К тому же, меня сильно угнетало воспоминание о том страшном разочаровании, какое постигло меня, когда я нашел на корабле, разбитом бурей у берегов моего острова, только двух мертвецов, в то время, как я надеялся найти там живых людей, которые могли бы объяснить мне, где собственно я нахожусь и дать мне совет, как выбраться из этого проклятого места. Жестокий удар, разрушивший все мои надежды, сделал то, что мой ум как бы помутился, отнял мой душевный покой и лишил меня смирения перед волей Провидения. И вот, благодаря этому, у меня явилось непреодолимое стремление покинуть остров и искать людей, которых судьба, очевидно, отказывалась послать ко мне сама.

Под влиянием моих горьких размышлений, у меня волновалась кровь, сжималось сердце, и ускоренным темпом бился пульс. Я положительно изнемогал, точно в злой горячке. Наконец, под утро, совершенно измученный и обессиленный, я забылся и крепко заснул. Можно было бы предположить, что сновидения будут продолжением моих мыслей, но я видел другое. Мне снилось, будто к моему берегу причалили две лодки с одиннадцатью дикарями, которые вытаскивали на землю пленника, обреченного ими на смерть и съедение. Вдруг пленник вырвался из рук своих палачей и бросился бежать. Ему удалось добежать до рощи перед моим укреплением и спрятаться в ней. Заметив, что дикари потеряли его след и ищут его в другом направлении, я отправился за беглецом, разыскал его и с ласковой улыбкой пригласил следовать за собой в свое жилище. Едва только завидев меня, несчастный упал на колени и простер ко мне руки, умоляя о помощи и защите. Я указал ему на лестницу, приставленную к наружной стене укрепления, и старался объяснить, что у меня он будет в совершенной безопасности. Весь сияя от радости, с глазами, полными признательности ко мне, он вскочил и пошел за мной. С этой минуты у меня был преданный слуга, на которого я мог положиться. Тут мне пришла в голову следующая мысль. «Теперь мне можно будет рискнуть отправиться к той земле, которая виднеется с острова, так как этот человек будет моим проводником, укажет мне путь и вообще поможет мне спастись». С этой мыслью я проснулся. Сердце мое билось так, как обыкновенно бьются сердца при сильной радости. Я был весь охвачен лучезарной надеждой на скорое освобождение. Но когда я понял, что это был только сон, мною опять овладело глубокое отчаяние, и я совершенно упал духом.

Но потом, когда я несколько поуспокоился, это сновидение навело меня на то соображение, что мне действительно мог бы помочь выбраться с острова какой-нибудь благодарный дикарь, которого удалось бы вырвать из рук других дикарей, готовых

сожрать его. Ведь привозили же дикари ко мне на остров пленников из враждебных им племен, чтобы принести их в жертву своей отвратительной страсти к людоедству. Но для достижения этой цели мне оставалось одно: напасть на целую компанию дикарей и перебить их, а это было крайне рискованно и, кроме того, слишком жестоко. Не говоря уже о том, что я этим поступком подверг бы себя страшной опасности, я считал его в высшей степени безнравственным. Я содрогался при одной мысли об ужасном кровопролитии, которым обуславливалось бы мое освобождение. Хотя я и был вправе считать дикарей своими личными врагами, так как они непременно терзали бы меня, если бы я очутился в их власти, и поэтому убийство их было бы с моей стороны только актом самозащиты, но, тем не менее, повторяю, я не мог преодолеть своего отвращения к резне.

Однако же, после долгой внутренней борьбы, совершенно истерзавшей меня, жажда свободы одержала верх над всеми другими чувствами, и я решил во что бы то ни стало попытаться завладеть одним из дикарей и привязать его к себе тем или другим путем. Вопрос был теперь в том, как это сделать. Все планы, которые я последовательно строил один за другим, при ближайшем обсуждении оказывались нецелесообразными, так что, в конце концов, я остановился на решении наблюдать, когда подойдут к острову лодки с дикарями, тогда и действовать сообразно с обстоятельствами.

С этих пор я то и дело стал выходить из дому, взбираться на горы и до полного утомления сторожить прибытие дикарей. Наблюдения свои я делал большей частью на западной и юго-западной стороне острова. Однако ни одной лодки не показывалось. Мне было очень досадно, но я вооружился терпением и с каждым днем все сильнее и сильнее жаждал случая привести в исполнение свое намерение. Теперь я уже не избегал встречи с дикарями, как прежде, напротив, я страстно желал ее.

Мне приходило в голову и то, что хорошо было бы овладеть одним или двумя дикарями, чтобы воспитать их в духе христианской религии и сделать из них преданных себе слуг. Долго я утешался этой мыслью, но возможность осуществить ее все не являлась.

Так прошло полтора года. Дикари, как нарочно, не приезжали. Наконец, однажды рано утром, выйдя из укрепления, я, к своему изумлению, увидел не менее пяти лодок, причаливших к тому берегу, на котором я жил. На моих глазах дикари вышли на берег и скоро скрылись куда-то. Их было человек двадцать или тридцать, и это усложняло мою задачу. Как было мне решиться напасть одному на такое количество людей? Я вернулся в укрепление и, вместо того чтобы готовиться самому к нападению, стал принимать меры к отражению атаки со стороны дикарей. Долго я напряженно прислушивался, не раздастся ли шум, который доказал бы мне, что дикари открыли мое жилище и хотят ворваться в него; но все кругом было тихо. Потом мною овладело желание узнать, не отправились ли дикари опять восвояси. Поставив свои ружья у основания лестницы, я осторожно взобрался на гору и сел там так, чтобы меня не было видно снизу. В подзорную трубу я увидел, что тридцать человек дикарей расположились в одном месте вокруг костра, на огне которого что-то у них жарилось, но что именно, я не мог рассмотреть. Несколько времени спустя, они встали, взялись за руки и начали плясать вокруг костра, выделывая самые разнообразные движения и кривляясь, как обезьяны.

После пляски они вытащили из одной лодки двух связанных людей и привели к костру, вероятно, с целью убить и съесть. Через минуту один из пленников упал, оче-

Дикари начали плясать вокруг костра, выделявая самые разнообразные движения и кривляясь, как обезьяны.

видно, пораженный ударом дубины. Вслед затем двое дикарей принялись резать на куски тело своей несчастной жертвы, между тем как другой пленник, с которого сняли связывавшие его веревки, стоял около, ожидая своей очереди быть убитым. Но вот вдруг, когда внимание палачей было всецело устремлено на готовую уже добычу, пленник сорвался с места и с невероятною быстротой пустился бежать вдоль берега, прямо к моему укреплению.

Признаюсь, я сильно струсил, когда увидел, что этот человек бежит ко мне. Не будь такой массы его врагов, которые, наверное, бросятся за ним в погоню, я так не испугался бы, — напротив, скорее обрадовался бы. Казалось, мой сон сбывается. Беглец инстинктивно искал приюта в роще, окружавшей мое укрепление. Но в моем сне беглеца не преследовали, а теперь, наяву, я не мог надеяться на это. Однако, догонять пленника стали только трое, да и тех он настолько опередил, что они едва ли могли настичь его. Убедившись в этом, я ободрился. Было ясно, что беглецу удастся скрыться, и преследователи, видя безуспешность своих поисков, ни с чем возвратятся назад.

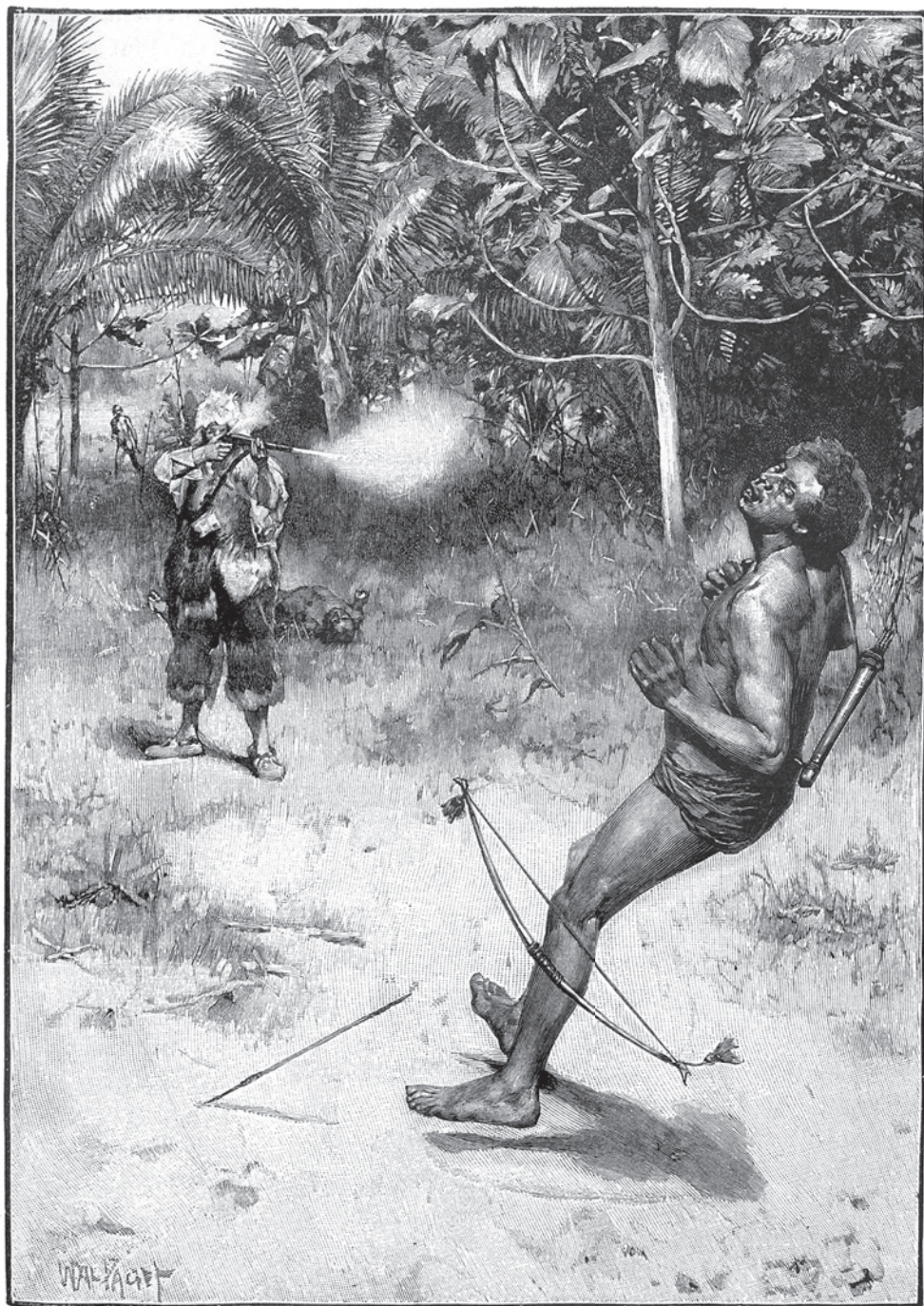
Я жадно следил в подзорную трубу за беглецом. К сожалению, ему вдруг преградил путь небольшой залив, о котором я раньше упоминал. Этот залив нужно было переплыть, и весь вопрос заключался теперь в том, успеет ли он сделать это раньше, нежели преследователи его настигнут. Но вот он со всего размаху бросился в воду и в какие-нибудь две-три минуты достиг противоположного берега, выскочив на который, снова пустился бежать со всех ног.

Преследователи тоже добежали до залива. Двое из них бросились в воду, а третий, очевидно, не умеющий плавать (что очень странно для дикаря), посмотрел им вслед, затем медленно пошел назад, и это, как оказалось потом, было счастьем для него.

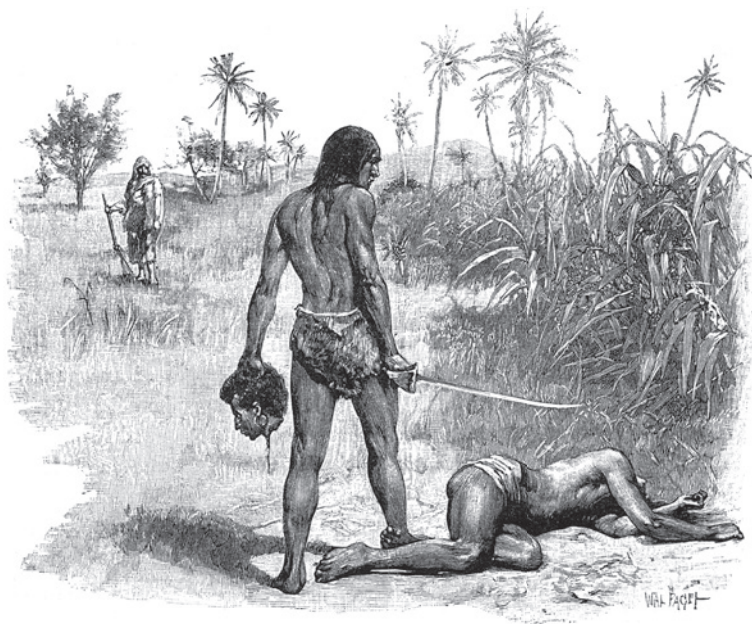
Насколько я мог заметить, те двое дикарей, которые теперь переплывали залив, были тоже не особенно важными пловцами, так что когда они вышли на берег, беглец был уже далеко от воды. Тут у меня явилось горячее и непреодолимое желание спасти несчастного дикаря. Очевидно, наступил-таки час, когда Провидение решило наконец помочь мне добыть не только слугу, но товарища и друга. Я поспешно спустился с горы, схватил ружье и бегом направился с ним наперерез беглецу. Увидев меня, несчастный видимо страшно испугался, думая, что я новый враг. Но я успокоил его знаками, пробежал мимо него и бросился на его преследователей. Первого я повалил ударом ружейного приклада в голову. Я боялся стрелять, чтобы не услышали остальные дикари, хотя они были так далеко, что едва ли могли бы услышать выстрел и даже заметить дым. Увидев своего товарища упавшим, второй преследователь в испуге остановился. Я было бросился к нему, но вдруг заметил, что он прицеливается в меня из лука. Это побудило меня поднять ружье и выстрелить раньше него. Дикарь упал, пораженный в грудь. Я обернулся к беглецу. Он был, очевидно, так испуган огнем и звуком выстрела, что точно окаменел на месте, и по его лицу было видно, что если бы он мог двигаться, то скорее убежал бы от меня, чем подошел, хотя я знаками и звал его к себе. Он дрожал с головы до ног, видимо, опасаясь попасть из одного плеча в другой. Я быстро подошел к нему и всевозможными ласковыми словами и движениями старался ободрить его и дать ему понять, что я не желаю ему ничего, кроме хорошего. Наконец, он понял это, упал на колени и оживленной жестикуляцией стал благодарить меня за спасение. Потом он нагнулся, поцеловал землю и, взяв мою ногу, поставил ее себе на голову. Этим он показывал, как я потом узнал, что дает клятву быть моим вечным рабом. Я поднял его с земли и, чтобы окончательно успокоить его, ласково взглянул на него и заговорил с ним мягким голосом, дружески похлопывая его по плечу.

Однако, с врагами еще не все было кончено. Я заметил, что дикарь, которого я сбил с ног прикладом ружья, еще жив и только оглушен ударом. Очевидно, он начал приходить в себя. Я указал на него пленнику, который в ответ произнес несколько непонятных мне слов. Хотя я ничего не понимал, тем не менее, с восторгом вслушивался в самый звук его голоса. Ведь я не слышал человеческого голоса в продолжение целых двадцати пяти лет! Но было не время наслаждаться. Мой новый товарищ с ужасом смотрел на приподнимавшегося врага. Я вновь поднял ружье и хотел было выстрелить, но, заметив это, спасенный мною дикарь знаками стал просить меня дать ему висевшую у меня сбоку саблю. Я исполнил его просьбу. Схватив саблю, молодой дикарь бросился на врага и одним ударом отсек ему голову, и притом так ловко, что позавидовал бы любой палач. Меня тогда очень удивила эта ловкость со стороны дикаря, который, как я был уверен, сроду не видел сабли. Но потом я узнал, что дикари сражаются деревянными мечами, которые они делают из дерева, твердого, как железо, и действуют ими не хуже железных. Покончив с врагом, дикарь торжественно возвратился ко мне, неся в одной руке саблю, а в другой голову своего преследователя, из которой ручьями лилась кровь. То и другое он положил к моим ногам, смеясь и делая множество странных телодвижений, смысл которых был мне совершенно непонятен.

Я заметил, что он прицеливается в меня из лука. Это побудило меня поднять ружье и выстрелить раньше него. Дикарь упал, пораженный в грудь.

Схватив саблю, молодой дикарь бросился на врага и одним ударом отсек ему голову.

Очевидно, его очень интересовало то обстоятельство, что я убил одного из его преследователей на расстоянии и посредством такой странной палки, которая производила гром и молнию и которой раньше он никогда не видывал. Попросив у меня знаками позволения осмотреть убитого мною, он подбежал к нему и остановился в глубоком изумлении. Потом он принялся подробно осматривать труп, повертывая его во все стороны, и в недоумении разглядывал небольшое отверстие в груди, пробитое пулей. Его сильно поражало то, что рана так мала, крови вышло немного, а человек убит. Наконец, он взял лук и стрелы убитого и вернулся ко мне. Я знаками приказал ему следовать за собою, давая понять, что оставаться здесь дольше опасно, так как могут явиться товарищи убитых.

На это он тоже знаками объяснил мне, что нужно зарыть трупы, чтобы скрыть следы. Я согласился. Он с удивительным проворством и ловкостью вырыл голыми руками довольно глубокую яму, в которую бросил одного из убитых и живо зарыл. То же самое он сделал и с другим. Мне кажется, он употребил не более четверти часа на то, чтобы похоронить обоих.

Когда он кончил это дело, я повел его в ту пещеру, которая находилась в глубине острова. Там я дал ему ячменную лепешку, кисть сушеного винограда и воды. Ел он без жадности, но пил много и с видимым наслаждением. Потом я показал ему знаками, чтобы он лег спать на груде рисовой соломы, покрытой простыней, на которой я сам часто спал. Бедняга знаками поблагодарил меня и едва успел лечь, как тут же крепко заснул, утомленный всевозможными волнениями и беготней.

Это был красивый, прекрасно сложенный, стройный и гибкий молодой парень лет двадцати шести, не более. Вид у него был мужественный, но не свирепый; напро-

тив, лицо его выражало доброту и ласку, в особенности, когда он улыбался. Волосы у него были черные и длинные, но не грубые и жесткие, как обыкновенно бывает у дикарей, а тонкие и мягкие. Лоб был высокий и широкий. Глаза светились умом и отвагой, и отличались кротостью. Цвет его кожи был не черный, а темно-оливковый, очень приятный на вид. Круглое, довольно полное лицо, небольшой тонкий нос (а не толстый и плоский, как у негров), красивый рот с тонкими губами и ровные белые как слонобая кость зубы — все это делало его положительно красавцем.

Проспав не более получаса, он встал и вышел из пещеры. Я был в загоне, где доил коз. Завидя меня, он подбежал ко мне, бросился на колени и целым рядом самых уморительных телодвижений старался выразить мне свою глубокую благодарность и преданность. Потом он положил голову на землю подле моей ноги, взял последнюю и поставил себе на голову, как сделал уже раньше. Вместе с тем, он продолжал выражать и другими знаками свою покорность, смирение и полную готовность служить мне всю жизнь с безграничным усердием. Я понимал почти все, что он хотел сказать и, в свою очередь, давал ему понять, что очень доволен им и никогда не обижу его, если он будет верно служить мне.

ГЛАВА V

Пятница. — Его воспитание. — Беседы с ним. — Начатки религии. — Новая лодка. — Еще дикари. — Нападение на них. — Отец Пятницы. — Итоги битвы. — Планы путешествия. — Благоразумие испанца. — Отправление послов.

Прежде всего нужно было выучить моего дикаря понимать мой язык и говорить со мной. Я дал ему понять, что назвал его Пятницей, в память дня его спасения от страшной смерти. Потом научил его называть меня господином и говорить «да» и «нет». Когда он усвоил все это, я дал ему кувшин молока и научил есть его с хлебом, обмакивая последний в молоко. Молоко ему очень понравилось, и он выразил мне свое удовольствие.

Всю ночь мы провели вместе в пещере, а утром я приказал ему следовать за собой, объяснив, что хочу дать ему платье. Он был совершенно нагой и очень обрадовался, когда понял, в чем дело. Когда мы стали приближаться к тому месту, где были зарыты убитые нами дикари, Пятница знаками показал мне, что ему хотелось бы вырыть их трупы и отведать мяса. Это привело меня в страшное негодование, и я так прикрикнул на бедного парня, что он страшно испугался, упал мне в ноги и всем своим видом выразил мольбу не сердиться. Смягчившись, я дал ему понять, какой ужас и отвращение внушало мне его намерение, при одной мысли о котором мне становилось дурно. Должно быть, он очень удивился, но, тем не менее, оставил свое намерение и покорно пошел за мной дальше.

По дороге я поднялся на холм, чтобы посмотреть, ушли ли остальные дикари. Ни дикарей, ни их лодок не было уже видно. Вероятно, они уехали, не позаботившись даже узнать, что сделалось с их двумя товарищами и с беглецом. Но я не удовольствовался этим наблюдением. Ободравшись и поэтому сделавшись более смелым, я захотел отправиться на то место, куда приставали дикари. Я дал Пятнице саблю, повесил ему на спину лук со стрелами, которым он отлично владел, дал в руки одно из моих ружей, сам взял другое ружье, и мы отправились в путь. По прибытии на место, я чуть было не лишился чувств при виде зрелища, которое представилось моим глазам. Вся кровь застыла у меня в жилах, и сердце страшно забилося от ужаса. Пятница же оставался спокойным и равнодушным. Земля была покрыта кровью и костями. Везде валялись куски недоеденного поджаренного человеческого мяса и виднелись ужасные следы омерзительного пиршества дикарей после одержанной ими победы. Я заметил три черепа, пять рук, кости ног и бедер, и множество других частей человеческого тела. Пятница знаками объяснил мне, что дикари привезли

четверых пленных для своего пира, троих они убили, а он был четвертым; что недавно происходило сражение между этими дикарями и племенем, к которому принадлежал он; что с обеих сторон было взято много в плен, и что, наконец, пленники всегда съедаются теми, кто забрал их.

Я приказал Пятнице собрать черепа, кости, мясо и вообще все остатки отвратительного пира, сложить их в кучу, развести над нею огонь и, таким образом, все сжечь. Я заметил, что Пятнице сильно хотелось воспользоваться случаем полакомиться человеческим мясом. В глазах его загорелся такой огонек, который я раньше замечал только у хищных зверей. Но я дал ему понять, что если он осмелится дать волю своему аппетиту, то я убью его, — и он пересилил себя.

Когда все было кончено, мы отправились в укрепление уже кратчайшим путем. Там я дал Пятнице полотняные панталоны, найденные мною в сундуке пушкря с разбитого у острова корабля. Панталоны эти были широки для Пятницы, но этот недостаток я живо исправил. Потом я принялся шить ему куртку из козьих шкур и шапку из заячьего меха. Все это было довольно приличного покроя, так как к этому времени я стал уже недурным портным. Пятница пришел в необузданный восторг, когда увидел себя одетым так же, как я. По правде сказать, ему с непривычки, должно быть, было очень неловко в одежде, тем более, что куртка была немного узка в плечах, но я переделал ее, и мой парень вскоре так привык к платью, точно постоянно носил его.

На следующий день я стал придумывать, куда бы мне поместить Пятницу, так, чтобы и ему было удобно, и он не стеснял бы меня. Лучше я не мог ничего придумать, как устроить для него маленький шалашик на свободном пространстве между моими двумя укреплениями, наружным и внутренним. Там был боковой вход в пещеру, который я закрыл дверью, отворявшеюся внутрь и запиравшеюся крепким засовом. Лестницы я на ночь убирал. Таким образом, Пятнице нельзя было ночью пробраться ко мне, не наделав шума, который разбудил бы меня. Первая стена укрепления была снабжена навесом из длинных балок, которые одним концом упирались в гору и были переплетены ветвями деревьев, кроме того, покрыты густым слоем рисовой соломы. В одном месте этой стены было отверстие для подъема и спуска по лестнице, и я устроил в нем западню, которая при малейшей надавливавшей на нее тяжести с грохотом опускалась. Все оружие я убирал к себе на ночь. Но я совершенно напрасно принимал все эти предосторожности, так как никогда никто не имел такого преданного, верного и честного слуги, каким был для меня Пятница. Казалось, у него нет никаких желаний и стремлений, кроме того, чтобы угодить мне. Он был так привязан ко мне, как маленький ребенок к своей матери, и всегда был готов жертвовать своей жизнью ради спасения моей. Я имел много случаев убедиться в этом и поэтому скоро понял несправедливость моего недоверия к нему.

Характер Пятницы часто наводил меня на мысль, что если, с одной стороны, Богу, в Его глубоком предвидении при управлении вселенной, и было угодно кое-чем унижить некоторую часть Своих созданий, зато, с другой стороны, Он одарил их теми же душевными качествами, тем же умом, той же привязанностью, тем же пониманием добра и зла, теми же страстями, тем же сознанием обиды, теми же чувствами признательности, преданности и верности, словом, — всеми теми чувствами, которыми одарены мы и благодаря которым люди могут сознавать различные блага жизни. Вообще, я заметил, что когда Богу угодно дать этим своим низшим

созданиям случай применить все данные им способности, то они делают это даже лучше нас. Сделав подобное наблюдение, я приходил к тому грустному выводу, что мы, несмотря на то, что наш ум и наши чувства озарены светом знания Духа Божия, мы слишком мало прилагаем к делу свои душевные способности. Для чего же, спрашивал я сам себя, Богу было угодно скрыть светоч познания от такого множества людей, которые, если судить по моему бедному дикарю, могли бы применять свои духовные силы с большею пользою, чем делаем это мы?

Эти размышления иногда доводили меня до того, что я начинал сомневаться во всемогуществе Провидения и обвинять Его в том, что Оно одним дало познание истины, от других же скрыло ее, но на тех и других положило одинаковые обязанности. Однако, как только я замечал, что мои мысли начинали заблуждаться, я, так сказать, возвращал их на путь истинный следующим рассуждением: мы не знаем, по каким законам будут судимы дикари, и Бог, по Своей сущности, будучи бесконечно благ и справедлив, осудит их не за то, что они Его не познали, а лишь за то, что они грешили против того света, который, по словам евангелиста, есть закон для всех, и осудит именно по таким основаниям, которые они сами должны признать справедливыми, так как законы добра и зла одинаковы для всех. К тому же мы все, как говорится в священном писании, «подобны глине в руках горшечника, и горшок не имеет права говорить своему творцу: почему ты создал меня в таком, а не в другом виде?».

Но возвратимся к моему новому товарищу. Я положительно был им очарован и учил его всему, что могло сделать его полезным, ловким и способным. Особенно я старался выучить его понимать мой язык и объясняться на нем и должен сознаться, что лучшего ученика нельзя было себе и желать. Он был так доволен и счастлив, когда понимал меня или видел, что я понимаю, что он говорит; он заражал меня своей веселостью, и я находил истинное удовольствие в беседах с ним. Благодаря ему, моя жизнь стала такою приятной, что я охотно навсегда остался бы на острове, если бы только не опасался дикарей.

Прежде всего мне пришлось на ум отучить Пятницу от его врожденной страсти к человеческому мясу и приучить его к мясу животных. Однажды утром я отправился с ним в лесной загон, чтобы взять там козленка на обед. По дороге я заметил под деревьями дикую козу с двумя козлятами.

— Стой, не шевелись! — шепнул я Пятнице.

Он послушно остановился, как вкопанный. Я быстро прицелился и выстрелил; один из козлят упал, обливаясь кровью.

Бедный дикарь, хотя уже и видевший действие моего ружья, страшно испугался и дрожал, как лист. Он не глядел в ту сторону, куда я стрелял, но торопливо сбросил с себя одежду и стал осматривать себя, отыскивая на себе рану. Должно быть, он вообразил, что я решил покончить с ним, потому что упал на колени, обхватил мои ноги и голосом, полным отчаяния, долго говорил мне что-то на своем языке. Вероятно, он умолял меня пощадить его и не убивать.

Чтобы разубедить его в его подозрениях и успокоить, я с улыбкой взял его за руку, поднял его и, указывая на убитого козленка, приказал ему пойти и принести его.

Пока Пятница с удивлением рассматривал убитое животное, я снова зарядил ружье. Взглянув вверх, я увидел на дереве большую птицу, которую принял за сокола. Чтобы Пятница понял, что я хочу сделать, я подозвал его и указал сначала на птицу,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

потом на ружье и на землю под деревом, желая объяснить, что я выстрелю, и птица упадет. После выстрела я указал на дерево, и Пятница мог видеть, как сраженная пулей птица действительно падала на землю. Подойдя к мертвой птице, я увидел, что это попугай, а не сокол, как мне сначала показалось. Несмотря на все мои объяснения, Пятница был сильно смущен и испуган. Я думаю, ужас проистекал теперь главным образом от того, что он не видел, как я заряжал ружье, и поэтому считал его неистощимым волшебным источником смерти и уничтожения людей, зверей и птиц, на каком бы они ни находились расстоянии от этого источника.

Измучение молодого дикаря было так сильно, что он долго не мог прийти в себя. Я уверен, что если бы я допустил, то он стал бы обоготворять не только меня самого, но и мое ружье. В

Я быстро прицелился и выстрелил; один из козлят упал, обливаясь кровью.

зарядил ружье с целью еще раз удивить дикаря выстрелом. Но когда Пятница взял в одну руку птицу, а другою взвалил себе на плечи козленка, мы отправились домой, и мне не представилось на этот раз больше случая удивить и попугать его новым выстрелом.

продолжение нескольких дней после этого он боялся дотрагиваться до ружья, и когда ему приходилось проходить мимо него, то он с видом мольбы говорил ему что-то, точно оно могло его понять. После я узнал, что он умолял ружье не убивать его.

Когда Пятница успокоился, я приказал ему поднять птицу. Пользуясь тем, что он не мог видеть, что я делаю, я снова

По возвращении в укрепление, я снял шкуру с козленка, разрезал его на части и сварил превосходный суп. Попробовав сначала сам вареное мясо, я дал и Пятнице большой кусок и приказал есть его. Мой слуга с видимым удовольствием съел мясо. Но его очень удивляло, что я солю мясо. Он знаками показывал мне, что не хорошо есть соль. Положив ее немного в рот, он стал страшно гримасничать и отплевываться, точно это была и не весть какая гадость. Потом он даже выполоскал себе рот свежей водой. После этого и я взял в рот кусок мяса без соли и тоже начал отплевываться и вообще проделывать все, что проделывал он с солью. Но это не убедило Пятницу. Он так никогда и не привык к соли, и хотя со временем и стал употреблять ее, но в очень малом количестве.

Дав ему таким образом отведать суп и мясо, я решил на другой день угостить его жареной козлятиной. Для этой цели я подвесил кусок мяса над огнем, как это делают в Англии. Устроил я это следующим образом: вбив в землю два кола, я положил на них сверху третий; прикрепив его, я привязал к нему мясо. Этим способом оно жарилось со всех сторон равномерно. Жаркое вышло очень хорошее, и Пятница ел его с таким видом, что не было никакого сомнения в том, что оно ему пришлось по вкусу. Насытившись жарким, он торжественно заявил мне, что с этих пор никогда больше не будет есть человеческое мясо.

На другой день я научил Пятницу толочь в ступе ячмень и просеивать муку, как это я делал сам. Он быстро понял, в чем дело, и начал орудовать не хуже меня. Потом я научил его делать тесто и сажать хлебы в печь. В самое короткое время он выучился всему, что было нужно.

Так как я теперь был уже не один, то нашел нужным позаботиться об увеличении посева. Я выбрал подходящий участок земли и огородил его, как прежние поля, но уже с помощью Пятницы, который работал охотно, бодро и весело, стараясь изо всех сил угодить мне. Я объяснил ему, что необходимо обработать такой большой кусок земли потому, что нас теперь двое, и нужно больше хлеба. Он был очень тронут моей заботливостью о нем и выразил мне, что не может допустить, чтобы я ради него трудился, и просил меня только указывать ему, что нужно делать, а уж он постарается исполнить все как следует.

Этот год был самым приятным из всех проведенных мною на острове. Пятница быстро выучился говорить. Не прошло и месяца, как он отлично начал понимать меня, и сам объяснялся понятным для меня способом. Он любил болтать, и с ним мой язык редко бывал праздным. Но он доставлял мне удовольствие не одной своей беседой, но и своей искренностью, простотой и честностью; этим он прямо пленял меня. Я с каждым днем все больше и больше привязывался к нему, и он, с своей стороны, полюбил меня так горячо, как только может любить своего отца хороший сын.

Как-то раз, желая узнать, нет ли у Пятницы тайного стремления вернуться на родину, и не жалеет ли он о ней, я завел с ним разговор на эту тему. Он знал уже настолько английский язык, что мог отвечать почти на все вопросы, хотя, конечно, путал времена глаголов и смешивал рода имен существительных и почти совершенно игнорировал предлоги. Поэтому наши беседы были очень оригинальны. Я спросил его, бывает ли его народ когда-нибудь победителем в своих стычках с другими племенами.

— Да, да, — с улыбкой ответил он, — мы всегда лучше дрались.

Этим он хотел сказать, что его племя всегда бывало побеждающим.

— Так отчего же ты тогда попал в плен? — продолжал я,

— Мой народ побить много, — сказал он.
— Как же это так? Если бы вы много побили, то тебя не взяли бы в плен.
— Их больше, чем мой народ в том месте, где я был. Они взяли один, два, три и я... Мой народ их бить на месте, где я не был... Мой народ их возьмет один, два... много возьмет.

— А почему твой народ не взял тебя назад из рук врагов?
— Унести один, два, три и я в лодка... Мой народ тогда не был у лодка.
— Ну, а скажи мне, Пятница, что делает твой народ с людьми, которых берет в плен? Он тоже уводит их к себе и съедает?

— Да, мой народ тоже ест людей, всех ест.
— Куда же уводят тех, которых хотят съесть?
— Идти во все места, где хочет.
— А сюда твой народ заходит?
— Да, да. Приходит здесь, приходит другое место.
— А ты бывал здесь со своим народом?
— Да, я приходиться сюда.

С этими словами Пятница пальцем показал на северо-западную сторону острова. Из этого разговора я понял, что Пятница принадлежал к числу дикарей, которые по временам появлялись на острове, чтобы пожирать привозимых ими пленников, хотя, очевидно, кроме них приставали иногда и другие.

Когда я через некоторое время я отправился с ним на тот берег, о котором я уже не раз говорил, как о месте, к которому приставали дикари, то Пятница тотчас же узнал это место и сказал, что он раз был там со своими единоплеменниками, и что они тогда съели двадцать мужчин, двух женщин и одного ребенка. Не зная, как выразить по-английски двадцать, он положил передо мною в ряд двадцать камешков.

Я сообщаю эту подробность, потому что она должна служить как бы введением к последующему. Во время беседы на берегу я спросил Пятницу, как далеко лежит его земля от нашего острова, и безопасно ли плавание оттуда в пирогах. Он ответил, что путь совершенно безопасен, и не было случая, чтобы пироги его соплеменников погибали во время путешествия на остров или обратно. Из дальнейших расспросов я узнал, что недалеко от острова есть постоянное течение, и дует постоянный ветер, и что течение и ветер по утрам имеют одно направление, а после полудня другое, противоположное. Я думал тогда, что он говорит об обыкновенном морском приливе и отливе, но впоследствии узнал, что это явление находится в зависимости от реки Ориноко, близ устья которой был расположен наш остров, и что та земля, с которой приезжали дикари, — не что иное, как обширный остров, известный под названием острова «Троицы», лежащего на севере от устья Ориноко.

Я положительно засыпал Пятницу вопросами относительно его страны, ее жителей, местоположения, берегов, моря, соседних племен и многого другого. Он с полной готовностью удовлетворял моему любопытству. На вопрос, какие племена населяют ту землю, он мог ответить лишь одно слово: «Карибы». Из этого я заключил, что это были карибы, острова которых на наших географических картах указаны на протяжении от устьев Ориноко до Гвианы и Санта-Марты. Кстати, Пятница объяснил мне, что далеко за луною (он хотел сказать, в той стороне, где заходит луна, то есть на запад от их земли) живут белые люди с большими усами.

— Эти усатые люди убить много наши люди, — добавил он.

Нетрудно было понять, что он говорит об испанцах, жестокость которых была известна во всей Америке, даже в самых отдаленных уголках ее. Продолжая разговор об интересовавшем меня предмете, я спросил Пятницу, может ли он объяснить, каким путем нужно ехать от нашего острова, чтобы попасть в ту страну, где находились «белые с большими усами?».

— Да, да, — ответил он, — я может доплыть туда... два лодки.

Я сначала не понял этого ответа, но потом догадался, что он говорит о лодке, вдвое больше обыкновенной пироги.

Эта беседа с Пятницей доставила мне громадное удовольствие и поселила во мне надежду когда-нибудь с помощью этого преданного и верного слуги выбраться с острова.

Во все время пребывания Пятницы со мною я никогда не упускал случая прививать ему религиозные познания. Однажды я, между прочим, спросил его, кто его сотворил.

Во все время пребывания Пятницы со мною я никогда не упускал случая прививать ему религиозные познания.

Бедняжка не понял меня и думал, что я спрашиваю, кто его отец. Тогда я спросил, кто сделал море, землю, горы и леса. На это он ответил, что все это сделано старым Бенамоки, который живет выше всего. Он ничего другого не мог сказать об этом высшем существе, кроме того, что оно очень старо, гораздо старше, чем море, луна и звезды. Я спросил, что если этот старик все создал, то почему же не все боготворят его. Пятница сделал очень серьезную мину и с удивительной наивностью ответил:

— Все говорят ему: «О!»

— Но, — продолжал я, — куда отправляются люди твоего племени после смерти?

— Все идти к Бенамоки, — ответил Пятница.

— Ну, а те, которых съедают, тоже идут к нему? — спросил я.

Пятница в виде утверждения кивнул головой.

Прицепившись к случаю, я стал толковать Пятнице об истинном Боге. Я объяснил, что великий Творец вселенной пребывает на небе, что Он управляет всем, ибо Он всемогущ, и что без Его воли даже волос не спадает с головы человека. Он может для нас сделать то, что Ему будет угодно, может все нам дать и все отнять.

Таким путем я постепенно открывал Пятнице духовные очи. Он слушал с большим вниманием и восторгом, особенно когда я заговорил о Спасителе, посланном для искупления наших грехов, и о том, как нужно молиться, чтобы быть услышанным Богом. Между прочим, он заметил мне, что если наш Бог, живя так далеко, выше солнца, слышит нас, то Он должен быть могущественнее Бенамоки, который хотя и ближе к земле, но слышит человека только тогда, когда тот поднимется на высокую гору и оттуда говорит с ним. Я спросил, ходил ли Пятница на гору говорить с Бенамоки. Он ответил, что нет, потому что молодые люди не ходят говорить с Бенамоки; на гору никто не ходит, кроме стариков, которые называются оуокаками. Из расспросов выяснилось, что эти оуокаки — жрецы. Очевидно, вся их обязанность заключалась в том, что они ходили на гору и там произносили «О!». Это служило единственным выражением молитвы. Возвратившись с горы, они передавали народу то, что им будто бы говорил Бенамоки.

Из этого я вывел заключение, что жрецы вечно производили, производят и, должно-быть, будут производить свои обманы между невежественными, ослепленными язычниками, и что обыкновение светской власти делать из религии тайну, с целью подержать в народе уважение к духовенству и придать последнему особенное значение, существовало не только в Риме, но и во всех других языческих странах мира.

Я старался разъяснить Пятнице этот обман и говорил ему, что привилегия стариков всходить на гору с тем, чтобы говорить доброму Бенамоки «О!» — ложь, точно так же, как и их уверения, что он беседует с ними. Если с ними кто и беседует вдали от людей, то, наверное, один дьявол, то есть злой дух. При этом я подробно разъяснил Пятнице происхождение дьявола, его возмущение против Бога, его ненависть к людям, причину этой ненависти и его склонность заставлять себя обоготворять в самых глухих и мрачных уголках мира, куда не проникал еще ни один луч света Божественного откровения. Описал я и его бесчисленные козни, посредством которых он влечет человеческий род к гибели, умение его пользоваться нашими слабостями и страстями, чтобы изловить нас в свои сети, и придавать делу такой оборот, точно мы по доброй воле отдаем свою душу в его власть.

Но, очевидно, было гораздо труднее привить Пятнице понятие о дьяволе, или злом духе, чем внушить ему идею о бытии Бога. В последнем случае сама природа помогала моим доводам, которые я приводил в доказательство существования великой Первопричины, господствующей и всем управляющей Силы, тайного могущественного Провидения и в доказательство справедливости поклонения Тому, от Кого все зависит. Все это Пятница понимал, но происхождение, сущность, природа и в особенности действия и стремления злого духа оставались совершенно непонятными для моего простодушного дикаря. Однажды бедняжка

задал мне, по своей наивности, один вопрос, в сущности, вполне естественный, которым, однако, поставил меня в тупик. Я долго говорил ему о величии Бога, об Его всемогуществе, Его отвращении ко греху, о том, что Им уготовано для делателей неправды, и о том, что Он все сотворил и в одно мгновение может уничтожить не только нас, но и всю вселенную. Пятница все время слушал с большим вниманием. Но когда я перешел к рассказу о злом духе, который есть враг Бога и человека и направляет всю силу своего зла и лукавства на то, чтобы уничтожать благие намерения Провидения и разрушать царство Христа на земле, то дикий остановил меня следующими словами:

— Хорошо. Ты говорит, Бог велик и силен. Разве Он не больше велик и силен дьявола?

— Конечно, — ответил я, — Бог несравненно сильнее и могущественнее дьявола, поэтому мы и просим Бога, чтобы Он дал нам силу устоять против искушений дьявола и отвратил от нас его огненные стрелы.

— Но, — возразил Пятница, — если Бог больше велик и больше силен, чем дьявол, почему Он не убьет дьявол, чтобы не делал много зла?

Этот вопрос сильно смутил меня и дал мне понять, что я, несмотря на свои годы, слишком еще юн в книжном учении, слишком еще плохой казуистик и диалектик, чтобы сразу выйти из затруднения, подобного тому, в какое меня поставил Пятница этим простым замечанием. Не зная, что ответить, я притворился, будто не расслышал слов Пятницы и спросил его, что он сказал. Но, должно быть, он был сильно заинтересован представившимся в его уме недоразумением, потому что слово в слово повторил свой вопрос. Я успел немного собраться с мыслями и отвечал:

— Бог жестоко накажет дьявола, когда наступит время, то есть в день Страшного суда. Тогда Он ввергнет дьявола в бездонную пропасть, где он и будет гореть в вечном, неугасимом огне.

— Этого я не понимаю! — воскликнул Пятница. — Почему не убить дьявол теперь? Почему не убить раньше?

— Ты точно так же можешь спросить, почему Бог не убьет тебя или меня, — сказал я. — Ведь мы тоже грешим и оскорбляем Бога, но Он хранит нас, чтобы мы раскались и могли добиться Его прощения.

Пятница задумался, а потом тихо проговорил:

— Это хорошо. Так ты, я, дьявол, все злые, все ждет, все раскаяться, Бог все простит!

Эти слова тоже поразили меня. Они ясно доказали мне, что хотя сама природа и указывает мало-мальски разумному существу путь к познанию Бога и необходимость поклонения Ему, как Верховному существу, но до представления об Иисусе Христе, как об Исккупителе, Посреднике, Предстателе и Заступнике нашем у Престола Всевышнего, мы можем дойти лишь с помощью Откровения, и поэтому евангелие Господа нашего Иисуса Христа, то есть слово Божие, и Дух Святой, обещанный в руководители Его народу, суть важнейшие наставники душ наших в истинном познании Бога и путей спасения.

Поспешно поднявшись с места, точно вспомнив о каком-то важном деле, я круто оборвал беседу, угрожавшую мне новыми вопросами, на которые я, наверное, не буду в состоянии ответить. Отослав от себя под удобным предлогом Пятницу, я опустился на колени и горячо стал молить Бога даровать мне силу и способность привести этого

бедного дикаря на путь спасения, приготовив его душу к познанию Бога во Христе.

Молитва подкрепила меня. Когда Пятница возвратился, я возобновил прежнюю беседу и пространно говорил ему об искуплении наших грехов Спасителем, об учении святого евангелия, которое было предвозвещено самим Небом, то есть о покаянии перед Богом и вере в Иисуса Христа. Я объяснил ему, почему наш божественный Искупитель принял на Себя образ не ангела, а человека, сына Авраамова, и почему, вследствие этого, падшие ангелы не имели доли в искуплении, которое уготовано только «для заблудших овец дома Израиля».

Должен сознаться, что в моих толкованиях было больше добрых желаний и намерений, чем знаний, но со мною при этом произошло то же самое, что в подобных случаях бывает со многими: поучая и наставляя Пятницу, я невольно поучался сам. То, что мне прежде было неизвестно, или о чем я раньше и не думал, теперь ясно представлялось моему уму, когда я беседовал о религиозных темах с моим бедным дикарем. Никогда еще я так не увлекался исследованием спасительных истин, как теперь. Если бы даже мои поучения были безуспешны, я, тем не менее, был благодарен Небу за то, что Оно послало мне этого дикаря и дало возможность просветить его светом истинной веры. Мое горе облегчалось в беседах с Пятницей, жизнь моя становилась полнее, осмысленнее, а потому и приятнее. И когда я вспоминал, что, обратив свои взоры к Небу, увидел там не карающую десницу Провидения, а получил оттуда возможность сделаться орудием спасения не только жизни, но и души дикаря, приведя его к познанию веры и учения Христа, то сердце мое наполнялось восторгом, и я радовался тому, что был заброшен на этот остров, благодарил Бога именно за то, что прежде считал источником всех моих бед и страданий.

В таком душевном настроении, исполненный чувством глубокой признательности, я провел остальное время моего заточения на острове. Все свободное время мы проводили в назидательных беседах с Пятницей. Таким образом, я прожил три года в обществе дикаря, настолько довольный и счастливый, насколько это возможно на земле.

Пятница сделался добрым христианином, быть может, даже лучшим, нежели я сам, но в раскаянии я ему, во всяком случае, не уступал, за что и благодарил Бога. Я чувствовал, что раскаяние мое принято, и был утешен этим.

Мы вместе с Пятницей наслаждались словом Божиим и ощущали веяния Его Духа над нами. Я часто читал своему слуге священное писание и толковал его, как умел. Пятница возбуждал мой ум вопросами, заставлявшими меня глубже вдумываться в смысл и характер святого учения. Не могу выразить, какое наслаждение доставляло мне чтение вслух и толкование Библии. Оно привело меня к искреннему раскаянию в моих грехах и к горячей любви к учению Спасителя, этому источнику вечной жизни. Под влиянием этого чтения преобразовался весь мой нравственный склад, и мой дух подчинялся заповедям Божиим.

Что же касается богословских диспутов и религиозных распрей по поводу той или другой доктрины или церковной догмы, то мы с Пятницей были далеки от них, да они, позволю себе заметить, нам принесли бы так же мало пользы, как всему человечеству. У нас был верный руководитель по пути к небу — священное писание, и верный наставник в толковании этого писания — Дух Божий, открывший нам сокровенный смысл святого учения и сделавший нас усердными поклонниками этого учения.

Но вернусь к моему рассказу.

Когда я ближе ознакомился с Пятницей, и он мог свободно понимать меня и объясняться хотя и на ломаном английском языке, я рассказал ему историю своей жизни, чтобы объяснить, как я попал на этот остров; рассказал и то, как я жил тут, — с первого дня вплоть до моей встречи с ним. Вместе с тем я открыл ему тайну огнестрельного оружия, объяснил свойства пуль, дробы и пороха и научил стрелять. Кстати сказать, я дал ему нож, чему он очень обрадовался, и сделал ему пояс с ножнами, какие употребляются в Англии для охотничьих ножей, но вместо такого ножа вложил в эти ножны ручной топорик, служивший не только прекрасным орудием, но при случае и оружием.

Я описал Пятнице различные государства Европы, причем, конечно, всего больше останавливался на моей родине Англии. Рассказал, как живут англичане, какие у них нравы и обычаи и как они ведут торговлю во всех частях света. Затем я подробно передал ему о

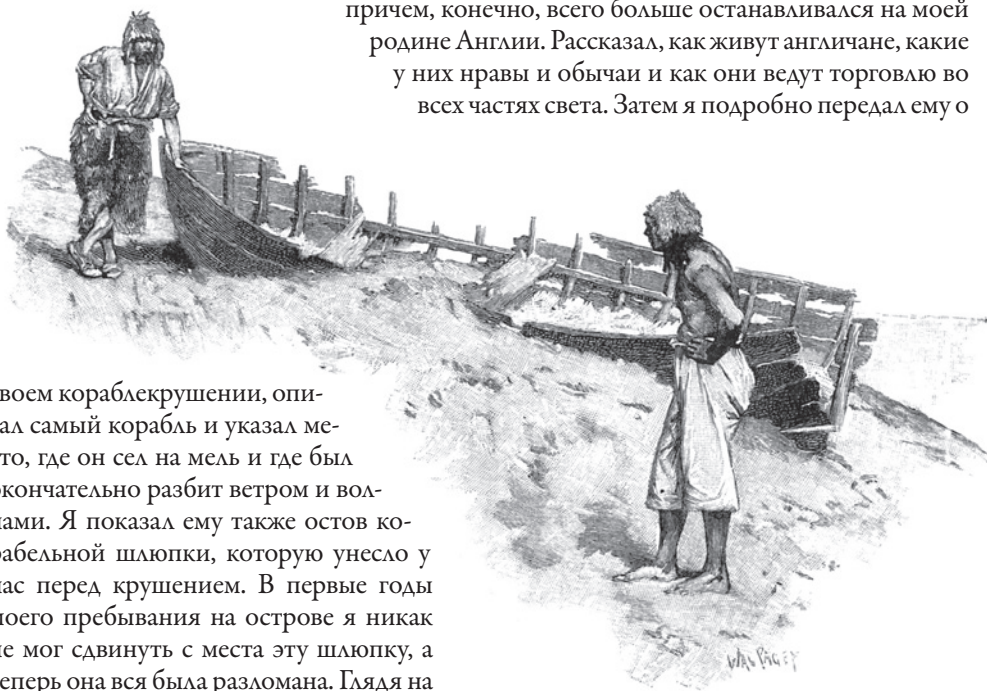
своем кораблекрушении, описал самый корабль и указал место, где он сел на мель и где был окончательно разбит ветром и волнами. Я показал ему также остов корабельной шлюпки, которую унесло у нас перед крушением. В первые годы моего пребывания на острове я никак не мог сдвинуть с места эту шлюпку, а теперь она вся была разломана. Глядя на ее остов, Пятница сильно задумался и не говорил, ни слова. Я спросил, о чем он думает.

— Я видеть такая лодка, — ответил он, — был приходиться лодка место, где мой народ.

Я долго не мог понять, что он хотел сказать, но потом сообразил, что такая шлюпка когда-нибудь приставала к его берегам. Действительно, как я выяснил расспросами, к берегу той земли, на которой обитало племя Пятницы, однажды прибило бурей такую шлюпку. Мне пришло в голову, что, наверное, недалеко от этого берега происходило кораблекрушение, во время которого оторвало шлюпку и выбросило на берег. Но я не догадался спросить, не было ли в той шлюпке людей, и все только расспрашивал о том, как она выглядела.

Однако, дав подробное описание шлюпки, Пятница сам с чувством добавил:

— Мой народ спасти белых людей, и они не утонуть.

Глядя на остов лодки, Пятница сильно задумался и не говорил ни слова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тут уж и я спросил, действительно ли там были белые люди.

— Да, — ответил он, — полный лодка белый люди.

На мой вопрос, сколько именно их было, он по пальцам насчитал семнадцать. Тогда я спросил, что сделалось с этими людьми.

— Живет с мой народ, — ответил Пятница.

Это сведение вызвало во мне ряд новых мыслей. Мне представилось, что это была шлюпка с экипажем того корабля, который погиб в виду моего острова. Я стал подробно расспрашивать Пятницу обо всем, что было с белыми людьми с той минуты, как они пристали к его земле. Он рассказал, что они все время спокойно и мирно жили в среде его соплеменников, которые кормили их и хорошо обращались с ними. Из его слов выходило, что они попали в руки его племени четыре года тому назад. Я спросил, как могло случиться, что его народ не убил и не съел этих белых.

— Они стал братья, — ответил он. — Мой народ ест людей, когда война.

Это значило, что белые подружались с его племенем, и что последнее пожирало только своих военнопленных.

Спустя долгое время после этой беседы, мы с Пятницей попали на восточную сторону острова, на ту самую возвышенность, с которой я, как уже говорил, увидел в первый раз землю, показавшуюся мне материком. Погода была ясная, поэтому земля отлично была видна. Пятница несколько минут пристально всматривался в нее, потом вдруг пришел в сильное возбуждение, начал прыгать, скакать и плясать. Сильно изумленный, я осведомился, что это значит.

— О, радость! — кричал он. — О, как весело! Там видеть мои страна... видеть мой народ!

Лицо его сияло от восторга, глаза горели огнем радости и воодушевления, вся фигура его дышала счастьем. Казалось, он всецело был охвачен стремлением к родине. Это встревожило меня, и я стал с этого времени относиться к своему слуге менее доверчиво, чем раньше. Я подумал, что если ему когда-нибудь удастся возвратиться к своим единоплеменникам, то он не только забудет свою новую веру, но и все обязательства по отношению ко мне, выдаст тайну моего пребывания на острове и, пожалуй, даже сам приведет сюда человек двести своих соотечественников, чтобы воспользоваться всем моим имуществом и мною самим. Изжарят меня по тому способу, какому научился у меня же Пятница жарить мясо животных, а потом он сам же полакомится моим мясом. Но, думая так, я делал по отношению к моему бедному честному слуге страшную несправедливость, о чем сильно сожалел впоследствии. В продолжение нескольких недель я был очень воздержан с ним в разговорах и вообще не выказывал ему прежнего доверия и дружелюбия. Между тем, у доброго и преданного малого не было ни одной мысли, которая не вытекала бы из глубокого искреннего христианского чувства и безграничной благодарности и преданности ко мне, как его спасителю. В этом я потом убедился.

Как-то раз мы с ним отправились гулять и опять попали на то возвышение. Погода в тот день стояла пасмурная, ветер дул с моря, и соседней земли не было видно. Я спросил Пятницу:

— Что, Пятница, желал бы ты возвратиться на родину к своим?

— Да, — весело ответил он, — Пятница очень рад быть свой народ.

— А что же ты стал бы там делать? — продолжал я. — Опять сделался бы дикарем и стал бы есть человеческое мясо?

Он грустно взглянул на меня, покачал головой и сказал:

— Нет, нет, Пятница расскажет своим жить хорошо, молить Бога, сеять зерно хлеб, есть мясо коза, молоко, не есть людей.

— Ну, так тогда они убьют тебя, — сказал я.

Он подумал немного и потом возразил:

— Нет, не убить меня, любит учиться.

Этим он хотел сказать, что его единоплеменники не убьют его за это, потому что они любят учиться. Немного спустя, он прибавил, что они многому научились у белых людей, прибывших в лодке. Я опять спросил его, не желает ли он вернуться к своим.

На это он улыбнулся и сказал, что ему не проплыть так далеко. Тогда я сказал ему, что готов сделать для него пирогу. Он опять улыбнулся и ответил, что тогда охотно поедет, но только со мной.

— Мне нельзя ехать с тобою, — возразил я: — твои съедят меня.

— Нет, нет! — с живостью воскликнул он. — Я сделать, они не съедят тебя. Я сделать, они много любить тебя.

Этим он, вероятно, хотел выразить, что расскажет им, как я спас ему жизнь и как относился к нему, и заставит их полюбить меня. При этом он повторил, как дружелюбно обращались его сородичи с белыми людьми, выкинутыми бурей к ним на берег.

После этой беседы с Пятницей у меня снова явилось желание пуститься в открытое море с целью присоединиться к тем белым людям, о которых он говорил и которые, по моему мнению, были испанцы или португальцы. Общими усилиями нам легче было бы выбраться с той земли, в которой они жили между дикарями, чем мне одному с моего пустынного острова попасть в какую-нибудь цивилизованную страну.

Через несколько дней я сказал Пятнице, что если он желает вернуться на родину, то я дам ему лодку. Чтобы доказать ему, что я говорю правду, я повел его к моей лодке, которую до тех пор не показывал. Она всегда стояла у меня под рукою, но так, чтобы никто не мог заметить ее. Приведя с помощью Пятницы лодку в порядок, я пригласил его войти в нее вместе со мною и снова спросил:

— Ну, как, Пятница, едем теперь к тебе на родину?

Он взглянул на меня с изумлением; очевидно, он находил странным мое предложение пуститься в открытое море в такой маленькой лодке. Кстати сказать, по его приемам в лодке сразу было заметно, что он сумел бы управлять ей не хуже меня. Я объяснил ему, что у меня есть другая лодка, гораздо больших размеров.

На следующий день я повел его к тому месту, где стояла первая сделанная мною пирога, над которой я когда-то пробился столько времени, чтобы спустить ее на воду, чего мне так и не удалось сделать. Пятница нашел, что в такой большой лодке совершенно безопасно можно было бы доплыть до его земли. Но, простояв без употребления на солнце более двадцати лет, лодка совершенно рассохлась, растрескалась и местами развалилась. Глядя на нее, Пятница с сожалением качал головой и бормотал, что на ней можно бы перевезти много «хлеб, вода и мяса».

Желание мое попасть на соседнюю землю было так велико, что я предложил своему слуге сделать такую же большую лодку, говоря для его поощрения, что он в ней поедет на родину. Когда я повторил это несколько раз, он грустно опустил голову и жалобно спросил:

— Зачем господин сердит Пятница? Что Пятница сделал господин?

Я спросил, откуда он взял, что я сердит на него, когда я вовсе и не думаю сердиться.

— Как не сердит? — возразил он. — А зачем посылать Пятница его народ?

— А разве ты не говорил, что рад был бы поехать на родину? — спросил я.

— Да, да, Пятница хочет оба быть там, Пятница не хочет быть там, где господин не быть.

Это означало, что без меня он не хочет возвращаться на родину.

— Зачем же я поеду туда, Пятница? — спросил я. — Что я там буду делать?

Он бросил на меня огненный взгляд и ответил:

— Господин там делать очень много хорошо: учить диких люди быть добры, смиренны, говорить знать Бог, молить Бог, жить новая жизнь.

— Увы, Пятница! — с глубоким вздохом произнес я, — ты не знаешь, что говоришь: где уж мне быть учителем, когда я сам еще только ученик во всем хорошем!

— Господин Пятница учить хорошо; народ Пятница учить хорошо, — беспрерывно кивая головою, твердил Пятница, желая выразить, что если я учил его добру, то могу научить тому же и его соплеменников.

— Нет, Пятница, — решительным тоном возразил я, — ты поедешь один, а я останусь здесь жить по-прежнему.

Он страшно смутился. Подумав немного, он побежал к своему топорiku, валявшемуся на земле, поднял его и подал мне.

— Что мне делать с этим топором? — недоумевал я.

— Взять убить Пятница, — ответил он.

— За что же мне убивать тебя? — продолжал я.

— За что посылать Пятница от себя, — проговорил он, желая сказать, чтобы я убил его за ту вину, за которую хочу отослать его от себя.

Голос его дрожал и был такой жалобный, глаза, наполненные слезами, были так печальны, что я почувствовал всю его привязанность ко мне, почувствовал себя побежденным ей и поспешил уверить его, что не расстанусь с ним до тех пор, пока он сам не захочет расстаться со мною.

Из этого разговора я еще раз убедился, что Пятница так предан мне, что ничто не было в состоянии заставить его покинуть меня. Если он и желал возвратиться на родину, то только в сопровождении меня и с единственной целью, чтобы я мог просветить его единоплеменников. Но я отлично сознавал, что не гоюсь в просветители целого племени, да и не имел ни малейшей охоты брать на себя такую ответственную роль. Я желал только одного: освободиться; и с тех пор, как Пятница сообщил мне, что среди его племени живут семнадцать «бородатых» людей, как он называл белых, я только о том и думал, как бы мне осуществить свою мечту возвратиться в Европу.

Мы отыскиали с Пятницей громадное дерево, из которого можно было сделать достаточно большую пирогу, годную для морского путешествия. Впрочем, таких деревьев на острове было много, так что их хватило бы на постройку целого флота не только лодочного, а даже корабельного. Наша же задача состояла в том, чтобы найти подходящее дерево как можно ближе к воде, во избежание тех затруднений при спуске лодки на воду, которые вынудили меня бросить свою первую лодку. После долгих поисков Пятница остановился на одном. Он лучше меня знал, какого сорта дерево нужно для постройки пироги, поэтому я предоставил ему выбор. Я до сих пор не знаю, что это было за дерево, могу сказать о нем лишь то, что оно очень походило на так называемый сумах¹ (красильный желтняк), а отчасти и на дерево, так часто встречающееся в Никарагуа, напоминая его цветом и запахом. Пятница хотел было просто-напросто выжечь

¹ Род Сумах (Rhus) объединяет около 250 видов кустарников и деревьев.

середину дерева, как делают дикари, но я объяснил ему, что лучше выдолбить ее посредством железных орудий и показал, как нужно за это приняться. Он сразу понял меня и стал отлично работать долотом.

Мы окончили лодку после месячной усердной работы. Обтесанная со всех сторон и гладко выстроганная, лодка была очень недурна. Так как эта пирога была настолько велика, что могла вместить двадцать человек, то нам понадобилось две недели на то, чтобы дотащить ее до воды, и то при помощи катков, без которых нам бы не сдвинуть и с места такую тяжесть.

Приятно было смотреть, как ловко Пятница управлял лодкой на воде, как быстро поворачивал ее во все стороны, несмотря на ее величину, и как искусно лавировал. Я спросил его, как он думает, можем ли мы рискнуть пуститься в этой лодке в дальнейшее путешествие.

— Господин и Пятница может ехать, хорошо ехать, даже дуть большой ветер, не бояться, — ответил он.

У меня было намерение, о котором Пятница ничего не знал, а именно — устроить мачту, па-

рус и якорь с канатом. Мачту было очень легко сделать. Выбрав крепкое молодое кедровое деревцо, недалеко от берега, я приказал Пятнице срубить его, а потом показал, как превратить его в мачту. Приготовление паруса требовало специальных знаний, поэтому я стал делать его сам. У меня было много парусины, или, вернее, равных парусов с корабля. Тряпье это двадцать лет валялось в кладовой, я почти совсем забыл о нем и был теперь уверен, что оно уже никуда не годится. Действительно, большая

*Нам понадобилось две недели на то,
чтобы дотащить лодку до воды,
и то при помощи катков.*

часть совсем развалилась и ее пришлось бросить. Нашлось только два лоскута, из которых можно было кое-как устроить небольшой лодочный парус. Так как я не имел настоящей иголки, то мне нужно было много труда и времени, чтобы смастерить из этих лоскутков жалкий треугольный парус, называемый английскими моряками «плечевым» или «бараньей лопаткой»; он обыкновенно протягивается сверху до низу мачты и на верхнем конце имеет небольшой коротенький шпринтов. Под таким парусом всегда ходят английские корабельные боты, и я отлично умел управлять им.

Чтобы устроить мачту с парусом, пришлось провозиться целых два месяца. С целью облегчить поворот судна в наветренную сторону, я сделал небольшой штаг с фок-зейлем; кроме того, что было еще важнее, я приделал руль. Понимая все значение и всю необходимость этой принадлежности, я употребил все силы, чтобы как можно лучше сделать руль. Принимая во внимание все, что я придумывал и испробовал при сооружении руля, не удивительно, если мне пришлось употребить на это не меньше времени, чем на постройку самой лодки.

Когда, наконец, все было сделано и приведено в надлежащий порядок, я начал обучать Пятницу мореходному искусству. Он превосходно управлял лодкой при помощи весел, но не имел ни малейшего понятия о том, как пользоваться парусом и рулем. Видя, как я без весел, одним рулем поворачиваю лодку куда хочу, и как надувается ветром и развевается в воздухе парус, он пришел в безграничное изумление и восторг. По своей удивительной понятливости Пятница, однако, быстро выучился всем тонкостям мореплавания и сделался прекрасным моряком. Одного лишь он никогда не мог хорошенько постичь: устройства и применения компаса. Положим, нам в этой местности и не нужен был компас, так как погода почти всегда была ясная, густых туманов не бывало, и берег был виден на большом расстоянии. В периоды дождей, конечно, было не то; но кто же путешествует в это время?

Наступил двадцать седьмой год моего плена на острове, считая и те три года, которые я провел с Пятницей; по-настоящему, эти годы не должны бы входить в счет, так как жизнь моя в это время была совершенно другая, чем та, которую я вел без него, находясь как бы в одиночном заключении. По примеру прошлых лет я праздновал годовщину своего невольного прибытия на остров с тою же глубокою признательностью к Богу за Его бесконечное милосердие. Впрочем, теперь я имел еще больший повод благодарить Провидение, дававшее столько новых доказательств своей заботы и попечения обо мне и тем вселявшее во мне непоколебимое убеждение в том, что мое освобождение близко, и я едва ли увижу следующий год на этом острове. Несмотря на эту уверенность, я не переставал заниматься хлебопашеством и вообще своим хозяйством; я по-прежнему обрабатывал землю, сеял, сажал, огораживал, собирал виноград, превращал его в изюм, — словом, делал все, что прежде, как будто и не думал покидать остров.

Наступил период дождей. Чтобы уберечь нашу новую лодку от всяких случайностей, мы с Пятницей ввели ее в ту бухточку, которая когда-то служила мне пристанью для моих плотов. Пользуясь высоким уровнем воды, мы вытащили лодку на берег и выкопали для нее небольшой док, в котором она могла бы безопасно простоять все время, пока не понадобится. Чтобы лодку не унесло в море во время приливов, мы устроили у входа в док высокую и крепкую плотину. Для защиты от дождя мы прикрыли лодку сверху толстым слоем хвороста, так что она стояла точно под крышей.

Когда, таким образом, все было приведено в порядок, я сравнительно спокойно и терпеливо стал ожидать приближения ноября или декабря, чтобы осуществить свое намерение покинуть остров.

Как только установилась хорошая погода, я стал готовиться к путешествию и даже назначил день отплытия. Прежде всего, нужно было сделать необходимый запас провизии. Затем следовало разобрать плотину возле дока и спустить лодку на воду, на что нам понадобилось около двух недель.

Однажды утром, возясь около своей палатки, я велел Пятнице пойти на берег и поймать черепаху. Это поручалось ему раз в неделю, так как мы очень любили лакомиться черепашными яйцами и мясом. Не успел Пятница отойти от меня и сотни шагов, как вдруг бегом возвратился назад. Он бежал во весь дух, почти не касаясь земли. Одним взмахом перескочив через укрепление, он закричал:

— О, господин, господин! Горе! беда!

— В чем дело, Пятница? — тревожно спросил я.

— Ох! Там одна, две, три лодки!.. Одна, две, три! — ответил он, задыхаясь от волнения.

Сообразуясь с его обычным способом счета, я сначала подумал, что он увидел шесть лодок, но когда переспросил его, то оказалось, что к берегу пристали только три лодки.

— Так что же такое? — сказал я. — Чего ты так испугался? Пугаться вовсе нечего.

Я ободрял его, как мог, но, тем не менее, он был вне себя от страха. Ему казалось, что дикари явились нарочно затем, чтобы отыскать его, убить и съесть. Он дрожал как лист, и я не знал, как его успокоить. Наконец, я вздумал утешать его тем, что мы оба находимся в одинаковой опасности, и что если съедят его, то и меня вместе с ним за компанию.

— Но, — добавил я, — прежде, чем дойдет до съедения нас, нужно постараться защитить себя. Умеешь ты сражаться?

— Пятница может стрелять, господин научить его. Но там пришел много человек, — ответил он, указывая по направлению к берегу.

— Это ничего не значит, — проговорил я, — мы так напугаем их своими ружьями, что они и не осмелятся подойти к нам.

Затем я спросил его, станет ли он помогать мне, если я решусь первый напасть на дикарей, будет ли неотлучно при мне и сделает ли все, что я прикажу.

— Пятница умереть, когда прикажет господин! — было ответом моего верного слуги.

После этого я дал ему для храбрости хороший глоток рому, которого у меня еще было небольшое количество, и приказал подать мне два охотничьих ружья. Я зарядил их крупной дробью, вроде пистолетных пуль. Кроме того, я зарядил четыре мушкета, каждый двумя жеребейками ¹, и пятью пистолетными пулями и два пистолета, двумя пулями каждый. Сверх этого я привесил себе сбоку саблю, а Пятнице дал топор. Вооружившись таким образом, я взял зрительную трубу и отправился на гору для наблюдений. С горы в свою трубу я увидел на берегу три лодки, чело-

¹ Жеребейка — рубленый свинец, округляемый во рту зубами.

век двадцать дикарей и трех пленников. Очевидно, эти непрошенные гости опять пожаловали с целью совершить свое отвратительное пиршество, которым они имели обыкновение праздновать победу над врагами. Они остановились недалеко от бухты, где берег был очень низок и весь покрыт густым лесом. При виде приготовления этих злодеев к ужасному пиршеству мною овладело такое негодование, и мне так захотелось помешать их бесчеловечному удовольствию, что я решил тотчас же сделать на них нападение и объявил об этом Пятнице, причем еще раз спросил его, желает ли он остаться со мною или перейдет на сторону своих соотечественников. Но в нем уже сказалось благотворное действие рома: он больше не дрожал и не робел и твердым голосом, сверкая глазами, горячо повторил, что никогда меня не оставит, никого, кроме меня, знать не хочет и готов умереть по моему первому слову.

Затем мы пустились в путь.

мой начал остывать, мысли мои приняли другое направление, и я стал колебаться в своем намерении. Пусть не подумают, что я побоялся количества врагов; их бояться было нечего, потому что они все были не только без оружия, но даже без всякой одежды, и я мог бы справиться с ними один. Мне просто пришли на ум следующие соображения: зачем, по какому праву и в силу какой необходимости я хочу обогреть

Весь пылая гневным одушевлением, я дал Пятнице один из пистолетов, который он заткнул за пояс, как сделал я, и три ружья, а другой пистолет и остальные три ружья я оставил себе. Спустившись вниз, я захватил из кладовой маленькую фляжку рому и мешок с порохом и пулями, который передал Пятнице. Затем мы пустились в путь. Я внушил Пятнице, что он должен не отставать от меня ни на шаг, не двигаться с места, не стрелять, и вообще не делать ничего без моего приказа, а главное — молчать.

Чтобы обойти бухту и приблизиться к неприятелю на расстояние ружейного выстрела со стороны леса, мы пошли в обход. Нужно было пройти около мили. Во время этого обхода пыл

свои руки кровью этих людей, которые не сделали мне никакого зла, да, вероятно, никогда и не подумают трогать меня? Ведь их варварские обычаи, так возмущающие меня, составляют, в сущности, их собственное несчастье. И раз Бог судил им коснеть в невежестве и жестокости вместе с другими дикарями, населяющими эту часть света, то Он же Сам и покарает их, если будет Ему угодно, а уж никак не я призван быть их судьей, а тем более — исполнителем небесного правосудия. Скорее Пятница имел право напасть на них: он был в открытой вражде с ними и раньше вел войну. По крайней мере, он сам сказал мне, что прибывшие дикари принадлежат к числу тех, которые всегда воюют с его племенем.

Эти мысли так отрезвили меня, что я стал продолжать путь с целью уже только посмотреть поближе на то, что будут делать дикари, и вмешаться лишь тогда, когда меня принудят к тому обстоятельства, и я почувствую, что Сам Бог повелевает мне это.

В таком настроении я тихо и осторожно вошел в лес. Пятница скользил за мной, как тень. Мы прошли до самой опушки леса, как раз позади дикарей, расположившихся на берегу. Нас отделяла от них одна молодая лесная поросль. Остановившись сам под деревом, я велел Пятнице осторожно пройти немного вперед и посмотреть, что делают дикари. Он повиновался. Возвратившись через минуту назад, он объявил, что видел всех дикарей: они сидят вокруг огня, поедая мясо зарезанного пленника, а неподалеку лежит другой пленник, которого, вероятно, тоже потом убьют и съедят. Опять в моей душе закипело негодование, превратившееся почти в бешенство, когда Пятница добавил, что этот пленник не дикарь, а один из тех белых бородатых людей, которые поселились у его племени. Сам не свой, я пробрался вперед, спрятался за дерево и взглянул в зрительную трубу. На берегу, в некотором расстоянии от костра, действительно, лежал белый человек, связанный по рукам и ногам водорослями. По лицу, по платью сразу было видно, что это европеец.

Локтей на пятьдесят ближе к дикарям стояло другое дерево, за чашей кустарника. Я видел, что нетрудно будет пробраться незамеченным до этого дерева, сделав лишь небольшой обход, и тогда я буду от дикарей не больше, как на полвыстрела. Сдерживая свое нетерпение, я пошел кругом позади кустарника, пока не дошел до дерева. Там оказалось небольшое возвышение, на которое я и поднялся. Теперь дикари были от меня так близко, что я ясно мог видеть каждое их движение и даже слышать их голоса.

Из группы дикарей, сидевших вокруг огня, двое вдруг встали с очевидным намерением убить белого и, быть может, уже по частям перенести его к костру. Действительно, они бегом направились к нему и уже нагнулись, чтобы развязать ему ноги. Нельзя было терять ни одной секунды. Я обернулся к Пятнице и шепнул ему на ухо:

— Слушай, Пятница: делай все, что буду делать я, следи за каждым моим движением и смотри, не ошибись в чем-нибудь.

Пятница обещал подражать мне во всем. Я поставил одно из ружей на землю; Пятница сделал то же. Затем я прицелился в дикарей из другого ружья, знаком приказав Пятнице подражать мне.

— Готов? — спросил я, не оборачиваясь.

— Да, — ответил Пятница.

— Стреляй! — шепнул я.

В эту минуту я спустил курок, Пятница тоже. Оказалось, что его выстрел был удачнее: он убил двух наповал и трех ранил, а я убил только одного и ранил двух.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

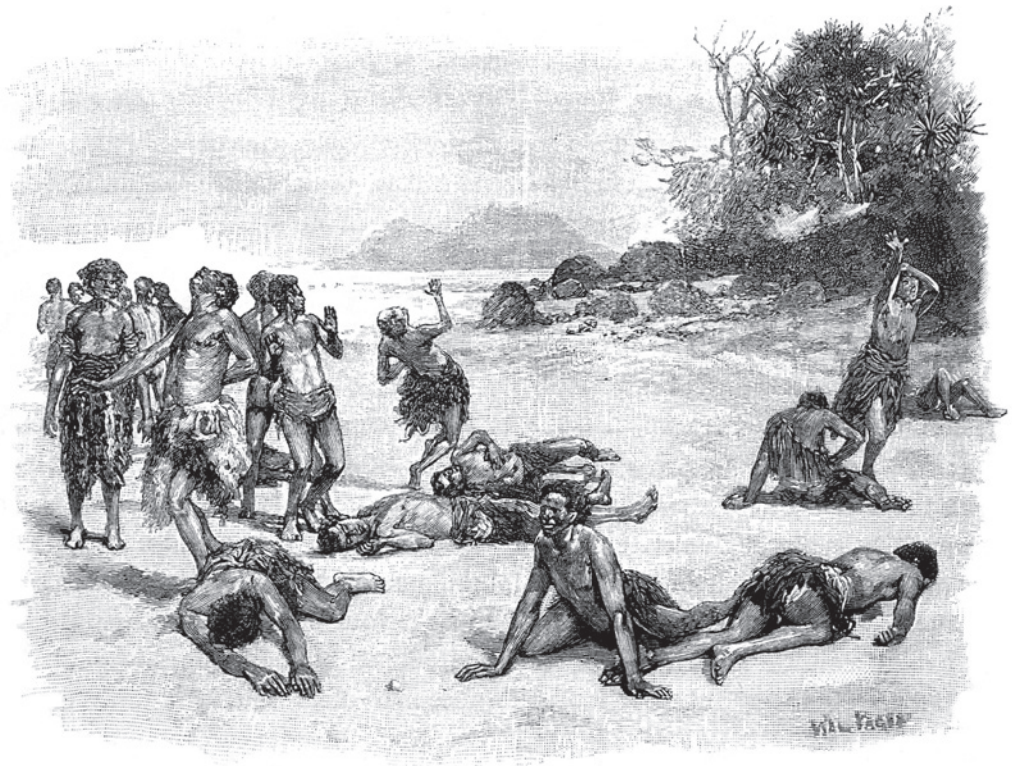
Можно себе представить испуг дикарей! Уцелевшие дружно вскочили, точно они были на пружинах, не зная, куда бежать и смотреть, и недоумевая, откуда вдруг на них это неожиданное нападение. Пятница, твердо помня мои приказания, не спускал с меня глаз и следил за малейшим моим движением. Сделав выстрел, я бросил мушкет и взял охотничье ружье. Пятница сделал тоже. Я прицелился. Пятница опять с точностью подражал мне.

— Готов? — тихо спросил я.

— Да, — так же тихо ответил он.

— Стреляй!

Мы снова выстрелили в растерявшихся людоедов. Так как наши ружья были заряжены только так называемой лебединой дробью и маленькими пистолетными пулями, то мы свалили с ног всего двоих, но зато дробь попала во многих, и все они,

Мы выстрелили в растерявшихся людоедов.

покрытые кровью, с криками и стонами забегали взад и вперед, как сумасшедшие. Немного спустя, еще двое или трое упали на землю, громко воя от боли, или, вернее от испуга, не понимая, что собственно с ними делается.

— Теперь, Пятница, — шепнул я, — следуй за мной.

Я положил на землю разряженное ружье и взял мушкет. Пятница сделал то же. После этого я выскочил из-за своего прикрытия и бросился прямо на дикарей; Пят-

ница храбро следовал за мной. Когда я заметил, что дикари увидели меня, я закричал страшным голосом; Пятница рывкнул еще страшнее. От этой новой неожиданности дикари шарахнулись назад. Пользуясь их смятением, я поспешил к белому пленнику. Он лежал на поддороге от костра к воде. При первых наших выстрелах те двое дикарей, которые хотели зарезать пленника, в ужасе оставили его и бросились к лодке, где к ним присоединились три их товарища. Я указал на них Пятнице и приказал стрелять в них. Он подбежал к ним почти в упор и выстрелил. Я думал, что он убил их всех, потому что они упали на дно лодки, но вскоре двое снова поднялись. Убито было двое, а один смертельно ранен; он тоже умер через несколько минут.

Пока Пятница стрелял, я перерезал ножом водоросли, которыми был связан пленник. Освободив ему таким образом руки и ноги, я поднял его и спросил на португальском языке, как его зовут.

— *Christianus*¹, — прошептал он почему-то по-латыни.

Он был так истощен и слаб, что не только не мог стоять, но с трудом шевелил языком. Я снова опустил его на землю, вынул из кармана фляжку с ромом и, бережно поддерживая его, дал ему выпить глоток; потом я подал ему кусок лепешки. Когда он съел этот кусок, я дал ему другой и спросил у бедняги, какой он народности.

— Испанец, — ответил он, видимо, подкрепленный глотком рома.

Придя немного в себя, незнакомец дал мне понять, как он благодарен за спасение его жизни.

— Сеньор, — сказал я, внутренне благодаря судьбу за то, что она раньше дала мне возможность ознакомиться немного с испанским языком, — об этом мы поговорим после, нам нужно избавиться от наших врагов. Если вы в силах, возьмите вот этот пистолет и саблю.

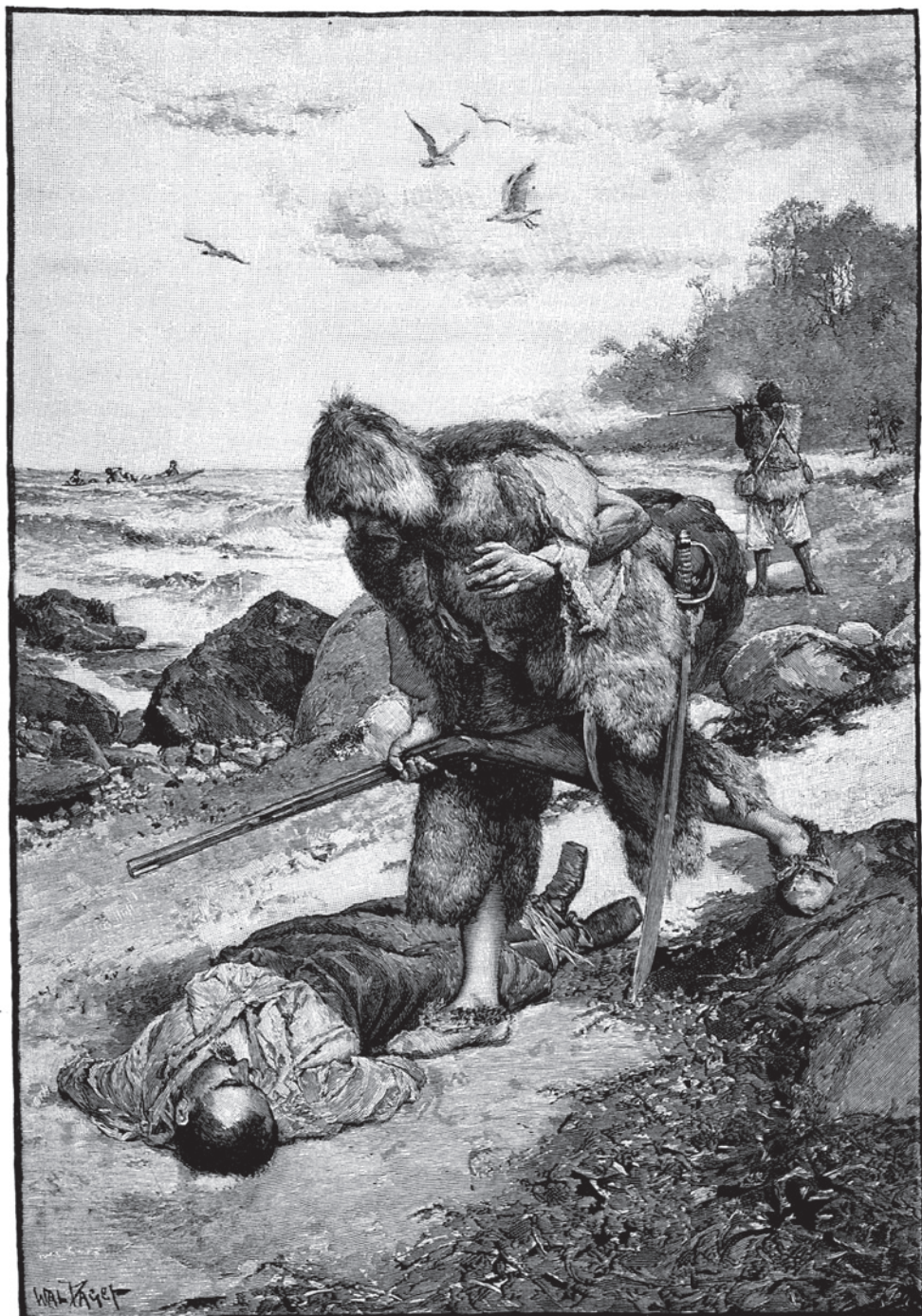
Испанец с радостью принял мое предложение и сразу поднялся на ноги, точно одно только прикосновение к оружию возвратило ему все его силы. Он энергично бросился на своих палачей и в одно мгновение изрубил двоих в куски. Говоря по правде, не трудно было и справиться с этими жалкими существами: они были так поражены неожиданностью и странностью всего происходившего, что не были в состоянии даже бежать, а не только дать хоть какой-нибудь отпор. Мне думается, половина из них умерли не от ран, а прямо от страха.

Держа наготове свое заряженное ружье, я приказал Пятнице сбегать и принести все наши разряженные ружья. Он исполнил это очень быстро. Я стал заряжать принесенные Пятницей ружья и сказал ему и испанцу, чтобы они брали у меня готовое ружье по мере надобности.

Между тем у испанца завязался ожесточенный бой с одним из дикарей. Последний, очевидно опомнившись, бил испанца деревянным мечом, владея им с изумительным искусством. Испанец, несмотря на свою слабость, дрался тоже очень храбро и ловко, чего никак нельзя было ожидать от него. Он нанес дикарю несколько ран в голову, но дикарь был здоровый и крепкий малый. Схватив своего противника за плечи, он повалил его на землю и старался вырвать у него из рук саблю. Испанец выпустил саблю, но лишь для того, чтобы выхватить из-за пояса пистолет и выстрелить

¹ *Christianus* — христианин.

Я перерезал ножом водоросли, которыми был связан пленник.

в душившего его дикаря. Прежде чем я успел прибежать на помощь к испанцу, он уже убил своего противника наповал.

Пятница бросился в погоню за остальными бежавшими дикарями. У него в руках был топор, которым он уже отправил несколько человек к их праотцам и угрожал добить остальных. Испанец попросил у меня ружье, с которым тоже пустился преследовать бегущих. Ему удалось ранить двоих, но затем силы ему изменили, и он остановился. Раненые бежали в лес, куда за ними бросился Пятница. Одного из них он убил, а другой, несмотря на свои раны, стал вплавь догонять тех двух товарищей, которые укрылись в пироге. Таким образом, из двадцати одного человека дикарей только трое успели уйти от нас в лодке.

Вот подробный отчет об этом деле. Пять человек убито при наших первых двух выстрелах; пятеро убито Пятницей, трое испанцем; четверо найдены мертвыми в лесу; вероятно, они были ранены нашими выстрелами и добиты потом Пятницей; один оказался утонувшим у самого берега; трое бежали в лодке. Всего двадцать один человек.

Беглецы в лодке усиленно работали веслами, спасаясь от выстрелов. Пятница два раза выстрелил в них, но я не заметил, чтобы кто из них упал. Пятница настаивал на том, чтобы пуститься за ними в погоню в одной из оставленных ими пироги. Так как я боялся, что дикари, если спасутся, соберут несколько сот своих единоплеменников и явятся с ними отомстить за смерть товарищей, то решился последовать совету Пятницы и устроить погоню. Приказав ему следовать за собой, я бросился к одной из пирог и прыгнул в нее. Но каково же было мое изумление, когда я увидел на дне лодки связанного дикаря, который, вероятно, тоже был обречен на смерть и съедение. Не имея возможности выглянуть из лодки и едва живой от страха, он, видимо, терялся в догадках относительно того, что происходило на берегу. Он был так крепко связан и так долго оставался в этом положении, что не мог пошевелиться, и лежал, как мертвый.

Я освободил ему руки и ноги, перерезав крепко стянутые жгуты из стеблей шпажника и тростника, и хотел помочь ему встать. Но несчастный дикарь не был в силах ни стоять, ни говорить и только жалобно стонал, думая, что я развязал его лишь затем, чтобы умертвить. Я просил Пятницу объяснить дикарю, что ему нечего бояться, что я король этой страны и спас ему жизнь. Вместе с тем, я велел дать бедняжке глоток рома. Слова Пятницы и ром не замедлили оказать благотворное действие: дикарь сразу оживился и сел в лодке. Но как только Пятница услышал голос дикаря и всмотрелся в его лицо, произошла такая сцена, которая могла бы тронуть до слез даже каменные существа, Пятница бросился к дикарю, начал целовать, обнимать и прижимать его к своему сердцу. Он плакал, смеялся, кричал, прыгал, плясал и пел возле него. Плача, он ломал себе руки, бил себя по голове и лицу, а смеясь, скакал, прыгал и визжал от радости, как настоящий умалишенный. Не скоро мне удалось, наконец, добиться от него, в чем дело. Только несколько успокоившись, он объяснил мне, что этот дикарь его отец.

Я не в состоянии выразить, как глубоко меня тронули восторженные изъявления сыновней любви Пятницы. Чего он только ни делал под влиянием радости, что видит своего отца спасенным от ужасной смерти! Он то выбегал из лодки, то снова одним прыжком возвращался в нее, садился возле отца, обнажал свою грудь, прижимал к ней его голову, оттирал и согревал своими руками и дыханием онемевшие члены старика, причем из его глаз лились целыми потоками радостные слезы. Чтобы скорее

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

восстановить силы его отца, я посоветовал ему растереть его ромом; на это он ответил мне таким благодарным взглядом, который я никогда не забуду.

Неожиданная встреча Пятницы с его отцом помешала нам выполнить наше намерение относительно преследования беглецов в пироге, которая успела почти совсем скрыться из виду. Впрочем, это избавило нас от большой опасности, потому что часа через два, когда беглецы едва могли пройти четверть пути, начался сильный ветер, продолжавшийся всю ночь вплоть до утра. Так как ветер этот дул навстречу беглецам, то я думаю, что они не могли справиться с ним и, по всей вероятности, погибли.

Но возвратимся к Пятнице. Он так был поглощен уходом за отцом, что у меня не хватало духу мешать ему. Однако, он мне был нужен. Находя, что ему можно будет на несколько минут покинуть отца, я подозвал его к себе. Услышав мой зов, Пятница, весь сияя от восторга, смеясь и подпрыгивая, подбежал ко мне. Я спросил его, дал ли он отцу хлеба. Отрицательно покачивая головой, он ответил:

— Нет. Я, скверный собака, все съесть сам.

Схватив своего противника за плечи, он повалил его на землю и старался вырвать у него из рук саблю.

Я дал ему лепешку, которая была у меня в кармане вместе с кое-какими другими припасами. Выходя из дому, я на всякий случай всегда запасался всем, что могло оказаться нужным в пути. У меня был и изюм, который я тоже велел Пятнице передать его отцу. Затем я предложил ему самому выпить глоток рому, чтобы подкрепиться после всех испытанных им волнений, но он отказался от этого в пользу отца.

Едва Пятница успел отдать все отцу, как снова выскочил из пироги и бросился бежать, как будто чего-то страшно испугался. Он бежал так скоро, что в одно мгновение скрылся у меня из виду. Вообще, быстрота его ног была поразительная. Желая узнать, что еще случилось, я стал было звать его, кричал ему, чтобы он возвратился, но он продолжал бежать, не оглядываясь. Через четверть часа он возвратился, но уже не таким скорым бегом, неся что-то в руках. Оказалось, что он сбегал в укрепление и принес оттуда кувшин со свежей водой и две лепешки. Последние он передал мне, зная, что у меня с собою были только две лепешки, из которых я одну отдал испанцу, а другую — его отцу; вероятно, он опасался, что я сам захочу есть. Но мне хотелось не есть, а пить, и поэтому я отпил часть воды, предназначенной Пятницей для отца. Тот вполне ожил, когда выпил несколько глотков воды; от жажды он страдал не меньше, чем от уза.

Испанцу тоже очень хотелось пить, и он сказал мне об этом. Видя, что отец Пятницы напился, я велел последнему дать напиться и испанцу, который совершенно ослаб и в полном изнеможении лежал на траве под деревом. Его руки и ноги точно так же, как и у отца Пятницы, сильно распухли в тех местах, где они были стянуты узами. Вместе с водой я послал ему еще одну лепешку. Когда Пятница подошел к нему, он приподнялся и стал жадно есть и пить. Видя, что он съел всю лепешку, я дал ему на закуску кисть изюму. Брошенный им на меня взгляд выражал такую глубокую признательность, на какую может быть способен только спасенный от смерти человек. Он все еще не мог как должно держаться на ногах, хотя был крепкого сложения и вполне здоровый. Он раза два попробовал встать, но не мог. Понимая, что ему, должно быть, страшно больно стоять на опухших ногах, я попросил его полежать спокойно еще несколько минут и приказал Пятнице растереть его ромом, как он это сделал с отцом.

Растирая испанца, Пятница ежеминутно оборачивался, чтобы посмотреть, что делается с отцом. Вдруг он молча вскочил и вихрем помчался к лодке. Он заметил, что отец снова лег на дно лодки, и подумал, не умер ли он. Убедившись, что отец лег, чтобы лучше расправить члены, он успокоился и вернулся к нам. Я велел ему помочь испанцу перейти в пирогу, чтобы всем вместе отправиться в укрепление, куда я намерен был поместить испанца. Но Пятница, обладавший завидной силой, взял испанца на руки, как маленького ребенка, и бегом донес его до лодки, в которую и уложил его. Потом один, отказавшись от моей помощи, он сдвинул пирогу в воду и, несмотря на встречный ветер, с такой быстротой поволок ее вдоль берега, что я едва поспевал за ним. Введя лодку в бухточку, он побегал за другой пирогой, оставленной дикарями. Когда он встретился со мной, я спросил его, куда он бежит.

— Брать другой лодка, — ответил он.

Проговорив эти слова, он пролетел мимо меня, как ветер. Я уверен, что не только ни один человек не может бежать так быстро, как бегал мой Пятница, но даже лошадь не сравнится с ним в быстроте ног. Он вскоре догнал меня и со второй лодкой.

Мы хотели высадить своих гостей, чтобы отправиться домой, но ни один из них не мог ступить на ноги. Подумав немного, как помочь горю, я с помощью Пятницы устроил из толстых сучьев носилки, на которых мы и перенесли в укрепление испанца и отца Пятницы. Собственно говоря, мы донесли их лишь до наружной стены укрепления. Там я снова призадумался в виду нового затруднения. Пересадить своих гостей через стену оказывалось невозможным, а ломать стену не хотелось. Обсудив дело со всех сторон, я нашел, что нельзя ничего лучше сделать, как устроить для гостей палатку между укреплением и окружавшей его рощей. Для этой цели оказались пригодными лоскутья старых парусов, которые я было бросил. Выбрав наиболее крепкие куски, мы с Пятницей в несколько часов устроили очень недурную палатку, прикрыв ее сверху хворостом и зелеными ветвями. Затем, мы приготовили в палатке две постели из рисовой соломы и положили на каждую по две простыни, из которых одна должна была служить вместо одеяла.

Теперь мой остров был населен. Обладая некоторым количеством подданных, я мог считать себя королем. Да разве я и в самом деле не был королем? Ведь вся эта страна была моей неотъемлемой собственностью, и я имел полное право владеть ей, а мои подданные были безусловно подчинены мне; я был для них верховным властителем и законодателем, потому что, кроме меня, над ними не было никого. Так как все они были обязаны мне жизнью, то я мог быть уверен, что они при случае не задумаются пожертвовать ей ради спасения моей жизни. Кстати сказать, всего интереснее было то, что мои трое подданных были различных религий: Пятница под моим влиянием сделался протестантом, отец его был язычником и людоедом, а испанец был католиком. Впрочем, это ничего не значило, так как я допускал в своих владениях полную свободу вероисповеданий... Однако, будем продолжать дальше.

Избавив моих гостей от неминуемой смерти и дав им приют, я должен был позаботиться и о том, чтобы они были сыты. Для этого я приказал Пятнице принести из моего стада годовалого козленка и заколоть его. Разрезав заднюю ногу козленка на мелкие части, мы с Пятницей приготовили из нее очень вкусное кушанье, прибавив в него рису и ячменных круп. Стряпня и варка происходили близ новой палатки, куда Пятница и отнес все, когда поспело. Мы внесли в палатку несколько досок, из которых устроили нечто вроде стола, вокруг которого все вместе и уселись. Могу сказать по совести, что я был очень радушным хозяином и угощал своих гостей на славу, чем только мог. Так как оказалось, что испанец лучше говорил на языке дикарей, чем я по-испански, то Пятница во время беседы служил мне переводчиком не только с его отцом, но и с испанцем.

Когда мы поужинали, я приказал Пятнице сесть в пирогу и привезти все наше оружие, которое мы впопыхах оставили на месте сражения. Он исполнил это приказание очень быстро. Утром на следующий же день я послал его похоронить тела убитых, чтобы разложение их на жаре не произвело заразы. Я велел ему также зарыть в землю все остатки страшного пиршества дикарей, которых было очень много. Я никогда не был бы в состоянии не только убирать эти остатки, но даже до сих пор не мог заставить себя проходить мимо них, не отвернувшись.

Пятница со своей обычной добросовестностью исполнил все мои приказания и уничтожил все следы отвратительного пиршества дикарей и нашей битвы с ними, так что я после узнавал то место лишь по положению.

Когда он возвратился домой, я снова заставил его быть посредником в моей беседе с гостями или, пожалуй, с моими подданными. Сначала я велел Пятнице узнать, что думает его отец относительно тех людей, которым удалось спастись бегством в пироге; есть ли основание опасаться их возвращения с сильным подкреплением. Отец Пятницы высказал мнение, что беглецы, наверное, погибли в пути во время свирепствовавшей ночью бури или же занесены на юг к берегам другой земли, где им тоже несдобровать, потому что там они могли попасть во власть чужих племен. Что же касается того, что они предпримут, если благополучно достигли своего берега, то есть, соберут ли они народ, чтобы возвратиться на остров или нет, то он не мог дать на этот вопрос верного ответа, но полагал, что они были слишком напуганы нашим неожиданным нападением на них, огнем и грохотом наших ружей, чтобы им могла прийти в голову мысль о возвращении хотя бы и в гораздо большем количестве. По его убеждению, они расскажут своим соотечественникам, что все их товарищи были убиты громом и молнией, которые бросали в них явившиеся из ада злые духи, и что один из этих духов был в образе белого человека, а другой в образе черного. Он думал так потому, что сам слышал, как они кричали друг другу, что только злые духи и могут бросать гром и молнию, а никак не люди.

Старик был прав. Впоследствии я узнал, что не только те дикари, но дикари и соседних с ними племен не решались больше приставать к моему острову. Беглецы спаслись и, действительно, распространили слух, что на острове появились злые духи, которые убивают громом и молнией всех людей, осмеливающихся приставать к этому острову. Но долго не зная об этом, я жил в страхе и постоянно держал наготове свою «армию». Кстати сказать, несмотря на малочисленность моего войска, я надеялся, что при его помощи слажу хоть с целой сотней дикарей.

Однако по прошествии некоторого времени я начал успокаиваться, видя, что дикари действительно больше не появляются. Мною снова овладела мысль о путешествии к соседней земле, тем более, что, по словам отца Пятницы, я мог рассчитывать там на хороший прием уже в силу хотя того, что я сделал для него и его сына.

Но я немного изменил мой проект, когда серьезно поговорил с испанцем и узнал от него, что в той земле действительно находятся шестнадцать человек испанцев и португальцев, его товарищей по кораблекрушению. Они, хотя и нашли приют у дикарей, и живут с ними в дружбе, но терпят большую нужду во всем, даже в самом необходимом, для мало-мальски сносного существования. Я попросил его рассказать мне подробности своего путешествия, так грустно окончившегося, и он сообщил мне следующее. Он ехал на испанском корабле, шедшем из Рио-де-Ла-Платы в Раванну, где должен был сложить груз, состоявший, главным образом, из звериных шкур и серебра, и взять оттуда европейский товар, какой случится. На этом корабле было пять португальских матросов, принятых с другого корабля, потерпевшего крушение. При гибели корабля, на котором ехал испанец, утонуло пятеро, а остальные, в том числе и он, с громадным трудом, храбро борясь с опасностями и всякого рода трудностями, добрались в шлюпке до берега людоедов, где они ежеминутно ожидали быть растерзанными и съеденными.

Рассказав это, испанец прибавил, что у него и его товарищей хотя и осталось кое-какое оружие, но оно было совершенно бесполезно, так как водою подмочи-

ло весь их порох, за исключением очень небольшого количества, случайно уцелевшего у одного из них; весь этот порох они употребили на добывание себе пропитания.

Я спросил, что он думает относительно будущности его товарищей, и не было ли у них составлено плана побега. Он ответил, что они все много толковали по этому поводу, но ни до чего не договорились, так как не имели судна и не могли построить его; а потому все их совещания оканчивались только отчаянием и слезами.

Тогда я осведомился, не может ли он сообщить мне, как приняли бы его товарищи мое предложение освободить их и перевезти всех на мой остров. При этом я откровенно признался, что опасаясь сделаться жертвою их вероломства и измены, если доверюсь им, так как знаю, что благодарность не составляет природного свойства всех людей, и что многие часто согласуют свои поступки не с оказанными им услугами, а с теми выгодами, которых они ожидают для себя в будущем.

— Было бы очень обидно, — продолжал я, — если бы я сделался орудием их освобождения и возвратил им свободу только для того, чтобы они выдали меня в качестве пленника в Новой Испании, где каждый англичанин может быть уверен, что его не пощадят, не взирая на то, какая необходимость или какая случайность привела его туда. Лучше отдать себя в руки дикарям и быть съеденным ими, нежели очутиться в безжалостных руках испанского духовенства и сделаться жертвою инквизиции.

При этом я добавил, что, оставляя в стороне высказанные опасения, я убежден, что будь все его товарищи на острове, то мы с ними построили бы какое-нибудь большое судно, в котором могли бы добраться до южного берега Бразилии или до близлежащих островов, а то и до северного берега Испании. Но что, если его товарищи, получив в руки оружие, овладеют мной и силой потащат в свое отечество? Тогда моя участь, конечно, будет еще плачевнее, чем была до сих пор, и я получу очень дурную отплату за свое доброе дело.

Испанец, видимо, взволнованный, искренним голосом ответил, что положение его товарищей так ужасно, и они так глубоко чувствуют и сознают это, что одна мысль поступить дурно с человеком, который доставит им возможность освободиться, может привести их в ужас; они все с негодованием отвернулись бы от того, кто решился бы только намекнуть им на что-нибудь подобное. Он прибавил, что если я желаю, то он сам отправится к ним в сопровождении отца Пятницы, переговорит с ними и привезет мне ответ. Но перед тем, как сообщить им о моем намерении, он возьмет с них клятву, что они готовы признать мой авторитет как вождя и капитана, и заставит их присягнуть на Евангелии, что они не изменят мне, беспрекословно последуют за мною, куда я их поведу, и во всем будут повиноваться мне, пока не достигнут целыми и невредимыми берегов избранной мной страны. Кроме того, он обещал привезти мне договор, составленный с его товарищами и скрепленный их собственноручными подписями.

Сказав это, он объявил, что первый присягнет мне в том, что не оставит меня во всю свою жизнь, пока я сам не пожелаю расстаться с ним, и что он готов пролить за меня свою кровь в том случае, если бы его товарищи все-таки вздумали изменить мне. Но он уверил меня, что все его товарищи люди вполне честные и надежные; оставшись без оружия и одежды и питаясь лишь тем, что им дадут дикари

из жалости, они находятся в самом ужасном положении; что у них погасла всякая надежда когда-нибудь возвратиться в отечество, и что, наконец, если я решусь помочь им, то нечего и сомневаться в том, что все они будут готовы не только жить, но и умереть вместе со мной.

Ободренный этими уверениями, я решился во что бы то ни стало помочь несчастным товарищам испанца освободиться, если только это окажется возможным, и послал к ним отца Пятницы и самого испанца для переговоров. Когда все было готово к отплытию моих послов, испанец сделал мне одно предложение, которое, с одной стороны, заключало в себе столько благоразумия, а с другой — столько бескорыстия, что я не мог не одобрить его; но, принимая это предложение, я должен был отложить выполнение своего намерения на целые полгода. Дело было вот в чем. Прожив с нами почти месяц, испанец узнал, каким путем я благодаря помощи Провидения удовлетворяю своим насущным потребностям в этой пустыне. Между прочим он понял и то, что имевшихся у меня запасов ячменя и рису было вполне достаточно для одного лишнего человека, но для всех его товарищей их могло хватить очень ненадолго, даже при самой строгой экономии. Он совершенно резонно заметил, что этих запасов не только не хватит до тех пор, пока мы доберемся до какой-нибудь населенной страны, в роде, например, одной из английских колоний, куда я намерен был направиться, но даже и на то время, которое нам понадобится для постройки судна. Поэтому он подал очень основательный совет — сначала обработать новое поле и засеять его оставшимися семенами, чтобы получить большую жатву. Сделать это было теперь нетрудно, принимая во внимание увеличение у меня числа рабочих рук. Испанец вполне разумно говорил, что если не приготовить достаточно хлеба, то могут возникнуть большие недоразумения, когда соберется много людей, и мы, вместо того, чтобы освободиться, только навлечем на себя новые бедствия.

— Вы знаете, — сказал он между прочим, — что израильтяне сначала радовались своему исходу из Египта, а потом возмутились не только против Моисея, но даже против Самого Бога, когда у них в пустыне не хватило хлеба.

Предусмотрительность и прекрасный совет, испанца так понравились мне, что я беспрекословно согласился с ним. Нечего и говорить, что с этой минуты я вполне стал доверять ему, видя его честность и благоразумие. Выбрав удобный участок земли, мы все вместе принялись за его обработку, насколько нам это позволяли мои несовершенные деревянные орудия. Не прошло и месяца, как участок был вспахан и приготовлен к посеву. Как раз в это время наступила и пора посева. Мы посеяли двадцать два бушеля ячменя и шестнадцать кувшинов риса; больше я не мог уделить из своих скудных запасов. Я оставил ячменя лишь столько, сколько было нужно для прокорма четырех человек в течение нескольких месяцев, считая с того дня, когда я решил сделать новый посев, до следующей жатвы.

Теперь, живя в обществе троих преданных мне людей, я больше не опасался нападения дикарей, уверенный, что мы с ними справимся, если только они не явятся целой толпой. Мы безбоязненно ходили по всему острову, занятые только мыслью о своем освобождении. Каждый из нас придумывал что-нибудь новое, что могло бы помочь нам осуществить свою мечту.

Вполне уверенный, что товарищи испанца с радостью согласятся на мое предложение, я уже наметил несколько деревьев, годных для постройки судна. Я поручу

чил Пятнице и его отцу срубить эти деревья, а испанца просил быть надзирателем за работой. Я рассказал им, ценою каких усилий и трудов добывал доски из деревьев, и научил моих новых работников делать их тем же способом, за невозможностью применить лучший, так как не имелось необходимых орудий. Деревья, выбранные мною, были дубы, и я велел сделать из них двенадцать досок шириною в два фута, длиною в тридцать пять футов и толщиною около двух дюймов. Можно представить себе, сколько было пролито Пятницей и его отцом пота над этой адской работой!

Между тем, я позаботился и об увеличении своего маленького стада домашних коз. Для этой цели я и мои «поданные» поочередно ходили на охоту, которая производилась следующим образом. Встретив козу с детенышами, мы ее саму убивали, а козлят забирали и приносили в стадо, где они скоро привыкали. Этим способом мы изловили до двадцати штук козлят.

Затем, когда настало время сбора винограда, мы столько набрали и засушили его, что можно было бы наполнить им несколько десятков бочек. Этот виноград вместе с хлебом должен был служить нашим главным пищевым продуктом. Могу всех уверить, что отлично можно обойтись с одним хлебом и виноградом, так как тот и другой вместе очень питательны, не говоря уж о том, что они очень вкусны.

Наконец, наступило время жатвы. Урожай был хороший, хотя можно было ожидать и еще лучшего, принимая во внимание удивительное плодородие здешней почвы; но мы были довольны и тем, что уродилось, потому что и этого урожая было вполне достаточно для наших потребностей. Двадцать два бушеля ячменя дали умоту до двухсот двадцати двух. Рис дал такое же количество. Этого свободно могло хватить нам до будущей жатвы, если даже к нам прибавится еще шестнадцать человек; во всяком случае, было вполне достаточно, чтобы нам всем прокормиться во время нашего предполагаемого путешествия.

Ссыпав зерно в кладовую, мы принялись делать большие корзины, в которых могли бы нагрузить его на судно. Испанец оказался большим мастером по этой части. Он шутя упрекал меня, что я не устроил своих изгородей по тому же способу, по какому я плел корзины; способ этот, действительно, был хорош, но читатели знают, что у меня дело обошлось и без него.

Когда все запасы были готовы, я предложил испанцу отправиться к соседнему берегу и уговориться с своими товарищами относительно задуманного нами путешествия. Я дал ему строгое письменное предписание не привозить на мой остров ни одного человека, не заставив его предварительно в моем присутствии и в присутствии отца Пятницы присягнуть в том, что им не будет нанесено никакой обиды тому, кто по своей доброте посылает за ним и заботится об его освобождении; что, напротив, каждый обязан поддерживать меня и защищать против всякого врага, безусловно подчиняясь всем моим распоряжениям. Присягу эту следовало написать и предложить каждому подписать ее. Того, что у несчастных товарищей испанца могло не быть ни перьев ни чернил, из нас никому не приходило в голову.

Получив подробные наставления, испанец и отец Пятницы отправились в путь в одной из пирог, оставленных дикарями, привезшими их обоих на остров для съедения. Я дал им по мушкету с кремневыми замками и по восьми зарядов, советуя по возможности беречь заряды и тратить их только в самых крайних случаях.

Я был в восторге, собирая в путь своих послов, потому что это было первое целесообразное дело, предпринятое мною в течение с лишком двадцати семи лет для своего освобождения. Кроме оружия я снабдил послов таким запасом хлеба и сушеного винограда, какой был им необходим для питания в течение недели, необходимой для путешествия к соседней земле и обратно. Уговорившись о сигнале, который они должны были подать при возвращении, чтобы я сразу мог узнать их, испанец и его темнокожий спутник отчалили от берега. Я посылаю им вслед с берега всевозможные пожелания до тех пор, пока, по моим расчетам, они могли меня слышать.

ГЛАВА VI

Корабль. — Высадка англичан. — Предложение им услуг. — Посещение ими моего укрепления. — Меры предосторожности. — Новая высадка. — Наказание мятежников. — Я — губернатор острова. — Взятие корабля. — Благодарность капитана. — Отъезд. — Прибытие на родину.

По моему расчету, я проводил послов в октябре. Было полнолуние, и дул попутный ветер. Раз потеряв счет дней, я не мог по-прежнему вести свой календарь, не мог даже точно определить количество лет, проведенных мной на острове; по крайней мере, я так думал. Но впоследствии при проверке оказалось, что мой счет был совершенно верен за исключением одного дня, пропущенного мной во время болезни, как я уже говорил раньше.

По прошествии восьми дней со времени отъезда моих послов со мною случилось такое странное и непредвиденное происшествие, какого мне еще ни разу не приходилось заносить в свою историю. Было раннее утро, и я еще крепко спал в своей палатке, как вдруг ко мне вбежал Пятница, крича во все горло:

— Господин, господин! приехали!

Думая, что вернулись мои послы, и не подозревая никакой опасности, я вскочил с постели и, не давая себе времени одеться как следует, перелез через укрепление и выбежал в разведенную мною рощу, превратившуюся в то время уже в настоящий густой, непроходимый лес. Не предвидя ничего дурного, я не захватил с собою никакого оружия, хотя обыкновенно ни шагу не делал без него.

К величайшему моему изумлению, я увидел на море приблизительно в пяти милях от берега большую шляпку под косым парусом, быстро несшуюся к острову, благодаря подгонявшему ее ветру. Насколько я мог понять, шляпка шла по направлению от южной оконечности острова.

Подозвав Пятницу, я приказал ему спрятаться и высмотреть, что за люди сидят в шляпке, а сам поспешил за зрительной трубой. Взяв из палатки трубу, я взобрался на вершину горы, как всегда делал во время опасности или когда хотел произвести рекогносцировку.

Теперь я ясно разглядел, что на юго-востоке, милях в четырех от берега, стоит на якоре корабль. По всем признакам этот корабль был английским, точно так же, как и шляпка. Собственно говоря, это скорее был баркас, нежели шляпка.

Не могу передать той радости и вместе с тем того смущения, которые овладели мной при виде английского корабля, экипаж которого, по всей вероятности, состоял

из моих соотечественников, а следовательно, друзей. Я говорю, что вместе с радостью в мою душу закралось какое-то неясное сомнение, сам не знаю, чем обусловленное, но заставившее меня быть настороже. Прежде всего, мне пришло в голову: зачем понадобилось английскому кораблю заходить в такую часть света, где англичане не имели никаких торговых пунктов? Я понимал, что даже буря не могла занести сюда английское судно, потому что ему нечего было делать близ того отдаленного уголка, в котором я находился. А если это действительно английское судно, значит, оно забралось сюда не с доброй целью. Само собой разумеется, что в таком случае мне лучше всего было не показываться: быть может, весь корабль наполнен разбойниками и убийцами.

Не советую никому пренебрегать тайными предчувствиями, иногда указывающими опасность там, где простым разумом нельзя и предполагать ее. Что подобные предчувствия и непонятные указания бывают в действительности, в этом не может сомневаться никто, серьезно наблюдавший за ходом событий в человеческой жизни. По моему мнению эти явления происходят из невидимого нами духовного мира. Во всяком случае, эти предупреждения имеют дружеский характер и делаются для нашего блага; не обращать на них внимания в высшей степени неблагоприятно.

То, что случилось со мной, убеждает меня в справедливости моих суждений. Если бы я не принял тех мер предосторожности, на которые подталкивало меня предчувствие, то непременно бы погиб при самых ужасных обстоятельствах, каким я раньше ни разу еще не подвергался. В этом сейчас убедятся и читатели.

Производя свои наблюдения на горе, я заметил, что шлюпка продолжает приближаться к берегу, очевидно, выбирая место, где лучше пристать. Матросы, управлявшие шлюпкой, не пошли, однако, очень далеко вдоль моего берега и не могли видеть той бухточки, в которой я когда-то приставал к острову со своими плотами, а причалили на мое счастье к берегу на расстоянии полумили от моего жилища. Могло случиться так, что они высадились бы прямо возле моего укрепления, разгромили бы его и ограбили, причем несдобровать бы и мне. Когда сидевшие в шлюпке вышли на берег, я убедился, что они действительно почти все англичане. Двух из них я принял было за голландцев, но потом оказалось, что это я ошибся. Всех высадившихся было одиннадцать человек; трое из них были безоружны и кажется связаны. Четверо или пятеро из первых сошедших на землю выволокли трех безоружных, очевидно пленных, из шлюпки, причем один из этих несчастных оживленной жестикуляцией выражал горе, ужас и отчаяние; казалось, он умолял пощадить его и не отнимать у него жизнь. Его товарищи тоже ломали руки и поднимали их к небу, но, в общем, они были более спокойны или сдержаны. Не зная, что означает это зрелище, я, тем не менее, был глубоко потрясен и взволнован им.

— Господин, — сказал мне Пятница, притаившийся близ меня за большим кустом, — вот и твой люди ест пленник, как и мой.

— Почему ты думаешь, что они хотят съесть тех людей, которых вытащили из лодки? — спросил я.

— Хочет есть пленник: привез на берег, — отвечал Пятница, усиленно кивая головой в подтверждение своего мнения.

— Нет, Пятница, — возразил я. — Я боюсь, что эти люди убьют своих пленников, но есть их не станут, в этом я уверен.

В самом деле, не понимая, что происходит там на берегу, я дрожал от ужаса, ежеминутно ожидая, что англичане убьют пленных. Опасения мои оправдывались тем, что

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

один из них занес было громадный тесак, нечто вроде широкого меча, которым бывают вооружены наши моряки, над головою пленника, так отчаянно молившего о пощаде, насколько я мог судить по его жестикации. Мне уж казалось, что несчастный падает, обгряя своей кровью землю, и я весь похолодел от ужаса. В эту минуту я глубоко сожалел об отсутствии испанца и отца Пятницы; жалел и о том, что невозможно незаметно подкрасться к злодеям и спасти злополучных пленников, как я спас испанца и старого дикаря. Будь у меня вся моя «армия», я справился бы с негодяями, так как у них не было видно огнестрельного оружия, в котором, как знает читатель, я не имел недостатка.

*Я ясно разглядел, что на юго-востоке, милях в четырех от берега,
стоит на якоре корабль.*

Однако мне вдруг пришла в голову другая мысль. В то время, как один из матросов злобствовал над пленниками, товарищи его разбрелись по берегу, по всей вероятности, намереваясь осмотреть ближайшую к морю часть острова. Вслед за тем и этот матрос отошел от пленных, очевидно, предоставив им полную свободу идти, куда глаза глядят. Но они никуда не пошли. Усевшись на том месте, где стояли, они понурили головы, как бы в глубоком раздумье и отчаянии. Тут в моей памяти живо воскресли первые минуты после того, как меня выкинуло бурей на этот берег. Я вспомнил, как я тогда осматривался кругом, сознавая весь ужас своего положения, и как провел ночь на дереве, опасаясь быть растерзанным дикими зверями. В ту ночь я не подозревал, что на следующее же утро найду помощь на корабле, который случайно ветром и волнами прибило к берегу, и который долго служил мне источником многих благ для моего существования. Точно так же теперь и несчастные, которых завезли на этот остров, считавшийся необитаемым, чтобы убить их или бросить, в своем отчаянии не подозревали, что помощь им близка, и спасение их уже решено всеблагим Существом в то время, когда они не ожидают ничего, кроме гибели и смерти.

Как близоруки мы в этом мире, и потому как много у нас причин возлагать все свое упование на Творца вселенной, Который никогда не покидает до конца Своих созданий и совершенно неожиданно избавляет их от самых ужасных бедствий в ту минуту, когда они не решаются уж ни на что более надеяться. И как часто мы достигаем спасения именно теми путями, которые считали ведущими к нашей гибели.

Люди в шлюпке пристали к острову во время самого разгара прилива. Пока они возились с пленниками, а потом бродили по берегу, прилив окончился, и вода начала убывать, так что через некоторое время шлюпка очутилась на песке.

В шлюпке оставались два матроса, которые, как я после узнал, напились и крепко заснули. Наконец, один из них проснулся и заметил, что лодка так завязла в песке, что стащить ее одному или двоим нет никакой возможности. Разбудив товарища, находившегося вместе с ним в шлюпке, он стал звать остальных, разошедшихся в разные стороны. Очевидно, последние отошли недалеко, потому что, услышав голос звавшего их, вскоре все сбегались к нему. Но как они ни старались даже совместными силами сдвинуть шлюпку на воду, все-таки ничего не могли сделать: шлюпка была слишком тяжела и далеко ушла в вязкое и илистое морское дно. Видя бесполезность своих усилий, матросы поступили как настоящие моряки, то есть как самые недальновидные люди: обругавшись и махнув на все рукой, они бросили шлюпку и снова разошлись по берегу. При этом один из них крикнул другому:

— Пойдем, Джек! Нечего тут зря надрываться: эта скорлупа сама снимется с мели, когда начнется прилив.

Говор был чисто английский, и я убедился, что все приставшие к берегу действительно были моими соотечественниками.

Пока происходило все описанное, я оставался незамеченным, не уходя от своего укрепления дальше вершины горы, с которой делал наблюдения. Никогда еще я так не радовался существованию своего укрепления, как в ту минуту.

Я знал, что шлюпка просидит на мели по крайней мере часов десять, и рассчитывал, что когда стемнеет, мне удобнее будет наблюдать за движениями неожиданных и непрощенных гостей и слышать их разговор. Между тем, понимая, что без борьбы не обойдется, я стал деятельно готовиться к ней и принимал такие предосторожности, какие мне раньше не приходили в голову в ожидании нападения дикарей. Это и не мудрено: я ведь знал, что этот неприятель будет поопаснее несчастных дикарей, а потому и напрягал все свои умственные способности, чтобы встретить его достойным образом. Я приказал Пятнице, который у меня сделался искусным стрелком, запастись оружием и отдал в его распоряжение три мушкета, а себе оставил два охотничьих ружья. Одетый в свою одежду из козьего меха шерстью вверх, в громадной шапке из того же материала, и вооруженный двумя пистолетами, двумя ружьями и саблей, я должен был иметь поистине ужасающий вид.

До наступления темноты я не хотел предпринимать ничего решительного, но часов около двух пополудни, в самую жаркую пору дня, я заметил, что все матросы забрались в лес, вероятно, с целью отдохнуть в тени. На берегу остались только три пленника. Удрученные горем, они сидели как истуканы под деревом, очевидно, не чувствуя даже знойных лучей солнца. Поразмыслив немного, я решил воспользоваться отсутствием матросов, чтобы подойти к пленникам, познакомиться с ними и порасспросить их. Как был, вооруженный с головы до ног, и в своем странном, чтобы не сказать страшном наряде, я отправился к ним. Пятница следовал за мною по пятам.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он тоже был хорошо вооружен, но, в общем, не походил так на пугало, как я.

Незаметно подкравшись к пленникам на расстояние, достаточно близкое, чтобы быть услышанным, я крикнул на испанском языке:

— Кто вы, сеньоры?

Незнакомцы в испуге вскочили и обернулись. Разумеется, они еще больше испугались, когда увидели меня. Сначала они окаменели от ужаса, а потом, придя в себя, хотели было бежать, но я остановил их, сказавши уже по-английски:

— Не бойтесь меня, джентльмены. Быть может, возле вас друг, которого вы не ожидали.

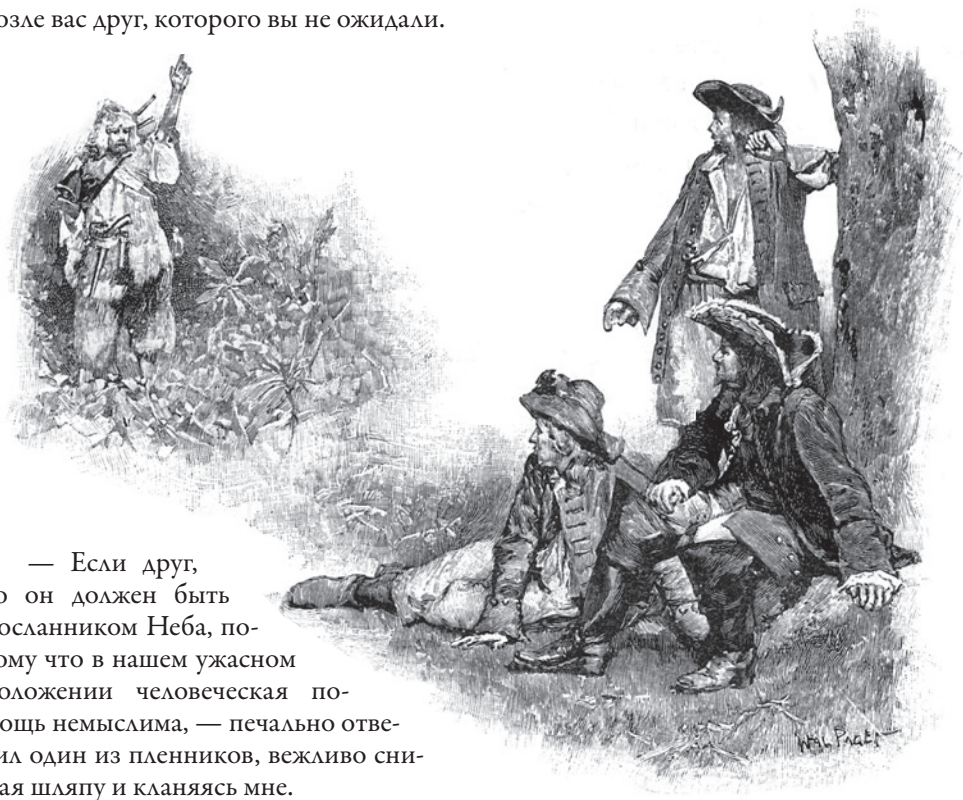
— Если друг, то он должен быть посланником Неба, потому что в нашем ужасном положении человеческая помощь немыслима, — печально ответил один из пленников, вежливо снимая шляпу и кланяясь мне.

— Сэр, всякая помощь приходит с Неба, — продолжал я. — Но разве вы не решились бы довериться простому смертному, рассказать ему о своем положении и навести его на мысль, чем можно вам помочь? Мне кажется, вы в большом несчастье, но, быть может, я ошибаюсь? Я был свидетелем вашей высадки на берег, и мне показалось, что вы просили о пощаде тех, которые вас привезли сюда. Я видел, как один из них занес над вашей головой саблю с явным намерением умертвить вас, или я опять-таки ошибаюсь, и глаза мои видели не то, что было в действительности?

Тот, с которым я говорил, в глубоком изумлении, со слезами на глазах, взглянул на меня и спросил дрожащим голосом:

— С кем я говорю? С посланником Небес или в самом деле с человеком?

— Успокойтесь, сэр, — сказал я. — Если бы Богу угодно было послать к вам ангела, то это небесное существо, наверное, явилось бы не в таком отпугивающем виде,

Кто вы, сеньоры?

как я. Нет, я обыкновенный смертный и даже ваш соотечественник, если вы, как я полагаю, англичанин. Хотя у меня нет здесь никого, кроме вот этого слуги, — добавил я, указывая на Пятницу, — но, как вы видите, у нас есть оружие и достаточное количество военных запасов. Скажите мне откровенно, какого рода несчастье вас постигло, и чем мы можем помочь вам.

— Увы, сэр! — произнес незнакомец, — история наших бедствий слишком длинна, чтобы можно было рассказать ее в таком близком соседстве с нашими врагами. Ограничусь пока сообщением вам самого существенного. Я капитан корабля. Мой экипаж взбунтовался. Я едва успел убедить мятежников даровать мне жизнь и высадить на берег этого пустынного острова вместе с этими вот двумя товарищами; один из них мой штурман, а другой — единственный бывший на борту моего корабля пассажир. Мы считали этот остров совершенно необитаемым, а теперь, видя вас, не знаем, что и думать.

— Где же ваши враги? Не заметили ли вы, куда они ушли? — спросил я.

— Они там, сэр, — ответил капитан, указывая на лес. — Я страшно боюсь, что они увидят или услышат нас; тогда несдобровать нам всем, и вам в том числе.

— Есть у них огнестрельное оружие? — продолжал я.

— У них два ружья, из которых одно оставлено в шлюпке.

— Хорошо. Это главное, что нужно было мне знать. Теперь положитесь на меня.

Наведя подзорную трубу на лес, я добавил:

— Теперь я их вижу. Они лежат недалеко от опушки леса под деревьями и спят. Воспользовавшись этим, их нетрудно было бы перебить; но какой же порядочный человек согласится убивать сонных? По-моему, нам нужно разбудить их и захватить живыми.

Капитан сказал, что между ними есть два отчаянных головореза, которых прежде всего нужно захватить и лучше не щадить, потому что они коноводы. Увидав их в нашей власти, остальные сами сдадутся.

Я просил капитана указать мне этих двух негодяев, но за дальностью расстояния он не мог различить их даже в мою трубу.

Возвращая трубу, капитан заявил мне, что готов исполнять все мои приказания, и мне остается только говорить ему, что делать.

— Прекрасно, — сказал я. — Пойдемте же прежде всего отсюда, чтобы злодеи не могли видеть и слышать нас. Я сведу вас в безопасное место; там мы и решим, что предпринять.

Капитан и его товарищи тотчас же доверчиво последовали за мной.

Когда мы очутились в моей роще, я остановился и сказал капитану.

— Вот что, сэр, ответьте мне прямо, без всяких уверток, на мой вопрос: если я, рискуя своей собственной жизнью, сделаю для вашего спасения все, что будет от меня зависеть, то согласитесь ли вы на два условия, которые я вам предложу?

Едва дав мне договорить, капитан поспешил ответить, что не только он сам, но и его корабль, если только ему удастся снова овладеть им, в моем полном распоряжении. Если же ему не придется получить корабль обратно в свои руки, то он готов жить и умереть со мною, где мне будет угодно.

Товарищи его торжественно заявили то же самое.

— Очень рад слышать это, джентльмены, — проговорил я. — Вот мои условия. Во-первых, оставаясь у меня на острове, вы должны безусловно подчиняться моей

власти, и, если я дам вам оружие, вы будете употреблять его только в мою пользу и никогда не поднимать его против меня или против того, кого вы можете встретить на острове, и кто будет находиться под моим покровительством. Во-вторых, если ваш корабль будет вам возвращен, то вы обязаны безвозмездно доставить меня и моего слугу в Англию.

В подтверждение своей полной готовности исполнить не только эти два условия, но и всякие другие, какие только мне заблагорассудится предложить ему, капитан клятвенно обязался сделать все, что я от него потребую. Он снова повторил, что я вполне могу рассчитывать на его полное повиновение и преданность, и что он охотно пожертвует для меня жизнью в случае надобности, как я теперь ставлю на карту свою жизнь ради его спасения.

— Хорошо, — произнес я. — Вот вам каждому по мушкету с порохом и пулями. Скажите мне: как вы полагаете, с чего нам следует начать?

Капитан выразил свою глубокую признательность за этот явный знак моего доверия к нему; что же касается плана действий, то он находил, что план этот следует всецело предоставить на мое усмотрение. Подумав, я сказал, что все-таки, пожалуй, будет лучше выстрелить по спящим мятежникам. Если те, кого минуют наши пули, покорятся и попросят пощады, мы пощадим их. Таким образом мы предоставим самому Провидению покарать виновных.

На это капитан заметил, что ему вовсе не хотелось бы убивать всех мятежников, не следует щадить только обоих зачинщиков, потому что пощадить их — значит, погубить себя.

— Как только мы отпустим их, — добавил он, — они отправятся на корабль, приведут оттуда весь экипаж и перебьют нас, несмотря на наше оружие, потому что у них его гораздо больше.

— Если так, — заметил я, — то мое жестокое предложение оправдывается необходимостью, как единственное средство сохранить собственную жизнь.

Видя, что капитан содрогается при одной мысли о том, что нужно стрелять в спящих, я сказал ему, что если ему мой план не по душе, то пусть он идет со своими товарищами и делает, как найдет лучше.

В это время до нас долетели звуки голосов. Я навел трубу на то место, где находились матросы, и увидел, что двое из них выходят из лесу. Дав капитану посмотреть в трубу, я спросил его, не эти ли двое главные бунтовщики.

— Нет, — ответил он.

— В таком случае, пусть они проходят, — сказал я. — Само Провидение спасает их, заставив раньше проснуться и удалиться. А если вы дадите уйти и остальным, то это будет ваша собственная вина.

Подстрекаемый этими словами, капитан взял мушкет и пистолет, которые я дал ему, и быстро направился к лесу, сопровождаемый своими двумя товарищами, которым я тоже дал по ружью. На ходу штурман нечаянно зацепил прикладом ружья за сучок дерева и сломал его. Треск сломанного сучка разбудил остальных матросов. Один из них вскочил и выглянул из-за деревьев. Увидев нас (я с Пятницей, конечно, тоже не отставал от капитана и его спутников), матрос в ужасе вскрикнул и громко стал созывать товарищей, находившихся в некотором расстоянии от него. Но было уже поздно. Едва он успел крикнуть несколько слов, как товарищи капитана выстрелили; очевидно, они были более твердыми, нежели он. Выстрелы были так удачны,

что одного из мятежников уложили на месте, а другого тяжело ранили. Последний приподнялся и отчаянным голосом стал звать к себе на помощь. Капитан подошел к нему и произнес:

— Теперь уж поздно взывать о помощи. Проси лучше у Бога прощения за свои злодеяния!

С последним словом он нанес раненому такой удар ружейным прикладом в висок, что тот умолк навеки.

Остальные мятежники, между которыми был один раненый, поняв, что всякое сопротивление с их стороны бесполезно, упали на колени и стали просить пощады.

Капитан объявил мятежникам, что готов даровать им жизнь, если они искренне покаются в своей гнусной измене против него и поклянутся помочь ему возвратить корабль и отвести его обратно на остров Ямайку, откуда он шел. Бунтовщики со слезами на глазах выразили полное раскаяние в своем злодеянии и поклялись так повлиять на остальную часть экипажа, оставшуюся на борту корабля, чтобы капитан снова был признан командиром судна. Выслушав каявшихся преступников до конца, капитан сказал, что верит им и дарует им жизнь.

Мятежники упали на колени и стали просить пощады.

Я ничего не имел против этого человеколюбивого решения капитана, но потребовал, чтобы прощенные им бунтовщики были связаны по рукам и ногам во все время их пребывания у меня на острове. Капитан на это согласился без всяких возражений. Вместе с чем я послал штурмана в сопровождении Пятницы овладеть шлюпкой и забрать с нее парус и весла.

Между тем, из лесу явились еще трое матросов, которые забрались было куда-то далеко, но на звук выстрелов поспешили возвратиться. Увидав, что капитан из пленника превратился в победителя, они, недолго думая, тоже попросили пощады и беспрекословно дали связать себя. Таким образом, мы одержали полную победу.

Усевшись на траве, мы с капитаном начали передавать друг другу историю своей жизни. Не утаив ни одной подробности, я, так сказать, исповедался ему во всех своих прегрешениях, приведших меня на этот пустынный необитаемый остров. Потом

я рассказал ему о том, как жил здесь. Капитана особенно заинтересовал мой рассказ о способах, какими я поддерживал свое существование в этом отдаленном и диком уголке мира. Вся моя жизнь на острове казалась ему сплетением непрерывных чудес, какими она в действительности и была. Он слушал меня в глубоком волнении, разразившемся, наконец, целым потоком слез, когда ему пришла мысль, что я точно нарочно был заброшен на этот остров и чудесным образом сохранен на нем в течение стольких лет для того, чтобы, в свою очередь, быть орудием спасения других, то есть его и его товарищей.

После окончания нашей откровенной и задушевной беседы я пригласил капитана и его спутников в свое укрепление. Когда мы перебрались через обе ограды и убрали лестницы, я предложил моим новым гостям подкрепиться, чем Бог послал. После закуски я стал показывать им всю свою домашнюю утварь и все свои орудия, как взятые с кораблей, так и сделанные мною самим. Все, что я показывал и что говорил о своем житье-бытье, возбуждало в слушателях удивление и восторг. Но более всего капитану нравились мои укрепления и насаженная мною роща, совершенно скрывавшая самое жилище. Прошло больше двадцати лет, как я посадил эти деревья, и они теперь разрослись в такой густой лес, что он напоминал собою американские девственные леса. Пройти через него можно было только по одной тропинке, которую я временами расчищал для себя. Я объяснил капитану, что это укрепление — мой замок и моя резиденция, но что у меня, как у большинства владетельных особ, существует еще загородный дворец, куда я иногда переселяюсь во время сильной жары. Я обещал сводить его в этот дворец как-нибудь в другое время, а пока предложил обсудить вопрос, как нам отбить корабль у возмущившегося экипажа.

Капитан сказал, что решительно не знает, как приняться за это дело, так как на борту корабля осталось двадцать шесть человек экипажа, которые будут защищаться до последней крайности, потому что сознание их преступного деяния, поставившего их вне закона, заставит их опасаться, что мы, взяв над ними верх, предадим их суду в Англии или в одной из английских колоний. Он полагал, что со столькими людьми, хорошо вооруженными и воодушевленными храбростью отчаяния, нам не сладить. Я вполне согласился с его мнением. Было ясно, что открытой силой нам ничего не сделать, поэтому нужно было придумать какую-нибудь хитрость, чтобы сманить матросов с корабля на берег и завлечь их здесь в засаду.

Я стал придумывать план. Из расспросов, обращенных мной к капитану относительно его корабля, я узнал, что на судне между прочим есть еще одна шлюпка. Это сообщение навело меня на мысль, что матросы, находящиеся на корабле, наверное, отправятся искать своих пропавших товарищей, поехавших на остров, чтобы высажить там капитана и стоявших за него штурмана и пассажира, поэтому хоть часть их явится сюда в другой шлюпке; все они будут, вероятно, хорошо вооружены. Ведь с корабля, вероятно, видели, куда пристала первая шлюпка; к этому же месту направят они и вторую. На этот раз людей могло прибыть гораздо больше, чем явилось с капитаном и его спутниками, и наших сил не хватит для борьбы с ними. Капитан вполне согласился с этими доводами, а я добавил, что на случай появления нового отряда с корабля нам, прежде всего, необходимо убрать шлюпку с берега, чтобы неприятель не мог захватить ее. Но так как и нам невозможно было бы сдвинуть шлюпку с места, то, отправившись к ней, мы решили взять все, что в ней находилось, а потом пробить у нее дно и таким образом сделать ее негодной к плаванию.

Мы нашли в шлюпке ружье, две бутылки, одну с виски, другую с ромом, несколько сухарей, охотничий рог с порохом и завернутый в парусину громадный кусок сахара. Весла, мачта, парус и руль были забраны раньше еще штурманом по моему распоряжению. Мы, однако, не захотели оставить шлюпку в море, и поэтому кое-как общими силами и с громадным трудом оттащили ее настолько от воды, чтобы ее не могло унести приливом, затем, пробили в ней большую дыру, которую нельзя было бы наскоро заделать.

Как только мы покончили с этим делом и сели отдохнуть, как вдруг грянул пушечный выстрел. Взглянув в сторону корабля, мы увидели, что на нем выкинут сигнал, требовавший возвращения шлюпки на судно. Так как шлюпка оставалась на своем месте, то выстрелы и сигналы продолжали повторяться. Наконец, когда на корабле убедились, что только понапрасну тратят порох и трудятся над выкидыванием сигналов, с него, как мы видели в зрительную трубу, спустили гребное судно, которое быстро направилось к берегу. Когда это судно подошло достаточно близко, мы рассмотрели, что в нем сидит десять человек, вооруженных огнестрельным оружием.

Корабль стоял на расстоянии только шести миль от берега, поэтому мы ясно могли видеть, как лодка направилась прямо к нам, и даже потом разглядеть лица сидевших в ней. Капитан узнавал каждого и сообщил мне, что видит между матросами трех человек, которых он знает за очень честных людей и думает, что их насильно вовлекли в заговор товарищи. Что же касается боцмана, сидевшего в лодке на руле, и остальных матросов, то это настоящие разбойники; они будут отчаянно защищаться, точно так же, как и те, которые остались на корабле. В заключение капитан выразил опасение, что корабля нам не вернуть, потому что мы едва ли осилим мятежников. На это я улыбнулся и возразил, что людям в нашем положении нечего бояться, так как хуже быть не может, поэтому мы должны употребить все усилия, чтобы одолеть противников. Я напомнил ему о том, что перенес на этом острове, и спросил, не подходит ли он, что я в праве презирать всякие опасности в виду возможности скорого освобождения.

— Куда же девалось, сэр, — добавил я, — ваше убеждение в том, что я был сохранен Провидением на этом острове для вашего спасения? В сущности, я сейчас вижу только одно обстоятельство, достойное сожаления.

— Какое же именно? — спросил капитан.

— Что между этими людьми, которые плывут к нам, находится, как вы говорите, несколько честных, которых следует пощадить, — отвечал я. — Не будь этого, я был бы уверен, что Господь нарочно предаст нам в руки злодеев, чтобы мы могли истребить их. Во всяком случае, могу уверить вас, что каждый, кто помимо нашей воли ступит на этот берег, будет убит или сделается добровольно нашим пленником.

Я сказал это с такой горячностью и самонадеянностью, что капитан видимо ободрился.

Между тем новый отряд матросов с корабля приближался, и нужно было принять меры. Прежде всего, мы разъединили пленников и спрятали их подальше. Двоих из них, которых капитан считал самыми опасными, я приказал Пятнице и штурману отвести в ту пещеру, которая находилась в глубине острова; оттуда их никто не мог услышать, да и бежать им было нельзя, потому что они не знали дороги. Их оставили там со связанными руками. Им дали провизии и сказали, что если они покорятся, и не будут делать попыток к побегу, то их освободят через день или два; в противном

же случае, пусть они не ждут новой пощады и готовятся к смерти. Заключенные поклялись вести себя спокойно и поблагодарили Пятницу за то, что он дал им пищу и воду и принес несколько своих самодельных свечей, чтобы пленникам не было страшно в мрачном подземелье. Уходя от них, Пятница уверил их, что всю ночь будет стоять на часах у входа в пещеру.

С другими пленными мы поступили иначе. Двоих ненадежных мы оставили также связанными в моем укреплении, а тех двоих, за которых капитан поручился, сказав, что они не способны на зло, если только не находятся под дурным влиянием, я оставил при себе на свободе, и они поклялись жить и умереть с нами.

Таким образом, отряд наш теперь состоял из семи хорошо вооруженных людей. Я несколько не сомневался, что мы справимся с десятью матросами, плавшими к нам, тем более, что, по словам капитана, и между ними было трое честных, которые, наверное, тоже перейдут на нашу сторону.

Когда прибывшее судно, оказавшееся тоже шлюпкой, подошло к тому месту, где лежала на песке первая шлюпка, матросы направили его прямо на берег, а потом, выйдя из лодки, вытащили ее на сушу. Это в высшей степени обрадовало меня; я опасался, что матросы оставят шлюпку на якоре и не все выйдут на берег; нам тогда невозможно было бы овладеть судном.

Нетрудно представить себе изумление матросов, когда они, подойдя к первой шлюпке, увидели, что она лишена всех своих принадлежностей и пробита насквозь. Потолковав немного между собою, новоприбывшие принялись громко звать своих товарищей, за которыми приехали. Не получая ответа, они построились в круг и дали залп из всех своих ружей. Но, кроме нас, да лесных животных и птиц никто не услышал гула этого залпа. До ушей наших пленников он не мог достичь за дальностью расстояния, а те из матросов, которые были при нас, конечно, не смели откликнуться на зов своих товарищей, потому что им тут же был бы конец; это они отлично знали. Новоприбывшие были так поражены окружавшею их могильною тишиной, что, как они рассказывали потом, уже хотели снова сесть в шлюпку и возвратиться на корабль; там они хотели сообщить товарищам, что те, за которыми они ездили на остров, все погибли, и шлюпка их лежит на берегу с пробитым дном. Действительно, они поспешно бросились к своей лодке, стащили ее в воду и вошли в нее. Капитан сильно смутился. Он понял, что матросы хотят возвратиться на корабль, догадывался и о том, что они там скажут, и опасался, что экипаж, узнав о гибели своих товарищей, тотчас же поднимет якорь и будет продолжать путь. Но скоро явился повод к еще большему опасению.

Едва шлюпка успела отчалить от берега, как вдруг возвратилась назад. По всей вероятности, составив новый план, матросы оставили в шлюпке трех человек, а остальные семеро разошлись по острову искать пропавших товарищей. Мы не знали, что теперь делать. Захватить в плен тех семерых, которые вышли на берег, не повело бы ни к чему хорошему, потому что оставшиеся в шлюпке, увидев это, отправились бы назад к кораблю, рассказали бы там, в чем дело, и привезли бы с собою остальную часть экипажа, за исключением двух или трех человек, необходимых для охраны судна. Или, что было бы пожалуй еще хуже, корабль снялся бы с якоря и ушел. Таким образом, нам не оставалось ничего другого, как выжидать, какой оборот примут обстоятельства, и что сделает случай.

Высадив семь человек на берег, трое оставшихся в шлюпке снова отплыли на небольшое расстояние и бросили якорь в ожидании возвращения своих товарищей.

Между тем, последние направились прямо на гору, под которой скрывалось мое жилище. Они нас не замечали, но мы отлично видели их и могли следить за всеми их движениями. Нам хотелось бы, чтобы они подошли к нашей засаде на расстояние выстрела или отошли настолько далеко, чтобы нам можно было выйти из засады; но ни того ни другого пока не предвиделось. Взобравшись на нижнюю площадку горы со стороны, противоположной моему укреплению, откуда видны были как на ладони лес и долина, матросы снова принялись изо всех сил кричать и звать товарищей. Очевидно, они не решались проникнуть вглубь острова, опасаясь какой-нибудь неприятной встречи или боясь заблудиться. Накричавшись до хрипоты, они сели под деревом и принялись совещаться, насколько можно было судить по их лицам и жестам. Теперь нам оставалось только желать, чтобы и эти молодцы уснули, как те, которых они звали; тогда нам ничего бы не стоило овладеть ими. Но им, конечно, было не до сна: исчезновение товарищей давало им понять, что на острове существует какая-нибудь опасность, и это побуждало их быть настороже.

Капитан высказал основательное предположение, что матросы, наверное, еще раз дадут залп из своих ружей в качестве последней попытки привлечь внимание своих товарищей, и находил, что нам следует напасть на них в тот момент, когда у них будут разряжены ружья. Захваченные врасплох негодяи по мнению капитана наверное будут просить пощады, и нам можно будет взять их в плен, не пролив ни одной капли крови. План этот мне понравился, и я сказал, что в этом случае нам нужно подкрасться как можно ближе к неприятелю, чтобы успеть напасть на него, пока он еще не успеет зарядить ружья. Но матросы больше не стреляли, и мы не знали, что делать. В конце концов, я предложил дожидаться наступления темноты и перерезать тогда им путь, когда они будут возвращаться к воде, чтобы сесть в шлюпку. К тому же времени, быть может, нам удастся с помощью какой-нибудь хитрости заманить на берег оставшихся в судне. Капитан одобрил эту мысль, и мы в страшном нетерпении стали ожидать когда стемнеет.

Однако, просидев не больше двух часов, матросы поднялись, спустились с горы и направились к морю. По их физиономиям можно было заключить, что эти люди, подавленные боязнью перед неизвестной участью их товарищей, намереваются возвратиться на борт корабля и побудить оставшихся там товарищей поднять якорь и продолжать путь. Когда я высказал капитану свои соображения, он едва не лишился чувств от досады и отчаяния.

Вдруг у меня блеснула мысль хитростью заставить матросов вернуться назад. Я приказал Пятнице и штурману бежать на западную сторону бухты, подняться там на холм, в полумиле от того места, где мы сидели, и начать звать на помощь. Матросы подумают, что это кричат их товарищи, откликнутся и бросятся на голоса. Как только Пятница и его спутник заметят, что матросы идут на их зов, они должны бежать дальше, продолжая кричать о помощи, и, таким образом, завлечь неприятеля как можно дальше, в самую чащу леса, а там оставить его и возвратиться к нам по указанному мною пути. План этот был одобрен капитаном, и Пятница со штурманом отправились в указанную сторону.

Когда матросы готовы были сесть в шлюпку, подплывшую к берегу при их появлении у воды, вдруг раздались отчаянные крики о помощи. Остановившись сначала как вкопанные и прислушавшись, они потом бросились бежать в том направлении, откуда слышались голоса, откликаясь на них во всю силу своих легких. Но вдруг им

преградила дорогу бухта, которой раньше за поворотом берега не было им видно. Вода в бухте стояла настолько высоко, что перейти ее вброд было невыносимо, как я и предвидел. Имея в своем распоряжении шлюпку, матросы потащили ее, чтобы в ней переправиться через бухту, как я и предполагал.

Наблюдая в зрительную трубу, я видел, как матросы, переправившись на противоположный берег залива, привязали шлюпку канатом к дереву и ушли в лес, оставив в ней только двух человек. Только этого мне и нужно было. Сговорившись с теми людьми, которые находились возле меня, я осторожно повел их к бухте, к тому месту, где была привязана шлюпка. Один из карауливших судно матросов дремал на берегу, а другой спал в шлюпке. Первый, очнувшись при нашем приближении, хотел было вскочить, но капитан с быстротой молнии бросился на него и одним ударом ружейного приклада по голове лишил его навсегда возможности двигаться. Находившийся в шлюпке тоже проснулся. Кинувшись к нему, капитан крикнул, чтобы он сдался, если не хочет разделить участи своего товарища. Само собой разумеется, что одному против пятерых вооруженных людей больше ничего не оставалось, как сдаться. Смертельно испуганный матрос так и сделал. Так как это был один из смирных, насильно вовлеченный товарищами в заговор, то он сейчас же выразил полную готовность перейти на нашу сторону в борьбе с остальными мятежниками. Труп убитого матроса мы кинули в воду.

Между тем, Пятница и штурман продолжали кричать, заманивая прочих матросов вглубь леса. Долго наши молодцы продолжали свою игру, пока, наконец, не убедились, что неприятель зашел в такое место, откуда ему нелегко выбраться; тогда они, совершенно измученные и охрипшие от криков, возвратились к нам.

Чтобы бить наверняка, мы решили дожидаться темноты и тогда уж напасть на заведенных в лесную глушь мятежников.

Солнце уже садилось, когда я заметил, что матросы начинают выходить из леса, направляясь к шлюпке. Нашли-таки дорогу назад! Мы слышали, как те, которые шли впереди, торопили остальных, говоря, что если они будут так ползти, то не успеют до темноты добраться до корабля. На это отставшие кричали, что они слишком устали и не могут идти скорее, кроме того, они все изодраны колючками. Жалобы эти доставляли нам большое удовольствие.

Но вот все матросы добрались, наконец, до шлюпки. Трудно описать, с каким изумлением они смотрели на опустевшее судно. Они принялись отыскивать исчезнувших караульных. Мы слышали, как они отчаянными голосами звали пропавших и кричали друг другу, что они попали на какой-то заколдованный остров, населенный, очевидно, злыми духами, против которых нельзя бороться. Бегая взад и вперед и ломая руки, они продолжали звать товарищей; но ответа, разумеется, не получали. Несколько раз они садились в шлюпку и брались за весла, но потом снова выскакивали на берег и принимались бродить поблизости, все время не переставая звать товарищей.

Капитан предлагал вступить в открытую борьбу с матросами, но мне хотелось попытаться овладеть ими, по возможности, без кровопролития, чтобы не рисковать собой и своими людьми, в виду сильного вооружения мятежников. Я выжидал, не разойдутся ли они по одному, тогда для нас было бы удобнее захватить их. Пока же я решил выдвинуть засаду вперед. С этой целью я приказал капитану и Пятнице ползти на четвереньках как можно ближе к неприятелю, соблюдая все нужные предосторожности, чтобы их не заметили, и стрелять только в крайнем случае.

Случилось так, что боцман, бывший главным зачинщиком и главарем мятежа, и двое других матросов отправились тоже по тому направлению, где ползли Пятница и капитан. Очутившись вблизи них, капитан, весь горя от негодования при виде злейшего своего врага, вдруг вскочил на ноги и выстрелил. Пятница последовал его примеру. Боцман мгновенно был убит, один из матросов упал, тяжело раненый, а другой с воплем ужаса бросился бежать назад. На выстрелы подоспел и я. Теперь мой отряд состоял из восьми человек. Я был главнокомандующим, Пятница моим помощником, а капитан, штурман, пассажир и трое пленников, которым за поручительством капитана было выдано оружие, были простыми рядовыми.

В это время совершенно стемнело, поэтому неприятелю нельзя было рассмотреть, сколько нас. Мы подошли к шлюпке и взяли в плен сидевшего на ней матроса, который умолял пощадить его, уверяя, что охотно готов служить нам, потому что вошел в заговор лишь из страха перед товарищами, которые угрожали убить его, если он не будет с ними заодно. Заручившись, таким образом, лишним союзником, я приказал ему созвать своих товарищей, называя их по именам, а потом вступить с ними в переговоры относительно того, чтобы и они добровольно сдались нам. План мой удался: мятежники находились в таком положении, что им больше ничего не оставалось делать, как покориться.

Матрос начал переключку:

— Эй, Том Смит! — кричал он.

— Это ты, Робинсон? — раздался в ответ голос, принадлежавший матросу, носившему имя Тома Смита.

— Да, я. Заклинаю тебя именем Бога, сдайся и положи оружие, иначе мы все погибем!

— Кому же сдаваться? Где люди, которым нужно сдаваться?

— Капитану. Он нашел здесь на острове полсотни людей, которые вооружены с головы до ног и все стали на его сторону. Боцман убит, Уилл Фрей смертельно ранен, а я в плену, и если вы все не сдадитесь, то мы все пропали! — кричал Робинсон.

— А пощадят нас, если мы сдадимся? — спросил Том Смит.

— Конечно, пощадят, — уверенно ответил Робинсон, глядя на капитана.

— Смит! — закричал сам капитан, — ты знаешь мой голос. Слушай же, что я тебе скажу. Если вы немедленно положите оружие и покоритесь мне без дальнейших рассуждений, то я пощажу вас всех, за исключением одного Уилла Аткинса.

— Ради самого Бога, пощадите и меня, капитан! — послышался умоляющий голос Уилла Аткинса. — Чем же я больше других провинился перед вами? Ведь мы все одинаково виноваты, все были заодно.

Но это была неправда. Капитан говорил мне, что Аткинс первый бросился на него в начале мятежа, связал ему руки, ругал его и даже бил. Тем не менее, капитан готов был помиловать и этого негодяя, но только требовал, чтобы тот вместе с другими сложил оружие и выразил полную покорность губернатору острова, то есть мне. Капитан первый так назвал меня, а потом и все остальные стали величать меня этим титулом.

Собравшись в одну группу, все матросы сложили оружие и умоляли о пощаде. Я приказал Робинсону и двум из раньше сдавшихся пленным связать Аткинса и его товарищей, после чего вся моя армия, из которой каждый солдат отвечал чуть не за десятерых, окружила их. Сам я со своим помощником, по высшим политическим соображениям, не показывался.

Ближайшей нашей заботой теперь было заняться починкой пробитой нами шлюпки и приготовиться к атаке корабля, чтобы овладеть и им. Капитан долго убеждал пленников, доказывая им всю гнусность их поступка и преступность их намерений, и давая понять, что если он захочет, то не только может оставить их беспомощными на произвол судьбы, но может довести и до виселицы. Матросы слушали его со слезами на глазах, рассыпались в уверениях о своем полном раскаянии и заклинали его пощадить их, и не губить окончательно. На это капитан ответил, что помилование их зависит не столько от него, сколько от губернатора острова, у которого они находятся в плену. Он добавил, что они сильно ошиблись в своих расчетах, вообразив, что этот остров необитаем, и высадили на него своего командира, чтобы он погиб тут голодной смертью; на самом же деле остров, по неизреченной милости Божией, населен и управляется английским губернатором. Губернатор острова имеет полное право, — продолжал он, — повесить вас всех по своему личному усмотрению; но так как он обещал оставить жизнь всем, сложившим оружие, то, наверное, отправит вас в Англию для предания тамошнему суду, за исключением одного Аткинса, которому приказал передать, чтобы тот готовился к смерти, потому что он приговорен к виселице. Приговор этот будет приведен в исполнение на следующий же день утром.

Слова капитана, хотя они и были чистейшей выдумкой, произвели такое действие, какого лучше нельзя было и желать. Аткинс упал на колени и умолял капитана походатайствовать перед губернатором о даровании ему жизни; остальные, тоже стоя на коленях, слезно просили, чтобы их не отправляли в Англию и не предавали суду.

Пока я, прячась в темноте под деревьями, слушал все это, мне пришло на ум, что час моего избавления, наконец, пробил, так как всех этих людей, очевидно, было не трудно склонить на то, чтобы они в своих собственных интересах помогли нам овладеть кораблем, находившимся во власти их товарищей. Желая поговорить с капитаном, я позвал его таким голосом, точно находился далеко от него, хотя сидел, притаившись на земле, чуть не за его спиной; один из находившихся при мне матросов понял мою уловку и крикнул во все горло:

— Капитан, вас требует губернатор!

— Доложи его превосходительству, что я сейчас буду, — ответил капитан.

Эта маленькая комедия была разыграна чтобы заставить Аткинса и его товарищей поверить, что неподалеку от них, действительно, находится губернатор острова с отрядом в пятьдесят человек.

Когда капитан подошел ко мне, я сообщил ему свой план относительно атаки корабля. Он нашел этот план превосходным, и сказал, что необходимо привести его в исполнение на следующий же день. Я добавил, что для обеспечения себе успеха мы должны разобщить всех пленных. Посоветовавшись на этот счет с капитаном, мы решили отправить Аткинса и двух его самых отчаянных товарищей в ту пещеру, где уже сидели двое пленных. Сообщив им, что их на ночь отведут в подземную тюрьму, Пятница в сопровождении штурмана и пассажира, держа наготове оружие, повел их в пещеру. Прочих пленных мы отправили в мой «загородный дворец», который, как известно читателю, тоже был хорошо укреплен и поэтому мог служить надежным местом заключения для людей, связанных по рукам и ногам и понимавших, что дальнейшая их судьба вполне зависит от того, как они себя будут вести.

Рано утром на следующий день я поручил капитану пойти переговорить с пленными, чтобы узнать, можно ли нам положиться на них в случае, если мы освободим

их и возьмем с собой для того, чтобы атаковать корабль. Капитан пошел и начал опять с того, что разъяснял пленным преступность их мятежа против своего командира, а потом в самых черных красках нарисовал им картину будущего, которое они сами приготовили себе своим злодейством, если только они не раскаются вполне и не решат загладить свой проступок, чем могут. Затем он сказал, что хотя губернатор и помиловал их здесь, но им все-таки не миновать виселицы по прибытии в Англию; если же они искренно согласятся содействовать ему, капитану, снова овладеть его кораблем, то он попросит губернатора устроить так, чтобы их помиловали и в Англии.

Легко понять, с какой охотою согласились на это условие эти люди, вполне находившиеся в наших руках. Они опустили на колени и поклялись быть преданными слугами капитана и губернатора острова до последнего вздоха. Расчувствовавшись, они даже слезно уверяли, что с этой минуты будут смотреть на капитана, как на своего отца, спасшего им жизнь, и готовы всюду следовать за ним, куда бы он ни повел их.

— Хорошо, — сказал на это капитан. — Я передам ваши слова губернатору и надеюсь, что мне удастся склонить его к полному вас помилованию.

Возвратившись ко мне, он повторил все, что было говорено им и пленными и поручился за верность последних. Мало полагаясь на одни слова, я попросил капитана вернуться к пленным, выбрать из них пятерых, самых надежных и объявить остальным, что больше нам не нужно, так как у нас и без того довольно людей, поэтому остальные пленные, по распоряжению губернатора, остаются заложниками, отвечающими за все, что будет сделано их товарищами, как теми, которые уже перешли на сторону капитана, так и оставшимися на корабле. Он разъяснил им, что это значило, то есть, если первые изменят, а последние не покорятся, то они, заложники, будут повешены. Все это говорилось для того, чтобы показать пленным, что губернатор острова не из тех, с которыми можно безнаказанно шутить. Конечно, «заложники» теперь сами были готовы убедить своих товарищей больше не оказывать нам никакого сопротивления и не изменять.

Для предстоящей экспедиции на корабль у нас с капитаном имелись теперь в наличии следующие силы: штурман, пассажир и девять пленных, которым было выдано оружие за поручительство капитана. В числе девяти пленных находились и те двое, которые ночью содержались в моем «загородном дворце», и которых я выпустил на свободу и принял в свой отряд тоже по ходатайству капитана, уверившего меня, что на них можно вполне положиться. Пятеро оставались в пещере в качестве заложников. Двоих пленных я оставил при себе на всякий случай. Они глядели мне в глаза, стараясь угадать мои мысли и, вообще, так усердно выказывали мне свою преданность, что я не побоялся приблизить их к себе.

Надзирать за пленными заложниками оставались мы с Пятницей. Последний два раза в день носил им пищу и питье и, вообще, оказывал им необходимые заботы. Оставшимся при мне пленным капитан сказал, что я правая рука губернатора, что, по распоряжению последнего, они не имеют права отлучаться от меня ни на шаг, и что при малейшем их ослушании, они будут переведены в замок и закованы в цепи. Таким образом губернатор должен был представляться им еще более грозным и важным лицом, чем я. Само собой разумеется, я всеми силами поддерживал в них это убеждение, постоянно твердя им о могуществе и силе губернатора, о замке, о подземных тюрьмах, о крепком гарнизоне и о многом другом в этом роде.

Исправив пробитую шлюпку и оснастив ее, капитан, отправился в путь. В первой шлюпке сидел он сам, штурман и пятеро матросов, а в другой — пассажир, которому было поручено управление ею, и четверо матросов. Дело было в полночь; капитан нашел, что это самое удобное время для выполнения его замысла.

Когда шлюпки подошли к кораблю, капитан приказал бывшему с ним матросу Робинсону окликнуть находившихся на борту корабля и сказать им, что он и его спутники везут пропавших товарищей, которых насилиу разыскивали на острове. Робинсон так ловко вел переговоры, что шлюпки под шумок незаметно пристали к самому кораблю. Осторожно взобравшись на борт, капитан и штурман, с оружием в руках, бросились на стоявших там второго штурмана и корабельного плотника и ударами ружейных прикладов сбили их с ног. Вслед за тем появились на корабле и все остальные спутники капитана. В одно мгновение все бывшие на шканцах были связаны, а люки заперты, чтобы находившиеся в нижних помещениях не могли выйти на палубу. Все это было сделано теми людьми, которые сопровождали капитана в его шлюпке, между тем как те, которые ехали во второй шлюпке под командой пассажира, вскарабкавшись на передний конец корабля, овладели баком (передней частью корабля) и люком, ведущим в корабельную кухню, где взяли в плен трех матросов.

Когда палуба была взята, капитан приказал штурману с тремя матросами ворваться на ют (заднюю часть корабля), где заперся самозванный капитан мятежников, убежавший туда с двумя вооруженными матросами и юнгой, когда понял в чем дело. Штурман выломал дверь капитанской каюты и был встречен ружейным залпом, причинившим ему и его помощникам только легкие раны. Крикнув на помощь, мужественный штурман, несмотря на

Капитан приказал бывшему с ним матросу Робинсону окликнуть находившихся на борту.

страшную опасность, первым бросился в каюту и выстрелил в голову самозванца капитана. Пуля прошла несчастному навылет и уложила его на месте. Лишившись своего вождя, остальной экипаж добровольно сдался и запросил пощады. Таким образом, корабль был взят без дальнейшего кровопролития.

Оставшись победителем, капитан приказал сделать семь пушечных выстрелов; этим он извещал меня, как мы раньше условились, о своем торжестве над врагами. Было уже два часа ночи. Я все время бодрствовал на берегу, ожидая исхода предприятия своего нового друга, и теперь с неописуемой радостью слушал выстрелы, сообщавшие мне приятную весть. Дослушав до конца сигнал победы, я со спокойным духом возвратился в свое укрепление и лег спать.

Измученный трудами и волнениями прошедшего дня, я крепко спал до тех пор, пока меня не разбудил новый пушечный выстрел.

В то же время я ясно слышал, как кто-то снаружи громко кричал:

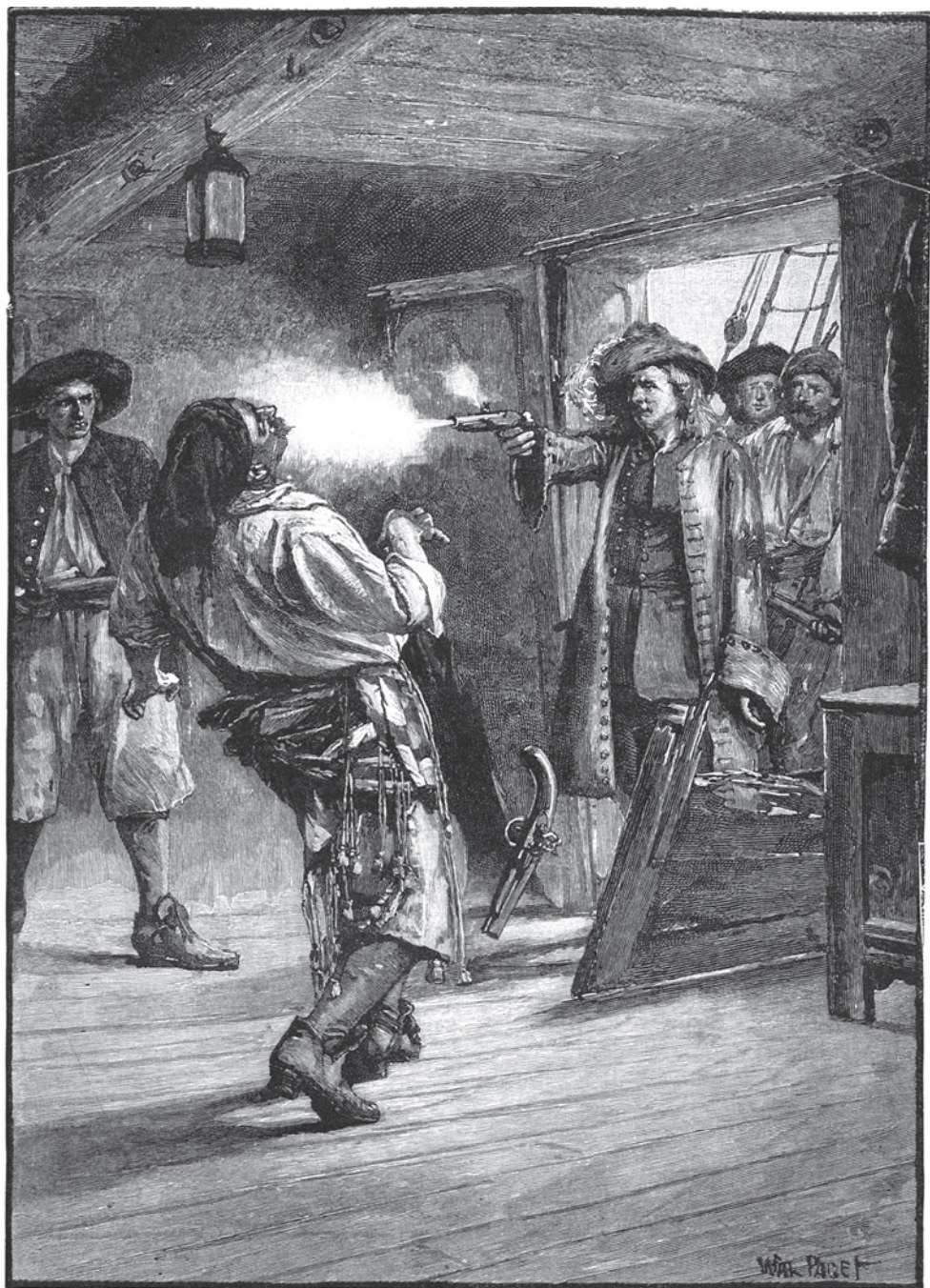
— Губернатор! Губернатор!

Я вскочил, взбежал на гору, откуда доносился голос, и увидел там капитана, которого, впрочем, уже узнал по голосу. Указав в сторону корабля, капитан бросился ко мне на шею и взволнованно произнес:

— Мой добрый друг и спаситель, вот ваш корабль! Он весь теперь принадлежит вам со всем, что на нем находится.

Взглянув по тому направлению, куда указывал капитан, я увидел, что корабль стоит всего в полумиле от берега, в устье бухты, в которую капитан ввел его, пользуясь прекрасной погодой, и откуда, благодаря приливу, прибыл ко мне в шлюпке. Высадился он как раз в том месте, где много лет тому назад приставал со своими плотами и я сам. При виде судна на таком близком расстоянии от себя я почувствовал, как сердце мое замерло от радости, и чуть не лишился сознания. Действительно, как я и мечтал ночью, час моего освобождения наконец пробил. Предприятие капитана увенчалось успехом, и его громадный корабль, снабженный всем необходимым, был готов везти меня, куда я только пожелаю. Едва помня себя от восторга, я крепко прижимал к своей груди капитана. Волнение мое было так сильно, что я упал бы без чувств, если бы капитан не поддерживал меня. Чтобы подкрепить меня, капитан дал мне выпить рома из фляжки, которую нарочно захватил с собою с корабля, предвидя, что он может понадобится. Проглотив несколько капель превосходного рома, я опустился на землю и долго не мог выговорить ни слова, как бы онемев от блаженства. Не менее меня обрадованный капитан сел рядом со мной и старался ласковыми словами успокоить меня. Наконец, море чувств, волновавшееся в моем сердце, вылилось потоком горячих слез; только тогда ко мне возвратилась способность приводить в порядок свои мысли и выражать их словами. Тут я, в свою очередь, поблагодарил капитана за свое спасение.

Я говорил ему, что само Небо послало его на этот остров для моего избавления, что все случившееся представляется мне необыкновенным сцеплением чудес, которые ясно указывают на тайную руку Провидения, управляющую вселенной, и свидетельствуют о бесконечной, всемогущей Силе, Своим всевидящим Оком проникающей во все закоулки мира и посылающей помощь страждущим. В эту минуту я не забыл помолиться Тому, Кто чудесным образом поддерживал меня столько лет в отдаленной от остального мира пустыне, чтобы, в конце концов, дать мне возможность снова возвратиться в мир. Было бы непростительно, если бы я не сделал этого и помнил бы о Боге лишь в минуту бедствия.

Штурман, несмотря на страшную опасность, первым бросился в каюту и выстрелил в голову самозванца-капитана.

Когда мы немного успокоились, капитан сообщил, что хотя мятежники произвели страшное опустошение на его корабле, но, тем не менее, ему удалось собрать кое-что и привезти мне в подарок. Подозвав одного из матросов, он приказал ему принести из шлюпки вещи, предназначенные для «губернатора». Матрос улыбнулся и заявил, что одному ему всего не донести. Это побудило меня послать с ним Пятницу и еще одного матроса. Действительно, подарков, привезенных мне капитаном, было так много, что и трое едва могли принести их. Если бы я пожелал остаться на острове, то был бы надолго обеспечен предметами не только необходимости, но даже роскоши. Вот перечень того, что он мне преподнес: прекрасный погребец со множеством бутылочек с крепкими напитками; шесть больших бутылок мадеры, каждая вместимостью в две кварты¹; два фунта отличного табака, двенадцать больших кусков соломины, шесть окороков, мешок пороха, фунтов сто корабельных сухарей, ящик сахара, ящик муки; две бутылки лимонного сока и ящик с различными лакомствами и пряностями. В довершение всего этого явился громадный короб, в котором находились следующие предметы: пара почти совсем нового платья, шесть совершенно новых рубашек тонкого полотна, полдюжины прекрасных галстуков, две пары перчаток, пара башмаков, несколько пар чулок, дюжина носовых платков и шляпа с широкими полями. Можно представить себе, как меня обрадовал этот драгоценный короб! Я чуть не прыгал от восторга, когда увидел все, что в нем заключалось, и сейчас же поспешил нарядиться в европейское платье. Но истина требует добавить, что едва ли можно было найти во всем мире человека, на котором это платье сидело бы так скверно и казалось бы таким неудобным и даже странным, как на мне. Я, конечно, этого не замечал и с важностью расхаживал в нем.

Когда все вещи были перенесены в мою палатку, я поблагодарил капитана за его богатые подарки, и мы с ним принялись совещаться относительно дальнейшей судьбы наших пленных. Вопрос насчет того, можно ли взять их с собой на корабль, был очень важен и требовал вполне осмотрительного решения. О двоих из них капитан прямо говорил, что это закоренелые негодяи, которые не способны к искреннему раскаянию и исправлению, поэтому взять их с собою можно только закованными в цепи с тем, чтобы передать их в руки правосудия в первой встречной английской колонии. Я видел, что капитану, как человеку мягкосердечному, было очень тяжело говорить это.

Желая утешить его, я сказал, что берусь устроить так, чтобы они оба просили, как милости, позволения остаться на острове.

— От всей души буду рад и доволен, если вам удастся так повлиять на них, — произнес капитан, пожимая мне руку.

— Вот увидите, — сказал я. — Сейчас я пошлю за ними и переговорю от вашего имени.

Нужно сказать, что в отсутствие капитана я решил оставить заложниками только тех двух честных матросов, которые были на свободе и неотлучно находились при мне, а те пятеро, которые сидели в пещере, считались мною очень ненадежными, поэтому я держал их как преступников.

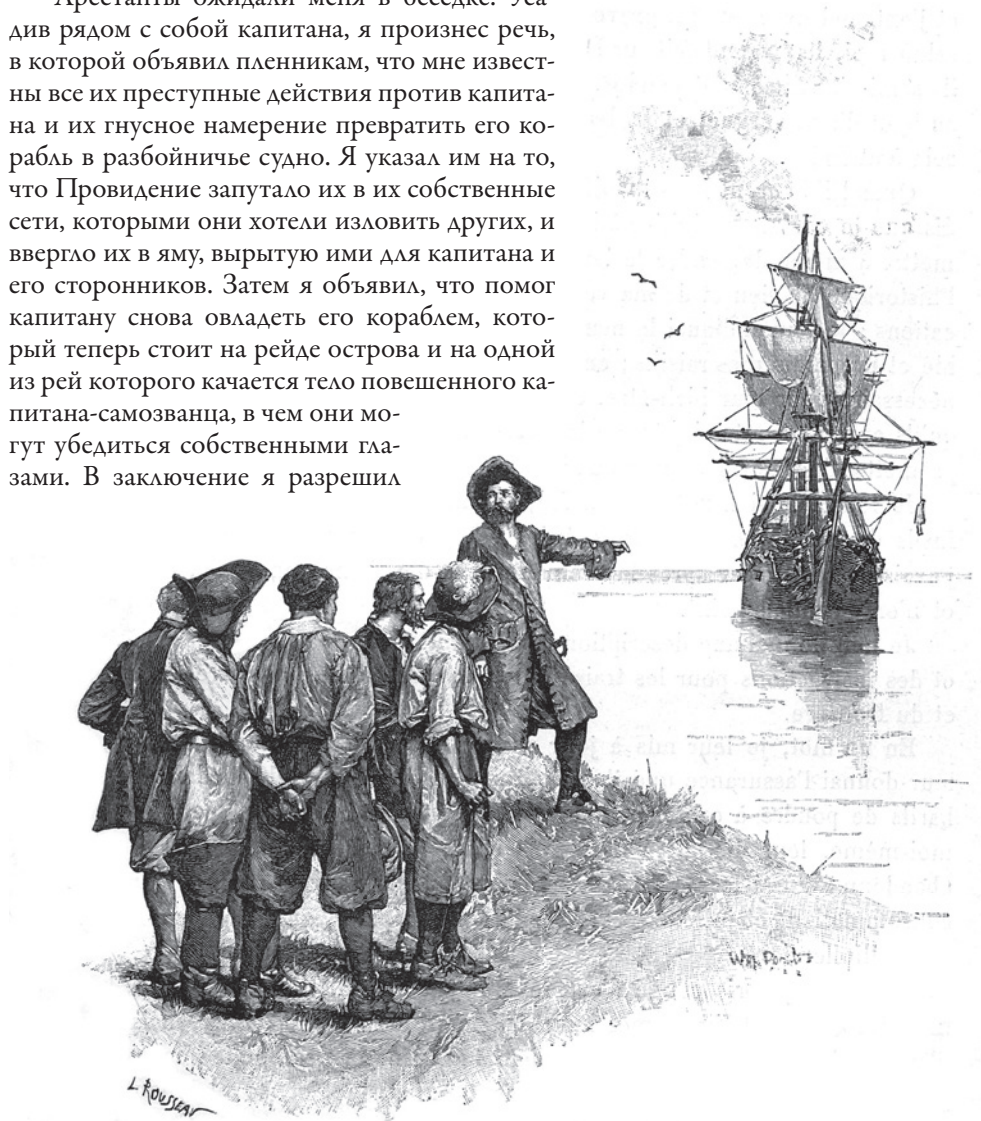
¹ *Кварта* (от лат. *quartus* — «четверть») — единица объема в Великобритании и США; примерно равна литру.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ввиду того, что сопровождавшие капитана в его экспедицию матросы не изменили своему долгу, а остальные бунтовщики окончательно были усмирены при взятии корабля, заложники теперь были не нужны, и я освободил их от лежавшей на них ответственности. Я приказал им отправиться в пещеру и привести всех пленных связанных в «загородный дворец», как стала называться моя беседка в глубине острова, и ожидать там меня. Через некоторое время я сам направился к этому дворцу, переодевшись в новый костюм и решив уже лично явиться в качестве губернатора. Капитан сопровождал меня.

Арестанты ожидали меня в беседке. Усадив рядом с собой капитана, я произнес речь, в которой объявил пленникам, что мне известны все их преступные действия против капитана и их гнусное намерение превратить его корабль в разбойничье судно. Я указал им на то, что Провидение запутало их в их собственные сети, которыми они хотели изловить других, и ввергло их в яму, вырытую ими для капитана и его сторонников. Затем я объявил, что помог капитану снова овладеть его кораблем, который теперь стоит на рейде острова и на одной из рей его качается тело повешенного капитана-самозванца, в чем они могут убедиться собственными глазами. В заключение я разрешил

Я объявил, что помог капитану овладеть его кораблем, на одной из рей которого качается тело повешенного капитана-самозванца.

им изложить мне все, что может послужить к их оправданию. Сообразуясь с этим, я определяю каждому меру наказания, пользуясь силою данной мне власти и действуя на основании возложенных на меня обязанностей.

Один из пленных от имени всех сказал, что им нечего привести в свое оправдание и остается только напомнить, что они сложили оружие перед капитаном на том условии, что он дарует им жизнь, и что они теперь умоляют губернатора поддержать слово капитана и, в свою очередь, помиловать их.

На это я возразил, что решительно не знаю, как мне поступить с ними, потому что я решил со всеми своими людьми покинуть остров и отправиться обратно в Англию.

— Что же касается капитана, — продолжал я, — то он может взять вас снова на свое судно не иначе, как заключенными в кандалы и с тем, чтобы потом предать вас суду, как мятежников, намеревавшихся заняться морским разбоем; а за такое преступление правосудие карает виселицей. Ввиду всего этого, я нахожу для вас только один выход. Если вы дорожите своей жизнью и свободой, то вам следует навсегда поселиться на этом острове. Будьте уверены, — заключил я, — что если вы согласны остаться здесь после того, как капитан и я со всеми моими людьми уедем, то я не только не стану препятствовать вам в этом, но даже готов помочь устроиться здесь.

Казалось, преступники были очень довольны этим предложением. Переговорив между собой, они объявили, что благодарят меня и предпочитают лучше остаться на острове, чем отправляться в Англию и быть там повешенными. Таков был результат моей речи.

Капитан сделал возражение, из которого можно было заключить, что он как будто не решается оставлять этих людей на острове. Он сделал это лишь для вида, чтобы лучше оттенить мое значение. Поняв его хитрость, я притворился оскорбленным его замечанием и резко сказал ему, что эти арестанты — мои пленные, и что раз я решил оказать им милость, то никто мне в этом воспрепятствовать не может, а если ему это не нравится, то я сейчас же выпущу пленных на свободу и предоставляю ему удовольствие ловить их, как знает.

Капитан сделал недовольное лицо, но промолчал, между тем как арестанты вновь выразили мне свою горячую признательность за милосердие к ним.

Приказав после этого развязать помилованных преступников, я объявил им, что с этой минуты они свободные жители острова. Посоветовав затем им оставаться в том лесу, в котором находилась пещера, служившая им тюрьмой, я добавил, что они получат от меня огнестрельное оружие, кое-какие орудия и все необходимое для первого обзаведения на острове.

Покончив с этим вопросом, я начал готовиться к переезду на корабль. Капитану я сказал, что мои сборы задержат меня до утра, а ему посоветовал немедленно возвратиться на судно для поддержания там порядка. Капитан беспрекословно на все согласился и уехал, обещая утром прислать за мной шлюпку. Оставшись один, я снова приказал позвать к себе бывших пленников и повел с ними беседу об их положении. Между прочим, я сказал им, что они поступили очень благоразумно, согласившись остаться на острове, так как иначе, если бы капитан взял их с собою, им предстояла бы участь, одинаковая с их вождем. Для иллюстрации своих слов, я предложил им пойти на берег и полюбоваться на повешенного.

Убедившись, что матросы охотно остаются на острове, я в коротких словах передал им историю моего пребывания здесь и указал способ, с помощью которого они

могут устроиться тут очень недурно. Показав им возведенные мною укрепления и ограды загонов для коз, я подробно разъяснил, как собирал виноград, обрабатывал землю, делал себе хлеб и пиво, — словом, объяснил все, что могло помочь им упрочить их благосостояние на этом острове, где они будут предоставлены самим себе. В заключение я сообщил им о семнадцати испанцах, которые должны были прибыть на остров, и сказал, что я им оставляю письмо, в котором попрошу их жить в дружбе и согласии с своими будущими товарищами.

Я передал новым поселенцам пять мушкетов, три охотничьих ружья, три шпаги и полтора бочонка пороху, оставшихся у меня из запасов, взятых мною с кораблей и уцелевших благодаря тому обстоятельству, что, имея собственное стадо коз, я в последние годы мало тратил это драгоценное вещество. Объяснил я им и свой способ ведения скотоводства, указав, как доить коз, как откармливать их, как бить масло и делать сыр. Вообще, я не упустил из виду ничего, что могло быть им полезно и должно было облегчить их участь. Кроме того я обещал попросить капитана дать им еще два бочонка пороха и огородных семян, которые были у него на корабле и которые он предлагал мне. При этом я расписал им, в какой восторг привел бы меня этот подарок еще несколько дней тому назад. Кстати, я отдал им мешок гороха, оказавшийся в одном из ящиков, привезенных мне капитаном, и сказал, что если они посеют весь этот горох сразу, то получат хороший урожай.

Устроив таким образом будущих жителей своего острова, я распрощался с ними и стал готовиться к отъезду.

На следующий день утром я в присланной капитаном шлюпке покинул остров, на котором пробыл столько лет, и через четверть часа был уже на борту корабля.

Мы хотели немедленно сняться с якоря, поставить паруса и отправиться в путь, но это удалось нам только ночью. Дело в том, что вскоре после моего прибытия на корабль к последнему подплыли двое из оставленных на острове матросов и стали слезно умолять нас принять их к себе на корабль, так как иначе они будут убиты своими товарищами, за что-то взъевшимися на них и угрожавшими лишить их жизни. Они кричали, что пусть их лучше повесят в Англии, если иначе нельзя, лишь бы только им уйти от злобы своих товарищей. Капитан ответил им, что он не имеет права ничего решать без меня, и что все будет так, как захочу я. Взяв с них торжественную клятву в том, что они исправятся и больше не изменят нам, я решил принять их на борт судна, а для острастки капитан приказал дать им по несколько десятков ударов линем¹. Кстати сказать, эти матросы действительно исправились и сделались честными и вполне хорошими людьми.

Во время прилива я отвез оставшимся на острове кое-какие вещи и некоторые припасы, пожертвованные для них капитаном, и передал им все то из своего имущества, что мне теперь было не нужно. Посоветовав им еще раз быть честными колонистами на этом благодатном клочке земли, обладателями которого они теперь сделались, я обещал справляться о них и, в случае если они заслужат, позаботиться об улучшении их дальнейшей участи, а быть может, даже прислать за ними впоследствии корабль, чтобы отвезти их на родину.

¹ *Линь* — тонкий корабельный трос, в старину делался из пеньки.

Глубоко растроганные моими подарками и словами, бывшие матросы горячо благодарили меня за все, что я для них сделал, и клялись заслужить мое дальнейшее расположение и мои новые милости. Простившись с ними, я сел в шляпку и возвратился на корабль. Из всех своих вещей я взял с собою только шапку из козьего меха, зонтик и деньги, о которых я говорил. Монеты до такой степени заплесневели от долгого лежания без употребления, что мне пришлось долго отчищать их, чтобы разобрать ценность каждой. Из живых существ я захватил с собою одного попугая.

Справившись в календаре на корабле, я узнал, что покинул свой остров девятнадцатого декабря тысяча шестьсот восемьдесят шестого года, проживши на нем двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней. В то же число и в тот же месяц я бежал из Саллэ, где находился в плену у мавра, лодкой которого я воспользовался для своего бегства.

После довольно продолжительного плавания на корабле своего нового друга, капитана, я возвратился в Англию 11 июня 1687 года, где отсутствовал ровно тридцать пять лет.

Последующую жизнь и дальнейшие свои приключения я опишу во второй части этой истории.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО,
СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВТОРУЮ И ПОСЛЕДНЮЮ ЧАСТЬ ЕГО
ЖИЗНИ, И ЗАХВАТЫВАЮЩЕЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ЕГО ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ТРЕМ ЧАСТЯМ СВЕТА,
НАПИСАННЫЕ ИМ САМИМ.**

ГЛАВА I

Встреча со старым капитаном португальского корабля. — Подготовка к отъезду. — Нападение волков. — Прodelка Пятницы с медведем. — Битва с волками. — Два племянника. — В поисках новых приключений. — Подготовка к отъезду. — Пылающий корабль. — Благодарность капитана. — Просьба потерпевших. — Голодающий экипаж. — Прибытие на остров.

Возвратившись в Англию, я увидел, что сделался совершенно чуждым для всех, как будто меня на моей родине никто никогда и не знал. Моя бывшая покровительница, вдова капитана, у которой когда-то хранилась часть моих денег, была еще жива, но за последние годы она испытала много разных несчастий. Она вышла было во второй раз замуж, но снова овдовела и, лишившись вдобавок всего своего состояния, находилась теперь в большой бедности. Она сильно смутилась, узнав меня, вероятно, опасаясь, что я стану требовать у нее возвращения своих денег. Но я поспешил успокоить ее. Зная ее безусловную честность и помня ее теплое участие ко мне, я просил ее забыть о долге и даже поделился с нею своими небольшими средствами. Мне было очень грустно, что я не был в состоянии помочь ей как следует, чтобы совсем поставить ее на ноги. Зато я дал ей слово не забывать о ней и всегда быть ее лучшим другом, в доказательство моей признательности за то, что она раньше сделала для меня. И, действительно, я не забывал ее и при первой же возможности помог ей более существенным образом, о чем подробнее расскажу в своем месте.

Из Лондона я отправился в Йоркшир. В доме родителей я узнал грустную весть, что мой отец давно уже умер, мать тоже последовала за ним через несколько лет, и от всех моих ближайших родственников остались в живых только две сестры и двое детей моего брата. Доли наследства мне не было оставлено, так как меня считали умершим.

Таким образом я остался не только одиноким на свете, но даже лишенным всяких средств к существованию; того, что я привез с собою, было слишком мало, чтобы я мог начать хотя бы небольшое дело, вроде, например, торговли или какого-либо производства.

Впрочем, я получил неожиданную помощь. Капитан корабля, на котором я возвратился в Англию, рассказал собственникам корабля об оказанной мною помощи, благодаря которой была спасена его жизнь и вверенное ему судно со всем находившимся на нем грузом. Благодарные хозяева судна разыскали меня, пригласили к себе, и с выражениями глубокой признательности вручили мне двести фунтов стерлингов «на первое обзаведение».

Зрело обдумав свое положение и взвесив все обстоятельства, я решил, что в Англии мне нечего делать и что лучше всего отправиться в Лиссабон. Там я надеялся узнать, что сделалось с моей плантацией в Бразилии и жив ли еще мой компаньон по этой плантации. По всей вероятности, он давно уже умер, но все-таки я желал удостовериться в этом; могло быть, что он и жив еще.

Таким образом, я отправился в Лиссабон и прибыл туда в апреле месяце. Пятница был моим верным спутником. Он по-прежнему оставался преданным мне, как собака, непоколебимо честным и самоотверженным слугой.

После долгих расспросов мне, наконец, удалось разыскать в Лиссабоне своего старого друга, португальского капитана, который когда-то взял меня на борт своего корабля у берегов Африки. Состарившись, он покинул море, передал корабль и свои торговые дела сыну, тоже уж довольно пожилому человеку, и жил теперь на покое. Сначала старик не узнал меня, как и нужно было ожидать, но как только я назвал себя, он тотчас же все припомнил и бросился обнимать меня.

Когда мы всласть наговорились друг с другом, я стал расспрашивать старого португальца, не известно ли ему что-нибудь об участии моей плантации в Бразилии и о судьбе моего бывшего компаньона. На это старик ответил, что во время его последнего путешествия в Бразилию, лет девять тому назад, мой компаньон был еще жив, назначенные же мною опекуны умерли. Но это, по его мнению, не может служить мне препятствием для получения полного и верного отчета о доходах с моей плантации. Опекуны были уверены, что я погиб во время кораблекрушения, а поэтому вносили доходы с плантации, обработка которой продолжалась по-прежнему, заведующему государственным казначейством. Это учреждение распределяло мои доходы следующим образом: одну треть откладывало для короля, а две трети — в пользу монастыря Святого Августина, на помощь бедным и на обращение туземцев в христианскую веру. Деньги эти до известного срока должны были оставаться в казначействе с тем, что если я явлюсь за ними до истечения этого срока, то вся накопившаяся сумма будет мне выдана, за исключением только процентов, которые шли на богоугодные дела, и поэтому возврату не подлежали. По словам моего друга, как королевский казначей, так и настоятель монастыря тщательно следили за ежегодными отчетами доходов моего компаньона, который тоже вел дела честно.

Затем я спросил, были ли сделаны какие-либо улучшения в моем хозяйстве, увеличилась ли плантация, стоит ли мне хлопотать о ней и не встречу ли я больших затруднений и препятствий к возвращению своей собственности, если бы я вздумал потребовать ее. На это старик сказал, что относительно улучшения и увеличения моей собственной плантации ему ничего неизвестно, но он слышал, что мой компаньон очень разбогател на своем участке и что треть моего пая, откладывавшаяся в пользу короля, но назначенная им тоже в какой-то монастырь, составляла в год более двухсот луидоров. Относительно же обратного ввода меня во владение мой собеседник выразил уверенность, что затруднений никаких быть не должно, так как мой компаньон еще жив и может удостоверить мою личность, и что мое имя занесено в имущественные списки местного окружного управления.

— Кроме того, — доказывал — старик, — наследники ваших опекунов люди богатые и честные, а потому вы можете смело рассчитывать, что они без всякого спора возвратят вам все ваше недвижимое имущество, а также и весь ваш капитал, находящийся у них на хранении. Этот капитал составил из доходов с вашей плантации за

все время управления ею опекунами, то есть, пока она не перешла под контроль правительства, а это случилось только двенадцать лет тому назад.

Эта беседа очень меня опечалила. Я спросил бывшего капитана, не известно ли ему, почему мои опекуны распорядились имуществом не так, как я их просил, и как было сказано в моем духовном завещании, по которому я назначал его, моего собеседника, единственным наследником всего моего имущества.

На это старик возразил, что он знал о моей воле и видел мое завещание, но не желал воспользоваться своими правами, потому что не имел ясных доказательств моей смерти; если бы он имел их или, наоборот, если бы знал наверняка, что я еще жив, то взял бы на себя эту роль: в первом случае моего наследника, а во втором — моего поверенного, и стал бы вести мои дела, а затем, удалившись на покой, поручил бы их своему сыну.

— Я должен вам сказать вот еще что, — продолжал старик, — предполагая вместе со всеми, что вы погибли, ваш компаньон и ваши опекуны предложили мне от вашего имени воспользоваться прибылью от вашей плантации за первые шесть или восемь лет. Я брал эту прибыль, но употребил ее на возведение необходимых на плантации новых построек, на покупку рабов для работ и еще на кое-какие мелкие улучшения. Таким образом, за все эти годы не осталось ровно ничего. В доказательство моих слов я могу представить вам подробный отчет о доходах и расходах по вашей плантации за те шесть или восемь лет.

Добрый старик предложил мне остановиться у него в доме на все время моего пребывания в Лиссабоне, на что я охотно согласился. Через несколько дней он представил мне отчет, по которому я мог ясно видеть, как он распоряжался доходами с моей плантации на протяжении шести лет. Отчет этот был подписан моим компаньоном и моими опекунами, выдававшими капитану доход натурой, то есть табаком в тюках, сахаром в ящиках, ромом и патокой в бочках, — словом, всеми производимым на моей табачной и сахарной плантации. Отчет показывал, что доходы эти ежегодно возрастали, но почти все были употреблены капитаном на улучшение плантации. Тем не менее, оказывалось, как и сознавался старик, что он остается мне должен четыреста семьдесят луидоров, шестьдесят ящиков сахара и пятнадцать двойных тюков табака. Все это у него погибло во время кораблекрушения на обратном пути в Лиссабон, спустя одиннадцать лет после того, как я покинул Бразилию. Бедный старик говорил, что случившееся с ним несчастье поразило его так больно главным образом потому, что оно заставило его воспользоваться моими деньгами на приобретение себе нового пая на другом корабле. При крушении старого корабля он потерял собственно только сами продукты с моей плантации, а деньги мои лежали у него дома. Своих у него не хватало на приобретение пая, поэтому он и позаимствовал из моих, надеясь поправить свои дела и тогда снова отложить для меня четыреста семьдесят луидоров и, кроме того, возместить мой убыток за поглощенные морем продукты.

— Впрочем, старый друг, — добавил он, — часть денег я и сейчас могу вам отдать, а когда возвратится из своей поездки в Бразилию сын, мне, вероятно, можно будет и окончательно расплатиться с вами.

С этими словами он достал из стола, пред которым сидел, старый кожаный кошелек и отсчитал мне из него сто шестьдесят луидоров. Для обеспечения же остальной части своего долга он вручил мне квитанцию на его корабельный пай. Пай этот давал право на получение четвертой части доходов с того корабля, на котором сын старика

С этими словами он достал старый кожаный кошелек и отсчитал мне из него сто шестьдесят луидоров.

незадолго перед тем отправился в Бразилию. Кстати сказать, сын сам обладал таким же паем.

Простодушие и честность старика растрогали меня до глубины души. Припоминая все, что он когда-то для меня сделал, при каких ужасных обстоятельствах принял меня на борт своего корабля, как он и после помогал мне во всех моих делах, и видя, с каким горячим участием и с какой любовью он и теперь еще относился ко мне, я чуть не расплакался. Хотя я и сильно нуждался в деньгах, но колебался принять их от него. Я спросил его, не слишком ли он стесняет себя, отдавая мне эту сумму. Он ответил, что ему, действительно, трудно сейчас обойтись без этих денег, но он находит, что я нуждаюсь больше его, притом он, во всяком случае, обязан возвратить мне мои деньги.

Он говорил это так просто и при этом так мило глядел на меня и улыбался, что я окончательно растрогался и прослезился. Доказывая ему, что я все-таки и моложе, и сильнее его, я отказывался брать у него деньги, но он убедил меня взять хоть сто луидоров. Возвратив ему шестьдесят луидоров, я выдал милому старику расписку во взятых ста и сказал, что при первой же возможности возвращу ему назад и эту сотню, пока он совсем не поправит своих дел. Я сдержал свое слово. Что же касается корабельного пая, то я решительно отказался воспользоваться им, говоря, что не нуждаюсь ни в какой гарантии честности своего старого испытанного друга, и что даже и не подумаю требовать с него долг, если только получу в Бразилии то, что мне там принадлежало, и в чем он меня так твердо обнадеживал.

Поблагодарив меня крепким пожатием руки и своей чарующей старческой улыбкой, бывший капитан спросил меня, не может ли он быть мне полезным в деле воз-

вращения моей собственности в Бразилии. Я ответил, что намерен сам отправиться в Бразилию и предъявить там свои права. Старик сказал на это, что воля моя, но что если бы я почему-либо передумал предпринять это путешествие, то он готов во всякую минуту выхлопотать мне чрез сына восстановление моих прав. Как раз в это время в Лиссабоне стояли корабли, готовившиеся к отплытию в Бразилию. Добрый старик тут же позаботился, чтобы мое имя было внесено в списки лиссабонских жителей, причем он удостоверил тождественность моей личности с тем самым Робинзоном Крузо, который первый завел и начал обрабатывать такую-то плантацию в Бразилии. Это удостоверение было законным образом засвидетельствовано у нотариуса и отправлено вместе с моей доверенностью на имя одного лиссабонского купца, поселившегося в Бразилии. Купец этот был старым приятелем моего друга, бывшего капитана, который написал ему обо мне, подробно объяснив мое дело, и просил его принять во мне участие. В ожидании ответа от купца я остался жить у своего старого друга.

Результат обращения к купцу был блестящий: более человеколюбивого и честного отношения к нуждам совершенно незнакомого человека нельзя было себе и представить. Не прошло и семи месяцев со времени отсылки письма бывшего капитана с удостоверением моей личности и с моей доверенностью, как я уже получил толстый пакет от наследников — моих опекунов, то есть тех самых купцов, которые уговорили меня предпринять то путешествие, которое кончилось для меня так плачевно. В этом пакете я нашел, во-первых, подробный отчет о доходах с моей плантации за те первые шесть лет, в течение которых старый капитан замещал меня; за все это время в мою пользу приходилось тысяча сто семьдесят четыре луидора, во-вторых, такой же отчет за те четыре года, которые прошли с того дня, когда старый капитан перестал заниматься моими делами, и до той минуты, когда правительство потребовало отчуждения моего имущества в свою пользу, как имущества, принадлежащего лицу, находящемуся в безвестном отсутствии уже десять лет; в эти четыре года плантацией моей заведовали одни опекуны. Дохода, за всеми вычетами по увеличению и улучшению плантации, за это время было получено три тысячи двести сорок один луидор. Кроме того, я получил отчет настоятеля монастыря Святого Августина, в пользу которого откладывались две трети моих доходов в течение последних четырнадцати лет. По этому отчету оказывалось, что настоятель тратил проценты с моего капитала на устройство и содержание больницы при монастыре, а самый капитал, в сумме восьмисот семидесяти двух луидоров, оставался нетронутым, и я во всякое время мог получить его. Что же касается до одной трети моих доходов, шедших в королевскую казну, то она возврату не подлежала, так как была всецело потрачена на богоугодные дела.

К перечисленным мною бумагам было приложено письмо от моего компаньона. Последний, восторженно выражая свою радость по поводу того, что я жив и здоров, сообщал мне подробности о развитии и улучшении моей плантации, о получаемых с нее доходах, о количестве заключающейся в ней земли, о способах ее обработки, о числе работающих на ней невольников и прочее. В конце письма красовались двадцать два креста, а возле них, в скобках, стояло объяснение, что эти кресты означают количество молитв Пресвятой Деве, прочитанных автором письма в благодарность за спасение и сохранение моей жизни. Далее он убедительно просил меня или самого приехать и снова вступить во владение своей собственностью, или же уведо-

мить его, кому передать все мое движимое и недвижимое имущество. Свидетельствуя мне свою искреннюю дружбу, компаньон присовокуплял, что в доказательство этой дружбы он шлет мне шесть превосходных леопардовых шкур; по всей вероятности, он получил эти шкуры из Африки, на каком-нибудь корабле, который был счастливее того, на котором я плыл из Бразилии к берегам Африки.

Когда я развернул громадный тюк, заключающий шкуры, то в нем кроме того оказалось шесть ящичков с сушеными плодами, да сто маленьких самородков чистого золота, стоимостью каждый, по крайней мере, в луидор. Одновременно с тем я получил от наследников моих опекунов тысячу двести ящичков сахара, восемьсот свертков табака и довольно значительную сумму золотой монетой, накопившуюся, судя по приложенному отчету, от различных остатков денег, назначаемых ежегодно на содержание плантации.

Такого вознаграждения за свои несчастья я, многострадальный Иов¹,* никогда не смел и ожидать! Так как корабли из Бразилии возвращаются все вместе, то посылки прибыли ко мне в один день с письмами. Читая письма наследников моих опекунов и компаньона и глядя на разложенные вокруг меня богатства, я испытывал такую радость, описать которую невозможно. Я так взволновался от этой радости, что у меня захватило дух, сердце замерло и я, наверное, лишился бы чувств, если бы возле меня не было моего доброго друга, бывшего капитана, который, увидев мою бледность, поспешил дать мне успокоительных капель. Мне кажется, я готов был умереть от внезапного прилива радости. В течение нескольких часов я не был в состоянии ни двигаться, ни говорить, так что старик вынужден был пригласить доктора, который, узнав причину моего оцепенения, пустил мне кровь, после чего мне стало легче. Не будь мне оказана эта помощь, я, думается мне, наверно бы умер от разрыва сердца.

Денег мне было прислано около пяти тысяч фунтов стерлингов; кроме того, я узнал, что моя плантация никем не оспаривается у меня, и что она приносит ежегодной чистой прибыли около тысячи фунтов. Это равнялось доходности приличного поместья в Англии, и было для меня неожиданным сюрпризом. В первые минуты я положительно не знал, что мне делать с так внезапно свалившимся мне на голову богатством, и как им пользоваться.

Обняв и горячо расцеловав своего доброго друга, так много сделавшего для меня и относившегося ко мне с такой любовью и участием, я сказал ему, что после Господа Бога, так мудро управляющего вселенной, он для меня дороже всего на свете, поэтому я хочу отплатить ему сторицей за все, что он для меня сделал. Я тут же возвратил ему взятые у него сто луидоров, затем послал за нотариусом и попросил его составить законную расписку в получении мной от бывшего капитана всего его долга и составить ему от моего имени полную доверенность на получение ежегодных доходов с моей плантации. Вместе с тем я написал моему компаньону, чтобы он смотрел на бывшего капитана, как на хозяина моей плантации, и высылал прямо ему деньги, отчеты и продукты, какие только он может потребовать. В заключение я назначил старику пожизненную пенсию в сто луидоров, с тем, чтобы после его смерти сын его

¹ *Многострадальный Иов* — библейский персонаж, благочестивость которого испытывал Сатана, подвергая всевозможным страданиям.

получал половину этой пенсии. Так я отблагодарил человека, который был моим спасителем и верным другом.

Исполнив долг благодарности, я стал обдумывать, куда мне теперь направиться, и что делать с теми богатствами, которые послало мне Провидение. Было над чем поломать голову! В самом деле, мне теперь предстояло гораздо более забот, чем в то время, когда я жил на пустынном острове, где у меня не было ничего, кроме самого необходимого, и где я не нуждался почти ни в чем. Теперь же на меня свалилась страшная обуза, и я должен был напрячь все свои умственные способности, чтобы придумать, куда девать и как сохранить свои деньги и другое имущество. У меня теперь не было в распоряжении подземелий, куда я мог бы спрятать свои сокровища, и где они могли бы лежать в полной безопасности, несмотря на отсутствие замков и запоров, хоть до скончания мира. Куда же, в самом деле, их девать, кому могу я их доверить? Оставалось опять просить своего старого друга, честность которого была выше всяких сомнений, взять к себе на хранение мои деньги, но я долго не решался это сделать, хорошо понимая, что этим я обремению доброго старика. А между тем, необходимо было поместить деньги в верные руки, так как я решил лично отправиться в Бразилию, и было бы рискованно брать с собой все деньги. Я вспомнил было о вдове моего бывшего патрона в Лондоне, которая тоже была безусловно честна и уже не раз оказывала мне услуги, но она находилась в таких преклонных летах, что ее неудобно было беспокоить и навязывать на ее старческую шею новую ответственность.

После долгих размышлений я решил, что мне лучше всего отправиться с моими деньгами обратно в Англию и там на месте приискать, куда их поместить. Эта мысль, впрочем, пришла мне в голову лишь спустя несколько месяцев. Уладив дело с бывшим капитаном, я вспомнил о той бедной вдове моего первого благодетеля, которая по примеру своего добросердечного мужа тоже помогала мне насколько могла и словом, и делом. Я поручил одному местному купцу написать своему агенту в Лондон, чтобы он отыскал вдову, повидался с ней и передал ей от моего имени сто фунтов стерлингов и письмо, в котором я благодарил ее за все прежнее и давал ей слово, что никогда не забуду ее и не оставляю, пока жив. Вместе с тем, я позаботился доставить моим сестрам в Йоркшире каждой по сто фунтов стерлингов; я знал, что они хотя и не бедны, но и не настолько богаты, чтобы подарок в сто фунтов был для них лишним. Одна из них овдовела, а другая была обременена большим семейством и не могла похвалиться хорошим мужем. Между всеми моими, хотя и немногочисленными оставшимися в живых родственниками, не было ни одного человека, которому я мог бы доверить свой капитал, чтобы затем со спокойным сердцем отправиться в Бразилию. Это обстоятельство очень угнетало меня.

Одно время я совсем было решился сесть на корабль, отплывавший в Бразилию; в это время я перестал заботиться о деньгах и хотел взять их с собою, и будь что будет. Я рассуждал так: при мне они едва ли пропадут, а если погибну я сам, то не жаль будет и денег. В Бразилию меня, главным образом, тянуло то обстоятельство, что я там имел права гражданства, но меня удерживали кое-какие религиозные сомнения, сильно смущавшие мой ум. Во время моего первого пребывания в Бразилии я исповедовал господствовавшую там католическую религию и не находил в этом ничего дурного, а теперь, со зрелым умом, я пришел к заключению, что раз я не был от рождения папистом, то не должен был и притворяться им, тем более, что я не был склонен к папизму.

Были, впрочем, и другие причины, заставившие меня отложить пока свое путешествие в Бразилию. Главное, я опять раздумался о деньгах, не зная кому оставить их. Испытанный в превратностях жизни, я должен был теперь быть осторожным и предусмотрительным. Делать все по-прежнему, наудачу, я уже не находил удобным. Поэтому я решил сначала возвратиться в Англию и завязать там знакомство с надежными людьми, или найти родственника, на которого мог бы вполне положиться и доверить ему свой капитал.

Воспользовавшись тем, что в Бразилию шли корабли, я сначала ответил всем лицам, от которых получил отчеты и письма. Во-первых, я написал настоятелю монастыря Святого Августина. Поблагодарив его за присланный мне отчет, я просил из находящихся у него моих денег, 872 луидоров, пятьсот употребить на нужды монастыря, а остальные 372 раздать бедным по его собственному усмотрению. В заключение я поручил себя его молитвам. Затем я написал наследникам моих опекунов очень теплое, полное признательности письмо; своим благородством и своей честностью эти люди вполне заслужили такого письма с моей стороны. Подарков я им не посылал, зная, что они ни в чем не нуждаются. Наконец, я написал и моему компаньону. Поблагодарив и его за все, что он сделал для увеличения доходности моей плантации, я еще раз повторил ему то, о чем он уже должен был получить официальное уведомление, то есть, что я прошу его впредь до моих дальнейших распоряжений высылать все доходы с моей плантации моему старому благодетелю и другу, бывшему капитану, и вообще исполнять все его просьбы и требования, как мои собственные. Выразив уверенность, что я в недалеком будущем сам приеду в Бразилию, чтобы уж навсегда поселиться там, я добавил, что посылаю для его жены и дочери, о существовании которых мне сообщил мой друг, старый капитан, следующие подарки: кусок итальянской шелковой материи, два куса тонкого английского сукна, самого лучшего качества, какое я только мог найти в Лиссабоне, и несколько кусков самых лучших фламандских кружев¹.

Отправив эти письма и подарки, я продал свой табак, сахар, ром, — словом, все, что получил из Бразилии, и прибавил вырученную сумму к своему капиталу. Покончив и с этим делом, я мог бы отправиться в Англию, если бы вдруг не представилось мне нового затруднения, состоявшего в том, что я не знал, какой выбрать путь. Конечно, было бы всего проще сесть на первый корабль, отходивший в Англию, но дело в том, что у меня вдруг явилось неодолимое отвращение к путешествиям по морям. Чем объяснить это внезапное отвращение я не знаю, и могу только сказать, что оно было до такой степени сильно, что я несколько раз отправлял свой багаж на корабль и тут же брал его обратно.

Положим, я был очень несчастлив на море, поэтому немудрено было мне, наконец, получить отвращение к этой изменчивой стихии, но почему этого не случилось раньше? Я пришел к заключению, что овладевшая мною боязнь моря была не чем иным, как продуктом тайного, бессознательного предчувствия, когда я узнал, что оба корабля, на которых я собирался отправиться на родину, погибли в пути. Первый был захвачен ал-

¹ Искусство плетения кружев зародилось во Фландрии в конце XVI в. и вскоре приобрело всемирную славу.

жирскими корсарами, а второй потерпел крушение близ Торбея¹, причем утонул весь экипаж, и погибли все пассажиры, за исключением трех человек, спасшихся каким-то чудом. Таким образом, если бы я ехал на первом корабле, я попал бы в плен к алжирцам, а если бы сел на второй, то, наверное, утонул бы вместе с остальными жертвами крушения. Трудно сказать, какое из этих двух несчастий было бы худшим для меня.

Как бы там ни было, но я никак не мог решить, какой выбрать путь в Англию. Старый мой друг, с которым я делился всеми своими планами, мыслями и заботами, тоже был против того, чтобы я ехал морем. Он советовал мне отправиться сухим путем до испанской провинции Коруньи, а оттуда морем через Бискайский залив в Рашель; из этого французского города нетрудно было за несколько дней добраться до Парижа, а затем через Кале перебраться в Дувр. На тот случай, если мне не понравится и этот путь, старик предлагал ехать на Мадрид, а из Мадрида сухопутным через всю Францию до Кале. Ввиду моего отвращения к морю, я избрал путь через Мадрид, потому что здесь мне предстоял только один небольшой морской переезд, — во всяком случае неизбежный, — из Кале в Дувр.

Так как я не имел надобности спешить, притом не стеснялся и в деньгах, то захотел устроить себе по возможности удобное путешествие. В этом опять помог мне мой милый старик, который познакомил меня с одним англичанином, сыном купца, торговавшего в Лиссабоне. Этот молодой человек выразил готовность сопровождать меня и нашел еще четверых спутников: двух английских купцов и двух португальских дворян; последние, впрочем, ехали только до Парижа. Таким образом нас собралась компания в шесть человек, при которых было столько же слуг. Кроме Пятницы, который по незнанию испанского языка не мог быть мне вполне полезным в пути, я нанял еще одного слугу, из английских матросов, расторопного малого, отлично знакомого с языком и обычаями страны.

Вся наша компания, хорошо вооруженная и купившая себе прекрасных лошадей, составляла небольшой отряд. Меня выбрали предводителем этого отряда, во-первых, потому, что я был самым старшим по годам и имел с собой двух телохранителей, а во-вторых, потому, что собственно сам этот отряд образовался по моему почину.

В одно прекрасное утро мы покинули Лиссабон. Как прежде я не утомлял внимание читателя излишними подробностями моих морских путешествий, так и теперь я не буду углубляться в описания мелочей этого продолжительного и трудного сухопутного переезда, а отмечу только самые важные и интересные приключения, случившиеся с нами во время нашего пути.

Как я, так и все мои спутники были в первый раз в Испании, и поэтому на каждом шагу встречали много нового и интересного. Добравшись до Мадрида, мы хотели остановиться там на несколько дней, чтобы хорошенько осмотреть этот красивый город; но потом мы рассудили, что наступает осень — была половина октября, — того и гляди испортятся дороги, и поэтому мы провели в Мадриде всего два дня, а затем отправились в Наварру. По дороге мы узнали крайне неприятную для себя новость, а именно, что на французской границе выпал глубокий снег, вынудивший многих пу-

¹ Торбей находится на юго-востоке графства Девон, ныне это побережье на юге Англии является популярным местом отдыха.

тешественников после тщетных и сопряженных с большими опасностями попыток переправиться через горы и возвратиться в Памплону. Когда мы достигли Памплонны, нас охватил такой холод, какого я давно уже не испытывал. Привыкнув к жаркому климату, где одежда носилась только для защиты от чересчур знойных лучей солнца, я опасался теперь, что замерзну. Мы не знали, чем объяснить такую резкую перемену погоды и температуры. Прошло всего девять дней с тех пор, как мы оставили Старую Кастилию, где было не только тепло, а даже жарко; теперь с Пиренеев вдруг подул такой жестокий и холодный ветер, точно там был крайний север.

Мой бедный Пятница не шутя испугался, когда увидел горы, сплошь покрытые снегом, и почувствовал такой холод, о котором раньше и понятия не имел. В самой Памплоне тоже шел сильный снег, и все думали, что наступила преждевременная зима. Дороги, и без того дурные, сделались теперь совсем непроходимыми и непроезжими. В некоторых местах были такие рытвины, что не было никакой возможности перебраться через них. Путешественники на каждом шагу проваливались в рыхлый, еще не скованный морозом снег, а так как при этом свирепствовала еще метель, то нам угрожала серьезная опасность быть занесенными и заживо погребенными под снегом.

В ожидании, пока исправятся дороги, мы должны были просидеть в Памплоне двадцать дней. Я предложил было продолжать путь через Бордо, в надежде, что таким образом мы избежим сильных холодов, но оказалось, и этот путь был не лучше, потому что зима, и притом очень жестокая, наступила одновременно во всей Европе.

Пока мы вели переговоры с проводниками, которые брались провести нас в Бордо, в Памплону прибыли четыре путешественника из Франции, которые так же, как и мы, на долгое время были задержаны снегом, но только по ту сторону гор. По их словам, проводники нашли дорогу через горы, где снег так сильно промерз, что отлично выдерживал не только пешеходов, но и всадников. Услыхав это, мы послали за своими проводниками и передали им слова французов. Проводники ответили на это, что знают дорогу, о которой говорят господа французы, и охотно проведут нас по ней, несмотря на непогоду, если только мы хорошо вооружены и не боимся нападения волков, которые зимою часто бродят в горах и от голода с яростью бросаются на людей и лошадей. Мы объявили проводникам, что сумеем защитить себя от целой стаи волков, лишь бы только они, проводники, постарались избавить нас от встречи с двуногими волками, которых, как мы слышали, тоже много бродит на французской границе. Но проводники уверяли, что на избранной нами дороге нечего опасаться нападения разбойников, потому что те гнездятся совсем в других пунктах. Это уверение успокоило нас, и мы решили отправиться в путь на следующий же день. К нам присоединилась еще компания, состоявшая из двенадцати путешественников, частью французов, частью испанцев. Их тоже сопровождало несколько слуг. Эти путешественники были те самые, которые возвратились в Памплону после неудачных попыток переправиться через горы.

Пятнадцатого ноября мы двинулись из Памплонны. Один из наших проводников внезапно заболел, поэтому нам пришлось удовольствоваться только одним; Впрочем, в сущности, было вполне достаточно и одного. Только нам показалось очень странным, что наш проводник вместо того, чтобы двигаться вперед, повернул почему-то назад и заставил нас проехать миль двадцать по той самой дороге, по которой мы приехали из Мадрида. Переправившись через две реки и пересехав обширную равнину, мы вдруг очутились в прелестнейшей местности, где было еще тепло и нигде не замечалось ни

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

малейших следов снега. С этого пункта проводник опять круто повернул в противоположную сторону, где в туманной дали смутно обрисовывались белые вершины гор. Когда мы близко подъехали к горам, нам сделалось страшно при виде этих громадных, крутых, покрытых снегом и обледенелых стен, но проводник вел нас такими извилинами и ущельями, делая сотни совсем неожиданных поворотов, что мы и не заметили, как очутились по ту сторону Пиренеев. Мы все ожидали, что вот-вот, наконец, начнется перевал, и поэтому были в высшей степени изумлены, когда увидели перед собою цветущие поля, зеленые леса и луга плодородных провинций Лангедока и Гаскони. Наш проводник положительно оказался на высоте своей задачи. Впрочем, нам предстояло еще много неудобств в пути, но в этом его уже винить было нельзя.

Когда мы отъехали довольно далеко от этой цветущей долины, вдруг пошел такой сильный снег, что мы изъявили желание остановиться где-нибудь, чтобы переждать, когда погода прояснится, но проводник убедил нас продолжать путь, говоря, что мы скоро выберемся в равнину. Поверив ему, мы согласились ехать дальше. Однако снег все шел да шел, и лошадям становилось трудно идти. Часа за два до наступления темноты из густой сосновой поросли, мимо которой пролегал наш путь, вдруг выскочили три громадных волка и большой медведь. Два волка бросились на проводника, немного опередившего нас, но, к счастью, не настолько, чтобы мы не могли по-

Один из волков вцепился зубами в ногу лошади проводника, а другой старался стащить на землю всадника.

спеть к нему на помощь. Один из волков вцепился зубами в ногу лошади проводника, а другой старался стащить на землю всадника. Проводник не успел или не догадался вытащить пистолет, находившийся у него за поясом, и только принялся изо всей силы кричать и звать нас. Я приказал ехавшему рядом со мною Пятнице пуститься во всю прыть и узнать, что случилось с проводником; он нам не был виден, и мы только потом узнали, в чем дело. Отъехав немного и увидев проводника и осаждавших его врагов, Пятница от ужаса только и мог крикнуть мне:

— О, господин! Господин!

Тем не менее, мой верный и храбрый слуга продолжал лететь вперед. Достигнув места происшествия, он выхватил свой пистолет, прицелился и выстрелил прямо в голову тому из волков, который стаскивал проводника с лошади. Хорошо, что я послал на помощь к проводнику именно Пятницу. Всякий другой на месте этого чернокожего, с детства привыкшего бороться с дикими зверями, угодил бы пулей скорее в самого проводника, чем в волка, потому что голова последнего доставала почти до головы его жертвы.

После выстрела Пятницы с обеих сторон раздался страшный вой волков, повторенный тысячи раз в горах, так что казалось, будто вокруг нас собрались волки, по крайней мере, со всей Европы. Было отчего струсить даже мне, человеку всего навидавшемуся.

Волк, занявшийся было лошадью проводника, при звуке выстрела шарахнулся обратно в поросль; то же самое сделал и третий волк, не принимавший почему-то участия в нападении. К счастью, лошадь пострадала не много, благодаря тому, что она отчаянно отбивалась, но зато бедный всадник был сильно изранен. Волк успел прогрызть ему руку и ногу выше колена, и он уже добирался до шеи злополучного проводника, когда Пятница своим метким выстрелом уложил волка на месте. В то мгновение, когда Пятница стрелял, лошадь уже взвивалась на дыбы; опоздай мой слуга на секунду, проводник был бы сброшен на землю, и тогда нам едва ли удалось спасти его от зубов и когтей разъяренного зверя.

Само собой разумеется, что как только мы услышали выстрел, мы все пришпорили своих лошадей и поскакали вперед настолько скоро, насколько это было возможно по глубокому снегу. Сначала нам не было видно убитого волка, и только из слов раненого проводника и Пятницы мы поняли, что случилось.

Однако, тем дело не кончилось. Убив одного волка и обратив в бегство остальных двух, Пятница вступил в борьбу с медведем. Думаю, что никогда и нигде не было подобного оригинального и странного состязания. В первую минуту мы все были страшно изумлены и испуганы этим необыкновенным зрелищем, но потом следили за ним с живейшим удовольствием. Как известно, медведь животное очень грузное и неповоротливое. Он не может, подобно легкому и проворному волку, скакать, прыгать и вертеться во все стороны, но у него есть два особенных свойства, которыми обуславливаются его действия против людей. Прежде всего нужно сказать, что медведь вовсе не смотрит на человека, как на свою законную добычу, исключая разве случаев, когда он чересчур голоден, да и то я что-то не слыхал, чтобы он питался человеческим мясом. Вообще же он бросается на людей только тогда, когда те сами заденут его. Если вы не будете выказывать против него явно враждебных намерений или не затронете, так сказать, его чести, — он сам никогда не тронет вас. Прежде всего, будьте с ним вежливы и не загромождайте ему дорогу. Медведь очень горд и самолюбив и терпеть не может, чтобы ему

преграждали путь. Он не привык ни перед кем отступать и любит, чтобы ему все давали дорогу. Если вы остановитесь перед ним и станете смотреть ему прямо в глаза или коснетесь его хотя бы только кончиком самой тоненькой тросточки, то он сочтет это за оскорбление и непременно отомстит вам за это; ради этого он даже бросит дело, которым был занят при встрече с вами. Словом, он чрезвычайно щекотлив в делах чести, и в этом состоит его первая особенность. Вторая своеобразная черта его характера, служащая как бы дополнением к первой, выражается в том, что раз вы оскорбили его, то, будь это днем или ночью, он до тех пор будет преследовать вас, переваливаясь на своих неуклюжих лапах, пока не догонит и не отомстит за свою поруганную честь.

В то время, когда мы подъезжали, Пятница уже снимал раненого и страшно испуганного проводника с лошади. В нескольких шагах от нас стоял медведь такой чудовищной величины, какого я раньше еще никогда не видывал. При взгляде на этого мохнатого великана, Пятница загорелся желанием помериться с ним силами.

— О! о! о! — воскликнул он, обернувшись ко мне и указывая пальцем на медведя. — Пусть господин позволяет Пятнице пожать этому медвежонку лапку. Я будет делать так, что господин хорошо будет смеяться.

Я был поражен затеей Пятницы.

— Да ты положительно сошел с ума, Пятница! — сказал я: — ведь этот «медвежонек», как ты его называешь, сразу съест тебя!

— Съест меня! Он? — со смехом вскричал Пятница. — Нет, не съест!.. Мой вот его съест, это верно... Вы все стоять здесь, мой вам будет показывать, как хорошо смеяться.

С этими словами Пятница сел на землю, быстро снял с своих ног сапоги, надел вместо них туфли, которые были у него в кармане, снял с плеча ружье и подошел вплотную к медведю.

Между тем, последний тихо прохаживался взад и вперед, не обращая ни на кого ни малейшего внимания. Подскочив к самому носу видимо озадаченного зверя, Пятница крикнул ему, точно тот мог его понять:

— Послушай, приятель, мой хочет говорить с тобой!

Медведь стоял посреди мелкой сосновой поросли, служившей опушкой большого и густого леса, отлого спускавшегося по горе к гасконской равнине. Зверь, очевидно, был так ошеломлен неожиданностью, что бессознательно подался назад. Пятница нагнулся, поднял довольно большой камень и бросил его медведю прямо в голову. Камень отскочил от головы, как от стены, не причинив животному ни малейшего вреда. Впрочем, Пятница и не хотел убить или ранить медведя простым камнем; он отлично знал, что для этой цели нужно пустить в ход оружие совсем другого рода; но просто желал рассердить зверя и заставить нас, зрителей, «хорошо смеяться», по его собственному выражению. Бросив зверю свой вызов, Пятница повернулся и побежал назад к нам. Медведь, сверкнув своими маленькими умными глазами, бросился догонять смельчака, дерзнувшего так оскорбить его; двигался он с такою быстротой, какой никак нельзя было от него ожидать. Он не бежал, а делал такие громадные шаги, что разве только хорошая лошадь могла поспеть за ним. Зато Пятница буквально летел стрелой. Мы подняли ружья, чтобы сделать залп по медведю, опасаясь, что он того и глади настигнет Пятницу и растерзает его. Меня взяло сильное зло на своего слугу за то, что тот вздумал направить зверя прямо на нас.

— Болван! — крикнул я Пятнице, — так-то ты смешишь нас! Беги скорее сюда и держи свою лошадь, пока мы будем стрелять, а то она, чего доброго, испугается и убежит.

— Не стрелять, господин, не стрелять! — отвечал на бегу Пятница. — Право, вы будет иметь много смех!

С этими словами он сделал сильный прыжок в сторону, по направлению к высокому дереву. Достигнув его, Пятница отбросил от себя ружье и с ловкостью кошки взобрался на дерево. Через минуту и медведь подбежал к дереву. Обнюхав сначала со всех сторон валявшееся на земле ружье, зверь, несмотря на свой громадный объем, с не меньшей быстротой и ловкостью, чем Пятница, стал подниматься по скользкому стволу дерева, причем слышно было, как трещала кора под ударами его железных когтей. Я решительно не мог понять, что находил смешного в этой игре Пятница и сильно негодовал на него за его глупость и легкомыслие.

Однако нельзя же было дать несчастному дикарю погибнуть, став жертвой своего легкомыслия, поэтому мы всей компанией последовали за ним. Когда мы подъехали поближе, то

*«Что же, приятель, не идти сюда ближе? Иди!
Мой хочет пожать твой лапка».*

вительно, становилась забавной и заставила нас от души рассмеяться. Но Пятница этим не удовольствовался. Видя, что медведь сидит в нерешительности, он крикнул ему:

— Что же, приятель, не идти сюда ближе? Иди! Мой хочет пожать твой лапка.

Говоря это, мой темнокожий удалец теперь сидел тоже совсем смирно, перестав подпрыгивать и раскачиваться. Медведь точно понял его приглашение и снова начал

увидели, что Пятница сидит на конце толстого сука, а медведь, добравшись до середины этого сука, придвигается к своему оскорбителю и собирается заключить его в свои могучие объятия. Когда грузный зверь очутился на таком месте сука, которое было очень ненадежно вследствие его тонкости, Пятница крикнул нам:

— Ну, теперь смотреть, как мой будет учить медведь плясать!

Тут он начал подпрыгивать и раскачиваться на ветви. Медведь придвинулся было еще немного вперед, но затем вдруг остановился и оглянулся назад, как будто желая ретироваться... Сцена, дейст-

подвигаться к нему. Пятница опять принялся раскачиваться, причем сук так и ходил ходуном. Медведь, очевидно, понял, что эта игра для него небезопасна, и снова остановился. Я нашел, что настал удобный момент прострелить медведю голову, и предупредил об этом Пятницу. Но тот умоляющим голосом опять крикнул мне:

— О, господин, не стрелять! не стрелять! Мой сам потом будет стрелять.

Самоуверенность смельчака поставила нас всех в тупик, и мы решили не вмешиваться в его игру до тех нор, пока не будет крайности.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, скажу только, что Пятница некоторое время еще продолжал изо всех сил раскачивать сук, что побуждало медведя балансировать самым уморительным образом на своих толстых лапах. Мы хохотали, как говорится, до упада. Мы не знали, чем именно Пятница хотел закончить свою забаву, и думали, что он добивается того, чтобы медведь, потеряв равновесие, свалился на землю. Но умное животное так крепко вцепилось всеми своими когтями в сук, и так искусно, хотя и неуклюже балансировало, что едва ли было возможно сбросить его. Убедившись, что его партнер не двигается с места, Пятница сказал:

— Хорошо! Твой не идти дальше... не хочет идти ко мне, так мой пойти к приятель. Но мой идти по другому.

Проговорив это, Пятница подвинулся к самому концу сука, надавил на него всей своей тяжестью и, таким образом, заставил его пригнуться книзу настолько, чтобы можно было легко спрыгнуть с него. Опустившись на землю, мой слуга поднял ружье и снова подошел к дереву.

— Стреляй же скорей, Пятница, — сказал я. — Чего ты зеваешь?

— Мой еще рано стрелять, господин, — ответил он, — не будет еще убить медведь. Убить после. Надо дать господину еще немного смеяться.

И он, действительно, еще раз насмешил нас, как сейчас увидит читатель.

Заметив, что его враг спустился на землю, медведь, то и дело озираясь, стал осторожно пятиться назад к стволу дерева. Движения и позы его были так комичны, что мы снова чуть не умерли от смеха. Интересно было видеть, как аккуратно он передвигал лапы и как крепко обхватывал ими на каждом шагу сук. Добравшись до ствола, он начал быстро спускаться вниз. Пятница зорко следил за каждым его движением, и как только мохнатый исполин готов был коснуться земли, наш шалун подбежал к нему, приставил дуло ружья к его уху и выстрелил. Громадный зверь тяжело рухнул и вытянулся: пуля, пробив голову, мгновенно убила его.

После этого Пятница повернулся к нам и видя, что на наших лицах выражается удовольствие, громко расхохотался и сказал:

— Так мы бить медведь наша сторона.

— Как же вы можете так бить их? — спросил я. — Ведь у вас нет ружей.

— Нет ружье, есть стрела, — ответил Пятница, скаля свои ослепительно белые зубы.

Когда представление с медведем, так позабавившее нас, окончилось, мы вспомнили, что наше положение, в сущности, было далеко не из забавных. Бедный проводник был изранен, мы находились в дикой и совершенно пустынной местности, и в ушах наших все еще раздавался ожесточенный вой волков. Подобный вой мне пришлось слышать только раз в жизни на берегах Африки, во время моего бегства из Салле, о чем я, кажется, упомянул в своем месте.

Пятница хотел снять с медведя его роскошную шкуру, но ночь была уже близка, до населенной местности нам оставалось еще проехать около десяти миль, волки

кругом грозно выли, и проводник торопил нас продолжать путь, так что Пятнице, скрепя сердце, пришлось отказаться от своей законной добычи. Сев с сожалением на лошадь, он последовал за нами.

По мере того, как мы приближались к равнине, снегу становилось все меньше и меньше. Кстати сказать, глубокий снег в горах, как мы потом узнали, вынудил хищных зверей забираться на поиски добычи в окрестные селения, где звери истребили множество скота и даже загрызли несколько человек.

По словам проводника нам предстояло ехать еще через одно место, где мы опять могли встретиться с волками. Это была небольшая долина, окруженная со всех сторон густым лесом. За этой долиной шли отроги гор, через которые вело длинное и узкое ущелье. Другой дороги к той деревне, в которой мы должны были остановиться на ночлег, не существовало.

Мы достигли долины за полчаса до захода солнца. Не успели мы проехать по ней и сотни шагов, как нам пересекли дорогу пять громадных волков. Они, должно быть, преследовали какую-нибудь добычу, потому что не обратили на нас ни малейшего внимания. Через мгновение они все скрылись из вида. Проводник наш, который, как оказалось, не отличался храбростью, умолял нас держать наготове ружья, потому что был уверен, что дальше мы встретим целую стаю волков, которая едва ли так пропустит нас.

Осмотрев ружья, мы стали держать их так, чтобы каждую минуту можно было стрелять из них без задержки, и начали тщательно осматриваться по сторонам. Но мы проехали около полумили, не видя и не слыша больше волков. Однако немного дальше нашим взорам представилась лошадь, вся обглоданная волками; в сотне шагов от этого места стояла стая волков, штук в двадцать, обглаживала еще какую-то добычу. Поглощенные своим делом, и эти волки оставили нас без внимания, поэтому и мы решили не трогать их. Пятнице очень хотелось выстрелить в пировавших хищников, но я запретил ему это, находя, что было бы крайне неблагоприятно понапрасну раздражать их.

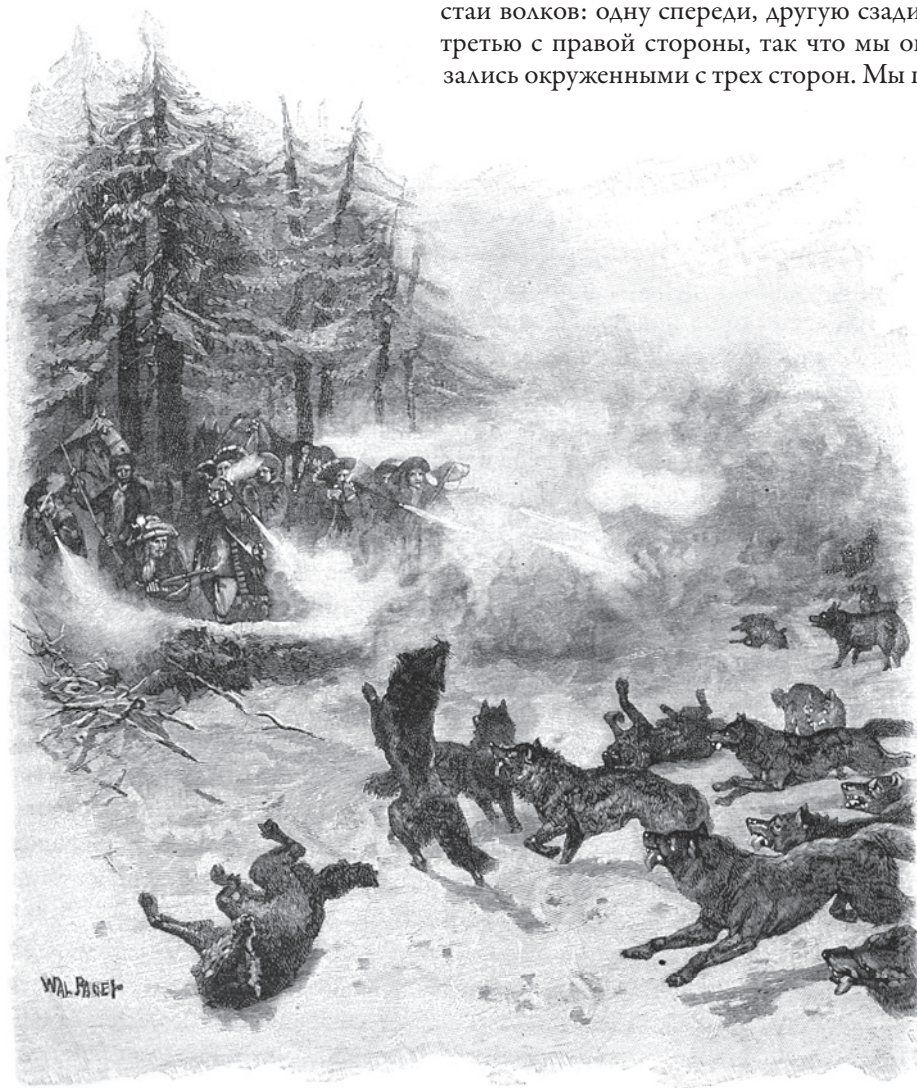
Через некоторое время, когда мы находились посередине долины, наш слух вдруг вновь поразил страшный вой волков, несшийся с левой стороны из лесу. Вслед за этим мы увидели с сотню этих животных, двигавшихся прямо на нас одною стройною линией, точно отряд солдат, выстроенный опытным командиром. Я чуть было не растерялся увидав эту грозную шеренгу. Поколебавшись с минуту, я решил, что нам лучше всего будет тоже выстроиться в ряд, что мы и сделали. Я отдал распоряжение, чтобы каждый из нас стрелял по очереди так, чтобы выстрелы не прекращались, и чтобы мы вместе с тем имели время заряжать ружья. В крайнем случае, мы могли действовать пистолетами, которых у каждого из нас было по два. Но до пистолетов дело не дошло. Испуганные огнем и треском выстрелов волки при первом же залпе остановились. Четверо из них были убиты наповал и много оказалось раненых; горячая кровь их сразу окрасила ослепительно белый снег и превратила его в алый.

Но почему-то ни один волк не обратился в бегство, а все они стояли как вкопанные. Я вспомнил, как мне кто-то говорил, что самые свирепые волки боятся человеческого голоса, и посоветовал своим спутникам кричать как можно громче. Действительно, мне сказали правду. Как только волки услышали наш крик, они дрогнули, попятись, вдруг повернули назад и бросились со всех ног обратно в лес. Я скомандовал послать им вдогонку второй залп, чтобы не дать им опомниться и лишить их

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

всякой охоты вновь напасть на нас. Но едва эта стая успела скрыться в лесу, как мы услышали впереди новый отчаянный вой.

Между тем, наступала ночь, и наше положение с каждой минутой становилось все более и более затруднительным. Вой приближался. Вдруг мы увидели три новые стаи волков: одну спереди, другую сзади, а третью с правой стороны, так что мы оказались окруженными с трех сторон. Мы пу-

Испуганные огнем и треском выстрелов, волки при первом же залпе остановились.

стили лошадей во всю прыть, но дорога вся была изрыта, поэтому лошади на каждом шагу спотыкались, и мы ежеминутно рисковали слететь. Волки почему-то не преследовали нас, и мы уже считали себя спасенными, как вдруг при повороте дороги мы очутились перед четвертой стай, очевидно, нас поджидавшей. Быть может, это были те самые волки, от которых мы спаслись и которые опередили нас окольным путем.

Я хотел было опять стать в позицию, но в это время с противоположного конца долины раздался ружейный выстрел, и вслед за тем из лесу выскочила и вихрем промчалась мимо нас оседланная и взнузданная лошадь без седока. За ней гналось штук около двадцати волков, страшно сверкая глазами, завывая и щелкая зубами. Ясно было, что лошади долго не выдержать такой погони, и она будет настигнута врагами. Действительно, через несколько минут бедное животное было уже растерзано.

Когда мы проехали еще с четверть мили, нашим глазам представилась ужасная картина: в начале лесной просеки лежали три трупа, истерзанные волками, — два человеческих и один лошади. Возле одного из человеческих трупов валялось ружье, вероятно, то самое, выстрел из которого мы слышали. Голова и вся верхняя часть этого трупа были съедены. Зрелище это так поразило нас, что мы совершенно растерялись и не знали, что делать. Однако волки заставили нас быстро собраться с духом. Они сбегались к нам громадной массой, очевидно, рассчитывая подавить нас своей численностью. На мой взгляд их было штук около трехсот. Наступила критическая минута.

К счастью, недалеко от просеки лежала груда толстых бревен, по всей вероятности, срубленных еще недавно и приготовленных для вывоза. Недолго думая, я поставил весь свой отряд между этими бревнами, из которых одно, толстое и длинное, могло служить нам в качестве бруствера. Мы все спешили и разместились треугольником, поставив лошадей на вершине этого треугольника, за собой. Хорошо, что нам удалось расположиться именно так, иначе мы не выдержали бы страшной атаки, которой нас подвергли волки.

Испуская раздирающий душу вой, звери сплошной массой двинулись на нас и вскочили на бревна, за которыми мы укрывались. Вид стоявших за нами лошадей совсем вывел их из себя. Видно было, что они во что бы то ни стало решились овладеть богатой и лакомой добычей. Я приказал открыть огонь, так же, как недавно: то есть стрелять по очереди. Первым же залпом мы уложили десятка два волков, но это не остановило остальных: они продолжали напирать и, давя друг друга, сломя голову лезли на приступ, так что нам оставалось только стрелять непрерывно.

Наконец после двух-трех залпов наши враги на мгновение приостановились, и я было стал надеяться, что они уйдут, но они вскоре снова собрались с духом и опять бросились на приступ. Пришлось снова стрелять, и на этот раз уже из пистолетов, чтобы не терять драгоценного времени на зарядку ружей. Волков полегло много, но они все-таки не отступали. Пятница был занят зарядкой ружей; он так быстро и искусно исполнял это дело, как будто всю жизнь только и занимался им. Чтобы не мешать ему, я подозвал к себе своего второго слугу, англичанина, дал ему пороховой рог и приказал рассыпать весь порох по тому длинному и толстому бревну, о котором я уже говорил. Волки с новой яростью лезли на нас. Чтобы окончательно отпугнуть их, я навел пистолет на рассыпанный порох, спустил курок и таким образом произвел довольно сильный взрыв пороха. Несколько волков, забравшихся было на наш бруствер, порядочно опалило; другие, штук шесть или семь, были охвачены огнем и в ужасе, не зная куда деться, метнулись прямо к нам. Понятно, мы всех их тут же уложили выстрелами. Остальные волки всей гурьбой шархнулись прочь от пылавшего бревна и начали отступать. Мы сделали еще залп пистолетов и подняли страшный крик. Это заставило неприятеля окончательно струсить. Вся громадная стая пустилась наутек. Опасаясь, как бы она не вздумала вернуться, мы бросились за нею вдогонку и десятка с три изрубили

имевшимися при нас саблями. Это подействовало: через несколько минут вокруг нас не было видно уже ни одного живого волка; валялось только штук шестьдесят мертвых. Будь день, мы, наверное, уничтожили бы их еще больше.

Торжествуя победу, мы поспешили отправиться дальше. До ночлега оставалось ехать еще около трех миль. Из лесной чащи долго продолжали доноситься до нас громкий вой и глухое рычание. По временам нам казалось, что между деревьями, в непосредственной близости к нам, мелькают огненные шарики, какими, как известно, представляются в темноте глаза хищных животных, но нового нападения не было, и мы благополучно добрались до селения, в котором хотели остановиться на ночлег. Жители этого местечка были в страшном волнении, потому что прошлой ночью на соседнюю деревню напали целые стаи медведей и волков и произвели такое опустошение, точно там хозяйничала сильная и жестокая неприятельская армия. По этому случаю в деревне всюду были разложены костры и стояли вооруженные караульные.

Утром оказалось, что наш проводник лежит без памяти, так что нам пришлось нанять другого, который и провел нас в Тулузу. У первого проводника, очевидно, сделалась горячка, не столько благодаря полученным им ранам, сколько, думаю, от испуга и волнения.

В Тулузе было еще настоящее лето, и мы как следует отдохнули в этом прекрасном городе, где ярко светило и любовно грело солнце, где зеленели сады и где нам нечего было бояться ни снежных метелей, ни волков, ни медведей. Мы рассказали кое-кому в городе о своих приключениях у подножия Пиренеев, и нам ответили, что зимою там почти всегда скапливается множество голодных волков и медведей, в борьбе с которыми обыкновенно гибнет много путешественников. То, что нам удалось благополучно спастись от зубов и когтей разъяренных голодом зверей, казалось всем настоящим чудом. Собеседники наши сильно удивлялись, как это проводник мог решиться вести нас через горы в такое время года и при таком холоде, и снежной метели. Особенно удивились слушатели, когда мы подробно описали свою последнюю битву с волками. Присутствие лошадей, стоявших за нами в одной куче, должно было, как говорили нам, страшно раздражать волков.

Некоторые возражали, что следовало бы совсем спрятать лошадей, тогда волки убежали бы при первых же выстрелах, между тем как вид богатой добычи заставлял их так долго пренебрегать опасностью. Другие находили, что если бы мы стреляли, не сходя с лошадей, то волки не стали бы так храбро наступать, — они поняли бы, что ни нас, ни лошадей им не взять. Видя же лошадей стоящими отдельно, звери, наверное, рассчитывали, что доберутся до них, прорвав нашу линию и заставив нас бежать. Самые же опытные уверяли, что если бы мы не вздумали устроить фейерверк, то едва ли бы кому-нибудь из нас удалось спастись. Нашлись и такие, которые выразили мнение, что нам следовало бы бросить лошадей волкам и самим преспокойно уйти: обрадовавшись оставленной добыче, волки и не подумали бы гнаться за нами.

Как бы там ни было, но все, слышавшие наш рассказ, единодушно сходились в том мнении, что мы обязаны своим спасением только особенной милости к нам Провидения. Так, по правде сказать, думал и я сам. В тот момент, когда я увидел себя окруженным тремястами остервеневшими от голода зверями, с разинутыми пастьями, сверкающими глазами, и которые были самым адским образом, то про себя я решил, что мы все погибли. При таком громадном количестве рассвирепевших зверей, спо-

собных ко всевозможным приемам и уловкам, не помогло бы даже все наше оружие. Ясно, что нас защитила сильная рука Провидения.

Кажется, я никогда не забуду тех ужасных минут, проведенных нами у подножия Пиренеев в битве с волками, и скорее соглашусь снова проплыть хоть тысячу миль морем, чем еще раз переправляться через эти неприветливые горы. Да, я предпочту ехать морем даже и в том случае, если мне скажут, что меня там ожидает шторм; это все-таки лучше, чем быть вынужденным ожидать, что вот-вот ты очутишься в когтях сотни волков.

О дальнейшем моем путешествии через Францию мне нечего рассказывать. Все, что я там видел замечательного, описано другими путешественниками и притом гораздо лучше, чем мог бы сделать это я.

Из Тулузы мы проехали прямо в Париж, где пробыли целую неделю, чтобы подробно осмотреть этот интересный исторический город. Часть моих спутников совсем осталась в Париже, а остальные сопровождали меня в Кале, а оттуда в Дувр. Четырнадцатого января, после долгого и утомительного путешествия, я снова вступил на родную землю.

В Лондоне я вскоре нашел случай поместить свой капитал в верные руки; таким образом, моя цель была достигнута.

Само собой разумеется, что я поспешил навестить своего доброго и преданного друга, вдову капитана. Она очень обрадовалась мне и выразила готовность в благодарность за оказанную мною ей помощь сделать для меня все, что только будет в состоянии. Благодаря ее посредничеству мне и удалось так скоро найти надежное место для своих денег. Не имея на свете ни души более близкой и дорогой, я решил было оставить все свое имущество в пользу этой прекрасной женщины, а самому снова уехать в Лиссабон и оттуда, повидавшись с бывшим капитаном, — в Бразилию. Но от первого намерения отвлекло меня то соображение, что капитанша слишком уже стара, чтобы нуждаться в больших средствах, а после ее смерти они попадут Бог весть к кому; а от поездки же в Бразилию меня заставили отказаться мои религиозные сомнения, о которых я уже упоминал.

В конце концов, я решил остаться навсегда в Англии, а плантации в Бразилии продать. Я написал своему старому лиссабонскому другу, бывшему капитану, и просил его предложить мою плантацию наследникам моих бывших опекунов. Через несколько месяцев пришел ответ. Старик сообщал, что наследники с радостью приняли мое предложение и покупают мою плантацию за тридцать три тысячи пиастров с платежом денег в Лиссабоне. Плантация была оценена в эту сумму правительственным оценщиком. Я согласился на эту сумму, и еще через несколько месяцев получил уведомление от бывшего капитана, что мои покупщики прислали ему вексель в тридцать три тысячи пиастров на имя одного солидного торгового дома в Лиссабоне. Вместе с тем я получил купчую крепость, которую подписал и отправил моему другу. Тот с первым же кораблем выслал мне вексель, который я обналичил в Лондонском банке. В благодарность за хлопоты, я через одного купца, ехавшего в Лиссабон, послал своему милому старому другу двести луидоров. Кажется, я уже говорил раньше, что обеспечил ему, еще в бытность мою в Лиссабоне, пожизненную пенсию в сто луидоров, с тем, чтобы половина этой пенсии после его смерти перешла к его сыну.

Теперь я дошел до поворотного пункта в своей жизни. Думаю, что редко можно встретить человека, жизнь которого была бы так богата переверотами и приключе-

ниями, как моя. Действительно, вся моя жизнь была так бурна и пестра, что напоминала мозаику, составленную из множества кусочков различного цвета и формы! И вся эта мозаика была всецело собрана руками Провидения! Точно эта великая сила захотела на мне показать разнообразие средств, которыми она располагает, для того, чтобы заставить человека признать ее и поклоняться ей. Началась моя жизнь очень плохо, зато кончилась так хорошо, как нельзя было ожидать, судя по тем страшным ошибкам, которые я делал на каждом шагу.

Можно было бы подумать, что я, уже пожилой человек, с таким трудом достигший полного обеспечения и возвратившийся на родину после стольких лет борьбы с превратностями судьбы, наконец, успокоюсь и не захочу более подвергать себя никаким случайностям. И, действительно, это так бы и было, если бы не вышло такого сцепления обстоятельств, которое вынудило меня снова погрузиться в пучину приключений.

Откровенно говоря, я так привык к скитальческому образу жизни, что мне сначала было очень трудно усидеть на месте. Быть может, я не мог успокоиться и вследствие скуки: семьи у меня не было, дела тоже, не имелось и вполне подходящих мне друзей. Хотя я и продал свою плантацию, но, тем не менее, Бразилия не выходила у меня из головы. Меня так и тянуло туда; кроме того, мне очень хотелось заглянуть на свой остров, посмотреть, как там живут поселенцы. Однако, мой добрый друг, капитанша, от которой я ничего не скрывал, сумела своими убеждениями удерживать меня целых семь лет на месте, хотя я по временам и принимался снова рваться на волю.

За это время я взял к себе на воспитание двух племянников, сыновей вдовы-сестры. Хотя старший племянник имел и сам небольшое состояние, но, воспитав из него настоящего джентльмена, я завещал ему после своей смерти и свое имущество. Второго я устроил в качестве капитана корабля. Он через несколько лет сделался одним из лучших моряков. Собственно он-то и увлек меня в новые странствования. Предприимчивый, смелый и энергичный, он в довершение всего этого обладал таким красноречием, что мог увлечь кого угодно и на что угодно.

Вскоре после приема к себе племянников, я женился на молодой, прекрасной и богатой девушке и имел от нее двух сыновей и дочь. К сожалению, смерть похитила ее у меня слишком рано. Как раз в то время, когда я изнывал в тоске по своей дорогой жене, возвратился из путешествия в Испанию мой племянник-моряк и предложил мне рассеяться, как он выражался, «морской прогулкой». Сначала я отказывался, чувствуя себя нравственно таким разбитым, что даже с места не хотелось подняться, но племянник нарисовал мне такие соблазнительные картины путешествия, что моя старая страсть к морю вдруг проснулась во мне с новою силой, и я согласился ехать в Ост-Индию¹ на корабле племянника. Это случилось в 1694 году.

Не раздумывая более, я собрался и отправился в путь. По пути в Ост-Индию я посетил свой остров. Испанцы все были живы и благоденствовали. Они приняли меня с распростертыми объятиями и чуть не задушили в объятиях от восторга сви-

¹ *Ост-Индия* (нидерл. «Восточная Индия») — термин, вошедший в употребление для обозначения стран Юго-Восточной Азии после открытия Колумбом «Западной Индии» — Вест-Индии.

дания. Они рассказали мне, как устроились на острове, и подробно описали, чего натерпелись от матросов, оставленных капитаном на острове в наказание за их преступные действия по отношению к своему начальнику. Эти негодяи всячески оскорбляли и задевали испанцев, и те то прогоняли их, то, снова смирившись над ними, принимали в свое общество. Наконец, испанцы вынуждены были прибегнуть к самым крутым мерам, чтобы окончательно обуздать негодяев; с тех пор те присмирели и перестали их беспокоить. Каннибалы то и дело приставали к острову, и испанцам приходилось вести с ними тяжелую, полную неожиданностей и опасностей борьбу. Однажды пятеро из моих колонистов вздумали сами сделать набег на соседний материк, благополучно привели свой план в исполнение и захватили в плен одиннадцать мужчин и пять женщин. Мужчин они сделали слугами, а с женщинами вступили в брачное сожительство и имели от них уже двадцать человек детей. Хозяйство их шло очень хорошо; были даже сделаны некоторые улучшения, не говоря уже о том, что самое хозяйство значительно расширилось, как, впрочем, и следовало ожидать, принимая во внимание количество колонистов.

Я пробыл на острове дней двадцать. Я забыл упомянуть, что привез из Англии для колонистов множество полевых и других орудий, одежду, огнестрельное оружие, порох, пули и дробь, различную утварь и всевозможные мелочи, необходимые в хозяйстве. Все это я и раздал испанцам. Кроме того, я привез двух ремесленников: плотника и кузнеца, согласившихся жить на острове с тем, чтобы им была дана земля и все необходимое для обзаведения полным хозяйством; за это они брались исполнять все, что им прикажут владельцы острова. Собственно говоря, настоящим владельцем острова был я, но я предоставил его в полное распоряжение колонистов, распределив всю землю между ними по участкам и вообще устроив их как следует. Взяв с поселенцев слово, что они все будут жить между собой в мире и согласии, и не покинут острова, я, провожаемый их благословениями и добрыми пожеланиями, покинул остров и продолжал свой путь.

Прибыв в Бразилию, я отправил колонистам барку, нагруженную различными товарами и вещами, в которых они имели нужду. Кроме того, я посадил на эту барку семь женщин, согласившихся сделаться женами колонистов. Все это я сделал для испанцев, а своим соотечественникам, англичанам, я обещал прислать женщин и различные нужные предметы из Англии, куда рассчитывал вновь возвратиться через непродолжительное время. Обещание это я им дал с тем условием, чтобы они жили смирно и работали так же усердно, как работал когда-то я сам на этом острове. Я сдержал свое обещание и впоследствии узнал, что бывшие сорви-головы сделались образцовыми работниками и зажили очень хорошо, не хуже испанцев. В следующую посылку я отправил своим островитянам из Бразилии пять коров, из которых три были тельные, несколько овец и свиней. Через несколько лет от этих коров, овец и свиней на острове образовались целые стада.

Ниже я расскажу подробнее обо всем, что было мною сделано для колонистов, а также о нападении, произведенном на остров «Отчаяния» тремястами каннибалами, о понесенном при этом колонистами поражении, об опустошении, произведенном дикарями на острове, о том, как вслед за тем буря разбила лодки неприятелей и как они частью были перебиты, частью умерли от голода, о том, как потом колонисты снова восстановили все свое хозяйство, и вообще о многих других интересныхключениях и происшествиях из моей собственной жизни.

История моей жизни может служить прекрасным подтверждением английской поговорки: «Что зародится в костях, того не выгонишь из тела». И в самом деле, всякий другой на моем месте, умуудренный летами и горьким опытом, вынесший в течение тридцати пяти лет такие бедствия и невзгоды, какие едва ли когда выпадали на долю одного человека, и вошедший было, наконец, в тихую пристань, в которой и пробыл семь лет, всякий другой, говорю я, наверное, теперь оценил бы все преимущества спокойной жизни мирного гражданина и понял бы, в чем собственно состоит счастье на земле. Да, всякий другой, только не я!

После всего случившегося со мной, кажется, следовало бы ожидать, что моя страсть к путешествиям, в молодости всецело подчинившая себе мои душевные силы, теперь должна была пройти, как вообще проходят все увлечения юности; трудно было предположить, чтобы не погас, наконец, в моей душе тот огонь, который порождал во мне фантастические грезы и несбыточные мечты, и что я на шестьдесят втором году жизни снова захочу пуститься на поиски приключений, подвергая новым опасностям и свою жизнь, и все свое состояние.

Той цели, которая побуждает других людей предпринимать опасные путешествия в дальние края, у меня не существовало. Желания еще более обогатиться у меня не было. Я был вполне обеспечен и доволен тем, что мне послала милостивая судьба, и лишний десяток тысяч фунтов стерлингов нисколько не прельщал меня. Того, что я имел, было вполне достаточно не только лично для меня, но и для тех, которых я назначил своими наследниками. Семья у меня была небольшая, поэтому я не мог проживать даже и проценты со своего капитала, так что последний с каждым годом возрастал. Проживать все свои доходы я мог бы только в том случае, если бы начал вести роскошный образ жизни, держать много прислуги, дорогих лошадей, экипажи и прочее. Но все это не соблазняло меня, да и детей своих я не приучил ни к чему подобному. Таким образом, мне оставалось только спокойно сидеть дома, вполне наслаждаться своим благосостоянием и радоваться при мысли, что оно не уменьшается, а напротив, с каждым днем увеличивается.

Однако на такое прозябание я не был способен. Будь еще жива жена, я, быть может, дорожил бы своим домашним очагом, но после ее смерти он потерял для меня всякую прелесть. И вот меня снова стало неудержимо тянуть в другие страны, под другое небо, к другой природе, к другим людям. Особенно влекло меня взглянуть на мой остров и узнать, как там живут оставленные мною поселенцы. В конце концов, я просто стал бредить колонистами во сне и наяву; все мои мысли были заняты ими, и воображение так разыгрывалось, что не давало мне ни минуты покоя. Толчок к этому, как я уже говорил, дал мой племянник. Он разбудил задремавшую было во мне страсть к путешествиям, и она снова всецело овладела мной. Я не мог более ни о чем думать и говорить, кроме путешествий, и сам понимал, что готов помешаться на этом, и что становлюсь смешным в глазах других.

Я часто слышал от умных людей, что все рассказы о привидениях, духах и тому подобных явлениях не что иное, как произведения фантазии и суеверия, что в действительности ничего подобного не существует, но что иногда живое воспоминание об умерших людях, бывших нам близкими, при известных обстоятельствах так сильно настраивает воображение, что кажется, будто видишь их, говоришь с ними и слышишь их ответы. Человека, уверяющего, что он действительно видел привидение или входил в общение с духом умершего, считают страдающим больным воображением

или расстройством нервов. Что же касается меня, то я не могу с полной достоверностью ни утверждать, ни отрицать существования призраков и духов и возможности отношений с душами отошедших в вечность. Быть может, все это и есть, а быть может это и действительно только продукт расстроенного воображения или больных нервов. Я могу засвидетельствовать лишь то, что мое воображение, раз направленное в известную сторону, так разыгрывалось, что я ясно видел перед собою свое укрепление на острове «Отчаяния», видел отца Пятницы, старого испанца и трех негодяев-матросов, оставленных там. Все эти люди, находившиеся от меня на таком далеком расстоянии, стояли предо мной, точно живые, и я точно вступал с ними в беседу.

Повторяю, дошло, наконец, до того, что я начал серьезно опасаться, не схожу ли я уже в самом деле с ума. Как-то раз мне пригрезилось, будто отец Пятницы и старый испанец жалуются мне на буйства матросов. Они говорили, что матросы не дают остальным колонистам житья на острове; желая уморить испанцев голодом, матросы подожгли все их запасы. Вообще мне наговорили таких ужасов, которые едва ли могли быть в действительности. Эта галлюцинация так сильно подействовала на меня, что я готов был хоть на крыльях лететь на свой остров, чтобы помочь притесненным и наказать притеснителей. Интереснее всего было то, что часть этого видения потом вполне оправдалась, как увидит читатель в своем месте. Мне даже представилось, что я, по жалобе старого дикаря и испанца, привлек матросов к ответственности, обвинил их, подверг пытке и, в довершение всего этого, даже приговорил их к повешению. Потом в действительности почти так и случилось; разница была только в подробностях. Матросы действительно натворили ряд таких гадостей по отношению к испанцам, что я сначала, когда мне на самом деле пришлось их судить, склонен был повесить всех этих негодных людей, и это было бы вполне согласно с требованиями божеской и человеческой справедливости. Если я помиловал их, то только потому, что хотел дать им время для раскаяния и исправления.

Впрочем, говоря по совести, я должен сознаться, что влечение мое побывать на острове началось еще при жизни жены. Очень часто я ходил как потерянный, равнодушный ко всему, что окружало меня. Мне все как будто недоставало чего-то очень важного, и мною овладевало недовольство. Жена видела это и отлично понимала мое душевное состояние. Однажды вечером она начала со мною серьезный разговор по этому поводу. Между прочим, она сказала, что в моем непреодолимом влечении путешествовать она видит тайное внушение Провидения, которое находит нужным мое присутствие на острове. По ее мнению, единственным препятствием к исполнению моего задушевного желания было существование ее и детей. «Не будь детей, — говорила она, — я сама ни на минуту не задумалась бы ехать с тобой, но с детьми это неудобно». При этом она высказала уверенность, что проживет недолго, и что я после ее смерти куда-нибудь пристрою детей и уеду. Мысль эта нисколько не смущала ее, смущало только сознание, что она сейчас служит мне помехой и препятствием к исполнению воли Провидения. Увлечшись, она начала было говорить, что если иначе нельзя, то она готова отпустить меня одного даже теперь. Но тут она вдруг заметила, с какой жадностью я ловлю каждое ее слово, и с каким напряженным ожиданием гляжу ей в глаза, и в испуге остановилась. Я спросил, почему она не продолжает, но она в ответ на это только задрожала и расплакалась.

— Говори же моя дорогая, — приставал я, — разве ты хотела бы, чтобы я уехал один?

— Нет, — возразила она, снова собравшись с мыслями. — Но если ты непременно решил ехать, то я... да, я готова последовать за тобою, несмотря ни на что... Положим, я убеждена, что в твои годы и при твоём положении семьянина в высшей степени безрассудно вновь пускаться в такое дальнейшее путешествие, но если ты должен ехать, то и я отправлюсь вместе с тобой... Что предопределено Богом, то должно совершиться... Я не буду противиться воле Того, Кто руководит всеми действиями людей, и Кто возложил на тебя обязанность идти туда, куда призывает тебя внутренний голос, а на меня — долг всюду следовать за тобой, — заключила она, стараясь подавить свои слезы.

Такое сердечное отношение ко мне жены оказало самое благотворное действие на состояние моего духа. Я вдруг успокоился, мое разгоряченное воображение начало остывать, и я получил возможность спокойно обсудить то, что я затеял. В самом деле, шло ли мне, шестидесятидвухлетнему старику, так еще недавно, после долгой исполненной всевозможных страданий и бедствий жизни, занявшему тихое, оседлое, хорошо обеспеченное семейное положение, шло ли, говорю я, такому человеку снова, ни с того ни с сего, бросать завоеванное с таким трудом счастье и подвергаться новым опасностям неизвестно ради чего? Во всяком случае, необходимости рисковать собой теперь не было никакой. Чего мне не доставало? В чем я имел недостаток? Что гнало меня от домашнего очага в чужие края, где мне на каждом шагу угрожали всевозможные опасности?

Сколько я ни думал, но никак не мог понять, чего я собственно добивался. У меня была жена, был ребенок и ожидался второй; было вполне приличное состояние, и положительно не имелось ни малейшей необходимости в новых приобретениях. Я был уже в преклонных летах, и мне оставалось заботиться лишь о том, чтобы сохранить в целостности то, что я имел, а не пускаться в рискованные предприятия ради большей наживы. Тот голос, который жена называла голосом Провидения, звавшего меня куда-то, где я, будто, был нужен, вдруг во мне или умолк или же я перестал обращать на него внимание.

Как бы там ни было, но рассудок победил воображение; я совершенно успокоился, и мои мысли приняли другое направление. Мое настоящее положение и моя семья получили в моих глазах новую прелесть; я понял, что мне дано такое счастье, больше которого и желать нельзя. Раздумывая о причинах, побудивших меня поддаться до такой степени игре воображения, я нашел, что всему виною было бездействие, и поэтому решил заняться каким-нибудь серьезным делом. После некоторых размышлений, я приобрел в графстве Бедфорд ферму и перебрался туда. Маленький уютный и прелестный деревенский домик, окруженный прекрасными полями, лугами и рощами, привел в восторг мою жену, да и мне самому он очень понравился. Поселившись в нем, я хотел заняться хлебопашеством, садоводством, разведением скота, — словом, вполне погрузиться в сельское хозяйство, так хорошо изученное мною под давлением нужды на моем острове.

Ферма была расположена так далеко от морского берега, что не предвиделось встреч с моряками, которые своими рассказами могли бы снова пробудить мою страсть к путешествиям.

На ферме не было ничего, кроме недвижимости, поэтому первой моей заботой было приобрести плуги, бороны, телеги, лошадей, коров, овец и разную домашнюю птицу. Вообще, я так усердно принялся за это дело, что в какие-нибудь полгода из ле-

Я занялся на ферме хлебопашеством.

нивого, тунеядствующего городского жителя вдруг превратился в трудолюбивого и дельного фермера. Так как земли у меня было много, и управляться с ней одному не было никакой возможности, я нанял несколько человек рабочих. Все мое время было поглощено надзором за возведением новых хозяйственных построек, за обработкой полей, за посадкой фруктовых деревьев, за разведением огорода, — словом, за множеством дел. Лишь теперь я вполне начал наслаждаться полной и довольной жизнью, какую только может Небо даровать тому, кто после целого ряда бедствий понял, наконец, цену всего существующего на земле, дарованного Богом на благо людям.

Чего мне, в самом деле, не доставало? Я имел собственную, а не арендованную землю, и не был стеснен никакими контрактами и договорами. Я мог делать на этой земле все, что мне вздумается; мог разводить на ней что угодно, мог спокойно рубить свой лес, не опасаясь, что мне придется дать ответ за каждое лишнее деревцо, срубленное мной, мог распоряжаться всем по собственному усмотрению. И все это мною делалось для себя и своей семьи. Одно уж это было настоящим счастьем.

Я совсем перестал думать о путешествиях и заморских краях, перестал мечтать о новых приключениях, забыл даже о своем острове и его поселенцах, и спокойно наслаждался мирной, исполненной тихих радостей жизнью мелкого землевладельца. Только теперь я понял, что отец был совершенно прав, называя лучшим в мире состоянием состояние человека среднего сословия и достатка. Понял я и слова поэта, который, описывая сельскую жизнь, говорит, что она

«Чужда пороков и забот;
Чужда соблазнов в младости,
И радует нас в старости».

Но вдруг Провидению угодно было одним тяжелым ударом разрушить все мое блаженство. Этот удар нанес не только неизлечимую рану моему сердцу, но и дал повод к возрождению моих прежних стремлений, которые угасали во мне лишь на

время и прорывались с новой силой при малейшем удобном случае. Стремления эти были моим врожденным недугом, по временам побеждавшимся, но всегда готовым проявиться вновь и опять овладеть всем моим существом. Таким жестоким ударом, о котором я говорю, была смерть моей жены.

Здесь не место писать надгробную элегию или восхвалять добродетели моей жены. Достаточно сказать, что она была моею отрадой, опорой моей жизни, средоточием моих лучших чувств и мыслей. Ее благоразумие было моей путеводной звездой, целебным средством против моего больного воображения. Одна она была в состоянии обуздывать мою страсть к мыканию по белому свету, одна она могла сделать то, чего не сделали ни слезы матери, ни наставления и увещания отца, ни советы друзей, ни мой собственный разум, ни даже сама жизнь с ее суровыми уроками. Покоряться желаниям жены, внимать ее просьбам, сдаваться перед ее слезами было для меня особенным счастьем.

Со смертью жены мне все опротивело. Я так осиротел, когда ее не стало, что чувствовал себя таким же одиноким и несчастным, как в то время, когда в первый раз вступил на берег Бразилии или когда жил на острове «Отчаяния». Я не мог больше ничего делать, не мог ни о чем думать; все мои мысли были сосредоточены на моей ужасной потере.

Между тем, вокруг меня жизнь продолжала кипеть. Одни люди работали до упада ради куска хлеба, другие проматывали скопленное родителями состояние, проводя свои дни в пороке и излишествах; но те и другие были одинаково несчастливы. Цель, к которой стремились эти люди, убегала от них. Праздные и развратные расплачивались рядом страданий за свою порочную жизнь и каялись в своем легкомыслии. Труженики, в поте лица добывавшие себе ежедневное пропитание, были погружены в будничные заботы; они жили только для того, чтобы работать до полного изнеможения и работали так лишь для того, чтобы продолжать свое жалкое существование. Как будто цель жизни состоит в одном добывании насущного хлеба! Вообще никто, насколько я видел, не пользовался жизнью, как следует.

Вдумываясь в свое настоящее положение, я вспомнил о своей жизни на острове «Отчаяния». Там я сеял такое количество хлеба, какое было нужно для одного меня, в меру разводил коз и работал столько, сколько было нужно, не переутомляясь; там мои деньги покрылись плесенью, и я в продолжение двадцати лет ни разу даже не взглянул на них.

Если бы я сумел обратить мои мысли в дело, применить их как следует к жизни, то ясно увидел бы, что религия и разум указывают, где нужно искать совершенное счастье и в чем надо видеть истинную цель, истинное назначение нашей жизни. Это назначение выше всех наших стремлений, и если нет возможности исполнить его на земле, то, должно надеяться, что нам суждено подняться до него за гробом.

Но жена, мой милый друг и мудрый советник, умерла, и я опять, подобно кораблю без руля, понесся по воле ветра в океан житейских невзгод. Мысли мои снова приняли дурное направление, моя беспокойная голова снова закружилась в вихре мечтаний о далеких странах и фантастических приключениях. Все, что до сих пор доставляло мне удовольствие: мои поля, луга и леса, мой сад, все мое хозяйство, моя семья, — словом, все, чем я жил в последнее время такой полной жизнью, — все это вдруг потеряло в моих глазах всякую цену, опротивело мне, стало для меня тем же, что музыка для глухого или самая роскошная картина для слепца.

Кончилось тем, что я решил бросить хозяйство, сдать ферму в аренду и опять перебраться на жительство в Лондон. Через несколько месяцев после смерти жены я так и сделал.

Но и в Лондоне я не мог успокоиться. У меня там не было никакого дела; я только и знал, что бесцельно бродил по улицам, напоминая собою одного из тех бездомных и несчастных людей, о которых говорят, что они бесполезно копят небо, и для человечества, в общей массе, совершенно безразлично, существуют такие люди на белом свете или нет. Это положение было самое тягостное, какое только выпадало мне на долю во всю мою бурную жизнь. Привыкнув к деятельности, я невыносимо страдал от своей теперешней праздности. Я часто говорил себе: «Праздность не жизнь, а лишь грязный, отвратительный осадок ее». И в самом деле, мое положение было неизмеримо лучше даже в то время, когда я целых двадцать шесть дней обтесывал одну доску, нежели теперь, когда я ничего не делаю.

Наступил 1693 год. В это время мой племянник, моряк, только что возвратился из непродолжительного путешествия в Бальбоа. Я уже говорил, что сам воспитал его и поместил капитаном на корабль. Только что оконченное им плавание было первым.

Он разыскал меня и пришел сообщить, что знакомые купцы предлагают ему отправиться на торговом судне в Ост-Индию и в Китай.

— Хотите, дядя, — добавил он, — поедем вместе. Вы раньше говорили, что желали бы побывать на вашем острове. Теперь ваше желание можно осуществить. Мне придется побывать и в Бразилии, поэтому я могу высадить вас мимоходом на ваш остров.

Ничто лучше не может доказать существование невидимого мира и его влияние на нас, как тот факт, что часто все обстоятельства складываются именно так, как это нужно для осуществления наших самых тайных желаний. Возьмем настоящий случай. Я только один раз высказал при этом племяннике свое желание побывать на острове «Отчаяния», да и то в то время, когда мальчик был еще так мал, что я не мог даже и предположить, чтобы он понял и даже запомнил мои слова. Кроме того, никак нельзя было ожидать, что моему племяннику вдруг предложат ехать на дальний восток, и что он, в свою очередь, вздумает пригласить меня сопутствовать ему, и именно в такое время, когда меня ничто не удерживало больше на родине. Втайне я опять лелеял мечту отправиться в Лиссабон, повидаться там и посоветоваться с моим незабвенным другом, бывшим капитаном и, если он одобрит мое намерение, посетить мой остров. Я ласкал себя мыслью увеличить население этого острова, перевезя туда новых колонистов, и затем получить официальное право на владение этой новой колонией. И вот, в ту самую минуту, когда в моей голове теснились эти мечты и мысли, входит племянник и предлагает мне ехать с ним в Ост-Индию!

Его слова так сильно поразили меня, что я, пристально глядя ему в глаза, проговорил:

— Какой дьявол прислал тебя ко мне с таким зловещим предложением?

Сначала племянник несколько смутился, а потом, очевидно, поняв по моему лицу, что творится в моей душе, оправился и ответил:

— Позволяю себе надеяться, дядюшка, что мое предложение вовсе не так неприятно и ужасно, как вы хотите показать, и думаю, что вы с удовольствием взглянули бы на свой остров, где вы процарствовали столько лет с большим счастьем, нежели большинство настоящих царей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Со свойственным ему красноречием он наговорил мне еще много соблазнительного. А так как его слова, действительно, как нельзя лучше согласовались с моими собственными мыслями и отвечали на мои тайные желания, то, после некоторого колебания изъявил полное согласие сопровождать его, если он сойдется в условиях с судовладельцами. При этом я, однако, добавил, что дальше своего острова никуда не поеду.

— Надеюсь, что вы не захотите поселиться там навсегда, дядюшка? — проговорил племянник.

— А разве ты не заедешь за мной на обратном пути? — спросил я.

На это племянник ответил, что заехать за мной ему, по всей вероятности, будет нельзя, так как судовладельцы едва ли согласятся, чтобы корабль с тем богатым грузом, который ему надлежит взять, он обратно провел по старому пути, потому что есть другой, более близкий и менее опасный.

— Кроме того, — добавил молодой человек, — нужно принять во внимание и то обстоятельство, что я могу быть лишен возможности вообще вернуться из тех стран, куда меня посылают, и что вы тогда очутитесь на своем острове в прежних тяжелых условиях.

Я начинал убеждаться, что племянник мой не любит бросать слов на ветер и давать пустые обещания. Это мне очень понравилось, хотя сам я в молодости, как известно читателю, вовсе не отличался подобным благоразумием. Потолковав несколько времени о том, как выйти из затруднения, мы придумали кое-что очень недурное, а именно — устроить и взять с собою на корабль судно, которое по мере надобности легко можно было бы разбирать, собирать и переносить по частям с места на место. Подходящих мастеров для постройки такого разборного судна в Лондоне найти было нетрудно.

Взяв с меня слово, что я буду ему сопутствовать, племянник попросил поторопиться с устройством судна и вообще со всеми необходимыми приготовлениями к предстоящему путешествию. Раз решившись пуститься снова в путь, я и сам не хотел напрасно терять время. Я весь сгорал от нетерпения поскорее исполнить свое заветное желание, так долго томившее меня, несмотря на все старания подавить его. Теперь этому желанию не было удержу. После смерти жены уже некому было сдерживать меня в границах благоразумия и вознаграждать любовью и нежной заботливостью за то, чего я лишался, оставаясь на месте. Правда милая старая капитанша, которая еще была жива, снова энергично восстала против моей затеи посетить остров, находя ее вполне неразумной в мои годы. Желая заставить меня одуматься, она выставяла на вид, кроме моих лет, и мое положение, не оставлявшее желать ничего лучшего относительно средств к существованию, толковала мне об опасностях, сопряженных с дальним путешествием, и особенно сильно напирала на то, что у меня есть дети. Но голос ее был на этот раз гласом, вопиющим в пустыне¹. Я более не был в состоянии бороться со своим влечением и старался доказать моему доброму другу, что меня тол-

¹ *Глас вопиющего в пустыне* — крылатое выражение из Библии, в которой рассказано о пророке, который напрасно зывал из пустыни к свреям, чтобы те подготовили путь для встречи Бога.

*Милая старая капитанша снова энергично восстала против
моей затеи посетить остров.*

кает в путь какая-то таинственная сила, что она не дает мне покоя, и что я в этом вижу руку Провидения, воля которого неисповедима. Эти доводы так подействовали на старую капитаншу, что она перестала спорить со мной и даже, в конце концов, сама принялась помогать мне собираться в путь. Между прочим, она бралась смотреть за моим домом во время моего отсутствия и заботиться о воспитании моих детей.

На всякий случай я составил духовное завещание. Я оставлял все свое состояние детям и поручал опеку над ними до их совершеннолетия таким людям, положение и характеры которых были мне поручительством в том, что если меня не станет, дети не будут обижены и с ними поступят по чести и справедливости. Воспитание детей я поручил вдове капитана, по ее собственному желанию, и за это обеспечил ей приличное вознаграждение. Кстати, я должен сказать, что редкая мать могла бы сделать больше для моих детей в смысле воспитания и образования, чем сделала эта добрая женщина. Я и теперь еще благодарю Бога за то, что Он дал ей дожить до времени моего возвращения и помог мне отблагодарить ее так, как она того заслужила.

В начале января 1694 года я вместе с Пятницей, моим неизменным спутником, вошел на борт того корабля, которым управлял мой племянник. Я брал с собою прекрасной работы бот, который отлично разбирался и был образцовым во многих отношениях; кроме того, я захватил еще множество предметов, необходимых для моих колонистов. Я решил окончательно устроить колонию на своем острове, если найду это удобным.

Я позаботился также наwerbовать несколько человек, знающих разное мастерство, с тем, чтобы они остались в колонии, если им там понравится, а если нет, то они могут возвратиться на родину, как только сделают все, что будет нужно поселенцам. Кроме плотника и кузнеца со мной ехал, как я теперь припоминаю, и бочар. Это был человек очень дельный и сведущий. Он был не только искусным бочаром, но отлично выделывал колеса, ручные мельницы и различного рода вещи из дерева; кроме того хорошо знал токарное и гончарное дело. Его звали Джеком, и мы прозвали его «Джеком на все руки». В качестве пассажира с нами еще ехал портной, который сначала стремился в Ост-Индию, а потом, осмотревшись в моей колонии, изъявил желание поселиться в ней. Он тоже был малый трудолюбивый и способный. Кроме своего мастерства он прекрасно исполнял множество других работ, доказывая своим примером, что если человек только захочет, то он многое может делать.

Подробной описи всего, что было взято мною на корабль, я не составлял, но помню, что между прочим вез несколько кусков холста и легких английских материй, предназначенных на одежду испанцам, оставленным мною на острове. По моему расчету холста и материй должно было им хватить на несколько лет. Вместе с тем я вез большой запас шляп, чулок, башмаков, перчаток, платков и тому подобных вещей. Насколько я помню, все это обошлось мне в двести с лишком фунтов стерлингов. Не забыл я взять и матрацы, постельное белье, разную домашнюю утварь и кухонную посуду: горшки, котлы и тому подобное. На сто фунтов стерлингов я приобрел для колонистов разные железные изделия, как-то: земледельческие орудия, гвозди, крючки с петлями, задвижки, винты — словом, все, что я считал нужным, и что только приходило мне в голову.

Сверх того я взял с собой штук сто ружей, мушкетеры и пистолеты, большое количество пороха и дробь разного калибра, три или четыре тонны свинца, две медных пушки и множество холодного оружия: сабли, палаши, ножи и наконечники для копий и алебард. Пороха я взял сто бочонков. Словом, я вез целый магазин различных товаров и целый арсенал разного оружия. Такие большие запасы я сделал потому, что мне не было известно, что может случиться в будущем, и на всякий случай я хотел обеспечить своих колонистов на возможно долгий срок всем необходимым.

В довершение всего этого я убедил племянника взять на корабль две лишние пушки, чтобы, в случае надобности, оставить их в колонии. Собственно говоря, я собирался построить на острове настоящую крепость и вооружить ее так, чтобы она могла устоять против какого угодно неприятеля. Желая утвердить за собой права на владение островом, я считал все это необходимым. Впрочем, об этом еще будет сказано в свое время.

Сверх ожидания, это плавание не сопровождалось теми неудачами и бедствиями, какие преследовали меня раньше на море. Поэтому мне не предстоит надобности разными вставными эпизодами отвлекать внимание читателя, вероятно, нетерпеливо желающего узнать, что я нашел на острове после стольких лет отсутствия. Правда, и это путешествие было, не без приключений, но ничего важного не случилось. Самым неприятным для меня обстоятельством было то, что сначала нам мешал противный ветер, а потом быстрому плаванью сильно препятствовало продолжительное волнение моря, что, вместе взятое, задержало нас в пути гораздо дольше, нежели мы ожидали. Так как во всю жизнь я совершил только одно удачное путешествие, а именно то, когда в первый раз ехал в Гвинею, то я был твердо убежден, что и это не обойдется

без несчастий. Мне казалось, что судьба решила заставить меня до конца дней моих сходить с ума от тоски на суше и претерпевать всевозможные бедствия на море.

Встречный ветер погнал нас сначала к северу, так что мы вынуждены были бросить якорь у берегов Ирландии в небольшом рейде, где и простояли тридцать два дня в ожидании попутного ветра. Во время этой продолжительной стоянки нас утешало только то, что под рукой оказалось обилие удивительно дешевых съестных припасов. Это позволяло нам не трогать собственных запасов и даже пополнять их. Я купил там двух коров с телятами и несколько овец и свиней для своей колонии. Однако нам потом пришлось распорядиться этим скотом другим образом, о чем тоже будет сказано в своем месте.

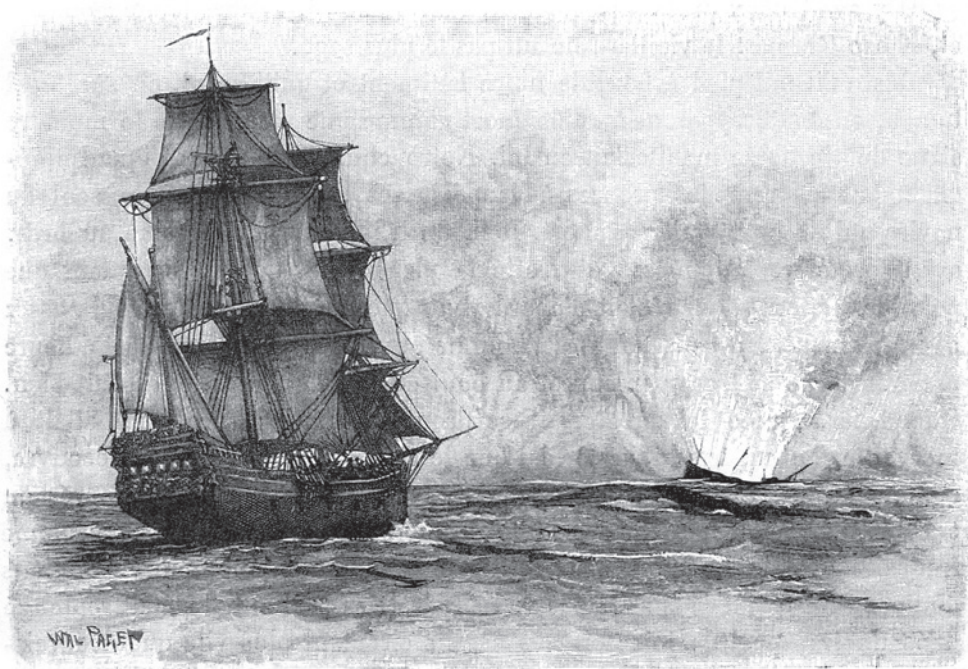
Пятого февраля подул попутный ветер, давший нам, наконец, возможность выйти из рейда и продолжать путь. Ветер этот держался в течение нескольких недель.

Все было хорошо, как вдруг двадцатого, кажется, февраля, поздно вечером, в кают-компанию вбежал вахтенный штурман с докладом, что вдали мелькнул огонь и вслед за тем послышался пушечный выстрел. Едва он успел договорить последнее слово, как явился юнга с донесением, что был второй выстрел. Это заставило племянника и меня выйти на шканцы. Сначала мы как ни смотрели и ни прислушивались, ничего не видели и не слышали особенного, но потом на горизонте показалось отражение как бы зарева пожара. Не было никакого сомнения в том, что впереди нас горит корабль. Наскоро сделав вычисления, мы убедились, что место, откуда виднелось зарево, отстоит от берега, по крайней мере, на пятьсот лиг¹*, и что сам берег находится от него на северо-западе. Это подтверждало наше мнение, что мы, действительно, видим зарево от горящего на море корабля. Судя по пушечным выстрелам, горевший корабль должен был находиться не особенно далеко от нас. Это соображение побудило нас взять курс по направлению зарева. Чем дальше мы подвигались вперед, тем яснее стало виднеться зарево; одно оно и помогало нам видеть что-нибудь сквозь окутывавший все море густой, непроницаемый туман. Немного погодя, подул слабый попутный ветер, способствовавший более быстрому движению нашего судна. Не прошло и часа, как мы увидели пред собою, посреди океана, громадный корабль, весь охваченный пламенем.

Мысль о том, что должно делаться с находившимися на этом корабле людьми, привела меня в страшное волнение. Мне живо представилось, как я когда-то беспомощно блуждал в маленькой лодочке по открытому океану, не зная, куда держать путь и ежеминутно рискуя быть поглощенным волнами, пока меня не спас капитан португальского корабля, — тот самый, который теперь жил на покое в Лиссабоне. Положение пльвших на горевшем перед моими глазами корабле было еще ужаснее, если только не было поблизости другого судна, которое приняло их к себе на борт, как только начался пожар. Я распорядился, чтобы с нашего корабля было сделано пять последовательных выстрелов из пушек, чтобы на всякий случай дать знать погибавшим о приближении помощи. Одно это могло спасти многих могущественною силою надежды, которая, как известно, творит чудеса. Благодаря туману наш корабль пока еще не мог быть виден с места пожара, поэтому дать знать о себе было необходимо.

¹ *Морская лига* — устаревшая мера длины, равна 5, 56 км.

Вдруг раздался страшный треск, и горевший корабль взлетел на воздух.

Подгоняемый ветром, горевший корабль с неимоверною быстротой несясь вперед, так что нам было очень трудно догонять его, тем более, что он плыл как попало, виляя то в одну сторону, то в другую. Тем не менее, мы продолжали следовать за ним. Вдруг раздался страшный треск, и горевший корабль взлетел на воздух. Хотя этого и следовало ожидать, но все-таки мы были поражены ужасом при виде такого финала. Не прошло и пяти минут, как огонь погас, и все вокруг погрузилось в глубокий мрак. И ни одного звука! Шумело только море, и в наших снастях свистел ветер. Наверное, все люди, бывшие на погибшем корабле, пошли ко дну, взлетев сначала вместе с ним на воздух, или же неслись теперь в каком-нибудь утлом челне по волнам, далеко от места катастрофы. Желая ободрить несчастных потерпевших, я велел зажечь все наши корабельные фонари и вывесить их на более видных местах. Быть может, и не осталось ни одного человека в живых, а может быть, все своевременно были спасены другим кораблем, но могло случиться и то, что все находившиеся на борту сгоревшего корабля пересели в лодки и теперь несутся по воле стихий куда попало и, конечно, на верную погибель, если нам не удастся помочь им. По временам мы продолжали стрелять из пушек, чтобы привлечь к себе внимание и побудить нуждавшихся в помощи направиться к нам.

Однако вокруг все оставалось тихо: не раздавалось ни одного звука человеческого голоса, не слышалось и плеска весел или чего-либо подобного. Как только достаточно рассвело, мы навели подзорные трубы и рассмотрели вдали две корабельные лодки, переполненные людьми. Видно было, как гребцы употребляют все усилия приблизиться к нам, но почти не движутся с места, благодаря встречному ветру.

Мы поспешили выкинуть кормовой флаг и вывесить сигнал, приглашавший потерпевших к нам на борт, и в то же время на всех парусах пошли к ним навстречу. Через три четверти часа мы уже были возле лодок и забрали всех сидевших в них к себе на борт. Кроме экипажа на погибшем корабле было много пассажиров, поэтому потерпевших оказалось шестьдесят четыре человека мужчин, женщин и детей.

Из расспросов мы узнали, что судно, подвергшееся такой страшной участи, было французским торговым кораблем, возвращавшимся из Квебека — канадского города, расположенного на реке Святого Лаврентия, во Францию, с грузом в триста тонн. Капитан этого корабля подробно рассказал нам, с чего началось несчастье. Огонь сначала показался в рулевой части, где от разбитого фонаря загорелась бухта просмоленного каната. На крик рулевого сбежался весь экипаж и дружными усилиями выбросил плававший канат в море. Думали тем и кончится. Однако через несколько времени оказалось, что несколько искр успели залететь внутрь корабля, в такие места, куда невозможно было проникнуть, чтобы потушить огонь. Пламя быстро распространилось по кораблю, оно достигло той части трюма, в которой находились бочки с порохом, и вдруг произошел взрыв. Спасти судно, очевидно, уже обреченное свыше на гибель, не было никакой возможности.

Оставалось одно: спустить на воду гребные суда и попытаться спастись. Суда эти состояли из большой шлюпки, большого бота и средней величины ялика, очень полезного в том отношении, что в него можно было поместить запас свежей воды и провизии. Благодаря заботам капитана и его помощника, все вовремя успели пересестись в лодки и даже взять с собою кое-что необходимое. Однако у них все-таки было мало надежды на окончательное спасение, так как они находились на слишком большом расстоянии от берега. Утешением им служила только мысль, что, быть может, встретится корабль, который поможет им, как это и случилось на самом деле. Имея с собой паруса, весла и компас, капитан решил держать путь к Ньюфаундленду. Ветер, дувший с юго-востока, был попутным. С потерпевшими был такой запас воды и провизии, что, при известной экономии, они могли быть обеспечены дней на двенадцать. За это время, если бы только, конечно, не изменились погода и ветер, можно было добраться до берегов Ньюфаундленда. Но первый сильный ветер сразу мог потопить лодки, легко было окоченеть от дождя и холода, наконец, мог задержать на неопределенное время и встречный ветер; тогда им угрожала неминуемая смерть от голода и жажды; словом, — представлялся целый ряд опасностей.

Капитан со слезами на глазах рассказывал, в какой восторг пришли все, когда, в минуту отчаяния, услышали пушечные выстрелы. Эти выстрелы доказывали, что поблизости есть корабль, готовый оказать погибающим помощь. Все оживились и ободрились, уверившись, что спасение близко. Чтобы не быть далеко унесенными ветром, капитан распорядился убрать паруса и срубить мачты, и таким образом дожидаться утра на месте. Когда мы перестали стрелять из пушек, несчастные потерпевшие испугались, думая, что мы удалились в другую сторону, и сами начали стрелять из имевшихся у них ружей, надеясь этим призвать нас назад. Мы не слышали этих выстрелов, потому что ветер дул от нас к потерпевшим. Когда же мы вывесили огни и опять стали стрелять, потерпевшие снова воскресли душой, поняв, что мы не ушли и желаем оказать им помощь. Они старались приблизиться к нам на веслах, но это им не удавалось по милости встречного ветра. Хорошо было, что их хоть не относило от нас в сторону.

Трудно описать восторг и радость этих бедных людей, бывших на волос от ужасной смерти и вдруг почувствовавших себя спасенными не только от смерти, но и от всякой опасности. Обыкновенно переполнение меры чувств выражается не особенно сложно: глубокий вздох, слезы, стон, ломание рук, движение головой — вот признаки проявления обыкновенного горя и обыкновенной радости. Но чрезмерные душевные движения выражаются тысячами способов, не поддающихся описанию. Так, например, в настоящем случае спасенные нами люди проделывали всевозможные странности: одни горько рыдали, другие корчились в судорогах, как бы терзаемые страшными внутренними страданиями; некоторые кричали и размахивали руками, как сумасшедшие; иные с блуждающими глазами бегали взад и вперед по палубе, топая как лошади; многие, онемев от избытка чувств, только тарашили на нас полные признательности глаза; одни мучились в припадках морской болезни, другие лежали в глубоком обмороке; были и такие, которые стояли на коленях и в экстазе горячо молились.

Собственно говоря, я думаю, что внутренне все молились и благодарили Творца за свое спасение, но только не у всех это одинаково выражалось. Первые движения восторга были так сильны у большинства, что не могли вылиться в форму чисто религиозную. Всеми точно овладело безумие, все вышли из себя от страшного потрясения, вызванного резким переходом от крайнего отчаяния к полной радости. Лишь очень немногие оказались в состоянии обуздать себя и отнестись к случившемуся, по крайней мере, с наружным спокойствием.

Думаю, что в этом отношении большую роль играли особенности национальных характеров. Большинство спасенных нами были французы, которые, как известно, отличаются удивительной подвижностью и пылкостью, поэтому и их душевные движения так резки и ярки, как ни у одного другого народа. Я, впрочем, не настолько силен в психологии и физиологии, чтобы суметь верно определить причину тех или иных явлений. Могу только сказать, что я никогда не видел такого, если можно так выразиться, безумия радости. Восторги моего бедного дикаря Пятницы в то время, когда он неожиданно встретился со своим отцом, радостное изумление испанского капитана и его двух спутников, когда я спас их из рук негодяев, высадивших их на мой остров и намеревавшихся тут же покончить с ними, — все это было ничто в сравнении с тем, что делали французы под влиянием охватившей их бурной радости.

Считаю нелишним добавить, что не только каждый из французов особенным образом выражал свое чувство,сообразно личному характеру, но при этом с поразительной быстротой и менял форму проявления того, что творилось в его душе. Так, например, человек, только что казавшийся погруженным в тупую апатию, вдруг начинал плясать и кривляться, как шут; через несколько минут он уже рвал на себе волосы, раздирал свое платье и топал ногами как сумасшедший, а еще спустя немного он рыдал на весь корабль и доходил до того, что с ним начинали делаться судороги, и ему грозила смерть, если бы медицинская помощь не поспела вовремя. Положительно все французы так быстро переходили от одного настроения к другому, из одной крайности в другую, и вообще так страшно волновались, что были близки к смерти или помешательству. Нашему корабельному врачу пришлось пустить кровь, по крайней мере, половине спасенных.

В числе пассажиров погибшего корабля находились два священника: один уже пожилой, другой совсем молодой. Как это ни странно, но радость старого священ-

ника выражалась положительно диким иступлением, между тем как его молодой коллега был сравнительно спокоен и сдержан. Первый, едва успев ступить на палубу, упал как подкошенный и остался неподвижным. Мы думали, что он умер от нервного удара, но наш врач при первом же взгляде на него понял, что он только в обмороке. Однако врачу удалось пустить старику кровь не сразу, а лишь после нескольких неудачных попыток, и то только после того, как он крепко растер место прокола, чтобы возбудить застывшую кровь. Сначала появилось только несколько капель черной крови, а потом уж она потекла обильной струей, и вскоре священник открыл глаза. Через четверть часа почтенный служитель алтаря начал уже говорить и немного спустя объявил, что чувствует себя превосходно. Ему остановили кровь, дали подходящее лекарство и, убедившись, что он вне всякой опасности, занялись другими. Но не прошло и двадцати минут, как один из наших матросов прибежал в каюту, где наш врач пускал кровь одной пассажирке-француженке, и объявил, что старый священник сошел с ума. И это была правда. Наверное, полное сознание внезапной перемены обстоятельств помутило его умственные способности и без того уже потрясенные экстазом радости. Его старческий организм не мог выдержать бурного душевного движения, кровь заклокотала и загорелась, и несчастным овладел такой припадок бешенства, какой едва и когда выпадал на долю любого кандидата в Бедлам¹.^{*} Доктор не решился вторично пускать ему кровь и нашел нужным дать ему лучше снотворное средство; это помогло: больной заснул, проспал до следующего утра и встал совершенно здоровым.

Молодой же священник удивительно владел собой и выказал достойный подражания пример твердости и спокойствия. Когда мы подняли его на борт, он упал на колени и замер в горячей молитве. Видя, что он не шевелит ни одним мускулом, я подумал, что он впал в летаргическое состояние, поэтому довольно сильно потряс его за плечи. К моему величайшему изумлению, он спокойно поднял склоненную голову и тихо сказал, что просит позволить ему возблагодарить сначала Бога за свое спасение, а потом он не замедлит поблагодарить и нас.

Я отошел от него, глубоко сожалея, что подал ему повод считать меня грубым и дерзким. Через несколько минут он сам подошел ко мне и спокойно, торжественным голосом и со слезами на глазах, выразил свою благодарность за то, что я, при Божией помощи, спас жизнь ему и всем его спутникам. На это я возразил, что если бы я не видел, как он уже благодарил Бога, то попросил бы его сделать это прежде всего, так как Ему одному они обязаны своим спасением, и прибавил, что нашими действиями руководило только чувство человеколюбия, а не какое-либо другое, и что мы не менее его благодарны Творцу за то, что Он дал нам возможность явиться орудиями Его милосердия к другим.

С достоинством поклонившись мне и поблагодарив также моего племянника, молодой священник усердно принялся ухаживать за своими спутниками. Он старался успокоить их, беседуя с ними на религиозные темы, но слова его действовали очень на немногих, остальных же только еще больше волновали. Кроме того, он дея-

¹ Бедлам (искаженное англ. *Bethlehem* — «Вифлеем») — старинная психиатрическая лечебница в Лондоне, госпиталь святой Марии Вифлеемской.

тельно помогал и врачу, который буквально разрывался на части, перебегая от одного пациента к другому.

Я вхожу во все эти подробности с целью оказать некоторую услугу тем, которые будут читать эту книгу. Быть может, эти описания помогут моим читателям сдерживать в должных границах свои чувства. Пусть они подумают, до чего могут довести необузданный гнев и злоба, когда уж избыток радости способен увлечь человека далеко за пределы разума. Описанные мною явления меня самого привели к заключению, что человек должен строго следить за своими чувствами и не давать им воли, какого бы свойства ни были эти чувства, — радостные или горестные, вызванные любовью или гневом.

Возбуждение наших гостей так подействовало на меня и племянника, что мы сами были как не свои, и даже не успели в этот день покороче познакомиться со спасенными. Только на следующий день, когда гости оправились, отдохнули в наших прекрасно обставленных каютах и вполне восстановили свои силы, истощенные испугом, волнениями и утомлением, сделалось возможным вести с ними разумную беседу. Теперь они оказались совершенно другими людьми, чем накануне. Гости привели нас в полное восхищение своими прекрасными манерами, изысканной вежливостью и ежеминутно выдаваемой ими восторженной признательностью за то, что мы сделали для них. Во всем этом опять сказывался французский национальный характер.

Рано утром в каюту, занимаемую мною и племянником, пришел капитан погибшего корабля вместе с молодым священником с целью переговорить с нами относительно дальнейшей участи их экипажа и пассажиров. Капитан начал с сообщения, что ему удалось спасти с горевшего корабля все свои деньги и драгоценности, и добавил, что всего этого хотя и немного, но он надеется, что мы не откажемся принять это от него, как знак его безграничной благодарности за оказанную нами ему и всем его спутникам помощь. Затем он попросил высадить их всех где-нибудь мимоходом на берег, откуда они могли бы добраться до Франции. Племянник мой тотчас же готов был принять предлагаемое капитаном вознаграждение, но я успел вовремя удержать его от этого намерения. Я знал по собственному горькому опыту, что значит очутиться на чужой земле без гроша в кармане. Если бы португальский капитан, принявший меня в открытом океане на свой корабль, вздумал за оказанную им мне услугу взять у меня все, что я имел, то я или умер бы потом с голоду или попал бы в новое рабство в Бразилии, как это случилось со мною в Берберии, с той только разницею, что там моим господином был магометанин, а тут я мог бы попасть в неволю к христианину, и легко могло случиться, что это в некоторых отношениях было бы еще хуже.

Вспомнив все это, я поспешил ответить французскому капитану, что хотя мы и приняли участие в их горе и помогли им, но этим мы только исполнили обязанность каждого человека по отношению к своему ближнему, и что случись с нами самими подобное несчастье, то мы тоже были бы в праве ожидать от других такой же помощи и, наверное, будь мы в их положении, а они в нашем, они поступили бы так же. Далее я сказал, что мы спасли им жизнь и приняли к себе на корабль вовсе не с тем, чтобы ограбить их, и что мы были бы хуже всяких варваров, если бы позволили себе взять хоть малейшую часть того, что нам удалось спасти от огня и воды.

— Высадить вас на берег без всяких средств, — продолжал я, — значило бы обречь всех на верную голодную смерть, а ради этого не стоило и спасать вас от тех опасностей, которым вы подвергались, отданные во власть стихий. Что же касается

вашего желания высадиться на берег как можно скорее, то это для нас будет очень затруднительно, так как наш корабль шел в Ост-Индию. Положим, мы были сбиты с пути и далеко отнесены на запад, но это, вероятно, случилось по воле Провидения, направившего нас навстречу вам, нуждавшимся в нашей помощи. Теперь же мой племянник, капитан этого корабля, не может делать еще новый крюк, так как он обязался вести корабль прямо к месту назначения, никуда самовольно не сворачивая, и поэтому он рискует подвергнуться большой ответственности, если не исполнит своего обязательства. По моему мнению, ему можно сделать только одно — держаться такого направления, по которому идут корабли, возвращающиеся из Ост-Индии в Европу, и таким образом дать нашим гостям возможность пересечь на первое встречное судно, направляющееся в Англию или во Францию.

Капитан и священник горячо поблагодарили меня за то, что они называли моим великодушием, то есть за нежелание обирать их, но сильно смутились, когда услышали, что им придется плыть в Ост-Индию. Еще более чем они, были поражены этой вестью пассажиры погибшего корабля. Собравшись к нам гурьбой, они умоляли нас хотя бы держать путь поближе к берегам Ньюфаундленда, где они скорее могли рассчитывать встретить корабль, который доставил бы их обратно в Канаду, откуда они плыли. Они говорили, что раз мы и так уже отошли к западу, то новое небольшое отклонение в том же направлении не составит для нас слишком ощутительной разницы.

Я нашел эту просьбу основательною и уговорил племянника согласиться исполнить ее. Действительно, тащить всех этих людей в Ост-Индию было бы не только жестоко, но прямо неудобно и неблагоприятно, так как для такого количества лишних ртов у нас не хватило бы провизии, а это могло бы вовлечь нас всех в большие бедствия. Мне пришло на ум еще и следующее соображение: разве может считаться нарушением договора моего племянника с судовладельцами непредвиденное обстоятельство, заставившее нас сделать то, что мы, как люди, обязаны были сделать? Сам Бог и вся природа восстали бы на нас, если бы мы отказались помочь погибавшим людям. И раз мы взяли их к себе на борт, то не только их интересы, но и наши собственные требовали, чтобы мы постарались как можно скорее высадить их на берег или принять какие-либо другие целесообразные меры для того, чтобы они могли свободно продолжать свой путь, а мы — наш.

Все эти соображения побудили меня убедить племянника довести наших гостей до Ньюфаундленда, если только, конечно, будет благоприятствовать ветер и вообще состояние погоды. В противном же случае высадить их на острове Мартинике в Вест-Индии.

Погода стояла хорошая, но ветер свежел, держась направления между северо-и юго-востоком. Именно это обстоятельство и помешало нам воспользоваться несколькими представлявшимися случаями пересадить наших пассажиров на корабли, плывшие во Францию. Мы, действительно встретили несколько кораблей, державших путь в Европу; между ними было даже два французских судна, шедших от острова Святого Христофора, но им так долго пришлось бороться со встречными ветрами, вследствие чего они так сильно истощили свои припасы, что решительно были не в состоянии взять к себе лишних пассажиров.

Таким образом мы были вынуждены доплыть до Ньюфаундленда, которого и достигли чрез неделю. В отменях встретила нас большая рыбацья лодка, хозяин ко-

торой охотно предоставил ее к услугам наших пассажиров. На берегу наши гости, наверное, должны были найти случай попасть во Францию.

Молодой французский священник остался у нас. Он выразил желание продолжать с нами путешествие с тем, чтобы мы высадили его на берегу Короманделя в юго-восточной Индии. Я с удовольствием согласился на это, потому что чувствовал к этому достойному человеку большую симпатию, которую он вполне и оправдал впоследствии. Кроме того с нами остались четыре французских матроса; они поступили на службу на наш корабль и оказались очень дельными и полезными людьми.

От Ньюфаундленда мы направились к Вест-Индии, держа курс к юго-востоку. Этого направления мы держались в течение двадцати дней при очень слабом ветре, а подчас даже при совершенном затишье. За это время наше человеколюбие было подвергнуто новому испытанию происшествием, еще более печальным, чем только что рассказанное мною.

Это было 19 марта 1695 года. Находясь под 27° 5' северной широты, при курсе на юго-восток, мы заметили в море парус. Вскоре мы увидели, что нам навстречу несется большой корабль. Сначала мы не обратили было на это особенного внимания — корабль и корабль, — но когда подошли поближе, нам бросилось в глаза, что корабль был лишен брам-стенги от грот-мачты, фок-мачты и бушприта, то есть самых существенных принадлежностей оснастки судна. Заметив со своей стороны, нас, корабль пушечным выстрелом подал сигнал бедствия. Погода была хорошая, ветер дул с северо-запада и помог нам быстро приблизиться к кораблю на такое расстояние, чтобы было вступить с ним в переговоры.

Оказалось, что это был английский корабль, возвращавшийся из Барбадоса. Собственно говоря, возвращался он оттуда против воли, так как его сорвало бурей с якоря, когда он стоял на рейде перед Барбадосом и только еще готовился к отплытию, назначенному чрез несколько дней. Он находился в починке, и его капитан со штурманом остались на берегу. Таким образом, находившиеся на борту этого корабля не только были вынуждены вынести все ужасы бури, но даже не имели сведущих людей, которые могли бы справиться с бурей и привести судно обратно на место стоянки. Им пришлось носиться по морю девять недель и подвергнуться новой буре, которая была сильнее первой: она сорвала у них мачты и загнала далеко на запад. Они надеялись увидеть Багамские острова, но сильный северо-восточный ветер занес их в другую сторону. Оставшись почти без парусов, они не могли управлять кораблем и поэтому поневоле должны были подчиниться прихоти ветра, гнавшего их по направлению к Канарским островам.

Но этим не ограничились их бедствия. В конце восьмой недели их скитания по океану, когда они уже были измучены невозможностью вести корабль по какому-нибудь определенному пути, начали истощаться их съестные припасы. День встречи с нами был одиннадцатым днем их голода. У них уже не было больше ни мяса, ни хлеба, оставалось только полбочонка муки да немного пресной воды; этим они кое-как и поддерживали свое существование. Оставалось, впрочем, еще семь бочонков рома, порядочное количество сахара и сушеных плодов, но и эти последние были доедены за два дня до встречи с нами.

Кроме экипажа на корабле находилось три пассажира: одна пожилая дама с сыном и служанкой. Они забрались на корабль как раз перед началом той бури, которая сорвала его с якоря и выбросила в открытый океан. Им говорили, что до отплытия остается

еще несколько дней, и они хотели было уже вернуться на берег, но как раз в это время забушевала буря и помешала исполнению их намерения. Поэтому пассажиры волей неволей и остались на корабле. Положение их было хуже всех, потому что экипаж думал только о себе и наотрез отказался делиться с ними тем, что имел, когда собственный запас пассажиров истощился. Мало того: жестокосердые моряки всячески мучили и притесняли бедных женщин и юношу, волею судьбы очутившихся у них в плену.

Быть может, мы даже и не узнали бы о существовании злополучных пассажиров, если бы мне самому не вздумалось перейти к ним на корабль, чтобы проверить показания экипажа относительно угрожавшего им по их словам голода. Когда я подошел к каютам, помощник штурмана, взявший на себя команду над осиротевшим, так сказать, кораблем, сказал мне, что в большой каюте находятся три пассажира, которые уже третий день не дают никаких признаков своего существования.

— Я думаю, — добавил он, — они умерли от голода, но не решался удостовериться в этом, потому что если бы они были еще живы, я все равно не мог помочь им.

К счастью, они все трое были еще живы, хотя и находились в самом плачевном состоянии. Я решил взять их к себе, поставить на ноги и вообще позаботиться об их участи. В случае, если бы у нас не хватило провизии, я надеялся убедить племянника, находившегося под моим влиянием, пристать к берегам Виргинии или другой части Америки для пополнения запасов. Но пока в этом еще не было необходимости.

Нельзя было без слез видеть, как умиравшие от голода пассажиры мучились, борясь с алчным желанием насытиться и с опасением чересчур обременить свой сжавшийся до последней степени желудок даже тем немногим, что мы им дали на первый раз.

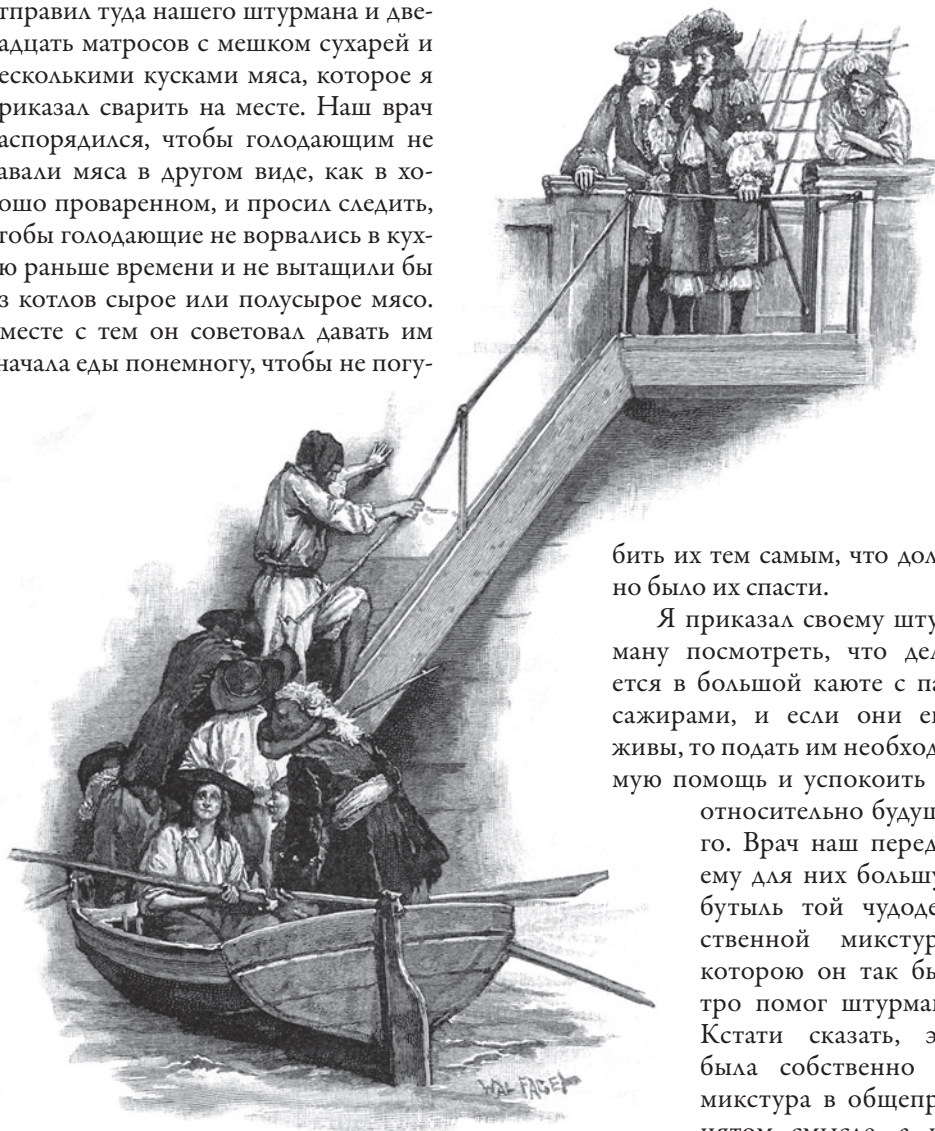
Помощник штурмана по нашему приглашению перевез к нам в нашем боте шесть человек матросов, которые скорее походили на скелеты, нежели на живых людей, — до такой степени они были истощены голодом и болезнями. Впрочем, он и сам находился не в лучшем положении. Насколько я мог понять, он был человек хороший и с радостью поделился бы последним куском с пассажирами, если бы только мог справиться с матросами, противившимися этому. Я дал поесть и ему, но едва он проглотил несколько ложек супу, как тотчас же лишился чувств. Когда он пришел в себя, наш врач дал ему какой-то микстуры, которая в одно и то же время служила и лекарством, и средством для питания. Эта микстура действовала так хорошо, что помощник штурмана через некоторое время почувствовал себя совершенно бодрым.

Матросы набросились на еду с такой жадностью, что приходилось удерживать их. Двое из них так объелись, что заболели острым воспалением желудка.

Все это произвело на меня удручающее впечатление. Я вспомнил, какие ужасы ожидали меня, какая была предо мною страшная будущность, когда я очутился выброшенным на пустынный берег острова, без куска хлеба и без малейшей надежды добыть его, уверенный, что вот-вот я сам сделаюсь добычей диких зверей. Когда помощник штурмана, или, — как мы называли его, — капитан английского корабля, рассказал мне о бедственном положении своего экипажа и упомянул о трех пассажирах, третий день не подававших признаков жизни, я более всего пожалел этих людей, из которых двое были слабыми женщинами, а третий — почти еще мальчик. Им должно было быть несравненно труднее, чем закаленным во всевозможного рода опасностях и лишениях матросам, тем более, что в течение нескольких дней им совсем не давали есть и пить. У меня сердце сжималось при мысли, что они, быть может, умерли в страшных мучениях от голода и жажды.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Капитан с шестью самыми слабыми матросами могли считаться спасенными, попав к нам на борт. Но на их корабле оставалось еще много людей, которым тоже нужно было помочь. С этой целью я отправил туда нашего штурмана и двенадцать матросов с мешком сухарей и несколькими кусками мяса, которое я приказал сварить на месте. Наш врач распорядился, чтобы голодающим не давали мяса в другом виде, как в хорошо проваренном, и просил следить, чтобы голодающие не ворвались в кухню раньше времени и не вытащили бы из котлов сырое или полусырое мясо. Вместе с тем он советовал давать им сначала еды понемногу, чтобы не погу-

Помощник штурмана перевез к нам в нашем боте шесть человек матросов, которые скорее походили на скелеты, нежели на живых людей.

Не довольствуясь всем этим, я захотел сам взглянуть на то, что нам описывал капитан, поэтому, как уже заметил раньше, лично отправился на пострадавший корабль, взяв с собой его капитана.

бить их тем самым, что должно было их спасти.

Я приказал своему штурману посмотреть, что делается в большой каюте с пассажирами, и если они еще живы, то подать им необходимую помощь и успокоить их

относительно будущего. Врач наш передал ему для них большую бутылку той чудодейственной микстуры, которою он так быстро помог штурману. Кстати сказать, это была собственно не микстура в общепринятом смысле, а навар из мяса и разных корней с примесью каких-то целебных соков растений.

Мы застали на корабле почти бунт.

Там мы застали почти бунт. Несчастные голодающие ворвались-таки в кухню и с остервенением набросились на котлы с целью завладеть только что поставленным на огонь мясом, запах которого раздражал их аппетит. Наш штурман, исполняя данное ему нами приказание, вместе с матросами охранял кухню и понапрасну тратил все свое красноречие на убеждения осаждавших потерпеть еще немного, пока не будет готова еда. Но все было напрасно: обезумевшие от голода люди ничего не хотели слушать и продолжали осаждать кухню. Пришлось прибегнуть к силе оружия, чтобы выгнать их. Однако, наш штурман нашелся: он тут же велел намочить сухари в варившемся супе и раздать голодающим по одному сухарю на человека, причем старался доказать матросам, что дает им так мало для их же собственной пользы. Но все эти меры не достигли бы цели, если бы не подоспел я с капитаном бунтовавших матросов. Видя, что обыкновенные убеждения, угрозы и даже насилие не действуют, мы объявили, что если матросы тотчас же не успокоятся и не будут ждать, пока суп сварится, то мы запрем их в трюм и совсем не дадим есть, предоставив их таким образом в добычу голодной смерти. Это сразу обуздало несчастных. Они присмирели и отошли от кухни, откуда несся такой аппетитный запах. Я уверен, что тот сравнительно небольшой промежуток времени, который прошел с момента прибытия наших людей с провизией и до той минуты, когда был подан на стол горячий суп, заключал в себе гораздо больше мучений для злополучных матросов, умиравших с голоду, чем все предшествующие дни голода. Наконец, им дали сначала немного супа, а через некоторое время — по небольшому куску мяса с сухарем, а по прошествии трех часов

еще новую порцию того и другого, так что к вечеру бедные матросы уже почувствовали себя гораздо лучше.

Страдания пассажиров большой каюты имели иной характер и были гораздо ужаснее. Начать с того, что экипаж, сам нуждаясь в провизии, все время давал им очень мало для утоления голода, а в последние несколько дней и совсем ничего не давал, заботясь лишь о себе. Бедная мать, по отзыву капитана женщина хорошего происхождения и прекрасной души, из любви к сыну сама не ела, чтобы сохранить для него лишний кусок. Наш штурман застал ее на полу в каюте, прислоненной к стене, между двумя стульями, за которые она судорожно уцепилась руками; голова ее безжизненно свешивалась на грудь. К счастью, она еще дышала. Штурман открыл ей рот и влил несколько капель микстуры. Она с трудом открыла глаза, подняла руку и хотела что-то сказать, но не могла. Штурман, как мог постарался ободрить ее и окончательно привести в себя. Но она объясняла ему знаками, что для нее всякая помощь уже напрасна, и указывала на сына, умоляя заняться им. Тем не менее, штурман влил ей в рот немного микстуры. Он уверял, что она проглотила несколько ложек микстуры, но я этому не верю, потому что она в ту же ночь скончалась.

Юноша, спасенный ценой жизни своей матери, был менее истощен. Хотя, распростертый на конке, он и лежал без всяких признаков жизни, держа во рту кусок старой обгрызенной кожаной перчатки, но он был молод и уже по одному этому оказался крепче матери. После того, как штурман влил и ему в рот микстуру, он быстро пришел в себя. Однако, после двух-трех ложек супа, его вырвало.

Затем штурман поспешил позаботиться о служанке. Она лежала рядом со своей госпожой на полу и имела такой вид, точно умерла от удара во время борьбы с голодом. Она вся казалась окоченевшей. Пальцы одной ее руки так крепко впились в сиденье стула, что их едва можно было разжать. Другая рука лежала у нее на голове, а сжатые вместе ноги упирались в перекладину стола, стоявшего перед нею. Мы были уверены, что она уже умерла. Нам говорили, что эта несчастная должна была страдать не только за себя, но и за свою госпожу, к которой была привязана всем сердцем. Больше собственного голода и мысли о предстоящей смерти, ее мучил вид умиравшей госпожи и сознание невозможности помочь ей.

Мы не знали, что делать с этой злополучной девушкой, потому что когда наш врач, человек в высшей степени опытный, сведущий и добросовестный, добился того, что своим искусством возвратил ее к жизни, она помешалась. Впрочем, помешательство было довольно легкой формы, хотя и упорное, долго не поддававшееся усилиям врача устранить его.

Я должен обратить внимание тех, кто будет читать эти записки, на то обстоятельство, что стоянка в открытом море не имеет ничего общего со стоянками на суше, где можно устроиться как угодно и пробыть хоть неделю или две, не двигаясь с места. Долг человеколюбия хотя и обязывал нас оказать помощь страдающим ближним, но, с другой стороны, мы не имели права нарушать интересы наших доверителей, слишком долго задерживаясь в пути ради посторонних целей. Экипаж пострадавшего корабля умолял позволить ему следовать за нами и мы, конечно, ничего против этого не имели, но нам нельзя было убавлять парусов ради того только, чтобы их корабль, совершенно почти лишенный собственных парусов, не отставал от нас. Наконец, мы сдались на просьбы капитана выручить его и при помощи имевшихся у нас в запасе частей оснастки помогли ему утвердить их у него на корабле; на это мы потратили

три или четыре дня. Потом мы дали ему пять бочонков мяса, бочонок свинины, две бочки сухарей, гороха, муки и еще кое-чего, без чего сами могли обойтись. Взамен этого мы получили три бочки сахара, несколько рома и немного денег. Мы не хотели было их брать, но капитан настоял, уверяя, что он достаточно обеспечен деньгами, и что мы обидим его, если не возьмем то, что он находит возможным предложить нам.

Сделав, что могли, мы распростились с английским кораблем, приняв к себе на борт молодого пассажира и служанку его матери.

Юноше было не более семнадцати лет. Он был очень красив, обладал живым умом, отличался удивительно хорошими манерами и скромностью; по всему было видно, что он получил прекрасное воспитание. Смерть матери страшно поразила его, тем более, что он всего за несколько месяцев перед тем лишился отца, скончавшегося в Барбадосе. Он упросил нашего врача убедить меня взять его совсем на наш корабль, чтобы избавить его от мучения видеть тех людей, которые, как он говорил, уморили голодной смертью его мать. Действительно, экипаж английского корабля был отчасти виновен в ее смерти, потому что не делился с ней тем немногим, что у него было; сделай он это, она, быть может, была бы спасена. Положим, голод не знает ни дружбы, ни родства, ни справедливости, ни права; он делает людей бесчувственными к чужим страданиям. Люди, решающиеся отдать последний кусок другому, чтобы спасти его, жертвуя своей жизнью, составляют редкое исключение.

Наш врач объяснил юноше, что мы идем на дальний восток, и таким образом он, оставаясь с нами, надолго, быть может навсегда, лишает себя возможности возвратиться на родину и кроме того рискует вместе с нами очутиться в худшем положении, чем то, в котором мы застали его. На это молодой человек возразил, что ему совершенно безразлично, куда ехать, лишь бы быть избавленным от общества тех жестоких людей, которые погубили его милую, добрую мать. В то же время он выразил уверенность, что я, — человек, которого он принимал за капитана нашего корабля, — не захочу предать его в жертву душевной муке, когда только что спас ему жизнь. Относительно служанки он брал на себя полную ответственность в том, что она, если придет в сознание, будет нам благодарна, как и он сам, хотя бы мы и завезли их на край света. Врач с таким теплым участием ходатайствовал предо мною об этом молодом человеке и представил такие убедительные доводы в его пользу, что я не мог устоять и согласился оставить юношу и служанку у нас на корабле, приказав взять с того корабля их вещи. Не приняли мы только то, что принадлежало его умершей пассажирке и одиннадцать голов сахара. Имущество покойной и сахар следовало, по словам молодого человека, доставить в Бристоль, некоему мистеру Роджеру, дальнему и единственному родственнику его матери. Я взял с капитана того корабля письменное обязательство в том, что он берет на себя заботу о доставке кому следует этого имущества. Думаю, что этого, однако, не было сделано, так как по наведенным мною потом справкам оказалось, что этот корабль в Бристоль не заходил. Не видели его и в других европейских портах, поэтому я полагаю, что он, вследствие своей плохой оснастки и дурного управления, не дошел до берегов Европы, и погиб в океане. Помнится мне, что корпус этого судна весь был расшатан, и капитан жаловался на то, что у него в трюме того и гляди откроется течь. Вообще судно было негодно к дальнейшему плаванью и непременно должно было погибнуть при первой же буре.

Когда мы достигли 19 градусов 32 минут северной широты, погода все еще благоприятствовала нам. Впрочем, я не буду утомлять читателя отчетами о состоянии пого-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ды, направлении ветра и тому подобными мелочами нашего путешествия, и, чтобы сократить мое повествование, скажу прямо, что мы добрались до моего острова 10 апреля 1695 года. Мне, однако, стоило немалого труда отыскать его. В первый раз я попал на остров с южной стороны, а покинул его с восточной, по направлению к Бразилии; в этот же раз мы приблизились к нему со стороны соседнего материка, и я, не имея карты острова и не запомнив его отличительных признаков, никак не мог сразу узнать его.

Мы долго лавировали и подходили к нескольким островам, расположенным в устье реки Ориноко, но никак не могли попасть на мой. Только теперь, очутившись так близко от той земли, которую я когда-то видел со своего острова, я понял, что сильно ошибался, принимая ее в то время за материк. В действительности же это был длинный остров, к которому примыкала группа других, меньших островов, тянувшаяся от одного конца широкого устья реки до другого. Вместе с тем я узнал, что дикари, делавшие набеги на мой остров, не были караибскими, как я раньше предполагал, а принадлежали к совершенно другому племени диких островитян.

Итак, я посетил несколько островов, отыскивая свой; одни из них оказались необитаемыми, другие же были населены. На одном я встретил несколько человек испанцев и предположил, что они поселенцы этого острова, но, разговорившись с ними, я узнал, что они прибыли на него в шлюпке, ожидавшей их у берега, для добычи соли и ловли жемчужных раковин. Они сообщили нам, что постоянно живут на острове Тринидаде, лежащем к северу между десятым и одиннадцатым градусами северной широты.

Продолжая подходить по очереди к разным островам то на корабле, то в шлюпке, взятой нами с французского судна, — кстати сказать, оказавшейся очень легкой на ходу, — мы, наконец, дошли с южной стороны и до моего острова; тут уж я сразу его узнал. Мы ввели корабль в ту маленькую бухточку, около которой находилось мое прежнее жилище, и бросили якорь.

Мы, наконец, дошли с южной стороны до моего острова.

Увидав и узнав остров, я вызвал к себе на палубу Пятницу и спросил его, узнает ли он, где мы.

Оглядев берег, он захлопал в ладоши и радостно закричал:

— О, да! Вот он! Там, там!

Он тыкал пальцами в воздух в том направлении, где стояло мое укрепление, прыгал и скакал как сумасшедший. Если бы я не удержал его, он бросился бы в море и вплавь направился бы к берегу.

— Как ты думаешь, Пятница, — спрашивал я его, — найдем ли мы кого-нибудь на острове и увидим ли там твоего отца?

Когда я заговорил, Пятница остановился, а при упоминании об его отце этот дикарь с нежным сердцем на мгновение совсем замер и из его глаз ручьями полились слезы.

— В чем дело, Пятница? — продолжал я. — Разве тебе неприятна мысль о свидании с твоим отцом?

— О, нет, нет! — возразил он, отчаянно мотая головой. — Не увидеть отца, никогда не увидеть!

— Почему же? — спрашивал я. — Почему ты думаешь, что больше не увидишь отца?

— О, нет, нет! он давно умрет, он очень старый человек! — кричал сквозь рыдания Пятница.

— Люди иногда живут подолгу, — сказал я. — Ты, наверное, еще увидишь отца. А пока что, посмотрим, не видно ли вообще кого на нашем острове.

У Пятницы зрение было несравненно лучше моего. Несмотря на то, что мы еще находились на расстоянии чуть не мили от моего бывшего жилища, он отлично видел его и, указывая туда, кричал:

— Мой видит, мой видит! Там много люди! И там, и там, везде!

Он указывал в разные стороны, но я ничего не мог различить даже в зрительную трубу, может быть, потому, что наводил ее не туда, куда следовало. На другой день я узнал, что во всех тех местах, куда указывал Пятница, действительно, стояли люди, наблюдавшие за приближением нашего корабля, появление которого вызвало в их умах множество догадок и соображений.

Основываясь на словах Пятницы, что он видит людей, я распорядился тотчас же выкинуть английский кормовой флаг и дать залп из трех пушек; этим я желал выказать, что мы являемся в качестве друзей, а не с какими-либо враждебными намерениями. Нужно же было успокоить людей, быть может, напуганных видом большого корабля. Спустя минут пятнадцать, мы увидели со стороны моего бывшего укрепления дымок, принятый нами за ответный сигнал, в чем мы и не ошиблись, как потом узнали. Я приказал снарядить французскую шлюпку. Сев в нее вместе с Пятницей, я распустил белый флаг, выражающий дружелюбие, и направился прямо к берегу. Священник, знавший всю историю моей жизни и посвященный мной во все подробности моего многолетнего пребывания на этом острове, попросился со мною. Я охотно взял его. Кроме того я взял с собой шестнадцать вооруженных с головы до ног матросов, на тот случай, если на острове окажутся новые люди, и они примут нас враждебно. Предосторожность эта, впрочем, оказалась совершенно излишней.

Благодаря приливу и попутному ветру мы скоро достигли берега. Первый человек, встретивший нас, был тот испанец, которого я когда-то спас от смерти; я

тотчас же узнал его по лицу. Несмотря на мое приказание, чтобы до меня никто не выходил на берег, Пятница рвался из шлюпки, как безумный. Оказалось, что он увидел своего отца, стоявшего так далеко в стороне, что я даже и не заметил, что там находится человек. Удержать Пятницу не было никакой возможности. Если бы я не пустил его, он все равно бросился бы в воду. Очутившись на берегу, он буквально стрелой помчался к отцу. Его восторженная радость при встрече со стариком могла растрогать даже каменное сердце. Как он обнимал, целовал и ласкал отца! Он то поднимал старика на руки, то бережно усаживал его на землю под дерево и ложился рядом с ним, не выпуская его из своих объятий, то вскакивал и с восхищением смотрел на него, как любители смотрят на прекрасную картину; то он вдруг опять ложился на землю, гладил и целовал ноги отца, а потом снова вскакивал и принимался любоваться стариком. Словом, можно было подумать, что он от радости сошел с ума. На следующий день его восторг стал выражаться другим образом, так что нельзя было не смеяться, глядя на него. Рано утром он несколько часов подряд все ходил с отцом по берегу, бережно водя его под руку, точно какую-нибудь леди. По временам он оставлял старика, чтобы принести ему какое-нибудь лакомство: ром, сахар, пирог или фрукты. Вечером он начал выкидывать другие штуки: посадив отца на землю, он начал плясать, прыгать и вертеться перед ним. Описать все его забавные движения и позы, которые он при этом принимал, нет никакой возможности. И все время он не переставал болтать, рассказывая, как он жил вдали от отца и что происходило во время наших путешествий. Короче сказать, если бы у христиан, живущих в нашей части света, так же сильно было развито чувство любви к родителям, как у этого дикаря, то не было бы никакой надобности напоминать им о пятой заповеди¹.

Однако пора снова взяться за прерванную нить моего рассказа. Я бы никогда не кончил, если бы стал описывать, с каким восторгом узнали и приняли меня поселенцы острова. Как я уже говорил, первый, кого я увидел, был тот самый испанец, который был обязан мне спасением своей жизни. Он пошел ко мне навстречу вместе с товарищем, державшим в руках белый флаг. Сначала он не только не узнавал меня, но не имел и мысли о том, что это мог быть я. Видя его недоумение, я заговорил первый.

— Сеньор, — сказал я по-португальски, — разве вы не узнаете меня?

Испанец взгляделся в меня, передал товарищу свой мушкет, который он на всякий случай держал наготове, пробормотал что-то по-испански, затем вдруг бросился ко мне и крепко обнял меня. Он кричал, что никогда не простит себе, что не узнал сразу лица того, кто когда-то явился к нему точно с неба, чтобы спасти его. Вообще он наговорил мне множество любезностей, которых у каждого благодарного испанца всегда имеется большой запас. Потом он подозвал товарища и поручил ему пойти и собрать всех остальных, а мне предложил пожаловать в мое старое жилище, сказав, что я найду в нем много перемен и улучшений. Должен сознаться, что один я едва ли бы скоро нашел то место, где так долго жил. Поселенцы так много насадили деревьев,

¹ Речь в пятой заповеди о почитании родителей; согласно Библии 10 заповедей были получены Моисеем на горе Синай по воле Бога.

где прежде не было ни одного, что образовался густой, едва проходимый лес; пробраться чрез этот лес можно было только тому, кто хорошо знал его скрытые извилистые тропинки. С этой стороны укрепление положительно было недоступно для непосвященных.

На мой вопрос, что заставило поселенцев развести такой дремучий лес, мой спутник ответил мне, что я сам признаю необходимость этой защиты, когда узнаю, чего ему с товарищами пришлось натерпеться по возвращении на остров после моего неожиданного и столь горестного для них отъезда. Но когда он узнал, при каких обстоятельствах произошел мой отъезд, как я был доволен представившимся мне, наконец, случаем вырваться с острова после стольких лет вынужденного пребывания на нем, и какими удобствами было обставлено мое путешествие, то он искренно порадовался за меня, тая в то же время в душе надежду, что мы когда-нибудь еще увидимся. Все-таки же он никогда в своей жизни еще не был так поражен и огорчен, когда по возвращении на остров уже не застал меня.

Между прочим он рассказал мне длинную историю о тех трех «варварах», как он их называл, которых я оставил на острове. По его словам, он и его товарищи предпочли бы лучше жить с тридцатью дикарями, чем с этими тремя англичанами.

— Надеюсь, сеньор, — продолжал он, — что я не возбужу вашего недовольствия против нас, когда расскажу, чем мы были вынуждены обезоружить и подчинить себе тех людей, которые желали не только господствовать над нами, но и быть нашими палачами.

Я ответил, что при моем отъезде меня сильно угнетала мысль о том, что я не мог дожждаться возвращения его и его товарищей на остров и устроить их таким образом, чтобы господствовали они, а англичане были им подчинены, как это следовало по справедливости, и что раз испанцы сами взяли верх над теми негодяями, то мне остается только радоваться и выразить мое полное одобрение их образу действий, так как я отлично знал буйный и строптивый характер тех разнузданных людей.

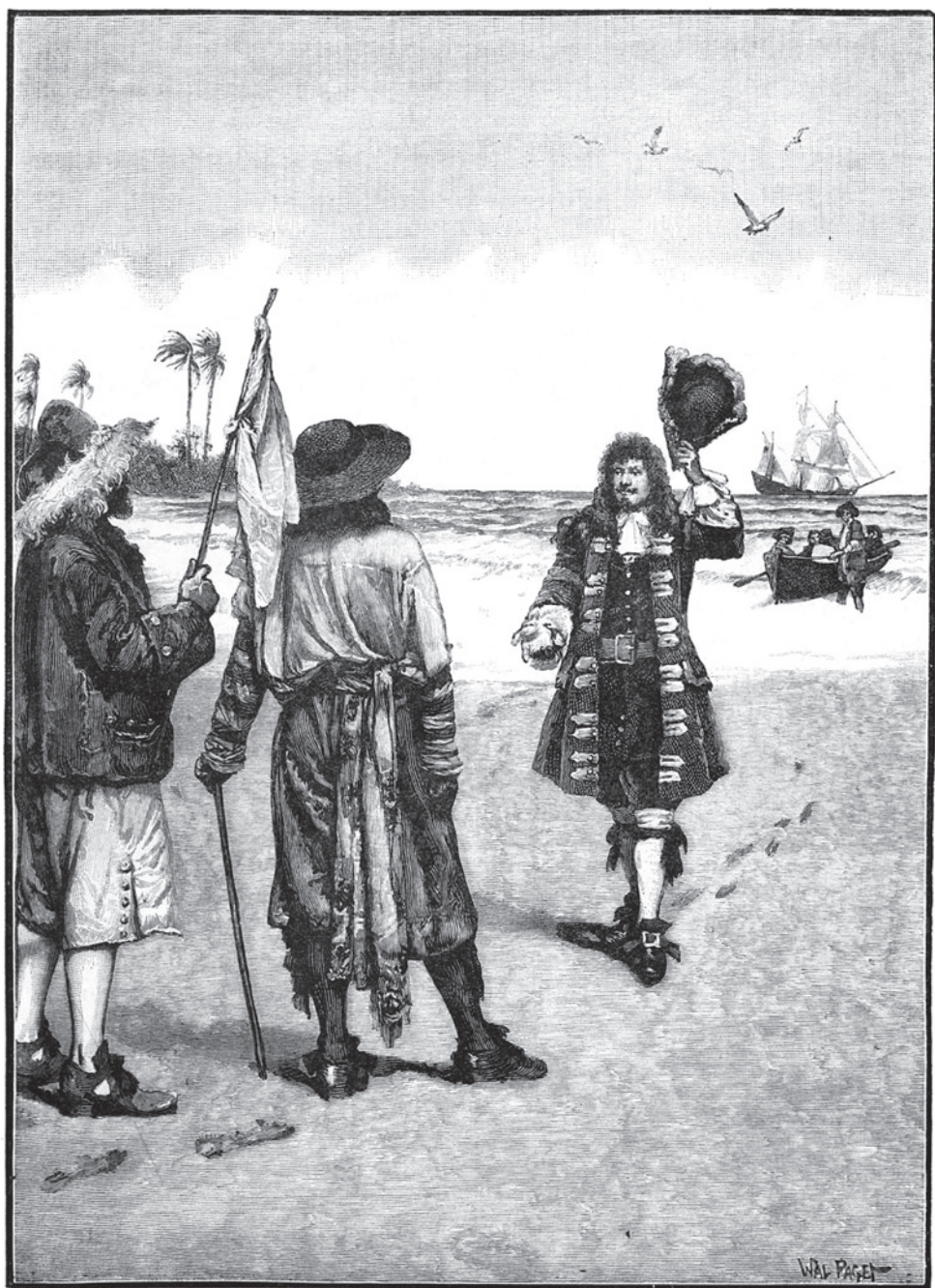
Между тем, к нам навстречу вышли одиннадцать человек других испанцев под предводительством того, который был послан моим спутником собрать их. По их одежде я ни за что не узнал бы в них испанцев, если бы мой спутник не объяснил мне кто они.

— Вот, сеньор, — сказал он, указывая на них, — это люди, тоже обязанные вам своим спасением.

Затем, обернувшись к товарищам, он объяснил им, кто я. Тотчас же все они по очереди стали подходить ко мне, не как товарищ к товарищу или вообще как равный к равному, а с видом послов, представляющих иностранному монарху или великому победителю. Их обращение отличалось утонченной вежливостью и вместе с тем какой-то особенной торжественностью, так что я, не привыкший к таким утонченностям, положительно не знал, как держать себя с этими джентльменами и что ответить им.

История возвращения испанцев на остров с их товарищами и самая жизнь их на нем так интересны богатством различного рода приключений, имеющих отношение к первой части моего повествования, что я не могу отказать себе в удовольствии передать об этом читателю.

Не стану нарушать плавность рассказа, передавая его от первого лица, что заставляло бы меня тысячи раз повторять фразы в роде следующих: «сказал я», «сказал он», «говорил он мне», «говорил я ему». Во избежание этого, я постараюсь сооб-

— Сеньор, — сказал я по-португальски, — разве вы не узнаете меня?

щить одни факты, которые узнал от испанца, в таком порядке, в каком они удержались в моей памяти.

Для полной точности и ясности я должен вернуться назад и напомнить читателю те обстоятельства, при которых я покинул остров, и тех лиц, которые играют роль в этом рассказе.

Незадолго до моего отъезда, как известно читателю, я отправил испанца и отца Пятницы, спасенных мною от рук дикарей, на берег соседней земли, принимаемой мною тогда за материк. Цель этой отправки была взять там товарищей испанца, чтобы избавить их от плена у дикарей, дать им у себя приют и, если окажется возможным, вместе с ними впоследствии добраться до какой-нибудь цивилизованной страны.

Снаряжая своих послов в эту экспедицию, я не имел ни малейшей надежды, как и в предыдущие годы, на то, что может явиться корабль и взять меня с собой, поэтому я никогда даже и не намекал отцу Пятницы и испанцу о подобной возможности. Отсюда понятно, как должны были изумиться эти люди, когда по возвращении на остров они узнали, что подходил английский корабль, на котором я и покинул остров и, очевидно, навсегда, вместо же себя на острове я оставил трех незнакомцев и отдал им все свое имущество, которое, в сущности, желал бы оставить испанцам.

Идя с испанцем в его жилище, я попросил его рассказать мне как можно подробнее, как он достиг соседней земли, что там было, и как потом возвратился обратно. На это он ответил мне, что относительно своего путешествия к соседней земле он не может сообщить ничего интересного, так как это путешествие не сопровождалось никакими приключениями или событиями, достойными замечания. Погода была все время вполне благоприятной, и море было совершенно спокойно. Товарищи его, между которыми он играл роль старшего после капитана их погибшего корабля, который незадолго перед тем умер, были очень обрадованы его появлением среди них. Они были уверены, что он погиб от рук дикарей, взявших его в плен вместе с отцом Пятницы, и очень удивились, увидев его целым и невредимым. Когда же он рассказал им историю своего спасения и передал все обстоятельства, благодаря которым он получил возможность отправиться за ними с того острова, где так неожиданно нашел приют, то товарищи были поражены не менее братьев Иосифа в Египте, когда тот открылся им и рассказал историю своей жизни и возвышения при дворе Фараона¹. Долго бедные пленники не хотели верить, что слышат все это наяву, они думали, что это им снится приятный сон. В конце концов, они, конечно, все-таки поверили, что это не сон, особенно, когда товарищ показал им пирогу с запасом воды, провизии и оружия и добавил, что они могут ехать с ним немедленно на мой остров, если хотят. Как было не хотеть им своего избавления из плена! Выразив свою радость по поводу неожиданного счастливого переворота в их судьбе, они немедленно стали готовиться в путь.

Одной пироги для такого количества людей было недостаточно, поэтому нужно было добыть еще несколько штук таких челноков. Дикари, у которых находились испанцы, хотя и относились к ним очень дружелюбно, но все-таки едва ли согласились

¹ История Иосифа и его братьев изложена в Ветхом Завете Библии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

бы добровольно отпустить их от себя. Поэтому следовало отбросить всякую щепетильность и обмануть своих друзей. На общем совете было решено выпросить у дикарей две большие пироги будто бы для рыбной ловли на некотором расстоянии от берега, где можно было надеяться на хороший улов. Добродушные дикари охотно предоставили в распоряжение испанцев все свои пироги; пленники воспользовались этим и на следующее же утро уселись в лодки и поплыли, куда хотели. С ними не было никакой клади, так как они не имели никакого имущества; не было даже оружия. Все, что они увезли с собой, это — одежда, которая была на них, да несколько связок съедобных кореньев, из которых дикари делали себе нечто вроде хлеба.

ГЛАВА II

Пребывание на острове. — Рассказ испанца о проделках англичан. — Новый мятеж. — Кровавая ссора. — Западня. — Притворная покорность. — Ложное предположение. — Битва дикарей. — Три пленника. — Судебное разбирательство. — Действия губернатора. — Интересный обмен. — Лотерея. — Роковое любопытство. — Горящие хижины. — Ужас дикарей. — Три новых пленника. — Новый набег индейцев. — Ожесточенная погоня. — Индейцы сдаются. — Восстановление хижин.

Мои послы отсутствовали всего три недели, но в это именно время, к их величайшему несчастью, мне и представился случай покинуть остров и оставить на нем трех таких отчаянных, непокорных и бессовестных негодяев, с которыми никто на свете не согласился бы жить добровольно.

Единственным честным поступком со стороны этих бездельников было то, что они по прибытии испанцев на остров отдали мое письмо, накормили их и отвели им помещение, — словом, на этот раз исполнили все мои приказания.

Письмо, оставленное мною для испанцев, содержало в себе ряд инструкций относительно дальнейшего ведения хозяйства на острове: как производить хлеб, разводить коз, собирать и сушить виноград, как обрабатывать землю, делать посуду и так далее. Словом, я дал подробное описание всего, что и как делал сам.

В первое время все было благополучно. Двое из испанцев знали английский язык, поэтому объяснения с моими соотечественниками происходили без всяких затруднений. Матросы на первых порах не только ни в чем не стесняли испанцев, но даже помогали им, чем могли. По предложению англичан, испанцы поселились в моем укреплении. Старший между ними, тот, который являлся теперь главой колонии и все мне объяснял, продолжал с помощью отца Пятницы вести все хозяйство теми способами, которые я указал. Немного погодя англичане перестали помогать им, да и вообще начали лениться; они только и делали, что шатались по острову, охотились на попугаев и ловили черепах, которые им очень понравились. Возвращались они домой только для того, чтобы поесть и выспаться.

Испанцы мирились с ленью англичан и были бы довольны, если бы те оставили их в покое, но не прошло и недели, как мои соотечественники, к их стыду, начали задира́ть испанцев. Они напоминали ту собаку, которая лежала на сене, сама не ела и другим не давала. Первые их выходки против испанцев были, впрочем, такого рода, что о них не стоит и говорить; они носили характер простой невоспитанности. Но вскоре матросы начали наступать на испанцев с такой наглостью и дерзостью, что

последние положительно растерялись и не знали, что делать. Испанцам тем обиднее было возмутительное поведение англичан, что они не подавали им ни малейшего повода к такой внезапной враждебности и не могли понять ни цели, ни смысла подобного отношения к себе со стороны людей, которых они не трогали. Положим, тот, от которого я все узнал, мог и приврать для красного словца, потому что являлся обвинителем, но после, когда я сам разобрал дело, оказалось, что он не прибавил ни одного лишнего слова.

Но прежде чем описывать дальнейшие подробности, необходимо пополнить один пробел в моем повествовании. Рассказывая о своем отъезде с острова, я забыл добавить, что в то время, когда наш корабль был готов сняться с якоря, и мы распустили паруса, у нас на борту возникла маленькая ссора, которая постепенно стала разгораться и, наконец, угрожала перейти в новый бунт. Все успокоилось только тогда, когда капитан, собрав всю энергию, силой разогнал спорщиков и приказал заковать в железо двух самых отчаянных из них, бывших заводилами во время первого бунта. Они упорно отказывались подчиняться требованиям капитана, и тот объявил им, что доставит их скованными в Англию и предаст там суду за бунт и намерение овладеть кораблем. Эта угроза подействовала на остальной экипаж в том смысле, что возникло новое желание избавиться от угрожавшего. Некоторые из матросов стали нашептывать товарищам, что они будут очень глупы, если дождутся того, что капитан при первом же удобном случае отдаст их всех в руки английским властям, которые сначала бросят их в тюрьму, а потом, наверное, повесят.

Это дошло до слуха капитана, который пришел ко мне и попросил меня, как человека, внушавшего особенное уважение всему экипажу, пойти с ним и успокоить матросов, уверив их, что если они будут вести себя безукоризненно во все остальное время нашего плаванья, то все их прежние грехи будут прощены и забыты. Я охотно исполнил просьбу капитана и пошел уговаривать матросов. Они поверили, когда я дал честное слово, что ничего худого им не будет сделано, если они сами ни в чем вновь не провинятся. В то же время я посоветовал капитану освободить арестованных бунтовщиков; это также произвело очень хорошее впечатление на весь экипаж.

Эта история заставила нас простоять на якоре всю ночь; кстати, был сильный ветер, который все равно не позволил бы нам выйти в море. К величайшему нашему изумлению утром мы узнали, что оба освобожденные мною матроса убежали в корабельной лодке, захватив с собою два мушкета и другое оружие, а также, по всей вероятности, порох и пули, хотя мы не знали, где они могли достать все это. Предполагая, что они отправились к своим товарищам на мой остров, я тотчас же попросил снарядить большую шлюпку и отправил в ней штурмана с двенадцатью матросами искать беглецов, чтобы привести их назад связанными, если их разыщут. Но шлюпка возвратилась без них. По словам штурмана, беглецы действительно забрались на мой остров, и он издали отлично видел, как они стояли на берегу вместе с тремя другими матросами, оставленными мною там. Когда же шлюпка стала приближаться к берегу, негодяи, вероятно, догадались, в чем дело, и скрылись в лесу. Найти их там не было никакой возможности, и наши посыльные только напрасно потратили бы на это время. Штурман и не стал гоняться за ними по лесу; вместо этого он хотел было проучить всех пятерых негодяев, находившихся теперь на острове, истребив все, что было мною там сделано и оставлено: плантации, жилища и все хозяйственные принадлежности. Таким образом, он обрек бы их на голодную смерть, чего, они,

по его мнению, вполне заслужили. Но затем он обдумал, что и на это потребовалось бы слишком много времени, притом я не давал полномочия ни на что подобное. Поэтому он решил оставить все, как было, и возвратиться назад на борт корабля, захватив с собой только лодку, оставленную беглецами у берега острова. Потом оказалось, что те трое, которые остались на острове по моему распоряжению, были гораздо хуже двух последних, бежавших к ним: попиравав с ними дня два-три, они стали гнать их от себя, находя, что те слишком много съедают и выпивают. Двум глупцам, бежавшим от нас в надежде, что им будет лучше на острове с товарищами, пришлось на коленях вымаливать себе у них кусок хлеба. В это время еще не было испанцев.

В первое время после прибытия последних на остров все пошло вначале хорошо. Человеколюбивые испанцы уговаривали жестокосердых англичан сойтись со своими несчастными товарищами и составить с ними одну семью. Англичане сначала было и послушались, но потом опять выгнали товарищей и ни за что не хотели принять их к себе обратно. Поняв, что они должны надеяться только на труды своих собственных рук, прогнанные удалились на северо-западный берег острова, где было безопаснее от дикарей, обыкновенно пристававших к восточной стороне, и устроили там себе два шалаша. Впоследствии они воздвигли там две хижины, одну для жилья, а другую для склада различных запасов. Испанцы дали им зерно и горох для посева. Огородив участок земли, новые поселенцы принялись обрабатывать его по моему способу. Не жалея ни сил, ни трудов, они понемногу обзавелись всем необходимым для удовлетворения самых насущных потребностей и стали жить довольно сносно. Первый же посев взошел и дал хороший урожай, сравнительно с величиной обработанного и засеянного участка, который, конечно, был невелик за недостатком рабочих рук. Но довольно было и того, что они собрали такое количество хлеба, которое позволило им прокормиться до следующей жатвы.

Один из этих поселенцев служил поваром на корабле и отлично умел готовить супы, пудинги и различные другие блюда из того, что имелось под рукою: из ячменной муки, риса, молока и мяса. Последнее поселенцы добывали себе охотой.

Так и жили они, довольные тем, что имели, в мире и согласии, пока их беспутным соотечественникам не взбрело на ум покуражиться над ними, пользуясь преимуществами своего положения. Явившись к ним, негодяи заявили, что остров принадлежит им, потому что «губернатор», то есть я, отдал этот остров в их полное владение; поэтому никто другой не имеет права быть на нем без их согласия, и что они, как хозяева острова, никому не позволят строить себе дома и разводить что-нибудь на их земле, если им не будут платить за пользования этой землей.

Сперва новые поселенцы подумали, что с ними шутят, и шутя же, пригласили гостей осмотреть их жилища и все хозяйство, сделать оценку всего и сообразно с ней назначить количество арендной платы. При этом один из них со смехом заметил, что раз уважаемые посетители являются в качестве собственников земли, то он надеется, что они, по примеру землевладельцев на материке, продлят им срок аренды за то, что они обрабатывают и культивируют землю и устроили себе на ней постоянное жилище. Чтобы все было сделано «по закону», он предложил пригласить нотариуса.

На это один из посетителей разразился потоком ругани и проклятий и сказал, что он сейчас же покажет, как шутить с ним. Продолжая ругаться на чем свет стоит, он подбежал к костру, разложенному на площадке перед хижинами для варки кушанья, схватил горящую головню и начал ею поджигать одну из хижин. Легкое строе-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ние, наверное, в одну минуту вспыхнуло бы, если бы одному из хозяев не удалось выхватить из рук негодяя головню и потушить ее.

Злодей пришел в страшную ярость и бросился на хозяина с дубиной в руках; хорошо, что тот успел увернуться от удара и спрятаться в хижину, иначе бы ему несдобровать. Видя, что дело плохо, другой хозяин тоже скрылся в хижину. Через минуту оба вновь появились, держа в руках по мушкету. Обиженный бросился на зачинщика ссоры и ударом приклада сбил его с ног прежде, чем успели подбежать остальные два разбойника. Прицелившись в последних, хозяева потребовали, чтобы они ушли, если не желают быть уложенными на месте.

Оскорбители тоже были вооружены, тем не менее, тот из хозяев, который был похрабрее другого, продолжал кричать, что кто не положит оружия, тот немедленно

Прицелившись в негодяев, хозяева потребовали, чтобы они ушли, если не желают быть уложенными на месте.

будет убит. Разбойники не хотели этого делать, но энергия доведенного до отчаяния поселенца так озадачила их, что они вступили с ним в переговоры и согласились, наконец, удалиться. Тот, который получил удар прикладом мушкета, был в таком состоянии, что не мог сам идти, и его увели товарищи.

По моему мнению, поселенцы поступили необдуманно, отпустив негодяев с оружием. Имея на своей стороне нравственный перевес, они непременно должны были обезоружить разбойников и пойти рассказать испанцам, почему именно они так по-

ступили с мерзавцами, которые Бог весть почему напали на них с дикими претензиями и требованиями, да еще вздумали поджечь и убить их.

С этого дня бездельники не давали бедным фермерам ни минуты покоя: они то портили им хлеб на корню, то убивали прирученных ими коз с козлятами, то уносили и уничтожали у них что-нибудь. Было бы слишком долго перечислять все их мелкие гадости. Скажу только, что они в конце концов совсем вывели фермеров из терпения и побудили их решиться вступить с ними при первом же случае в открытую борьбу не на живот, а на смерть.

В один прекрасный день оба честных англичанина, — я буду так называть их в отличие от трех негодяев, — подошли к укреплению, в котором жили вместе с испанцами их противники, и стали вызывать их к себе на посединок. На их вызов откликнулся один из испанцев, которому они и передали свое желание.

Для пояснения дальнейшего нужно сказать, что накануне два испанца встретились в лесу с фермерами, которые в разговоре с ними стали жаловаться им на варварские проделки своих соотечественников, старающихся всеми силами вредить им неизвестно за что. Описав, как негодяи портят их поля, убивают их коз и уничтожают их бедный скarb, они добавили, что если испанцы не заступятся за них и не уймут злодеев, то им, честным труженикам, останется только умереть с голоду, потому что негодяи портят все плоды их тяжелых трудов, которыми они кормятся. Выслушав эти жалобы, испанцы возвратились домой, и когда все сели за ужин, один из них взял на себя смелость сделать выговор трем англичанам, хотя в очень вежливой и деликатной форме. Он только сказал, что удивляется, как могут господа англичане так жестоко поступать со своими соотечественниками, такими спокойными и мирными людьми, не делающими никому вреда и только старающимися оградить себя от нужды своими трудами. Он заключил свою речь замечанием, что, по его мнению, к таким людям можно относиться только с сочувствием и уважением, а никак не мучить их разными способами.

Быстро обернувшись к нему, один из англичан сказал:

— А на кой черт они явились сюда? Их никто не звал, и они не имеют никакого права обрабатывать и застраивать землю, которая им не принадлежит.

— Не умирать же им с голоду, сеньор англичанин, — спокойно возразил испанец.

— Пустьдохнутьс чегохотят, — грубо крикнул англичанин. — Они не имеют права сеять и строиться на чужой земле, вот и весь сказ.

— Чего же вы собственно хотите от них, сеньор? — спросил испанец.

— Мы хотим, черт возьми, чтобы они подчинились нам и работали на нас! — крикнул другой англичанин, стукнув кулаком по столу.

— С какой же стати они будут подчиняться вам и работать на вас? — продолжал испанец. — Вы их не купили, а потому и не вправе смотреть на них, как на рабов.

— Весь остров наш! — кричал второй англичанин. — Губернатор, наш соотечественник, передал остров в наше владение, поэтому никто кроме нас не может здесь распоряжаться.

Произнеся страшное проклятие, он добавил, что непременно сожжет хижины новых поселенцев, так как они построены на его земле и его двух товарищей, и они не хотят поступаться своими правами.

— Если судить по-вашему, сеньор, то выходит, что и мы все должны сделаться вашими рабами, — с легкой улыбкой заметил испанец.

— Да оно так и будет, черт вас побери! — дерзко-вызывающим тоном крикнул англичанин. — Вы в этом очень скоро убедитесь.

И он присовокупил к этому несколько отборных ругательств.

Испанец молча улыбнулся и отвернулся от дерзкого собеседника.

Эта короткая беседа так разгорячила англичан, что они уже готовы были перейти от слов к делу. Один из них — я уверен, что это был Уилл Аткинс, — вскочил и крикнул другому:

— Пойдем, Джек, разделаемся с теми трусами. Сожжем их постройки, и тогда, съешь меня дьявол, если они захотят опять строиться на нашей земле.

Джек и третий англичанин тоже вскочили, схватили свои ружья, пистолеты и сабли и выбежали, бормоча проклятия и угрозы в адрес испанцев. Последним показалось, что англичане разозлились на них только за то, что они заступились за обиженных, и поэтому не придавали особенного значения их угрозам.

Англичане пропадали всю ночь. Где они были и что делали, испанцы не знали. Я думаю, что они сначала пошатались по острову, а потом забрались спать в мою беседку.

Они потом сами показали во время моего дознания, что хотели дожидаться ночи и затем сжечь новых поселенцев в их хижинах или убить их, если тем удастся выскочить из огня. С этим намерением они заснули и крепко проспали до самого утра. Это было очень удивительно, потому что люди, решившиеся на дурное дело, обыкновенно спят плохо.

Как раз в это утро новые поселенцы или фермеры, как я буду их называть, решили пойти и вызвать своих притеснителей на открытый бой. Таким образом случилось, что когда разбойники, наконец, проснулись и подошли к хижинам фермеров, последних уже не было, и сжечь их не удалось. Убедившись в этом, Аткинс, самый отчаянный из трех негодяев, крикнул:

— Эх, гнезда-то тут, а птички уже улетели, черт их задави!

Злодеи остановились и стали обсуждать, куда бы так рано могли уйти фермеры. После долгих горячих споров, они, наконец, пришли к заключению, что испанцы предупредили фермеров об угрожающей им опасности, и те убежали. Эта догадка привела их в ярость. Покаявшись страшно отомстить испанцам за вмешательство в их деле, они с бешенством принялись разрушать хижины фермеров и не оставили от них даже щепок. Вместе с тем они переломали и перебили всю домашнюю утварь, а некоторые вещи раскидали в разные стороны, так что потом злополучным фермерам стоило большого труда все это разыскать. Не удовольствовавшись этим, разбойники вырвали с корнем все молодые деревья, с таким трудом посаженные, растаскали изгороди и заборы вокруг полей и загонов и потоптали все посевы. Словом, они так основательно все уничтожили, что им в этом случае могла бы позавидовать орда диких татар.

Не предчувствуя того, что делают с их имуществом, бедные фермеры искали своих противников, твердо решившись поколотить их. Несмотря на то, что их было трое; они надеялись на свою силу и правоту. Наверное, произошло бы сильное кровопролитие, если бы само Провидение не помешало этой роковой встрече.

В то время, когда злодеи пришли к фермам, владельцы последних уже ушли в укрепление; возвратились же они назад только тогда, когда первые сделали свое дело и с торжеством удалились.

Из последующего ясно будет видна разница в характерах угнетателей и угнетенных. Первые возвратились домой с видом разъяренных зверей. Опьяненные своей

легкой победой, они нагло, с диким хохотом и грубой руганью, стали хвастаться своими подвигами перед испанцами. Один из них, точно уличный мальчишка, подбежал к испанцу, сорвал и опять нахлобучил ему на голову шляпу и, дразня его языком, вертелся перед ним бесом, а потом крикнул ему прямо в лицо:

— И ты, сеньор испанец, попробуешь того же самого соуса, которым мы угостили непрошенных соседей, если не уймешься!

Высокий испанец, человек хотя и очень тихий, скромный и вежливый, но смелый и храбрый, с высоты своего роста пристально посмотрел в глаза маленькому англичанину, затем развернулся и так хватил его кулаком по голове, что тот повалился на землю, как вол, пораженный обухом. Испанец был без всякого оружия; другой англичанин выстрелил в него из пистолета. Пуля прошла испанцу по волосам, задев правое ухо, из которого заструилась кровь.

Высокий испанец так хватил англичанина кулаком по голове, что тот повалился на землю, как вол, пораженный обухом.

Заметив у себя кровь и полагая, что он сильно ранен, испанец вышел из себя, вырвал из рук упавшего на землю ружье и прицелился в того, который в него выстрелил. В это время прибежали другие испанцы и убедили товарища не стрелять, говоря, что лучше схватить и обезоружить англичан. Так и было сделано.

Когда англичане увидели, что им не справиться с испанцами и что они нажили в них новых врагов, вдобавок к своим так обиженным соотечественникам, они сразу присмирели и с униженным видом стали просить испанцев возвратить им оружие. Но испанцы, узнав их дикий нрав, не решились исполнить их просьбу, опасаясь не за себя, а за бедных фермеров, против которых эти негодяи поднимут оружие. Однако, не желая по своему благородству и человеколюбию злоупотреблять своей си-

лой, испанцы объявили англичанам, что они готовы простить их и по-прежнему жить с ними, если те будут вести себя, как следует порядочным людям. Относительно же оружия они добавили, что простое благоразумие требует отбирать оружие у людей, готовых убить ни за что, ни про что своих соотечественников, и, кроме того, угрожающих сделать своими рабами даже их самих, испанцев.

Но негодяи были не только неспособны к благоразумным действиям, но и выслушивать голос благоразумия, и поэтому, получив отказ в выдаче оружия, убежали как бешеные, крича, что сумеют справиться с испанцами и без оружия. Испанцы крикнули им вдогонку, что если они осмелятся тронуть их посевы, скот и вообще нанести им какой-нибудь вред, то будут повешены, как только попадутся к ним в руки. Англичане скрылись с новыми угрозами и ругательствами.

Едва закончилась эта сцена, как к укреплению подошли два других англичанина, тоже возбужденные, но, тем не менее, сдержанные. Они уже успели побывать на своих фермах и убедились в своем полном разорении. Можно представить себе, что должны были чувствовать эти несчастные люди!

Испанцы и фермеры так спешили рассказать друг другу о случившемся, что едва могли понять друг друга. Наконец, они разобрались в своих сообщениях и стали обсуждать, что им теперь делать.

Англичане удивлялись тому, что трое малорослых и сравнительно слабых людей могли решиться восстать против девятнадцати таких молодцов, какими являлись рослые, сильные и ловкие испанцы. Отняв у бунтовщиков оружие, испанцы совершенно успокоились и только подсмеивались над их угрозами. Фермеры говорили, что они непременно отомстят своим разорителям, но испанцы объявили им, что не позволят преследовать с оружием в руках людей, которые хотя и негодяи, но лишены возможности защищаться. Прямого убийства, добавили испанцы, они допустить не могут.

— Но, — продолжал тот испанец, который был главой поселенцев, — если вы положитесь на нас, то мы постараемся уладить дело. Когда разбойники поостынут, то не замедлят вернуться к нам, потому что им больше некуда деться и без нашей помощи не прожить. Тогда обещаю вам, что мы не сойдемся опять с ними до тех пор, пока они не обязуются дать вам полное удовлетворение. Надеюсь, что и вы за это, со своей стороны, дадите нам обещание прибегать относительно этих людей к оружию только в случае самозащиты, а не ради мести.

Англичане, хотя и неохотно, но уступили воле испанцев. Последние торжественно заявили, что вполне сочувствуют потерпевшим, но считают своим долгом предотвращать кровопролития и постараются, чтобы все обошлось мирным путем.

— Нас тут немного на острове, — говорили они. — Места для всех гораздо больше, чем нужно, так почему же нам не жить в дружбе и согласии?

Поскольку фермы были уничтожены и несчастные их владельцы остались без крова, испанцы предложили им остаться у них в ожидании дальнейших событий.

Дней через пять старший испанец встретил в лесу около бухты трех убежавших из укрепления англичан. Они все время питались только черепашьими яйцами, поэтому были голодны и, видимо, сильно утомлены своим бродяжничеством. В это время испанца догнали двое его товарищей, оставших было от него. Англичане подошли и стали униженно кланяться и просить, чтобы их снова приняли в укрепление. Испанцы мягко ответили им, что они не знают, как поступить с людьми, которые

так бесчеловечно обошлись со своими соотечественниками, и, вдобавок, так дерзко и грубо отнеслись к ним самим. Поэтому они одни не могут ничего решить, но посоветуются с остальными своими товарищами и с обиженными фермерами и тогда дадут им ответ. Разумеется, голодные бунтовщики на все согласились и только умоляли пока прислать им немного хлеба. Испанцы прислали им хлеба, большой кусок жареной козлятины и вареного попугая. Все это в несколько минут исчезло в пустых желудках мятежников.

После получасового совещания испанцы пригласили англичан в укрепление. Когда бунтовщики вошли в пещеру, в которой происходило совещание, поднялись бес-

Англичане подошли и стали униженно кланяться и просить, чтобы их снова приняли в укрепление.

конечные споры и переговоры. Фермеры обвиняли своих соотечественников в том, что те уничтожили все плоды их долгих и тяжелых трудов и даже покушались на их жизнь. Разбойники не могли, конечно, опровергнуть этого обвинения, но кричали и спорили, уверяя, что фермеры вывели их из себя своими насмешками. Фермеры, в свою очередь, оправдывались. Действуя в качестве посредников, испанцы объявили бунтовавшим, что фермеры обязались, дав честное слово, не мстить своим обидчикам и вообще не причинять им никакого вреда. За это они, посредники, требуют от обидчиков, чтобы те на месте разрушенных ими хижин выстроили две новые — одну большую, другую поменьше, — возобновили изгороди и заборы, посадили вместо вырванных ими деревьев новые, вскопали поле для посева, — словом, по возможности, привели фермы в тот вид, в каком они были до разрушения. Для посадки деревьев и для посевов время уже прошло, а потому этим делом было решено заняться уже после всех остальных.

Бунтовавшие согласились на все эти требования. За это испанцы вновь приняли их к себе и стали по-прежнему их кормить. Таким образом в этой маленькой общине на некоторое время снова водворился мир. Испанцы дали провинившимся несколько дней на отдых после их бродяжничества. Но по прошествии этого срока сорванцы отлынивали от работы. Они не привыкли к регулярной деятельности, любили понежиться и поразвлечься, если не буйством, то разными пустяками, приличными разве только невоспитанным мальчишкам, а не зрелым людям. Понимая их натуру и характер, великодушные испанцы сказали им, что готовы работать вместо них, лишь бы господа англичане жили мирно и относились ко всем по-товарищески. Англичане не заставили повторять себе это два раза и продолжали шалопайничать, однако, никого не задевая.

Так прошло два месяца. Полагая, что англичане совсем успокоились, испанцы возвратили им оружие и вообще предоставили полнейшую свободу. Однако не прошло после этого и недели, как неблагодарные негодяи пустились на такие грубые, наглые и омерзительные проделки, что совершенно поставили в тупик благородных испанцев. Но в это время случилось происшествие, которое угрожало опасностью всей колонии и заставило поселенцев забыть личные счеты и думать лишь об общей безопасности.

Как-то раз ночью испанский губернатор — как я называл того важного испанца, которому спас жизнь — вдруг почувствовал себя дурно и не мог заснуть. Он собственноручно ничем не страдал телесно, но дух его был неспокоен. Ему досаждали разные тревожные мысли, представлялись всевозможные ужасы, слышался шум сражения, крики, предсмертные стоны, — словом, его воображение так разыгралось и представляло такие трагические темы, что он, несмотря на все усилия, не мог успокоиться и забыться сном. Прележав несколько часов в таком мучительном состоянии, он, наконец, встал. Испанцы спали не на койках, как это делал я, а прямо на полу, на подстиках из козих шкур, заменявших им тюфяки. Я был один, и потому мне легче было обзавестись койкой, чем им всем. Но дело не в этом. Я, собственно, хотел сказать, что с полу проще встать, чем с койки. Нужно только подняться на ноги, и, если накинешь на себя что-нибудь, то и ступай куда хочешь. С койкой же гораздо труднее расстаться. Итак, испанец встал и выглянул наружу. Но в темноте он ничего не мог рассмотреть, кроме неясных очертаний деревьев да синевшего сверху неба, усыпанного крупными звездами. Слух его тоже ничего не уловил, кроме шепота листьев да отдаленных криков какой-то ночной птицы. Постояв немного в проеме открытых дверей, он вернулся в шалаш, снова растянулся на своем жестком ложе, и стал употреблять все усилия, чтобы заснуть. Однако мрачные мысли не переставали его преследовать, и сон бежал от него.

В то время, когда он вставал и выходил, он что-то задел и произвел шум, от которого проснулся один из его товарищей. На вопрос этого товарища, кто тут ходит, губернатор отозвался и рассказал, что его тревожит. Выслушав его, товарищ заметил:

— Это предчувствие, которым нельзя пренебрегать. Наверное, готовится какое-нибудь несчастье... Где англичане?

— Где же им быть, как не в своих хижинах, — ответил губернатор.

Находя неудобным держать буянов у себя в главном помещении, испанцы отделили их от себя, поселив в ограде в нарочно выстроенных для них хижинах.

— Да, — продолжал второй испанец, — я уверен, что это у вас предчувствие; со мной тоже бывали случаи такого рода. Мне кажется, что душа человека может кон-

тактировать с бесплотными существами, населяющими невидимый мир. Они-то и внушают нам то, что мы называем предчувствием, и что, собственно, не что иное, как дружеское предостережение с их стороны, поэтому пренебрегать им не следует. Пойдемте и осмотрим окрестности, и если мы не встретим ничего подозрительного, то я расскажу вам историю о предчувствиях; и из этого моего рассказа вы убедитесь, что предчувствия являются не даром.

Оба вышли и взобрались на вершину той горы, которая когда-то служила мне для производства наблюдений. Они больше полагались на свою силу, чем тогда по-

лагался я, будучи на их месте, и потому не приняли тех предосторожностей, без которых я никогда не решал-

Они, к величайшему своему изумлению, увидели огонь и услышали голоса, указывавшие на присутствие неподалеку множества людей.

гой, отлогой стороны. Через несколько шагов они, к величайшему своему изумлению, увидели огонь и услышали голоса, указывавшие на присутствие неподалеку множества людей.

Находясь на этом острове, я всегда заботился о том, чтобы не подать пристававшим к нему дикарям ни малейшего намёка на мое существование, а когда случай заставлял меня показываться им, я принимал все меры, чтобы они не могли ни причинить мне вреда, ни сообщить кому-нибудь обо мне. Только трое из видевших меня

ся подниматься на гору. Так, например, они не взяли с собой лестницу, чтобы с помощью ее подняться по площадкам горы, как это делал я, а пошли кругом, через лес, окружавший укрепление, чтобы подняться на гору с дру-

ускользнули, спасшись бегством в пироге, и я все время, до самого своего отъезда, боялся, что они соберут большую силу и с ней возвратятся на остров. И вот, как рассказывал мне испанский губернатор, в эту ночь явилась огромная толпа дикарей, вероятно, тоже с целью совершения своего кровавого пиршества, а быть может и потому, что трое дикарей, ускользнувших из моих рук, рассказали своим товарищам, что остров обитаем, и побудили их отправиться на него и самим убедиться в этом.

Как бы там ни было, но испанцам не следовало бы показываться дикарям, а если уж они нечаянно наткнулись на них, то не нужно было давать им опомниться, а произвести на них дружное нападение и сделать так, чтобы ни один из дикарей не мог ускользнуть. Для этого необходимо было бы преградить им путь к пирогам. Но испанцы не догадались сделать ничего подобного, и эта опрометчивость надолго лишила их спокойствия и безопасности.

Пораженные видом дикарей, в громадном числе сидевших на берегу вокруг костра, разведчики бросились домой, разбудили остальных испанцев и англичан и сообщили им о своем неожиданном открытии.

Пока было темно, большой опасности не было, потому что дикари не могли видеть притаившихся за деревьями испанцев, тогда как последние, напротив, отлично видели дикарей, благодаря огню костра, и следили за всеми их движениями.

Не понимая, с какой целью явились дикари, испанцы не знали, на что им решиться. Делая свои наблюдения, они убедились, что дикарей не только очень много, но что они расположились отдельными группами, между которыми было довольно большое расстояние, и это было всего ужаснее.

Рассмотрев все это, испанцы были сильно смущены. Они, между прочим, увидели, что некоторые из дикарей бродят по всем направлениям по острову, и боялись, что те, того и гляди, обнаружат их жилище, или найдут что-нибудь, доказывавшее присутствие на острове белых людей. Особенно их пугала мысль, что дикари могут напасть на коз и потребить их, а это было бы страшной потерей для поселенцев. Во избежание такого несчастья, испанцы послали двух своих товарищей и одного англичанина загнать коз в большую долину, где находилась пещера и куда в случае необходимости можно было их запереть. Вместе с тем испанцы решили, что нападут на дикарей, когда те соберутся к своим лодкам, чтобы отправиться в обратный путь. Поселенцы надеялись справиться с дикарями, если бы их была даже целая сотня. Однако потом они увидели, что дикари едва ли соберутся вместе, потому что вдали оказались новые их группы, отделенные от первых еще большим расстоянием. По всей вероятности, все эти дикари принадлежали к различным племенам.

После долгих совещаний о том, что предпринять, испанцы, взвесив все обстоятельства, остановились на следующем: они решили отправить в качестве лазутчика старого дикаря, то есть отца Пятницы, с поручением узнать все, что можно о непрошенных гостях, главным же образом — цель их появления на острове. Честный и добрый старик, сильно привязанный к испанцам, которые обращались с ним очень гуманно, с полной готовностью принял на себя это поручение. Раздевшись донага, чтобы не возбудить в неприятелях подозрения в случае, если бы он попался им в руки, он торопливо ушел.

Часа через два старик возвратился и передал испанцам все, что видел и слышал, оставаясь, между тем, сам незамеченным пришельцами. Насколько он мог понять из своих наблюдений, на остров прибыли два племени дикарей; и эти племена вели меж-

ду собой ожесточенную войну. Они где-то вступили в стычку, набрали с обеих сторон пленных и привезли их сюда, чтобы зарезать и съесть. Здесь враги совершенно случайно столкнулись. Это неожиданное столкновение заставило их отложить на время свое кровавое пиршество для того, чтобы вступить в новое сражение. Оба племени все ближе и ближе подвигаются одно к другому, и можно ожидать, что скоро у них произойдет отчаянная схватка. При этом лазутчик присовокупил, что дикари не подозревали о существовании на острове каких-либо обитателей.

Едва он окончил свой рассказ, как страшные крики возвестили, что дикари уже вступили в кровавый бой.

Старый дикарь горячо убеждал испанцев сидеть в засаде и не показываться воюющим. Он доказывал, что от этого зависит их общее спасение и что если они не тронутся с места, то не привлекут к себе внимание дикарей, которые подерутся-подерутся между собою да и уберутся с острова.

Наверное, так и случилось бы, как говорил отец Пятницы; но поселенцы никак не могли спокойно усидеть на месте, особенно англичане, которых мучило любопытство: они во что бы то ни стало хотели видеть битву дикарей. Не слушая никаких увещаний, они потихоньку проползли вперед и засели в одном месте, где надеялись остаться незамеченными, между тем как сами могли видеть все, что их интересовало.

По словам этих англичан битва между дикарями была упорной и жестокой. Большинство из них отличалось изумительной храбростью, редким воодушевлением и выказывало замечательное искусство в ведении битвы.

Только после двухчасового сражения можно было понять, на чьей стороне будет победа. Прошло еще немного времени, и ряды одной из армий дрогнули, смешались, затем в беспорядке начали отступать и, наконец, обратились в бегство. Испанцы испугались, опасаясь, как бы беглецы не забрались в лес, окружавший укрепление, и не нашли бы их поселок. В погоне за ними туда могли попасть и преследователи. Учитывая это, испанцы решили возвратиться в укрепление и с оружием в руках ожидать там дикарей; когда же они появятся, совершить на них натиск и перебить по возможности всех, не щадя никого. Чтобы не привлекать звуками выстрелов остальных дикарей, решено было пускать в ход только холодное оружие и приклады ружей. Могло ведь случиться, что преследователи сами не нападут на след беглецов, а будут привлечены именно выстрелами поселенцев.

Так и вышло, как думали испанцы. Трое дикарей из рядов пораженной армии переплыли через бухточку и бросились в лес, представлявший для них надежное убежище. Отец Пятницы, снова посланный поселенцами на разведку, возвратился в укрепление с донесением, что три беглеца забрались в лес, но он не заметил, чтобы кто-нибудь за ними гнался. Губернатор, человек крайне добрый и сострадательный, нашел, что убивать понапрасну этих беглецов не следует, нужно только захватить их в плен, чтобы они не могли навредить поселенцам. С этой целью он послал несколько колонистов перерезать беглецам путь и, отняв у них оружие, связать их. Приказание его было исполнено в точности: троих дикарей захватили и обезоружили. Прочие беглецы, как потом донес отец Пятницы, успели добраться до своих пирог и отчалить от острова прежде, чем их преследователи добежали до берега. Победители не стали преследовать их дальше. Собравшись на берегу, они ограничились только тем, что испустили торжествующий рев и, размахивая по воздуху оружием, с дикими кривляниями потоптались на месте, очевидно, выражая этим свою радость по поводу победы. Через некоторое время они на-

правились к своим лодкам, уселись в них и тоже удалились. Тем все и кончилось. Испанцы успокоились, увидев, что страшная опасность благополучно миновала, и все пошло по-старому. Несколько лет дикири вовсе не показывались на острове.

Узнав от отца Пятницы, что дикири покинули остров, поселенцы утром вышли из укрепления и отправились осматривать поле сражения. Там они нашли тридцать два человека, убитых частью длинными стрелами, торчавшими в трупах, а частью тяжелыми деревянными мечами. Тут же валялось множество стрел, луков и мечей. Все мечи были сделаны очень грубо, отличались большими размерами и такой тяжестью, что нужно было обладать геркулесовской силой, чтобы владеть ими. У убитых такими мечами головы были раскрыты до мозга, а руки и ноги совершенно перебиты. Мозг и кровь виднелись повсюду. Сразу было видно, что дикири бьются со страшным остервенением. Раненых не было вовсе. Дикири вообще редко оставляют раненых, — они или добывают их, или забирают в плен, чтобы потом съесть.

Описанное событие надолго усмирило трех буйных англичан. Они видели весь ход сражения между дикарями, и это ужасное зрелище заставило забиться тревогой даже их грубые, зачерствелые сердца. Видя с каким ожесточением дерутся дикири, англичане поняли, что их ожидало, в случае, если бы дикири овладели островом. Попасть в руки дикарей значило не только быть убитыми самым ужасным образом, но и послужить пищей победителям; эта мысль более всего смущала англичан в то время, когда они смотрели на беспощадное истребление друг друга сражавшимися. Они потом сами признались мне, что в течение нескольких недель не могли отделаться от страха при одном только представлении о возможности быть съеденными хотя бы и после смерти, подобно быкам или баранам.

Повторяю, происшествие это надолго укротило буйных и задорных англичан; оно дало им понять, что если бы они остались на острове одни без испанцев, то легко могли бы сделаться жертвами дикарей. Сознание этого сделало то, что сорванцы на время превратились в кротких и послушных людей и даже принялись усердно работать. Они начали обрабатывать испорченные ими же поля и огороды фермеров, сажать деревья, устраивать изгороди и вообще делать все, что было нужно для восстановления хозяйства фермеров. К несчастью, у них не хватило сил навсегда удержаться в роли порядочных людей; мало-помалу они опять принялись за свои прежние проделки, за которые, в конце концов, им самим пришлось сильно пострадать.

Испанцы, умиротворенные образцовым поведением англичан, снова дружески сошлись с ними. Видя, что те серьезно взялись за дело, они даже отдали в их распоряжение тех трех дикарей, которые, как я уже говорил, были взяты в плен. Пленники были люди молодые, здоровые и сильные. Англичане сейчас же сделали их своими рабами и заставили работать на себя. Дикири безропотно исполняли все, что от них требовалось. Но англичане обращались с ними не так, как я обращался с Пятницей. Они не старались, прежде всего, внушить им к себе чувство благодарности за то, что им спасли жизнь, а потом, сделавшись на основании чувства авторитетом для дикарей, не объясняли им разумной цели жизни и не направляли их понемногу на путь истинной религии; не старались мягким обращением укрощать их нрав, не развивали их умственных способностей. Напротив, они смотрели на дикарей только как на вьючных животных, обременяли их работой, кое-как кормили и нисколько не заботились о них. Понятно, что при подобном отношении англичан к пленникам последние не могли так привя-

заться к ним, как был привязан ко мне всей душой, всем сердцем и всеми помыслами Пятница, и что в случае надобности они не захотят постоять за своих хозяев.

Но возвратимся опять к главной нити моего рассказа. Я уже сказал, что общая опасность заставила всех членов маленькой общины на острове тесно сплотиться и забыть все свои раздоры и несогласия. Обсуждая сообща последнее событие, поселенцы пришли к заключению, что дикари, быть может, будут делать частые набеги на остров и именно с той стороны, где находилось укрепление, и что поэтому следует перебраться на другое, более удаленное от берега и безопасное место, на котором можно было бы устроиться по возможности удобнее.

Однако, после долгих обсуждений, колонисты решили не переменять места жительства ввиду того, что я рано или поздно захочу или сам приехать к ним, или кого-нибудь пришлю посмотреть на их житье-бытье. По их соображениям выходило, что если я или мои посланные найдем укрепление необитаемым и вдобавок разрушенным, — а это обязательно должно было случиться, если бы его перестали поддерживать, — то мы подумаем, что остров посещали дикари и всех поселенцев перебили или увели в плен. В виду этого и хорошо известной мне возможности набега дикарей на остров, моя экспедиция могла бы уйти назад, если бы увидела заброшенное укрепление; ей и в голову бы не пришло отыскивать колонистов на другой оконечности острова. Вот почему они и оставили мысль о переселении. Но, оставаясь сами жить на старом месте, они решили перевести свое стадо в ту равнину, где находилась пещера, и обработать там землю для посевов, пользуясь тем, что почва в том месте была гораздо плодороднее, чем на берегу; кроме того, туда не так легко было пробраться посторонним.

Однако после новых совещаний был изменен и этот план. Колонисты нашли лучшим перевести в долину часть своего стада и сделать там только половину посевов, а другую часть стада и посева оставить на прежних местах их того расчета, что если в одном месте все пропадет, зато уцелеет в другом.

Не доверяя пленным дикарям, поселенцы решили, что от них следует скрыть не только это их намерение, но и его выполнение, и не давать им заметить существование другой плантации, чтобы они, в случае чего, не могли указать ее своим единоплеменникам. В том месте существовало подземелье, которое всегда служило мне верным убежищем во время опасности; оно могло служить для этой цели и колонистам, если только никто посторонний не будет знать о нем. Испанцы это знали и позаботились перенести в подземелье две бочки пороха, которые я им оставил, покидая остров.

Хорошо понимая, что чем тщательнее будет скрыто от взоров непрошенных посетителей их укрепление, тем более они будут гарантированы от опасности, поселенцы нашли нужным, по моему примеру, прибавить новые посадки деревьев к тем, которые уже существовали вокруг укрепления.

Все пространство, остававшееся свободным между укреплением и бухтою, было засажено новыми деревьями или, вернее, кольями, которые потом уже превратились в деревья. Кроме того колонисты засадили этими кольями и весь берег, вплоть до самой воды, так что через несколько лет там сделалось невозможно высадиться на землю, и от моей прежней пристани не осталось и следа.

Я уже говорил, как быстро принимались и разрастались обтесанные в виде кольев сучья дерева, похожего на иву. Не прошло и трех лет, как новые посадки колонистов образовали непроницаемую живую стену, на далекое расстояние загораживавшую от посторонних взоров всю береговую плантацию. Те деревья, которые были посажены

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

еще мной, к этому времени сделались толщиной почти в два обхвата, а новые быстро разрослись в такую чащу, что путь сквозь нее приходилось прочищать топорами. Даже кошка не могла бы легко продаться сквозь этот лес.

Но это еще не все. Поселенцы, кроме того, насадили деревьев по склонам горы, под которой стояло укрепление, до самой ее вершины, оставив только небольшой промежуток для лестницы, по которой они иногда взбирались наверх для наблюдений. Как читатель вероятно, помнит, эта лестница, устроенная еще мной, была переносной. Когда она поднималась, подняться на гору и спуститься с нее в этом месте могла бы разве только птица.

Последствия доказали, что эта предосторожность, принятая испанцами, не была излишней. Здесь я вижу ясное указание на то, что Провидение не только требует благоразумия со стороны человека, но и само внушает его. Если бы мы всегда прислушивались к голосу разума, божественное происхождение которого несомненно, то избавились бы от множества бедствий, обуславливаемых единственно нашим пренебрежением к этому голосу. Заметив это, так сказать, мимоходом, снова возвращаюсь к сути своего повествования.

Прошло два года, в течение которых колонисты спокойно жили в своем уединении, не тревожимые появлением дикарей. Только раз они были сильно напуганы. Несколько испанцев однажды утром ходили на западную оконечность острова, где я избегал бывать из опасения быть открытым. Там, к немалому своему смущению, они увидели штук двадцать пирога, направлявшихся прямо к берегу. Поспешив тотчас же домой, испанцы сообщили товарищам о виденном. Весь этот день и часть следующего поселенцы сидели в укреплении, не выпуская из рук оружия; только ночью они делали вылазки для наблюдения за дикарями. К их счастью, на этот раз все ограничилось одним страхом: дикари не высаживались на берег, а только половили около него чего-то в воде и потом отправились назад.

Они увидели штук двадцать пирога, направлявшихся прямо к берегу.

Вслед за тем вскоре начались новые неприятности со стороны трех негодных англичан. Как-то раз один из них разъярился на своего невольника, что-то не так сделавшего или не так на него взглянувшего. Англичанин бросился на него с топором, с намерением раскроить ему голову, но попал несчастному дикарю только в плечо, потому что тот успел отклонить голову в сторону. Находившийся поблизости испанец сейчас же подбежал и стал между рассвирепевшим англичанином и его жертвой, чтобы помешать убийству.

Испанец сейчас же побежал и стал между рассвирепевшим англичанином и его жертвой, чтобы помешать убийству.

Это еще более раздражило англичанина. Схватив испанца одною рукою за горло, другой он замахнулся на него топором, крича с пеною у рта, что его-то уж он точно уложит сразу. Испанец одним ловким движением вырвался и ударом заступа, которым только что копал землю, свалил с ног разъяренного негодяя. Тут подбежал второй англичанин на помощь к товарищу и, в свою очередь, сбил с ног испанца. На шум явились еще два испанца и третий англичанин. Только у одного из англичан оказался на боку мой старый тесак, а у остальных не было ничего в руках, кроме земледельческих орудий. Двое испанцев были ранены этим тесаком. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не подоспели остальные испанцы уже с оружием и не связали буйных англичан.

Когда дальнейшее кровопролитие, таким образом, было остановлено, возник вопрос, что делать теперь с этими тремя негодями. Они уже столько раз буйствовали и натворили такое множество гадостей, и сейчас опять показали, что, в сущности, они нисколько не изменились и всегда готовы на новую пакость, так что нужно же было,

наконец, раз и навсегда укротить их. Надеяться на их коренное исправление мирным путем, очевидно, было нечего. Но что же, в самом деле, предпринять для того, чтобы лишить их возможности вредить другим, и вместе с тем не погубить окончательно их самих?

Испанец, которого я называю губернатором, несмотря на свою мягкость, был сильно возмущен только что разыгравшейся сценой. Он уверял меня, что если бы эти негодяи были его соотечественниками, то он без малейшего колебания приказал бы повесить их, как глава общины, обязанный охранять ее безопасность и ради этого удалять из нее вредных членов. Но так как эти негодные люди были англичанами, а он и все его товарищи обязаны спасением своей жизни англичанину, то он, губернатор, нашел нужным отнестись к преступникам по возможности снисходительно и отдать их на суд их собственных соотечественников, фермеров, тоже не раз обиженных ими. Последние настолько благородны, что не захотят воспользоваться случаем отомстить своим обидчикам, а будут судить их совершенно беспристрастно, руководствуясь одной справедливостью.

Один из фермеров стал убедительно просить избавить его и товарища от этой тяжелой обязанности.

— Если судить этих молодцов по справедливости, то и мы должны приговорить их к виселице, — говорил он.

В объяснение этих слов он передал кое-что, чего раньше не хотел говорить, а именно, что один из этих трех бездельников, Уилл Аткинс, предлагал ему и его товарищу соединиться всем вместе и перебить всех испанцев во время их сна.

Услышав это, губернатор обратился к Уиллу Аткинсу и спросил его:

— Так вы, сеньор Аткинс, задумали нас всех убить? Что вы имеете сказать против этого обвинения?

Закоренелый негодяй, громко расхохотавшись, нагло ответил, что он даже не находит нужным скрывать своего намерения и добавил, что пусть он и его товарищи будут прокляты, если они не выполнят этого намерения.

— Хорошо, сеньор Аткинс, — спокойно произнес губернатор. — Но скажите, пожалуйста, за что же именно вы хотите нас убить и, потом, что вы выиграете этим преступлением? Что нам сделать, чтобы предупредить это убийство? Должны ли мы позволить вам зарезать себя, как стадо беззащитных баранов, или, в свою очередь, убить вас ради собственной защиты? С какой целью вы ставите нас в такое затруднительное положение, сеньор Аткинс?

Воображая, что испанец смеется над ним, Аткинс пришел к бешенству и закричал, что если бы он не был связан по рукам и ногам и у него не было бы отнято оружие, то он тут же при всех уложил бы на месте дурака испанца, который воображает себя губернатором острова. Эта новая дерзость заставила всех призадуматься. Она еще раз доказала, что этот неисправимый человек готов на все, и что шутить с ним нельзя. Фермеры и тот испанец, который первый заступился за бедного невольника, высказали мнение, что Уилла Аткинса непременно следует повесить в назидание его товарищам.

— Он, — говорили они, — вполне заслужил эту казнь, так как между прочими своими злодеяниями два раза поднимал оружие на других. Хорошо, что ему не удалось убить ни своего невольника, ни испанца, но все-таки он хотел это сделать.

Оказалось, что несчастный дикарь был очень опасно ранен, так что трудно было надеяться на его выздоровление; он действительно чуть не умер.

Но губернатор возразил на это, что он никогда не согласится предать смерти англичанина, если бы даже тот истребил половину его соотечественников и смертельно ранил его самого. Умирая от руки Уилла Аткинса или другого англичанина, он все-таки попросил бы помиловать своего убийцу.

Это было сказано так настойчиво и решительно, что никто не решился противоречить. Милостивое решение, выраженное так горячо и убедительно, всегда берет верх при совещаниях подобного рода, поэтому остальные испанцы и оба фермера невольно сдались на слова губернатора. Но необходимо было придумать средство обезопасить себя от преступных намерений злодеев. Дать им опять волю после всего, что они сделали, — значило бы прямо отдаться им в руки.

После долгих совещаний было решено отобрать у англичан оружие, как огнестрельное, так и холодное, изгнать их из укрепления и совсем отрешить от общины, предоставив им только право поселиться на острове, где им будет угодно, и добывать себе хлеб собственными руками; постановить, чтобы никто из испанцев или фермеров не имел с ними никаких сношений, даже не вступал с ними в разговор; запретить трем изгнанникам подходить к поселку остальных колонистов ближе известного расстояния. Кроме того было решено, что если кто-либо из прогнанных будет замечен в грабеже, поджоге или в намерении уничтожить посевы, разрушить какую-нибудь постройку, сломать изгородь, увести или убить животных, принадлежащих общине, или, вообще, будет уличен в намерении нанести какой бы то ни было ущерб остальным колонистам, то виновный будет без всякой пощады казнен на месте преступления.

По своему крайнему человеколюбию, губернатор долго раздумывал, прежде чем утвердить этот приговор. Наконец, он поднял опущенную голову и сказал, обратившись к фермерам:

— Прошу вас принять во внимание, что пока изгнанники заведут себе хотя бы коз и будут сами добывать хлеб, пройдет много времени. Чем же они будут жить до тех пор? Нельзя же дать им умереть с голоду! Изгоняя их из своей общины, мы обязаны снабдить их всем необходимым для обзаведения собственным хозяйством.

В дальнейших доводах он настоял на том, чтобы изгнанникам было выдано зерна для посева и для пропитания на восемь месяцев, кроме того, было дано несколько дойных коз, четыре козла, и шесть козлят. Что же касается земледельческих орудий, то было решено выдать им шесть топоров, тесало, пилу, несколько заступов, лопат и тому подобное. Однако все это постановлено было выдать изгнанникам только под тем условием, чтобы они в свою очередь торжественно поклялись не причинять ни малейшего вреда ни испанцам, ни своим мирным и честным соотечественникам и ничем не задевать их.

При таких вот условиях колонисты и решили изгнать из своего общества трех разбойников и предоставить их собственным силам. Но те, видимо, остались довольны этим, в сущности, очень гуманным решением. Они делали такие лица и глаза, точно тут же были готовы съесть своих судей, и долгое время упорно отказывались дать требуемую клятву. Но так как для них не оставалось другого исхода, потому что сила была не на их стороне, то они, наконец, сдались, пробормотали требуемую клятву и попросили развязать их, чтобы они сейчас же могли пойти и выбрать себе место для поселка. Их освободили и отпустили, дав им с собой немного провизии.

Дня через четыре они пришли просить еще провизии и объявили губернатору, что выбрали место, где поселиться, и уже разбили себе там две палатки. Испанцы ос-

моторели это место и говорили, что оно было выбрано очень удачно и вполне удобно для поселка. Место это находилось на самой северо-восточной оконечности острова, недалеко от того берега, к которому я пристал в тот раз, когда хотел объехать вокруг острова и меня чуть было не вынесло в открытое море.

Взамен палаток англичане потом выстроили себе у подножия холма две хороших хижин и прибавили к росшим уже там деревьям новые посадки, так чтобы со временем их поселок тоже был совершенно скрыт в лесу, как укрепление, устроенное мной.

Изгнанники попросили испанцев дать им козых шкур для устройства постелей. Великодушные испанцы дали им не только просимые шкуры, но и еще разные орудия, без которых можно было бы даже обойтись; сверх того они отсыпали им горох, ячмень и рис. Таким образом у изгнанников ни в чем не было недостатка, за исключением оружия и боевых припасов.

Месяцев шесть после своего изгнания из общины они прожили мирно, проводя все время в работе по устройству своего хозяйства. За эти полгода они успели не только посеять, но и сжать ячмень и рис. Конечно, жатва была не особенно обильна, потому что посев был мал, да и его сделать им было очень трудно. Нужно сказать, что для этих непривычных и неопытных в подобном деле людей было вообще нелегко устроить себе плантацию и завести хозяйство. К изготовлению столов, лавок, глиняной посуды и тому подобным делам они положительно не знали даже, как приступить. Это никогда раньше не интересовало их и поэтому приводило их теперь в страшное смущение. Они даже не сумели вырыть себе погреб, в который можно было бы убирать хлеб на время дождливых периодов, чтобы он не отсырел. Полная беспомощность смиряла их строптивый нрав. Убедившись, что им одним ничего не сделать, они явились к испанцам с униженной просьбой пособить их горю. Испанцы охотно согласились помочь им, и дня в четыре выкопали в холме, возле которого стояли палатки англичан, небольшую пещеру для склада хлеба и всего, что боялось сырости. Кстати сказать, испанцы намного расширили и то подземелье, которое было устроено мной в укреплении.

Так прошло около трех четвертей года, когда изгнанников вдруг снова обуял буйства и чуть не заставил их погубить не только самих себя, но и всю колонию. Очевидно, этим трем бездельникам надоело вести спокойную и трудовую жизнь, и они решили попытаться поискать счастья другим путем, казавшимся им более легким. Но ничего другого они не могли придумать, как предпринять путешествие на соседнюю землю с целью захватить там в плен нескольких дикарей, чтобы обратить их в рабство и заставить работать на себя. Имевшихся у них в распоряжении двух невольников (третий был калекой) для них было мало, потому что те не все могли делать, что было нужно.

В этом плане, говоря по правде, не было ничего дурного, если бы англичане только им и ограничились. Но, казалось, они ничего не могли сделать такого, что, в конце концов, не обратилось бы во вред им самим и другим. По моему мнению, над ними тяготело проклятие Неба, допускавшего их делать все новые и новые злодеяния в наказание за прежние. Иначе я не могу понять, что подталкивало их на дурное после того, что с ними произошло. То, до чего они дошли теперь, было прямым возмездием за их мятежи, грабежи и поползновения к убийству. Совесть их не только не пробуждалась после совершения какого-нибудь преступления, а, напротив, все более оже-

сточалась, так что о раскаянии с их стороны не могло быть и речи, а тем более — об исправлении. Все дурные поступки этих несчастных людей ничем не оправдывались, как, например, намерение убить невольника только за то, что он что-то не так понял или сделал, или не так взглянул. Бедный дикарь так и остался искалеченным на всю жизнь, потому что на острове не было врача, который мог бы как следует вправить наполовину отсеченную руку. И какой был смысл в их намерении перебить всех испанцев во время сна последних? Ведь без испанцев они не могли прожить ни одного дня! Разве, совершив это ужасное, зверское, ничем не оправдываемое преступление, они не наказали бы прежде всего самих себя?

Извиняясь за это новое отступление, принимаюсь опять за прерванную нить рассказа.

Раз утром изгнанники подошли к укреплению и стали униженно просить позволения переговорить с испанцами. Последние вышли к ним и внимательно выслушали, что те хотели им сказать. Англичане объяснили, что тяготеют той жизнью, на которую они обречены и которую не в состоянии вести потому, что совсем неспособны к труду земледельцев и что поэтому они должны умереть с голоду, если им не помогут. Посоветовавшись между собой о том, что делать, они, вот, пришли просить добрых сеньоров сжалиться еще раз над ними и дать им одну из тех больших лодок, в которых они сами прибыли на остров, кроме того снабдить их оружием и боевыми снарядами, чтобы дать им возможность искать счастья на других островах и раз навсегда избавить господ испанцев от заботы о них.

Испанцам, конечно, было во всех отношениях очень приятно избавиться от таких соседей, но, тем не менее, они добросовестно постарались выставить им на вид все опасности, которые они рискуют встретить, пускаясь в плавание по открытому морю в сравнительно маленьком суденышке. Для большей убедительности испанцы рассказали все, чему подверглись они сами после кораблекрушения, и добавили, что не будучи пророками, они могут предсказать, что англичане, предпринимая это путешествие, рискуют умереть с голоду на море, или при первой же буре их поглотят волны, или, попав на какой-нибудь остров, они могут быть съедены дикарями.

На это англичане возразили, что умереть здесь или в другом месте для них безразлично. Работать они не могут, да если бы и могли, то не желают, и находят, что лучше умереть без работы, чем над нею. Если их съедят дикари, то, значит, так им и суждено. Плакать о них никто не будет, потому что у них нет ни жен, ни детей. Короче говоря, они настаивали на том, чтобы им была дана хоть лодка, если не хотят дать оружие, без которого они как-нибудь обойдутся, если уж на то пошло.

С обычной своей добротой испанцы сказали, что раз англичане так твердо решили покинуть их остров, то они не отпустят их раздетыми, голодными и беззащитными, и что хотя сами нуждаются в огнестрельном оружии, но все-таки уступят им два мушкета, пистолет, дадут тесак и каждому по топору. Словом, — испанцы совершенно вошли в нужды уезжавших, напекли им на месяц хлеба, дали небольшой запас козьего мяса, который мог бы продержаться без порчи, большую корзину изюма, громадный сосуд с пресной водой и живого козленка. По расчету испанцев, всего этого уезжавшим должно было хватить на время переезда от их острова к соседней земле, к которой стремились англичане и которая находилась в сорока милях отсюда.

Лодка, которую испанцы уступили англичанам, была настолько велика, что свободно могла вместить человек около двадцати, и для троих оказалась слишком тя-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

желой; но когда путешественники уселись в нее, был прилив и дул попутный ветер, так что они надеялись справиться с ней. Испанцы помогли им устроить мачту и сделать парус из четырех высушенных козьих шкур.

Путешественники отправились в самом довольном и веселом настроении. Испанцы ласково простились с ними, пожелали всего хорошего и долго кричали им вслед: «*Buén viáge*»¹.

Колонисты были уверены, что никогда более не увидят уехавших, и не могли не порадоваться тому, как тихо и спокойно теперь потечет без них жизнь на острове. Им и в голову не приходило, что уехавшие могут вернуться, и тогда снова настанет прежнее мучение. Действительно, прошло не более трех недель со времени их отъезда, как вдруг один из оставшихся на острове честных англичан, или — как я их называю — фермеров, работавший в поле, увидел вдали трех человек с ружьями на плечах, шедших прямо к нему.

Один из оставшихся на острове честных англичан, работавший в поле, увидел вдали трех человек с ружьями на плечах, шедших прямо к нему.

Сильно испуганный, фермер бросился бежать что было духу в укрепление и разыскал губернатора. Дрожа как осиновый лист, и с трудом ворочая языком, он объявил, что на остров явились какие-то вооруженные чужестранцы.

— Чужестранцы? — переспросил испанец. — Вы хотите сказать дикари?

— Нет, нет! — возразил фермер. — Они одеты и вооружены!

— Чего же вы так испугались? — продолжал испанец. — Если это не дикари, а, действительно, чужестранцы, то они должны быть нашими друзьями, потому что едва ли могут найтись христиане, которые захотели бы причинить зло людям в нашем положении.

¹ *Buén viáge* — доброго пути (исп.).

Между тем, эти «чужестранцы» оказались уехавшими три недели тому назад англичанами. Они подошли к укреплению и стали громко кричать, требуя, чтобы к ним вышел кто-нибудь из испанцев. Узнав их голоса, испанцы были поражены, как громом, и с изумлением спрашивали друг друга, с какой целью буяны опять возвратились на остров. Оправившись немного от удивления, испанцы вышли к англичанам и начали расспрашивать их, где они были и что делали. Англичане в нескольких словах рассказали им следующее. Они добрались до соседней земли в два дня. Видя, что испуганные их видом дикари готовятся встретить их тучей стрел, они не решились высадиться на их глазах, а снова распустили убранный было парус, поплыли дальше по направлению к северу и добрались до большого пролива; там они убедились, что земля, которую они, так же, как и я, считали материком, представляет собою только остров, с северной стороны которого расположен другой остров, а с западной — целая группа маленьких островков. К одному из последних англичане и пристали. Этот островок тоже оказался обитаемым одним очень миролюбивым и добродушным племенем, которое без малейшего следа подозрительности или боязни приняло англичан. Дикари эти отличались удивительной ласковостью, услужливостью и радушием. Как мужчины, так и женщины и даже дети самым усердным образом, ухаживали за «бледнолицыми чужеземцами», как они называли своих неожиданных гостей, и угощали их всем, что только имели: сушеной рыбой, кореньями, плодами, молоком и какими-то очень вкусными лепешками. В знак особенного уважения, дикарки подносили им свое угощение на голове.

Путешественники пробыли на этом острове четыре дня. Объясняясь посредством знаков, они узнали от своих хозяев, что некоторые из соседних островов населены свирепыми и кровожадными племенами, занимающимися людоедством. Лично о себе эти дикари сообщили, что если они когда едят людей, то только взятых в плен во время сражений; тогда и у них устраивается большое пиршество.

На вопрос англичан, давно ли у них происходило подобное пиршество, дикари указали на луну и потом показали два пальца; это означало, что два месяца тому назад. Дальше они теми же знаками объяснили, что недавно их великий вождь взял во время битвы с соседним племенем в плен двести человек, которые в настоящее время находятся у него и готовятся к тому, чтобы послужить пищей своим победителям на торжественном пиршестве. Англичане спросили, нельзя ли им увидеть этих пленных. Дикари поняли это в том смысле, что их гости желают взять с собой несколько пленных. Указывая сначала на то место, где заходит солнце, а потом на то, где оно восходит, они дали понять, что утром приведут к ним несколько пленников. И, действительно, на другой день утром они привели пять женщин и одиннадцать мужчин и передали их в полное распоряжение англичан. Это было сделано точно так, как в европейских портах пригоняют и сдают на корабли быков и коров для продовольствия экипажа.

Несмотря на всю бессердечность и жестокость англичан, у них что-то защемило в груди при виде этого и они не знали, что делать. Отказаться от предлагаемого им подарка — значило, пожалуй, оскорбить радушных дикарей, которые, распоряжаясь людьми как скотом, не сознавали, что творят; но и принять пленных было неудобно, так как англичане не знали, куда им девать их. Наконец, после продолжительных совещаний, англичане решили, что нужно принять этот живой подарок и чем-нибудь отплатить за него. Отплата состояла из топора, старого железного ключа, ножа и пол-

дюжины пуль. Дикари никогда раньше не видели пуль и потому не знали их употребления, но нашли, что это премиленькие игрушки и сильно им обрадовались. Пленных они крепче прежнего скрутили по рукам и ногам и положили в лодку англичан.

Теперь последним ничего больше не оставалось делать, как отправиться обратно туда, откуда прибыли, потому что иначе дикари могли рассчитывать, что их гости зарежут пленных, устроят из них пир и пригласят на этот пир своих новых друзей. Таким образом, простившись с дикарями и обменявшись с ними благопожеланиями и другими любезностями, насколько это позволял неудобный способ изъяснений знаками, англичане покинули гостеприимный остров.

Всех пленных англичане не нашли возможным оставить у себя, и восемь человек из них высадили на первом из соседних островов. С остальными они старались подружиться во время путешествия, но те никак не могли их понять. Все, что говорили им англичане, что показывали им знаками, что делали для их успокоения, — дикарями перетолковывалось в том смысле, что их хотят убить. Когда им, наконец, развязали руки и ноги, они принялись так неистово кричать и визжать, точно их резали на мелкие куски. То же самое произошло, когда им предложили пищи; они вообразили, что их хотят кормить на убой, и орали изо всех сил. Если один из англичан пристально рассматривал кого-нибудь из пленных, то последний думал, что его выбирают первой жертвой, и, закрывая руками лицо, снова принимался кричать и визжать. Будучи уже на нашем острове и не видя ничего кроме хорошего со стороны англичан, старавшихся расположить их к себе, дикари все еще никак не могли успокоиться и поверить, что их вовсе не желают употребить в пищу.

Выслушав отчет англичан об их путешествии, испанцы спросили их, где находятся пленники. Англичане ответили, что оставили их в одной из своих хижин, а сами пришли просить испанцев дать им съестных припасов для дикарей. Испанцы нашли нужным уважить эту просьбу, но сначала хотели видеть новых невольников. С этой целью они, в сопровождении фермеров и отца Пятницы, отправились на плантацию англичан.

Невольники были крепко связаны, чтобы они не могли убежать во время отсутствия своих господ, воспользовавшись стоявшей на воде лодкой. В числе пленников находилось трое довольно красивых мужчин, от тридцати до тридцати пяти лет, и пять женщин, из которых двум можно было дать на вид от тридцати до сорока лет, еще двум — лет двадцать с небольшим, а пятой — не более шестнадцати. Мужчины были высоки ростом, хорошо сложены и, очевидно, очень сильны. Все пленники, как мужчины, так и женщины, были совершенно обнажены. Женщины оказались такими милыми, что будь они белые, их признали бы красавицами даже в Лондоне. Все они отличались своеобразной грацией и были очень скромны и застенчивы. Когда их немного прикрыли, чем Бог послал, они стали еще лучше.

Вид этих несчастных невольников произвел самое удручающее впечатление на благородных, просвещенных и в высшей степени гуманных испанцев. Они чуть не плакали от жалости, глядя на эти беззащитные, нагие, связанные по рукам и ногам существа, сидевшие на полу и полными отчаяния глазами неподвижно смотревшие перед собою. На их искаженных ужасом лицах ясно было написано ожидание, что вот-вот их зарежут, чтобы потом съесть.

Желая войти с этими бедняжками в контакт и успокоить их, губернатор приказал отцу Пятницы посмотреть, не найдет ли он между невольниками знакомых,

а если таких знакомых не окажется, то хоть прислушаться к их речам, не поймет ли он, о чем они говорят. Но у него знакомых среди пленных не оказалось, и понять языка этих людей он не мог. Когда же он сам заговорил с ними, его тоже никто не понял, кроме одной женщины. Этого, впрочем, было совершенно достаточно, чтобы добиться цели, то есть уверить невольников, что они попали в руки к христианам, которые никогда не едят человеческое мясо и даже чувствуют к нему неодолимое отвращение, поэтому пленникам нечего бояться за свою жизнь. Когда женщина, понимавшая язык отца Пятницы, передала его слова своим сотоварищам по несчастью, то последние пришли в необузданный восторг, выражавшийся у них такими своеобразными движениями, которые не поддаются никакому описанию. Судя по одним этим движениям, уже можно было предположить, что тут собраны представители различных племен.

Губернатор приказал женщине, которая служила переводчицей, спросить своих, согласны ли они работать и, вообще служить тем, которые привезли их сюда и этим спасли им жизнь. Дикари в это время были уже развязаны. Услышав и поняв вопрос женщины-толмача, они принялись плясать от радости. Потом каждый из них схватывал по какому-нибудь предмету, клал его себе на плечи и выносил из хижины, затем снова вносил в нее; этим он доказывал свою полную готовность служить и работать.

Опасаясь, как бы появление женщин на острове не подало повода к новым ссорам, которые могли кончиться кровопролитием, губернатор спросил англичан, как они думают поступить с этими женщинами: оставят их у себя или отвезут на какой-нибудь из соседних островов, и если оставят, то в качестве чего — жен или рабынь. На это один из англичан с вызывающим видом, скороговоркой ответил, что он и его товарищи хотят оставить у себя женщин в качестве и рабынь и жен.

— Как хотите, — тихо сказал губернатор. — Дело это ваше личное, и я вмешиваться в него не стану. Считаю только необходимым в ваших же интересах подать вам следующий дружеский совет. Чтобы у вас потом не возникало несогласий и ссор, берите себе каждый в жены только одну женщину и живите с нею, как с женой. К сожалению, здесь некому обвенчать вас и, таким образом, узаконить ваш брак; но я думаю, что будет достаточно, если все присутствующие здесь признают ваше сожительство супружеским, то есть будут смотреть на ваших сожительниц, как на ваших законных жен. Тогда никто из вас не будет иметь права отнимать у другого ту женщину, которую он выберет себе в жены.

Это предложение было настолько справедливо, что никому не пришло в голову оспаривать его. Но так как оставались еще две женщины, то англичане спросили испанцев, не пожелает ли кто-нибудь из них взять по одной из этих женщин себе в жены.

— О, нет, нет! — дружно поспешили ответить испанцы.

На вопрос англичан: почему это? — одни говорили, что у них уже есть жены на родине, другие, что не чувствуют ни малейшего желания обзаводиться семейством, а третьи прямо заявили, что ни за что не женятся на язычниках.

Не могу не заметить, что за все время своей скитальческой жизни я не видал еще примера такой супружеской верности с одной стороны, и целомудрия — с другой.

Двух лишних женщин, оставшихся после выбора жен тремя англичанами, взяли себе тоже в качестве жен те два англичанина, которых я называю фермерами. Таким образом, на острове все зажили по-семейному, за исключением испанцев и отца

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пятницы, которые продолжали вести прежний аскетический образ жизни. Ввиду того, что у англичан теперь и без того было довольно рабочих рук, испанцы взяли к себе тех трех дикарей, которых забрали в плен после описанной битвы двух враждебных племен, и по-прежнему продолжали быть главными радетелями о благосостоянии всей колонии, снабжая остальных поселенцев всем необходимым и помогая им, как советами, так и трудом. Не было ни одной хоть мало-мальски осмысленной просьбы англичан, которой они не исполнили бы.

Интереснее всего в этой истории было то, каким образом пятеро англичан, из которых трое были настоящими головорезами, так мирно поделили между собою женщин. Две из этих женщин были особенно хороши и могли бы послужить причиной раздора даже в самом цивилизованном обществе. Должен сказать по справедливости, что нельзя было придумать лучше, чем придумали в этом случае англичане. Сознавая, что другим путем у них не обойдется без драки и кровопролития, они собра-

Они бросили жребий, кому из них выбирать первому.

ли всех женщин в одну хижину, а сами удалились в другую и там бросили жребий, кому из них выбирать первому.

Тот, которому выпал жребий первого выбора, сейчас же отправился в хижину, где томились бедные женщины в ожидании решения своей участи, и вскоре вывел оттуда избранницу своего сердца. Оказалось, что он выбрал себе самую старую из всех, чем и возбудил громкий хохот товарищей, и даже на губах степенных испанцев вызвал легкую усмешку. В сущности же, этот англичанин своим выбором доказал, что обладает известной долей благоразумия; он, очевидно, понял, что в женщине всего дороже дельность и опытность в ведении хозяйства, и что этими качествами может обладать только женщина пожилая. Последствия доказали, что он не ошибся в своем выборе.

Бедные женщины опять пришли в неописанный ужас, когда их одну за другой стали выводить из хижины. Они были уверены, что их уводят для убийства и съедения. В этом убеждении они со страшными криками и воплями, проливая потоки слез, судорожно цеплялись друг за друга, так что их едва можно было растащить. Ужас и отчаяние их до такой степени были велики, что даже черствые сердца англичан забились жалостью к этим несчастным созданиям, так горько страдавшим от своего непонимания. Наконец, кто-то из них догадался пригласить отца Пятницы, чтобы он растолковал невольницам, в чем дело. Кое-как старику удалось убедить их, что «бледнолицые» выбирают их себе в жены, а вовсе не имеют намерения причинить какое-нибудь зло.

Понемногу женщины стали привыкать к своему новому положению и, наконец, совершенно успокоились. Добродушные испанцы помогли «новобрачным» в один день разбить пять палаток для временного жительства, пока не будут выстроены новые хижины. Те же хижины, которые уже имелись, должны были служить для склада провизии и разного хозяйственного скарба. Буйные англичане остались на самой дальней оконечности острова, а двое мирных поселились поблизости возведенного еще мною укрепления. Таким образом, на моем острове появилось три поселка, или, так сказать, было заложено три города.

То, что почти всегда случается в большом мире, случилось и в этой маленькой общине на заброшенном посреди океана острове: двум добрым и честным англичанам достались в жены худшие женщины, между тем как на долю трех негодяев, для которых мало было виселицы, потому что они ни на что не были способны, кроме нанесения вреда другим и самим себе, попались кроткие, старательные и дельные женщины. Какие в этих случаях преследует цели Провидение, для меня непонятно. Правда, нельзя сказать, чтобы жены добрых англичан отличались дурным нравом, нет, они тоже были очень кротки, скромны, терпеливы, ласковы и покорны, но не так трудолюбивы, умны и способны, не так чистоплотны и бережливы, как жены их буйных соотечественников.

К чести трудолюбия с одной стороны, и в укор лени и праздности с другой, я должен сказать, что осматривая все сделанное на острове в мое отсутствие, я сразу увидел, насколько оба мирных англичанина выше своих буйных товарищей не только по характеру, но и в смысле дельности. Те и другие обрабатывали земли лишь такое количество, какое было необходимо для их продовольствия, как я и советовал делать. Но какая была громадная разница в способе этой обработки, в устройстве изгородей, загонов и, вообще всего хозяйства!

Вокруг хижин мирных англичан было насажено столько деревьев, и они разрослись так густо, что со стороны невозможно было подумать, чтобы там жили люди. И, несмотря на то, что плантации этих тружеников два раза были опустошены, один раз руками их трех беспутных соотечественников, а другой — дикарями, как мы увидим дальше, у них все не только оказалось в полном порядке, но даже процветало. Не имея раньше никакого понятия о разведении винограда, эти трудолюбивые люди устроили себе такие виноградники, что мое сердце радовалось, когда я увидел их. Самый уход за виноградом был тоже такой старательный, что трудно было где-нибудь в другом месте найти более крупные и сочные ягоды. Так как поблизости не нашлось природной пещеры, какие удалось найти мне, труженики собственными руками вырыли себе обширное подземелье, которое могло служить вполне безопасным при-

ютом для их семейств во время нападения со стороны дикарей или во время смут, устраиваемых тремя беспокойными англичанами. Эта пещера тоже была усажена со всех сторон деревьями, посреди которых был оставлен только один, прекрасно замаскированный проход, доступный лишь хозяевам усадьб.

Что же касается трех негодных англичан, как мне приходится, по справедливости, называть их, то они хотя и стали жить тише прежнего с тех пор, как обзавелись семьями, то есть реже ссорились и пока не трогали других, но, тем не менее, оставались прежними лентяями и празднолюбцами, а это доказывало что они, в сущности, ни-сколько не исправились. Правда и они сеяли хлеб, сажали деревья, возводили изгороди, строились, копали и рыли, но при взгляде на их работы и на все их хозяйство не-вольно вспоминалось следующее изречение мудрого царя Соломона: «Шел я мимо виноградника празднолюбца и видел, как он порос тернием». Испанец рассказывал мне, между прочим, что он как-то захотел посмотреть поле этих англичан, но едва мог найти его, потому что оно все заросло сорной травой, а изгородь была так плоха, что ее и считать нельзя было за изгородь. В ней было много громадных проломов, через которые свободно проходили козы, мяли и поедали остатки жалких посевов. Хотя в некоторых местах, эти проломы и были завалены хворостом, но это только напоми-нало двор с запертыми воротами и разломанным забором.

В усадьбах же мирных и трудолюбивых англичан везде были видны следы забот-ливости, аккуратности и усердной работы; потому-то эти усадьбы и процветали. На всем поле не замечалось ни одной сорной травки, изгородь была точно слита, все по-ражало чистотой и порядком, так что тут было вполне применимо другое изречение Соломона: «Трудолюбивая рука творит богатства». Плантации этих людей посте-пенно расширялись и улучшались, в хозяйстве их всего было много: скота, земледель-ческих орудий, домашней утвари, одежды и тому подобных вещей. Сразу было вид-но, что этим людям все удавалось, что у них ни в чем не чувствовалось недостатка, и что самая жизнь их течет мирно, весело и счастливо.

О женах трех бездельников нельзя сказать ничего, кроме хорошего. Это были умелые, чистоплотные, аккуратные и заботливые хозяйки. Все они отлично выучи-лись стряпать у того из англичан, который раньше был поваром на корабле. Между тем как жена этого повара и ее подруга, ведшая хозяйство второго мирного англича-нина, никак не могли постигнуть тайн поваренного искусства, вследствие чего их му-жья сами должны были готовить себе обед.

Англичане-бездельники никогда не сидели дома, а вечно бродили по острову, зани-маясь только ловлей птиц или рыбы и отыскиванием черепаших яиц. Ничего другого они не хотели делать, поэтому их хозяйство никогда не могло подняться на ту ступень благосостояния, на которой находилось хозяйство двух их дельных соотечественни-ков, и было вполне естественно, что одни пользовались полным довольством, а другие нищенствовали, оправдывая мудрое правило: «Что посеешь, то и пожнешь».

Перехожу теперь к описанию таких событий, каких раньше никогда не встреча-лось ни в моей собственной жизни, ни в жизни моих поселенцев.

Однажды рано утром к острову пристали пять-шесть пирог, наполненных ин-дейцами, или — как мы привыкли их называть — дикарями. Никто не сомневался, что дикари эти высадились с целью совершить свое кровавое пиршество. Жившие на острове испанцы и англичане так освоились с этим обычаем дикарей, что уже пере-стали особенно пугаться их появления и заботились лишь о том, чтобы скрыть свое

существование от пришельцев; они были вполне уверены, что если это им удастся сделать, то дикари, по окончании своего пиршества, спокойно отправятся назад на свои острова, потому что, очевидно, им и в голову не приходило удостоверяться, обитаем этот остров или нет. Поэтому испанцы тотчас же дали знать в остальные посе-

ления, что опять явились дикари, которым не следует показываться; необходимо только выставить часовых, которые могли бы незаметно следить за движениями гостей и подстеречь их отъезд.

Мера эта была вполне целесообразна, но, к несчастью, одна глупая случайность едва не погубила всю колонию, открыв дикарям ее существование:

Когда лазутчик испанской колонии, отец Пятницы, объявил, что пироги с дикарями отчалили от берега, испанцы отправились на место высадки индейцев с целью посмотреть, что там происходило. Не успели они еще добраться туда, как, к своему величайшему изумлению, наткнулись на трех дикарей, крепко спавших на земле. Старший испанец шепотом выразил предположение, что эти индейцы или так напировались, что не в состоянии были подняться, чтобы последовать за своими уезжавши-

ми товарищами, или же бродили по лесу, заблудились и не успели вовремя назад.

Испанцы совершенно растерялись и, глядя на спящих, не знали, как им с ними поступить.

Когда они за решением своих недоумений обратились к губернатору, тот откровенно сказал, что тоже не знает, что делать с этими людьми. Взять их в невольники не представлялось никакой необходимости, так как теперь в колонии и без них было достаточно рабочих рук, а перебить их спящих и безоружных было бы прямо бесче-

Они, к своему величайшему изумлению, наткнулись на трех дикарей, крепко спавших на земле.

ловечно. В сущности, никому из этих благородных людей и в голову не приходила мысль пролить кровь ни в чем неповинных людей. Ведь они не причинили испанцам ни малейшего вреда, не трогали их имущество и не подали ровно никакого повода смотреть на них, как на диких зверей, и лишать их жизни.

Во имя справедливости я должен сказать, что мои испанцы, не имели ровно ничего общего со своими соотечественниками, прославившимися необыкновенной жестокостью в Мексике и Перу. Право, я во всю жизнь никогда не встречал людей какой бы то ни было национальности, которые отличались бы такой скромностью, умеренностью, сдержанностью, добротой и вежливостью, как эти испанцы. Все они были смелы, решительны и храбры, но жестокости, бесчеловечности, варварства или каких-либо других позорных страстей в них не было и следа.

Их благородство и гуманность всего ярче проявились в обращении с тремя бездельниками, всеми силами старавшимися вывести их из терпения, но взамен этого не видевшими от них ничего, кроме добра. Человеколюбие и высшая справедливость испанцев выразились и в данном случае, когда в их власти оказались трое спящих дикарей.

Посоветовавшись между собой, испанцы решили уйти и выждать, когда дикари проснутся и уедут обратно. Но потом они удостоверились, что для этих трех индейцев не оставлено пироги; это навело губернатора на мысль, что дикари, не имея возможности вернуться на свой остров, станут бродить по испанской колонии и откроют ее.

Он сообщил об этом соображении своим товарищам, и те, снова посоветовавшись, пришли к заключению, что лучше всего будет разбудить дикарей и взять их в плен. План этот они тут же и привели в исполнение. Бедные индейцы страшно испугались, когда их связали по рукам и ногам, и так же, как те, которых привезли на остров англичане, плакали, вопили и выли, думая, что их хотят убить, чтобы потом съесть. Должно быть, дикари воображают, что все люди на свете поступают как они, то есть убивают и едят себе подобных. Кое-как доказав своим пленным неосновательность их опасений, испанцы увели их к себе. К счастью для колонии, губернатор нашел нужным отвести пленников не в укрепление, в котором он жил сам, а на мою бывшую дачу, где теперь было их главное сельское хозяйство в виде полей, загонов для коз и пастбищ. Впоследствии пленных поселили в хижинах англичан.

На даче их заставляли делать, что они могли, не слишком их обременяя. Вскоре, однако, один из этих дикарей скрылся бесследно, точно провалился сквозь землю. Думаю, что за ними был плохой надзор по небрежности или благодаря уверенности, что за неимением своей лодки дикарям некуда деваться.

Недели три или четыре спустя снова приезжали на остров дикари, пробыли два дня, в течение которых они совершали свое кровавое пиршество, а затем уплыли обратно. Колонисты предполагали, что бежавший индеец, наверное, прятался где-нибудь на острове, ожидая появления своих соплеменников, а потом присоединился к ним и вместе с ними уехал. Эта мысль сильно беспокоила поселенцев. Вполне естественно — они должны были ожидать, что беглец расскажет своим единоплеменникам о том, что на острове есть белые люди, в небольшом числе и плохо вооруженные. Но, думая так, испанцы упускали из вида, что этот дикарь никак не мог узнать, сколько именно людей находится на острове и при каких условиях они живут там, есть ли у них какое-нибудь оружие или нет; точно так же он не знал и о существовании тайников под землей.

Первое доказательство того, что беглец сообщил своим единоплеменникам об обитаемости острова, обнаружилось месяца через два после исчезновения пленника. Однажды шесть пирог, в каждой из которых сидело от шести до десяти человек дикарей, пристало к северной стороне острова, куда раньше индейцы никогда не приставали. Прибывшие высадились на берег всего в миле расстояния от поселения англичан, откуда бежал пленный дикарь. Губернатор говорил мне, что опасность не была бы так велика, если бы колонисты по-прежнему жили в одном поселке, а не были разбросаны по всему острову. Тогда ни одному из дикарей не удалось бы ускользнуть из рук объединенной общины. Но нежеланные гости высадились как раз у поселка двух мирных англичан. Понятно, что эти последние вдвоем ничего не могли предпринять против такого количества неприятелей. Хорошо еще, что оба эти англичанина заметили дикарей, когда те были еще на море и довольно далеко от берега, так что ко времени их высадки англичане могли кое-как приготовиться к защите. Убежденные, что их выдал бежавший индеец, англичане прежде всего связали остальных двух пленных и поручили их отвести в тайник своим невольникам, привезенным ими на остров вместе с женщинами и казавшимся вполне им преданными. В тот же тайник они перевели своих жен и перенесли кое-какое имущество. Пленные, крепко связанные, были брошены в самую глубину подземелья, так что даже крики их не могли быть слышны снаружи.

Потом, когда дикари уже высадились на берег и направились к маленькому поселку, англичане выпустили из загонов на волю всех своих дойных коз с козлятами, в надежде, что они разбредутся по лесу и дадут дикарям повод думать, что остров необитаем, так как иначе по нем не бегали бы свободные, то есть «дикие» козы. Однако они этим не провели дикарей. Беглец так хорошо растолковал своим соплеменникам все порядки в поселке, что те, нисколько не смущаясь видом бродивших на воле коз, продолжали направляться прямо к хижинам.

Испуганные поселенцы послали одного из невольников, оставшегося с ними, к испанцам с вестью о высадке дикарей и с просьбой о помощи. Сами же, собрав свое оружие и запасшись боевыми припасами, бросились в лес и побежали по направлению к тайнику, в котором были укрыты их жены с имуществом. Поминутно оглядываясь, они видели, как толпа дикарей, человек в пятьдесят, подошла к их хижинам и как те через несколько времени те загорелись со всех сторон. Это был страшный удар для бедных поселенцев, употребивших столько труда на то, чтобы устроить свое хозяйство. Обезумев от горя и ужаса, они долго смотрели на страшную картину разрушения их скромных жилищ, пока не увидали, что дикари кинулись за ними в погоню, очевидно напав на их след. По всему было заметно, что индейцы явились с преднамеренной целью уничтожить несчастных поселенцев, о существовании которых им сообщил товарищ, бывший в плену на острове.

Чтобы сбить с толку дикарей, англичане сначала наделали следов во всех направлениях по лесу, а потом спрятались в такое место, где по их мнению не было никакой возможности их найти. Они рассчитывали, что неприятель, увидев такое множество следов, разобьется на отдельные группы, из которых каждая направится по одному какому-нибудь направлению. Действительные же свои следы они сумели скрыть, засыпав их горстями сухих листьев.

Расчет англичан оправдался. Они спрятались в громадном дупле старого дерева, стоявшего в самой чаще леса, и принялись наблюдать. Отсюда им было все видно и

Они увидели, как толпа дикарей, человек в пятьдесят, подошла к их хижинам и как те через несколько времени загорелись со всех сторон.

слышно. Через несколько времени неподалеку от их убежища показалось двое дикарей, шедших точно наверняка. За этими двумя бежало еще трое, а затем вскоре пятеро новых. Все они направились прямо к дереву с дуплом. Немного в сторону пробежало человек около десяти, напавших на ложный след. Остальные дикари разбрелись по всему лесу.

Бедные поселенцы совсем растерялись от такой страшной опасности и не знали, на что решиться: остаться в дупле или выскочить из него и попытаться спастись бегством. Посоветовавшись, они предпочли остаться из опасения, как бы во время бега нечаянно не привлечь дикарей в ту сторону, где находился тайник, с открытием которого пропало бы все. На тот случай, если неприятель подойдет к самому дереву и заметит их в дупле, они решили выбраться с противоположной стороны дупла на вершину дерева и стрелять оттуда до тех пор, пока у них хватит зарядов, надеясь, что таким образом они успеют уложить минимум половину дикарей к тому времени, когда подоспеет помощь.

Тут им представился новый вопрос: стрелять в первых двух дикарей, или ждать, когда к ним присоединятся остальные, бежавшие к дереву. Вопрос этот вскоре был решен в том смысле, что не следует стрелять в двух передних дикарей, если только те не заметят их и не нападут сами. Это решение оказалось очень благоразумным: двое дикарей, бежавших впереди, почти возле самого дерева круто повернули в другую сторону, вероятно, увидев ложный след. Вторая же группа из трех человек и следовавшая за ней третья из пяти человек продолжали бежать прямо к дереву, точно дикари знали, что поселенцы спрятались в его дупле. Англичане условились стрелять не

одновременно, а по одному, с тем расчетом, что одним выстрелом они могут убить несколько врагов. Так они сберегут лишние заряды.

Тот, кому следовало стрелять первым, зарядил свое ружье четырьмя маленькими пулями, положил дуло в расщелину дупла и стал прицеливаться в ожидании, пока неприятель не приблизится на расстояние тридцати ярдов, когда можно будет стрелять наверняка.

Пока дикари приближались, англичане успели их рассмотреть и узнать в их числе своего беглеца, которого и решили уложить по возможности первым, не жалея на него зарядов. Когда настало время стрелять, то первым же выстрелом уложены были сразу два врага и ранен третий, потому что они бежали непосредственно друг за другом. Один был поражен пулей в голову, другой — в грудь, а третьего пуля задела в плечо, так что он в страшном испуге присел на корточки, испуская раздражающие душу крики и стоны.

Третья группа дикарей, человек в пять, испуганная не столько настоящей опасностью, сколько непривычным треском и огнем выстрела, остановилась, как вкопанная. Звук выстрела гулко разнесся по лесу, будя тысячи отголосков, от которых птицы целыми стаями подымались с деревьев и с криками кружились в воздухе. То же самое было и при моем первом выстреле на острове.

Когда все стихло, пятеро индейцев, не понимая в чем дело, продолжали путь, пока не добежали до того места, где лежали двое их убитых товарищей и все еще сидел на корточках раненый. Не подозревая, что сами подвергаются той же участи, они обступили раненого и, по всей вероятности, расспрашивали, отчего с ним и его товарищами случилось такое несчастье. Тот, должно быть, объяснил, что сперва блеснул огонь с неба, а затем раздался удар, убивший обоих его товарищей и ранивший его самого. Я уверен, что дикарь не мог дать другого объяснения, потому что он не видел стрелявших. К тому же ни он и никто из его соплеменников никогда раньше не слышали выстрела и не знали, что существует такое оружие, которое может ранить и убить на известном расстоянии, при помощи пуль и пороха, производящего огонь. Если бы эти люди имели понятие об огнестрельном оружии, они, разумеется, не остались бы так спокойно на месте, где только что были убиты их товарищи.

Два добрых англичанина, как они потом сознались мне, были очень огорчены необходимостью стрелять в несчастных дикарей, не имевших ни малейшего представления об угрожавшей им опасности, но чувство самосохранения поневоле брало верх над жалостью. Сознывая, что если они пощадят дикарей и те заметят их, то они непременно погибнут сами, англичане решили выстрелить еще раз одновременно. Метко прицелившись, они спустили курки, и когда рассеялся дым, они увидели, что все шестеро индейцев лежат на земле.

Уверенные, что все их враги убиты, но все-таки снова зарядив на всякий случай ружья, англичане вышли из дупла и сделали несколько шагов к месту, где лежали дикари. Однако, к их удивлению, четверо дикарей хотя и оказались смертельно ранеными, но все-таки были еще живы, а двое упали просто от испуга; один из последних двух был тот, которого первым выстрелом ранило в плечо, а другой оставался совершенно невредимым. Это заставило англичан пустить в ход ружейные приклады, которыми они и прекратили страдания несчастных раненых, в том числе и беглеца.

При виде англичан тот дикарь, который оставался невредимым, подполз к ним на коленях. Прижимая к своей груди сложенные крестообразно руки, он жалобными стонами, знаками и разнообразными движениями молил своих врагов о пощаде.

Тронутые этим, англичане знаками же приказали бедняку сесть спиной к дереву, к которому и привязали его как можно крепче веревкой, случайно оказавшейся у одного из них в кармане. Затем, удостоверившись, что ему не уйти, они бросились вдогонку за первыми двумя дикарями, опасаясь, как бы те не нашли тайник, в котором укрывались их жены с остатками имущества. Вскоре они увидели обоих дикарей, хотя и на очень далеком расстоянии от себя. Продолжая бежать за ними и решив выстрелить в них, как только достаточно уменьшится расстояние, англичане, к своему полному удовольствию, заметили, что дикари вдруг повернули к равнине, которая вела к берегу, то есть к месту совершенно противоположному тому, где находилось подземелье. Успокоенные этим, англичане возвратились к дереву, к которому был привязан их пленный. Однако, к немалому их изумлению, последний исчез. Валившиеся под деревом обрывки веревки наводили на мысль, что он был освобожден товарищами.

Это обстоятельство снова привело бедных англичан в недоумение. Они теперь не знали, близко ли новые враги, и сколько их. Наскоро посоветовавшись, они решили пойти к подземелью посмотреть, все ли там благополучно и, кстати, успокоить жен, которые должны были быть подавлены страхом, так как лучше своих мужей знали жестокие военные обычаи единоплеменников.

Добравшись до пещеры, поселенцы узнали от своих жен, что дикари, бродившие по лесу, очень близко подходили к тайнику, но не открыли его благодаря густоте деревьев и неимению проводника, который мог бы указать им проход к пещере. Таким образом, здесь все ограничилось пока одним испугом женщин.

В это время к поселенцам подошли на помощь семеро испанцев. Остальные десять вместе со своими невольниками и старым Пятницей, — как я теперь буду называть отца моего Пятницы, — отправились на защиту своих главных плантаций, где находилось главное стадо коз и хранились всевозможные запасы. Семеро испанцев, пришедшие на помощь к англичанам, привели с собою того невольника, который был послан к ним с известием о прибытии дикарей; с ними был и тот, которого англичане оставили привязанным к дереву. Таким образом выяснилось, что его освободили вовсе не товарищи, а испанцы, шедшие мимо того места, где происходило побоище, и увидавшие привязанного дикаря. При взгляде на убитых и на пленника, испанцы поняли, что случилось, и нашли нужным увести с собой оставшегося в живых дикаря, чтобы он не мог быть освобожден и увиден своими единоплеменниками, которые тоже нечаянно, как они сами, могли наткнуться на него. Скрутив ему руки и ноги новыми веревками, испанцы бросили его вглубь подземелья, где уже находилось двое пленных.

В сущности, эти пленники были тягостным бременем для колонистов, потому что их нужно было кормить и стеречь, иначе они могли найти какой-нибудь способ освободиться и убежать. Ввиду этого большинство поселенцев предлагали убить их. Но губернатор на это не соглашался. Чтобы избавить англичан от близости пленников, он приказал двум испанцам отвести их в мое подземелье в долине, накормить там, потом связать как можно крепче и караулить всю ночь.

Обрадованные и ободренные появлением испанцев, пришедших к ним на помощь, англичане просили пятерых из них отправиться вместе с ними на поиски

остальных дикарей. Испанцы, вооруженные мушкетами, пистолетом и двумя огромными дубинами, охотно согласились на эту просьбу.

Маленький отряд прежде всего направился назад к месту побоища. Там он увидел, что два трупа кем-то оттащены на довольно большое расстояние в сторону и брошены. Из этого можно было заключить, что туда заходили другие дикари. Возбравшись на вершину дерева, англичане стали обозревать местность. Дикарей нигде не было видно, зато взорам бедных поселенцев снова представилась картина их пылающих хижин. Сойдя с дерева, англичане вместе с испанцами, принимая всевозможные предосторожности, стали пробираться к берегу чтобы узнать, что там происходит. Там они увидели, что дикари спешат к пирогам. Облегченно вздохнув, поселенцы посоветовались насчет того, не послать ли уезжавшим вдогонку хороший залп из ружей, но сейчас же опомнились, и пришли к заключению, что это было бы не только бесполезной жестокостью, но и могло навлечь на них самих новую опасность. Вместо того чтобы стрелять, они возблагодарили милосердного Создателя за свое избавление.

Вот каким образом бедным трудолюбивым англичанам пришлось во второй раз потерпеть полное разорение и уничтожение почти всего своего хозяйства. Испанцы снова не оставили их без своего участия и помощи; они опять снабдили их всем необходимым и помогли им построить новые хижины. Даже три их соотечественника, до сих пор не проявлявшие ни малейшей склонности к доброму делу, поспешили к потерпевшим с предложением своей помощи и услуг. Те англичане жили на восточной стороне острова, очень далеко от поселения пострадавших, и потому узнали о случившемся только спустя некоторое время. Они готовили материал для построек погорельцев, оставаясь у них несколько дней. Таким образом двое разоренных англичан быстро привели свое хозяйство в прежний порядок и зажили по-прежнему.

Через два или три дня после нашествия дикарей колонисты очень были обрадованы находкой на берегу двух пирог, очевидно, прибитых ветром; неподалеку плавали два трупа дикарей. Это обстоятельство успокоило поселенцев относительно их дальнейшей участи; они поняли, что дикари на обратном пути были застигнуты бурей и, по всей вероятности, все погибли в море, потому что в день посещения индейцами острова к вечеру, действительно, разыгралась сильная буря, усилившаяся ночью.

Однако, сколько бы ни погибло в пути дикарей, трудно было предположить, чтобы ни один из них не спасся и, возвратившись к своим, не рассказал бы им обо всем происшедшем. Следовательно, — как потом рассудили поселенцы, — все-таки можно было ожидать нового нашествия дикарей и уже в гораздо большем количестве, чем нынче. Впрочем, некоторые утешали себя мыслью, что никто из дикарей не видел их, а поэтому и не в состоянии был дать о них никаких сведений. Существование подожженных хижин и плантаций могло навести дикарей только на мысль, что остров был когда-то обитаем, но чтобы и в настоящее время на нем находились люди, не было никаких доказательств, так как никто не показывался дикарям.

В течение почти полугода ничего не было слышно о дикарях.

Колонисты окончательно успокоились; они надеялись, что индейцы действительно все погибли в море во время бури или так были напуганы «грозой» на нашем острове, что не решались рисковать вновь подвергнуться ее страшному действию. Однако, не прошло и полгода после первого нашествия, как дикари снова нагрянули

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

и уже на двадцати восьми пирогах, то есть в таком числе, в каком они раньше никогда не появлялись. Все они были вооружены луками, стрелами, большими палицами, деревянными мечами и другими боевыми орудиями. Трудно выразить словами, в какое смятение повергло бедных поселенцев появление такой большой армии дикарей.

Индейцы высадились поздно вечером на восточной оконечности острова. Таким образом колонисты имели в распоряжении целую ночь для совещаний и составления плана обороны. Понимая, что открыто противостоять такому большому числу врагов невозможно, они решили уничтожить по возможности все следы своего пребывания на острове. Так как дикари знали только собственно о поселке двух англичан и, наверное, направятся прямо к нему, то испанцы решили опять разорить этот поселок и согнать коз в старое подземелье. Дикари высадились в расстоянии двух лиг от этого поселка, так что можно было надеяться, что они доберутся до него только после восхода солнца.

Индейцы высадились поздно вечером на восточной оконечности острова.

После долгих совещаний испанцы, однако, сделали иначе: они согнали все свои стада в насаженный еще мною лес, уничтожили все следы оседлости вокруг укрепления, и затем, рано утром, в полном вооружении всей общиной засели на плантациях двух мирных англичан. Приготовившись к борьбе, они стали выжидать приближения неприятеля.

Как они предполагали, так и случилось. Оставив свои пироги на месте высадки, индейцы направились к маленькому поселку англичан. Колонисты уверяли, что нежеланных гостей было не менее двухсот пятидесяти человек. По сравнению с этим

числом количество поселенцев было прямо ничтожно и, что всего хуже, вдобавок не все они были вооружены. Вот список наличных сил колонистов: 17 испанцев, 5 англичан, 1 старый Пятница, 3 невольника, привезенных вместе с женщинами и считавшихся надежными, и три других невольника, живших у англичан, не считавшихся особенно надежными. Итого, следовательно, только двадцать девять человек против двухсот пятидесяти.

Оружия у них было в наличии: 16 мушкетов, 3 охотничьих ружья, 5 пистолетов, 2 сабли и 3 старых алебарды.

Невольникам не дали огнестрельное оружие; их снабдили только алебардами и особого рода длинными дубинами с острыми железными наконечниками на обоих концах. Впрочем, каждому из них прибавили по топору, какие были и у самих колонистов. Две женщины тоже пожелали принять участие в обороне и попросили дать им по луку и по несколько стрел, которые были собраны испанцами на месте битвы после сражения между дикарями, в свое время описанного мною. Просьба храбрых женщин с удовольствием была исполнена: их вооружили не только луками и стрелами, но даже прибавили по топору.

Само собой разумеется, что всем распоряжался и руководил испанец, которого я называю губернатором. Главным помощником его был отчаянный, бесстрашный и на все готовый Уилл Аткинс.

Дикари с яростью львов устремились на колонистов, которые, как они потом убедились, занимали довольно невыгодную позицию. Хорошо еще, что Уилл Аткинс в данном случае оказался на высоте своей задачи. Он с замечательной ловкостью выполнил возложенное на него дело. Ему было поручено занять с шестью колонистами передовой пост в кустарнике перед плантациями, пропустить часть дикарей, сделать залп в последующих и в обход поспешить назад к своим, засевшим между деревьями. Все это он выполнил самым блестящим образом.

Дикари шли не в боевом порядке, а враспынную, как попало. Пропустив отряд человек в пятьдесят, Аткинс велел троим из своих товарищей сделать одновременный залп из ружей, заряженных каждое семью небольшими пулями, вроде пистолетных. Сколько было убито и ранено при этом залпе, осталось неизвестным. Колонисты заметили только, что дикари пришли в неописанное изумление и ужас, когда вдруг при совершенно безоблачном небе над ними грянул «гром» и произвел в их рядах сильное опустошение. Кроме как громом им нечем было и объяснить то странное явление, от которого падали вокруг умирающие и раненые товарищи. Чтобы не дать им опомниться, Аткинс сделал второй залп в середину дикарей, а вслед затем и третий. Он не только распоряжался, но все время заряжал ружья, так что его товарищи могли стрелять почти непрерывно. Может быть, все дикари полегли бы тут, если бы Аткинс нечаянно не выставился из кустов и не привлек на себя их внимание. Дикари до того мгновения вполне были уверены, что их поражают прямо с неба невидимые духи, и эта уверенность совершенно парализовала их волю и ум. Думая, что на них ополчилась высшая сила, они даже не находили нужным бежать, решив по своей наивности, что от невидимо поражающих рук никуда не скроешься. Когда же они увидели Аткинса, а за ним и его маленький отряд, то пришли в себя, поняли, в чем дело, и дружной гурьбой двинулись против сидевших в засаде. Аткинс стал отступать, отстреливаясь на каждом шагу, причем, как он потом говорил, было еще уложено на месте человек двадцать дикарей. Но и послед-

ние, насколько могли, старались не оставаться в долгу: они ранили стрелами самого Аткинса и трех из его стрелков — англичанина, испанца и невольника, отлично научившегося владеть огнестрельным оружием и поэтому назначенного в аванпост. Он, впрочем, отличился потом в рукопашной схватке: работая дубиной и топором, он уложил пятерых дикарей.

Аткинс отступил на густо поросшую деревьями возвышенность. Дав три залпа по неприятелю, отступили и испанцы. Неприятельская армия была настолько многочисленна, что, несмотря на свои потери убитыми и ранеными, она смело продолжала идти вперед, осыпая тучами стрел злополучных поселенцев. В этом случае было замечено, что раненый дикарь, еще способный держаться на ногах, дерется с еще большим ожесточением, чем оставшийся невредимым, и поэтому он гораздо опаснее.

Раненые англичанин и испанец тут же умерли и были оставлены отступавшими колонистами на месте. Наткнувшись на эти два трупа, дикари пришли в неистовство и с торжествующим воем, кривляясь как бешеные обезьяны, принялись ломать им руки и ноги и разбивать головы палицами и деревянными мечами. Радость победы хоть над двумя врагами заставила их прекратить преследование остальных поселенцев. Собравшись в кружок над изуродованными трупами, они пустились в пляс торжества, сопровождаемый дикими выкрикиваниями и воплями радости.

По окончании пляски они снова собрались в кучу и стали оплакивать своих убитых и раненых, умиравших у них на глазах.

Между тем, губернатор собрал военный совет на возвышении, куда отступил Аткинс. Последний, хотя и раненый довольно сильно, настаивал на том, чтобы снова атаковать дикарей. Однако губернатор на это возразил:

— Сеньор Аткинс, вы видели, как сражаются их раненые. Советую оставить их всех в покое до утра. За ночь все раненые у них, наверное, умрут; тогда у нас останется меньше противников.

— Это верно, сэр, — весело ответил Аткинс. — Но беда в том, что до утра могу умереть и я, поэтому мне хотелось бы делать дело, пока я еще в состоянии.

— Я нахожу, сеньор Аткинс, — вежливо произнес губернатор, — что вы и так уже сделали больше, чем можно. Теперь очередь поработать и за нами, а мы не напомним возможным продолжать битву до утра, если только наш неприятель сам не затронет нас в течение ночи, чего я, впрочем, не думаю.

Сначала так и было решено. Аткинс тоже согласился на это.

Но когда настала ясная лунная ночь, и колонисты заметили, что дикари все еще в беспорядке толпятся возле своих раненых, производя оглушительный шум, то все-таки решили сделать в них несколько ружейных залпов, если только удастся прокрасться к ним незамеченными на расстояние ружейного выстрела. Один из мирных англичан, возле усадьбы которого происходило дело, взялся провести товарищей в обход, между лесом и морским берегом. Когда отряд дошел до известного пункта, проводник повернул к югу, и через несколько времени весь отряд очутился на расстоянии выстрела от главного становища дикарей. Последние, ничего не подозревая, мирно укладывались спать. Внезапно сделанный в них залп из восьми ружей привел их в страшное смятение. Через минуту последовал новый залп из ружей, заряженных крупной дробью. Этими двумя залпами множество было убито и еще больше ранено. Злополучные дикари в недоумении оглядывались, не понимая, откуда это на них несет гибель, и не зная, куда бежать от нее.

Быстро зарядив свои ружья, колонисты разделились на три равных отряда; они решили напасть на дикарей разом с трех сторон. У колонистов всего было двадцать четыре человека, в том числе две женщины, несколько не уступавшие в храбрости и энергии мужчинам. Таким образом, в каждом отряде оказалось по восемь человек. Ввиду страшной опасности, колонисты уговаривали женщин уйти и снова укрыться в подземелье, но они заявили, что желают не только жить, но и умереть вместе с своими мужьями. Гнать их насильно никто не решился, тем более, что их помощь была далеко не лишней, поэтому решили оставить и их.

Составив, таким образом, три маленьких отряда, колонисты вдруг с оглушительными криками выскочили с трех сторон из-за деревьев, скрывавших их до тех нор. Это неожиданное нападение еще более усилило было панику дикарей. Однако, они скоро опомнились. Поняв, наконец, что имеют дело с людьми, а не с невидимыми существами, индейцы стали в оборонительную позу и принялись осыпать наступавших градом стрел. Первый опасно раненым оказался старый Пятница. Колонисты, однако, не смутились от такой встречи. Дав еще залп в дикарей, они потом сами врезались в их средину и начали усердно работать прикладами, саблями, топорами, алебардами и дубинами. Битва была отчаянная. Сначала дикари сражались как разъяренные львы, но силы их постепенно начали слабеть, благодаря превосходству оружия колонистов, так что в конце концов они дошли до такого состояния, что им ничего не оставалось, как бежать куда глаза глядят, лишь бы спасти свою жизнь.

Но и поселенцы были не менее утомлены этой страшной бойней. Потом оказалось, что они в двух сражениях убили и ранили насмерть сто восемьдесят дикарей. Оставшиеся в живых с ужасом разбежались в леса и горы. Гнаться за ними ночью колонисты не нашли нужным. Собравшись все вместе, они поспешили к месту высадки неприятеля, где оставались его пироги. Они думали, что дикари станут собираться туда, чтобы сесть в свои лодки и уехать обратно. Но пока они шли к берегу, поднялся сильный ветер, скоро превратившийся в бурю. Ясно было, что дикари не рискнут пуститься в море при такой погоде. И действительно, ни один из них даже не появлялся на берегу, вероятно, пережидая бурю где-нибудь в лесу. Колонисты видели, как некоторые из пирог были унесены далеко в море, другие заброшены бушующими волнами так далеко на берег, что нужно было много труда, чтобы стащить их обратно на воду, а остальные почти все разбились одна о другую или о выступы берега.

Поняв, что дикари, таким образом, находятся в их власти, колонисты с облегченным сердцем возвратились в укрепление. Подкрепив свои силы сытным ужином, они решили отправиться посмотреть, куда собственно девались дикари. Проходя мимо поля битвы, они увидели множество раненых, истекавших кровью и мучившихся в предсмертных судорогах. Это зрелище было очень тяжело для благородных испанцев. Великодушные люди хотя и следуют неумолимому закону войны, требующему беспощадного истребления врага, но не способны наслаждаться мучениями побежденного.

Испанцы колебались, уже хотели было приказать своим невольникам прекратить страдания несчастных дикарей, испускавших жалобные стоны, но те сами догадались сделать это, не дождавшись распоряжения: меткими ударами топоров в головы они прекратили мучения раненых.

После долгих блужданий колонисты, наконец, увидели место, где собрались и расположились жалкие остатки дикарей. Почти все индейцы сидели на корточках, опустив голову до колен и закрыв лицо руками.

Меткими ударами топоров в головы они прекратили мучения раненых.

Когда колонисты приблизились к ним на расстояние двух мушкетных выстрелов, губернатор приказал сделать два выстрела холостыми зарядами, чтобы поднять в среде дикарей тревогу и узнать, готовы ли они снова вступить в битву или до такой степени угнетены своим поражением, что не в состоянии больше сражаться. Сообразно с тем или другим расположением духа врага губернатор хотел определить и свой собственный образ действий.

Едва только раздались выстрелы, как индейцы в страшном испуге вскочили на ноги, а увидев наступающих колонистов, с жалобными воплями и криками, каких поселенцы никогда раньше не слыхивали, бросились без оглядки бежать в горы.

Теперь у поселенцев было одно желание: чтобы буря как можно скорее улеглась, и дикари могли бы убраться восвояси на уцелевших от бури пирогах. Но при этом они упускали из виду, что если дикари удалятся, то, разумеется, только за тем, что-

бы потом возвратиться в гораздо большем числе, — тогда всякое сопротивление со стороны поселенцев окажется невозможным; или же они будут периодически повторять свои наезды небольшими партиями и притом так часто, что лишат колонистов возможности заниматься своим хозяйством и таким образом обрекут их на верную голодную смерть. Это соображение первому, кажется, пришло в голову Уиллу Аткинсу, который, несмотря на свою рану, все время не отставал от товарищей. Во всяком случае, он дал очень разумный совет, сказав, что нужно воспользоваться выгодами своего положения и отрезать дикарям путь к пирогам, чтобы навсегда отнять у них возможность уйти с острова и не дать повода к новым набегам.

Его предложение вызвало горячие споры. Некоторые из колонистов говорили, что если дикари останутся в лесу, то с отчаяния превратятся в разбойников; тогда придется вечно предпринимать на них охоты, как на диких зверей; никому нельзя будет выходить на работу без оружия; плантации и стада вечно будут находиться в опасности и вообще вся жизнь колонистов превратится в ряд всевозможных тревог, лишений и бедствий.

На это Уилл Аткинс возражал, что лучше одновременно иметь дело с сотней людей, чем в разное время с сотней различных племен. По его мнению, колонисты должны сначала истребить пироги, а затем и самих дикарей или же добровольно обречь себя самих на гибель от рук индейцев. Он так красноречиво и убедительно доказывал справедливость своего первоначального предложения, что в конце концов все согласилось с ним и решили немедленно уничтожить пироги. Берег был недалеко. Пока одни из поселенцев разводили костер из сухого хвороста, другие сбегали на берег и притащили оттуда несколько пирога, которые и бросили в огонь. Лодки были так пропитаны водой, что не могли гореть. Тем не менее они настолько истлели, что сделались негодными к употреблению.

Очевидно, дикари наблюдали за действиями колонистов, потому что через несколько времени некоторые явились к ним и, упав на колени и простирая кверху сложенные руки, начали хором твердить никому непонятные слова, из которых испанцы уловили только все повторявшиеся: «Оа, оа, Варамока!». Судя по движениям дикарей, умоляющему выражению их лиц и глаз и жалобным голосам, не трудно было, однако, понять, что они просят не трогать их лодок и обещают немедленно уехать с тем, чтобы никогда больше не возвращаться назад.

Но колонисты теперь были убеждены, что могут спасти свою жизнь и свои плантации не иначе, как лишив дикарей всякой возможности уйти от них живыми; они поняли, что если хоть один из них возвратится к своим единоплеменникам, то приведет их такое число, что колонии не устоять. Объяснив дикарям знаками, что не могут исполнить их просьбы, они продолжали свое дело. Увеличив и все время поддерживая пламя костра, они добились того, что огонь уничтожил все пироги, уцелевшие от бури дикари сначала выли, как иступленные, а потом с угрожающими жестами и криками бросились бежать и скрылись в лесу.

Тут только призадумавшиеся колонисты поняли, что при всей своей рассудительности упустили было из виду, что лишенные возможности уехать и доведенные до отчаяния дикари поставят их самих в необходимость постоянно быть вооруженными и настороже, то есть, вечно находиться в осадном положении. Положим, они уже успели загнать свои стада в тайник, который еще не был открыт индейцами, так же, как и воздвигнутое мною укрепление. Но зато дикари в ту же ночь наткнулись на мою

бывшую «дачу» и все в ней разрушили: сожгли беседку, разорили ограду и изгороди, уничтожили все посадки, вытоптали все хлебные посевы, вырвали с корнями виноградные лозы, только что созревшие, — словом, не оставили там ничего в целости и нанесли своим врагам непоправимый вред, не принеся, конечно, и себе ни малейшей пользы.

Хотя колонисты и могли быть вполне уверены, что при каждой стычке с дикарями победа останется на стороне колонистов, тем не менее, они должны были сознавать и то, что нельзя же им все время только и делать, что гоняться по всему острову за дикарями и устраивать на них облавы, тем более что индейцы отличались удивительным проворством, ловкостью и приткостью, чего нельзя было сказать о поселенцах. И потом, как гоняться за ними? Всем вместе было очень неудобно, а в одиночку или попарно было опасно, так как дикари могли встретиться в таком количестве, что не было бы никакой возможности с ними справиться. Хорошо еще, что дикари расстреляли все свои стрелы, а делать их им было не из чего, да и нечем, потому что у них не имелось никаких острых орудий.

В сущности, положение индейцев, очутившихся на чужом острове, посреди врагов, и лишенных всяких средств к существованию, было ужасно, но и положение колонистов было не многим лучше. Хотя укрепление и тайники уцелели, зато были уничтожены почти все посевы и запасы, и они теперь положительно не знали, что предпринять. Вся их надежда теперь была на уцелевших коз и на тот незначительный посев, который был сделан на всякий случай в долине возле той пещеры, где было спрятано стадо. Уцелела, впрочем, еще плантация трех англичан, из которых один был убит в сражении, а другой, Уилл Аткинс, так опасно ранен, что можно было опасаться за его жизнь, хотя он и оставался пока на ногах. Не мешает, кстати, заметить, что убитый англичанин был тот самый, который чуть было не изрубил топором невольника, а потом хотел убить испанца, заступившегося за ни в чем не повинного дикаря.

По моему мнению, положение колонистов в описываемое время было хуже моего, когда я, случайно разжившись горстью ячменных и рисовых зерен, начал приступать к хлебопашеству, или приручал диких коз. Колонистам было хуже уже по одному тому, что они оставили у себя на острове целую сотню алчных двуногих волков, которые уничтожали все попадавшее им на глаза, могли при первом удобном случае съесть их самих и были почти неуловимы.

Пообсуждав, что им делать, поселенцы решили прежде всего загнать дикарей, если только это окажется возможным, в самую отдаленную часть острова, то есть на юго-восточную его сторону, так, чтобы в случае появления новой партии индейцев те не могли сойтись с ней, кроме того, постоянно преследовать их и беспощадно убивать каждого, который им попадется на глаза, и когда, наконец, дикарей останется немного, заставить их сдаться и сделать невольниками, после чего можно будет научить их земледелию и хозяйству.

Согласно этому решению, поселенцы начали гонять дикарей всюду и в несколько дней так напугали их своей стрельбой, что те падали на землю при одном звуке выстрела. Гонимые и теснимые со всех сторон, индейцы бежали все дальше и дальше, причем большинство их гибло от рук преследователей. Наконец, злополучные дикари забрались в самые глухие места, где и умирали от голода. Колонисты потом часто находили трупы погибших этой ужасной смертью.

Вид этих несчастных жертв войны глубоко трогал сердца поселенцев и вызывал в них сострадание. Особенно был тронут благородный, человеколюбивый губернатор. Сжалившись над несчастными дикарями, он предложил постараться захватить хоть одного из них живым и дать ему понять, что он спасет и себя и своих товарищей, если убедит их сдать колонистам и подчиниться им во всем и что тогда и им самим будет хорошо, и колонисты оправятся от бедствий войны.

Поймать дикаря оказалось делом очень нелегким. Однако через несколько дней это все-таки удалось сделать, благодаря, впрочем, тому, что колонисты нечаянно наткнулись на умиравшего от голода. Сначала этот дикарь упорно отказывался от предлагаемой ему пищи, но потом, видя, что ему не хотят зла и относятся к нему вполне дружелюбно, он с жадностью стал есть и пить и сделался кротким и приветливым.

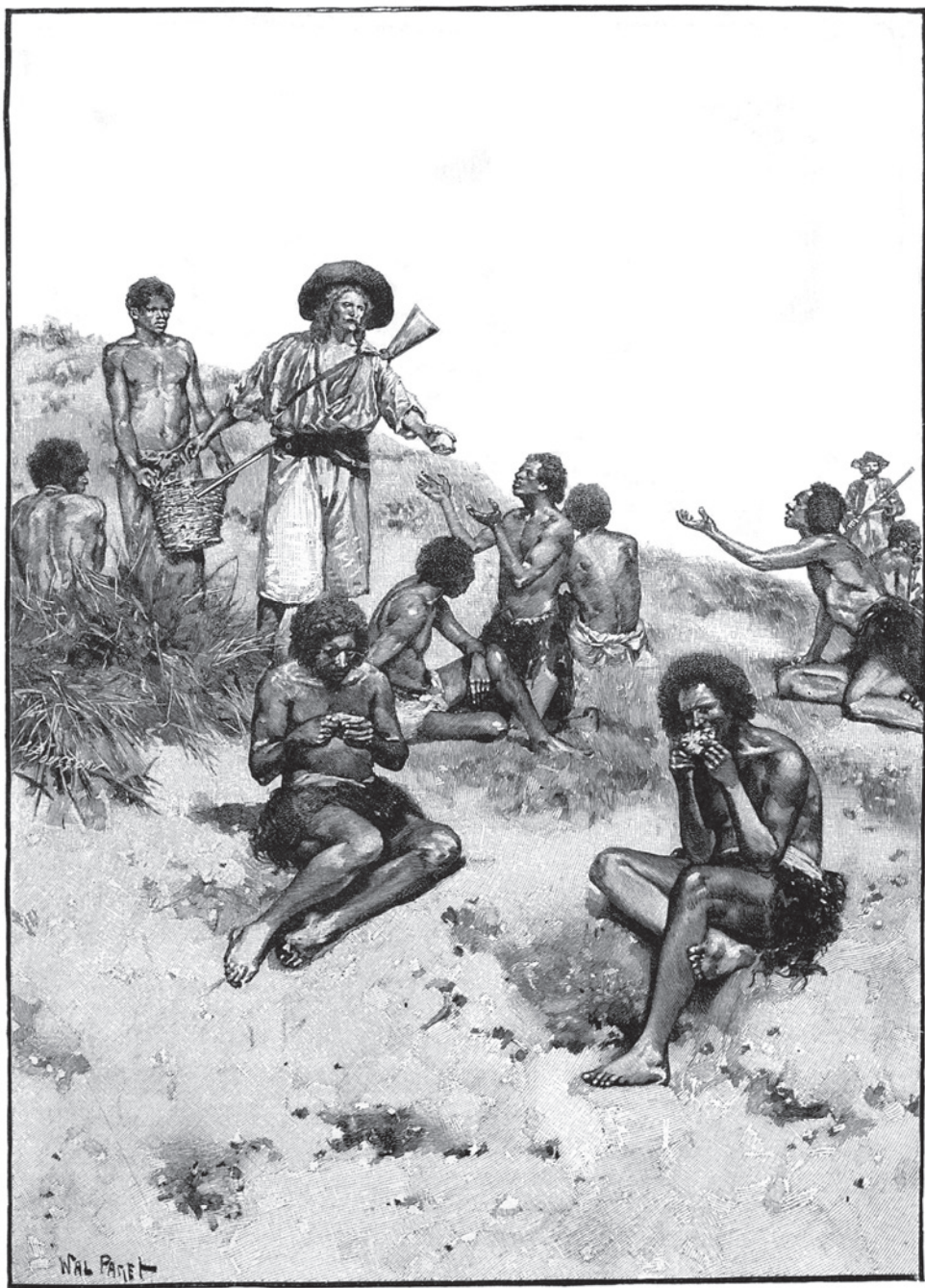
Убедившись, что дикарь не понимает их знаков, колонисты привели к нему старого Пятницу, который и растолковал ему, что колонисты готовы всегда обходиться ласково не только с ним одним, но и со всеми его товарищами, что они отведут им часть острова для поселения и будут помогать всем, чем только могут, если только дикари поклянутся, что оставят колонистов в покое и не будут более наносить им никакого вреда и ущерба. По приказанию губернатора старик прибавил, что дикарям даже будет дано зерно для посева, и до тех пор, пока он созреет, им будет отпускаться уже готовый хлеб. Кроме того им дадут ручных коз и все необходимое для устройства хорошего хозяйства. В заключение старый Пятница прибавил, что если дикари не согласятся на эти условия, то всех их беспощадно перебьют или предоставят в жертву голодной смерти, от которой погибло уже столько их товарищей. Когда дикарю все это было объяснено, его отправили послом к товарищам.

Доведенные до последней степени истощения, индейцы, которых осталось всего тридцать семь человек, с радостью приняли сделанное им колонистами предложение и умоляли только поскорее накормить их. Когда посол возвратился с этим ответом, губернатор немедленно отправил двенадцать хорошо вооруженных испанцев и двух англичан к дикарям. Отряд этот сопровождали трое невольников и старый Пятница, нагруженные корзинами с хлебом и рисовыми лепешками, высушенными на солнце. Кроме того, старый Пятница вел трех коз.

По прибытии на место колонисты собрали всех дикарей у подножия холма и накормили их. Выражения благодарности со стороны этих несчастных загнанных и изголодавшихся людей, казалось, не будет конца. К чести их будь сказано, они свято сдержали данную ими клятву и никогда не переступали границ отведенного им участка, исключая тех случаев, когда им нужно было получить от колонистов обещанные припасы или когда они хотели попросить у них совета и указаний. Так они и прожили до самого моего прибытия на остров.

Поселенцы выучили их хлебопашеству, разведению коз, молочному хозяйству и многому другому, не менее полезному. Будь у этих новых поселенцев жены, они быстро составили бы целое отдельное племя. Участок, который им отвели на юго-восточном берегу острова, выдавался мысом в море и был ограничен с одной стороны высокими утесами. Почва в этом месте была превосходная и поэтому обрабатывалась сравнительно легко. Весь этот участок был шириною мили в полторы и милю около четырех длиной.

Кроме того колонисты научили дикарей делать деревянные заступы и лопаты, какие делал я, и дали им дюжину топоров и несколько крепких ножей. За все эти за-

*По прибытии на место, колонисты собрали всех дикарей
у подножия холма и накормили их.*

боты о них дикари выказали себя самыми тихими, кроткими, смирными, покорными и признательными существами в мире.

Со времени покорения этих дикарей и вплоть до моего приезда, то есть в течение почти двух лет, колония наслаждалась полным миром, тишиной и спокойствием. Положим, по временам к острову приставали другие дикари, для совершения своих кровавых пиршеств; но так как они принадлежали к другим племенам и, по-видимому, не знали ничего о тех, которые бывали до них на этом острове, то и не делали попыток узнать об их участии, а спокойно уезжали обратно по окончании пиршества.

Вот полный отчет обо всех происшествиях на острове, достойных замечания, во время моего долгого отсутствия. Дикари очень быстро цивилизовались под влиянием приютивших их европейцев, которые часто сами посещали их, запрещая им, под угрозой смертной казни, являться к ним за чем бы то ни было, когда их не звали, или им предварительно не было дано специального разрешения приходить за получением чего-нибудь.

Я забыл упомянуть, что колонисты между прочим научили дикарей и искусству плести корзины и разные другие вещи, как-то: сита, клетки, подносы, даже стулья, кресла, кровати, циновки и многое другое. Индейцы оказались удивительно способными, особенно к этой работе и делали ее превосходно. Некоторые предметы были ими сделаны прямо художественно.

Мое прибытие принесло большую пользу и дикарям, потому что, узнав об их существовании и побывав у них, я снабдил их нужным количеством ножей, ножниц, лопат, заступов, кирок и множеством других необходимых орудий. Благодаря этим орудиям, индейцы так усовершенствовались во всевозможного рода работах, что скоро стали строить себе довольно красивые хижины, стены которых были очень искусно сплетены из толстых и гибких ветвей. Эти постройки были очень прочны и своеобразны на вид; кроме того они служили прекрасной защитой от чрезмерного зноя и от всякого рода насекомых, отгоняемых сильным, но довольно приятным запахом, испускаемым ветвями, из которых были сплетены стены. Хижины эти так понравились колонистам, что они попросили дикарей сделать и им такие же, что те с величайшей радостью очень быстро и исполнили. Издали эти оригинальные постройки казались громадными пчелиными ульями.

Уилл Аткинс, совершенно оправившийся от своей тяжелой раны и вдруг превратившийся в тихого, скромного, рассудительного и работающего человека, сам воздвиг себе такую плетеную хижину, какой ранее, я думаю, не было на всем свете. Внешняя окружность ее равнялась ста двадцати шагам. Стены были сплетены так туго и плотно, что сквозь них не могла пройти даже вода. На всю хижину пошло тридцать два отдельных плетеных квадрата. Вышиной стены были в семь футов. Внутри этих стен находились другие, окружностью в двадцать два шага по моему измерению, которые заключали самое жилое помещение. Эти вторые стены имели форму восьмиугольника. В каждом из углов были врыты прочные столбы, на которых лежали поперечные перекладины, скрепленные деревянными болтами, а на перекладинах были укреплены восемь стропил, соединявшихся вверху красивой пирамидой.

Все это было сделано не только красиво, но и очень прочно, хотя у Аткинса не было в распоряжении ни одного железного гвоздя, имелось только несколько заклепок, которые он сам смастерил себе из куска старого железа, оставшегося после меня. Вообще этот человек стал выказывать замечательную способность и изобретатель-

ность к различного рода работам, которые раньше были ему совершенно незнакомы. Так он, между прочим, устроил кузнечный горн и два деревянных меха для раздувания огня, и сам жег уголь для этого горна. Из корабельного ганшпуга¹ он сделал небольшую наковальню. В устроенной таким образом кузнице он выделал множество полезных предметов, вроде крючков, петель, болтов и задвижек.

Я забыл упомянуть при описании его хижины, что промежутки между стропилами были заделаны тоже плотным плетением, сверх которого была наложена густым слоем рисовая солома. Эта солома, в свою очередь, была покрыта широкими листьями какого-то дерева, и таким образом вышла прекрасная крыша, защищавшая от дождя не хуже тесовой и даже черепичной. Он сам говорил мне, что вся эта постройка была возведена его собственными руками, только стены были сплетены для него дикарями. Внешние стены были так же покрыты, как и внутренние. Толстые стропила, в двадцать футов длиной, одним концом были прикреплены к тридцати двум угловым столбам наружных стен, а другим упирались в крышу внутреннего здания. Собственно говоря, внешняя постройка изображала собою крытую галерею шириною около двадцати футов.

Внутреннее помещение разделялось плетеными перегородками на шесть равных частей, или комнат, из которых каждая имела две двери: одну, сообщавшуюся с галереей, а другую — с центральной главной палаткой. Галерея тоже была разделена на шесть частей, или помещений, служивших кладовыми. Но так как окружность галереи была гораздо значительнее окружности внутреннего помещения, то из образовавшегося, таким образом, излишка оказалось возможным устроить еще четыре комнаты, сообщавшиеся с внутренними. Кладовые были расположены по бокам прохода, ведущего из наружных дверей во внутренние помещения.

Я убежден, что никто никогда не видывал такого прекрасного плетения, как то, из которого были сделаны стены хижины Аткинса, и такого хорошенького жилища, каким оказалась эта своеобразная хижина.

В этом громадном улье помещались три семьи: Уилл Аткинс, его товарищ с женой и вдова убитого англичанина с тремя детьми. Кстати сказать, Аткинс с товарищем приняли большое участие в этой женщине, снабжали ее хлебом, молоком, виноградом и прочим. Убив козу или набрав черепаших яиц, они немедленно делились этим со вдовой. Вообще все три семьи жили очень дружно и согласно. Но все-таки я должен сказать, что хотя эти англичане и изменились к лучшему, тем не менее, они уступали остальным двум своим соотечественникам в трудолюбии и способностях.

В заключение, я должен прибавить, что, насколько я понял, у этих поселенцев не было ни малейшего религиозного чувства. Положим, они очень часто напоминали друг другу о существовании Бога, но, к сожалению, только в форме божбы или клятвы. Поэтому их бедные невежественные жены-дикарки нисколько не сделались просвещеннее и лучше от того, что имели мужьями христиан, какими последние считались. Понятно, что раз эти англичане сами не были проникнуты религиозным чувством и не обнаруживали никакого богопочитания, то не могли внушить ничего этого и своим женам.

¹ Ганшпуг — рукоять ворота.

Вообще влияние англичан на жен выразилось только в том, что те научились кое-как объясняться на их языке. Дети их выучились по-английски гораздо лучше матерей, как это впрочем всегда и бывает: ребенку легче взрослого научиться любому языку.

Всех детей в колонии в пяти семьях было двадцать человек, но ни одного ребенка старше шести лет не было. Это объясняется появлением женщин на острове только за семь лет до моего приезда. Все дикарки оказались очень плодовитыми и имели по несколько детей. Жена бывшего корабельного повара при мне была беременна уже шестым ребенком.

По моим личным наблюдениям все эти женщины были очень тихого и кроткого нрава; кроме того, они отличались удивительным трудолюбием, чистоплотностью и аккуратностью. Они постоянно помогали друг другу и с величайшей покорностью относились к своим мужьям, которые играли роль настоящих господ над ними. Единственным недостатком этих приятных, скромных и своеобразно грациозных женщин было отсутствие религиозных понятий, в чем они, конечно, нисколько не были виноваты. Жаль было еще то, что они не находились в законном браке со своими мужьями.

Впрочем, все эти недостатки, как читатель увидит дальше, во время моего пребывания на острове были исправлены.

ГЛАВА III

Несколько слов об испанцах. — Прошедшие бедствия. — Полное согласие. — Раздача орудий. — Молный груз. — Французский священник. — Новый миссионер. — Религиозное увещание. — Свадьбы. — Обращение Уилла Аткинса.

Окончив общее обозрение всей колонии и рассказав, как устроились мои англичане, я хочу посвятить несколько строк и испанцам, составлявшим главное ядро колонии. В истории их жизни на острове тоже немало интересного.

Я часто беседовал с испанцами об их жизни посреди дикарей во время их плена, и они горько жаловались на то, что у них тогда не было ни малейшего побуждения к умственной деятельности. Будучи горстью несчастных, жалких, отверженных существ, они под давлением сознания своей горькой участи дошли до такого отчаяния, что ни о чем более не могли думать, кроме предстоящей им голодной смерти. Губернатор, самый серьезный и рассудительный между ними, тщетно старался ободрить и утешить их, доказывая им, что вместо того, чтобы предаваться бесплодному отчаянию, им следует обратиться к помощи разума; только один разум и может указать средство к выходу из дурного положения и путь к новой жизни. Он им доказывал, что нет ничего в мире бесполезнее и вреднее, когда люди сидят, сложа руки, и только ноют о своем горе. Ведь что прошло, того никакими слезами, никакой скорбью вернуть нельзя, и кто только все думает об этом прошлом, тот добровольно отказывается от спасения и закрывает себе путь к лучшему будущему. На этот случай у испанцев есть пословица, гласящая: «Печалиться в горе — значит увеличивать свое горе вдвое».

Передавая мне это, губернатор сравнивал мою одинокую жизнь на острове и мое трудолюбие, благодаря которому мне удалось выпутаться из положения, бывшего нестерпимо хуже того, в котором находятся они, и поставить себя в такие условия, точно я жил не на необитаемом острове посреди океана, а в какой-нибудь благоустроенной стране. Кстати сказать, этот испанец находил, что ни один народ во всем мире не отличается такой твердостью духа в несчастье, как англичане, а его соотечественники точно так же, как и португальцы, совершенно негодны к борьбе с житейскими невзгодами, потому что при первой же встрече с ними они совершенно падают духом и лишаются всякой возможности придумать средство к устранению невзгод или просто хоть к улучшению своей участи; вместо этого они предаются унынию и отчаянию и погибают.

Когда губернатор выразил при мне это мнение, я возразил, что мое положение нельзя было сравнивать с положением его и его товарищей посреди дикарей: они

были выброшены на берег без всяких средств к существованию, даже без оружия, которым могли бы добыть себе что-нибудь для поддержания своей жизни, поэтому естественно, что они не могли думать о будущем, когда им не за что было ухватиться в настоящем. Я же хотя и был совершенно одиноким, — что, конечно, было громадным несчастьем, — зато Провидение, пригнав к берегу корабль, дало мне в руки все, необходимое к устройству сносного существования на пустынном острове, следовательно, мне не от чего было приходить в отчаяние, и я мог спокойно заботиться о будущем. Короче сказать: я не видел ровно никакой заслуги в том, что не впал в уныние и не погиб.

На это губернатор ответил:

— Нет, сеньор, я уверен, что если бы кто-нибудь из нас очутился в вашем положении, он не добыл бы с корабля, принесенного к берегу, и половины того, чем пользовались вы. Никому из нас и в голову бы не пришло соорудить плот, а если бы как-нибудь случайно и сделали это, то мы не сумели бы управлять этим плотом без различного рода приспособлений. Уверяю вас, что мы и все вместе погибли бы без посторонней помощи, а в одиночку и подавно!

Чтобы не выслушивать дальнейших незаслуженных похвал, я попросил испанца рассказать все подробности его пребывания посреди дикарей. Он охотно согласился на это. Из его рассказа я узнал, что хотя на том берегу, к которому принесло их бурей, и было много людей, но не имелось почти никаких пищевых продуктов. Не будь у них совершенно подавлено благоразумие, они пустились бы снова в море на поиски другого более удобного пристанища и, наверное, напали бы на небольшой островок, находившийся, как они потом узнали, по соседству и отличавшийся замечательным плодородием, хотя он и был почему-то необитаем. Дело в том, что к этому островку часто приставали испанцы с острова Тринидад, и развели там множество коз и свиней, благодаря обилию корма для этих животных. Кроме того, на этом островке водилось множество черепах и птиц, так что если бы испанцы попали на него, то, будучи лишены хлеба, они имели бы сколько угодно мяса. Там же, где они очутились, не было ровно ничего, кроме кореньев и трав, очень невкусных и мало питательных, притом чрезвычайно скупо отпускаемых им туземцами, которые сами не имели другой пищи, а потому берегли и эту. Впрочем, по временам дикари могли бы угостить их человеческим мясом, составлявшим для них самих такое лакомство, но испанцы, конечно, не могли без отвращения даже подумывать о том, как они будут есть подобных себе.

С чувством бесконечной грусти слушал я повествование испанцев о тех днях, когда они почти умирали с голоду, но, тем не менее, прилагали все усилия, чтобы хоть немного цивилизовать тех несчастных, тонувших во мраке невежества людей, к которым их забросила судьба. Однако все их попытки в этом отношении оказались напрасными. Дикари не были в состоянии усвоить самых простых понятий о том, как следует жить. Они даже обижались на то, что их вздумали учить люди, которые сами жили только их помощью. Роль учителей они, очевидно, признавали лишь за теми, которые могли обходиться без посторонней помощи.

По словам испанцев, дикари, посреди которых они находились, не бедствовали бы так ужасно, если бы не были крайне ленивы и неподвижны. Зато они не были так жестоки и кровожадны, как те дикие племена, которые деятельнее, и лучше питаются. Далее испанцы говорили мне, что хотя их положение и было очень печально, тем

не менее, они сознавали, что и в нем сказывается премудрая благодать Провидения, управляющего судьбой людей, потому что если бы они, выведенные из терпения дурными жизненными условиями на этом острове, отправились на поиски другого, где можно было бы лучше питаться, то им не пришлось бы воспользоваться той помощью, которую им послало Небо через меня.

Рассказали они и о том, как дикари требовали от них, чтобы они помогали им во время войны. Действительно, имея при себе огнестрельное оружие, испанцы могли бы оказать громадные услуги своим друзьям, нагоняя своими выстрелами страх на их врагов, но у них не было ни пороха, ни пуль, без которых, разумеется, это оружие было бесполезно. Таким образом, участвуя в сражениях дикарей, испанцы, в сущности, находились в гораздо худшем положении, чем сами дикари, потому что предлагаемыми им луками и стрелами они не умели владеть. Покоряясь необходимости, они изображали собою только мишень для стрел неприятеля, пока не сходились с ним настолько близко, чтобы можно было пускать в ход свои три алебарды и острые деревянные пики, вставленные в дула мушкетов. Однако иногда им даже этими алебардами и пиками удавалось обратить в бегство целые отряды дикарей. Они часто были покрыты ранами от стрел, пока не догадались устроить себе широкие деревянные щиты, которые обтягивали шкурами попадавших им иногда в руки маленьких животных неизвестной породы. Однако, несмотря на эту защиту, они несколько раз подвергались большой опасности. Так, однажды, во время сражения пятеро из них были сбиты с ног ударами громадных дубин дикарей, а шестой был взят в плен, именно тот самый, которого я потом спас, когда его привезли ко мне на остров для заклания. Товарищи сначала думали, что он убит, но когда увидали, что дикари уводят его живым, ими овладело страшное отчаяние, так как они знали, что делают дикари со своими пленными. Если бы было можно, они охотно все пожертвовали бы своей жизнью, чтобы только спасти его от ужасной участи быть съеденным дикарями.

Убедившись, что сбитые с ног товарищи только ошеломлены ударами, а в общем не особенно пострадали, часть испанцев стала приводить их в чувство, а другая продолжала отбиваться от обступивших их неприятелей. Борьба была отчаянная. Когда сшибленные с ног испанцы пришли в себя и оправались, то они снова стали в ряды товарищей. После новой жаркой схватки им всем вместе удалось пробиться сквозь сильный отряд дикарей и даже одержать полную победу. Но эта победа их не радовала, потому что была сопряжена с потерей одного из своих товарищей.

Они с неподдельным чувством описывали мне, как были обрадованы, когда снова увидели пред собою живым и невредимым своего друга и товарища, спасенного мною и посланного за ними. Они были вполне уверены, что он давно уже растерзан и съеден лютыми зверями в человеческом образе, поэтому долго не верили своим глазам, когда он вдруг появился среди них. Еще более изумило их сообщенное им известие, что неподалеку живет христианин да еще такой, у которого оказалось достаточно человеколюбия, чтобы позаботиться о других.

Когда же они увидели все, что я им прислал, а главное — хлеб, которого они были лишены с тех пор, как попали на этот бесплодный остров, то их восторгу не было предела, как они сами со слезами на глазах рассказывали мне. Они видели в этом хлебе дар Небес и чувствовали несказанное наслаждение при одном только прикосновении к нему. Когда же им показали лодку, готовую перевезти их туда, откуда пришло столько утешений, ими овладело настоящее безумие от избытка радости. Одни пла-

кали, другие хохотали, а некоторые даже лишились чувств. Они положительно не находили способов достаточно сильно выразить тот восторг, который потрясал все их существо. Это, по-видимому, было нечто вроде восторгов Пятницы при встрече с отцом и иступленной радости пострадавших от пожара на корабле и спасенных мною и моим племянником. Таковы же были и радость штурмана с лишенного мачт корабля, когда он получил от нас помощь, и мой собственный восторг, когда я ощутил под собой палубу корабля, готового везти меня на родину после двадцати восьмилетнего пребывания на пустынном острове. Все эти воспоминания заставляли меня отнестись с особенным сочувствием к рассказу бедных испанцев, которых я имел счастье спасти от отчаяния.

Сказав и об испанцах все, что находил нужным, перейду теперь к рассказу о том, что я сделал для колонистов своего острова и в каком положении оставил их.

Колонисты, да и я сам были уверены, что дикари больше не станут тревожить их своими набегами, а если бы они и нагрянули, то теперь хватит средств защититься от них, сколько бы их ни явилось. Следовательно, об этом нечего было беспокоиться. Таким образом, я имел полную возможность потолковать с испанцами относительно их дальнейшего пребывания на острове. Увезти их с собой я не имел намерения, да они, кажется, и сами не добивались и не ожидали этого. Значит, нужно было заняться окончательным благоустройством колонии.

Я объявил испанцам, что, не жалея издержек и трудов, привез все необходимое для безбедного существования колонии и для защиты от дикарей или от другой опасности, и что кроме того у меня на корабле находится несколько человек, которые желают пополнить собою ряды колонистов и могут принести им большую пользу в смысле изготовления одежды, разной утвари и других необходимых предметов.

Все это я повторил потом перед всеми собравшимися колонистами. Но прежде, чем раздать свои подарки, я спросил каждого из поселенцев, согласен ли он забыть все прежние ссоры и неприятности с товарищами, подать им руку в знак полного примирения и торжественно обещать жить со всеми в добром согласии, изгнать из своего сердца всякую неприязнь и заботиться не только о себе, но и об общем благе.

Все поспешили изъявить на это полное согласие. Уилл Аткинс выступил вперед и бойко сказал, что испытанные ими несчастья смирили их, а опасность со стороны дикарей заставила их всех тесно сплотиться и войти в интересы друг друга. Со своей стороны, он заявил, что готов жить и умереть вместе с товарищами, что не питает более никаких дурных замыслов против испанцев, так как, отлично сознает, что их строгость к нему была вызвана его дурным поведением и что он на их месте поступил бы еще более круто. При этом он добавил, что готов от всей души просить у них прощения и загладить полным повиновением и какими угодно услугами свои прежние проступки.

На мой вопрос, не желал ли бы он возвратиться в Англию, он ответил, что свыкся с островом, на котором провел уже много лет, и готов прожить на нем и всю остальную жизнь.

Со своей стороны испанцы заявили, что только горькая необходимость вынудила их обезоружить и изгнать из своей среды Уилла Аткинса и его двух товарищей, но что потом Уилл Аткинс выказал такое мужество в битве с дикарями, и, в различных других случаях, столько преданности и усердия к общине, что они давно уже все простили ему и не только снабдили его вновь оружием и дали ему все необходимое для

Пир удался как нельзя лучше.

поддержания его жизни, но даже сделали его помощником губернатора. В заключение испанцы заявили, что они теперь вполне доверяют и товарищам Аткинса, тоже сделавшимся прекрасными членами общины, и радуются случаю рекомендовать их мне с самой лучшей стороны.

Вслед за тем каждый в отдельности дал мне слово никогда не поступаться общей пользой ради своих личных интересов, чувств и целей.

Удостоверившись таким образом, что между всеми поселенцами теперь царят дружба, мир и спокойствие, я решил на следующий день устроить общий пир; он удался как нельзя лучше. Обед готовили повар и его помощник с нашего корабля. Старый повар-поселенец усердно помогал им. На этот обед пошло шесть громадных кусков мяса и четыре куска свинины, отпущенные мне из корабельных запасов. Кроме того, капитан дал пуншевую чашу и весь материал для приготовления пунша. К этому я присоединил из собственных запасов десять бутылок французского кларета и столько же английского пива. Бедные испанцы и англичане пришли в восторг при одном виде этих напитков, которых им не приходилось пробовать в течение долгого ряда лет.

Испанцы дали для этого пира пять козлят, которых наши повара отлично изжарили на вертеле; три жареных козла я велел отправить на борт корабля матросам, чтобы они могли насладиться свежим мясом с берега взамен данной нам солонины.

По окончании нашей веселой пирушки, в продолжение которой шел самый оживленный обмен чувств и мыслей, я велел разложить все, что привез колонистам. Чтобы уничтожить в самом зародыше всякий повод к спорам при дележе, я заявил, что всего много, и хватит на всех. Раздача началась с материй для платья. Все получили поровну, сообразно со своим возрастом, так что материи каждому досталось на одинаковое количество одежды. Потом я разделил полотно с таким расчетом, чтобы каждому досталось на четыре рубашки, и при этом оказался излишек, который у меня выпросили испанцы, так что у них вышло по шести рубашек. Этот подарок был дорог особенно испанцам, сильно терпевшим от недостатка белья, потребность в котором являлась для них второй натурой.

Тонкие английские ткани, о которых я раньше говорил, предназначались мной для широких камзолов, очень удобных в жаркое время года. Я дал каждому большой запас этих тканей, чтобы хватило надолго. Кроме того поселенцы получили много материй для панталон, курток и тому подобной одежды. Затем я раздал обувь, шляпы и разную мелочь.

Трудно описать, сколько радости и удовольствия выразалось на лицах этих бедных людей при виде всех моих подарков. Все в один голос называли меня своим отцом и благодетелем и говорили, что моя трогательная заботливость о них заставляет их забывать о том, что они живут на необитаемом острове. Они тут же дали мне клятву никогда не покидать этого острова без моего согласия.

После этого я познакомил поселенцев с мастеровыми, которых привез с собой, то есть с портным, кузнецом и двумя плотниками. Я объяснил, что все это люди очень искусные и трудолюбивые и что они принесут много пользы всей колонии, в особенности Джек, этот «мастер на все руки». Портной, желая зарекомендовать себя, тут же, с моего позволения, начал кроить платье и белье. Кстати сказать, этот человек очень быстро научил женщин владеть иголкой и шить белье своим мужьям, самим себе и детям.

Портной, желая зарекомендовать себя, тут же, с моего позволения, начал кроить платье и белье.

Нечего и говорить, какую громадную пользу принесли колонии мои плотники. Они живо разобрали все неуклюжие и неудобные произведения моего мастерства и сделали из старого и нового материала множество столов, стульев, кроватей, шкафов, полок, вешалок и много разной разности, необходимой в хозяйстве.

Желая показать плотникам, каких художников создает нужда в соединении с собственной охотой, я повел их смотреть плетеный домик Уилла Аткинса. Оба плотника в один голос признали, что никогда не видели примера такой изобретательности и, вместе с тем, такой красивой, легкой и прочной постройки. Один из них, после подробного осмотра хижины, обратился ко мне со следующими словами.

— Могу уверить вас, сэр, что тому, кто мог построить такой дом, мы совсем не нужны, и вам остается только снабдить его инструментами, чтобы он мог приложить свое искусство к чему-нибудь другому.

При раздаче мной различного рода орудий каждый из колонистов получил по два заступа, по паре лопат и грабель, по топору, долоту и пиле. Все эти предметы должны были по мере надобности пополняться из общего запаса, оставленного мной в распоряжении губернатора. Гвозди, петли, крючки, задвижки, молотки, ножи, ножницы, клещи и другие железные изделия были розданы в таком количестве, сколько было нужно каждому. Само собой разумеется, что никто не взял лишнего, потому что это не имело смысла: на что брать вещь, которая не нужна и только напрасно будет занимать место. Для кузнечных поделок я оставил две тонны железа.

Хижина Уилла Аткинса.

Боевых припасов я привез тоже так много, что колонисты на много лет были обеспечены ими. Ввиду этого им не была страшна никакая опасность; явись хоть тысячная армия дикарей, они и ее могут отразить, если только не случится каких-нибудь неблагоприятных обстоятельств.

Я привел с собой на берег того молодого человека, мать которого умерла от голода на корабле, и служанку, бывшую при этой злополучной женщине. Эта девушка была очень хорошо воспитана, отличалась скромностью, услужливостью и, — что всего важнее, — глубокой религиозностью. Она вела себя так мило во все время нашего пути, что заслужила общее расположение на корабле. Наверное, ей было очень неприятно находиться столько времени в обществе одних мужчин, но она этого не выказывала. Положим, она кроме уважения и участия ничего и не видела со стороны своих спутников.

Осмотревшись в моей колонии и поняв, что она находится на пути к полному благосостоянию и процветанию, эти молодые люди обратились ко мне с просьбой позволить и им поселиться на острове. Они заявили при этом, что в Ост-Индии им нечего делать, так как там у них нет ни родственников, ни друзей, нет даже простых знакомых. Понятно, что я с большим удовольствием исполнил их просьбу и тут же отвел им небольшой участок земли рядом с усадьбой Аткинса. Там им в несколько дней были возведены три хижины по образцу той, которую устроил себе Аткинс. Эти

хижины были соединены между собой; две из них должны были служить для отдельного жилья молодых людей, а третья — их общей столовой и складом для разного домашнего скарба.

Два англичанина, которых я называл мирными и добрыми, жили отдельно. Испанцы со старым Пятницей и несколькими невольниками продолжали обитать в моем укреплении у подножия горы. Таким образом, на острове образовались три колонии. Главным поселком, так сказать столицей острова, являлось укрепление. Испанцы густыми посадками деревьев так хорошо защитили его от нескромных взоров, что хоть тысячи непосвященных в тайну его существования могли ходить по острову в течение целого месяца, и все-таки им не удалось бы открыть этого лесного городка. Деревья были посажены так густо и так переплелись между собою ветвями и корнями, что посреди них можно было проложить дорогу только при помощи топора. В этом лесном лабиринте были только две тропинки, так хорошо скрытые, что я сам ни за что не нашел бы их без указания испанцев. Одна из них служила для выхода из укрепления, а другая — для входа в него. Первая шла по горе, под которою находилось укрепление, и вилась по насаженному и там густому лесу, занимавшему около акра земли и сплошь покрывшему всю гору, так что скрыты были все ее очертания; вторая тропинка начиналась у самого моря, на берегу бухточки, служившей мне когда-то пристанью, и тянулась на протяжении двухсот ярдов.

Вторая колония состояла из семьи Уилла Аткинса, его товарища, вдовы убитого англичанина, трех дикарей, молодого человека и служанки его матери. В этой же колонии поместились и приехавшие со мною ремесленники, а также и «мастер на все руки». Последний вскоре женился на служанке умершей с голода пассажирки.

Третью колонию составляли два англичанина с их семьями.

Упоминая о женитьбе Джека, я невольно вспомнил о молодом французском священнике, взятом нами с погибшего корабля. Этот священник принадлежал к римско-католической церкви, и я, быть может, оскорблю кого-нибудь, если не скажу о нем ничего дурного. Я уверен, что для протестантов будет непонятно, как это папист и, вдобавок, монах может быть обрисован только с одной хорошей стороны. Но справедливость прежде всего. И во имя этой справедливости я должен сказать, что трудно было найти человека лучше этого священника. Несмотря на свою молодость, это был серьезный, умный, нелицемерно набожный человек, удивительно непритязательный во всем, что касалось лично его, весь исполненный милосердия и до крайности точный во всех своих делах.

После первой же моей беседы с ним в тот день, когда он изъявил желание следовать с нами в Ост-Индию, я почувствовал к нему невольную симпатию и потом всегда сам искал его общества. Между прочим, он во время нашей первой беседы сказал мне:

— Сэр, вы не только с помощью Божией (тут он перекрестился) спасли мне жизнь, но и позволили мне продолжать с вами путешествие на вашем корабле и все время относиться ко мне с величайшей заботливостью, свидетельствующей о вашем великодушии. Моя одежда указывает вам на мое вероисповедание, как и ваша указывает мне на вашу национальность и на исповедуемую вами религию. Как бы я ни был уверен, может быть и по справедливости, что мой долг повелевает мне употребить все свои слабые силы на обращение иноверцев на путь истины, стараясь доказать им превосходство догматов католической церкви, я не решусь этого сделать,

пока вы сами не выразите на это желания. Ваша доброта и великодушие воспрещают мне насильно навязывать вам образ мыслей, наверное, не имеющий ничего общего с вашим собственным, хотя, конечно, я был бы весьма счастлив, если бы вы добровольно пожелали ознакомиться и согласиться с ним.

Я ответил ему, что его скромность вполне располагает меня к нему, и я с удовольствием готов продолжать беседу с ним; что он не ошибся, признав во мне человека, принадлежащего к нации, почитаемой его церковью еретической, и что он не первый католик, с которым я рассуждаю о вопросах религии, не теряя уважения друг к другу и не доходя до крайностей. Надеюсь, что и у нас с ним не изменятся дружеские отношения.

Он сказал мне, что тоже находит нетрудным избежать всяких острых диспутов в наших беседах. Не в его характере и не в его правилах хватать людей за горло и насильно заставлять их соглашаться с его принципами. Он предпочитает беседовать со мною в качестве только человека, а не иноверческого священника. Он уверен, что если я когда-нибудь и позволю ему беседовать со мной на тему религиозных вопросов, то не выкажу неудовольствия, когда он в этом случае будет защищать свои убеждения, насколько у него хватит сил. Само собой разумеется, что он будет исполнять свою обязанность не только христианина, но и священника, ежедневно вознося к Богу молитвы о нашем душевном спасении, духовном и телесном здравии и о благосостоянии всего нашего корабля, причем будет только жалеть, что мы не можем молиться вместе с ним, а он — с нами.

Другого тона речи и других рассуждений я никогда не слышал от этого умного, прекрасного, в высшей степени скромного и сдержанного человека.

Когда мы познакомились поближе, он рассказал мне историю своей жизни, полную самых интересных событий. Оказалось, что он уже в течение нескольких лет путешествует из страны в страну. Во время того путешествия, которое он совершал в настоящее время, ему пришлось пять раз пересаживаться с корабля на корабль, так как ни один из них не достигал места своего назначения. Он хотел ехать в Мартинику и с этой целью сел на корабль, направлявшийся туда из Сен-Мало ¹. Этот корабль был занесен бурей к берегам Португалии, где, получив сильные повреждения, сел на мель. Ввиду неизвестности, когда этот корабль будет в состоянии продолжать путь, священник пересел на португальское судно, шедшее к острову Мадейра, рассчитывая по пути встретить корабль, идущий в Мартинику и пересечь на него. Но капитан португальского судна оказался очень еще неопытным моряком; сделав ошибку в направлении, он завел свое судно к Фиалю, где ему удалось случайно сразу сбыть весь свой груз, состоявший из зерна, что и побудило его изменить свое намерение идти на остров Мадейра. Вместо этого он решил зайти на остров Май, загрузить там соль и затем с новым грузом отправиться в Ньюфаундленд. Священнику не оставалось иного исхода, как согласиться на этот маршрут. Благополучно достигнув Отмелей, — так прозваны моряками рыболовные места возле Ньюфаундленда, — корабль встретился с французским судном, направлявшимся в Квебек, а оттуда в Мартинику. На это судно священник и пересел, надеясь, что теперь он уж непременно доберется до ме-

¹ *Сен-Мало* — город-порт на северо-западе Франции на берегу Ла-Манша в устье реки Ранс.

ста своего назначения. Но французское судно дальше Квебека не пошло вследствие внезапной смерти капитана. Тогда священник сел на корабль, шедший из Квебека во Францию, и это был тот самый корабль, который сгорел на наших глазах. Таким образом, он в продолжение одного путешествия должен был пять раз пересаживаться с корабля на корабль и попадать все не туда, куда ему было нужно.

О дальнейших приключениях священника я не буду рассказывать, чтобы не растянуть слишком своего повествования, а перейду лучше снова к тому, что делалось на моем острове.

Как-то раз, в то время, когда я собирался осмотреть колонию англичан на юго-восточном берегу, ко мне пришел мой приятель священник, тоже поселившийся с нами на берегу, и с озабоченным видом сказал, что вот уже третий день, как он ищет удобный случай переговорить со мной наедине об одном деле. Он знает, как близко к сердцу я принимаю жизнь колонистов и потому он уверен, что я буду только радоваться, если на них будет призвано благословение Божие, которого, по его мнению, недостает колонии для полного процветания.

Последнее замечание сильно смутило меня. Перебив речь священника, я сказал:

— Как? Разве вы не видите Божьего благословения в том, что в трудные минуты колония всегда получала неожиданную и чудесную помощь?

— Если бы вам было угодно, — скромно, хотя и горячо, возразил священник, — выслушать меня до конца, то вы не имели бы повода задавать мне этот вопрос, доказывающий, что вы считаете меня за слепого, не видящего всемогущей Десницы Божией, покровительствующей вашей колонии. На вас лично и на ваших делах, видимо, почивает Божие благословение, потому что ваши намерения прекрасны и действия чисты; но этого мало. Если бы все, что вы делаете, было еще во сто крат лучше, если бы вы даже старались делать почти невозможное для человека на пользу ближних, то и тогда вам являлись бы противовесом люди вашей колонии, которые далеко не так безупречны, как вы. Из истории сынов Израиля вам должно быть известно, что достаточно было одного Ахава в стане, чтобы отвратить от всего народа благословение Божие и ополчить Его святую Десницу такой грозой, что тридцать шесть лучших, ни в чем неповинных еврейских мужей, пали жертвою мщения Божия и понесли всю тяжесть Его гнева ¹.

Я был глубоко тронут этой речью, и ответил, что его слова так справедливы и проникнуты такой истинной религиозностью, что я стыжусь своей поспешности и прошу его продолжать. Так как беседа обещала затянуться, я предложил ему сопровождать меня в колонию англичан и продолжать беседу дорогою. Он с радостью согласился, тем более, что то, что он имел сказать мне, касалось именно тех поселенцев, к которым я направлялся. Мы пошли, и я попросил его говорить мне без утайки все, что у него на душе.

— Позвольте мне, прежде всего, — начал он, — высказать несколько положений, которые послужат основанием моим дальнейшим рассуждениям и дадут нам возможность сойтись в главных принципах, несмотря на то, что мы можем быть раз-

¹ Эпизод из Библии, где рассказано, что во время правления царя Ахава, жившего в IX в. до н. э., был воздвигнут храм финикийскому богу Баалу, и прекратились молитвы богу Яхве.

личных взглядов к применению этих принципов на практике. Действительно, существуют общие главные начала, на почве которых мы вполне сходимся, несмотря на различие исповедуемых нами учений, — различие, кстати сказать, очень грустное, в особенности в данном случае. Мы оба веруем в Бога, веруем и в то, что Он начертал главные и непреложные законы человеческих действий и отношений, которым мы должны безусловно подчиняться. Веруем, что мы сознательно или бессознательно оскорбляем Бога, когда не исполняем того, что Он заповедовал нам, и совершаем то, что Он запретил. Таким образом, как бы ни были различны вероисповедания, общий их принцип остается один, и он выражается следующей формулой: «Где нарушаются законы Божии, там не может быть Его благословения». Поэтому каждый истинный христианин, любя своего ближнего, обязан следить за тем, чтобы живущие под его покровительством не доходили до полного забвения Бога и Его заповедей. Положим, ваши колонисты-англичане — протестанты, но это не избавляет меня от моего долга заботиться о спасении их душ и о том, чтобы они при жизни, по возможности, приблизились к своему Создателю. Я надеюсь, что вы согласитесь с этим и разрешите мне, в ваших же собственных интересах, как христианина, сделать в этом направлении все, что можно.

Я еще не понимал его настоящей цели, но, тем не менее, в общем должен был согласиться с ним. Поблагодарив его за участие в судьбах моей колонии, я попросил объяснить, в чем именно он видит опасность для ее благоденствия, чтобы знать, чем предотвратить зло, как сделал библейский вождь в приведенном им примере.

— Благодарю вас, сэр, за данное вами позволение говорить все и спешу им воспользоваться, — сказал священник. — Видите ли, есть три условия, по моему мнению, служащие преградой для ни-

Мы отправились, и я попросил его говорить мне без утайки все, что у него на душе.

спослания Богом Своего благословения на все ваши дела, как бы они ни были хороши. Эти-то условия я, из искренней любви к вам и к вашим поселенцам, и желал бы видеть уничтоженными. Я убежден, что когда назову их, то вы во всем согласитесь со мной, в особенности, когда я докажу вам, как не трудно устранить их.

Во-первых, сэр, в колонии живут четыре англичанина, которые сожительствуют с дикарками и прижили с ними детей. Так как они не соединены с этими женщинами теми духовными узами, которые предписываются Божескими и человеческими законами, то они, в сущности, не что иное, как прелюбодеи, живущие в беззаконии. Я знаю, что вы можете возразить мне на это. Вы скажете, что не было священника, какого бы то ни было вероисповедания, который мог бы совершить обряд бракосочетания, не было даже бумаги, пера и чернил для составления и подписания брачного договора. Знаю и то, что поселенцы дали испанцу-губернатору торжественное обещание жить только с той женщиной, которую каждый избрал себе. Но это еще далеко не составляет брачного союза, это только простой договор, заключенный частным образом во избежание ссор и несогласий за обладание женщиной, как обыкновенной вещью. Сущность же таинства брака заключается не только в обоюдном согласии мужчины и женщины на сожительство, но и в формальном, законном обязательстве мужа и жены, изложенном в брачном договоре, не разлучаться друг с другом до могилы. Законная форма брачного союза обязывает вступивших в него к сохранению супружеской верности и лишает права вступать в новый союз, пока жив один из супругов. Кроме того, он обязывает мужа заботиться о жене и детях, а жену — стараться о довольстве мужа и воспитывать детей в страхе Божием. Это, так сказать, взаимная гарантия. Ваши же колонисты могут, когда им вздумается, при первом удобном случае выгнать от себя своих незаконных сожительниц, бросить на произвол судьбы детей и взять себе других жен, хотя первые еще будут живы. Подумайте сами, сэр, — с жаром прибавил он, — может ли быть угодна Богу такая беззаконная жизнь? Можно ли надеяться, что Он благословит все ваши начинания и труды, как бы они ни были похвальны сами по себе, пока эти люди, всецело подчиненные вашей воле, как ваши подданные, с вашего разрешения будут жить в открытом прелюбодеянии?

Не могу не сознаться, что эти рассуждения, подкрепленные такими доводами, сильно поразили меня. Действительно, если бы колонисты, за отсутствием всякого духовного лица, заключили торжественный договор при свидетелях в том, что они и избранные ими женщины добровольно связывают себя на всю жизнь, и утвердили бы этот договор каким-нибудь символическим действием, то он мог бы считаться ненарушимым. Муж чувствовал бы себя обязанным смотреть на свою сожительницу, как на законную жену, о которой он должен заботиться так же, как и о прижитых с нею детях, а женщины, в свою очередь, поняли бы, что на них возложены ненарушимые супружеские обязанности. Утвержденный таким образом союз имел бы пред Богом и людьми значение законного. Да, очень грустно, что этого не было сделано.

Я был уверен, что священник удовлетворится, когда я скажу ему, что будь я в свое время на месте, был бы совершен формальный договор, а теперь, когда столько уже лет продолжается незаконное сожительство, этого ничем не исправишь.

— Извините, сэр, — возразил священник, — вы заблуждаетесь. Вы, конечно, не виноваты в том, что случилось в ваше отсутствие, но напрасно думаете, что зло неисправимо, и что вы, поэтому, должны мириться с ним. Если на вас не лежит ответственности за прошлое, то вы всецело отвечаете за будущее, раз взялись заботиться о

благие этих людей. Повторяю, что этому злу можно положить конец, и что это исключительно в вашей власти.

Я был так недогадлив, что все еще не понимал священника. Мне казалось, он хочет сказать, что положить конец тому злу, о котором шла речь, можно не иначе, как заставив колонистов разойтись со своими сожительницами и воспретив им всякие сношения с ними. Поэтому, я сказал ему, что нахожу невозможным так поступить из опасения возбудить мятеж на острове. Он казался очень удивленным моим непониманием.

— Нет, сэр, — с улыбкой сказал он, — у меня вовсе не было в мыслях, чтобы вы их разлучили; напротив, я нахожу, что на вас лежит обязанность соединить их еще более прочными и вполне законными узами. Так как ваши колонисты могут в качестве протестантов воспротивиться совершению мною над ними брачного обряда по уставу моей Церкви, что для меня совершенно понятно, то вам самому следует скрепить их союз посредством договора, утвержденного подписями супругов и свидетелей. Такой договор будет иметь силу пред Богом и может быть признан всеми европейскими законодательствами.

Трудно выразить, какое глубокое впечатление произвели на меня эти слова молодого священника, в которых выражалось столько истинного благочестия, столько усердия в служении Богу не формою, а сущностью, столько беспристрастности в отношении собственной Церкви и так много любви к совершенно незнакомым и чуждым ему людям! Смело могу сказать, что ничего подобного раньше я ни в ком не встречал. Вполне и во всем соглашаясь с этим истинным пастырем душ, я сказал ему, что сейчас же переговорю с поселенцами относительно составления и подписания брачного договора, но не думаю, чтобы они не согласились и на то, чтобы он повенчал их по обряду своей Церкви, потому что брак, совершенный по этому обряду имеет в Англии такую же силу, считается таким же законным как брак, освященный пастором англиканской Церкви.

Выяснив этот вопрос, я попросил священника высказать мне второе условие, которое, по его мнению, тоже препятствует преуспеянию моей колонии. Поблагодарив меня за позволение говорить так откровенно, он сказал, что второе зло заключается в том, что мои колонисты-англичане, живя семь лет со своими женами и выучив их говорить и даже читать по-английски, не позаботились посвятить их в тайны христианского учения, не объяснили им даже того, что существует один Бог, которому одному должно поклоняться и служить, не показали всей лжи и нелепости поклонения языческим идолам. Между тем как он слышал, эти дикарки были настолько умны, что отлично могли бы понять то, что им толкуют. Это такая непростительная небрежность к обязанностям христианина, что Господь не только потребует отчета в ней, но может и подвергнуть виновных справедливому наказанию.

— Я убежден, — с глубоким чувством продолжал священник, — что, если бы эти люди жили посреди тех дикарей, из среды которых они получили своих сожительниц, то эти дикари приложили бы больше труда и усердия, чтобы обратить их в язычество и заставить поклоняться идолам, чем, как я вижу, кто-либо из колонистов позаботился просветить свою жену познанием истинного Бога. Хотя мы с вами и различных вероисповеданий, тем не менее я думаю, сэр, что вам только может быть приятно, если эти идолопоклонницы усвоят познание о Боге-Искупителе, об Его Воскресении и о будущей жизни, — словом, если эти несчастные создания сделаются

христианками. Я уверен, что вы можете только порадоваться превращению идолопоклонниц в поклонниц истинного Бога.

Не будучи более в силах сдерживать своих чувств, я бросился к этому превосходному человеку и заключил его в свои объятия, воскликнув:

— До сих пор я сам не знал, в чем заключается истинный долг христианской любви! Не знал, что эта любовь выражается в стремлении спасти души ближних, просвещающая их светом нашей религии. О, какой я был дурной христианин!

— Не говорите этого, — перебил он меня. — Вы ни в чем не изменили христианскому долгу.

— Как не изменил, когда мне и в голову не приходило подумать обо всем том, что вы сейчас говорили! — вскричал я.

— Это потому, что вам и без того приходилось думать о многом, — возразил он. — Не торопитесь так осуждать себя. Еще не поздно исправить упущенное.

— Да когда же я успею сделать все это, если должен ехать дальше?

— Позвольте мне поговорить с поселенцами обо всем этом, и тогда, надеюсь, все уладится к общему удовольствию, — сказал священник.

— Прошу вас об этом, и сам употребляю все свое влияние, чтобы они с полным вниманием выслушали вас, — ответил я.

— Выслушать меня вы еще можете их заставить, но не в вашей власти сделать так, чтобы они прониклись истиной того, что я буду говорить, — произнес священник. — Наша обязанность состоит только в том, чтобы показать свет ходящим во тьме, утешить, ободрить, поддержать заблуждающихся, и вывести их на путь истины. Быть может, мне и удастся посвятить этих несчастных женщин, в общие правила религии и привести в лоно христианской церкви еще до вашего отъезда, если только вы на это согласны.

— О! — ответил я, — не только согласен, но не знаю, как и благодарить вас за ваше доброе намерение! Перейдемте теперь, пожалуйста, к третьему вопросу.

— Что касается третьего вопроса, — продолжал священник, — то он, в сущности, однородного характера с предыдущим. С данного вами мне разрешения, я буду разбирать его так же откровенно, как и первые два. Вопрос этот касается дикарей, которые, живя у вас на острове, стали как бы вашими подданными. Существует правило, обязательное для каждого христианина, к какому бы вероисповеданию он ни принадлежал. Правило это заключается в том, что он обязан распространять свою религию всеми имеющимися в его распоряжении средствами и при каждом удобном случае. Руководствуясь этим, наша Церковь посылает своих миссионеров в Персию, Индию и Китай, а наше духовенство, не исключая и высших представителей его, добровольно пускается в опасные путешествия и проникает в самые отдаленные, пустынные места, населенные варварами, для проповеди слова Божия, которая привела бы этих несчастных людей к познанию веры Христовой. Перед вами, сэр, прекрасный случай обратить несколько десятков идолопоклонников в христиан и дать им понятие об истинном Боге, их Создателе и Искупителе. Я буду очень удивлен, если вы упустите этот случай и не сделаете того дела, которое одно может наполнить всю жизнь религиозного человека.

Я был так подавлен его речью, что долго не мог выговорить ни слова. Только теперь я увидел пред собою истинного служителя Бога и христианской Церкви. Мне самому никогда не приходила на ум мысль обратить наших дикарей в христианство, потому что я смотрел на них как на рабочую скотину, которую можно было держать

при себе только при том условии, когда для нее была работа, в противном же случае ее следовало отправить куда-нибудь, чтобы не кормить даром. Не зная, что сказать, я молчал.

Видя мое смущение, священник тихо проговорил:

— Кажется, я невольно сказал вам что-нибудь оскорбительное? Я очень огорчен этим... Простите меня.

— Нет, нет! — горячо перебил я. — Мне только досадно на самого себя за то, что я сам ни разу не подумал об этом и только теперь, благодаря вам, понял, в чем состояла моя главная обязанность. Вы знаете, при каких условиях я отправляюсь в Ост-Индию. Наш корабль зафрахтован купцами, так что было бы в высшей степени недобросовестно задерживать его здесь, особенно ввиду того, что продовольствие всего экипажа и жалование ему производится на счет этих купцов. Правда, по условию, я имею право простоять здесь двенадцать дней, а если останусь дольше, то обязан за каждый просроченный день уплатить по три фунта стерлингов. Но и в этом случае я имею право просрочить не более восьми дней. Между тем, как вы сами знаете, мы стоим здесь уже тринадцатый день. Таким образом, я лишен всякой возможности начать то доброе дело, о котором мы сейчас говорили с вами, если только не решусь остаться здесь до возвращения сюда корабля. Но тогда я рискую опять попасть в то самое положение, в котором находился раньше на этом острове и из которого был выведен только чудом. Ведь может случиться, что наш корабль на обратном пути погибнет, тогда я снова буду отрезан от всякого сообщения с остальным миром, потому что кроме людей, находящихся на борту этого корабля, никто не знает, где я нахожусь, поэтому некому будет вторично спасти меня.

Священник согласился с тем, что действительно было бы слишком неосмотрительно подвергаться подобному риску, и просил меня посоветоваться со своей совестью, стоит ли так рисковать собой ради спасения тридцати семи душ язычников.

Подумав немного, я ответил:

— Само собой разумеется, великое дело быть орудием Десницы Божией для обращения в христианство тридцати семи идолопоклонников, но так как это дело ближе всего касается духовных лиц, то я не знаю, почему вы сами не хотите взять на себя эту прекрасную миссию, а предоставляете ее мне?

До этого времени священник шел немного впереди меня, но тут он обернулся и, пристально взглянув мне в глаза, низко поклонился и горячо проговорил:

— От всего сердца благодарю Бога и вас, сэр, за то, что вы дадите мне возможность быть орудием воли Божией в таком благом деле! Если вы лично не желаете посвятить себя этой святой обязанности, а возлагаете ее на меня, то я принимаю ее с восторгом, как лучшую награду за те несчастья, которые мне пришлось испытать во время моего путешествия.

Лицо говорившего совершенно изменилось: он то бледнел, то краснел, глаза его сияли внутренним светом, весь он как будто вдруг вырос и стал красивее прежнего. Я глядел на него в немом изумлении, пораженный его глубокой преданностью своему делу. Такой преданности я никогда не встречал у людей ни в одной профессии.

Подивившись его необыкновенному усердию, я спросил его серьезно ли он обдумал этот вопрос, и действительно ли решился остаться с бедными дикарями, подвергаясь всяким случайностям, обрекая себя на постоянную жизнь в этой отдаленной пустыне и не имея даже уверенности в успехе своего дела.

Священник пристально взглянул мне в глаза и низко поклонился.

Снова быстро обернувшись ко мне, он, в свою очередь, спросил меня, что я подразумеваю под «всякими случайностями».

— Скажите, сэр, — продолжал он, — зачем я, по вашему мнению, остался на корабле, идущем в Ост-Индию?

— Вероятно, затем, чтобы проповедовать индийцам слово Божие.

— Совершенно верно. И если мне удастся обратиться ко Христу сердца хоть этих тридцати семи бедных дикарей, живущих на вашем острове, то разве этого не будет достаточно, и разве ради этого нельзя рискнуть лишиться хоть навсегда возможности увидеть другие страны и других людей? Если мне даже предстоит здесь погибнуть, то разве спасение стольких душ не стоит того, чтобы пожертвовать своей жизнью не только одному мне, но и двадцати другим людям моей профессии? О, сэр, поверьте мне, я всю жизнь буду благодарить Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятую Деву Марию, если мне удастся сделаться орудием спасения душ этих несчастных идолопоклонников, даже в том случае, когда мне будет суждено остаться навсегда на этом острове и не увидеть больше моего отечества! Я постоянно буду молиться и за вас за то, что вы передали в мои руки это святое дело... Но у меня есть еще одна большая просьба к вам, сэр, — перебил он себя.

— Какая? — спросил я.

— Оставьте мне вашего слугу Пятницу. Он будет моим переводчиком и помощником, иначе мне трудно будет объясняться с дикарями, не зная их языка?

Эта просьба сильно огорчила меня. Я не мог представить себе разлуки с этим преданным мне человеком без того, чтобы сердце мое не сжалось острой тоской. Пятница был моим неизменным спутником во всех моих путешествиях и любил меня от всей своей доброй души, да я и сам сильно привязался к нему. Но, помимо личной привязанности, было еще одно обстоятельство, заставлявшее меня отнестись с неудовольствием к просьбе священника: я воспитал Пятницу в правилах протестантского вероисповедания, поэтому догматы католической церкви должны были очень смутить его. Я был уверен, что он никогда не согласится поверить, чтобы я был еретиком, достойным вечного осуждения, обреченным на нескончаемые мучения в аду; подобные убеждения священника могли совсем сбить его с толку и заставить снова обратиться к идолопоклонству!

К счастью, у меня блеснула мысль, которая могла вывести меня из представившегося мне затруднения. Я откровенно сознался священнику, что ничто на свете не может заставить меня расстаться с Пятницей, хотя отлично понимаю, что мне не следовало бы колебаться принести в жертву свою личную привязанность. Пятница тоже ни за что не согласится оставить меня, а заставить его насильно сделать это, значило бы поступить несправедливо, чтобы не сказать больше. Я дал ему слово никогда не отгонять его от себя; в свою очередь, и он клялся мне остаться со мною до последнего издыхания.

Священник был сильно огорчен моим отказом; ему, действительно, трудно было выполнить свою миссию без знания языка дикарей. Но тут-то мне и пришла в голову мысль сказать ему, что отец Пятницы может быть ему не менее полезен, так как старик знает язык дикарей, поэтому не хуже своего сына может быть переводчиком. Священник очень обрадовался, услышав это, и охотно согласился взять своим посредником в сношениях с дикарями старого Пятницу вместо молодого. Он и просил-то последнего только потому, что ничего не знал об его отце. Ему было совершенно безразлично, кто бы ни помог ему выполнить его миссию.

Однако по воле Провидения дело приняло еще более благоприятный для него оборот.

Продолжая беседовать, мы достигли поселения англичан. Там я собрал всех обитателей и обратился к ним с речью, в которой прежде всего выставил на вид все, что сделал для этих людей. Я им сказал, что, благодаря моим заботам у них теперь есть все необходимое для безбедного и спокойного существования на острове; а потом, когда колонисты выразили мне за это свою безграничную признательность, я начал говорить относительно их семейного положения. Объяснив им, что их сожительство с женщинами очень предосудительно с точки зрения Божеских и человеческих законов, я спросил, нет ли между ними таких, которые уже раньше были женаты. Мне ответили, что двое из англичан были вдовцами, а трое холостяками. Тогда я спросил, неужели их не укоряет совесть за то, что они прижили детей с женщинами, которые им не жены по закону.

Разумеется, мне ответили, что это случилось за неимением священника, который мог бы освятить их брак, но что они обязались перед губернатором острова смотреть на своих сожительниц, как на законных жен, и заботиться о них и о детях, прижитых с ними, как заботятся законные мужья. Они полагали, что таким образом их союз так же законен, как брак, совершенный священником по всем правилам христианской церкви.

На это я возразил, что перед Богом они, конечно, правы, и по совести обязаны считать своих сожительниц за жен, но почему знать, не захотят ли они когда-нибудь

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

воспользоваться принятым у людей обычаем бросить несчастных женщин и детей на произвол судьбы, как только представится случай. Ввиду этого я объявил, что до тех пор, пока они не докажут мне честность своих намерений, я ничего больше для них не сделаю и лучше обращаю все свои заботы на то, чтобы обеспечить будущность их сожительниц и детей от всяких случайностей; что я даже не имею и права согласиться на то, чтобы они продолжали вести беззаконный образ жизни, оскорбляющий чувство божественной справедливости и лишаящий их благословения свыше. Если же они выкажут искреннее намерение вступить со своими сожительницами в законный брак, то я по-прежнему готов заботиться и о них самих.

Все случилось так, как я ожидал. Уилл Аткинс выступил вперед и сказал от имени всех своих товарищей, что они любят своих сожительниц так же искренно и глубоко, как законных жен, поэтому ни за что не согласятся оставить их, тем более, что эти

Уилл Аткинс сказал от имени всех своих товарищей, что они любят своих сожительниц так же искренно и глубоко, как законных жен.

женщины так усердно исполняют обязанности хозяек и матерей, что лучше нельзя и желать. Что касается лично его, Уилла Аткинса, то он заявляет, что если бы кто-нибудь захотел взять его назад в Англию и сделать там хоть капитаном лучшего военного корабля, то он на это не согласился бы, когда при этом ему не позволили бы оставить у себя женщину, которую он считает своей женой и матерью его детей, и что если бы нашелся священник, то он, Аткинс, с величайшей радостью тотчас обвенчался бы.

Этого-то мне и нужно было. Я сказал, что у меня есть на корабле священник, который может обвенчать его хоть завтра, если только он не отступится от своего слова. В виду важности предпринимаемого шага, я просил Аткинса хорошенько обдумать это дело и посоветоваться с товарищами.

— Мне нечего раздумывать, сэр, — сказал он. — Я готов сейчас же обвенчаться. Ничто не могло так обрадовать меня, как ваше заявление, что у вас есть на корабле священник. Я уверен, что и все мои товарищи скажут то же самое.

Обрадованный этими словами, я сказал, что священник, о котором я говорю, — француз, и что он не говорит по-английски, но что я с удовольствием готов принять на себя обязанности причетника при нем во время совершения брачных обрядов. Я боялся, как бы Аткинс не спросил, какого вероисповедания священник — католического или протестантского, но он этого не сделал, и мы расстались самым дружелюбным образом.

Аткинс стал толковать со своими товарищами относительно моего предложения, а я пошел отыскивать священника, которого оставил в лесу перед поселком. Передавая ему свой разговор с Аткинсом, я попросил его ничего не предпринимать, пока мы не узнаем, что решат остальные англичане. После этого священник отправился назад в укрепление, а я пошел осматривать плантацию англичан. Не успел я еще обойти ее, как ко мне подошли товарищи Аткинса и объявили, что, серьезно обсудив мое предложение, они изъявляют полное согласие узаконить свой брак формальным образом, как только к ним придет священник. При этом они прибавили, что никогда не имели намерения оставлять своих жен, и что им и в голову не приходило, чтобы в их свободном союзе было что-нибудь предосудительное.

Я просил их всех прийти ко мне на другой день утром, а пока объяснить своим женам значение законного брака, как нерасторжимого союза, лишаящего супругов права покидать друг друга, что бы ни случилось.

Женщины быстро усвоили понятие о браке и с радостью согласились на совершение брачного обряда. На следующий день утром колонисты пришли ко мне. Я ожидал их вместе со священником, который был одет в черное полукафтанье и опоясан широким черным ремнем, так что хотя и можно было догадаться об его профессии, но трудно было решить, к какой церкви он принадлежит. Так как он не знал английского языка, то я взялся служить ему переводчиком. Колонисты тотчас же поняли, что перед ними духовное лицо, когда он серьезным и внушительным тоном начал говорить, что не находит возможным венчать христиан с некрещеными женщинами. Опасаясь, как бы он и в самом деле не вздумал отказать венчать колонистов, я стал доказывать ему, что это было бы с его стороны излишней строгостью. На все мои доводы он, хотя и скромно, но тем не менее твердо и настойчиво возражал, что решительно отказывается совершить обряд венчания, пока сам не переговорит с ними. Сначала я был против этого, но потом, убедившись в чистоте его намерений, согласился.

После этого он обратился к собравшимся с речью, которую я переводил им дословно. Он говорил, что я подробно познакомил его с условиями их семейной жизни и передал их желание узаконить свой брак с женщинами, с которыми они уже прижили по нескольку детей. С точки зрения всех цивилизованных народов и на основании общественных законов, — говорил он дальше, — колонисты живут с женщинами незаконно, и что поэтому только их согласие на узаконение этого союза или же полное разлучение с сожительницами может положить конец такому беззаконию. Но, с другой стороны, к совершению бракосочетания, как обряда христианского, является законное препятствие, так как христианская религия воспрещает венчать христиан с идолопоклонницами, не верующими во Христа и не принявшими святого крещения. К сожалению, по недостатку времени, он не имеет возможности подготовить сожи-

тельниц колонистов к принятию святого крещения, научив их познанию Спасителя, о Котором они, вероятно, никогда и не слышали. Без этого же нельзя крестить их. Будь колонисты христианами не по одному только названию, они, разумеется, прежде всего позаботились бы познакомить своих сожительниц с бытием Бога и с сущностью христианского учения. Поэтому, если колонисты не дадут ему обещания убедить своих сожительниц перейти в христианство и не внушат им понятий о Боге, Творце вселенной, и веры в Иисуса Христа, нашего и их Искупителя, то он не может обвенчать их; не в его власти соединять брачными узами христиан с идолопоклонницами; это несогласно с основаниями христианской Церкви.

Колонисты с глубоким вниманием выслушали речь священника до конца. Передавая его слова буквально, я подкреплял их собственными замечаниями и убеждениями, чтобы доказать свое полное согласие с ним. Слушатели откровенно сознались, что они, действительно, дурные христиане, так как им никогда не приходило в голову привить своим женам понятия о своей религии.

— Но, посудите сами, сэр, — говорил Уилл Аткинс, — как могли мы говорить с ними о религии, когда сами почти ничего не смыслим в этом? Если бы мы и начали говорить им о Боге, об Иисусе Христе, о вечном блаженстве, о рае и аде, то они, видя нашу безобразную жизнь, расхохотались бы нам в глаза и спросили бы нас, веруем ли мы сами-то в это. А когда мы ответили бы, что верим и знаем, на основании своей веры, что добрые люди после смерти будут в раю, а злые попадут в ад на вечные муки, то они были бы вправе спросить нас, почему же мы при такой вере не стараемся делать добро, чтобы попасть в рай, а делаем одно зло, точно нарочно стремясь в ад. Словом, все наши старания просветить их светом христианской религии кончились бы тем, что они стали бы чувствовать одно недоверие к религии, последователи которой сильны в ней только на словах, а не на деле. Ведь они же не видят других примеров, кроме наших.

— С болью в душе я должен сознаться, что в ваших словах много правды, — сказал я. — Но, по моему мнению, вам все-таки следовало бы убедить свою жену в том, что есть истинный Бог, Творец всего сущего, Который всякую минуту может разрушить все созданное Им и Который награждает добрых и наказывает злых, если не в этой жизни, то в загробной, и что те идолы, в которых она верит, только плоды невежества, не имеющие никакой силы и власти. Ведь вы сами отлично понимаете, что все это так, а если бы и не понимали, то сама природа должна научить вас этому, потому что Бог постоянно проявляет Себя в природе.

— Но что же могу я сделать с женой, сэр, если она на все мои убеждения будет твердить только одно, что все это не может быть верно? — спросил Аткинс, пристально глядя мне в лицо.

— Как не может быть верно? Почему? — переспросил я.

— А так, сэр. Положим, жена скажет мне, что не может быть верно, чтобы тот Бог, о котором я ей буду говорить, был справедлив, или имел власть награждать и наказывать людей, когда я до сих пор не наказан и не послан к черту, а преспокойно продолжаю благоденствовать на земле, между тем как ничего, кроме зла, раньше не делал? Это ей известно по собственному опыту.

— Слова ваши очень огорчают меня, Аткинс, — подавленным голосом сказал я.

Затем, видя вопросительный взгляд священника, я повторил ему все, что мы говорили с Аткинсом.

— О, — произнес патер, выслушав меня до конца, — скажите Аткинсу, что у него есть в запасе прекрасное средство наставить свою жену в истинах христианской религии, а именно — покаяние. Никто лучше кающегося грешника не может научить вере неверующих. Пусть он расскается в своих прежних прегрешениях, тогда смело может говорить жене, что есть Бог милосердый, бесконечно благой и долготерпеливый; что Он не сразу карает оскорбивших Его, но милостиво ожидает раскаяния грешника и обращения к добру, что существует загробная жизнь, где каждый и получит по делам его, так как они будут разбираться там на Страшном суде, — суде нелицеприятном, и что поэтому на земле праведники и не получают награды, а грешники — наказания. Не будь загробного существования, тогда, разумеется, каждый получал бы по заслугам на земле. Таким образом, легко внушить веру и в воскресение мертвых и в Страшный суд с его последствиями. Вообще, повторяю, если Аткинс расскается, то ему легко будет убедить ее в истине евангельского учения.

Аткинс слушал меня, когда я передавал ему слова священника, в глубоком раздумье и с трудом сдерживался, чтобы не прерывать меня. Когда я кончил, он серьезно сказал:

— Все это я отлично понимаю, сэр; быть может, я знаю даже и больше, но у меня положительно не хватает духу учить жену, когда я сознаю, что все время сам жил так, как будто никогда не слышал о Боге и о загробной жизни. Что же касается моего раскаяния, — продолжал он с глубоким вздохом и со слезами на глазах, — то, увы! — теперь уже поздно думать об этом.

— Поздно? — повторил я. — Что вы хотите этим сказать, Аткинс?

— То, что я слишком много сделал зла, сэр, — угрюмо проговорил он. — Уверю вас, что мне теперь уже нечего думать о раскаянии.

Патер, как истинный ревнитель христианства, не мог удержаться от слез, когда я повторил ему все, что сказал Аткинс. Глядя на то, как мучился этот бедный священник, видя духовную гибель ближнего, я не мог не пожалеть его, пожалуй, даже еще более того, за кого он страдал.

— Предложите Аткинсу еще один вопрос, — произнес он, овладев собой. — Спросите его, доволен ли он своим убеждением, что время покаяния для него миновало безвозвратно, или, напротив, он смущается этой мыслью и желает, чтобы было еще не поздно?

— Да разве может человек быть доволен положением, которое угрожает ему вечным мучением? — с жаром ответил Аткинс, выслушав от меня этот вопрос. — Как же быть довольным, когда только и думаешь о том, что лучше перерезать себе горло, чем продолжать жить с таким сознанием! — с горечью добавил он.

Когда я передал эти слова священнику, он скорбно покачал головой и с видом глубокого сострадания сказал:

— Уверьте Аткинса, что покаяться никогда не поздно, что Господь наш Иисус Христос всегда примет его покаяние. Он своими страданиями искупил грехи всего мира, поэтому никто не имеет права сомневаться в получении прощения. Разве милосердие Божие может быть исчерпано? Скажите этому человеку, что иногда, быть может, нам и кажется, будто чаша долготерпения Божия переполнилась, но если кто будет усердно молить Бога о помиловании, Он всегда услышит кающегося. Укажите ему и на то, что когда у человека не хватает сил самому молиться за себя, то мы, служители Бога, обязаны испрашивать Его помилования для каждого, кто искренно кается в своих грехах.

Я передал все это Аткинсу. Подумав немного, он обвел всех присутствующих каким-то странным взглядом и, сказав, что пойдет переговорить с женой, поспешно удалился.

Товарищи Аткинса слушали толкования священника хотя и внимательно, но совершенно безучастно, и задавали такие вопросы, которые ясно доказывали их полнейшее невежество в религии. Этим они сильно напоминали мне меня самого в то время, когда я оставил родительский дом, чтобы скитаться по свету. Я тогда тоже не имел, или, вернее, не хотел иметь никакого понятия о религии.

В конце концов, я все-таки добился от них того, что все они обещали уговорить своих жен принять христианство. Я заявил об этом патеру. Тот грустно улыбнулся и, помолчав несколько времени, сказал мне.

— Мы, служители Христовы, можем только поучать и увещевать, и когда люди принимают наши поучения и обещают им следовать, то нам остается только верить им. Но вы увидите, сэр, что как бы ни были велики прошлые преступления Аткинса, один он только покается в них. Только он глубоко тронут нашими словами и сознает все свои заблуждения; для остальных же, быть может, еще не настало время. Во всяком случае, как только Аткинс начнет говорить с женой о религии, с этой минуты и начнется его истинное раскаяние. Только поучая других истине, можно самому познать ее. Я знал одного очень дурного христианина, человека крайне порочной жизни. Сначала он имел самые поверхностные понятия о религии, но впоследствии сделался истинным христианином, потому что ему как-то представился случай обратить в христианство одного еврея. Поверьте мне, если Аткинс будет говорить жене о Боге-Творце и Спасителе, то и сам совершенно изменится, покается в своих прежних грехах и, кто знает, быть может, еще сделается одним из лучших людей и христиан в мире.

После этого, взяв обещание с поселенцев, что они употребят все усилия обратить своих жен в христианскую веру, священник обвенчал три пары. По окончании этого обряда мы довольно долго ожидали, что придет и Аткинс со своей сожительницей, но они не являлись. Видя наше недоумение, священник обратился ко мне и с улыбкой сказал:

— Мы их не скоро дождемся. Пойдемте, пожалуйста, сэр, сами к ним. Я уверен, что Аткинс с женой сидят где-нибудь около своего жилища, и он внушает ей правила христианской религии.

Мне самому очень хотелось узнать причину неявки Аткинса, поэтому я поспешил согласиться на предложение священника, и мы отправились.

Мы шли по тропинке, скрытой в чаще деревьев, рассаженных таким образом, что сквозь них можно было видеть все, что делалось далеко впереди. Когда мы стали подходить к английскому поселку, то заметили Аткинса, сидевшего со своей смуглой и миловидной женой под тенью густого кустарника и горячо что-то толковавшего ей. По его лицу и движениям было заметно, что он с жаром в чем-то убеждает жену. Серьезно глядя ей в глаза, он непременно указывал то на небо и землю, то на море и леса.

— Вот видите, сэр, — произнес священник, — мои предположения оправдываются: Аткинс поучает жену, объясняя ей Бога в явлениях природы.

— Кажется, так, — сказал я.

Вдруг Аткинс бросился на колени и, подняв глаза и руки к небу, еще заговорил горячее. Через несколько времени он встал, прошелся несколько раз взад и вперед, потом снова сел рядом с женой и опять заговорил с ней.

Мы заметили Аткинса, сидевшего с своей смуглой и миловидной женой под тенью густого кустарника и горячо что-то толковавшего ей.

Пока он стоял на коленях, очевидно, обращаясь с молитвою к Богу, мы оба, священник и я, плакали от умиления. Мы понимали, что это было первым выражением раскаяния человека, искавшего примирения с Богом и со своей совестью.

Жена Аткинса с глубоким вниманием слушала мужа. Нам очень хотелось бы знать, что именно он говорил ей, но, опасаясь помешать им, мы не решались подойти поближе, а скромно продолжали стоять в стороне, ожидая, чем кончится беседа супругов.

Прошло с полчаса. Дикарка, с сияющим лицом, вдруг бросилась на шею к мужу, который крепко прижал ее к своей груди и поцеловал. Затем они оба встали и, взявшись за руки, опустили на колени.

Не будучи более в силах сдерживать охватившего его чувства радостного возбуждения, священник громко вскричал:

— О, Господи, воззри на них!

Боясь, что голос священника потревожит погруженных в молитву, я зажал ему рот. Мне хотелось до конца усладиться сценой, трогательнее которой я не видал во всю свою жизнь.

Когда супруги встали с колен, между ними снова началась оживленная беседа, во время которой жена то поднимала руки кверху, то прижимала их к своей груди, то плакала, то смеялась. Иногда на ее подвижном лице выражалась жестокая внутренняя борьба, затем, под влиянием горячих убеждений мужа, оно снова прояснялось. Наконец, супруги еще раз обнялись, поцеловались и вместе ушли.

Священник в религиозном восторге молился, мешая латинские фразы с французскими. Из его кротких глаз целым потоком лились слезы.

Когда он окончил свою благодарственную молитву, мы отправились назад. Дорогою я сказал ему:

— Я сначала думал, что Аткинс ничего не будет говорить жене, но теперь убедился в его искренности и честности. Очевидно, он уже успел повлиять на жену, и она уже готова признать истину нашей религии. Надеюсь, что добрый пример этих двух людей не останется без подражания со стороны остальных.

— Конечно, — с жаром проговорил патер. — Я убежден, что Аткинс и его жена теперь ни за что не успокоятся, пока не обратят сердца всех своих товарищей и их жен к истинному Богу, раз они сами начали исповедовать Его. Истинная религиозность ищет наибольшего распространения веры. Настоящий христианин не допустит, чтобы ближний его оставался в заблуждении и всегда позаботится обратить его на путь веры.

— Это верно, мой добрый друг, — сказал я. — Но позвольте мне сделать одно замечание. Приняли ли вы во внимание то обстоятельство, что жены протестантов также должны быть протестантками во избежание раздоров на религиозной почве? Можете ли вы помириться с мыслью, что эти люди не будут приобщены к римско-католической церкви, вне которой, по нашему убеждению, нет спасения? Ведь по догматам нашей церкви вы должны считать каждого, не принадлежащего к ней, еретиком, чуть ли не язычником.

Но, очевидно, чувство истинной христианской любви в этом достойном человеке было сильнее догматизма, потому что он ответил мне:

— Да, сэр, я, действительно, убежденный католик и принадлежу к монашескому ордену Святого Бенедикта. Тем не менее, поверьте мне, я смотрю на вас, невзирая на то, что вы протестант, с глубокой любовью, и уверен, что вы также достигнете вечного блаженства, хотя с этим могут не согласиться многие католики. Надеюсь, вы понимаете, что я говорю так вовсе не из желания польстить вам, сказать простую любезность или комплимент, как человеку, которому я стольким обязан. Нет, клянусь вам, что я говорю совершенно искренно, без всяких посторонних побуждений. И в самом деле, кто определит границы милосердия Божия? Кто может сказать, что Бог, в конце концов, не приведет и вас неведомыми нам путями в лоно истинной Церкви? Я уважаю ваши религиозные мнения, хотя и буду постоянно молиться о том, чтобы со временем они не разнились от моих. Что же касается затронутого вами вопроса о протестантизме и язычестве, то, поверьте, тут не может быть и сравнения. Как можно сравнивать протестанта, чтущего имя Христа, хотя бы и не по правилам догматов истинной веры, с диким варваром, не имеющим и понятия о Боге-Творце и об Иисусе Христе, Искупителе мира! Для меня важно уже и то, что люди приближаются ко Христу, хотя бы и не с той стороны, с которой идут исповедующие догматы римско-католической Церкви. Я знаю, что если Богу будет угодно, то и они впоследствии выйдут на путь истины. Скажу более: пусть лучше все дикари Америки сделаются протестантами, нежели будут оставаться во мраке язычества! Лишь бы был сделан первый шаг, а второй не будет уже так труден. Гораздо легче сделаться из протестанта католиком, чем из идолопоклонника христианином вообще. Да и дело не в одном названии. Чем, в сущности, был лучше своей идолопоклонницы жены хоть тот же Аткинс, пока он, за несколько минут перед этим, на наших глазах, в искреннем порыве

раскаяния, не упал на колени и не воззвал к Богу? Ведь он думал о Боге так же мало, как и его жена, и, вдобавок, совершал дурные дела, чего о ней, кажется, нельзя сказать.

Меня положительно поражали искренность, сила убеждений и глубокая веротерпимость этого католического монаха. Мне невольно пришло на ум, что если бы все отличались подобной веротерпимостью, то не существовало бы и разницы в догматах, а была бы только одна Церковь и один пастырь, как учит Евангелие, и сердца всех были бы объединены искренней христианской любовью.

В этом смысле я и высказался своему спутнику.

— Да, мой друг, — продолжал я, схватив его за руку, — дай Бог, чтобы все духовенство было одарено вашей кротостью и исполнено такой снисходительности и любви к ближнему, как вы. Но я отлично сознаю, что если бы вы вздумали проповедовать вашу веротерпимость в Италии или Испании, то вас, наверное, предали бы там суду инквизиции.

— Конечно, — ответил патер. — Но нравы ли были бы с истинно христианской точки зрения те люди, которые предали бы меня в руки инквизиции, да и права ли сама инквизиция? Не думаю, чтобы излишек милосердия был ересью.

ГЛАВА IV

Трогательная беседа. — Новое обращение. — Крещение жены Аткинса. — Еще свадьба. — Окончательный раздел. — Находка Библии. — Мучения голода. — Новое приключение. — Смерть Пятницы. — Возвращение в Бразилию. — Отъезд в Индию.

Радуюсь возможности откровенно побеседовать наедине, мы со священником не спешили домой, а совершили большой обход. Таким образом оказалось, что Аткинс с женой уже ожидали нас у входа в укрепление, когда мы, наконец, возвратились к нему.

По желанию священника, я пригласил Аткинса в дом, а жене его велел дожидаться за оградой. Когда мы втроем уселись в моем помещении, у нас началась следующая интересная беседа.

— Расскажите, Уилл Аткинс, — начал я в качестве толмача, — кто был ваш отец и какое вы получили образование?

— Мой отец был таким прекрасным человеком, каким мне никогда не быть, — ответил со вздохом Аткинс. — Он был священником.

— Значит, он и вам дал образование?

— Он хотел дать мне наилучшее образование, сэр, но я был хуже животного и не желал образования, не хотел исправления и не слушал никаких наставлений.

— Соломон недаром говорит: «Презиравший укори́зны уподобляется скоту», — заметил я.

— Да, сэр, я, действительно, был скотом, даже хуже скота... Я убил своего отца... О, не будем больше говорить об этом!..

Священник побледнел, когда я перевел ему слова Аткинса: он подумал, что Аткинс, в самом деле, убил своего отца. Чтобы выяснить это, я поспешил спросить:

— Как, вы отцеубийца?! Неужели вы убили своего отца собственными руками?

Аткинс улыбнулся и грустно проговорил:

— Конечно, я не перерезал ему горла, сэр, но, так сказать, перервал все нити, которые связывали его с жизнью... я укоротил его жизнь, жестокой неблагодарностью, разбив его сердце... И это была оплата за все его заботы и попечения обо мне!

— Довольно! — перебил я его по просьбе священника и продолжал от его имени: — Я не затем спросил вас об отце, чтобы вызвать такое страшное признание. Я буду молить Бога дать вам возможность покаяться и испросить себе прощение за ваши прегрешения. Но я затронул вопрос о вашем воспитании лишь потому, что знаю вас за человека необразованного, а между тем, лучше многих других понимающего сущность религии и добродетели.

По желанию священника, я пригласил Аткинса в дом.

— О, сэр! — воскликнул Аткинс. — Не вы вынудили у меня это признание, его вырвала моя совесть. Оглянувшись на свою прошлую жизнь, я понял, что всего сильнее на мне тяготеет проступок против моего доброго, снисходительного отца. Мною овладевает полное отчаяние при мысли, что этого проступка мне никогда ничем не загладить... Я никогда не очищу от него свою совесть!

— Аткинс, мне больно слушать вас! — невольно вскричал я, вспомнив и свое прошлое.

— Вам было бы еще больнее, сэр, если бы вы перечувствовали то, что чувствую я, — вздохнул кающийся.

— Я перечувствовал все это, Аткинс, — поспешил сказать я. — Каждая тропинка на этом берегу, каждый бугорок, каждое дерево на этом острове были свидетелями моих душевных мучений, вызванных во мне мыслью о моем отце и о моей неблагодарности к нему. Трудно представить себе лучшего отца, чем был мой, и едва ли можно найти на земле худшего сына, чем был я. Да, Аткинс, я тоже убил своего отца, и теперь вижу, что мое раскаяние никогда не было так сильно и глубоко, как ваше.

Действительно, раскаяние Аткинса представлялось мне несравненно глубже моего собственного, поэтому я хотел удалиться. Я чувствовал, что в деле нравственности не мне следует поучать и наставлять Аткинса. Но священник, которому я передал, что совершается в моей душе, успокоил меня и попросил продолжать беседу.

— Скажите нам, Аткинс, что вызвало в вас раскаяние именно теперь? — спросил я, исполняя просьбу священника.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— А вот что. Когда я начал говорить жене, как вы от меня потребовали, о Боге и о религии, она прочитала мне такую проповедь, которой я не забуду во всю свою жизнь.

— Не думаю, чтобы это было так, — возразил я. — Вероятно, эту проповедь произнесла вам ваша же совесть, пробужденная при первом вашем обращении к Богу.

— Да, сэр, говорила и совесть.

— Расскажите, о чем вы беседовали с женой, с чего начали и чем кончили? — спросил через меня священник.

— Очень трудно в точности передать вам мою беседу с женой, — ответил с новым вздохом кающийся. — Мое сердце так переполнено всем пережитым мною сегодня, что я не нахожу слов говорить, но, вместе с тем, нет сил и молчать. Могу сказать только то, что после беседы с женой я твердо решил раскаяться во всех своих прежних прегрешениях и совершенно изменить образ жизни.

— Все-таки постарайтесь припомнить и рассказать, с чего вы начали. Интересно знать, что именно могло так сильно подействовать на вас.

Аткинс, помолчав минуту, начал:

— Прежде всего, я объяснил жене взгляд нашего законодательства на сущность брака. Я растолковал ей, что все вступающие в него обязуются не разлучаться друг с другом до самого гроба, что без наложения этой обязанности в семейных отношениях царил бы полный произвол: мужчины могли бы по прихоти оставлять своих жен и детей, жены тоже могли бы бросать мужей с детьми, семьи, в настоящем смысле этого слова, не существовало бы, и все узы между людьми были бы порваны, а это повлекло бы за собою уничтожение гражданских уз.

— Уилл, вы говорите точно опытный законовед. Но как могли вы втолковать вашей жене все эти тонкости? Ведь у дикарей не существует даже понятий о семье и о гражданских отношениях, да и семейные отношения у них ничем не урегулированы. У них сплошь и рядом брат и сестра сожительствуют, как супруги, а иногда, как я слышал, — даже отец с дочерью и мать с сыном.

— Это едва ли верно, сэр. Моя жена говорила мне совсем другое. У нас заходила речь о кровосмешении, но она без отвращения не может и слышать о нем. Действительно, на супружеские отношения между дальними родственниками у них смотрят не строго, но, как уверяет жена, которой мне нет основания не доверять, кровные родственники никогда не вступают в супружество.

— Может быть, она говорит и правду. Но скажите нам, Аткинс, как она отнеслась к вашему предложению обвенчаться с вами?

— Она приняла его с радостью и сказала, что очень жалеет, отчего раньше нельзя было этого сделать.

— А вы объяснили ей, как совершается христианский обряд бракосочетания и кем он установлен?

— О, конечно, сэр! Я с этого и начал.

Тут Уилл Аткинс передал нам содержание своей беседы с женой. Беседу эту я записал слово в слово и привожу ее целиком.

Уилл Аткинс. Да, дорогая моя, брак установлен самим Богом...

Жена Аткинса. Каким Богом? Разве у вас, в вашей стране, есть Бог?

Муж. Да, моя милая, Бог есть везде, во всех странах.

Жена. В нашей стране есть великий бог Бенамюки. Разве и у вас он?

Муж. Говорю тебе, дитя мое, что Бог везде: Он сотворил небо и землю, море и лес,

и все, что находится на небе и земле, в море и в лесу. Сам Он пребывает на небе, а небо одинаково простирается над всей землей, то есть над всеми странами.

Жена. Как же может Бог сразу быть на всем небе? Ведь оно большое, такое же большое, как море.

Муж. Ха-ха-ха! Как ты смешно говоришь, моя милая! Точно мы говорим о существе обыкновенном, которое может занимать только очень маленькое пространство, как вот, например, мы с тобою!

Жена. Зачем же ты смеешься, Уилл? Твои слова, пожалуй, смешнее моих, а я вот, не смеюсь.

Муж. Ты права, моя дорогая: смеяться, действительно, не следует, и я больше не буду.

Жена. Почему ты говоришь, что Бог все сотворил?

Муж. Потому что это правда: без Бога не было бы ничего, не было бы и нас, чтобы познавать Его. Бог один, но не все знают и почитают Его, а за это Он их и наказывает. Твой Бенаюки вовсе не Бог, а только выдумка. Только мы, христиане, поклоняемся истинному Богу.

Жена. Почему же раньше ты никогда не говорил мне о своем Боге?

Муж. Потому что я погрязал в грехах и сам позабыл о Нем.

Жена. Как же это так? Раз вы имеете такого великого Бога, то как же вы можете забыть Его, можете не говорить Ему «О!» и можете не делать для Него добрых дел? Этого я никак не пойму.

Муж. К несчастью, это оказывается для нас возможно! Бывает, что мы живем так, точно действительно, над нами нет Бога или Он не имеет власти на земле.

Жена. Но как же Бог позволяет так делать? Почему Он не приказывает вам вести хорошую жизнь и помнить его?

Муж. Потому что мы слишком дурны.

Жена. Этого я опять не понимаю. Ведь ты говоришь, что Бог велик, так велик, что все сотворил, поэтому Он должен иметь и большую власть, такую власть, что может убить, кого захочет. Так почему же Он не убил тебя, когда ты забыл Его, не говоришь ему «О!» и делаешь много дурного?

Муж. Да, Он, действительно, можете лишить меня жизни, которую Сам же мне даровал; но Он милостив и долготерпелив и хранит нас даже тогда, когда мы этого не заслуживаем.

Жена. И ты никогда не благодарил Его за это?

Муж. Увы! Да, я никогда не благодарил Бога за Его неизреченное милосердие и никогда не страшился Его гнева!

Жена. Значит, ваш Бог — не настоящий Бог. Я думаю, что если бы Он на самом деле был такой великий и сильный, как ты уверяешь, то Он давно уж убил бы тебя, потому что ты постоянно сердил Его.

Муж. Неужели моя грешная жизнь служит препятствием к тому, чтобы ты уверовала в Бога? Какое же я презренное создание, как ужасна и справедлива та истина, что дурная жизнь христиан мешает обращению идолопоклонников?

Жена. Да, конечно, как я могу верить, что на небе есть такой великий Бог, когда по твоим делам этого вовсе не видно? Или, быть может, Он не видит и не слышит ничего, что делается на земле?

Муж. Он все видит и слышит; даже наши самые тайные мысли известны Ему.

Жена. Значит, Он всегда слышит твои ругательства и проклятия?

Муж. Да. Повторяю, Он слышит, видит и знает все.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Жена. Так Он должен бы убить тебя.

Муж. Он не делает этого до сих пор потому, что слишком милосерден. Его милосердие и доказывает, что Он есть истинный Бог. Существо низшее, как, например, человек, — мстительно; а Бог не любит мстить.

Жена. Ты говоришь: «Он милосердый», что же это значит?

Муж. Это значит, что Он жалеет и милует нас, даже если мы дурны.

Жена. Значит, Он никогда никого не наказывает, что бы кто ни делал дурного? Помоему, это выходит, что Он Сам не добрый и не великий.

Муж. Напротив, моя дорогая, Бог бесконечно велик и благ. Он иногда и наказывает людей для примера другим, в ту самую минуту, когда они совершают грех, надеясь на Его великое милосердие.

Жена. А зачем же Он наказывает не всех? Может быть, ты договорился с Ним, что будешь делать дурно, пока тебе захочется, а Он не должен за это трогать тебя, чтобы ты мог хвалиться Его милосердием? Или ты как-нибудь откупаешься от Него?

Муж. Ты богохульствуешь, моя дорогая! Но тебе это простится, потому что в этом виноват я один, так как не научил тебя раньше познанию Бога. Нет, Он щадит меня только по своему безграничному милосердию, пойми ты это!

Жена. Нет, я не могу этого понять. Если бы ты хоть когда-нибудь благодарил Его за то, что Он не казнит тебя, когда ты этого заслужил, тогда я скорее бы поняла.

Муж. Я не благодарил Его потому, что я не что иное, как бесчувственный, погрязший во грехе скот.

Жена. Но почему Он не сделает так, чтобы ты был хороший? Ведь ты говоришь, что Он сотворил тебя?

Муж. Да, Он сотворил меня, как сотворил и весь свет.

Жена. Почему же Он не сделал тебя добрым?

Муж. Он создал меня добрым, но я сам испортил себя, злоупотребляя Его милосердием и долготерпением.

Жена. Да?.. Я хочу знать этого Бога. Я не стану сердить Его, потому что никогда не делаю дурного.

Муж. Верь тому, что я говорю тебе о Нем, и ты будешь знать Его.

Жена. А Он будет меня знать?

Муж. Конечно! Ведь Он сотворил и тебя точно так же, как и меня и все остальное на свете. Он не только знает тебя, но и все твои мысли, чувства и желания.

Жена. А как я узнаю Его.

Муж. Когда Он осенит тебя Своей благодатью. Я сейчас помолюсь, чтобы это случилось как можно скорее. Буду молиться и за себя, чтобы Он простил меня.

Тут Аткинс в трогательных выражениях передал, как его сердце, лишь только он начал говорить о Боге, стало наполняться жгучим раскаянием в прошлых проступках, желанием загладить их и жаждою постоянного общения с Богом. Готовность жены, этого милого и кроткого создания, к познанию Бога приводила его в восторг, но его пугала мысль, что он не в состоянии будет помочь ей в этом, потому что сердце и совесть его нечисты. Бросившись на колени, он молил Спасителя простить ему его прегрешения и сделать его достойным орудием просвещения своей жены, светом истинной веры. Когда он, по окончании молитвы, снова сел возле жены, она спросила его:

— Зачем ты стоял на коленях? Зачем поднимал руки к небу? Что ты говорил? Кому говорил? Что все это значит?

— Я преклонил колени в знак благоговения перед Тем, Кто создал меня, — ответил он. — К Нему же я воздевал руки, как воздевает их ребенок перед старшими, когда про-

сит о чем-нибудь. А говорил я то, что вы называете «О!», когда ваши старики беседуют с вашим Бенамюки! Все это значит, что я молился Богу.

— А зачем ты говорил Ему «О!».

— Чтобы Он просветил твой разум и дал тебе умение познать Его во всем Его величии.

— Разве Он может это сделать?

— Он может все, моя милая.

— Да слышал ли Он, что ты Ему говорил?

— Слышал. Он Сам повелевает, чтобы мы все Ему говорили, и обещает услышать нас.

— Когда же Он говорил вам это и где? Разве и вы слышите Его голос, как Он слышит ваш?

— Нет, мы не слышим Его голоса так, как Он слышит наш, но Он различным образом дает нам знать Свою волю.

— И тебе самому Он дает знать об этом?

— Нет, я этого недостоин. Он говорит только с праведниками, и те записывают Его слова в книгу.

— А у тебя есть такая книга? Я не видела ее.

— Увы, моя дорогая! Сейчас у меня нет такой книги, но надеюсь когда-нибудь достать; тогда прочтем ее вместе.

— А что написано в этой книге?

— Законы Божии.

— А почему ты знаешь, что это именно Божии законы, а не человеческие?

— Потому что этими законами Бог повелевает и учит нас делать то, что справедливо, благо и истинно, и приказывает избегать зла. Один Бог любил нас настолько, чтобы желать нам добра и учить нас быть хорошими.

— Из всех твоих слов выходит, что Бог Сам делает только добро и нас учит тому же, и что Он услышит меня, когда я скажу Ему «О»! как ты сейчас говорил. Он сделает меня доброй, когда я захочу этого, пожалеет меня и не убьет, если я буду злой. Если все это правда, как ты говоришь, то Он, действительно, великий Бог. Я буду теперь постоянно думать о Нем и вместе с тобой говорить Ему «О!».

Тут они крепко обнялись и поцеловались, потом вместе опустились на колени и стали молиться.

По окончании молитвы жена Аткинса заставила мужа поклясться, что он исправится и бросит свою преступную жизнь, которая противна Богу. Иначе она боялась, что Бог выйдет наконец, из терпения и убьет его; она тогда останется одна и некому будет учить ее законам Божиим, да и сам он, по его словам, будет обречен на нескончаемые муки в аду.

Вдумавшись во все слышанное, глубоко тронутый священник сказал, что жену Аткинса следует сначала крестить, а потом уж обвенчать, так как душа ее уже вполне открыта для восприятия благодати Божией. Соглашаясь с этим мнением, я заявил, что могу сейчас приготовить все нужное для совершения таинства крещения.

— Нет, нет! — возразил священник. — Сначала нужно разъяснить этой женщине значение святого обряда и узнать, согласна ли она на него, потому что у меня нет обыкновения заставлять людей креститься насильно. Я уже имел счастье приобщить нескольких идолопоклонников к лону нашей святой Церкви, совершив над ними обряд крещения, но лишь по их доброй воле, после того, как они поняли, что именно я совершаю. Позовите, пожалуйста, сюда эту женщину и помогите мне объяснить ей все, что нужно.

Я исполнил эту просьбу и позвал жену Аткинса. Благодаря моему посредничеству, священник разъяснил ей главные основания христианской религии и дал понять, что обряд крещения есть символ очищения от прежних заблуждений и вступления в христианскую общину, называемую Церковью. Говорил он так горячо и убедительно, что бедная дикарка прослезилась и выразила желание немедленно креститься.

Пользуясь тем, что Аткинс не знал по-испански, я посоветовал священнику совершить обряд крещения именно на этом языке, чтобы Аткинс, во избежание недоразумений, не мог понять, по обрядам какой Церкви совершается таинство. Но священник ответил, что на этот счет нечего беспокоиться: так как крещение будет не в церкви и без необходимых принадлежностей, то он поневоле выполнит это таинство таким образом, что я и сам не замечу, по обрядам какой Церкви оно совершается.

Действительно, так и вышло. Приступая к совершению таинства крещения, священник, С воздетыми кверху руками, произнес несколько молитв по-латыни, потом он взял сосуд с водой, вылил его на голову дикарки и громко провозгласил уже по-французски:

— Мария, крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Затем последовали новые молитвы на латинском языке, и обряд был окончен.

Поговорив еще несколько времени с новокрещенною и ее сожителем, священник предложил им тотчас же обвенчаться; они с восторгом согласились. Мы пригласили свидетелей и священник и в несколько минут навеки скрепил союз этих двух людей, призвав на них благословение Божие. И это таинство он совершил опять-таки так, как мог бы совершить его и протестантский пастор. После этого он сказал новобрачным прекрасную речь об обязанностях христианских супругов, просил мою крестницу Марию, названную так по желанию Аткинса, укрепляться в вере в истинного Бога и наставлять в ней своих детей. Мужа ее он увещевал жить с этого дня так, чтобы не давать жене повода соблазниться его дурным примером и пошатнуться в своей новой вере. Оба торжественно обещали следовать его наставлениям; после чего мы с миром отпустили их.

Священник, этот усердный ревнитель Церкви, на этом, однако, не успокоился. Ему непременно хотелось обратить в христианство и остальных дикарей, и он выразил желание для этой доброй цели навсегда остаться на острове. Однако, я убедил его предложить мне это дело, доказав ему, что он может принести больше пользы в густо населенных дикарями странах, между тем как обращение той горсточкой людей, которая находилась на моем острове, можно предоставить Аткинсу с женой.

Сделав, таким образом, все, что пока находил нужным, я уже хотел возвратиться на корабль, как вдруг ко мне пришел тот молодой человек, которого мы взяли с корабля

*Они вместе опустились на колени
и стали молиться.*

вместе со священником и другими умиравшими с голоду пассажирами. Он сказал мне, что, услышав о бракосочетании англичан с их сожительницами, он пришел узнать, не согласится ли священник обвенчать еще и двух христиан.

В полной уверенности, что юноша говорит о себе и о молодой девушке, служанке его покойной матери, так как другой христианки на острове не было, я стал было отговаривать его от такого необдуманного поступка, не оправдываемого даже исключительными условиями его одиночества. Я напомнил ему о его положении в свете, о родных и о его связях, и объяснил, что все это не позволяет ему связывать свою судьбу с женщиной, не имеющей ровно ничего общего с ним и даже старше его лет на десять. Я просил его иметь в виду возможность снова возвратиться на родину, где он очутился бы в очень плачевном положении, привезя с собой в качестве жены бывшую служанку своей матери, да и ее саму подверг бы вечным оскорблениям и унижениям со стороны своих родственников и друзей.

Я долго не кончил бы, если бы молодой человек не решился со свойственной ему скромностью перебить меня. Он в самой деликатной форме объяснил, что я ошибаюсь в своих предположениях, так как у него ничего подобного и в мыслях не было. Далее он сказал, что был бы очень счастлив, если бы судьба дала ему возможность немедленно возвратиться на родину; но ввиду того, что наш корабль идет на восток, и неизвестно, когда оттуда вернется, он решил лучше остаться на этом острове, чем подвергать себя случайностям такого далекого и опасного путешествия. Если я дам ему на острове клочок земли, двух работников и все необходимое для устройства маленького хозяйства, он будет мне глубоко благодарен и станет охотно ждать, пока Бог не захочет освободить его из этой пустыни. На тот случай, если я из Ост-Индии возвращусь в Англию, он дал мне письмо к своим друзьям; в этом письме он описал все, что с ним было, и где он теперь находится.

Это была вполне подходящая пара, поэтому я тотчас же попросил священника обвенчать и их, что он в тот же день и исполнил.

Когда я спросил его, для кого же он собственно хлопочет и кого просит обвенчать, он ответил, что привезенный мною Джек желает жениться на бывшей служанке его матери, которая уже дала ему свое согласие. Они-то именно и просили его походатайствовать за них передо мною и священником. Это была вполне подходящая пара, поэтому я тотчас же попросил священника обвенчать и их, что он в тот же день и исполнил. В виде приданого молодой, я отмерил ей большой и плодородный участок земли и дал все необходимое для первого обзаведения хозяйством. То же самое я сделал и для молодого человека, ходатайствовавшего за нее.

Тут мне пришло в голову, что необходимо формально разделить землю между колонистами во избежание ссор и различных недоразумений в будущем. Это дело я поручил Аткинсу, который выполнил его к общему удовольствию; самый раздел был утвержден письменным договором, скрепленным подписями колонистов и моей подписью и печатью. В этом договоре было сказано, что я отдаю в полное владение колонистам и их наследникам такие-то участки земли со всеми угодьями, оставляя за собою остальную, незанятую землю острова, а равно и право получать, по истечении одиннадцати лет, известную плату с каждой плантации. Плату эту колонисты обязывались вносить мне или моему уполномоченному, по представлении им моей доверенности и засвидетельствованной копии с нашего договора.

Поселенцы спросили меня, не желаю ли я установить какие-либо законы или правила относительно способа управления островом, их общежития и прочего. Но я ответил им, что нахожу это излишним, так как им самим виднее, что нужно делать и чего избегать ради общего благосостояния.

Впрочем, было одно обстоятельство, которое мне нужно было уладить перед моим отъездом. В самой отдаленной части острова жили те тридцать семь индейцев, оставленные для того, чтобы они не могли навести на поселенцев новые полчища, с которыми не было бы возможности справиться. Дикари эти жили совершенно отдельно, не имея права переступать за границы отведенного им участка, и, не умея как следует обрабатывать землю, терпели всевозможные лишения. С целью улучшить их участь, я попросил губернатора пойти к ним вместе со старым Пятницей и предложить им или переселиться поближе к колонистам и поучиться у них настоящей обработке земли, или же поступить к ним в работники, за что они будут получать полное содержание. Чтобы колонисты в последнем случае не вздумали обратить бедных индейцев в рабов, я взял с них подписку в том, что они никогда не посягнут на свободу дикарей, которые только под этим условием и сдались в плен.

Некоторые из индейцев пожелали обрабатывать землю для себя лично, поучившись этому у колонистов, а большинство пошли в работники. Первым была отведена прекрасная земля рядом с поселком англичан. Устраивая все это таким образом, я надеялся, что постоянное общение дикарей с христианами повлечет за собой то, что они и сами обратятся в христианство. Но священник, с которым я говорил по этому поводу, сильно сомневался, чтобы этот вопрос мог разрешиться так просто. По его мнению, колонисты сами были настолько равнодушны к религии, что им и в голову не придет учить ей других. Посоветовавшись об этом важном предмете, мы решили собрать всех колонистов и вменить им в непрременную обязанность способствовать обращению идолопоклонников в христианство. Так мы и сделали. Я говорил с англичанами, а пастер — с испанцами, на языке которых он изъяснялся довольно свободно. Так как англичане были протестантами, а испанцы — католиками, то мы просили их не толковать с дикарями о догматах, а стараться только внушить им истинное понятие о Боге. Посе-

ленцы в один голос обещали сделать все, что от них зависит, для спасения душ бедных идолопоклонников, никогда не поднимать никаких богословских споров, не касаться подробностей, а ограничиваться одной сущностью религии, и во всем подавать дикарям добрый пример.

Успокоившись и в этом отношении, я стал готовиться к отъезду в Ост-Индию. Разбираясь в своих вещах, я нашел несколько экземпляров Библии. Я привез их с тем, чтобы раздать колонистам-англичанам, но до сих пор, к моему великому стыду, ни разу и не вспомнил о них. У нас всегда так: о нуждах телесных мы отлично помним, а о потребностях души забываем!

Взяв в карман один экземпляр Библии, я отправился к Аткинсу, и застал там жену Джека, Сусанну, в оживленной беседе с новоокрещенною. Аткинс с сияющими от радости глазами сообщил мне, что молодые женщины толкуют о религии.

— О, сэр, — добавил он, — когда Господь пожелает примирить с совестью грешника или обратить к познанию истины детей мрака, то Он, должно быть, всегда шлет посредников. Вот и моя бедная жена, так горячо желающая быть просвещенной светом христианской религии, которую только что приняла, нашла себе наставницу, в сравнении с которой я — ничто. Сусанна так хорошо знает слово Божие и так ясно умеет толковать его, что в состоянии сделать добрую христианку не только из моей жены, а обратить и всех остальных дикарей нашего острова.

— Это мне очень приятно слышать, — сказал я, доставая из кармана книгу. — Но так как не может же Сусанна знать наизусть все слово Божие, то вот я и принес вам эту книгу; надеюсь, что она послужит ей хорошим подспорьем в ее святом деле распространения религиозных знаний, да и вам всем будет утешением.

Аткинс со слезами на глазах благоговейно взял у меня из рук книгу и сказал, обратившись к жене:

— Вот, моя дорогая, та великая книга, о которой я говорил тебе. В ней написано все, что нужно знать христианину. Сам Бог послал нам ее через нашего общего благодетеля.

Новоокрещенная, по своей наивности, поняла слова мужа буквально и подумала, что Бог прислал книгу прямо с неба. Хотя в известном отношении она и была права: неожиданное появление Библии, об отсутствии которой Аткинс не раз горько сетовал, действительно, можно было аллегорически объяснить таким образом, но я все-таки нашел нужным растолковать простодушной женщине, что Провидение исполняет наши заветные желания не непосредственно, а всегда только через других людей, которые в таких случаях и называются орудиями воли Божией. Чудес, вроде падения с неба книги, нет, но все происходит совершенно естественно.

Трудно описать искреннюю, непритворную радость Уилла Аткинса, когда он получил Библию. Я уверен, что самый дорогой подарок не мог бы так его обрадовать. И ни у кого желание обладать Библией не вытекало из таких благородных побуждений, как у этого человека, который до сих пор был одним из самых закоснелых злодеев, не признававшим ничего, кроме голоса своих прихотей. Он служил живым доказательством тому, что родители не должны отчаиваться, если их дети остаются глухи к их добрым наставлениям, но обязаны неустанно продолжать учить добру детей, как бы те ни были непокорны, непослушны и упрямы. Если Господь, в Своем бесконечном милосердии, когда-нибудь пробудит совесть такого непокорного, то наставления родителей принесут свои плоды. Тогда припомнится все, что когда-то говорили родители, и будет обращено на пользу. Одного толчка было совершенно

Так как не может Сусанна знать наизусть все слово Божие, то вот я и принес вам его.

достаточно, чтобы пробудить совесть Аткинса и одного теплого луча, — чтобы вызвать в его душе ростки добрых семян, вложенных в него когда-то его отцом.

И, действительно, Аткинс подтвердил, как учил его отец и как высоко он ценил Библию, называя ее лучшим даром небес для каждой нации, каждой семьи и каждого человека. При этом Аткинс добавил, что, к сожалению, сам он достойно оценил эту великую книгу только тогда, когда ему пришлось наставлять в истинной вере язычницу; тогда только он понял, что без Библии в руках он слишком слаб.

Сусанна тоже была очень довольна, увидев Библию. У нее была своя Библия, но она погибла вместе с другими ее вещами на корабле, с которого мы взяли ее к себе.

Это была очень скромная, набожная и неглупая женщина, одаренная к тому же и приятной наружностью. Она давно уже оправилась от последствий голода и других ужасов, перенесенных ей на корабле. Все, что она говорила, всегда было кстати, на каждый вопрос у нее был готов милый, скромный и умный ответ. Она получила порядочное образование, прекрасно умела вести хозяйство и знала множество рукоделий. Словом, для человека среднего сословия, каким был ее муж, она была настоящим кладом.

В этот раз я вступил с ней в продолжительную беседу. Коснувшись тех обстоятельств, при которых состоялось наше знакомство, я спросил ее, не может ли она передать, что чувствует человек, умирающий с голода. Она ответила, что может, так как отлично помнит все свои ощущения в то время, когда чуть не умерла от недостатка пищи, и рассказала следующее.

— В первые дни нашего странствования по морю, нам, хоть немного, но давали есть, а потом совершенно прекратили выдачу даже прежних маленьких порций. У моей госпожи было с собой немного сахара и вина; этим мы и поддерживали свою жизнь. Однако, вечером, на первый же день, в который мы ничего не ели, я почувствовала сильную

боль в опустевшем желудке и почти непреодолимый позыв ко сну. Выпив большой стакан вина, и закусив кусочком сахара, я легла в койку и проспала около трех часов. Сон как будто немного освежил меня. Но часов около пяти утра я опять почувствовала боль в желудке и меня начало тошнить. Я снова легла, но от тошноты не могла заснуть. То же было и на другой день: боли в желудке, тошнота и слабость. Так как вина и сахара было очень мало, то я перестала пользоваться ими, а ограничилась в этот день тем, что выпила стакан воды, после чего опять легла. Кое-как заснув, я увидала во сне, что будто я на рынке в Барбадосе покупаю множество съестных припасов для своей госпожи, и что потом она будто бы поделилась со мною, и я с жадностью ела. Я чувствовала себя прекрасно, пока не проснулась. Тогда прежние мучения возобновились и постепенно начали увеличиваться ужасным сознанием, что я умираю голодной смертью. Моя госпожа насильно влила мне в рот остаток вина, от чего я впадала в бессознательное состояние.

Проведя в таком положении всю ночь, я на третий день, считая с того, когда нам перестали давать есть, встала с таким бешеным желанием есть, что, кажется, была бы готова съесть собственного ребенка, будь он у меня. По словам сына моей госпожи, я так бесновалась, что страшно было глядеть на меня. Бешенство мое носило характер припадочный. Во время одного из таких припадков я упала на пол каюты и так сильно ушиблась, что у меня из носу пошла кровь, после чего я начала успокаиваться. Потом начались в желудке судороги, и меня мучил позыв к рвоте, который кончился ничем, вследствие пустоты желудка. Наконец, от большой потери крови я лишилась чувств, и меня сочли за мертвую. Когда я снова пришла в себя, то у меня началась такая боль в желудке, о которой я могу дать вам только самое слабое понятие. Казалось, у меня во внутренностях одновременно сверлит, режет, рвет и жжет. Затем явилось такое желание есть, какого человек, живущий в обыкновенных условиях, не может себе и представить. Я выпила стакан воды с сахаром, но от сладкого меня сейчас же стошнило. Тогда я выпила одной воды и снова легла в постель, прося Бога, чтобы Он смиловался надо мною и взял меня к Себе. Успокоенная надеждой, что мои мучения скоро прекратятся, я уснула.

Через несколько часов я проснулась. Слабость моя в эту минуту была так велика, что я думала, что умираю, и только желала, чтобы все скорее кончилось. Возле меня в тех же мучениях умирала моя милая бедная госпожа. Она терпеливее меня переносила свои страдания и не впадала в бешенство. Я видела, как она отдала свой последний кусок хлеба сыну. Тот долго отказывался, говоря, что не хочет есть, когда она умирает от голода, но она умолила его не увеличивать ее мук своим отказом; он сдался и съел хлеб. Думаю, что только самопожертвованием матери он и остался жив. К утру я опять заснула, пока меня не разбудило острое чувство голода.

От страшного желания есть я опять впадала в иступление. Я уверена, что если бы в эту минуту умерла моя госпожа, я с таким же хладнокровием оторвала бы от нее зубами кусок мяса и съела бы, с каким мы привыкли употреблять в пищу мясо животных. Несколько раз я принималась грызть собственную руку, но боль заставляла меня переставать. Наконец, я увидела медный таз, в который накануне текла у меня из носу кровь, и бросилась пить эту кровь с такой торопливой жадностью, точно боялась, что у меня отнимут ее. Как только я проглотила всю кровь, мною овладело страшное отвращение, но чувство голода умолкло, и я на время успокоилась. Это был уже четвертый день нашей голодовки. Часа через три снова начались прежние мучения: боль в желудке, сонливость, приступы голода, снова страшная боль в желудке, бешенство, слезы и непреодолимое желание утолить голод чем бы то ни было. Наконец, мои силы совершенно

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

истощились, и я легла на койку с полной уверенностью не проснуться завтра. Но я всю эту ночь не могла заснуть от судорог в желудке и все время стонала.

Под утро я было немного забылась тяжелым, беспокойным сном, но вскоре же была пробуждена криками и слезами моего молодого господина, который нашел свою бедную мать почти мертвой. Не имея силы встать, я немного приподнялась и, взглянув на свою госпожу, заметила, что, хотя она еще жива, но уже находится при последнем издыхании. В это время со мною начались такие страшные конвульсии, и я почувствовала такие мучительные боли в желудке, каких невозможно ни описать, ни представить себе тому, кто их не испытал. Я могу сравнить это состояние разве только с предсмертными муками. Но вот, до моего страшно напряженного слуха вдруг коснулись слова: «Парус, парус!».

После этого на палубе все пришло в такое движение, точно весь экипаж сошел с ума. Слышались нечеловеческие крики, рев, вой, хохот, плач, рыдания и стоны. Прямо над моей головой прыгали, топали, скакали и бегали взад и вперед. Это был настоящий Бедлам. Сбрав последние остатки сил, моя госпожа и я, взаимно поддерживая друг друга, сползли со своих коек, находившихся рядом, желая добраться до двери и выглянуть на палубу, чтобы узнать, что там делается. Молодой господин лежал в забытьи, как мертвый... Вы помните, в каком положении нашли нас, когда явилась ваша великодушная помощь.

Сусанна со взглядом глубокой благодарности схватила и поцеловала мою руку прежде, чем я успел воспрепятствовать этому.

Я нарочно воспроизвел весь ее рассказ, чтобы дать моим читателям хотя бы слабое понятие о тех мучениях, которые испытывает умирающий от голода человек. Молодой человек, которого я потом расспрашивал, повторил мне почти то же самое, когда описывал, что он чувствовал, страдая от голода. Если бы наш корабль встретил судно с голодающими несколько позднее, то все они или погибли бы голодной смертью или же начали бы пожирать друг друга, что, по моему мнению, было бы еще ужаснее.

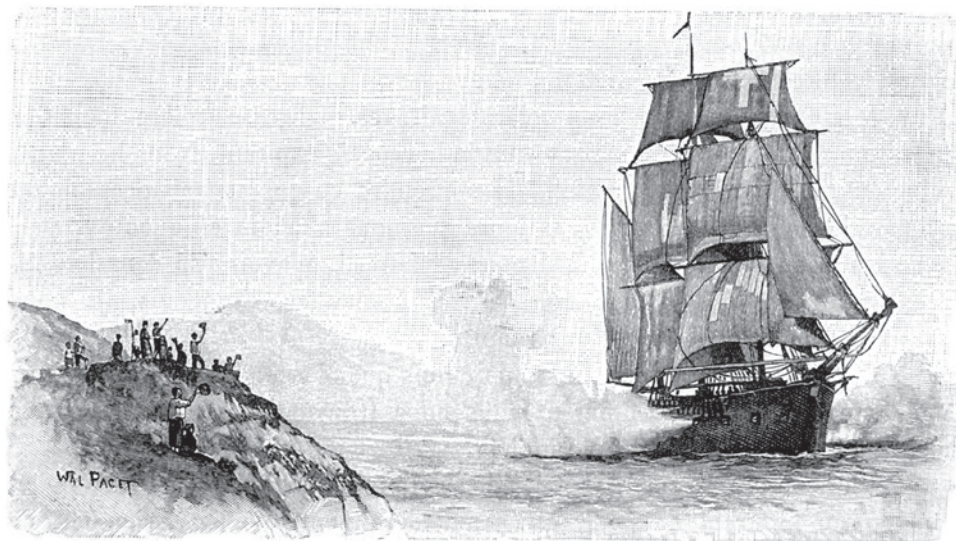
Однако, возвращаясь к главной сути своего рассказа.

По некоторым причинам я не сообщал колонистам о том, что привез с собой складной бот, который я сначала хотел оставить им. Умолчал я о нем, между прочим, потому, что боялся, как бы после моего отъезда не возобновились среди поселенцев прежние раздоры и несогласия, и некоторые из наиболее смелых и отчаянных не вздумали бы воспользоваться моим ботом для набегов на соседние острова и морских разбоев. Этим путем мой остров мог сделаться пристанищем пиратов, вместо того, чтобы быть колонией честных и трудолюбивых людей, какую я желал видеть. По тем же соображениям я не оставил на острове предназначенных для его защиты пушек. Колония и без того имела достаточно средств для обороны и отражения хоть целой армии дикарей. Пушки же могли внушить колонистам желание самим начать наступательную войну с соседними островами с целью завоеваний, а этому я не мог сочувствовать. Однако, бот и пушки все-таки пригодились и послужили в пользу тех же колонистов, но при других обстоятельствах, о чем будет рассказано в своем месте.

Устроив дела колонии, и убедившись в существовании самых дружеских отношений между поселенцами, я 5 мая возвратился на корабль, пробыв на острове двадцать пять дней. При прощании я взял с колонистов слово, что они без моего разрешения не тронутся с острова, и обещал им за это прислать кое-что из Бразилии, между прочим, несколько коров, овец и свиней. Те свиньи и коровы с телятами, которых я купил для них в Ирландии, погибли дорогой за недостатком для них корма на корабле. На следу-

ющий день, наш корабль, сделав пять прощальных выстрелов, поставил паруса и снялся с якоря.

Не стану описывать этот переезд; скажу только, что он совершился бы вполне благополучно, — мы через двадцать два дня прибыли в Бразилию и бросили якорь в заливе Всех Святых, — если бы ни одно приключение, имевшее для меня самые печальные последствия, которое я не могу обойти молчанием. На третий день нашего плаванья при полном затишье нас начало было относить морским течением к северо-востоку. Вахтенный объявил, что на востоке видна земля — не то материк, не то остров. Немного погодя под вечер мы увидели, что вся поверхность моря возле той земли покрыта какими-то черными движущимися предметами, по виду похожими на исполинских рыб. Пораженные этим странным явлением, мы велели штурману взобраться на грот-ванты ¹ и посмотреть в зрительную трубу, что там такое. Едва штурман успел навести трубу, как тут же крикнул, что видит целую армию. Я не мог понять, что он разумеет под

*На следующий день наш корабль, сделав пять прощальных выстрелов,
поставил паруса и снялся с якоря.*

словом «армия», и поэтому резко оборвал его и заметил, что мы не маленькие, чтобы потешать нас такой чушью.

— Не сердитесь, сэр, — сказал штурман, — я, действительно, вижу целую армию дикарей, которая спешит к нам на настоящем флоте, состоящем, по крайней мере, из тысячи пирог. Не угодно ли вам самим посмотреть.

Вскоре мы собственными глазами убедились, что штурман говорил правду. Племянник и я тревожно переглянулись. Молодой капитан в первый еще раз плыл под этими шпротами и потому имел несколько преувеличенное представление о дикарях. Не-

¹ Грот-ванты — боковые веревочные лестницы у грот-мачты.

смотря на присутствие на корабле пушек, он был уверен, что нам не справиться с такой массой дикарей, если те вздумают напасть на нас. Я тоже был не совсем спокоен, видя, что море совершенно тихо и нас несет прямо к берегу. Тем не менее, я старался ободрить племянника, говоря, что с пушками нам не страшны никакие дикари.

Пирог быстро направлялся к нам. Я велел убрать паруса и бросить якорь. Затем, объяснив экипажу, что дикари могут быть опасны только потому, что им может прийти в голову мысль поджечь корабль, я приказал спустить две шлюпки, наполнить их хорошо вооруженными людьми с ведрами, бадьями и лейками, на случай тушения пожара, и поставить одну возле носа, а другую у кормы.

Мы насчитали всего сто двадцать шесть пирог, вместо объявленной штурманом тысячи, зато в некоторых из них было по семнадцать человек вооруженных дикарей, а в остальных, маленьких, от шести до восьми человек в каждой.

Дикари сначала было остановились в изумлении перед нашим кораблем, подобного которому, вероятно, раньше никогда не видели, но потом, посоветовавшись между собой, смело пошли вперед, с целью окружить нас со всех сторон. Мы крикнули матросам, чтобы они старались не подпускать к кораблю дикарей. Матросы замахали руками на дикарей, чтоб заставить повернуть назад. Индейцы поняли и подались немного назад, но в то же время осыпали наши шлюпки градом стрел, причем убили одного из матросов.

Несмотря на это, я не решился еще открыть огонь и только распорядился, чтобы наши плотники наскоро обшили борта шлюпок толстыми и широкими досками для защиты от стрел, пользуясь тем, что дикари остановились пока на почтительном отдалении. Едва плотники успели кончить свое дело и вернуться обратно на борт, как дикари всей массой направились к кормовой части корабля. Объехав ее кругом, они после новых совещаний выстроились в ряд и поплыли к правому боку судна. Вскоре они подошли так близко, что можно было вступить с ними в переговоры. Я приказал держать ружья наготове, но не стрелять, пока сами дикари не сделают попытки к нападению, и велел вызвать к себе наверх Пятницу для переговоров с неприятелем. Когда Пятница, перегнувшись через борт, спросил у дикарей, чего они хотят, некоторые из находившихся в ближайших пирогах быстро повернули свои лодки, нагнулись и показали нам свои голые спины. Было ли это выражением презрения, или вызовом, мы не знали. Но Пятница посоветовал нам быть наготове, так как дикари, очевидно, намерены стрелять. Действительно, индейцы тут же пустили в нас несколько сот стрел. Не понимаю, как это мой бедный Пятница, предупредив нас об опасности, не догадался сам укрыться от нее, или уж так ему было

*В Пятницу, одиноко стоявшего на виду,
вонзились сразу три стрелы.*

суждено Богом, но в то время, когда мы все, спрятавшись за бруствер, счастливо избегали тучи стрел, в него, одиноко стоявшего на виду, вонзились сразу три стрелы. Когда я подбежал к нему, заметив, что он падает, обливаясь кровью, он уже был мертв: одна из стрел пробила ему насквозь сердце.

Потеря моего дорогого Пятницы, который был для меня не только верным слугой, но другом и товарищем, привела меня в такое озлобление, что я не своим голосом крикнул приказание зарядить пушки и дать из них залп по неприятелю. В это время пироги дикарей стояли от нас в полукабельтове¹. Наши пушкарки так метко прицелились, что одним залпом опрокинули несколько пирог. Я бы не прибегнул к такой жестокой мере, если бы дикари не убили моего любимого Пятницу. Только его смерть заставила меня выйти из себя и поддаться страшному чувству мести. Думаю, что ни Бог, ни люди не осудили бы меня даже в том случае, если бы мне тогда пришлось потопить всех дикарей с их пирогами.

Наш пушечный залп произвел должное действие. Не знаю, сколько именно человек было убито, ранено или потонуло, но я видел, что штук четырнадцать пирог было разбито и опрокинуто. Из числа сидевших в них дикарей часть осталась в живых и бросилась вплавь обратно к берегу. Остальные индейцы тоже поспешили повернуть пироги назад, испуская страшные вопли. Никто из спасавшихся в лодках не заботился о товарищах, барахтавшихся в воде. Одного из последних, тонувшего на наших глазах, мы приказали матросам взять к нам на борт. Через несколько времени вокруг нас не оставалось ничего, кроме обломков пирог да множества трупов. Начинало темнеть. Подул свежий ветерок, и мы, поставив паруса и снявшись с якоря, стали продолжать путь.

Дикарь, которого мы выловили из воды, был так подавлен своим несчастьем, что не говорил ни слова и упорно отказывался от предлагаемой ему пищи. Уверенный, что он решил умерить себя голодом, я придумал средство вывести его из этого угнетенного состояния. Я приказал матросам поднять его над бортом и объяснить ему, что если он не перестанет упрямиться, то мы бросим его назад в воду и оставим там на съедение морским чудовищам. Один из матросов знал немного язык индейцев и сумел так убедительно растолковать дикарю в чем дело, что тот вдруг оживился, попросил есть и сделался очень послушным и покорным.

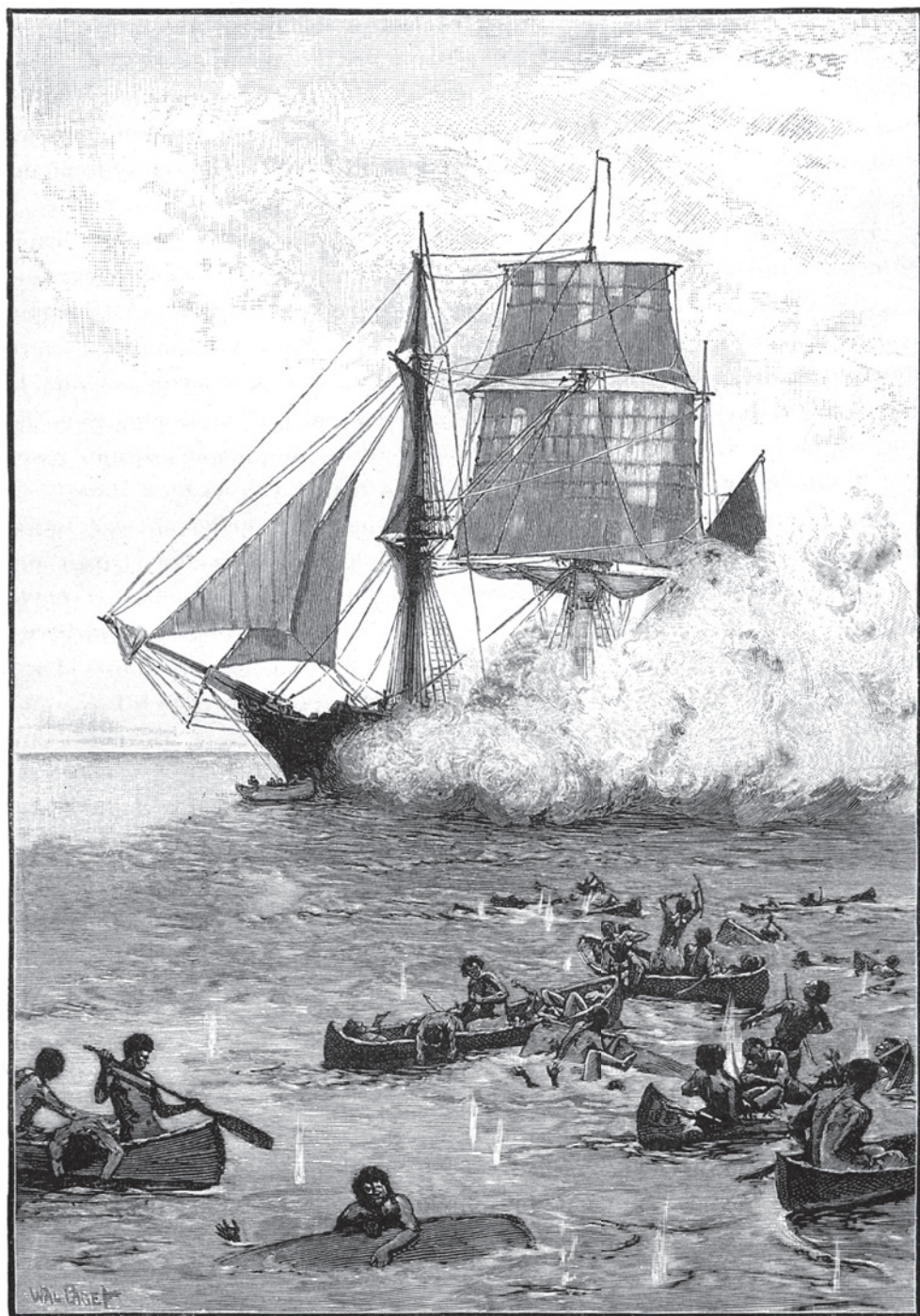
Потеря моего верного друга Пятницы страшно огорчала меня. Я готов был вернуться на остров и взять там другого дикаря, из которого можно было бы воспитать другого Пятницу, но, к сожалению, это было невозможно, так как мы и без того уже слишком долго задержались в пути.

Между тем, дикарь, который находился у нас на борту, начал понемногу привыкать к нам и понимать нас. Сам он говорил таким странным языком, издавал такие удивительные звуки, что они скорее напоминали щелканье птиц, чем человеческий говор. Но мало-помалу он выучился немного говорить по-английски и сообщил нам на наши расспросы, что разбитая нами флотилия пирог была выслана их вождями на войну с двумя враждебными племенами. Когда мы спросили, зачем они подошли к нам, он ответил:

— Посмотреть на великое чудо, на вашу большую пирогу.

¹ *Кабельтовы* — внесистемная единица расстояния на море; в Великобритании составляет 185,3 м.

Наши пушкaри так метко прицелились, что одним залпом опрокинули сразу несколько пирог.

Его манеры и способ выражения несколько напоминали мне моего бедного Пятницу, которого мы похоронили со всевозможной торжественностью и с почетом, каких вполне заслужил этот прекрасный человек, редкий даже между цивилизованными христианами. Когда опускали его тело в морскую пучину, наши пушки сделали одиннадцать выстрелов. Так окончилась жизнь моего верного, преданного и скромного слуги и друга.

Ввиду того, что наш корабль предназначался вовсе не для Бразилии, власти в городе Всех Святых не хотели разрешить нам высадку на берег. Ни указания на моего бывшего компаньона по плантации, который был теперь очень влиятельным человеком в городе, ни на сыновей моих бывших опекунов, ни рассказы о моем чудесном избавлении — ничто не помогало. Наконец, мне все-таки удалось снестись с моим прежним компаньоном, и тот упросил губернатора разрешить мне высадку на берег, напомнив ему о тех пожертвованиях, которые некогда были сделаны мной в пользу монастыря Святого Августина и нищих города. Вместе со мной получили разрешение высадиться мой племянник и восемь человек матросов. При этом с нас взяли обязательство не выгружать никаких товаров и не пускать более никого с корабля. С громадным трудом удалось мне выпросить позволение взять с собой по штуке тонкого английского сукна, полотна и шелковой материи, предназначенных мной в подарок моему бывшему компаньону.

Последний оказался человеком очень любезным и щедрым, хотя обладал и не Бог весть каким состоянием. Как только я сошел на берег, он прислал мне свежей провизии, прекрасного вина, различных сластей, табак и несколько штук редких золотых вещей. Это было тем более любезно, что ему не было известно, привез ли я для него что-нибудь. К счастью, я был в состоянии одарить его достойным образом. Когда он спросил меня, не может ли он быть мне чем-нибудь полезным, я, между прочим, попросил его помочь мне выпустить из гавани бот, который я хотел отправить на остров с кое-какими необходимыми предметами для колонистов. Он с удовольствием согласился оказать мне в этом свое содействие. Управление судном я поручил одному шкиперу, которого нанял через посредство того же компаньона. Накупив все, что было нужно, и нагрузив на бот, я дал шкиперу необходимые инструкции и указания относительно того, как отыскать мой остров, и он отправился в путь. Потом я узнал, что он вполне добросовестно исполнил возложенную на него обязанность и доставил все в целости на остров.

Один из наших матросов, бывший со мною на острове, выразил желание поселиться на нем, и упросил меня написать губернатору острова, чтобы тот отвел ему участок земли для устройства плантации и снабдил нужными сельскохозяйственными орудиями, семенами для посева и прочим. Он говорил, что когда-то был плантатором и скотоводом в Мериленде и потому знает это дело. Я с радостью исполнил его просьбу и дал ему в помощники индейца, находившегося на корабле. В письме к губернатору я просил как можно лучше устроить их обоих.

Бот уже готовился к отплытию, когда мой компаньон сказал мне, что у него между местными плантаторами есть один знакомый, человек прекрасный во всех отношениях, но имевший несчастье чем-то возбудить неудовольствие духовенства, которое беспощадно преследует его.

— Кажется, — продолжал он, — этот человек предан какой-то ереси, но это несколько не умаляет его достоинств в моих глазах, и мне очень его жаль. Чтобы не попасть в руки инквизиции, ему необходимо как-нибудь скрыться отсюда тайком. Я давно уже приискивал для него подходящий случай, но таковой все не представлялся. Я знаю, что вы человек хороший, свободный от всяких предрассудков и всегда готовый помочь ближнему, а потому надеюсь, что вы не откажетесь принять участие в этом чело-

веке. Отправьте его вместе с семейством, состоящим из жены и дочерей, на свой остров и устройте его там. Этим вы спасете хороших людей и заслужите их вечную признательность. Монахи уже добились того, что у него отобрали все имущество, за исключением кое-какого домашнего скарба и двух невольников. Еще немного, и он сам очутится на костре, если вы не примете в нем участия.

Излишне говорить, что я тотчас же попросил моего собеседника привести ко мне этих злополучных людей и поместил их на боте. По поводу этих новых переселенцев я написал губернатору острова второе письмо, в котором просил сделать и для них все необходимое, чтобы они чувствовали себя на острове вполне хорошо. Кроме того, я дал им с собой разные орудия, семена, отводки сахарного тростника и многое другое. Так называемый «еретик» отлично знал сахарное производство и обещал устроить на острове плантацию сахарного тростника и даже маленький завод для выделки сахара.

Между прочим, я отправил на остров трех дойных коров, пять телят, двадцать две свиньи, двух кобыл и прекрасного жеребца. Это давало колонистам возможность обзавестись со временем целыми стадами домашнего скота.

Дочерям еретика я посоветовал познакомиться с испанцами и постараться выбрать себе между ними мужей, чтобы обеспечить свою будущность и испытать полное семейное счастье, какое могли им дать эти превосходные люди.

По возвращении в Лондон я получил от старых и новых поселенцев моего острова письмо, в котором они благодарили меня за все оказанные им заботы. Каким путем достигло до меня это письмо, я расскажу потом.

Как видит читатель, я вполне обеспечил процветание моей колонии, о которой я скажу теперь еще несколько слов, а потом уже более говорить о ней не буду. Кто захочет прочесть эти записки до конца, тот не найдет в них ничего, кроме описаний сумасбродств старика, которому не послужили уроком ни собственные, ни чужие несчастья, и которого ничто не могло укротить в течение его долгой жизни.

В самом деле, у меня было столько же поводов отправиться в Ост-Индию, сколько у ни в чем неповинного человека отправиться к смотрителю Ньюгетской тюрьмы¹ и просить его о том, чтобы его заперли в мрачную камеру вместе с преступниками и обрекли на голодную смерть. Если уж я питал такие нежные чувства к своей колонии, то мог нанять в Англии небольшой корабль и отправиться на нем прямо на остров. Все, что я желал дать поселенцам, я мог нагрузить на этот корабль. Я мог даже выхлопотать у правительства утверждение своих прав на остров, подчинив его верховному владычеству Англии; не думаю, чтобы мне в этом было отказано. Я мог отправить туда несколько пушек с боевыми снарядами и соорудить на острове сколько угодно укреплений, во славу старой Англии. Мог, наконец, навсегда поселиться на своем острове и развести там всевозможные плантации, которые давали бы мне большую прибыль, и поддерживать постоянные торговые сношения с метрополией, приобретя корабль в свою полную собственность. И если бы я сделал все это, то поступил бы благоразумно и никто не мог бы осудить меня.

Но мною все еще владел демон бродяжничества, заглушавший во мне голос разума. Мне нравилось разыгрывать роль покровителя людей, поселенных мною на острове, и заставлять их чувствовать мои благодеяния; но я и не подумал привести остров в под-

¹ *Ньюгетская тюрьма* — главная тюрьма Лондона с 1188 по 1902 гг.; была расположена у Новых ворот лондонского Сити, потом снесена.

чинение какого-нибудь правительства или передать во власть кому-нибудь из государей, объявив колонистов его подданными. Я даже не позаботился дать настоящее название острову, оставив его в том самом положении, в каком нашел, то есть островом без названия и никому не принадлежащим по праву. Положим, в качестве благодетеля колонистов, я имел на них влияние, но ведь это влияние было чисто случайное, не подкрепленное никакими законами. Мне повиновались только из благодарности и личного расположения, а благодарность и расположение ко мне могли понемногу улетучиться, и тогда мне нечем было заставить слушаться себя. Если бы я остался на острове, то еще мог бы надеяться удержать свой авторитет и сохранить порядок между поселенцами. Но я захотел еще побродяжничать, несмотря на свои почтенные годы, и легкомысленно бросил свою колонию на произвол судьбы. Только по прошествии пяти лет я получил из нее крайне неприятное известие, что она начинает распадаться, что Уилл Аткинс умер, пятеро испанцев покинули ее навсегда, а между остальными колонистами возникли раздоры и смуты. С дикарями было несколько стычек, хотя и не особенно важных, но, тем не менее, оставивших заметные следы. Большинство поселенцев изленились, запустили свое хозяйство и теперь терпели нужду, что только ожесточало их. Оставшиеся англичане прямо требовали, чтобы я взял их с острова и дал им возможность увидеть родину, хоть перед смертью.

Ничего подобного не было бы при мне; быть может даже, Уилл Аткинс остался бы жив. Но я, как дикий гусь, помчался за тридевять земель, сам не зная зачем и для чего, и наделал еще таких безумств, о которых мне теперь даже стыдно вспоминать. Все-таки я должен описать их для назидания другим, чтобы показать, как мудрое Провидение заставляет неразумных людей наказывать самих себя своей глупостью, своим легкомыслием и пренебрежением ко всем урокам судьбы.

В Бразилии я расстался с моим благородным другом, священником, который отправился в Лиссабон, надеясь, что на этот раз Небо поможет ему, наконец, добраться до места его назначения. Одно время я горько сожалел, отчего не сопутствовал ему, но потом утешился мыслью, что в этом случае у меня не было бы лишних поводов благодарить Провидение за ниспосланные мне милости, а читателю не пришлось бы прочесть вторую часть приключений Робинзона Крузо.

Итак, священник сел на корабль, отходивший в Лиссабон, а я продолжал путь на корабле племянника. Мы направились через Атлантический океан прямо к мысу Доброй Надежды, все время держа курс на юго-восток. Переезд этот совершился благополучно. Мы стойко выдержали шторм и некоторое время боролись со встречными ветрами; больше же ничего неприятного с нами не было.

У мыса Доброй Надежды мы пробыли ровно столько времени, сколько было нужно для того, чтобы запастись пресной водой, а потом, не останавливаясь, прошли к Коромандельскому берегу¹. Там мы получили известие, что как раз перед нами в Индию направились два больших торговых французских судна и одно военное с пятьюдесятью пушками. Это сильно встревожило меня, так как я знал, что в то время между Англией и Францией происходила война. Однако, потом мы больше ничего не слыхали об этих кораблях и поэтому спокойно продолжали свой путь.

¹ *Коромандельский берег* — восточное побережье полуострова Индостан от дельты реки Кришна до мыса Коморин.

ГЛАВА V

На Мадагаскаре. — Стычка с туземцами. — Резня. — Пожар в индийской деревне. — Мятеж. — Счастливая неудача. — Новый союзник. — Встреча с пушкарем. — Погоня и сражение. — Новые опасности. — Легкий успех. — Болтливый лопман. — На пути в Китай. — В Средиземной империи. — Отъезд в Сибирь.

Необходимость возобновить запас пресной воды и съестных припасов заставила нас остановиться у острова Мадагаскара. Жители этого острова очень кровожадны, вероломны и воинственны. Вооружение их состоит только из пик, луков и стрел, но они владеют этим первобытным оружием с таким искусством, что и не нуждаются в другом. Несмотря на присущее им недоверие к чужеземцам, они почему-то приняли нас очень дружелюбно. За несколько ножей, ножниц и тому подобных безделушек они продали нам одиннадцать небольших, но прекрасно откормленных быков. Таким образом, мы надолго были обеспечены сначала свежим мясом, а потом, посолив его, солониной.

Как человек любознательный, я всегда старался подробно осмотреть каждый уголок земного шара, куда бы ни заносила меня судьба, и пользовался каждым случаем побывать на берегу. Поэтому, мне захотелось познакомиться поближе и с Мадагаскаром. На другой день после приезда, вечером, я, племянник и несколько матросов уселись в шлюпку и пристали к восточной стороне острова. Едва успели мы ступить на берег, как нас окружила огромная толпа туземцев. Остановившись в некотором расстоянии от нас, дикари принялись наблюдать за нами. Так как они до сих пор относились к нам очень доверчиво и дружелюбно, то мы и теперь не ожидали от них никакой враждебности. При виде толпы, мы срезали с дерева, под которым проходили, три зеленые ветви и воткнули их в трех шагах от себя в землю, что считалось в этой стране выражением дружбы и миролюбия. Когда туземцы питают к пришельцам подобные же чувства, то отвечают тем же символом. Доказав, таким образом, свое желание мирных отношений, ни пришельцы, ни туземцы не имеют права без особого разрешения с той или другой стороны переступить за линию, обозначенную ветвями. Пространство между обеими линиями может служить как бы рынком для торговли, заключения договоров и тому подобных действий. Кто желает вступить на это пространство, тот должен сложить оружие возле своих ветвей. При малейшем намеке со стороны пришельцев на желание совершить какое-нибудь насилие над туземцами, последние бросаются к своему оружию, — и мир нарушен.

Вышедшая к нам навстречу толпа тотчас же ответила нам посадкой ветвей возле себя и всеми возможными способами старалась выразить нам ласку и приветливость. Женщины притащили молоко, коренья, плоды и разные съестные припасы, которые они выменивали на мелкие безделушки. Все шло тихо и спокойно. Племяннику вздумалось переночевать на берегу, и матросы тотчас же устроили ему палатку из ветвей. Не помню теперь почему, но мне не захотелось ночевать вместе с ними. Я велел матросам сделать из тех же ветвей навес в шлюпке, стоявшей почти возле самого берега. Когда навес был готов, я постлал под ним парус и улегся на него.

Часов около двух ночи я был разбужен страшным шумом на берегу. Слышались мушкетные выстрелы. Оказалось, что это стреляли наши, вооруженные пятью мушкетами. Я насчитал три залпа подряд. Очевидно, мадагаскарских туземцев не так легко было напугать выстрелами, как американских дикарей, с которыми мне приходилось иметь дело. Поняв, что наши в опасности, я приказал придвинуть бот к самому берегу и вместе с находившимися со мною матросами, захватив три мушкета, которые лежали на дне шлюпки, поспешил на помощь к своим.

Однако, не успели мы еще выйти на берег, как племянник и его спутники, преследуемые несколькими сотнями туземцев, бросились в воду, чтобы доплыть до нас. Всех наших было девять человек, из которых только пятеро имели ружья, а остальные были вооружены саблями и пистолетами.

Пока мы помогали нашим сесть в шлюпку, нас самих осыпали стрелами. Мы наскоро приколотили к бортам судна высокие и толстые доски, за которыми прежде всего укрыли трех раненых матросов, а потом спрятались и сами. Но эта предосторожность едва ли помогла бы, если бы дело происходило днем, потому что мадагаскарцы замечательно ловкие стрелки и, наверное, им не помешало бы такое слабое препятствие. Но так как ночь была довольно темной, то стрелы только впивались в обшивку шлюпки или отскакивали от нее. Зарядив свои ружья, мы дали дружный залп, очевидно, нанеся дикарям большой урон, судя по их стонам, крикам и воплям. Тем не менее, они выстроились в боевой порядок с очевидным намерением дожидаться рассвета и сделать тогда на нас новое и более успешное нападение.

Мы тоже вынуждены были остаться на месте, потому что не могли поднять якорь и поставить по ветру парус, так как боялись подняться на ноги, чтобы не сделаться мишенью для неприятельских стрел. К счастью, нам удалось подать своему кораблю сигнал бедствия. Штурман, заменявший там в это время капитана, поспешил сняться с якоря и подойти к нам. Но на некотором расстоянии корабль принужден был остановиться из-за мелководья, и выслал к нам другую шлюпку. Мы кричали, чтобы шлюпка береглась опасности со стороны туземцев, державших нас в осаде, но сидевшие в ней матросы не обращали внимания на наши предостережения, а продолжали быстро подвигаться вперед. Наконец, один из них догадался бросить нам буксирный канат, который мы и привязали к борту нашего судна. Кое-как вытащив якорь, мы отошли на буксире за линию выстрелов, все время укрываясь за бруствером. Как только мы перестали заслонять собою берег, корабль дал залп из всех своих пушек, заряженных пулями, картечью, кусками железа и свинца. Не было никакого сомнения, что этот залп должен был произвести ужасное опустошение в рядах неприятеля.

Очутившись в полной безопасности на борту корабля, я стал расспрашивать бывших на берегу, отчего произошла стычка с дикарями. Наш штурман, часто бывавший

Зарядив свои ружья, мы дали дружный залп, очевидно, нанесящий дикарям большой урон, судя по их стонам, крикам и воплям.

на Мадагаскаре и хорошо изучивший нравы туземцев, высказал предположение, что дикари были чем-нибудь задеты со стороны наших, иначе они никогда не позволили бы себе напасть на людей, которых приняли, как друзей. Он был прав. Оказалось, что один из наших матросов вздумал насильно удержать у себя молодую девушку-туземку, продававшую плоды. Она закричала, матрос за это ударил ее, и на предложение одного из старых туземцев оставить девушку в покое ответил новым ударом по голове девушки. Очень понятно, что дикари не захотели оставить такого оскорбления безнаказанным и взялись за оружие. Благодаря этому и началось дело, которое могло кончиться для нас очень плачевно.

Один из матросов был убит на берегу, а другой, виновник этой передраги, куда-то скрылся. Из-за него мы, несмотря на то, что дул попутный ветер, простояли рядом с островом двое лишних суток. Мы подавали ему сигналы, посылали в объезд вокруг острова шляпку, надеясь, что он покажется где-нибудь на берегу, но все было напрасно. Наконец, мы решили отправиться без него, думая, что он погиб от руки туземцев, то есть понес заслуженное наказание.

Однако, я все-таки никак не мог успокоиться. Мне, во что бы то ни стало хотелось наверняка узнать, что сделалось с этим человеком. С этой целью я решил еще раз побывать на берегу ночью, чтобы не обратить на себя внимания туземцев. После я понял, что прежде, чем пуститься в такое опасное предприятие, мне следовало бы узнать, могу ли я вполне рассчитывать на повиновение сопровождавших меня матросов.

Взяв с собою судового приказчика и двадцать человек самых храбрых матросов, я в десять часов вечера высадился на берег в том самом месте, где происходило сражение. Я рассчитывал взять там в плен одного или двух туземцев, чтобы потом выменять на них нашего матроса, если он окажется еще жив.

Выйдя осторожно на берег, мы разделились на два отряда; одним командовал судовый приказчик, а другим я. Во время нашей высадки мы не заметили на берегу ни малейшего движения и не слышали ни одного звука, указывавшего на близость людей. Двигаясь как можно осторожнее, мы направились к месту сражения, причем, как это ни странно, нас довела до него корова, которую мы нашли привязанной к дереву. Мы отвязали ее и последовали за ней. Вдруг приказчик, шедший со своим отрядом впереди, споткнулся о мертвое тело и упал. Мы все остановились, выжидая появления луны, чтобы осмотреть поле битвы. Через несколько времени стало настолько светло, что мы свободно могли обозреть местность. Мы насчитали несколько десятков убитых с оторванными ногами, руками и головами. Некоторые оказались

буквально изорванными нашими зарядами. Раненых не было: очевидно, их унесли.

А я именно и рассчитывал на раненых, думая взять их в плен. Убедившись, что раненого нет ни

Нас довела до него корова, которую мы нашли привязанною к дереву.

одного, я хотел было уже вернуться на корабль, но боцман, находившийся в отряде приказчика, вдруг объявил мне, что они хотят направиться в главное селение «попугать немного этих псов-мадагаскарцев и поискать Тома Джеффри» (так звали пропавшего матроса), и что они просят меня сопровождать их.

Если бы они на это просили моего позволения, то я не стал бы церемониться с ними, а без дальних рассуждений заставил бы их вернуться на корабль; я ни за что не согласился бы на такое рискованное дело, какое они задумали. Под моей ответственностью было судно с богатым грузом, и я не мог подвергать свой корабль опасности, кото-

рая могла возникнуть из-за вражды с туземцами. Но матросы не просили, а настойчиво заявляли о своем намерении, и приглашали меня с собой в качестве единомышленника, так что мне оставалось только одно: отказаться принять участие в их предприятии и повернуть назад к берегу. Двое из матросов моего отряда стали было уговаривать меня присоединиться к их товарищам, и на мой вторичный резкий отказ начали роптать и говорить, что я им не начальник, и что они поэтому не посмотрят на меня, а пойдут одни. Они все с решительным видом присоединились ко второму отряду, за исключением только одного, более благоразумного, который остался со мной. Как ни бился приказчик, чтобы остановить свой отряд и убедить его не пускаться в такое рискованное предприятие, матросы, поощряемые боцманом, оставались глухи к его увещаниям. Провозгласив боцмана своим предводителем, они объявили приказчику, что ему несдобровать, если он будет препятствовать им делать, что они хотят.

Видя, что мы бессильны против целой толпы возбужденных людей, почувавших возможность повольничать, я сказал приказчику, что, так как мы не можем насильно привести их к повиновению, потому что нас всего трое против девятнадцати человек, то нужно предоставить им свободу действий под их собственную ответственность. Решив таким образом, мы возвратились в шлюпку и стали там ожидать, чем кончится отважная затея матросов.

После выяснилось, что главной целью матросов был грабеж. Они надеялись найти у дикарей груды золота и других сокровищ. Но одно обстоятельство отвлекло их от этой цели, возбудив в них жажду одной лишь мести.

Прошло около часу, когда я вдруг увидал зарево пожара, поднявшееся над тем местом, где по моим расчетам должно было находиться селение. Поняв в чем дело, я подал нашему кораблю сигнал бедствия, после чего племянник немедленно спустил вторую шлюпку, сел в нее с тринадцатью матросами и стал быстро приближаться к берегу. Когда он подплыл ко мне, с места пожара начали доноситься выстрелы: очевидно, наши удалцы подожгли селение и теперь стали отбиваться от напавших на них раздраженных жителей.

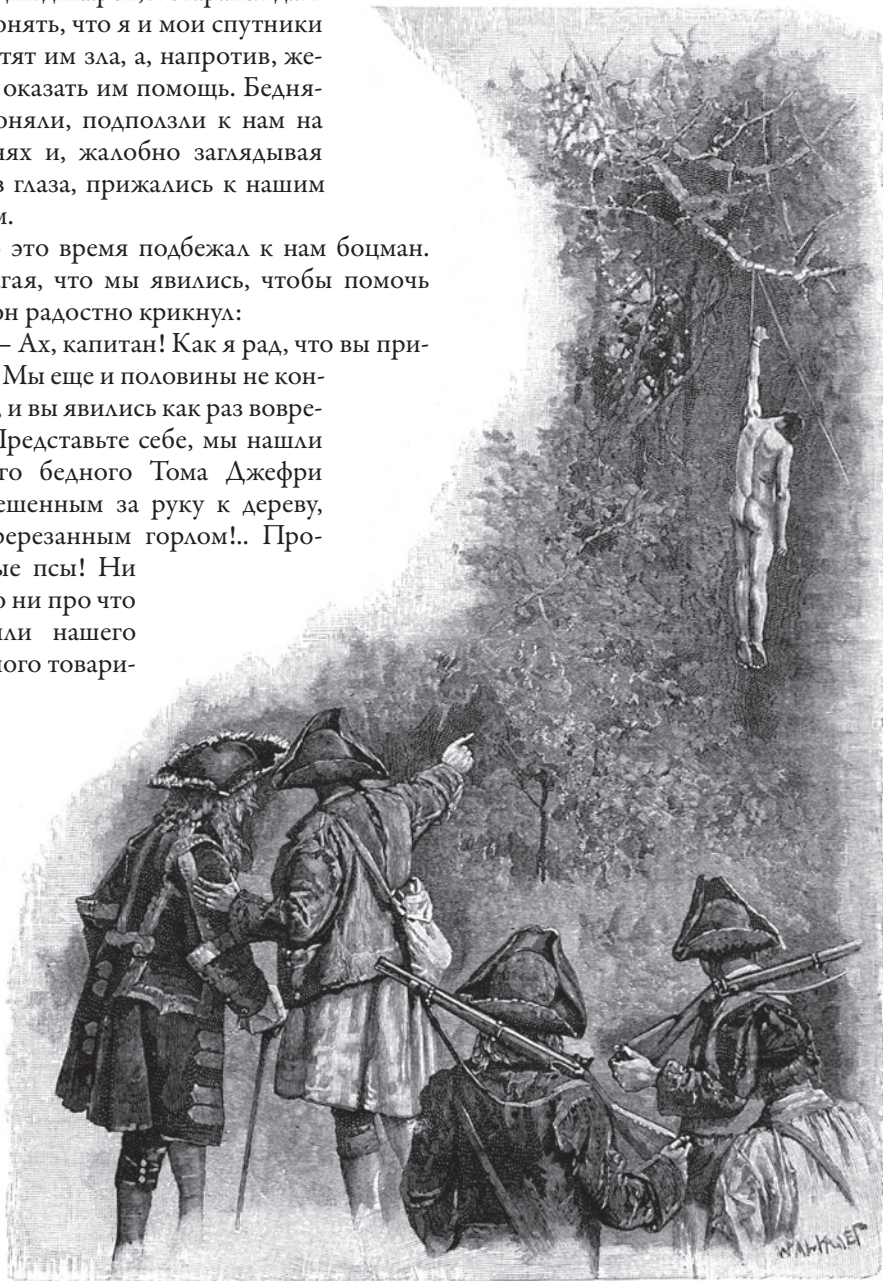
Опасаясь, что дело может кончиться очень худо для наших смельчаков, капитан приказал двум матросам отправиться в шлюпке обратно на корабль и привести оттуда еще двенадцать человек, чтобы потом всем вместе пойти на выручку товарищей. Благодаря этому распоряжению на корабле оставалось всего двенадцать человек матросов, а этого было слишком мало на тот случай, если бы на него в это время было сделано нападение. Я указывал на эту опасность племяннику, но тот не хотел на этот раз ничего слушать, настаивая на своем.

Когда прибыли остальные двенадцать матросов, за которыми посылал капитан, мы оставили в шлюпках по три человека, а с прочими отправились к месту пожара. Селение, состоявшее из нескольких сот хижин, было охвачено огнем со всех сторон. Треск горевших хижин, непрерывная ружейная пальба, яростные крики и вопли дикарей — все это наполняло нас ужасом. При самом входе на главную улицу мы наткнулись на несколько нагих трупов. Торопливо подвигаясь вперед, мы встретили трех, тоже совершенно нагих, женщин, с отчаянными криками бежавших среди дымящихся груд и развалин. За ними следовало человек около двадцати дикарей, которых преследовали трое из наших разбойников. Один из дикарей упал как раз перед нашими ногами, пораженный выстрелом в голову. Женщины тоже все падали, но уже только от одного страха, увидев нас.

Я до такой степени был возмущен варварством матросов, что готов был убивать их самих, вместо того, чтобы помогать им, как сначала хотел племянник. Остановив бегущих дикарей, я старался дать им понять, что я и мои спутники не хотят им зла, а, напротив, желают оказать им помощь. Бедняки поняли, подползли к нам на коленях и, жалобно заглядывая нам в глаза, прижались к нашим ногам.

В это время подбежал к нам боцман. Полагая, что мы явились, чтобы помочь ему, он радостно крикнул:

— Ах, капитан! Как я рад, что вы пришли! Мы еще и половины не кончили, и вы явились как раз вовремя. Представьте себе, мы нашли нашего бедного Тома Джеффри подвешенным за руку к дереву, с перерезанным горлом!.. Проклятые псы! Ни за что ни про что сгубили нашего славного товари-

— Представьте себе, мы нашли нашего бедного Тома Джеффри подвешенным за руку к дереву, с перерезанным горлом!

ща!.. Ну, уж и достанется же им за это! Я намерен перебить их столько, сколько было волос на голове бедного Тома... Мы поклялись никого не щадить, а совсем стереть с лица земли это подлое племя! Идите скорее за нами, дела еще много.

С этими словами он повернулся было, чтобы бежать назад и продолжать свое гнусное дело.

— Стой, кровожадная собака! — крикнул я громовым голосом. — Что это ты тут затеял? Том Джеффри получил только то, что заслужил. Его пример должен бы устрашить вас и усмирить, а вы задумали из-за одного негодяя пережечь и перебить целое селение мирных жителей! Под страхом смертной казни запрещаю тебе продолжать твои разбойничьи подвиги и приказываю немедленно собрать твоих гнусных сообщников и возвратиться с нами на корабль!

Но боцман только показал мне кулак и, изрыгая поток проклятий, убежал в средину пожарища, где несчастные жители метались взад и вперед, преследуемые, с одной стороны, потоками огня, а с другой, — освирепевшими матросами, твердо решившимися истребить все селение в отместку за убийство своего виновного товарища.

Все наши усилия остановить ужасную бойню ни к чему не привели. На наших глазах озверелые матросы не только убивали несчастных дикарей выстрелами, но хватали их, вырезали из них ремни, вырывали им руки и ноги, выкалывали глаза, бросали стариков и детей в огонь, — словом, совершили ряд самых бесчеловечных жестокостей. Видеть все это и не иметь возможности прекратить такие ужасы — что могло быть мучительнее! Нам оставалось только два выхода: или стрелять в своих собственных соотечественников, или же, махнув на все рукой, уйти из этого ада. Но решиться на первое было невыносимо, в виду того, что тогда все остальные матросы, пока еще стоявшие на нашей стороне, перешли бы на сторону товарищей, и мы не в состоянии были бы двинуться дальше без экипажа. Следовательно, как ни было горько, а пришлось дать осатанелым разбойникам полную волю доканчивать их страшное дело, самим же отправиться назад, на корабль и ждать там их возвращения.

Мы так и сделали. Потрясенный всем виденным, я лишился сознания, как только вступил на борт корабля, так что нашему искусному врачу пришлось долго хлопотать, чтобы привести меня в чувство.

Утром наши мясники, в крови и совершенно черные от дыма, вернулись в шлюпку, оставленной нами для них у берега. У одного из них была обожжена рука, а у другого вывихнута нога; больше же никто не пострадал. Захваченные врасплох, дикари так растерялись, что совсем не могли защищаться, да и нечем было, потому что они едва успели сами выскочить из горевших жилищ, захватить же какое-нибудь оружие положительно было невозможно. Больше половины всех жителей селения погибло от рук наших палачей, а остальные разбежались по всему острову.

Как только собрался весь экипаж, мы поспешили поднять якорь и удалиться от острова, превращенного нами в костер и кладбище.

Насытив свою месть, матросы успокоились и старались оправдаться перед нами в своих злодействах, говоря, что они не могли поступить иначе ввиду убийства их товарища. Но я не принимал их оправданий, а говорил, что Господь не благословит нашего дальнейшего пути, потому что кровь, пролитая ими в эту страшную ночь, будет всегда тяготеть над нами. Том Джеффри заслужил, чтобы его убили, потому что он оскорбил людей, так доверчиво и радушно принявших нас, и мстить за него не сле-

довало. Но матросы не соглашались со мной, они находили себя вполне правыми и роптали на меня, когда я принимался укорять их.

Теперь мы шли к Персидскому заливу, откуда хотели пройти к Коромандельскому берегу, зайдя по пути в Сурат¹.

Казалось бы, после того, что произошло на Мадагаскаре, никто из наших более не решится выйти на берег, населенный дикарями; но не тут-то было! Когда мы достигли Персидского залива, десять человек матросов опять отпросились на берег. Мы отпустили их очень неохотно из опасения решительным отказом возбудить мятеж. Из десятих возвратилась назад только половина и сообщила, что едва они успели ступить на берег, как их окружили арабы с целью забрать в плен. Матросы стали отбиваться, но пятерых из них уложили на месте, а остальные с громадным трудом прорвались сквозь ряды неприятеля и спаслись. Это происшествие дало мне повод напомнить экипажу о моем предсказании относительно возмездия Неба за невинно пролитую кровь. На это боцман возразил мне, что погибшие матросы не принимали участия в деле на Мадагаскаре, и, в свою очередь, напомнил мне слова Спасителя о Силоамской башне², задавившей восемнадцать ни в чем неповинных людей. На этот раз я замолчал, но потом не упускал ни одного случая, чтобы не упрекнуть матросов проявленным ими на Мадагаскаре зверством.

Эта страсть к нравоучениям кончилась для меня очень печально. Однажды боцман, вождь мадагаскарской экспедиции, подошел ко мне в то время, когда я проповедовал на ту же тему, и сказал, что, по его мнению, я напрасно постоянно колю экипажу глаза поступком, в котором он не видит ничего дурного. Я должен помнить, что я на этом корабле не что иное, как простой пассажир, и не имею никакого права разыгрывать из себя начальника или даже просто наставника, так как на корабле нет ни подчиненных моих, ни учеников. Если я не уймусь, то экипаж вынужден будет принять свои меры, чтобы заставить меня замолчать.

У нас произошел резкий обмен слов, которому, однако, я не придавал большого значения, думая что боцман, говоривший от имени всех своих товарищей, просто хочет напугать меня.

В это время мы стояли на рейде Бенгальского залива. Желая осмотреть местность, я сел в бот и отправился на берег. Вечером, когда я хотел возвратиться на борт корабля, ко мне подошел один матрос и сказал, чтобы я не трудился садиться в бот, так как отдано приказание не брать меня обратно на корабль. Нетрудно представить себе, как меня поразили слова матроса. На мой вопрос, кто отдал такое странное распоряжение, матрос ответил:

— Наш боцман.

— Хорошо, — спокойно произнес я. — Отправляйся к своему боцману и объяви ему, что ты исполнил его приказание, и что я покоряюсь ему.

Я был уверен, что племянник не оставит меня на берегу и принудит свой экипаж повиноваться ему и согласиться на то, чтобы я снова был взят на корабль. Однако, через час племянник явился ко мне в своем катере и передал, что весь экипаж взбун-

¹ *Сурат* — город на западном побережье Индии, в устье реки Тапти.

² Этот рассказ приведен в Евангелии от Луки.

товался и потребовал от него, чтобы он оставил меня на берегу, иначе все матросы бросят его и предоставят ему управляться с кораблем одному.

Понимая, что племяннику не оставалось иного выбора, как согласиться на требование экипажа, как это ни было ему горько и обидно, я сказал ему, что не желаю быть для него причиной несчастья, остаюсь на берегу и только прошу прислать мне мои вещи и деньги, чтобы я мог доехать до Англии.

Племянник был страшно огорчен таким неожиданным финалом, нашего совместного путешествия, но я успокоил его, говоря, что никто не может идти против своей судьбы и что все делается по воле Провидения, которому следует безропотно покоряться.

К ночи я получил все свои деньги и вещи, и через некоторое время корабль на моих глазах вышел из рейда, чтобы продолжать свой путь.

Теперь я находился от Англии на три тысячи миль дальше, чем в то время, когда сидел на своем острове. Хотя мне было ужасно досадно, что меня высадили на берег, точно я совершил какое-нибудь преступление, но я старался успокоить себя тем же рассуждением, которым утешал племянника, то есть, что все происходит по воле Провидения, против которого могут восставать одни безумные.

Раздумывая, что мне делать, я нанял себе хорошую квартиру в доме одной англичанки, где стояло на постое несколько купцов различных национальностей; затем продал бывшие со мною товары и на вырученные деньги приобрел алмазов, которые требуют мало места и всегда могут быть проданы с хорошей прибылью.

Возвратиться в Англию с того пункта земного шара, на котором я находился в настоящее время, было не так легко, как, может быть, думает читатель. Если отправиться сухим путем, то нужно было проехать страну Великих Моголов¹ до Сурата, оттуда морем через Басру в Персидский залив, где воспользоваться караванным путем через аравийскую пустыню до Алеппо или Дамаска; а отсюда по Средиземному морю добраться до Италии и Франции. Весь этот путь равнялся целому диаметру земного шара, если только не больше. Правда, в Бенгальский залив часто заходили английские суда, так что совершить на одном из них рейс было бы гораздо удобнее и скорее, но так как я не имел никаких отношений к Ост-Индской компании, то мне трудно было получить разрешение сесть на такое судно, разве только какой-нибудь шкипер или агент компании не принял бы во мне участие и не выхлопотал бы мне это разрешение.

Таким образом, я и прожил девять месяцев на берегу Бенгальского залива, придумывая способ возвратиться в Англию. Я перепознакомился со всеми купцами, жившими в одном доме со мной, и те обещали помочь моему горю при первой же возможности.

Однажды утром ко мне вошел один из них, мой земляк, и сказал:

— Я задумал одно предприятие и пришел сообщить вам о нем. Надеюсь, что вы отнесетесь к нему вполне сочувственно. Вы знаете, что заведенное мною здесь торговое дело пошло настолько хорошо, что может теперь отлично развиваться и без

¹ *Империя Великих Моголов* — государство, существовавшее на территории современных Индии, Пакистана и Бангладеш с 1526 по 1858 г.

моего личного наблюдения. Приказчик мой, человек ловкий, опытный и безусловно честный, вполне способен вести это дело один. Вместо того, чтобы сидеть тут, сложа руки, когда все вокруг живет и движется, я решил нанять какое-нибудь коммерческое судно и на нем отправиться в Китай, набрав с собой подходящих товаров, которые можно будет там сбыть за хорошую цену. Но у меня не хватает свободных денег для этого предприятия, и мне пришло в голову, что вы не откажетесь составить мне компанию, тем более, что вы не раз жаловались мне на свое вынужденное бездействие в этом городе. Что вы скажете на это?

Само собой разумеется, я сейчас же согласился на это предложение, потому что человек, делавший мне его, был вполне надежный и честный. Впрочем, в этом деле меня привлекала не одна торговая сторона предприятия, а главное — возможность увидеть новую страну и новых людей.

Однако прошло довольно много времени прежде, чем мы нашли и снарядили подходящее судно. Особенно трудно было найти моряков-англичан на главные корабельные должности. Наконец, мы подыскали трех англичан: штурмана, боцмана и пушкря, четырех голландцев, из которых трое были матросами, а четвертый — плотником; остальной же экипаж составили из индийцев.

Множество путешественников уже до меня составили подробные описания разных стран земного шара и их обитателей, так что я боюсь наскучить читателю повторением этих описаний, поэтому скажу только, что из Бенгальского залива мы отправились прямо к острову Суматра, а оттуда в Сиам, где выменивали свои товары на опиум и арак. Первый из этих продуктов в то время очень дорого ценился в Китае.

Через девять месяцев мы возвратились в Бенгалию, очень довольные своим путешествием и полученным барышом. В Англии удивляются быстрому обогащению офицеров, посылаемых Ост-Индской компанией в Индию; но это очень просто объясняется существованием на Востоке множества торговых портов, где всегда есть большой спрос на европейские товары, и где ничем не стесняют приезжих торговцев.

Отдохнув немного, мы с моим новым компаньоном отправились за пряностями на острова Батавию и Цейлон. Вернувшись оттуда, мы продали свой груз персидским купцам так выгодно, что получили до пятисот процентов чистой прибыли. Мы уже готовились к новому путешествию с коммерческими целями, когда я узнал, что в рейд вошел большой голландский корабль, капитан которого желает продать его и возвратиться в Европу. Чтобы не возиться больше с чужими судами, мы с компаньоном приобрели в свою собственность этот корабль, хотя он и был велик для нас, так как поднимал двести тонн груза. Мы хотели нанять тех самых людей, которые до сих пор служили на этом корабле, но никого из них не могли найти. Вскоре мы случайно узнали, что эти люди поделили с капитаном деньги, вырученные от продажи корабля, и отправились сухим путем к Агре, резиденции Великого Могола, откуда намеревались пробраться до Сурата, а из последнего — морем до Персидского залива. Я очень жалел, что не догадался познакомиться с этими людьми во время покупки корабля; узнав об их намерении достигнуть Персидского залива, откуда так легко было добраться до Англии; я непременно попросился бы к ним в попутчики.

Несколько дней я ходил сам не свой от огорчения, что упустил прекрасный случай в надежной (как я думал) компании осмотреть новые страны, приближаясь в то же время к родине. Но потом я успокоился, узнав, что именно это были за люди. Ока-

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

залось, что тот, который выдавал себя за капитана, был вовсе не капитаном, а только пушкарем на корабле; он присвоил себе звание капитана после того, как действительного капитана убили малайцы во время одной высадки на берег. Сговорившись с матросами, пушкарь увел корабль совсем не в ту сторону, куда он шел, и, достигнув Бенгальского залива, поспешил продать судно и скрыться.

Как бы там ни было, но совесть наша была чиста в этом деле. Мы честным образом приобрели корабль, хотя надо признаться, что если бы мы до покупки его подробно разузнали все, то, конечно, не рискнули бы покупать краденое судно.

Шесть лет мы с компаньоном скитались из порта в порт, продавая свои товары и забирая новые. Наконец, мы решили снова отправиться в Китай, зайти по пути в Сиам и взять там груз риса. Во время этого плавания нам благодаря встречному ветру долго пришлось лавировать в Малакском проливе между островами, а когда мы, в конце концов, вышли в открытое море, то на корабле открылась течь. Мы никак не могли понять причины этой течи и прекратить ее своими средствами. Это заставило нас зайти в Камбоджу, лежащую на северной стороне большой бухты, простирающейся до самого Сиам. Это был самый близкий пункт, где можно было починить корабль.

Во время стоянки я часто съезжал на берег. Как-то раз, когда я прогуливался по городу, ко мне подошел англичанин, бывший, кажется, помощником пушкаря на одном корабле Ост-Индской компании, стоявшем тут же на якоре.

— Сэр, — заговорил он. — Хотя я и не имею удовольствия быть знакомым с вами, но все-таки должен сообщить вам кое-что очень важное для вас.

Как-то раз, когда я прогуливался по городу, ко мне подошел англичанин, бывший, кажется, помощником пушкаря на одном корабле Ост-Индской компании.

Мне сначала показалось, что я где-то раньше видел этого человека, но, пристально взглядевшись в него, я понял свою ошибку.

— Говорите, сэр, — предложил я.

— Я хочу предупредить вас об угрожающей вам опасности, так как вижу, что вы о ней и не подозреваете.

— Вы, вероятно, хотите предупредить меня о течи на нашем корабле? — спросил я. — Благодарю вас; мы ведь затем и зашли сюда, чтобы исправить это повреждение.

— Нет, вовсе не об этом, — ответил незнакомец. — Дело вот в чем. В пяти милях от входа в здешний порт стоят два громадных английских корабля и один голландский...

— Да мне-то что за дело до этого, сэр? — с нетерпением перебил я. — Хоть бы там стоял целый военный флот, так мне от этого ни тепло, ни холодно.

— Однако, вы, как я вижу, удивительно смелый искатель приключений, — смеясь, воскликнул мой собеседник. — Неужели вы, в самом деле, не боитесь встречи с кораблями Ост-Индской компании?

— Да скажите на милость, чего мне их бояться?! — вскричал я, теряясь в догадках и не понимая, к чему клонит приставший ко мне человек. — Я не контрабандист и ровно ничего не боюсь.

Англичанин посмотрел на меня не то сердито, не то насмешливо, и с улыбкой продолжал:

— Ну, если вы считаете себя в такой безопасности, то и славно. Но, все-таки жаль, что вы не хотите выслушать моего дружеского предостережения; я хотел сделать его вам, как земляку. Известно ли вам, что, как только вы сниметесь с якоря и выйдете в открытое море, вас окружают пять шлюпок с вооруженными людьми, которые должны арестовать вас как пирата? А уж это-то, я полагаю, вы хорошо знаете, что пойманных пиратов принято вешать без особых церемоний... Предупреждаю вас, сэр, что я оказываю вам такую услугу, за которую вы могли бы отнестись ко мне немного любезнее, — с укоризной заключил он.

— До сих пор я никогда не бывал неблагодарным, — проговорил я, невольно смущенный сообщением незнакомца. — Но я решительно не понимаю, за что меня хотят арестовать, а тем более повесить. Я не знаю за собою никаких преступлений. Будьте так добры, скажите мне, в чем считают меня виновным до такой степени, что находят нужным расправиться со мною, как с величайшим злодеем?

— Вы сами должны знать, чем восстановили против себя власти, — ответил с улыбкой незнакомец. — Но чтобы доказать вам, что это известно и мне, я исполню вашу просьбу и выскажусь откровенно. Один знакомый голландец сообщил мне, что вы когда-то были с вашим кораблем в Суматре. Ваш капитан был убит на берегу малайцами. Это подало вам мысль назваться капитаном и овладеть кораблем. Сговорившись с остальным экипажем, который и сейчас находится на вашем корабле, вы сделались пиратом. Неужели вам неизвестно, что вас за это не помилюют, и при первом же удобном случае схватят и казнят без суда? Но вы, вероятно, рассчитывали на то, что вас не поймают...

— Уверяю вас, сэр, — перебил я, — что тут происходит недоразумение, которое, надеюсь, выяснится. Вводимые на меня обвинения относятся к другому лицу. Корабль приобретен мною самым честным и законным путем. Это я могу доказать. Только после покупки корабля я узнал, что человек, продавший его мне и называв-

шийся его владельцем и капитаном, был самозванцем; но тогда было уже поздно. Я долго искал его и бывший его экипаж, но не мог никого найти, а потому решил оставить дело, не подумав, что оно может иметь для меня дурные последствия. Примите мою глубокую благодарность за предупреждение и совет. Вы поступили относительно меня как истинный англичанин. Повторяю, я надеюсь, что это недоразумение выяснится, как только мне придется поговорить с теми людьми, которые хотят меня схватить.

— Напрасно вы надеетесь на это, — возразил мой собеседник, качая головою. — Вам не дадут и времени для выяснения, а просто схватят и повесят. Лучше послушайте меня: не давайте в руки вашим преследователям. Имейте в виду, что и вашему экипажу угрожает одинаковая с вами участь. Поэтому, если вы дорожите своей жизнью и жизнью находящихся с вами людей, вы должны воспользоваться первым приливом и спуститься вниз по реке Камбодже до выхода в море. Корабли дожидаются вас при входе в рейд. Пройдя по реке, вы минуете их, сделав обход миль в двадцать. Если потом и заметят вас, то едва ли догонят в шлюпках, а пока пустятся за вами в погоню на кораблях, вы будете уже далеко. Поверьте мне, это единственный способ избежать опасности.

— Не знаю, как и чем отблагодарить вас за вашу услугу, — с чувством проговорил я.

— Сэр, — сказал он. — Вы можете отблагодарить меня, когда убедитесь, что я сказал вам правду. Если хотите, я и мой товарищ голландец, готовы помочь вам. На корабле, где мы служим, мне следует получить жалованье за девятнадцать месяцев, а моему товарищу за семь. Если вы согласны заплатить нам это жалованье, то мы перейдем к вам и поможем спастись от преследования. А потом, когда мы окажем вам эту услугу, вы и вознаградите нас, как хотите и можете. Думаю, что нам удастся спасти и вас и ваш экипаж вместе с кораблем.

Я согласился на предложение незнакомца, и мы отправились с ним в гостиницу, где дожидался его товарищ. Уговорившись и с последним, мы все вместе сели в мой бот и отправились к кораблю, находившемуся в доке. Когда мы стали приближаться к нему, мой компаньон, стоявший на палубе, с радостным видом крикнул мне:

— Поздравляю! Течь остановлена!

— Да? — ответил я. — Ну, и слава Богу! Значит, мы сию же минуту снимемся с якоря.

— Как «сию минуту?», — удивился компаньон. — Куда вы вдруг так стали торопиться? Разве случилось что-нибудь?

— Потом все расскажу, — сказал я, поднимаясь на палубу. — Эй! — крикнул я матросам, — все за работу! Ставьте паруса, вытаскивайте якорь и выходите вниз по реке к морю!

Пока исполнялись мои распоряжения, я рассказал изумленному компаньону в чем дело. Только что мы хотели попросить незнакомца разъяснить нам еще некоторые подробности, которые были ему известны, к нам вдруг подбежал юнга с объявлением, что за нами погоня.

Взбежав на ют, я увидел, что мы уже в море и что наперерез нам на всех парусах несутся пять шлюпок, наполненных вооруженными людьми.

Собрав весь экипаж, я объявил ему, что нас принимают за пиратов и хотят схватить, чтобы предать позорной казни; потом я спросил, желают ли матросы помочь

нам избежать этой страшной опасности и готовы ли действовать заодно с нами. Все в один голос ответили, что готовы повиноваться нам во всем, и что желают жить или умереть вместе с нами.

Тогда я обратился к нашему старому, опытному капитану за советом, какой лучше избрать маневр для защиты, не стесняясь никакими средствами. Капитан ответил, что следует стараться не подпускать неприятеля, стреляя в него из пушек, пока

Взбежав на ют, я увидел, что мы уже в море и что наперерез нам на всех парусах несутся пять шлюпок, наполненных вооруженными людьми.

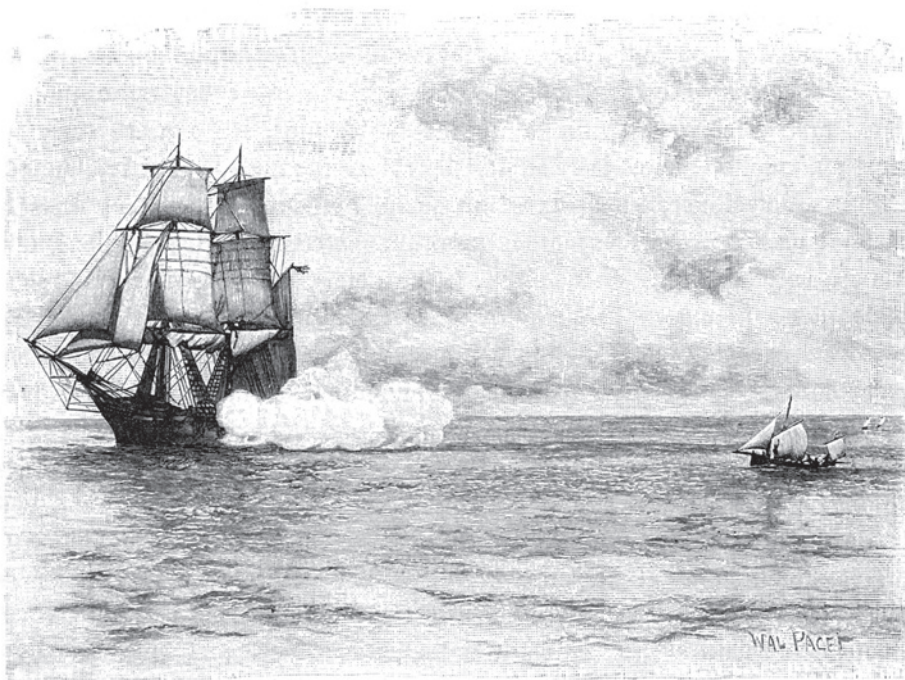
хватит боевых запасов, а затем будет видно, что предпринять дальше.

Я выразил согласие на этот план, и капитан тотчас же распорядился перевезти две пушки на корму, а остальные поставить на юте и приказал пушкарю зарядить их ядрами, железными обломками и всем, что было под рукой. Пользуясь благоприятным ветром, мы во время приготовлений к битве уходили все дальше в море. Шлюпки следовали

параллельно с нами, хотя и на значительном расстоянии, очевидно, намереваясь обогнать нас и загородить нам путь. Чтобы отпугнуть их, мы дали холостой выстрел из пушки и выбросили белый флаг, как сигнал для переговоров. Несмотря на это, две передних шлюпки прибавили парусов и направились уже прямо на нас. Тогда белый флаг, которого не хотели признать, мы спустили, выкинули вместо него красный и открыли огонь из нескольких орудий. Шлюпки упорно продолжали идти вперед. Когда они подошли к нам настолько близко, что сидевшие в них могли услышать нас в рупор, мы крикнули, чтобы оставили нас в покое, иначе преследователям будет плохо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но и на эту угрозу преследователи не обратили внимания, стараясь подойти к кормовой части корабля, с целью, по-видимому, начать с этой стороны нападение. Поняв намерение неприятеля, я велел лечь в дрейф и дать залп из пяти орудий. Одним выстрелом сорвало корму у передней шлюпки, но к ней подоспела вторая и приняла к себе всех матросов с пострадавшего судна. Мы снова предложили мир. Так как нам опять не ответили, то мы вынуждены были сделать еще залп. Результатом этого было то, что вторая шлюпка пошла ко дну, а ее пассажиры должны были спасаться вплавь. Продолжая давать один залп за другим, мы заставили отступить и три остальные шлюпки. Подобрал затем трех матросов, тонувших возле самого корабля, мы прибавили парусов и поспешили выйти дальше в море, изменив курс, чтобы обмануть неприятеля. Таким образом, мы вышли из черты обыкновенного пути европейских кораблей, идущих в Китай или в другие коммерческие порты, которые ведут торговлю с Западом.

Продолжая давать один залп за другим, мы заставили отступить три остальные шлюпки.

Ввиду возможности продолжения преследования со стороны кораблей, принявших нас за пиратов, мой компаньон предложил было вернуться в Бенгалию, чтобы там удостоверить свои личности и доказать, когда, при каких условиях и у кого мы купили свой корабль. Но я нашел, что это только подвергнет нас новой опасности от выслеживавших нас кораблей. По моему мнению, было лучше продолжать путь к Китаю, распродать там наш груз, затем постараться сбыть и сам корабль и возвратиться в Англию на чужом. Так мы и решили сделать. Держась милях в двадцати от обычного морского пути, мы направились к берегам Тонкина, откуда хотели пройти в Китай.

К несчастью, нас очень долго задержали встречные ветры, так что у нас стали истощаться съестные припасы.

Недалеко от Тонкинского залива мы заметили, что у нас снова открывается течь. Это заставило нас пристать к берегу, чтобы заделать пробойну. Дикари, населявшие этот берег, принадлежали к самому варварскому племени, занимавшемуся разбоями и грабежами. Как только дикари увидели наш корабль накренным на один бок, так что полкиля оставалось выше воды, они подплыли на нескольких лодках, думая, что корабль потерпел крушение, и что можно будет на нем пожить. Так как наши люди работали с противоположной стороны, частью на приделанных снаружи подмостках, частью же стоя в привязанных к кораблю шлюпках, дикари заметили их только тогда, когда очутились с ними лицом к лицу. Сначала они было растерялись от этой неожиданности, а потом, посоветовавшись, выстроились в боевой порядок. Прежде чем мы успели распорядиться, матросы уже вступили в рукопашный бой с дикарями, выказывавшими явное намерение забрать их в плен. В это время корабельный плотник спускал в одну из шлюпок два котла с кипящей смолой. Недолго думая, один из матросов схватил ковш, зачерпнул смолы и плеснул ею на голых дикарей. Те заревели, как говорится, благим матом. Но этим бы дело не кончилось, если бы другие матросы не догадались плескать в дикарей смолой из ведер. Ковшом можно было облить немногих, а ведрами сразу обливались целые пироги со всеми сидящими в них. Корчившиеся от невыносимой боли дикари подняли такой вой и рев, что у меня кровь стыла в жилах. Только некоторые из них были пощажены и воспользовались этим, чтобы повернуть пироги назад к берегу.

Мы боялись, что отраженные таким образом дикари приведут целую армию соплеменников. Действительно, через несколько времени на берегу собрались громадные толпы дикарей, вооруженных длинными копьями и стрелами. Однако, погалдев, пошумев и помахав на нас руками, они так и разошлись, не решившись поближе ознакомиться с нашим смоляным угощением. Впрочем, мы на всякий случай приготовили пушки, чтобы дать из них хороший залп. Я был очень доволен, что не пришлось прибегнуть к этой мере. Мне всегда было больно смотреть на избиение жалких дикарей, даже ради самозащиты. Я понимал, что они не сознают, что делают дурно, нападая на людей, которые их не трогают. Как грустно жить только для того, чтобы убивать подобных себе! Теперь, на склоне моих дней, я скорее согласился бы перенести самые ужасные страдания, чем лишиться жизни какое бы то ни было живое существо.

Пробойна в корабле быстро была заделана и на этот раз уж настолько прочно, что нечего было больше опасаться новой течи. Несмотря на наступавшую темноту, мы тотчас же привели корабль в надлежащее положение, распустили паруса, подняли якорь и поспешили обратиться подальше от негостеприимного берега.

Выйдя в открытое море, мы стали держать курс на северо-восток, как бы направляясь к Маниле или Филиппинским островам. Это мы сделали с той целью, чтобы обойти путь, по которому обыкновенно следуют европейские корабли. Потом мы взяли на север и держались этого направления до тех пор, пока не достигли 23°20' широты. Таким образом, мы добрались до острова Формозы и бросили там якорь, чтобы запастись свежей водой и провизией. Туземцы встретили нас очень радушно, снабдили всем необходимым и взяли за это так мало, что даже стыдно было. Мы насильно навязывали им что-нибудь более ценное, но они не брали, говоря, что им не-

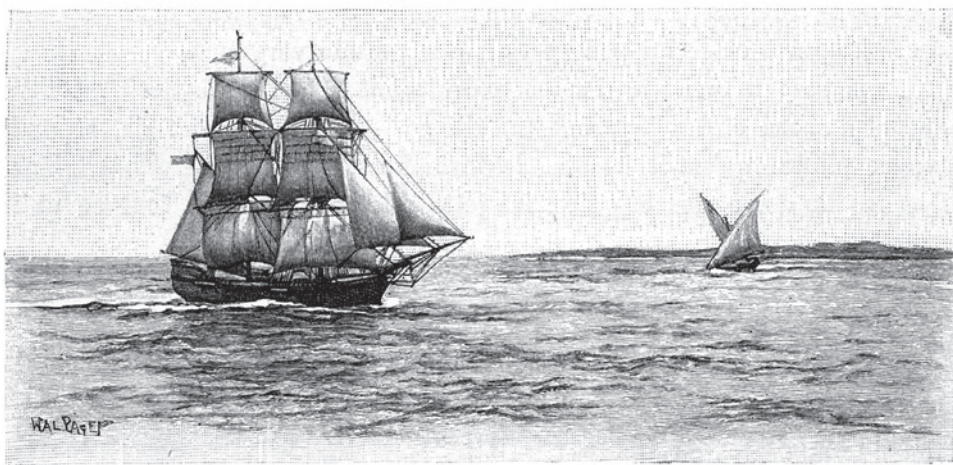

Недолго думая, один из матросов схватил ковш, зачерпнул смолы и плеснул ею на голых дикарей. Те заревели, как говорится, благим матом.

чем отдарить нас. Я приписываю эту деликатность жителей Формозы влиянию миссионеров-голландцев, живущих между ними. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь.

Мы все еще опасались погони, поэтому не заходили ни в один порт, пока не дошли до 30 градуса широты, где из расположенного там порта подъехал к нам лоцман-португалец с предложением своих услуг. Мы были очень рады ему и пригласили его перейти к нам на борт. Не спрашивая, куда мы идем, он поднялся к нам и отослал свою лодку обратно.

Лоцман был живой и бодрый старик с очень приятным лицом и проницательными глазами. Когда я сказал ему, чтобы он провел наш корабль на самый северный берег Китая, к Нанкину, он с улыбкой спросил, зачем мы хотим именно туда. Я ответил, что мы хотим там продать свои товары и взамен их купить китайских изделий: фар-

Из расположенного там порта подъехал к нам лоцман-португалец с предложением своих услуг.

фор, бумажные и шелковые ткани, сырец, чай и прочее. На это лоцман возразил, что в таком случае нам лучше направиться в Макао: там мы можем еще выгоднее сбыть свой товар и приобрести все китайские произведения так же дешево, как и в Нанкине. Поблагодарив лоцмана за его любезные указания, я сказал, что мы не столько торговцы, сколько любознательные путешественники, и нас на север Китая влечет, главным образом, желание посмотреть великолепную столицу этой империи.

— Тогда, — ответил лоцман, — вам следует отправиться в Нингпо, откуда, пройдя несколько миль вверх по реке, впадающей в море, вы можете достигнуть великого канала. Этот судоходный канал перерезает сердце обширной китайской империи, пересекает все ее реки, проходит через некоторые возвышенности посредством шлюзов и порогов, и доходит до самого Пекина. Длина его равняется двумстам семидесяти милям.

— Все это очень интересно, сеньор, — произнес я, недоумевая, к чему он так старается расписывать нам достоинства великого канала. — Но я бы желал только знать, можете вы провести нас до Нанкина. А уж оттуда мы и отправимся в Пекин.

Он ответил, что может, так как это его обыкновенный путь.

— Я только что вернулся оттуда, отведя туда большой голландский корабль, — добавил он.

Это известие поразило меня, как громом. Нам и то казалось, будто возле Тонкинского залива мы видели два громадных корабля с голландским флагом и один, поменьше, без всякого флага, но, судя по конструкции, тоже голландский. Так как потом мы уже более не замечали этих судов, то и подумали, что нас обмануло зрение. Слова же старого лоцмана доказывали мне, что мы тогда не ошиблись, и меня теперь угнетала мысль, что это те самые корабли, которые высылали в погоню за нами вооруженные шлюпки с тем, чтобы забрать нас в плен.

Старик заметил мое смущение и сказал:

— Сеньор, вы напрасно тревожитесь; вам нечего бояться этих голландцев. Ведь, насколько мне известно, Англия в настоящее время не воюет с Голландией.

— Это верно, — ответил я. — Но я не знаю, подчиняются ли эти люди общечеловеческим законам, пока находятся вне влияния законов своей страны.

— Да уж вас-то, честных купцов, они, во всяком случае, не тронут, — проговорил лоцман. — Вы ведь не пираты, — с легкой усмешкой добавил он.

Я невольно весь вспыхнул при этих брошенных вскользь словах. Смущение мое не укрылось от пронизательных взоров старика.

— Сеньор, — сказал он. — Кажется, своими замечаниями я расстраиваю ваши планы. Делайте, как знаете. Я, во всяком случае, к вашим услугам.

— Да, сеньор, — проговорил я. — Вы, действительно, расстроили мои планы, и я не знаю теперь куда направиться. Вы так напугали упоминанием о пиратах. Судя по вашим словам, они должны тут водиться.

— О, нет, сеньор! — воскликнул старик. — Очень жалею, что невольно напугал вас необдуманном словом. Могу вас уверить, что вот уже пятнадцать лет, как здесь ничего не слышно о пиратах, за исключением одного, который с месяц тому назад появился было в Сиамских водах. Но и он отправился в южные моря. Притом он и не опасен, потому что его судно вовсе не приспособлено для разбойничьих подвигов. Я слышал, что оно было торговое, но экипаж овладел им, вероятно, для того, чтобы продать в свою пользу сначала груз, а потом и самый корабль. Капитан этого корабля был убит малайцами на Суматре, и его именем назвался бывший пушкарь.

— И, вероятно, с согласия всего экипажа? — сказал я, чтобы только не молчать.

— Конечно, — ответил старик, как-то странно оглядывая меня сбоку.

— В таком случае, это целая шайка негодяев, заслуживающих строжайшего наказания, — заметил я, тщетно стараясь подавить свою внутреннюю тревогу.

— Совершенно верно, сеньор, — согласился старик, — и если они попадутся какому-нибудь английскому или голландскому кораблю, то им этого наказания не миновать. Я слышал, что все моряки дали друг другу слово не щадить этих разбойников, когда поймают их.

— Вы, кажется, сказали, что этот пират ушел из этих морей? — продолжал я.

— Да, но его ищут везде. Около месяца тому назад он стоял в Сиамском заливе в устье реки Камбоджи, заделывая пробоину в килевой части корабля. Там его узнали матросы с голландского корабля, остановившегося вместе с двумя другими судами при входе в рейд. Матросы дали знать о пирате своему капитану, тот сговорился с остальными двумя кораблями устроить на разбойников облаву. Так и было сделано в

то время, когда пират выходил в море. Однако, ему удалось отстоять себя пушками и скрыться неизвестно каким путем. Но, думаю, что рано или поздно он все-таки попадет в руки ищущих его, потому что приметы его подробно описаны и переданы на все корабли, идущие с запада на восток и обратно. Висеть этому самозванцу-капитану и всем его сообщникам на реях; уверяю вас, что не миновать им этого удовольствия! — со злорадством dokonчил лоцман, потирая руки.

— Неужели так-таки их и повесят всех без суда?! — вскричал я, чувствуя, как весь холодею от ужаса.

— А почему же нет? — возразил старик. — Не стесняться же с такими негодями! Виновность их слишком ясна, чтобы нуждаться в подтверждениях суда.

Сообразив, что старик вполне находился в моих руках, и что поэтому его нечего бояться, я решил высказаться ему начистоту и объяснить все недоразумение относительно купленного мною корабля.

— Теперь вы понимаете, сеньор, — заключил я окончив свой рассказ, — почему я хочу, чтобы вы провели нас именно в Нанкин, а не в Макао или какой-либо другой порт, посещаемый английскими и голландскими кораблями.

Внимательно выслушав меня до конца, старик убедился, что я вовсе не пират, за которого он принимал меня, и согласился с тем, что нам, действительно, следует отправиться на север Китая, где можно будет продать злополучный корабль и купить или построить другой. В крайнем случае, по его мнению, можно удовольствоваться и китайской джонкой для обратного пути. Он даже сам брался устроить нам все это.

— Очень признателен вам за ваше желание содействовать нам, — сказал я. — Но меня смущает еще одно обстоятельство. Вы говорите, что приметы нашего судна известны всем. Таким образом, продажей его я могу поставить в такое же затруднительное положение, в каком нахожусь сам, другого честного человека, и даже подвергнуть его опасности быть схваченным и повешенным без всякой вины с его стороны.

— Нет, — возразил старик, — теперь не беспокойтесь: у меня есть возможность устранить это.

Оказалось, что он имеет большие связи во всех портах и что одного его свидетельства будет вполне достаточно, чтобы разяснить неприятное дело, в которое я нечаянно был замешан.

Итак, мы направились к Нанкину. После тридцатидневного плавания мы благополучно добрались до него, но там от разносчиков, принесших нам разную провизию, узнали, что незадолго перед нами туда пришли два голландских корабля. Это заставило меня спросить лоцмана, нет ли где поблизости какой-нибудь гавани или просто бухты, где бы могли мы безопасно остановиться и окончить свои дела.

Старик ответил, что милях в сорока к югу находится небольшой порт Квинчанг, куда, обыкновенно, приезжают миссионеры из Макао для проповеди слова Божия китайцам, и куда европейские суда не заходят. Из дальнейших его объяснений вышло, что хотя Квинчанг и не торговый пункт, но раз в году в нем бывает ярмарка, на которую являются японские купцы для обмена своих товаров на китайские.

Трудно описать, в каком угнетенном настроении я находился во все время нашего переезда от Нанкина до Квинчанга, как называл лоцман этот порт, хотя китайцы и японцы называли его как-то иначе. К сожалению, моя памятная книжка, в которой, между прочим, было записано и настоящее название этого местечка, так была попорчена водою, что я теперь не могу разобрать в ней многих страниц, относящихся к

От разносчиков, принесших нам разную провизию, мы узнали, что туда пришли два голландских корабля.

моему плаванью в Китай, и поэтому я не в состоянии привести настоящего названия Квинчанга. Недаром говорится в священном Писании, что для человека нет ничего хуже страха. И действительно, страх это, — палач жизни: он удручает душу, вселяя в нее равнодушие ко всему окружающему; он губит все жизненные силы, парализует бодрость духа и лишает средства к борьбе с горем и печалью. Я страшно боялся попасть в руки голландцев и быть повешенным за преступление, которого не совершал. Быть может, я не так опасался бы, если бы незадолго перед тем мне не пришлось слышать, как голландцы на острове Амбоине пытали своих собственных соотечественников, чтобы заставить их признаться в том, чего они и не думали делать. Я не был уверен, что у меня теперь хватит настолько твердости духа, чтобы под мучениями пытки не взвалить на себя всего, в чем захотят обвинить меня.

Мой компаньон и весь экипаж разделяли мои опасения. Кажется, легче быть съеденным дикарями, чем вытерпеть утонченную пытку цивилизованных европейцев, способных, со словом Божиим на устах, подвергать человека чисто дьявольским мучениям, лишь бы настоять на своем и доказать свою мнимую правоту.

Мы вздохнули посвободнее только по прибытии в порт Квинчанг, где лоцман тотчас же нашел нам хорошенький маленький домик для нашего проживания. При этом домике оказался большой сарай, в который мы могли сложить свои товары. Оба здания были построены из тростника и обведены забором из того же материала, только помассивнее. Так как в этой местности происходили грабежи, то начальник города по ходатайству нашего нового друга лоцмана, дал нам для охраны солдата, вооружен-

ного чем-то вроде алебарды или пики. Ежедневная плата этому часовому состояла из нескольких горстей риса и монеты, стоимостью равной трем пенсам.

Ярмарка только что закончилась, но мы еще застали двух японских купцов с их джонками, нагруженными китайскими изделиями.

Прежде всего лоцман познакомил нас с тремя миссионерами-католиками, жившими в этом городе с целью обращения китайцев в христианство. Мне думается, что они мало успевали в своем святом деле, так как обращенные ими язычники были христианами только по названию. Один из миссионеров, по имени Симон, был француз, другой — португалец, а третий — гнуэзец. Отец Симон был человек добрый, приветливый и прямодушный, а товарищи его поражали своей напускной суровостью, хотя в душе они тоже были хорошие, честные и добросовестные люди. Я заметил, что крещенные китайцы совершенно машинально бормотали молитвы на непонятном им языке и совершали обряды католической церкви, решительно не понимая, что они означают. Тем не менее, миссионеры были убеждены, что все обращенные попадут прямо в рай.

Однако, дело не в этом. Отец Симон ожидал в Квинчанге другого миссионера из Макао, вместе с которым хотел ехать в Пекин. Он звал и меня с собой, говоря, что грешно было бы мне упустить случай увидеть величайшую столицу в мире. По его словам, Париж и Лондон были ничто в сравнении с Пекином. Уговаривал он и моего компаньона сопутствовать ему.

— Не понимаю, отец Симон, — сказал ему мой компаньон, — что вам за охота тащить нас с собой. Ведь мы еретики, поэтому наше общество едва ли может доставить вам удовольствие.

— О, это ничего не значит, — возразил миссионер. — Я привык находиться в обществе не только еретиков, а даже настоящих язычников. Это моя обязанность. Почему знать, быть может, мне удастся сделать и из вас хороших католиков, как удалось обратить уже столько идолопоклонников.

— Если вы надеетесь на это, святой отец, — сказал я, — то мы должны быть готовы к тому, что вы всю дорогу будете угощать нас проповедями.

— Нет, зачем же, — ответил он. — Я не из назойливых. Мы найдем о чем говорить с вами, не касаясь вопросов религии. Хотя я и католик, а вы — гугеноты, но мы одинаково верим в Господа Иисуса Христа, поэтому я надеюсь сойтись с вами настолько, что вы для укрепления нашего дружеского союза сами пожелаете усвоить мои догматы.

При этом он так добродушно-ласково улыбнулся и взглянул на меня, что я невольно вспомнил о том молодом французском священнике, который был со мною на моем острове. Отец Симон кое-чем походил на того священника и вызывал этим мою симпатию. Мы с компаньоном готовы были сопутствовать ему, но для этого нужно было предварительно продать товар и сбыть свое злополучное судно. Старый лоцман познакомил меня с одним из японских купцов. Японец купил у меня весь опий за очень высокую цену, причем все переговоры велись при помощи приглашенного им священника, служившего переводчиком. В разговоре я, как бы мимоходом, спросил его, не желает ли он, кстати, приобрести и наш корабль, который нам более не нужен, так как мы думаем прекратить торговлю и возвратиться на родину для отдыха. В ответ на этот вопрос японец только пожал плечами. Однако, на другой же день он явился к нам и сказал, что купить корабль он сейчас не может, потому что у него не хватит на это наличных денег, но если мы найдем возможным доверить судно своему

Японец купил у меня весь опий за очень высокую цену, причем все переговоры велись при помощи приглашенного им священника.

экипажу, то он готов зафрахтовать судно до Японии, откуда он послал бы его с новым грузом на Филиппинские острова.

Первый фрахт он обязывался уплатить моему поверенному тотчас же после распродажи груза в Японии, а по возвращении корабля с Филиппинских островов — купить его. Мы согласились на это предложение, причем, упоминание о Филиппинских островах внушило мне желание побывать и самому на них. Я спросил японца, не возьмет ли он с собой и меня в качестве пассажира на эти острова. Он ответил, что возьмет очень охотно, если только я соглашусь высадиться сначала в Японии. Я был в восторге от представлявшегося случая побывать в южном океане и посмотреть Филиппины, но мой компаньон отговорил меня от этой затеи, представив мне в самых ярких красках, какие опасности могут угрожать нам со стороны японцев, известных своим предательством, склонностью к обману и варварскими нравами. А что касается испанцев, населяющих Филиппинские острова, то они, по его словам, еще хуже японцев. В виду этого, я отказался от своего намерения.

С нами был один молодой, довольно образованный англичанин, исполнявший должность судового приказчика. Спросив его, не возьмется ли он заменить нас в Японии и на Филиппинских островах для ведения дела с японцем, нанимавшим наш корабль, и получив утвердительный ответ, мы снабдили его доверенностями и полномочиями. Кроме того, чтобы более заинтересовать его в этом деле, мы с компаньоном передали ему половину корабельных паев.

Японский купец оказался очень честным и добросовестным. Он выхлопотал нашему уполномоченному разрешение выйти на японский берег, — что в то время было очень трудно, так как японцы не любили пускать к себе европейцев, — потом, сейчас же после продажи своего груза, уплатил следуемые фрахтовые деньги и отправил молодого человека с тем же кораблем, вновь нагруженным японскими и китайскими изделиями, на Филиппинские острова. Впоследствии этот молодой человек, расторговавшись на собственный счет различными восточными произведениями, купил наш корабль, благодаря любезности японского купца, уступившего ему судно, честно расплатился с нами и продолжал свою торговлю до тех пор, пока, лет через восемь, не нажил себе громадное состояние, с которым и возвратился в Англию.

Нужно еще сказать о том английском помощнике пушкаря и его товарище-голландце, которые оказали нам в Камбодже такую громадную услугу, открыв составленный против нас, как пиратов, заговор. Они все время честно служили нам, — один в качестве пушкаря, а другой в должности боцмана. Они захотели перейти к нам потому, что тот корабль, на котором они в то время служили, плохо платил им. За их услугу мы хорошо вознаградили их; они так и остались на нашем корабле.

После отхода нашего корабля мы с компаньоном решили остаться в Квинчанге до тех пор, пока не представится случая приобрести китайскую джонку и, нагрузив ее товарами, отправиться на ней куда-нибудь еще. Нашему уполномоченному я дал свой лондонский адрес, куда он мог бы обратиться в случае, если бы, по своем возвращении с Филиппинских островов, не нашел нас в Квинчанге.

Чтобы не терять даром времени, мы в наемной джонке отправились осмотреть Нанкин. По рассказам, — которым я, впрочем, не особенно доверяю, — в этом китайском городе миллион жителей. Город выстроен довольно правильно, улицы его широки, прямы и ровны. Но когда я стал сравнивать культуру этого жалкого народа с европейской, его образ жизни, нравы, форму правления, религию, национальное состояние и военную силу с нашими странами, то нашел, что все это не заслуживает ни малейшего внимания. Кстати замечу, что в Европе нередко удивляются богатству, роскоши, торжественности церемоний, управлению, промышленности, торговле и образу жизни китайцев. Мне кажется, этому удивляются не потому, чтобы видели в китайской культуре, действительно, что-нибудь особенное, а просто потому, что привыкли смотреть на китайцев, как на варваров, у которых не ожидали встретить того, что находят. Иначе, кто мог бы восхищаться китайскими дворцами, сравнивая их с европейскими? Кто стал бы говорить о китайской торговле, имея на глазах всемирную торговлю Англии, Голландии, Франции и Испании? Что такое представляют из себя китайские города в сравнении с роскошными городами хоть одной Англии? Что значат жалкие китайские джонки, которых даже не особенно много, рядом с военным торговым флотом Англии? Торговые обороты одного Лондона превышают обороты торговли всей китайской империи. Один английский, французский или датский 80-пушечный корабль в состоянии разнести в пух и прах весь китайский флот. И потому, повторяю, все, что есть в Китае, может удивлять только того, кто находит странным, что у идолопоклонников, бояливо прячущихся от Европы, может быть хоть такая культура. Только с этой точки зрения и можно видеть в Китае что-нибудь особенное. То, что я сказал о китайском флоте, можно сказать и об его войске. Если китайцы и могут выставить до двух миллионов солдат, то вся эта армия, кроме разорения страны, не принесет ничего. Прежде всего эта армия должна погибнуть от го-

лода, если бы ей пришлось начать осаду какого-нибудь города в Европе, потому что китайцам негде взять продовольствия для такой страшной массы ртов, а на поле битвы, при первой же стычке со взводом германской или французской кавалерии, вся эта армия была бы разбита наголову. Говорю не шутя, что миллион китайских пехотинцев не устоит против одного корпуса нашей инфантерии, расположенной в таком порядке, чтобы китайцы не могли окружить ее со всех сторон. Один европеец смело может выступить против двадцати китайцев. Не устоять и китайским крепостям против искусства наших инженеров. Вообще, в Китае нет такого города, который был бы настолько хорошо укреплен, чтобы мог выдержать огонь европейской артиллерии, хотя бы в течение одного месяца. Вся же китайская армия не могла бы взять в течение десятилетней осады какой-нибудь Дюнкирхен. Правда, у китайцев тоже есть огнестрельное оружие, но оно очень неуклюже, тяжело и неверно бьет. Есть у них и порох, но слишком слабый. Кроме всего этого, китайское войско не дисциплинировано, не умеет наступать и сохранять порядок при отступлении.

Насмотревшись лично на Китай, я очень был удивлен, встречая ему почти повсюду похвалы. Восторгаются величием, богатством и силою Китая, а между тем, я воочию убедился, что вся китайская нация представляет не что иное, как невежественную громаду низкопоклонных рабов, подчиненных такому правительству, которое только и способно управлять подобным народом. Я полагаю, что если бы Китайская империя не находилась на таком далеком расстоянии от Москвы, и если бы Московское государство было менее невежественно и слабо, то тамошнему царю нетрудно было бы в один поход завоевать весь Китай. Мне кажется, что московскому царю Петру, только что развертывающему свою силу и могущество, следовало бы обратить свои взоры на Китай. Если бы он сделал это раньше, то мог бы теперь быть уже императором Китая, вместо того, чтобы потерпеть поражение от шведского короля в деле под Нарвой, где против шестерых москвитян был только один швед.

Повторяю, прославленное величие Китая, его торговля, морские и военные силы, — словом, вся его культура не выдерживает ни малейшего сравнения с Европой. То же самое нужно сказать о китайской литературе, науке и искусстве. Правда, у китайцев есть глобусы, географические карты и кое-какие сочинения по математике, но у нас каждый начинающий студент знает несравненно более любого китайского ученого. Так, между прочим, китайцы не имеют никакого понятия о движении небесных тел, и затмение солнца объясняют тем, что по временам громадный черный дракон пытается схватить солнце и ударить с ним куда-то в преисподнюю, неизвестно для какой надобности. Поэтому, во время солнечного затмения китайцы, с целью прогнать чудовищного дракона, бьют в барабаны, бубны, котлы и медные тазы, — словом, проделывают то же самое, что делают наши поселяне, когда хотят прогнать рой саранчи.

Высказав свой взгляд на эту громадную и замечательно нескладную средиземную империю, я буду продолжать рассказ.

Возвратившись из Нанкина, я подумал, что было бы недурно взглянуть и на Пекин, тем более, что отец Симон все еще продолжал соблазнять меня, воспевая похвалы этому городу. Когда приехал из Макао миссионер, ожидаемый отцом Симоном, я решился, наконец, внять убеждениям последнего и исполнить собственное заветное желание. Компаньон мой тоже согласился ехать. Путешествие наше обещало быть очень удобным, потому что мы получили позволение ехать в свите одного китайского

мандарина, главного правителя области, нечто вроде наместника. Этому мандарину хотелось блеснуть перед нами пышностью и великолепием своей свиты и торжественностью въездов в попутные города. Кстати сказать, переезды таких особ по Китаю положительно разоряют население, потому что все города и местечки, по пути следования мандарина, обязаны снабжать его и его многочисленную свиту всем необходимым и даже излишним. Мы хотя и ехали в свите мандарина, то есть тоже на счет населения, но были вынуждены платить за свое продовольствие управляющему мандарина, который, таким образом, наживал хорошие деньги.

Путешествие наше продолжалось двадцать пять дней. Мы ехали по местностям с очень густым населением, но почти лишенным всякой культуры. Хлебопашество, промышленность и, вообще, весь строй жизни китайского народа находятся в самом жалком состоянии. Ни один европеец не был бы в силах выносить такую жалкую жизнь. Но китайцы, по-видимому, вполне довольны своим положением. Их чванство и спесь так же велики, как бедность и невежество. По моему мнению, американские дикари живут лучше китайской черни, потому что если у них и нет ничего, то они и не кичатся ничем, между тем как китайцы до такой степени наложены, что противно смотреть.

Право, мне гораздо больше доставило удовольствия мое последующее путешествие по пустыням Великой Татарии, чем этот, действительно, удобный переезд по прекрасным мощеным дорогам Китайской империи, содержимым в образцовом порядке. В Китае, кроме этих дорог, по моему мнению, и нет ничего хорошего. Меня страшно раздражал вид этого наглого, высокомерного, властолюбивого и, вместе с тем, где нужно, низкопоклонного народа, посреди поражающей нищеты и бездонного невежества. Признаюсь откровенно, что мы с компаньоном не упускали случая посмеяться над этими чванными нищими. Например, однажды нам пришлось ехать в обществе местного помещика, который пригласил нас к себе в дом. Сидя на невозможно жалкой кляче, он удивительно напоминал собою знаменитого Дон Кихота, представляя странную смесь пышности с нищетой. Наряд этого господина был бы вполне к лицу скомороху или танцующей обезьяне. На нем была грязная одежда из грубого коленкора, со всеми украшениями, подобающими шутовскому одеянию, как-то: с длинными рукавами и со множеством прорех, из которых выглядывали разноцветные атласные подшивки. Из-под этой одежды виднелась другая, шелковая, богато вышитая, но до такой степени засаленная, что напоминала одежду мясника, находящегося на работе. Вообще, было заметно, что этот китайский дворянин не отличается любовью к чистоплотности. Его несчастную, общипанную, костявую и кривоногую клячу подгоняли два невольника, бежавшие за нею сзади. Кроме того, сам обладатель ее то и дело наносил ей удары в голову плетью. Но, несмотря на эти поощрения со всех сторон, кляча еле плелась. Очевидно, наш мандарин сообразил, что у этого привилегированного нищего угощение будет не особенно важное, поэтому в некотором расстоянии от его дома придумал какой-то предлог и отклонил его приглашение. Мы этим были очень довольны, потому что нас пугала грязь этого жалкого помещика.

В тот же день нам пришлось ехать мимо поместья точно такого же важничающего горемыки. Последний сидел на дворе своего дома за вечерней трапезой. Хотя его и осеяли густо разросшиеся ветви громадного дерева, тем не менее, два невольника держали над его головою большой зонтик, — вероятно, для пущей важности. Он сидел, развалившись в большом кресле. Две рабыни подносили ему кушанья, между тем

как третья готовилась кормить его с ложечки, как беспомощного младенца, а четвертая держала полотенце, чтобы вытирать ему рот. Насколько мы могли заметить, обстановка этого помещика была самая убогая, и питался он так, как не питаются у нас даже и свиньи. Мы видели, что ему подают рис, приправленный, судя по запаху, доносившемуся до нас, какими-то отвратительными пряностями, отзывающимися в одно и то же время чесноком, мускусом и горчицей. От одного этого запаха нас тошнило. Такой рис, обыкновенно, варится с бараниной и образует твердые комки, вязнувшие в зубах. Если такова пища самих рабовладельцев, то можно себе представить, чем поддерживается брэнное и многострадальное существование несчастных невольников!

Не поздоровилось бы этим жалким вельможам, какими они себя воображают, если бы они могли услышать, как мы с компаньоном упражняли над ними свое остроумие!

Веселое настроение не покидало меня во всю дорогу. Особенно потешал меня вид лошадей, на которых ехали сам мандарин и его свита. Животные эти до такой степени были увешаны чепраками и всевозможными украшениями, что кроме головы у них ничего не было видно, поэтому невозможно было определить, что они, собственно, представляют из себя. Быть может, и они были не лучше описанной мною клячи. Зато сам мандарин был так великолепен и важен, что немудрено, если все население падало перед ним ниц, очевидно, опасаясь ослепнуть от его блеска, если будут глядеть на него.

Особенных приключений в пути не было. Раз только, когда мы переезжали вброд небольшую реку, моя лошадь споткнулась и сбросила меня в воду. Кончилось это только тем, что я весь вымок и подмочил свою записную книжку, которую я постоянно носил в кармане. Местами в ней так склеились листы, что я потом никак не мог отделить их один от другого, а в других местах в книге расплылись чернила, поэтому невозможно было ничего разобрать.

Наконец, мы прибыли в Пекин. Нужно сказать, что мы с компаньоном имели по прекрасному слуге; кроме того, взяли с собой, в качестве толмача, старого португальского лощмана, знавшего несколько языков, между прочим и китайский. Этот человек был нам очень полезен во многих отношениях и, вдобавок, всегда развлекал нас своей остроумной болтовней. Он много видал на своем веку, отлично все понимал и во всем умел находить и выставлять наружу смешную сторону. Вообще мы были в восторге, что судьба столкнула нас с ним, и что он согласился сопровождать нас даже сухим путем, бросив для этого на время свое любимое море.

Как-то раз, после недельного пребывания в Пекине, лощман пришел ко мне и сказал:

— Ну, сеньор англичанин, я принес вам радостную весть.

— Радостную весть? — повторил я. — Сомневаюсь, чтобы здесь могло что-нибудь особенно обрадовать или огорчить меня.

— А между тем, я принес вам именно радость, а себе самому огорчение, — продолжал старик.

— Да в чем дело? — спросил я. — И почему радостное для меня может огорчить вас?

— А вот в чем дело, сеньор. Вы как-то говорили, что очень желали бы побывать в Татарии, раз находитесь так близко от нее, и выразили опасение, что, пожалуй, не представится к этому удобного случая, так как, наверное, трудно найти туда надежных попутчиков. Ну, вот я и узнал, что здесь, в Пекине, находится большой караван

московских и польских купцов. Караван этот через четыре или пять недель отправляется обратно в Москву сухим путем. Сказать по правде, и мне самому очень хотелось бы посмотреть, что за страна эта Татария, да и самую Московию я не прочь бы посетить. Но где уж мне туда попасть! Вы-то, конечно, не упустите прекрасного случая и поедете, а меня оставите здесь одного. Поэтому-то, вот эта весть, радостная для вас, меня, напротив, сильно огорчает, — с притворно плаксивой миной заключил старик.

— Да верно ли это? — спросил я в радостном изумлении. — От кого вы узнали об этом караване?

— От одного знакомого армянина, который имеет сношения с московскими купцами, приехавшими сюда для закупки товаров, — ответил старик. — Этот армянин недавно был в Астрахани и хотел отправиться опять в Тонкин, где он бывал раньше и где мы с ним и познакомились еще несколько лет тому назад. Но московские купцы уговорили его сопровождать их в Москву, откуда он потом может спуститься по Волге назад в Астрахань, если захочет. Вы же, если поедете с этим караваном, можете через Московию вернуться прямо в Англию.

Посоветовавшись с компаньоном, мы решили воспользоваться возможностью побывать в Московии и уж оттуда направиться к родине. Чтобы не огорчить и в самом деле нашего милого старика-португальца, мы объявили ему, что охотно возьмем его с собой и даже отвезем, если он пожелает, в Англию. Он оказал нам столько услуг, что с нашей стороны было бы прямо бессовестно покидать его одного в чужой стране. Выдав ему награду в сто семьдесят пять фунтов стерлингов, мы приняли и все его путевые издержки на свой счет. Радость старика по этому поводу была беспредельна. Он со слезами на глазах благодарил нас и говорил, что готов не только сопровождать нас с одного края света на другой, но и идти за нас в огонь и в воду. Таким образом, было решено, что он поедет с нами и в Англию.

Но вместо того, чтобы пуститься в путь через несколько недель, нам пришлось сделать это только через четыре месяца, потому что караван никак не мог окончить всех своих дел раньше.

Мы покинули столицу Китайской империи в феврале месяце. Перед отъездом мы нарочно съездили в Нанкин, чтобы купить там сто штук тонкой камки и двести штук лучших шелковых тканей. Кроме того, мы приобрели в Пекине большое количество сырого шелка и много других товаров, всего на три тысячи пятьсот фунтов стерлингов. Товар этот был нагружен на восемнадцать верблюдов. Сами мы ехали тоже на верблюдах, но имели с собой, на всякий случай, двух запасных лошадей. Весь караван состоял из трехсот с лишком верблюдов и лошадей и ста двадцати вооруженных с головы до ног людей. При путешествии по Татарии необходимо быть хорошо вооруженным, потому что там всегда можно ожидать встречи с ордами бродячих туземцев, хотя они и не особенно опасны.

Наше общество состояло из людей различных национальностей. Кроме московских и польских купцов, было несколько ливонцев, два шведа и, что нам было особенно приятно, пять человек шотландцев. Все эти купцы были люди богатые, довольно просвещенные и очень приветливые, так что нам было очень приятно ехать с ними.

Сначала наш путь пролегал по местностям, густо населенным преимущественно гончарами, выделяющими всемирно известный китайский фарфор. В одном месте португалец объявил мне, что покажет величайшую достопримечательность всей Китайской империи и этим заставит меня изменить мое невыгодное мнение о Китае и

согласиться, что я ничего подобного нигде не видел. Он сильно подстрекнул мое любопытство, и я пристал к нему с расспросами, что за диковину он намерен мне показать. После долгих отнекиваний он, наконец, объяснил, что это дом одного местного богача, весь выстроенный из фарфоровых плит.

— А! Это, действительно, интересно, — сказал я. — Если он не велик и поместится в ящик, то мы, пожалуй, купим эту диковину.

— Ну, нет! — со смехом вскричал старик, — в этом доме живет тридцать человек... Это вовсе не игрушечный домик и его трудно уложить в ящик.

Дом оказался выстроенным собственно из брусев, облицованных снаружи и внутри толстыми фарфоровыми плитками. Наружные стены были белы, как снег, и разрисованы голубыми фигурами, какими обыкновенно бывает разукрашена китайская посуда. Под лучами солнца эти стены блестели прямо ослепительно. Внутри же дома плиты стен были покрыты местами позолотой, а местами разноцветными фантастическими фигурами. Все плитки были скреплены так искусно, что между ними совсем не было заметно швов. В некоторых комнатах полы и потолки тоже были раскрашены и позолочены. Крыша была сделана из фарфоровых же черепиц, покрытых блестящей черной краской, напоминавшей эмаль. Жаль, что не было времени поподробнее осмотреть это, действительно, замечательное здание. Мне говорили, что в саду были фонтаны, сделанные тоже из фарфора, называемого у нас китайской глиной.

По справедливости следует сказать, что искусство выделывать фарфор доведено китайцами до совершенства. Тем не менее, нельзя верить всем нелепым басням, сочиненным по этому поводу. Например, мне рассказывали, будто один мастер сделал фарфоровый корабль с мачтами, парусами и всеми принадлежностями и притом таких размеров, что на нем свободно могло поместиться пятьдесят человек. Конечно, я только улыбнулся и пожал плечами в ответ на эту сказку.

Осмотр фарфорового дома заставил меня задержать караван на два часа. За это предводитель каравана оштрафовал меня тремя шиллингами, объявив при этом, что если бы эта задержка по моей вине произошла не за три дня до прибытия к великой китайской стене, как это случилось, а три дня спустя после минования ее, то он взял бы с меня вчетверо больший штраф. Кроме того, он обязал меня извиниться перед всеми участниками каравана за вызванное мною промедление. Я исполнил все эти требования и обещал вперед быть осмотрительнее. Скоро мне пришлось убедиться на деле, как необходимо точное соблюдение всех караванных правил.

На третий день мы увидели знаменитую китайскую стену, воздвигнутую для защиты от нападений татар. Эта стена представляет громадную крепостную постройку, которая бесконечной цепью тянется по возвышенностям, даже в таких местах, где она совершенно не нужна, как, например, по краям скал и пропастей, и без того непроходимых. Говорят, что это сооружение простирается на тысячу английских миль, между тем как страна, по которой оно проходит, занимает в длину всего пятьсот миль. Это зависит от того, что стена идет большими зигзагами. Вышина ее равняется двадцати четырем футам при почти одинаковой толщине.

Когда мы прошли сквозь ворота стены, один из проводников, восхвалявший это сооружение, как величайшее чудо в мире, спросил о нем мое мнение. Я ответил, что, по-моему, эта стена, действительно, служит превосходною защитой от татар. Проводник понял мои слова буквально и весь просиял, найдя в них похвалу. Старый же лоцман со смехом заметил:

— О, как вы умеете хорошо выражаться, сеньор англичанин!

— Почему это вам так кажется? — спросил я.

— Потому что ваши слова можно понимать двояко. Вы говорите, что эта стена — хорошая защита от татар, а это означает, что вы находите ее никуда негодной для защиты от других народов. Я вас отлично понял, сеньор англичанин, а вот сеньор китаец понял вас по-своему, то есть, совсем не понял.

— Ну, конечно, — сказал я. — Неужели можно вообразить, чтобы эта стена была в состоянии остановить нашу армию с ее артиллерией? Стоит только немного поковыряться в ней отряду наших саперов, так от нее не останется и следа. А то просто проделают в ней брешь, сквозь которую вся армия и пройдет в полном боевом порядке. Во всяком случае, европейцам эта стена вовсе не страшна.

— Понятно, — согласился португалец.

Китайцу-проводнику очень хотелось знать, о чем мы говорили с лоцманом, но я предупредил последнего, чтобы он не передавал проводнику моего мнения о стене раньше, чем мы выйдем из китайских владений, когда этот проводник нам более не будет нужен.

ГЛАВА VI

Монгольская степь. — Встреча с татарами. — Украденный верблюд. — Вторая встреча. — Трудный переход. — Идол. — Посреди пустыни. — В Сибири. — Опальный вельможа. — Новая пустыня. — Избавление от опасности. — Прибытие в Архангельск. — Возвращение в Англию.

Миновав это гигантское ничтожество, именуемое великой китайской стеной, которое отчасти напоминает Пиктский вал ¹ в Нортумберленде, возведенный римлянами в защиту от пиктов и скоттов, населявших нынешнюю Шотландию, мы попали в обширную пустыню с чрезвычайно редким населением. Население это живет в укрепленных городах и крепостях, потому что жить в неукрепленных селениях здесь невозможно вследствие постоянных набегов татар, рыскающих целыми ордами по всей области. Я видел этих татар и удивлялся, как это они могли когда-то завоевать Китай. Татары представляют собою дикую орду, не имеющую никаких понятий об общественном устройстве или о военной тактике. Лошади у них настоящие одры, еле передвигающие ноги.

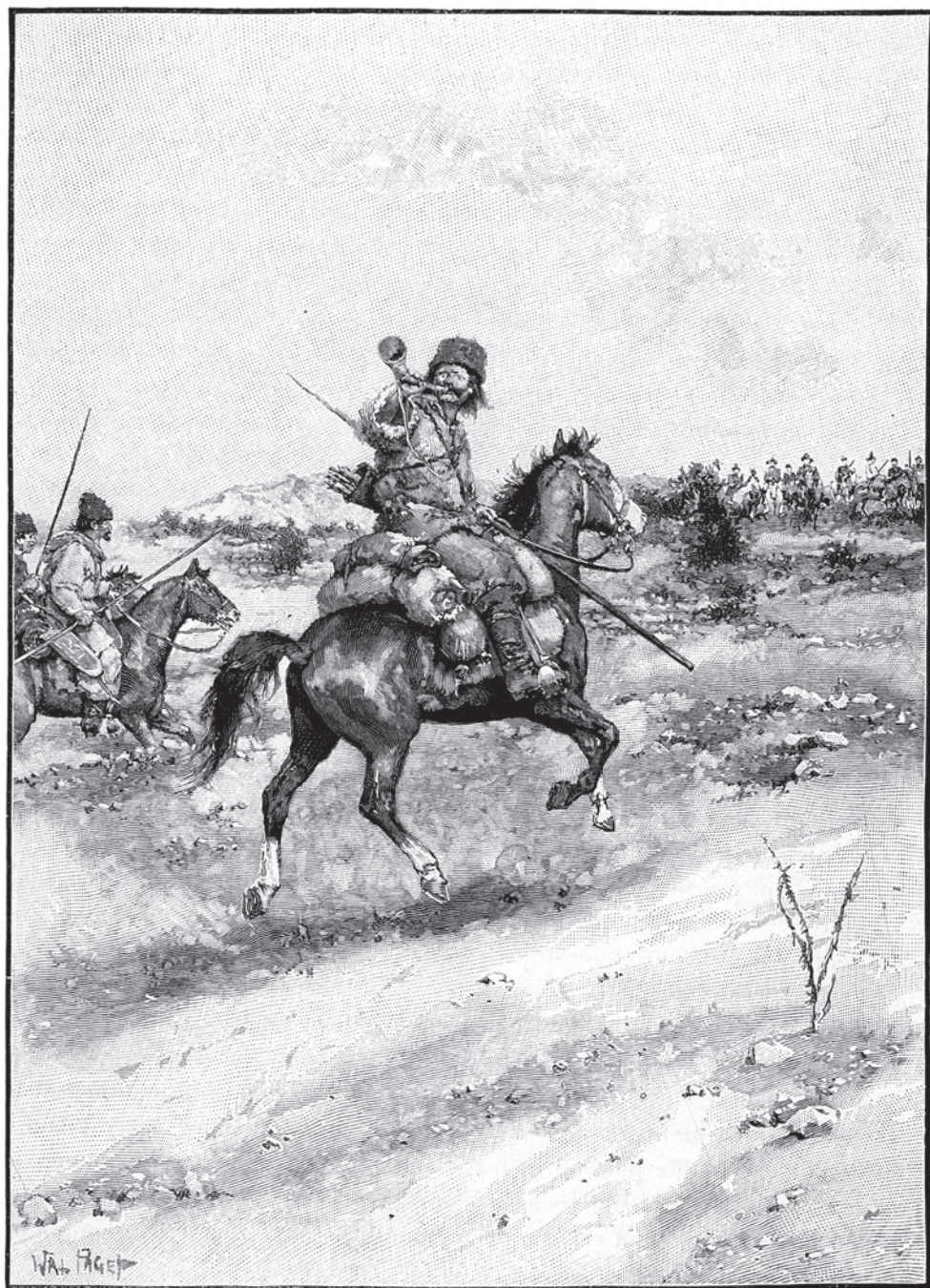
Отделившись от каравана и гоняясь за баранами, на свободе бегущими по этой пустыне целыми стадами, мы увидели в стороне человек тридцать или сорок татар, шатавшихся, быть может, тоже с целью охоты на баранов, а может быть, и для выслеживания другой добычи. Увидав нас, вожак этого отряда стал трубить в какой-то рожок, издававший до невозможности неприятные звуки, каких раньше я никогда не слышал, да и не желаю услышать во второй раз. Через несколько минут с другой стороны показался новый отряд татар, человек в пятьдесят.

Один из шотландцев, уже в третий раз совершавший путешествие по этой стране и потому хорошо знакомый с нею, сказал, что татары, по-видимому, намереваются сделать на нас нападение, и что мы можем предупредить это только тем, что сами успеем атаковать их раньше. Мы последовали его доброму совету. Нас было только шестнадцать человек, но мы были хорошо вооружены. Выстроившись в ряд, мы понеслись на татар, находившихся от нас в расстоянии полумили. Они пустили в нас тучу стрел, к счастью, не причинивших нам никакого вреда вследствие дальности рас-

¹ Пиктский вал — имеется в виду остатки вала Адриана, построенного римлянами во II в. н. э.; обитавшие на территории Шотландии пикты несколько раз пробивали в ней проходы.

Увидав нас, вожак этого отряда стал трубить в какой-то рожок, издававший до невозможности неприятные звуки.

стояния. Недолго думая, мы остановились и послали в ответ несколько пуль, а затем, по команде нашего предводителя-шотландца, обнажили сабли и поскакали вперед, с твердым намерением истребить эту разбойничью шайку. В нескольких шагах от татар мы дали по ним залп из всех наших ружей. Почти вся орда бросилась врассыпную; на месте осталась только небольшая кучка, готовившаяся встретить нас своими секирами, блесневшими у них в руках. Наш предводитель, человек смелый и умный, точно созданный для того, чтобы быть не купцом, а военачальником, только улыбнулся. Крикнув нам не трогаться с места, он сам бросился на татар, одного из них сшиб с лошади выстрелом, другого — прикладом, а третьему снес саблей голову. Остальные, не выказав никакого сопротивления, спаслись бегством. Тем дело и кончилось. Больше в этот день мы не заметили ни одного вооруженного татарина.

Мы вынуждены были возить с собой по этой пустыне воду в кожаных мехах и на ночь располагаться лагерем, как это делается в Аравийской пустыне. На мой вопрос, кому принадлежит эта громадная пустыня, проводники ответили, что она составляет часть Каракатай, или Великой Татарии, и находится под властью Китая, который, однако, нисколько не заботится об этой области, всецело предоставляя ее на произвол судьбы.

Изредка мы встречали небольшие кучки мирных татар, скромно объезжавших нас кругом, видимо опасаясь, как бы мы не вздумали их тронуть. Один раз, впрочем, к нам подъехала совсем близко партия вооруженных татар и долго нас разглядывала. Мы приготовились на всякий случай к защите, выстроившись в боевой порядок. Но татары ограничились только тем, что послали в нас несколько стрел, из которых одна ранила у нас лошадь, так что мы вынуждены были добить ее. После этого татары повернули в другую сторону и быстро скрылись из виду.

Переезд наш по этой пустыне продолжился около месяца. Кое-где попадались маленькие укрепления. В одном из этих укреплений мне понадобилось купить верблюда. Человек, к которому я обратился с вопросом, не может ли он продать или достать мне верблюда, предложил привести ко мне одного из этих «кораблей пустыни» прямо с пастбища. Не знаю, что мне пришло в мою, хотя и седую, но все еще пустую голову, но только я решил сопровождать продавца на пастбище, отстоявшее от укрепления мили на две. Я отправился пешком, захватив с собой старого португальца. Прибыв на место, мы увидели какую-то болотистую котловину, окруженную стеной из бульжников, ничем не связанных между собою. В котловине разгуливали верблюды, а у ворот стены стоял небольшой отряд китайских солдат, охранявших верблюдов, которые составляют в этих местностях доходную статью, так как их держат наготове для проходящих караванов. Я выбрал хорошего верблюда, сторговался в цене и купил его. Продавец сам взялся довести верблюда до нашего каравана, где я должен был уплатить за него деньги.

На подороже нас вдруг окружили пять всадников. Двое из них схватили китайца и отняли у него верблюда, остальные, видя, что мы почти безоружны, бросились на португальца и на меня. К счастью еще, что со мной была сабля. Я выхватил ее из ножен и махнул ей по воздуху. Увидев это оружие, татары остановились было, подавшись свойственной им трусости. Но затем один из них бросился на меня сбоку и нанес мне чем-то тупым такой удар в голову, от которого у меня на голове вскочила громадная шишка, и я почти без чувств свалился на землю. Португалец с быстротой молнии выхватил из кармана пистолет, о существовании которого я и не подозре-

Крикнув нам не трогаться с места, он сам бросился на татар и одного из них сшиб с лошади выстрелом.

вал, и одним выстрелом уложил ближайшего из нападавших. Пока остальные, разинув рот, глядели на эту сцену, старик поднял вывалившуюся у меня из рук саблю и замахнулся ей на второго всадника. Последний увернулся, но у лошади оказалась рассеченной шея. Сорвавшись с места, животное пробежало несколько шагов, потом взвилось на дыбы, сбросило своего всадника и подмяло его под себя. Между тем, португалец справился и с остальными разбойниками. Однако, верблюда все-таки успели увести. Его захватил один из татар, не пожелавший связываться с отважным португальцем и поэтому удревший в самом начале схватки.

Несмотря на то, что верблюда у нас отняли, китаец требовал полной уплаты за него. Я наотрез отказался от платежа за животное, которое тут же было похищено у меня, и дело дошло до суда. Я должен отдать полную справедливость благоразумию и беспристрастности судьи. Выслушав обе стороны, он важно спросил китайца:

— Ты слуга этого иностранца?

— Нет, — ответил китаец. — Я продал ему верблюда и только по уговору вел его в караван, с которым ехал иностранец. В караване я должен был получить деньги за верблюда.

— Так ты вел верблюда для этого иностранца?

— Да, чтобы получить с него деньги.

— Следовательно, верблюд в это время считался уже принадлежащим иностранцу, только он не уплатил еще его стоимость?

— Да, конечно, ведь он его купил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— В таком случае, ты прав. Раз ты говоришь, что вел верблюда, принадлежавшего этому иностранцу, и он этого не отрицает, то ты имеешь полное право требовать плату. Каждая собственность должна быть оплачена.

Таким образом, китаец получил деньги за верблюда, которого, по всей вероятности, увели его же сообщники, а я был вынужден послать за другим. Мне привели нового верблюда, а может, и того же самого, и получили за него вторые деньги. Поэтому выходит, что мой неосмотрительный поступок имел следствием то, что за одного и того же верблюда я уплатил два раза и получил на память громадную шишку на голове, долго меня мучившую. С этих нор я уже более не ездил на пастбища без приличного конвоя.

Наконец, мы добрались до города Номы, находящегося на самой границе Китайской империи. Хотя этот город достаточно укреплен против татар, но против ядер нашей артиллерии ему не устоять бы и суток. В двух днях пути от него нас встретил гонец, нарочно высланный для того, чтобы остановить могущие встретиться караваны и объявить им, чтобы они подождали присылки правительственного конвоя, в ограждение от громадной татарской орды, тысяч в десять, показавшейся милях в тридцати от города.

Новость эта была очень неприятна. Но спасибо китайскому губернатору, относившемуся с таким вниманием к проходившим по его области караванам. Без его предупреждения, мы неминуемо должны бы были погибнуть.

На полдороге нас вдруг окружили пять всадников. Двое из них схватили китайца и отняли у него верблюда.

Мы остановились лагерем, пока к нам не подошел конвой в двести человек солдат, довольно хорошо одетых и вооруженных. Они заявили, что за ними идет еще отряд в триста человек. Дождавшись и второго отряда, мы с более или менее спокойным духом двинулись дальше. Половина конвоя шла впереди, а другая следовала за караваном. Та-

ким образом, мы приготовились встретить десятитысячную орду татар и рассчитывали, что нам ничего не будет стоить отбиться от нее при такой охране. Мы не ошиблись.

На другой день, рано утром, при выезде из городка Чангя, нам предстояло переправиться через реку на плотах. Если бы татары были подогадливей, то им нетрудно было бы сделать на нас нападение в то время, когда караван с авангардом находился на одном берегу, а аррьергард — на другом. Однако все было спокойно, и никто не показывался. Только спустя часа три, когда мы уже вступали в открытую степь, мы заметили вдали большое облако пыли и догадались, что это неприятель. Догадка наша оправдалась.

Наш конвой, выказывавший до того времени на словах необыкновенную храбрость, вдруг растерялся. Я заметил, что все солдаты начали то и дело перешептываться и оглядываться по сторонам. Это было верным признаком их намерения дать тягу, как только наступит время исполнить свою обязанность, ради которой они были посланы к нам.

— Знаете что, сеньор, — сказал старый португалец, все время ехавший рядом со мной, — нам надо как-нибудь подбодрить воинов великой империи. Иначе они бросят нас при первом же натиске татар.

— Я думаю то же, — ответил я. — Но как это сделать?

— Пусть они войдут в середину каравана. Тогда им нельзя будет бежать, а мы подадим этим трусам пример мужества, так что они, быть может, захотят последовать нашему примеру, хотя бы из стыда и самолюбия.

Мы сообщили о нашем мнении предводителю каравана, и тот тотчас же распорядился окружить солдат со всех сторон караваном. Вместе с тем, он через толмача объявил им, что мы будем стрелять в них, как только они вздумают праздновать труса. Эти меры подействовали: солдатики подтянулись и приняли по возможности молодецкватый вид. Я думаю, они чувствовали себя гораздо лучше среди нас, чем раньше, когда им приходилось ехать во главе и в хвосте каравана.

Татары послали передовой отряд, вероятно, для рекогносцировки. Когда разведчики очутились от нас на расстоянии ружейного выстрела, предводитель каравана скомандовал дать по этому отряду залп из всех наших ружий. Мы видели, как человек двадцать татар попадали с лошадей. Оставшиеся целыми с изумительным проворством подобрали раненых, положили их к себе поперек седла, подхватили за поводья освободившихся лошадей и вихрем унеслись обратно к своей армии, ожидавшей их в некотором отдалении. Очевидно, наше угощение не особенно понравилось татарам, потому что вся громадная масса их, покрывавшая часть степи, помчалась в сторону и позволила нам беспрепятственно пройти. Этим все и ограничилось. Кроме волнения, ввиду такой силы, издали казавшейся очень грозной, ничего не было. Оставалось только посмеяться над нашим страхом перед армией, которая, несмотря на свою многочисленность, оказалась не храбрее стаи воробьев.

На третий день мы вступили в город Ном и прямо отправились к местному губернатору благодарить за высылку конвоя. Последнему мы дали приличную награду за то, что он хоть ехал вместе с нами.

В городе мы пробыли двое суток. Ном, собственно, тоже не что иное, как небольшая крепость, в которой находится девятьсот человек гарнизона. Прежде, неподалеку отсюда, находилась граница Московского царства, но ввиду пустынности и полной бесполезности этой страны, Московский царь отодвинул свою границу более, чем на двести миль, ближе к своей Москве, которая все-таки, находится в трех

тысячах миль от этой границы. Удовольствие тоже посылать войско в такую даль для охранения пустыни, никому не нужной и ни на что не годной.

Степи следовали за степями, местами перерезанные глубокими и быстрыми реками. По одной из этих степей мы шли в продолжение шестнадцати дней. Наконец, тринадцатого апреля, мы очутились на границе Московского государства. Первое селение или город, который мы встретили во владениях Московского царя, носит название Аргуна, от имени реки, на которой он расположен.

Не могу скрыть, что я с большим удовольствием вступал вновь в христианскую страну, или, по крайней мере, управляемую христианами. Положим, здешние москвиты только по одному названию христиане, хотя сами они считают себя за самых добрых христиан в мире и по-своему очень набожны. Во всяком случае, для меня было счастьем уже то, что я опять находился посреди людей, признающих имя истинного Бога, а не служащих дьяволу и не бросающихся ниц перед палками, камнями и различными чудовищными изображениями, как это делают в своем ослеплении жители Китая и Татарии. До сих пор мы только и видели капища с отвратительными идолами, а теперь вошли в страну, где на каждом шагу видны следы поклонения Христу, где не повергаются перед созданиями собственных рук и где, если и бессознательно, но все-таки обращаются к единому Творцу вселенной.

В своем умилении я не удержался, чтобы не сказать шотландцу, с которым очень подружился:

— Ну, слава Богу! Наконец-то, мы опять среди христиан.

Шотландец улыбнулся и проговорил:

— Не слишком радуйтесь, земляк: здешние москвиты христиане большей частью лишь по имени. Настоящих же христиан мы увидим только через несколько месяцев.

— Положим и так, — сказал я, — но все-таки приятнее смотреть на полухристиан, чем на идолопоклонников, служащих дьяволу.

— Если хотите знать правду, — возразил мой собеседник, — то здесь, кроме солдат да немногих горожан, все остальные самые отчаянные язычники. Повторяю, до тех мест, где все христиане, нам предстоит проехать еще несколько тысяч миль.

Я после убедился, что мой земляк был прав.

Мы теперь находились в центре самого обширного материка на земном шаре. На восток от нас до морского берега считалось не менее двух тысяч двухсот миль; на запад до Балтийского моря почти столько же, а до британских и французских владений более трех тысяч. На юг до Индийского океана или Персидского залива было пять тысяч миль, а на север до Ледовитого океана — восемьсот. Некоторые утверждают, что по направлению к северо-востоку, до самого полюса, нет больше океана, и что этот материк соединяется с Америкой, хотя и неизвестно где, но я думаю, что такое предположение неверно, и даже мог бы доказать это.

В начале московских владений мы не видели ни одного замечательного города и, вообще, ничего такого, что могло бы заинтересовать нас. Меня поразило там только одно, а именно, что все реки этой страны направляются к востоку и, как я видел на карте, находившейся у предводителя каравана, все впадают в громадную реку, называющуюся Амур, или Гамур, которая тоже течет на восток и впадает в Великий океан. Рассказывают, будто устья этой реки сплошь заросли тростником в тридцать футов вышины и фута три в обхвате. Но я думаю, что и это сказка. На этой реке нет судоходства, потому что не имеется торгового пути, и татары, единственные обладате-

ли этого края, занимаются исключительно скотоводством. Насколько мне известно, еще не нашлось такого смелого и любознательного человека, который решился бы спуститься в лодке до устья Амура или подняться по нему на корабле. Наверняка известно только то, что Амур, текущий на восток под пятидесятым градусом северной широты, по пути принимает в себя множество рек и сам вливается в океан через Татарский пролив.

К северу от этой реки текут многие другие значительные реки. Все эти реки несут свои воды в другую большую реку, известную под названием Тартары, или Татары. По этой реке и названы монгольские татары, которых китайцы считают первыми обитателями земли, и которые, по словам наших географов, тождественны с гогами и магагами, упоминаемыми в священном Писании.

Далее нам встретилось еще несколько небольших рек, которые направлялись на север. Это северное направление рек доказывает, что материк Азии на севере омывается Северным Ледовитым океаном, а потому и нет никакого основания думать, будто этот материк непосредственно примыкает к американскому, или, что не имеется сообщения между северным и восточным океанами. Впрочем, я не настаиваю на своем мнении и высказываю его только кстати, так сказать, мимоходом.

Когда мы переправились через Аргунь, нам стало легче продолжать путь, благодаря заботливости московского царя, возведшего здесь множество укрепленных городов и местечек. Эти крепостцы отчасти напоминают военные поселения римлян, которые были разбросаны в отдаленнейших пунктах действительно великой Римской империи. Я читал, что такие поселения были в Британии, для охраны торговли и для безопасной остановки путешественников.

Во всех этих городках чиновники и войска исповедуют христианскую религию, между тем как туземцы закоренелые язычники, поклоняющиеся небесным светилам и приносящие жертвы идолам. Можно смело сказать, что эти язычники своим невежеством и своей дикостью превосходят всех раньше мною виденных, хотя они и не едят человеческого мяса, как американские дикари.

В одной деревне, недалеко от Нортчинска ¹, я полюбопытствовал познакомиться с образом жизни и религиозными обрядами туземцев. Как раз в это время происходило торжественное жертвоприношение громадному идолу до невероятности чудовищного вида. Идол возвышался на старом древесном пне; сам он был сделан тоже из дерева. Голова его напоминала сразу всех зверей и ни одного в отдельности; она была украшена толстейшими рогами, похожими на рога буйвола, роговым же согнутым носом и громаднейшим четырехугольным ртом, из которого торчал ряд ужасных клыков. Этот красавец был облечен в баранью шкуру шерстью вверх и имел на голове высокую татарскую шапку, к которой и были приделаны рога и коровьи уши, о которых я выше забыл упомянуть. Идол был вышиной около восьми футов. Рук и ног у него не было.

У подножия идола лежали лицами к земле человек около двадцати. Так как туземная одежда одинакова для мужчин и женщин, то отличить, какого пола люди тут преобладали, было невозможно. Все лежали совершенно неподвижно, точно были

¹ *Нортчинска* — т. е. Нерчинска.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

сделаны тоже из дерева, как их идол. Но едва я и двое моих спутников подошли к ним, как они моментально вскочили и, испуская нечто вроде собачьего воя, бросились бежать. Недалеко от идола находилась палатка, устроенная из бараньих и коровьих шкур; в этой палатке стояли три жреца-мясника с длинными ножами в руках. Я называю их мясниками потому, что они были заняты резней принесенных в жертву баранов и телят.

Это грубое идолопоклонство возмущало меня до глубины души. Мне было больно смотреть, как низко может пасть человек, это прекрасное и лучшее творение Бога, одаренное разумом для прославления величия и мудрости Творца, когда в своем омрачении не внимает голосу этого разума. Я без жалости не мог видеть, как эти несчастные люди преклоняются перед уродливым чудовищем, созданием своего тупого воображения, украшенным грязными шкурами.

Они послали к нам трех парламентеров.

Не будучи в силах сдержать своего негодования при виде такого унижения существ мне подобных, я подъехал к идолу и одним ударом шпаги снес ему голову. Не успел я еще вложить шпагу в ножны, как, откуда ни возьмись, перед нами выросла громадная толпа туземцев, вооруженных стрелами, копьями и бердышами. Они послали к нам трех парламентеров, которые требовали выдачи тех, которые оскорбили их бога. Так как мы не имели при себе ружей, то я дал знак моим спутникам лучше спастись бегством от разъяренной толпы, чем вступить с ней в бой.

На пути в Енисейск на нас было напали тунгусы, но мы отбили их так же легко, как раньше татар. Енисейск лежит на реке Енисее, отделяющей, как мне говорили, Азию от Европы. Все громадное пространство между Енисеем и Обью, другой большой рекой, заселено язычниками. Только московитские власти и войска набраны из христиан. Дикие племена, населяющие эту область, отличаются таким же варварством и грубостью нравов, как и татары. В разговоре с одним московитским чиновником я выразил удивление, почему царь не старается обратить своих сибирских под-

данных в христианство. На это чиновник ответил, что царь желает больше подчинить их своей власти, чем сделать христианами, судя по тому, что он высылает к ним войска и чиновников, а не миссионеров.

Область между Енисеем и Обью отличается прекрасным климатом и плодородностью почвы, но, тем не менее, она еще очень мало заселена, и то преимущественно идолопоклонниками, поэтому и остается в первобытном состоянии. Впрочем, одна часть этой области служит местом для ссылки преступников, вероятно, потому, что из этих мест трудно выбраться, раз попадешь в них.

До самого Тобольска, столицы Сибири, с нами не случилось ничего замечательного.

Мы находились в пути уже семь месяцев, и зима надвигалась быстрыми шагами. В Москву мы с компаньоном раздумали ехать: нам захотелось скорее возвратиться в Англию, по которой мы страшно соскучились в сибирских степях. Мы могли изменить свой маршрут следующим образом: или следовать с караваном до Ярославля, потом повернуть в Нарву, откуда уже ехать морем или сухим путем до Данцига, где у нас, наверное, охотно раскупили бы за хорошую цену весь наш китайский товар; или, покинув караван в одном маленьком городке на Двине, подняться по этой реке до Архангельска, а из Архангельска пройти морем в Германию, Голландию или прямо в Англию.

Но ни тот ни другой путь не были удобны зимою. В Данциге мы могли бы только полюбоваться на замерзшее Балтийское море, но ехать оттуда пришлось бы сухим путем по странам, до такой степени лесистым, что путешествовать там чуть ли ни еще труднее, чем в степях Монголии. Точно также было безрассудно ехать в октябре на Архангельск: глубокой осенью там нет ни одного иностранного корабля, и даже все московские купцы, наезжающие туда летом для торговли, к осени спешат убраться восвояси. Город в это время пустеет, и в нем ничего нельзя найти, кроме холода, полного одиночества и плохой пищи.

Обсудив все это, мы решили распрощаться с караваном и провести зиму в Тобольске, лежащем под шестидесятым градусом северной широты. В этом городе мы могли найти теплое помещение, хорошую провизию и даже прекрасное общество.

Теперь я находился в климате, совершенно противоположном климату моего острова. На последнем я чувствовал холод только при лихорадочных ознобах, и если надевал там на себя что-нибудь, то лишь в защиту от чересчур жгучих лучей солнца, а разводил огонь только на открытом воздухе исключительно для приготовления пищи. Здесь же я выходил из дома не иначе, как напялив на себя три камзола, а сверх них громадную шубу с большим воротником, закрывавшим всю голову.

Что касается способа отопления домов в Сибири, то он там несравненно лучше и целесообразнее английского. Наши каминные трубы греют только до тех пор, пока в них горит огонь, но как только огонь погаснет, температура комнаты мгновенно падает почти до наружной.

В моей сибирской квартире, состоявшей из шести комнат, была громадная печь, вроде доменной, с трубой, делающей так много поворотов прежде чем выйти наружу, что все тепло поневоле остается в доме. Такая печь равномерно нагревает все комнаты, с которыми соприкасается.

Но всего замечательнее было то избранное общество, которое мне пришлось встретить в этой варварской стране, занимающей самую северную часть Европы и

лежащей близ Ледовитого океана, только на несколько градусов ниже Новой Земли. Эта страна служит местом ссылки для московитских уголовных и политических преступников; поэтому в Тобольске всегда находится множество опальных московских вельмож, царедворцев, дворян и военных. Между прочим, там при мне жили знаменитый князь Галивкен (или Головкен) ¹ с сыном, старый генерал Робостийский и еще несколько очень известных лиц. Немало было и благородных дам, последовавших в ссылку за своими мужьями или отцами. Через посредство одного старого богатого местного купца, пользовавшегося большим почетом, я познакомился с этим избранным обществом и очень приятно проводил в нем время.

Как-то раз князь, опальный министр московского царя, начал распространяться о богатстве и величии своей родины, о самодержавной власти своего царя и о многом другом, касавшемся Московии. Я перебил его замечанием, что мне, по собственному опыту, немного известно, что значит быть самодержавным властителем. На удивленный взгляд князя я рассказал ему всю историю моего пребывания на острове, где, в конце концов, я, действительно, сделался чем-то вроде самодержца. «Хотя мое государство и очень маленькое, — прибавил я, — тем не менее, мне беспрекословно подчиняются все мои подданные, — положим, главным образом, за то, что я спасал и кормил их».

Выслушав мой рассказ до конца, князь сказал, что, по его мнению, я должен был быть на острове счастливее, чем где-либо еще, потому что пользовался там полной независимостью и был близок к природе. Он говорил, что судит по себе. В первое время своей вынужденной жизни в Сибири он был в страшном отчаянии, как бывает со всеми ссыльными, но спустя некоторое время, повнимательнее разобрав свое положение и поглубже вдумавшись в него, он пришел к заключению, что чем дальше от блеска и пышности, тем лучше. Богатство, могущество, власть и весь комфорт столичной жизни, в сущности, вовсе не дают счастья человеку; но пока он вертится среди всех этих искусственных благ, голова его до такой степени одурманена, что он даже не сознает, отсутствия истинного счастья. В действительности же для того, чтобы чувствовать себя довольным, не нужно ничего, кроме жизни на просторе, посреди вольной природы, чистого воздуха, простой, но здоровой пищи, простого, но уютного жилища и скромной одежды, не стесняющей движений, согревающей в холод и защищающей от жары летом.

Величие власти, богатство и светские наслаждения хотя и имеют известную привлекательность, зато служат источниками гордости, тщеславия, зависти, ненависти, эгоизма и, вообще, всех дурных страстей человека, лишаящих его права называться образом и подобием Божиим. И только теперь, в ссылке, князь, по его словам, чувствовал себя гораздо счастливее, чем, вероятно, чувствуют себя те, которые из зависти довели его до нее и торжествуют теперь над ним победоу.

— Поверьте, сэр, — сказал он, между прочим, — что я говорю вам все это вовсе не потому, что лишен возможности вернуть себе свое прежнее положение. Право, испытав настоящую жизнь, я даже не захотел бы вернуться назад к прежней жизни, если бы царь и пожелал осчастливить меня вновь своей милостью. Ведь если бы

¹ Князь Галивкен (или Головкен) — вероятно, князь Голицын.

кто побывал на небе, тот едва ли захотел бы добровольно спуститься назад на нашу грешную землю.

Он говорил горячо и с большим увлечением; было видно, что он высказывает свое искреннее убеждение. Я ответил ему, что вижу в нем одного из величайших победителей, так как человек, подчинившийся разуму и подавивший все свои страсти, выше Александров и Цезарей, покорявших народы силою оружия.

— Но, милорд, — добавил я, — позвольте мне предложить вам один вопрос.

— Сделайте одолжение, — ответил князь.

— Если бы перед вами, в самом деле, вдруг открылись двери свободы, что бы вы тогда сделали?

— Быть может, я и вошел бы в них, — произнес задумчиво князь. — Но уверяю вас, только разве для того, чтобы увидаться еще раз со своими родными, между которыми есть много хороших людей, и потому, что здешний климат слишком суров для меня. Но, клянусь вам, что ни роскошь двора, ни власть, ни слава, ни прежнее мое положение, — словом, ничто из того, что раньше составляло суть моей жизни, более не прельщает меня. Если бы с меня сняли опалу только под тем условием, чтобы я вернулся к прежнему образу жизни, я попросил бы, как особенной милости, разрешения навсегда остаться в этой холодной пустыне.

— Но, вероятно, у вас конфискованы все ваши имения, — заметил я, — и вы поэтому, подвергаетесь тут всевозможным лишениям.

— Если смотреть на меня только как на князя и вельможу, привыкшего чуть не купаться в золоте, то, разумеется, нужно предполагать, что я терплю жестокие лишения, живя теперь в самых скромных условиях; но если видеть во мне обыкновенного смертного, ничем не отличающегося от прочих людей, необходимо согласиться, что я имею все необходимое для сносного существования. Мне и моим сотоварищам по изгнанию удалось спасти кое-что из своего имущества, и это дает нам возможность жить здесь даже с некоторым комфортом, не занимаясь никаким промыслом, к которому вынуждены прибегать другие ссыльные. Последние живут охотой на пушных зверей и продажей их шкур, и, благодаря этому, тоже ни в чем не терпят нужды. Иногда один месяц, проведенный на охоте, дает им возможность прожить остальные одиннадцать месяцев года совершенно покойно, не выходя из своего жилища.

Много говорил князь в таком духе, но, к сожалению, я всего не запомнил и потому повторить не могу. Добавлю только, что это был один из просвещеннейших и благороднейших людей, когда-либо виденных мною. Я провел в Тобольске восемь месяцев, то есть всю сибирскую зиму. Иногда было так холодно, что невозможно было выходить из дома с открытым лицом, а приходилось закрывать голову и лицо чем-то вроде мехового капюшона с отверстиями для глаз и рта. В течение трех месяцев дни были очень короткие; бледное солнце показывалось над горизонтом всего часа на четыре или пять, а потом снова скрывалось. Тем не менее, не было особенной темноты, благодаря ослепительно белому снегу. Наши лошади стояли в подземелье, иначе они все погибли бы от страшной стужи. Слуги, ухаживавшие за ними, то и дело отмораживали себе пальцы рук и ног и носы, так что нам приходилось оттирать их снегом.

В домах было очень тепло, потому что они все построены из толстых бревен, прекрасно проконопачены и имеют маленькие окна с двойными рамами. Наша пища состояла, главным образом, из сушеного мяса, вяленной рыбы, солонины и

некоторых сушеных же плодов. Большая часть запасов готовится летом и отлично сохраняется в течение зимы. Хлеб печется в виде сухарей. Мы пили воду, смешанную с местной водкой, а вина заменялись превосходным медом. Несмотря на страшные морозы, охотники часто приносили нам разную дичь, но мы мало употребляли ее. Из Китая мы вывезли большое количество чая, которым и угощали своих знакомых. Таким образом, мы жили в полном довольстве и далеко не скучно.

В марте дни заметно прибавились, и стало теплее. Все находившиеся в Тобольске путешественники начали готовиться к отъезду. Так как мы с компаньоном решили ехать не через Москву, а через Архангельск, то и не спешили. Я знал, что корабли с запада приходят в Архангельск не раньше мая, а то и июня, и идут назад только в августе, поэтому мы и собирались подняться позднее. Пока мы только провожали в путь других, преимущественно купцов, ехавших в Москву выменивать меха на товары, имеющие спрос в Сибири. Некоторые из торговцев собирались ехать с нами в Архангельск для той же цели.

Наконец, в мае месяце и мы начали снаряжаться в дорогу. Во время наших сборов я много думал о здешних ссыльных и удивлялся, почему они, пользуясь полною свободою, не убегут куда-нибудь в другую часть света, где было бы не так холодно и пустынно. Собравшись с духом, я как-то раз высказал князю мои мысли по этому поводу.

— Вы думаете, что отсюда легко бежать? — с улыбкой проговорил он. — Вот и видно, что вы не знаете этой страны. Здесь мы окружены такими преградами, которые надежнее всяких тюремных стен и замков, поэтому именно сюда и ссылают. На севере — Ледовитый океан, где никогда не появляется ни одного судна, не проходит даже простой рыбацкой лодки; да там в ней и не уйдешь далеко. В остальные же стороны тянутся владения нашего царя, где нас сейчас же поймали бы. Здесь нет других сносных дорог, кроме проложенных правительством для своих нужд, да и те все идут через города, имеющие гарнизоны, и, следовательно, вполне приспособленные для того, чтобы делать на беглецов правильную облаву. Ввиду всех этих условий нечего и думать о побеге.

Охотники часто приносили нам разную дичь.

Эти слова заставили меня замолчать. Я вполне убедился, что сибирские пустыни, действительно, представляют такой же надежный оплот против всякой попытки к бегству ссыльных, как и стены московских крепостей, а быть может, даже и более верный. Все-таки мне очень хотелось бы освободить князя, этого прекрасного, благородного человека, к которому я искренно привязался. Раздумывая об этом, я решил во что бы то ни стало привести в исполнение свое намерение, с какими бы для меня опасностями ни было сопряжено это предприятие. Застав однажды вечером князя одного, я предложил ему отправиться со мною в Англию под видом моего приказчика. Я обещал устроить все таким образом, что никому и в голову не придет, что он не приказчик, и что он со мной будет в полной безопасности. Добравшись до Архангельска, мы немедленно сядем на корабль, так что нас там никто и не увидит. На тот случай, если бы у князя не было достаточно денег, я брал все путевые издержки на себя и помог бы ему прилично устроиться в Англии.

Он слушал внимательно, не отрывая от меня глаз. Лицо его попеременно то вспыхивало, то бледнело, а глаза то разгорались ярким огнем, то снова меркли. Видно было, что он страшно волновался, и что в нем происходит сильная борьба. После продолжительного молчания он встал, крепко обнял меня и поцеловал, затем проговорил голосом, дрожавшим от волнения:

— Какое, в сущности, жалкое создание человек! Даже дружба часто расставляет нам западни и вводит нас во искушение. Дорогой друг, ваше предложение до такой степени великодушно и бескорыстно, что я, так хорошо изучивший людей, должен поневоле удивляться ему, и был бы презренным человеком, если бы не чувствовал к вам за это глубочайшей признательности. Но неужели вы подозреваете, что так часто высказываемое вам мое пренебрежение к свету было неискренно? Неужели вы полагаете, что я лгал, когда, открывая вам всю свою душу, говорил, что я только здесь узнал истинное довольство и счастье, только тут приобрел душевный покой и понял всю тщету мира, и что я не согласился бы возвратиться к своему прежнему положению, если бы даже царь повелел мне это? За кого же вы, мой друг, считаете меня, за честного человека или за достойного презрения лицемера?

Голос его прервался от волнения, и он, махнув рукой, снова опустился на свое место.

Я поспешил уверить его, что безусловно верил и верю каждому его слову, но что мне больно расстаться с ним, жаль покидать его в этой глухой, скованной льдом и снегом пустыне, тогда как он, по своим высоким достоинствам, мог бы служить лучшим украшением любого европейского общества, которое стало бы носить его на руках. Я старался убедить его, что само Провидение послало меня вырвать его отсюда, что Оно, по своей мудрости, не может желать, чтобы подобные ему люди гибли в неизвестности.

Но все было напрасно. Оправившись от волнения, князь заговорил твердым голосом:

— Почему вы знаете, сэр, что это призыв Неба, а не ловушка врага человеческого, намеревающегося погубить меня соблазном свободы? Пока я живу здесь, у меня нет поводов желать вернуться к моему прежнему положению жалкого величия, а если я снова попаду в общество, то кто поручится мне за то, что во мне не проснутся опять все страсти, подавленные с таким трудом? Здесь нет благоприятной почвы для произрастания вложенных в душу каждого человека дурных семян высокоме-

рия, честолюбия, тщеславия, алчности и сластолюбия, и я не рискую из властителя своих чувств превратиться опять в ничтожного, жалкого раба своих прихотей. Жизнь же в каком бы то ни было большом европейском городе опутает меня своими позолоченными тенетами и сделает меня настоящим узником, — конечно, не телесно, но духовно, — а это несравненно хуже и позорнее... Нет, мой друг, оставьте меня в моем тихом уединении, вдали от суеты и пороков. Здесь я спокоен и доволен, здесь я могу сохранить свою душу в чистоте, которой я добился с таким трудом; а там, куда вы меня зовете, я опять загрязнил бы ее и уже без всякой надежды на возможность ее нового очищения. Прошу вас: не будьте в одно и то же время моим лучшим другом и коварным соблазнителем!

При последних словах князь взглянул на меня глазами, полными такой тоски и мольбы, что у меня от жалости дрогнуло сердце. Понимая, что приставать к нему более было бы просто жестокостью, я оставил его, сказав, однако, что даю ему время еще раз обдумать мое предложение.

Часа через два князь пришел ко мне сам.

— Дорогой друг, — сказал он, — откровенно сознаюсь вам, что ваш соблазн подействовал было на меня, и я в течение нескольких минут готов был поддаться ему, но, к счастью, потом рассудок помог мне прогнать искушение, и я пришел еще раз поблагодарить вас за ваше участие и отказаться уже вполне сознательно от вашего великодушного предложения. Я хорошо понимаю и вполне ценю то, что вы желали мне только добра, но чувствую также и то, что это добро потом превратилось бы для меня в страшное зло, конечно, опять-таки помимо вашего желания. Не считайте меня неблагодарным, а лучше порадитесь со мною, что я сумел устоять против великого соблазна и решил остаться в этой снежной пустыне только человеком, без всяких титулов и блеска.

— Милорд, — ответил я, — вы, действительно, должны быть очень довольны вашим настоящим образом жизни, если не желаете послушаться даже призыва Неба...

— Позвольте, сэр, — резко перебил он меня, — если бы это был призыв Неба, как вы говорите, то у меня, наверное, не достало бы сил противиться ему; но я думаю... даже убежден, что именно Небо и помогло мне отклонить ваше предложение... Пожалуйста, не будем больше говорить об этом. Позвольте мне остаться честным человеком, имеющим право уважать себя; лучшего блага, поверьте мне, нет на свете.

Мне не оставалось ничего другого, как только молча преклониться перед величием души этого бывшего царедворца, а теперь опального поселенца сибирской пустыни. Говорить я не мог от волнения. Повторив, что он преисполнен глубочайшей признательности ко мне за доброе намерение, князь горячо обнял и поцеловал меня. Затем он заставил меня принять от него на память несколько штук ценных соболей. На другой день я за это послал ему несколько фунтов хорошего чая, две штуки китайской золототканной материи и четыре очень редких золотых монеты японского чекана. Все это было, в сущности, ничтожной отплатой за его подарок, потому что в Англии я продал его соболя за двести фунтов стерлингов. Но князь даже не принял всего, а взял только чай, одну штуку материи и одну монету, остальное же возвратил моему посланному и приказал передать мне, что желал бы еще раз повидаться со мной.

Когда я пришел к князю, он прежде всего объявил мне, что вопрос о нем лично он считает поконченным навсегда, но что имеет ко мне большую просьбу. На мой вопрос, чем я могу служить ему, он ответил, что дело касается одного человека, в судьбе которого он принимает большое участие; имя его он назовет только тогда, когда я соглашусь сделать для него то, что хотел сделать для самого князя. Я ответил, что готов исполнить всякую просьбу князя, хотя мне, конечно, было бы приятнее, если бы он воспользовался лично для себя моей глубокой преданностью ему. Тогда он сказал, что просит о своем сыне, который находится в одинаковом с ним положении, только живет по ту сторону реки Оби. Если я согласен взять с собою в Англию его сына, то он, князь, пошлет за ним надежного человека, который тайком и привезет его сюда.

Узнав, что дело идет о сыне князя, я заявил, что очень счастлив возможностью услужить князю хоть в лице такого близкого ему существа, и сделаю для молодого человека все, что будет в моих силах.

На другой день князь послал за своим сыном, который прибыл дней через двадцать и привел с собою шесть лошадей, навьюченных драгоценными мехами. Само собой разумеется, что он явился в город и к отцу только ночью и то переодетый туземцем. Утром старый князь прислал за мною, и мы с молодым князем условились насчет подробностей нашего будущего путешествия.

Я купил большое количество соболей, черно-бурых лисиц, чудных горностаев и множество других дорогих мехов. Приобрел я всю эту партию на деньги, вырученные мной от продажи китайских товаров. Барыш, полученный за эти товары и ожидавшийся затем от продажи мехов в Англии, был так велик, что мой компаньон, только и интересовавшийся торговыми оборотами, был в восторге.

Мы оставили Тобольск, этот малоизвестный город, заброшенный посреди сибирской пустыни, только в начале июня. Наш караван состоял из тридцати двух верблюдов и лошадей, которые все были записаны на меня, хотя треть из них принадлежала молодому князю. Последний ехал со мною в качестве моего секретаря.

Нам предстояло переправиться через пустыню, суровее и унылее которой мне еще не приходилось видеть. Низкая и болотистая почва этой пустыни только местами покрыта буграми с самой жалкой растительностью. Нас уверяли, что в этом краю нечего опасаться нападений со стороны кого бы то ни было, но на самом деле оказалось другое.

Проводником нашим был слуга молодого князя, природный сибиряк, отлично знавший весь этот край. Он вел нас окольными дорогами, так что мы миновали все большие города и селения, в которых могли бы обратить на нас чересчур усердное внимание. Во всех больших пунктах сибирской оседлости, вроде Тюмени и Соликамска, которые мы объехали кругом, стоят гарнизоны; последним поручено как можно тщательнее следить за путешественниками, между которыми могут быть беглые ссыльные.

Ввиду необходимости скрываться, мы останавливались в степи и ночевали в палатках, которые возили с собою. Молодой князь очень мучился тем, что мы из-за него подвергаем себя всякого рода лишениям, и постоянно уговаривал нас заезжать для более удобного отдыха и подкрепления сил в город, оставив его где-нибудь в лесу, с тем, чтобы потом заехать за ним. Конечно, мы на это не соглашались.

Наконец, переправившись через реку Каму, составляющую в одном месте границу между Азией и Европой, мы вступили в Европейскую Московию. Первый

большой город за этой рекой и есть упомянутый уже мною Соликамск. Мы думали теперь встретить новые обычаи, нравы и лучшую культуру, но жестоко ошиблись. Перед нами расстилалась все та же безграничная пустыня, миль на восемьсот в длину, четвертую часть которой нам предстояло проехать. Эта пустыня ничем не отличается от татаро-монгольской степи. Ее жители большей частью тоже язычники, мало отличающиеся от американских дикарей. Хижины их наполнены отвратительными идолами, а нравы и обычаи до невозможности грубы и дики. Исключение составляет только население городов и подгородных селений, числящееся исповедующим христианскую религию по догматам греко-католической Церкви.

В одном месте наш караван вдруг окружила шайка разбойников, чуть было не ограбившая и не перерезавшая нас всех. Кто были эти разбойники: остяки ли, составляющие ветвь татарского племени, дикари ли с берегов Оби, или местные охотники, вздумавшие воспользоваться случаем поживиться сразу, — неизвестно. Их было около полусотни; все они сидели на быстроногих лошадях и были вооружены луками и стрелами. Приблизившись к нашему каравану на расстояние двух мушкетных выстрелов, они молча, но с вызывающим видом окружили нас. Мы поспешили выстроиться на своих лошадях в ряд впереди верблюдов и послали к разбойникам проводника с белым флагом. Проводник обращался к ним поочередно на всех знакомых ему сибирских наречиях, но разбойники отвечали ему на таком языке, которого он не знал. По их угрожающим взглядам и движениям, он понял только одно, что будет убит, если не уберется со своим флагом подальше от них. Заметив, что передние всадники уже собираются пустить в него свои стрелы, он повернул лошадь и поскакал назад к нам. Он говорил, что, судя по одежде, это должны быть калмыки или черкесы из великой Киргизской степи, хотя никогда не было слышно, чтобы они заходили так далеко на север.

Слева от нас, на расстоянии около полумили, виднелась группа деревьев, к которым мы и направились, чтобы иметь хоть какую-нибудь защиту. Деревья были настолько густы, что могли защитить нас от стрел. Мысль укрыться за этими деревьями принадлежала старому португальцу, который был бесподобным советчиком в критические минуты. Мы уж успели добраться до деревьев, а разбойники все еще почему-то оставались неподвижными на прежнем месте. Прибыв к цели наших стремлений, мы, к величайшему удовольствию, увидели, что деревья окружены болотом и оврагами, на дне которых шумели быстрые ручьи. А то, что нам издали казалось лишь маленькой группой старых деревьев, оказалось вблизи целой рощей, в которой мы могли свободно разместиться.

Через некоторое время к разбойникам присоединился другой отряд человек в тридцать, не только мужчин, но и женщин, вооруженных тоже луками и стрелами. Мы забаррикадировали входы в рощу кучами хвороста и валежника и спокойно стали ждать нападения. Собравшись вместе, разбойники двинулись на нас. Португалец, которого мы выбрали своим предводителем, взял с нас слово, что мы не будем стрелять, пока разбойники не приблизятся к нам на расстояние пистолетного выстрела, чтобы не тратить даром зарядов и прицеливаться как можно вернее. Мы послушно исполнили его распоряжение. Когда разбойники очутились от нас на расстоянии пистолетного выстрела, мы дали по ним залп из всех наших ружей. Прицел наш был так верен, что мы убили четырнадцать человек и ранили многих не только людей, но и лошадей. Наш огонь до такой степени поразил неприятеля,

что он тотчас же отъехал от нас на довольно большое расстояние. Пользуясь этим, мы снова зарядили свои ружья и вышли из рощи, чтобы забрать четырех неприятельских лошадей, оставшихся без хозяев. Подойдя к убитым и раненым, мы по одежде узнали, что это татары, но неизвестного племени и непонятно зачем зашедшие так далеко от своих родных степей.

Через час разбойники снова приблизились и стали объезжать вокруг рощи, выглядывая, с какой бы стороны лучше проникнуть к нам. Но, убедившись, что нас не так-то легко атаковать, как они, быть может, предполагали, разбойники снова отступили. Вероятно, этим маневром они хотели уверить нас, что не намерены больше связываться с нами, и надеялись, что мы выедем из рощи и, таким образом, очутимся в голой равнине, где им было бы очень удобно окружить и истребить нас. Однако мы имели в виду возможность такой уловки с их стороны, а потому и решили остаться на ночь в своем становище.

Конечно, мы провели всю ночь почти без сна. На рассвете мы, к величайшему изумлению, увидели, что перед нами стоит целая армия разбойников, человек около трехсот, если не больше. Раскинув шатры, они образовали настоящий лагерь, очевидно, в твердой решимости вести против нас правильную осаду. Видя эту неожиданную картину, я считал нас всех уже погибшими. Меня страшно угнетала мысль, что мне суждено умереть от рук этих варваров как раз в то время, когда я оканчивал свое последнее путешествие и после самых разнообразных приключений возвращался на родину с твердым намерением более никогда не покидать ее. Что же касается моего компаньона, то он с пеной у рта кричал, что если его ограбят, то он будет окончательно разорен, и что он лучше предпочитает быть убитым, чем возвратиться домой нищим.

Молодой князь, один из любезнейших людей и храбрейших рыцарей, когда-либо встреченных мною, решил защищаться до последней возможности. Португалец находил, что нам нечего особенно опасаться, потому что наша позиция очень выгодна и что непрерывным огнем мы свободно отобьем неприятеля, если он, действительно, решится напасть на нас. Против нашего огнестрельного оружия, его жалкие стрелы ровно ничего не значат.

Между тем, прошел весь день, а татары все еще не подавали никаких признаков своего намерения напасть на нас. Вдруг к вечеру к ним со всех сторон стали прибывать подкрепления, так что равнина перед нами покрывалась все большим и большим числом разноцветных шатров. Мы положительно не могли понять, откуда набирается такая масса этого люда, и с какой именно целью. Неужели только ради нашего маленького каравана, от которого нельзя было ожидать особенно великой добычи?

Как бы то ни было, но ввиду такой громадной орды кочевников нам становилось очень жутко. Мы начали расспрашивать главного проводника и его двух помощников, тобольцев, не знают ли они какой-нибудь окольной дороги, по которой мы могли бы скрыться ночью от неприятеля; или нельзя ли кому-нибудь из проводников добраться до ближайшего города или местечка, где был бы гарнизон, и попросить там выслать к нам на помощь отряд солдат.

Подумав немного, один из проводников сказал, что он знает одну дорогу, ведущую к большой реке, по которой мы можем уйти от татар, так как она им, наверное, неизвестна. Молодой князь сначала настаивал на том, чтобы нам самим атаковать

татар, но мы доказали ему всю бесполезность и опасность этого предприятия, и он сдался.

Приготавливаясь, так сказать, к постыдному бегству, мы развели громадный костер, который должен был прогореть всю ночь и обмануть неприятеля, а затем, как только замерцали звезды, потихоньку вывели своих верблюдов и лошадей из роши со стороны, противоположной становищу татар, и последовали за проводником, который держал путь на север, руководствуясь, как я заметил, Полярной звездой. Сначала мы все шли пешком, ведя животных под уздцы, а потом, когда взошла луна и стало гораздо светлее, чем нам было бы желательно, мы решили сесть на наших лошадей и ехать как можно скорее. К шести часам утра мы проскакали около сорока миль. Вокруг нас все было тихо. Зато наши бедные лошади были загнаны почти насмерть. Вскоре мы встретили одно московитское селение, где и остановились на отдых. Но так как мы все еще боялись, как бы не было за нами погони, то отдыхали недолго и продолжали путь даже ночью. Однако и в эту ночь нас никто не потревожил, так что к утру мы благополучно прибыли к реке Кирице, на которой расположено довольно большое московитское селение. Здесь мы узнали, что в степи были замечены большие орды калмыков, которые двинулись по направлению к югу. Это доказывало, что для нас миновала всякая опасность, и мы горячо поблагодарили милосердного Творца, снова оказавшего нам свое покровительство.

Мы прибыли в этом селении пять дней, приобрели себе новых лошадей, сбыв старых, и потом со свежими силами двинулись дальше. Проводника, помогшего нам спастись от разбойничьей орды, мы щедро вознаградили.

Еще через пять дней мы добрались до реки Вычегды, впадающей в Двину; по Двине в неделю можно было добраться до Архангельска. Таким образом, наше путешествие сухим путем окончилось. Мы купили две большие лодки и баржу, на которую сложили весь свой багаж. Третьего июля мы наняли опытных гребцов и отправились вниз по Двине. Восемнадцатого июля мы благополучно прибыли в Архангельск, пробыв год, пять месяцев и три дня в пути, включая сюда наше восьмимесячное пребывание в Тобольске.

В Архангельске нам пришлось шесть недель ожидать прибытия корабля; мы прождали бы и еще дольше, если бы захотели ехать непременно на английском судне, которое пришло на месяц позднее; тот же корабль, на котором мы отправились, был гамбургский. Мы нашли, что Гамбург может служить нам местом для сбыта наших товаров несколько не хуже, пожалуй, даже лучше Лондона, а потому и отправились туда. Здесь я должен добавить, что нам было много хлопот скрыть молодого князя от московских купцов, которые находились в Архангельске и легко могли узнать его.

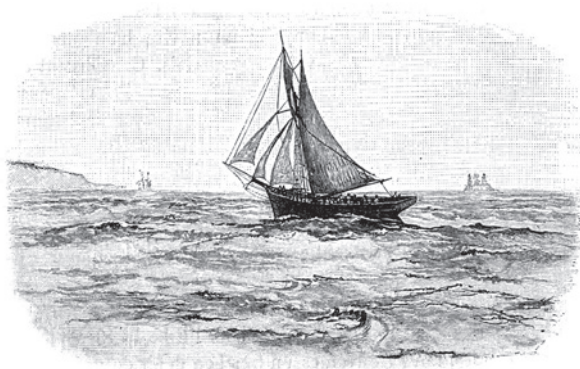
Двадцатого августа мы покинули этот город и тринадцатого сентября вошли в Эльбу. Переезд наш совершился вполне благополучно, без всяких приключений и особенных событий. В Гамбурге мы очень выгодно сбыли свои китайские товары и сибирские меха. Когда мы с компаньоном разделили выручку, то на мою долю пришлось 3745 фунтов стерлингов, 17 шиллингов и три пенса, не считая шестисот фунтов стерлингов, вырученных мною от продажи алмазов, приобретенных в Бенгалии.

В Гамбурге молодой князь простился с нами. Он отправлялся в Вену, где при дворе были друзья его отца, у которых молодой человек надеялся встретить хороший прием и надежное покровительство. Нечего и говорить, что наше прощание

с ним было самое трогательное. Впоследствии я узнал, что он отлично устроился при венском дворе, который принял в нем большое участие и сам предложил ему переменить имя, чтобы быть гарантированным от всяких преследований со стороны московского правительства.

В заключение мне остается только сказать, что я пробыл в Гамбурге четыре месяца, затем отправился в Гаагу, где сел на почтовое судно, шедшее прямо в Лондон, куда и прибыл 10 января 1705 года. Следовательно, я снова не видал своей родины десять лет и девять месяцев.

Прожив на свете семьдесят два года и проведя более полувека в непрерывной суете и таскании по всему миру, я только на склоне своих дней понял, какое громадное счастье жить в тишине и полном спокойствии; только теперь я окончательно излечился от своей страсти к путешествиям и решил мирно подготовляться к последнему путешествию, которое неизбежно для всех и из которого уже нет возврата.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля кроме него погиб; с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим.

ГЛАВА I.....	15
--------------	----

Мое происхождение. — Буря в ярмутском рейде. — Путешествие в Гвинею. — Плен. — Побег. — Знакомство с неграми. — Встреча с португальским кораблем. — Бразильская плантация. — Ураган. — Кораблекрушение. ....

ГЛАВА II.....	54
---------------	----

Мой плот. — Посещения корабля. — Мое жилище. — Утешительные размышления. — Дневник. — Хозяйственные дела. — Неожиданная жатва. — Землетрясение и ураган. — Жестокая лихорадка. — Мысли больного. — Новые открытия. — Годовщина кораблекрушения.

ГЛАВА III.....95

Путешествие поперек острова. — Вторая годовщина. — Новые работы. — Мародеры. — Последние операции. — Гончарное производство. — Устройство лодки. — Признательность. — Разбор тряпья. — Попытка мореплавания. — Счастливое избавление. — Мой придворный штат. — Ужас.

ГЛАВА IV.....130

Предосторожности. — Ужасное открытие. — План против дикарей. — Подавленный ужасом. — Пещера. — Новые страхи. — Фонарь. — Посещение корабля, потерпевшего крушение. — Новые проекты. — Засада. — Битва с дикарями.

ГЛАВА V.....162

Пятница. — Его воспитание. — Беседы с ним. — Начатки религии. — Новая лодка. — Еще дикари. — Нападение на них. — Отец Пятницы. — Итоги битвы. — Планы путешествия. — Благоразумие испанца. — Отправление послов.

ГЛАВА VI.....193

Корабль. — Высадка англичан. — Предложение им услуг. — Посещение ими моего укрепления. — Меры предосторожности. — Новая высадка. — Наказание мятежников. — Я — губернатор острова. — Взятие корабля. — Благодарность капитана. — Отъезд. — Прибытие на родину.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим.

ГЛАВА I.....219

Встреча со старым капитаном португальского корабля. — Подготовка к отъезду. — Нападение волков. — Проделка Пятницы с медведем. — Битва с волками. — Два племянника. — В поисках новых приключений. — Подготовка к отъезду. — Пылающий корабль. — Благодарность капитана. — Просьба потерпевших. — Голодающий экипаж. — Прибытие на остров.

ГЛАВА II.....270

Пребывание на острове. — Рассказ испанца о проделках англичан. — Новый мятеж. — Кровавая ссора. — Западня. — Притворная покорность. — Ложное предположение. — Битва дикарей. — Три пленника. — Судебное разбирательство. — Действия губернатора. — Интересный обмен. — Лотерея. — Роковое любопытство. — Горящие хижины. — Ужас дикарей. — Три новых пленника. — Новый набег индейцев. — Ожесточенная погоня. — Индейцы сдаются. — Восстановление хижин.

ГЛАВА III.....317

Несколько слов об испанцах. — Прошедшие бедствия. — Полное согласие. — Раздача орудий. — Молный груз. — Французский священник. — Новый миссионер. — Религиозное уещение. — Свадьбы. — Обращение Уилла Аткинса.

ГЛАВА IV.....343

Трогательная беседа. — Новое обращение. — Крещение жены Аткинса. — Еще свадьба. — Окончательный раздел. — Находка Библии. — Мучения голода. — Новое приключение. — Смерть Пятницы. — Возвращение в Бразилию. — Отъезд в Индию.

ГЛАВА V.....363

На Мадагаскаре. — Стычка с туземцами. — Резня. — Пожар в индийской деревне. — Мятеж. — Счастливая неудача. — Новый союзник. — Встреча с пушкарем. — Погоня и сражение. — Новые опасности. — Легкий успех. — Болтливый лоцман. — На пути в Китай. — В Средиземной империи. — Отъезд в Сибирь.

ГЛАВА VI.....393

Монгольская степь. — Встреча с татарами. — Украденный верблюд. — Вторая встреча. — Трудный переход. — Идол. — Посреди пустыни. — В Сибири. — Опальный вельможа. — Новая пустыня. — Избавление от опасности. — Прибытие в Архангельск. — Возвращение в Англию.

Образ побеждающего все житейские невзгоды Робинзона знаком нам с детства. Создатель этого персонажа Даниэль Дефо родился в 1663 году в Лондоне в семье простого мясника. Тяга к сочинительству проснулась в нем рано. Еще до появления прославившего его «Робинзона» он считался в Англии даровитым писателем; и после из-под его пера вышло немало сочинений. Почему же именно описание робинзонады прославило имя Дефо во всем мире?

Для Англии того времени это был новый вид литературы. Не случайно после «Робинзона» возник стойкий спрос на такую псевдодокументальную прозу. Во-вторых, Дефо описывал человека нового типа. Находясь в постоянном диалоге с богом, он, тем не менее, самосто-

ятельно решает все трудные проблемы и задачи, которые ставит перед ним жизнь. Именно такой глубоко верующий человек-труженик и человек-борец был идеалом английского протестантизма. В советских публикациях «Робинзона» редакторы эту религиозную составляющую романа неизменно выбрасывали, что превращало знаменитое произведение Дефо в литературу почти детскую. В данном издании текст дан полностью, без купюр. Он включает и вторую часть романа, отечественному читателю почти неизвестную.

Текст знаменитого романа Даниэля Дефо дан в переводе Любови Алексеевны Мурахиной-Аксеновой. Свое детство она провела в Германии, где фамилия ее отца — фон Цеппелин — была хорошо известна. Отказавшись от солидного наследства в пользу сестры, она переехала в Россию. Училась в Медико-хирургической академии, работала телефонисткой, занималась подпольной политической деятельностью. И все же главным в ее жизни были переводы. Она самостоятельно освоила восемь языков, читала на санскрите, прекрасно знала английский. Не удивительно, что ее перевод «Робинзона» очень точно соответствует тексту оригинала.

В оформлении книги использованы рисунки талантливого английского иллюстратора и графика Уолтера Стенли Пейджета. Будущий художник родился в 1863 году. Королевскую академию художеств он закончил с золотой медалью, а потом долгое время занимался иллюстрированием книг и журналов. Он был особо скрупулезен в изображении костюмов своих персонажей, что помогло ему в конце XIX века при работе над «Робинзоном» — все рисунки в этой книге подкупают своей детальной достоверностью. Помимо Дефо, Уолтер Пейджет иллюстрировал произведения Скотта и Стивенсона. Его старший брат Сидни Пейджет также был художником; он вошел в историю как автор иллюстраций к серии рассказов о Шерлоке Холмсе.

ISBN 978-5-9603-0471-9

9 785960 304719 >

